ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№10
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

*Журнал входит в **Перечень ВАК** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.10.2026 Цена свободная Тираж 99 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Валюты силы: конвертационная теория миропорядка и его трансформации. Безкади Фади 6
Арктические стратегии США, России и Китая сквозь призму теории комплексности. Бикерниеце Анна, Лю Мэнцян 10

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Исключение молодёжи из повестки избирательных кампаний: причины, последствия и пути преодоления. Винокурова И.А. .18
Процесс интеграции новых субъектов в политическое пространство Российской Федерации (на муниципальном уровне). Канатенко Е.О. 23
Этико-правовые риски внедрения технологий искусственного интеллекта в процессе цифровизации государственного управления. Панина Е.Н. 27

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Цивилизационная идентичность России в системе нормативно-стратегического обеспечения внешней политики. Горюнов И.П. 32
В единстве народа – величие России. Изудинова Р.С. 35
Спорт как инструмент социально-правовой реабилитации и реинтеграции ветеранов. Маркелов С.В., Феоктистова О.Ю. ..38
Анализ политики в отношении двух детей и изменение прогнозируемого уровня рождаемости на основе прогностической модели. Фэн Шидэ 42

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Президентское правление в Индии как мера конституционной ответственности. Орлов Е.И. 45
От ЭКОВАС к альянсу государств Сахеля: региональная фрагментация и снижение издержек выхода, 2020–2025 гг. Умар М.Б. 50

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Стратиграфия конфликта: основания общей теории многослойного вооружённого противостояния. Безкади Фади 56

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Социальный лифт или инструмент мобилизации: ступени отбора в молодежных структурах российских партий. Шевченко А.А. 60

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Налоговая обязанность как средство ограничения права на свободу совести и вероисповедания в Советском Союзе: аспект противоречия международным принципам защиты прав человека. Антипова Е.П., Вдовиченко С.С. 66
Свобода слова как конституционно-правовая категория: понятие и содержание в эпоху цифровизации. Васильев К.В. 72
Влияние злоупотребления правом на течение и восстановление срока исковой давности: проблемы теории и практики. Дахов Ю.В. 76
Эволюция правовых норм о защите прав человека и ее влияние на правоприменительную практику. Игнатов Д.С., Мамишева З.А., Рогожина С.Г., Чеботарева И.Ю. 79
Категория «Персональные данные» и ее содержание. Фатьянов А.А., Лахтина Т.А. 83
Историко-правовое исследование таможенно-тарифного регулирования в России (дореволюционный период). Машкин Н.А., Щербаков В.А. 86

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Скрытый франчайзинг и обход ст. 1034 ГК РФ: квалификация непоименованных сетевых договоров для целей субсидиарной ответственности. Барков К.Б. 89
Правовые гарантии субъектов малого предпринимательства как направление совершенствования российского законодательства. Галин И.М. 93
Фиксирующие и прогнозные индикаторы риска в федеральном государственном земельном контроле (надзоре). Дитрих Д.К., Афанасьев С.Н. 96
Взаимосвязь решений коммерческих арбитражей с валютными и налоговыми обязательствами резидентов. Киселев А.В. ...103
Правовой режим цифровых финансовых активов и криптовалюты в составе общего имущества супругов: проблемы выявления, оценки и раздела. Кривицкая Ю.С. 107
Исключение участника из корпорации: основания, порядок и правовые последствия. Лихотников Г.М. 110
Феномен права собственности личного фонда. Маргулис Ю.В. 113
Основания для невключения в реестр недобросовестных поставщиков при нарушении сроков исполнения контракта: актуальное правоприменение. Москвитин О.А. 116
О некоторых проблемах института возмещения стоимости земельных участков, изымаемых для государственных и муниципальных нужд. Подлевских О.В. 121
Гражданско-правовое регулирование виртуального видеоигрового имущества в России. Ревина В.В., Баглаев И.В. 124
Труд несовершеннолетних в РФ и странах ЕАЭС: сравнительно-правовой анализ гарантий и ограничений. Комаров В.В., Сурилов М.Н. 129
Цифровизация и юридическая услуга: ценообразование и доступность в зеркале права. Топузов Д.И. 133
Правовые подходы к определению понятия «машинное обучение». Фокина С.А. 136
Правовая природа контракта со встречными инвестиционными обязательствами (офсетного контракта). Чимитцыренов В.А. 139
Государственное регулирование цен (тарифов) естественных монополий на примере газовой отрасли. Машкин Н.А., Щербаков В.А. 142

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Особенности развития сферы применения беспилотных летательных аппаратов в условиях применения технологии направленной связи. Плотников Г.Г., Елин В.М., Каримов А.К. 145
Юридический интерес к новому порядку допуска к занятиям физической культурой и спортом в вузе: что изменилось с 1 сентября 2026 года. Мамонова О.В. 149
Правовая проблематика доступности данных, содержащихся в государственном реестре лекарственных препаратов. Рейдель Л.Б., Гуменюк Е.В., Литвак С.Г. 153

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Правовая природа и классификация полномочий адвоката-защитника на стадии предварительного расследования. Арутюнян Д.А. 156
Судебное правоприменение как пространство поиска меры между формой и содержанием. Васяев А.А. 160

Исполнение постановлений иных органов в системе гражданского процессуального права Российской Федерации: процессуальные особенности и проблемы правового регулирования. Едемский В.В. 164
Проблемы применения процедуры оспаривания локальных нормативных правовых актов и индивидуальных актов. Жеребкина Е.В. 169
Использование специальных финансово-экономических знаний при рассмотрении антимонопольными органами и арбитражными судами дел о недобросовестной конкуренции. Москвитин О.А. 172
Правовая природа мирового соглашения в гражданском процессе Российской Федерации. Насыров Р.Т. 177
Адвокатская тайна в гражданском процессе: императивность иммунитета, пределы допроса адвоката в качестве свидетеля и защита информации в цифровых каналах связи. Насыров Р.Т. 180
Контроль под видом профилактики: правовая природа обязательного профилактического визита и проблема размывания процессуальных гарантий. Пирогов П.П., Емельянова Л.А. 184
Особенности психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления. Соболев Н.Г. 188
Цивилистическое судебное признание: вопросы без ответов. Тряпочкин Н.А. 191
Сравнительно-правовой и исторический анализ различных моделей адвокатуры в контексте обеспечения независимости адвокатуры, адвоката и адвокатской деятельности. Шевцова М.З. 195

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Сложные единичные преступления в практике стран англосаксонской правовой семьи. Ашарин А.А. 198
Международно-правовые стандарты интеграции ЦВЦБ (CBDC) в трансграничные расчеты: проблемы совместимости и комплаенса. Барков С.Б. 201
Публично-правовой механизм защиты информации в Словацкой Республике. Коробов И.А. 205
Защита банковской тайны и иной охраняемой законом финансовой информации в ЕАЭС: проблемы и перспективы гармонизации в условиях цифровизации. Лабоськин М.А. 208
Трансформация доктринальных идей в международном праве: эволюция механизмов и перспективы инклюзивной кодификации. Шипилова Е.П. 211

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы учения о вменяемости и невменяемости в уголовном праве Российской Федерации. Борисевич М.М., Пяткевич И.Н. 217
Проблемы учения о неоконченном преступлении в уголовном праве Российской Федерации. Борисевич М.М., Пяткевич И.Н. 220
Проблема разграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и убийства (ст. 105 УК РФ): критерии установления направленности умысла. Быков Д.А., Касторская Е.В. 224
Структура свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Гапонов К.В. 227
Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации: терминологическая неопределённость и предложения по правовой регламентации ст. 274.1 УК РФ. Колмыков И.А. 231
Доказывание вины и размера вреда в спорах о нотариальной ответственности. Майнбург Р.С., Студинская М.В. 235
Проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Ембулаева Н.Ю., Окороков В.И. 238
Понятие мотивации преступного поведения и ее цели. Пархутов Н.Д., Эйхерт Д.А., Зовская Т.Н., Илюшечкина И.Н., Ключанский Н.В. 244
Совершенствование методики сохранения вещной обстановки на месте пожара в условиях цифровизации процесса расследования. Плешаков В.В., Поминов М.В., Тужикова А.А. 247
Унификация уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием компьютерных технологий. Федотова А.В. 250

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Правовые основания и пределы применения технологий искусственного интеллекта в системе электронного мониторинга подконтрольных лиц ФСИН России. Нестеренко С.В. 254

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Судебная экспертиза секретов производства: методология исследования сведений. Золотов Г.Б. 259
Растение содержащее наркотическое средство – ипомея трехцветная (растение вида Ipomoea Tricolor): материалы для криминалистической идентификации. Мунгалов Е.А., Вознюк Е.П., Карелина Ю.В. 263
Криминалистическая характеристика неосторожных преступлений как элемент частной криминалистической методики. Юрина Ю.И., Васильева О.А., Бояркина М.И. 266

CONTENTS

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

Currencies of Power: A Conversion Theory of World Order and Its Transformation. Bezkadi Fadi 6
US, Russian and Chinese Arctic Strategies through the Prism of Complexity Theory. Bikerniece A., Liu Mengqiang 10

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

Exclusion of youth from the agenda of election campaigns: causes, consequences and ways to overcome. Vinokurova I.A. 18
The process of integrating new subjects into the political space of the Russian Federation (at the municipal level). Kanatenko E.O. .23
Ethical and legal risks of introducing artificial intelligence technologies in the process of digitalization of public administration. Panina E.N. 27

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

Russia's civilizational identity in the system of normative and strategic support for foreign policy. Goryunov I.P. 32
In the unity of the people – the greatness of Russia. Izudinova R.S. 35
Sport as a tool for social and legal rehabilitation and reintegration of veterans. Markelov S.V., Feoktistova O.Yu. 38
Analysis of the Two-Child Policy and Changes in Projected Birth Rates Based on a Predictive Model. Feng Shide 42

POLITICAL REGIONAL STUDIES. ETHNOPOLITICS

Presidential rule in India as a measure of constitutional responsibility. Orlov E.I. 45
From ECOWAS to the alliance of Sahel states: regional fragmentation and the falling cost of exit, 2020–2025. Umar Mohammed Bello 50

CONFLICT STUDIES

Conflict Stratigraphy: Foundations of a General Theory of Multi-Layered Armed Confrontation. Bezkadi Fadi 56

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

Social lift or mobilisation tool: stages of selection in the youth structures of russian parties. Shevchenko A.A. 60

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES

Taxation obligations as a means of restricting the right to freedom of conscience and religion in the Soviet Union: the aspect of conflict with international human rights principles. Antipova E.P., Vdovichenko S.S. 66
Freedom of speech as a constitutional law category: concept and content in the era of digitalization. Vasilyev K.V. 72
The impact of abuse of rights on the running and restoration of the limitation period: problems of theory and practice. Dakhov Yu.V. .76
Evolution of legislation regulating human rights protection and its impact on law enforcement practice. Ignatov D.S., Mamisheva Z.A., Rogozhina S.G., Chebotareva I.Yu. 79
Category «personal data» and its contents. Fatyanov A.A., Lakhtina T.A. 83
Historical and legal Research of customs and tariff regulation in Russia (pre–revolutionary period). Mashkin N.A., Shcherbakov V.A. 86

ISSUES OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Hidden franchising and circumvention of article 1034 of the Civil code of the Russian Federation: classification of unnamed network contracts for the purposes of subsidiary liability. Barkov K.B. 89
Legal guarantees for small business entities as an area for improving russian legislation. Galin I.M. 93
Recording and predictive risk indicators in federal state land control (supervision). Ditrikh D.K., Afanasyev S.N. 96
The Relationship Between Commercial Arbitral Awards and Residents' Foreign Exchange and Tax Obligations. Kiselev A.V. 103
The Legal Regime of Digital Financial Assets and Cryptocurrency within the Joint Property of Spouses: Issues of Identification, Valuation, and Division. Krivitskaya Ju.S. 107
Expulsion of a member from a corporation: grounds, procedure, and legal consequences. Likhotnikov G.M. 110
The Phenomenon of Ownership Rights of a Personal Foundation. Margulis Yu.V. 113
Grounds for non-inclusion in the register of unscrupulous suppliers in case of violation of contract performance deadlines: current law enforcement. Moskvitin O. A. 116
On certain issues regarding the recovery of compensation for the expropriation of land for state or municipal needs. Podlevskikh O.V. 121
Civil law regulation of virtual video game property in Russia. Revina V.V., Baglaev I.V. 124
Labor of minors in the Russian Federation and the EAEU countries: a comparative legal analysis of guarantees and restrictions. Komarov V.V., Surilov M.N. 129
Digitalization and legal services: pricing and accessibility through the lens of law. Topuzov D.I. 133
Legal approaches to the definition of "machine learning". Fokina S.A. 136
The legal nature of contract with countervailing investment obligations (offset contract). Chimitsyrenov V.A. 139
State regulation of prices (tariffs) of natural monopolies: the case of the gas industry. Mashkin N.A., Shcherbakov V.A. 142

CURRENT ISSUES IN MODERN LAW-MAKING

Features of the development of the field of application of unmanned aerial vehicles under conditions involving the use of directedlink communication technology. Plotnikov G.G., Elin V.M., Karimov A.K. 145
Legal interest in the new procedure for admission to physical education and sports activities at the university: what has changed since September 1, 2026. Mamonova O.V. 149
Legal issues related to the availability of data contained in the state register of medicinal products. Reidel L.B., Gumenyuk E.V., Litvak S.G. 153

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Legal nature and classification of the powers of a defense attorney at the preliminary investigation stage. Arutyunyan D.A. 156
Judicial Law Application as a Space for Seeking the Balance Between Form and Substance. Vasyaev A.A. 160
Enforcement of Decisions by Other Bodies within the Civil Procedural Law System of the Russian Federation: Procedural Features and Issues of Legal Regulation. Edemskiy V.V. 164
Problems of applying the procedure for challenging local regulatory legal acts and individual acts. Zherebkina E.V. 169
Use of special financial and economic knowledge in consideration by antimonopoly authorities and arbitration courts of cases on unfair competition. Moskvitin O.A. 172
The legal nature of a settlement agreement in the civil procedure of the Russian Federation. Nasyrov R.T. 177

Attorney-client privilege in civil procedure: the mandatory nature of immunity, limits of examining a lawyer as a witness and protection of information in digital communication channels. Nasyrov R.T. 180
Control under the guise of prevention: the legal nature of the mandatory preventive visit and the problem of erosion of procedural guarantees. Pirogov P.P., Emelyanova L.A. 184
Features of psychotraumatic states caused by intrafamilial relationships in minors convicted of mercenary crimes. Sobolev N.G. 188
Judicial admission: unanswered questions. Tryapochkin N.A. ... 191
Comparative legal and historical analysis of different models of the legal profession in the context of safeguarding the independence of the bar, lawyers and legal practice. Shevtsova M.Z. 195

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Complex single offenses in the legal practice of common law countries. Asharin A.A. 198
International legal standards for integrating CBDCS into cross-border settlements: interoperability and compliance challenge. Barkov S.B. 201
Public-law mechanism for information protection in the Slovak Republic. Korobov I.A. 205
Protection of banking secrets and other legally protected financial information in the EAEU: problems and prospects for harmonization in the context of digitalization. Laboskin M.A. 208
Transformation of doctrinal ideas in international law: evolution of mechanisms and prospects of inclusive codification. Shipilova E.P. 211

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. PENAL ENFORCEMENT LAW

Problems of the doctrine of sanity and insanity in the criminal law of the Russian Federation. Borisevich M.M., Pyatkevich I.N. 217
Problems of the doctrine of inchoate crime in the criminal law of the Russian Federation. Borisevich M.M., Pyatkevich I.N. 220
The problem of distinguishing intentional infliction of grievous bodily harm resulting in death by negligence (part 4 of article 111 of the Russian criminal code) from murder (article 105 of the Russian criminal code): criteria for establishing the direction of intent. Bykov D.A., Kastorskaya E.V. 224
Structure of the free evaluation of evidence in criminal proceedings of the Russian Federation. Gaponov K.V. 227
Unlawful Interference with the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation: Terminological Ambiguity and Proposals for the Legal Regulation of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Kolmikov I.A. 231
Proving Fault and the Extent of Harm in Disputes over Notarial Liability. Mainburg R.S., Studinskaya M.V. 235
Problems in applying criminal legislation on liability for fraud using electronic payment methods. Embulaeva N.Yu., Okorokov V.I. ..238
The concept of motivation for criminal behavior and its goals. Parkhutov N.D., Eichert D.A., Zovskaya T.N., Ilyushechkina I.N., Klyuchansky N.V. 244
Improving the methodology for preserving the physical environment at the fire site in the context of digitalization of the investigation process. Pleshakov V.V., Pominov M.V., Tuzhikova A.A. 247
Unification of Criminal Liability for Theft Committed Through the Use of Computer Technologies. Fedotova A.V. 250

CRIMINAL PROCEDURE

Legal grounds and limits of the use of artificial intelligence technologies in the electronic monitoring system of controlled persons of the Federal penitentiary service of Russia. Nesterenko S.V. 254

FORENSIC SCIENCE. FORENSIC EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITY

Forensic examination of trade secrets: methodology for analyzing information. Zolotov G.B. 259
Plant, containing narcotic drugs – mexican morning glory (plant of the species Ipomoea Tricolor): materials for forensic identification. Yurina Yu.I., Vasilyeva O.A., Boyarkina M.I. 263
Forensic characteristics of negligent crimes as an element of a private forensic investigation methodology. Yurina Yu.I., Vasilyeva O.A., Boyarkina M.I. 266

Валюты силы: конвертационная теория миропорядка и его трансформации

Безкади Фади
к-т полит. наук, кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступает главная нерешённая проблема современной теории международных отношений, то есть природа трансформации миропорядка. Дисциплина фиксирует упадок гегемона без военного поражения, возвышение претендентов без выравнивания потенциалов и утрату объяснительной силы самим понятием полярности, но не располагает теорией, выводящей эти аномалии из единого механизма. Цель работы состоит в построении такой теории. Методология включает аксиоматическую реконструкцию понятия силы, формулировку законов конвертации её форм, выведение теорем и проверку теории на двух эмпирических корпусах, то есть на системной динамике постуниполярного периода и на сирийской арене российско-американского соперничества. Результаты работы состоят в следующем. Сила в международной политике существует не как единая субстанция, а как множество взаимно неконвертируемых напрямую валют, то есть военной, экономической, институциональной и символической. Миропорядок предложено понимать не как распределение возможностей, а как режим конвертации, то есть устойчивую систему курсов, по которым валюты силы обмениваются друг на друга и на политические результаты. Гегемония в этой оптике есть не превосходство в активах, а позиция эмитента, то есть способность устанавливать курсы для всей системы. Сформулированы четыре закона, а именно законы множественности валют, эмитента, курсового арбитража и курсового кризиса. Научная новизна состоит в том, что предложена теория, в которой трансформация миропорядка концептуализирована как валютный кризис системы. Активы держав сохраняются, но курсы их конвертации обрушиваются, что объясняет упадок без поражения, возвышение без паритета и хаотизацию без войны. Однополярный момент реинтерпретирован как режим фиксированных курсов силы, а полицентричность реинтерпретирована как переход к плавающим курсам с присущей ему волатильностью. Теория операционализирована матрицей конвертации и пятью опровержимыми предсказаниями. Область применения результатов охватывает теорию международных отношений, анализ трансформации миропорядка и стратегическое планирование великих держав. Основной вывод состоит в том, что в эпоху плавающих курсов силы выигрывает не держава с наибольшими активами, а держава с наилучшей позицией в системе конвертации. Борьба за миропорядок есть борьба за право устанавливать курсы, а не за сами активы.

Ключевые слова: миропорядок, трансформация миропорядка, валюты силы, конвертация силы, гегемония, полярность, курсовой кризис, полицентричность, символическая власть, российско-американское соперничество.

Введение: три аномалии одного процесса

Теория международных отношений оказалась в положении, которое сама же и задокументировала. Три эмпирических констатации последних десятилетий признаны почти консенсусно, и ни одна не имеет теоретического объяснения. Первая аномалия состоит в том, что гегемон слабеет без поражения. Упадок решающей роли США в мировых делах фиксировался задолго до любых военных неудач сопоставимого масштаба [1; 2]. Вторая состоит в том, что претенденты возвышаются без паритета. Государства, многократно уступающие лидеру по совокупным активам, приобретают влияние и статус, которых их потенциалы не должны были бы обеспечить [3; 32]. Третья состоит в том, что сама полярность перестала работать как понятие. Р. Хаас описывает бесполярность [5]. Р. Швеллер описывает энтропию, в которой полярные категории теряют смысл [6]. И. Бреммер описывает мир без лидера [7]. Дисциплина отвечает на аномалии умножением ярлыков переходности. Настоящая статья отвечает теорией. Её исходный ход прост. Все три аномалии суть симптомы одного процесса, невидимого для теорий, которые мыслят силу как единую субстанцию. Если же сила существует как множество валют с курсами обмена, аномалии складываются в знакомую картину. Это картина валютного кризиса. Гегемон слабеет без поражения, потому что обрушились курсы его валют, а не их запасы. Претенденты возвышаются без паритета, потому что играют на курсовых разницах. Полярность не работает, потому что считает активы в эпоху, когда решают курсы. Статья строит эту теорию с оснований. Это аксиомы, законы, теоремы, измерение, проверка и условия опровержения. Теория предлагается как общая теория миропорядка и его трансформации.

1. Чего не видят теории порядка

Существующие теории порядка делятся по ответу на вопрос, что распределяется в системе. Структурный реализм распределяет возможности. Порядок есть функция их конфигурации [8; 9]. Теория гегемонистской стабильности и циклов распределяет лидерство. Порядок создаётся преобладающей державой и умирает с ней [10; 11]. Транзитологическая линия связывает смену порядка с выравниванием потенциалов и наталкивается на документированные несоответствия этой связи [33]. Институционалистская линия распределяет правила. Порядок есть архитектура режимов, способная пережить своего создателя [12; 13]. Все три семейства разделяют молчаливую предпосылку. Сила, лежащая в основании порядка, однородна и потому суммируема, то есть её можно взвесить и сравнить. Между тем именно эта предпосылка опровергнута эмпирически. Военное превосходство систематически не конвертируется в политические результаты. Экономическая мощь не покупает статуса. Институциональное первенство не удерживает легитимности [2; 14]. Дисциплина давно знает составную природу силы, от классических различений до концепции мягкой силы [15; 16; 39]. Тезис о нефунгибельности силы сформулирован прямо и обоснован детально [35]. Наиболее близко к предлагаемой теории подошла концепция структурной власти, различающая четыре структуры мировой политики с несводимыми друг к другу основаниями господства [36]. Многомерная типология власти в международных отношениях также фиксирует несводимость форм [38]. Однако составность признаётся на уровне описания и не переносится на уровень теории порядка. Порядок по-прежнему мыслится как ранжирование по совокупной мощи, а обменный механизм между формами силы остаётся нетеоретизированным. Недостающий шаг очевиден, и его подготовила социология. П. Бурдьё показал, что капиталы, то есть экономический, культурный и символический, не сводимы друг к другу, что между ними существуют курсы конвертации и что борьба за господство есть прежде всего борьба за эти курсы [17; 37]. М. Вебер различил порядки власти, престижа и богатства как самостоятельные иерархии [18]. Перенос этого аппарата на межгосударственный уровень, с дисциплинирующими правилами и проверяемыми следствиями, и составляет предлагаемую теорию.

2. Центральные понятия: валюты, курсы, режим конвертации

Валюта силы есть класс ресурсов влияния с собственной логикой накопления и собственной сферой прямого действия. Базовая

номенклатура четырёхвалютна. Военную валюту образует способность разрушать и защищать. Она накапливается арсеналами и опытом. Прямо она действует на поле боя [9]. Экономическую валюту образует способность производить и лишать благ. Она накапливается ростом и связями. Прямо она действует в обмене [19; 20]. Институциональную валюту образует способность создавать правила и процедуры. Она накапливается членствами, форматами и правом вето. Прямо она действует в организациях [12; 21]. Символическую валюту образуют признание, статус и легитимность. Она накапливается перформансом перед аудиториями. Прямо она действует в поле оценок [4; 22]. Курс конвертации есть эмпирическое отношение, по которому единица одной валюты обменивается на другую или на политический результат за пределами своей сферы. Курс отвечает на вопрос, сколько военного присутствия покупает единицу статуса и сколько экономического давления покупает единицу уступки. Курсы наблюдаемы именно потому, что конвертация происходит ежедневно и её результаты фиксируемы [3; 23]. Миропорядок есть режим конвертации, то есть устойчивая система курсов, признаваемая основными держателями валют. Порядок, следовательно, отвечает не на вопрос, у кого сколько силы, а на вопрос, почём здесь сила, то есть по какому курсу каждая её форма обменивается на результаты.

3. Аксиоматика

Первая аксиома гласит, что сила множественна. Не существует единой субстанции мощи. Существуют валюты с несовпадающими логиками накопления [15; 17; 35]. Вторая аксиома гласит, что валюты не действуют за пределами своей сферы без конвертации. Авианосец не голосует в Совете Безопасности. Профицит бюджета не сбивает ракет. Статус не кормит. Всякое влияние вне родной сферы валюты опосредовано обменом [14; 16]. Третья аксиома гласит, что конвертация всегда осуществляется по курсу, и курс всегда с потерями. Обмен валют силы не бывает ни свободным, ни паритетным. Он требует посредников, аудиторий и времени, и на каждом шаге часть стоимости теряется [17; 22]. Четвёртая аксиома гласит, что курсы суть социальные факты. Они держатся на признании держателей валют, а не на природе ресурсов, и потому могут меняться без какого-либо изменения самих активов [18; 24]. Из аксиом следует определение предмета. Теория миропорядка есть теория режимов конвертации, то есть их установления, поддержания, эксплуатации и краха.

4. Четыре закона конвертации

Первый закон есть закон множественности. Совокупная мощь державы не существует как операциональная величина. Существует её валютный портфель и позиции этого портфеля при действующих курсах. Отсюда следует, что всякий рейтинг держав по суммарной силе содержит скрытое допущение о курсах, и именно это допущение, а не подсчёт активов, определяет итог ранжирования [6; 8; 35]. Второй закон есть закон эмитента. В каждом режиме конвертации существует позиция эмитента, то есть держателя, чья валюта служит мерой остальных и кто вследствие этого устанавливает курсы для системы. Гегемония есть позиция эмитента, а не размер портфеля. Послевоенный порядок был порядком, в котором американские институциональная и символическая валюты выполняли функцию резервных, и все прочие силы измерялись через них [10; 12]. Отсюда следует вывод, переворачивающий привычную аналитику упадка. Эмитент теряет порядок не тогда, когда его активы сокращаются, а тогда, когда его валюту перестают принимать в качестве меры [1; 13]. Третий закон есть закон курсового арбитража. Там, где курсы одной и той же пары валют различаются между аренами или аудиториями, возникает арбитраж. Актор покупает результат там, где он дёшев, и продаёт там, где он дорог. Восходящие державы суть системные арбитражёры. Не имея возможности конкурировать портфелем, они конкурируют операциями, то есть находят арены, где малая военная валюта конвертируется в большую символическую, и аудитории, где признание продаётся дешевле, чем на площадках эмитента [3; 4]. Отсюда следует, что интенсивность великодержавного соперничества концентрируется не там, где сосредоточены активы, а там, где максимальны курсовые разницы, то есть на периферийных аренах с плотными аудиториями [23; 25]. Четвёртый закон есть закон курсового кризиса. Режим конвертации умирает не от истощения активов, а от краха доверия к курсам. Когда держатели валют перестают признавать установленные курсы, то есть когда военное превосходство перестаёт покупать уступчивость, а институциональное первенство перестаёт покупать легитимность, система переходит от фиксированных курсов к плавающим. Трансформация миропорядка и есть этот переход. Отсюда следует единое объяснение трёх аномалий введения. Упадок без поражения есть девальвация валют эмитента при сохранности его активов [1; 2]. Возвышение без паритета есть прибыль арбитражёров на волатильных курсах [3]. Отказ полярности есть неизбежная слепота актив-центричной метрики в эпоху, когда вся динамика сосредоточена в курсах [5; 6]. Однополярный момент был Бреттон-Вудсом силы. Наступившая полицентричность есть эпоха плавающих курсов, с присущими ей волатильностью, региональными валютными зонами и конкуренцией за право эмиссии [7; 26].

5. Теоремы

Первая теорема касается непокупаемой победы. Военная валюта, применённая на арене без конвертационной инфраструктуры, то есть без аудиторий, признающих результат, и институтов, фиксирующих его, производит разрушение, но не результат. Выигранная кампания остаётся неконвертированной наличностью [14; 27]. Вторая теорема касается дешёвого статуса периферии. Отношение цены статуса к военным затратам минимально на аренах, где присутствие великих держав редко, а аудитории плотны. Поэтому рациональный арбитражёр приобретает статус на периферии, а не в центре системы [23; 25]. Третья теорема касается транзакционного стиля как симптома. Массовый переход дипломатии к логике сделки, то есть к прямому размену валют в каждом эпизоде, есть поведенческий маркер плавающих курсов. При фиксированных курсах размен не нужен, ибо ставки известны заранее [24; 28]. Четвёртая теорема касается сопряжённых рынков. Устойчивые контуры, в которых две валюты конвертируются друг в друга циклически, как нефтяные доходы в вооружения и вооружения в контроль над нефтью [34], образуют инфраструктуру курса. Поэтому они являются стратегическими объектами первого ранга. Кто управляет контуром, тот устанавливает локальный курс [19; 29]. Пятая теорема касается предела эмиссии. Эмитент, расходующий резервную валюту на принуждение собственных держателей, то есть конвертирующий институциональное первенство в одностороннее давление, ускоряет отказ от своей валюты. Каждое принудительное применение резервной валюты снижает готовность системы её держать [13; 20].

6. Проверка: системный корпус и сирийская арена

Теория проверяется на двух уровнях. На системном уровне постуниполярная динамика демонстрирует предсказанную четвёртым законом последовательность. Активы эмитента сохранялись, тогда как принятие его курсов последовательно сокращалось. Претенденты создавали параллельные институциональные площадки, то есть собственные банки, форматы и клубы, что представляет собой альтернативную эмиссию [21; 26]. Семантика мировой политики массово переходила к транзакционному словарю сделки [24; 28]. Ни один из этих процессов не сопровождался соразмерным перераспределением активов, что несовместимо с актив-центричными теориями и прямо следует из курсовой. На аренном уровне сирийский случай даёт чистый эксперимент арбитража. Держава с малым портфелем применила ограниченную военную валюту на периферийной арене с максимальной плотностью аудиторий и конвертировала её в статус глобального игрока, постоянное присутствие и позицию соархитектора урегулирования [23; 27; 30; 31]. Держава с крупнейшим портфелем на той же арене продемонстрировала первую теорему. Её военная валюта, не подкреплённая конвертационной инфраструктурой признания, осталась неконвертированной [14; 31]. Курсовая асимметрия, а не ресурсная, объясняет исход. Она объясняет его и количественно правдоподобно, поскольку соотношение затрат и статусных приобретений сторон отклоняется от любых актив-центричных предсказаний на порядок [3; 27].

7. Операционализация: матрица конвертации

Теория доводится до измеримой формы. Для каждой державы кодируется валютный портфель по четырём валютам стандартными индикаторами. Это военные расходы и развёрнутые возможности, ВВП и торговые связи, членства, форматы и блокирующие позиции, а также индикаторы признания, то есть статусные номинации, приглашения и посреднические мандаты [4; 22]. Ядро измерения обра-

зует матрица конвертации. Для пар «валюта и результат» на скользящем окне оценивается эмпирический курс как отношение вложенной валюты к полученному результату на сопоставимых эпизодах. Такая процедура следует принятой в дисциплине логике измерения конвертируемости ресурсов в исходы [39]. Режим конвертации операционализируется дисперсией курсов. Фиксированный режим даёт низкую межаренную и межвременную дисперсию, а плавающий даёт высокую. Из теории следуют пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что дисперсия курсов конвертации должна расти на протяжении постуниполярного периода. Её стабильность опровергает диагноз курсового кризиса. Второе состоит в том, что статусные приобретения держав должны предсказываться их арбитражными позициями, то есть разницей курсов между аренами присутствия, лучше, чем размерами портфелей. Превосходство портфельного предиктора опровергает закон арбитража. Третье состоит в том, что эпизоды принудительного применения институциональной валюты эмитентом должны сопровождаться на следующем окне измеримым ростом альтернативной эмиссии, то есть созданием обходных площадок. Отсутствие связи опровергает пятую теорему. Четвёртое состоит в том, что интенсивность великодержавного соперничества по аренам должна коррелировать с межаренными курсовыми разницами, а не с концентрацией активов. Обратное соотношение опровергает следствие третьего закона. Пятое состоит в том, что доля транзакционной семантики в дипломатическом дискурсе должна расти с дисперсией курсов. Её независимость опровергает третью теорему. Проверка возможна на корпусе арен великодержавного присутствия и корпусе стратегических документов [8; 25].

8. Место теории и ответы на возражения

Предвидим четыре возражения. Первое возражение гласит, что нефунгибельность силы известна. Она известна как оговорка, но не как теория. Дисциплина признаёт множественность силы [35; 38] и продолжает строить теории порядка на её суммируемости. Предлагаемая теория делает нефунгибельность аксиомой и извлекает из неё законы. В этом состоит различие между оговоркой и основанием. Второе возражение гласит, что это метафора рынка, уже третья в литературе. Это не так. Рыночные модели статуса и урегулирования описывают обмен внутри одной валюты. Конвертационная теория описывает обмен между валютами и потому логически первична. Внутривалютные рынки суть её частные случаи, работающие при данных курсах. Меняется масштаб. Речь идёт не о рынке внутри порядка, а о порядке как системе курсов между рынками. Третье возражение гласит, что предлагаемая теория есть структурная власть С. Стрэндж под другим именем. Различие проходит по двум пунктам. С. Стрэндж различает четыре структуры мировой политики, то есть безопасность, производство, финансы и знание, и показывает, что власть в них несводима одна к другой [36]. Это соответствует первому закону предлагаемой теории. Однако структурная власть описывает, кто задаёт условия внутри каждой структуры, тогда как конвертационная теория описывает обменный механизм между структурами и вводит для него законы движения. Второе различие касается динамики. У С. Стрэндж структуры устойчивы, и трансформация порядка выводится из смены их держателей. В предлагаемой теории структуры сохраняются, а меняются курсы обмена между ними, что и объясняет упадок без потери активов. Четвёртое возражение гласит, что курсы ненаблюдаемы. Ответ дан матрицей выше. Курс есть отношение наблюдаемых затрат к наблюдаемым результатам на сопоставимых эпизодах, и его оценка методологически не сложнее оценки военного баланса. Она лишь непривычна. Отношение к традициям определяется формулой. Реализм есть теория военной валюты. Политэкономические подходы суть теория экономической валюты. Институционализм есть теория институциональной валюты. Конструктивизм есть теория символической валюты. Каждая истинна в своей сфере и нема в вопросе о курсах между сферами. Конвертационная теория не заменяет их. Она их соединяет, занимая единственную пустующую позицию, то есть позицию теории самого обменного механизма.

Заключение

Статья предложила теорию, в которой миропорядок концептуализирован не как распределение, а как режим конвертации, то есть система курсов, по которым валюты силы обмениваются на результаты. Четыре закона, то есть законы множественности, эмитента, арбитража и курсового кризиса, объяснили единым механизмом три главные аномалии эпохи. Это упадок гегемона без поражения, возвышение претендентов без паритета и отказ полярной метрики. Пять теорем связали системную теорию с наблюдаемой практикой, от бесплодных военных побед до транзакционного стиля дипломатии. Двухуровневая проверка показала соответствие и системной динамике, и аренному случаю. Практическое следствие обращено к стратегам всех столиц. В эпоху плавающих курсов силы наращивание активов без управления курсами есть накопление валюты, которую завтра могут перестать принимать. Рациональная стратегия инвестирует в три вещи сразу, то есть в портфель, в конвертационную инфраструктуру и в позицию в системе эмиссии. Исследовательская программа очевидна. Она включает построение матриц конвертации для ключевых держав, проверку пяти предсказаний и историческую калибровку теории на прежних сменах режимов конвертации. Если программа выдержит проверку, теория миропорядка получит то, что экономика получила с отделением цены от стоимости. Это способность объяснять кризисы, в которых ничего не исчезло, кроме согласия о том, что чего стоит.

Литература

1. Wallerstein, I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003. P. 27.
2. Zakaria, F. The Post-American World: Release 2.0. New York: W. W. Norton & Company, 2011. P. 88, 218.
3. Larson, D. W., Shevchenko, A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, iss. 4. P. 63–95.
4. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W. C. Introduction // Status in World Politics / ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 7–17.
5. Haass, R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, № 3. P. 44–56.
6. Schweller, R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, iss. 1. P. 145–163.
7. Bremmer, I. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York: Portfolio; Penguin, 2012. P. 34, 89.
8. Waltz, K. N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 102–128.
9. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York; London: W. W. Norton & Company, 2001. P. 1–35.
10. Gilpin, R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 185–199.
11. Grunberg, I. Exploring the 'Myth' of Hegemonic Stability // International Organization. 1990. Vol. 44, № 4. P. 431–477.
12. Ikenberry, G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New ed. Princeton: Princeton University Press, 2019.
13. Ikenberry, G. J. The End of Liberal International Order? // International Affairs. 2018. Vol. 94, № 1. P. 7–23.
14. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–14.
15. Nye, J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96, № 1. P. 10–16.
16. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. London: Yale University Press, 2007. P. 5.
17. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power / ed. by J. B. Thompson. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 75, 249.
18. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by G. Roth. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 926–939.
19. Blackwill, R., Harris, J. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge; London: Harvard University Press, 2016. P. 53, 149.
20. Farrell, H., Newman, A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44, № 1. P. 42–79.
21. Kennedy, S., Cheng, S. (eds.) From Rule Takers to Rule Makers: The Growing Role of Chinese in Global Governance. Bloomington: Indiana University, 2012.
22. Ringmar, E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West // Cooperation and Conflict. 2002. Vol. 37, № 2. P. 115–136.
23. Plakoudas, S. Putin, Assad, and Geopolitics // Middle East Review of International Affairs. 2015. Vol. 19, № 3. p. 34–40

24. Beeson, M. Donald Trump and Post-Pivot Asia: The Implications of a "Transactional" Approach to Foreign Policy // Asian Studies Review. 2020. Vol. 44, iss. 1. P. 10–27.

25. Phillips, C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London: Yale University Press, 2016.

26. Schweller, R., Pu, X. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline // International Security. 2011. Vol. 36, № 1. P. 41–72.

27. Souleimanov, E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria // Middle East Policy. 2016. Vol. XXIII, № 2. P. 1-10.

28. Siniver, A., Featherstone, C. Low-Conceptual Complexity and Trump's Foreign Policy // Global Affairs. 2020. Vol. 6, № 2. P. 1–15.

29. Noreng, O. Crude Power: Politics and the Oil Market. London: I.B. Tauris, 2006. P. 42.

30. Bodner, M. Why Russia Is Expanding Its Naval Base in Syria // The Moscow Times. 2015. September 21.

31. Trenin, D. What Is Russia Up To in the Middle East? Cambridge: Polity Press, 2018.

32. Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, № 1. P. 28–57.

33. Chan, S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London: Routledge, 2008. P. 1–29.

34. Kaldor, M. et al. Oil Wars. London: Pluto Press, 2007. P. 1.

35. Baldwin, D. A. Paradoxes of Power. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 129–168.

36. Strange, S. States and Markets. 2nd ed. London: Continuum, 1994. P. 23–42.

37. Bourdieu, P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

38. Barnett, M., Duvall, R. Power in International Politics // International Organization. 2005. Vol. 59, № 1. P. 39–75.

39. Nye, J. S. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. P. 3–24.

40. Цыганков, А. П. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3–24.

41. Сафранчук, И. А., Лукьянов, Ф. А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57–76.

Currencies of Power: A Conversion Theory of World Order and Its Transformation

Bezkadi Fadi

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The subject of the article is the principal unsolved problem of contemporary international relations theory, namely the nature of world order transformation. The discipline registers the decline of a hegemon without military defeat, the rise of challengers without parity of capabilities, and the loss of explanatory force by the very concept of polarity, yet possesses no theory deriving these anomalies from a single mechanism. The aim of the work is to construct such a theory. The methodology comprises an axiomatic reconstruction of the concept of power, the formulation of laws of conversion of its forms, the derivation of theorems, and a test of the theory on two empirical corpora, namely the systemic dynamics of the post-unipolar period and the Syrian arena of Russian-American rivalry. The results are as follows. Power in international politics exists not as a single substance but as a plurality of currencies, that is, military, economic, institutional and symbolic, which are not directly interconvertible. World order is proposed to be understood not as a distribution of capabilities but as a conversion regime, that is, a stable system of rates at which the currencies of power are exchanged for one another and for political outcomes. Hegemony, in this optic, is not superiority in assets but the position of the issuer, that is, the capacity to set rates for the entire system. Four laws are formulated, namely the plurality of currencies, the issuer, rate arbitrage and rate crisis. The scientific novelty lies in proposing a theory in which the transformation of world order is conceptualised as a systemic currency crisis. The assets of powers persist while the rates of their conversion collapse, which explains decline without defeat, rise without parity and chaotisation without war. The unipolar moment is reinterpreted as a regime of fixed rates of power, and polycentricity is reinterpreted as a transition to floating rates with its inherent volatility. The theory is operationalised by a conversion matrix and five falsifiable predictions. The principal conclusion is that in the era of floating rates of power the winner is not the state with the largest assets but the state with the best position in the conversion system. The struggle for world order is a struggle for the right to set rates, not for the assets themselves.

Keywords: world order; transformation of world order; currencies of power; power conversion; hegemony; polarity; rate crisis; polycentricity; symbolic power; Russian-American rivalry.

References

1. Wallerstein I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York, The New Press, 2003, p. 27.
2. Zakaria F. The Post-American World: Release 2.0. New York, W. W. Norton & Company, 2011, pp. 88, 218.
3. Larson D. W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. International Security, 2010, vol. 34, iss. 4, pp. 63–95.
4. Paul T. V., Larson D. W., Wohlforth W. C. Introduction. In: Status in World Politics. Ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 7–17.
5. Haass R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance. Foreign Affairs, 2008, vol. 87, no. 3, pp. 44–56.
6. Schweller R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful. Cambridge Review of International Affairs, 2010, vol. 23, iss. 1, pp. 145–163.
7. Bremmer I. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York, Portfolio, Penguin, 2012, pp. 34, 89.
8. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, Addison-Wesley Publishing Company, 1979, pp. 102–128.
9. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York, London, W. W. Norton & Company, 2001, pp. 1–35.
10. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, pp. 185–199.
11. Grunberg I. Exploring the 'Myth' of Hegemonic Stability. International Organization, 1990, vol. 44, no. 4, pp. 431–477.
12. Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New ed. Princeton, Princeton University Press, 2019.
13. Ikenberry G. J. The End of Liberal International Order? International Affairs, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 7–23.
14. Smith N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 1–14.
15. Nye J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. Foreign Affairs, 2017, vol. 96, no. 1, pp. 10–16.
16. Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. London, Yale University Press, 2007, p. 5.
17. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Ed. by J. B. Thompson. Cambridge, Polity Press, 1991, pp. 75, 249.
18. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Ed. by G. Roth. Berkeley, University of California Press, 1978, pp. 926–939.
19. Blackwill R., Harris J. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, London, Harvard University Press, 2016, pp. 53, 149.
20. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. International Security, 2019, vol. 44, no. 1, pp. 42–79.
21. From Rule Takers to Rule Makers: The Growing Role of Chinese in Global Governance. Ed. by S. Kennedy, S. Cheng. Bloomington, Indiana University, 2012.
22. Ringmar E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West. Cooperation and Conflict, 2002, vol. 37, no. 2, pp. 115–136.
23. Plakoudas S. Putin, Assad, and Geopolitics. Middle East Review of International Affairs, 2015, vol. 19, no. 3. p. 34–40
24. Beeson M. Donald Trump and Post-Pivot Asia: The Implications of a "Transactional" Approach to Foreign Policy. Asian Studies Review, 2020, vol. 44, iss. 1, pp. 10–27.
25. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London, Yale University Press, 2016.
26. Schweller R., Pu X. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline. International Security, 2011, vol. 36, no. 1, pp. 41–72.
27. Souleimanov E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria. Middle East Policy, 2016, vol. XXIII, no. 2. P. 1-10.
28. Siniver A., Featherstone C. Low-Conceptual Complexity and Trump's Foreign Policy. Global Affairs, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 1–15.
29. Noreng O. Crude Power: Politics and the Oil Market. London, I.B. Tauris, 2006, p. 42.
30. Bodner M. Why Russia Is Expanding Its Naval Base in Syria. The Moscow Times, 2015, September 21.
31. Trenin D. What Is Russia Up To in the Middle East? Cambridge, Polity Press, 2018.
32. Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. World Politics, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 28–57.
33. Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London, Routledge, 2008, pp. 1–29.
34. Kaldor M. et al. Oil Wars. London, Pluto Press, 2007, p. 1.
35. Baldwin D. A. Paradoxes of Power. New York, Basil Blackwell, 1989, pp. 129–168.
36. Strange S. States and Markets. 2nd ed. London, Continuum, 1994, pp. 23–42.
37. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Ed. by J. G. Richardson. New York, Greenwood Press, 1986, pp. 241–258.
38. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics. International Organization, 2005, vol. 59, no. 1, pp. 39–75.
39. Nye J. S. The Future of Power. New York, PublicAffairs, 2011, pp. 3–24.
40. Tsygankov A. P. Sistemnyy podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [The Systemic Approach in International Relations Theory]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki, 2013, no. 5, pp. 3–24. (in Russian)
41. Safranchuk I. A., Luk'yanov F. A. Sovremennyy mirovoy poryadok: strukturnye realii i sopernichestvo velikikh derzhav [The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalry]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 2021, no. 3, pp. 57–76. (in Russian)

Арктические стратегии США, России и Китая сквозь призму теории комплексности

Бикерниеце Анна
к.п.н., преподаватель факультета Международных исследований, Даляньский университет иностранных языков, annaswan7733@gmail.com

Лю Мэнцян
к.п.н., преподаватель факультета Международных исследований, Даляньский университет иностранных языков, liumengqiang2018@gmail.com

Арктический регион становится пространством высокой взаимосвязанности между странами, привлекая значительный интерес как со стороны государств, расположенных в самом регионе, так и со стороны стран, находящихся за его пределами. Усложнение характера деятельности в Арктике требует теоретического переосмысления подходов государств к взаимодействию в этом регионе. Теория комплексности позволяет объединить множество процессов, определяющих динамику развития Арктики, и сформировать более объективное представление о международной системе в данном регионе. Согласно одному из ключевых положений теории комплексности, государственная политика – выраженная, в частности, через национальные стратегии – служит своего рода сигналом как для внутренних субъектов, так и для других государств. В данной статье арктические стратегии США, России и Китая рассматриваются сквозь призму теории комплексности; при этом сами стратегии интерпретируются как сигналы, адресованные различным участникам международных отношений. В работе представлен сравнительный лексикологический анализ, позволяющий оценить содержание этих сигналов и определить, в какой мере они указывают на стремление к взаимной выгоде или, напротив, к соперничеству между сторонами. Анализ показывает, что, несмотря на очевидные разногласия и опасения в сфере безопасности, между тремя государствами сохраняется значительный потенциал для сотрудничества — либо в силу того, что их стратегические сигналы свидетельствуют о схожих интересах и готовности к взаимодействию, либо потому, что внешнее давление создает условия для более тесного диалога и поиска общих точек соприкосновения.

Ключевые слова: теория комплексности, Арктический регион, арктические стратегии, США, Россия, Китай

Статья является результатом исследования проекта «Инновации в управлении безопасностью в Северо-Восточной Азии в условиях транснационального сотрудничества экспертов: исследование практического применения целостного подхода к национальной безопасности и конкуренции и сотрудничеству между Китаем и США» (номер проекта: D20251003)

Арктические стратегии как сигнал: применение теории комплексности к арктическим отношениям

Теория комплексности предполагает многоуровневый подход к реальности, в рамках которого различные факторы могут приводить как к стабильности, так и к дестабилизации. В этой системе координат ожидания государств становятся ключом к пониманию сложных процессов и их использованию для улучшения ситуации. Стратегии превращаются в «сигналы» для других участников; они требуют тщательной оценки и последующей корректировки, «поскольку элементы системы взаимосвязаны, изменение того, кого страна считает своим врагом, неизбежно отразится и на многих других конфигурациях отношений».[1] «Подача сигналов» становится частью рефлексивной комплексности [2] при которой стороны обмениваются сигналами посредством своих арктических стратегий, официальных заявлений и документов тем самым создавая информационные дискурс способствующий дальнейшим изменениях стратегий и их реализации.

Таким образом видение стран своей позиции дает основание для дальнейшего формирования системы отношений посредством обмена сигналами. И несмотря на то что «знания как об ситуации, так и о последствиях принимаемых решений не являются исчерпывающими» [3] при анализе посылов государств друг другу, они дают важную информацию для дальнейшей взаимной корректировки политики, а взаимосвязанность подходов в национальных арктических стратегиях может способствовать как сближению стран, так и их отчуждению. Лексикологический сравнительный анализ с учетом специфики арктических стратегий сквозь призму теории комплексности становится инструментом для оценки таких перспектив сближения или отчуждения в рамках теории комплексности.

Страны, выбранные для анализа – США, Россия и Китай, являются активными участниками сложной ситуации в Арктике. США и Россия — ключевые арктические государства, обладающие обширными территориями в этом регионе. Их статус меняется: из отдаленных буферных зон арктические регионы превращаются в пространства активного взаимодействия и потенциальных очагов противостояния. Китай, будучи неарктическим государством, но при этом имеющий статус наблюдателя в Арктическом совете и «околоарктическим» государством, выступает одной из наиболее влиятельных мировых держав, стремящихся к обеспечению безопасности своего развития — в том числе за счет использования потенциала Арктики. Для США и России Арктика стала прежде всего сферой национальной безопасности, тогда как для Китая она является, главным образом, вопросом энергетической безопасности, хотя и не относится к числу его первостепенных приоритетов. В этом контексте ключевое значение приобретает вопрос сотрудничества среди данных стран.

Арктическая стратегия США

К числу основных документов, касающихся Арктического региона, относятся «Концепция арктической политики» 2012 года[4], «Стратегия национальной безопасности» 2022 года (в которой Арктика упоминается лишь вскользь). При этом, в «Стратегии национальной безопасности» 2025 года Арктика вовсе не упоминается. Сюда также входят исследования, проводимые Арктической исследовательской комиссией США[5], и деятельность Управления по де-

[1] Jervis R. System Effects. Princeton University Press, Princeton, New Jersey. 1997. P. 214.
[2] Kavalski E. World Politics at the Edge of Chaos. State University of New York Press, Albany. 2015. P.44.
[3] Chaos Theory in Politics. Ed. By Banerjee S., et all. Springer, New York. 2014. P. 24.
[4] Konyshev V., Sergunin A. U.S. Arctic Strategy. Russian International Affairs Council. July 6, 2012. URL.: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/u-s-arctic-strategy/ (Дата обращения: 12.10.2026 г.).
[5] US Arctic Research Commission. URL.: https://www.arctic.gov/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.).

лам океанов и полярных регионов при Государственном департаменте США[1]. В целом, до 2018 года — момента публикации Китаем «Белой книги» по арктической политике — заметных усилий по превращению Арктики в приоритетное направление не предпринималось. Впоследствии, особенно к 2022 году, интерес к Арктике возрос в контексте противостояния с Китаем и Россией, хотя определенные опасения по поводу столкновения интересов в этом регионе существовали и прежде. Были предприняты попытки сделать обеспечение безопасности в Арктике коллективной задачей — о чем свидетельствует совместное заявление «Арктической семерки» (Arctic 7) [2], — а также усилить контроль над американской арктической территорией (Аляской) и противодействовать влиянию России и Китая[3].

Сигнал Соединенных Штатов: «Порядок, основанный на правилах, и коллективное управление»

Стратегия США (2022 г.)[4] представляет собой прямой, публичный ответ на изменение системной среды – процесс, на который существенное влияние оказала специальная военная операция. По своему характеру этот документ ориентирован вовне, нацелен на укрепление альянсов и демонстративно изолирует главного соперника США в Арктике в лице России. Послание НАТО и арктическим союзникам (Пакт о гарантиях безопасности), по своей сути, недвусмыслен: «Ваша безопасность – это наша безопасность». Выдвигая вопросы безопасности на первый план (в качестве «первой опоры») и прямо называя Россию препятствием для сотрудничества, Соединенные Штаты демонстрируют свою непоколебимую приверженность союзническим обязательствам. Акцент на «оперативной совместимости», «совместных учениях» и «обмене информацией» указывает на глубокую структурную интеграцию вооруженных сил союзников в единую оборонительную сеть. Этот сигнал призван развеять любые опасения союзников относительно возможного сокращения американского присутствия и укрепить единый арктический фронт. Послание России (заявление об исключении) – это намеренное «антипослание». Открыто заявляя, что развязанная Россией кампания сделала межправительственное сотрудничество «практически невозможным», Соединенные Штаты стратегически делегитимизируют роль России в управлении Арктикой. Суть сигнала такова: «Нарушив основополагающие правила международной системы, вы утратили свое место за столом переговоров». Это попытка представить Арктику не как зону соперничества великих держав, а как пространство, где правила игры будет определять коалиция законопослушных государств-единомышленников (США и их союзники), что, по сути, направлено на изоляцию России в рамках многосторонних институтов, таких как Арктический совет. Послание Китаю (установление стандартов) прямо прослеживается. В стратегии заявляется о стремлении Китая «увеличить свое влияние», что преподносится как вызов. Позиция США в отношении Пекина сводится к своего рода нормативному контролю: «Вы можете участвовать, но только при условии соблюдения наших высоких стандартов». Делая акцент на «инвестициях высокого уровня», «прозрачности», «экологической устойчивости» и «соблюдении международного права», Соединенные Штаты дают понять, что экономическое присутствие Китая должно сопровождаться жесткими требованиями к его поведению. По сути, это попытка вынудить Китай сделать выбор: либо стать ответственным участником системы международных отношений, возглавляемой США, либо еще теснее сблизиться с Россией – страной, оказавшейся в международной изоляции.

Стратегия России в Арктике

В 1990-х годах Арктический регион занимал для России «второстепенное место» [5] во внешней политике, хотя страна и принимала активное участие в инициативах по сотрудничеству с другими северными государствами – Норвегией, Финляндией и Швецией. Со временем, однако, роль Арктики в российской внешней политике возросла – в силу экономических интересов и соображений безопасности. Еще в 1990-х годах такие исследователи, как Павел Баев, указывали на значение этого региона для обеспечения безопасности и его потенциальное влияние на дальнейшее развитие государственной политики. Как он отмечал: «Это парадигма, имеющая огромное значение для России и ее новой международной идентичности»[6].

История создания Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и становление арктической политики восходит к 1989 году[7], а современное определение закреплено двумя указами Президента РФ: № 296 от 2 мая 2014 года «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» и № 287 от 27 июня 2017 года «О внесении изменений в указ Президента Российской Федерации» [8].

Положение России в Арктике определяется рядом характеристик. Во-первых, существует противоречие между традицией (и сохраняющейся потребностью) в масштабных государственных субсидиях для арктической инфраструктуры и социальной сферы – и стремлением сделать Арктику прежде всего источником прибыли для всей страны. Во-вторых, важен вопрос о том, где сосредоточены полномочия по принятию решений: курс президента на рецентрализацию власти – перенос полномочий с регионального уровня на федеральный – резко контрастирует с масштабной децентрализацией, характерной для 1990-х годов. В-третьих, для региона характерен поиск баланса между «открытой» и «закрытой» Арктикой. В частности, в подходе России к собственным северным территориям прослеживается напряженность: с одной стороны – курс на обеспечение безопасности в Арктике и национализацию северных ресурсов, а с другой – потенциальная ориентация на международное сотрудничество и рыночные механизмы. Наконец, еще один аспект, требующий поиска равновесия – это соотношение коммерческих интересов и экологических задач».[9]

Двумя основными документами, определяющими арктическую стратегию России, являются «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»[10] и «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».[11]

Сигнал России: «Суверенная крепость и ресурсная цитадель»

Российская стратегия («Основы» 2020 года и стратегия до 2035 года) — наиболее ориентированная на внутренние задачи, технические аспекты и инфраструктуру из всех трех. По своему характеру она в первую очередь обращена внутрь себя и носит оборонительный характер, однако одновременно посылает вовне мощный сигнал о своем незыблемом присутствии.

---

[1] Office of Ocean and Polar Affairs. U.S. Department of State. URL.: www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-economic-affairs/bureau-of-oceans-and-international-environmental-and-scientific-affairs/office-of-ocean-and-polar-affairs/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.).

[2] Joint Statement on Arctic Security from the Arctic Allies – Canada, Kingdom of Denmark including Greenland and the Faroe Islands, Finland, Iceland, Norway, Sweden, and the United States of America. Office of the Spokesman. U.S. Department of State. May 22, 2026. URL.: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/05/joint-statement-on-arctic-security-from-the-arctic-allies-canada-kingdom-of-denmark-including-greenland-and-the-faroe-islands-finland-iceland-norway-sweden-and-the-united-states-of-ame/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.).

[3] American Sovereignity & Arctic. Ted Stevens Center For Arctic Security Studies. URL.: https://tedstevensarcticcenter.org/american-sovereignty-the-arctic/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.).

[4] National Strategy for the Arctic Region. The White House, Washington. October 2022.

[5] Stokke O.S., Tunander O. The Barents Region. Cooperation in Arctic Europe. International Peace Research Institute, Oslo and Fridtjof Nansen Institute. 1994. P. 183.

[6] Там же.

[7] Lagutina M. Russia's Arctic Policy in the Twenty First Century. National and International Dimensions. Lanham, Maryland, Lexington Books, Rowman and Littlefield. 2019. P. 19.

[8] Там же.

[9] Rowe E.W. Arctic Governance. Power in Cross-Border Cooperation. Manchester University Press. 2018. Pp.86-88.

[10] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Президент России. 21.03.2023. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (Дата обращения: 15.10.2026 г.).

[11] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Президент России. 27.02.2023. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (Дата обращения: 15.10.2026 г.).

Послание США и НАТО («красная линия») – это, пожалуй, самый громкий сигнал. Прямо называя «наращивание военного присутствия иностранными государствами» и «попытки пересмотра международного права» в числе главных угроз, Россия очерчивает периметр своей безопасности. Суть послания такова: «Арктика — это стратегически важная зона, не подлежащая обсуждению или разделу. Наша военная модернизация (создание новых баз, систем береговой обороны, ледокольного флота) — это не агрессивная экспансия, а оборонительная необходимость для защиты нашего суверенитета». Цель этого сигнала — увеличить издержки и риски для НАТО в случае любых посягательств на данный регион, обеспечивая сдерживание за счет демонстрации непоколебимой решимости и готовности к эскалации.

Послание Китаю (вынужденный партнер) сводится к тому, что Россия направляет Пекину двойственный сигнал. С одной стороны, она прямо призывает к экономическому сотрудничеству («привлечение арктических и неарктических государств к взаимовыгодному экономическому взаимодействию») и развивает Северный морской путь (СМП) как глобальный транзитный маршрут, создавая тем самым пространство для китайских инвестиций. С другой стороны, предельная детализация в документе положений, касающихся российской инфраструктуры, контролируемых государством судоходных компаний и ледоколов отечественного производства, недвусмысленно указывает на то, что доступ к маршруту будет строго регулироваться. Россия дает понять: «Мы рады видеть вас в качестве инвесторов и клиентов, однако эта магистраль принадлежит России, управляется Россией и находится под стратегическим контролем Москвы».

Арктическая стратегия Китая

Участие Китая в арктических делах расширяется, что уже влечет за собой глобальные последствия. «Подобно тому, как это было в 1970-х годах, Китай вновь выступает в роли фактора, меняющего правила игры в биполярном соперничестве между Россией и Соединенными Штатами, — он становится третьим участником этого противостояния».[1]

Стратегический подход Китая к участию в арктических делах представляет собой поступательный и непрерывно углубляющийся исторический процесс, который можно условно разделить на три этапа. Первый этап — это период формирования «правовой основы» (1925–1990 гг.). В 1925 году Бэйянское правительство Китая присоединилось к Шпицбергенскому трактату, согласно которому архипелаг Шпицберген «никогда не должен быть использован в военных целях»[2], при этом граждане государств-участников получили право свободно въезжать на его территорию и вести там законную производственную и коммерческую деятельность в соответствии с норвежским законодательством. Этот договор заложил правовые основания для присутствия и деятельности Китая в определенных районах Арктики. Деятельность Китая в Арктике также опиралась на такие международные документы, как Устав ООН и Конвенция ООН по морскому праву. Тем не менее, в силу ограниченности национальных возможностей, Китай в течение довольно длительного времени не осуществлял какой-либо реальной деятельности в полярных регионах.

Второй этап — период «первоначального изучения и участия» (1990–2018 гг.) — ознаменовался тем, что, начиная с 1990-х годов, Китай стал уделять приоритетное внимание Арктическому региону, приступив к проведению соответствующих научных исследований и изыскательских работ. В 1996 году Китай вступил в Международный комитет арктических научных исследований (IASC), включившись в многостороннюю сеть научного сотрудничества в Арктике, а также начал активно развивать межгосударственное взаимодействие в регионе, академические связи и экономическую деятельность — прежде всего в сотрудничестве с Россией.

Третий этап — это этап «системного участия» (с 2018 года по настоящее время). В 2018 году была официально опубликована «Белая книга: Арктическая политика Китая» [3], ставшая ключевым документом, определяющим арктический курс страны[4]. В 2021 году в «Основных положениях 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития и долгосрочных целей до 2035 года» была поставлена задача реализации передовых проектов, таких как создание второй очереди комплекса для полярных исследований «Сюэлун» (Xuelong), разработка тяжелых ледоколов, а также создание полярных трехмерных платформ для наблюдения и мониторинга. В период действия 14-го пятилетнего плана в сфере полярных научных исследований был достигнут важный прорыв: сформирована новая модель арктических научных изысканий, включающая «три судна и два глубоководных аппарата» (в частности, совместное использование аппаратов «Цзяолун» и судов серии «Сюэлун») [5]. Кроме того, начиная с 2022 года, ежегодно издается «Арктическая синяя книга: Доклад об освоении Арктики», обеспечивающая систематический мониторинг и анализ реализации политики на академическом уровне. [6] В 2023 году был официально открыт регулярный контейнерный маршрут между Китаем и Россией, проходящий через Арктику. [7] В 2024 году Китай и Россия учредили Подкомитет по сотрудничеству в области арктического судоходства, призванный содействовать взаимодействию в сферах морских перевозок, безопасности и судостроительных технологий.

На практическом уровне арктическое сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь» проявляется прежде всего в конкретном взаимодействии в экономической сфере. Сюда входят развитие и использование водных путей, сотрудничество в области энергетики и природных ресурсов, строительство инфраструктуры, а также туризм и культурный обмен. Подобные совместные проекты не только расширяют для Китая каналы импорта энергоресурсов и открывают новые международные торговые маршруты, но и привносят в Арктический регион столь необходимые инвестиции, технологии и доступ к рынкам, обеспечивая взаимную выгоду и результаты, отвечающие интересам всех сторон. Концепция «Ледового шелкового пути» - это вовсе не односторонняя стратегическая экспансия со стороны Китая, а открытая и инклюзивная платформа для международного сотрудничества и создания общественных благ.[8]

Наконец, в недавно обнародованном в Китае «15-м пятилетнем плане»[9] стратегическое значение Арктики было повышено до беспрецедентного уровня: она включена в число ключевых направлений развития «новых производительных сил» и обеспечения национальной ресурсной безопасности. В «Предложениях ЦК КПК по разработке 15-го пятилетнего плана социально-экономического развития» и «Проекте основных положений 15-го пятилетнего плана» «исследование глубоководных пространств, недр Земли и полярных регионов» четко определено как важный рычаг формирования новых производительных сил; также подчеркивается необходимость «укрепления системы поддержки и обеспечения деятельности в глубоководных и полярных районах». Это выводит значимость полярных инициатив на новый уровень в рамках национальной стратегии.

---

[1] Sheng E.L. Arctic Opportunities and Challenges. China, Russia and the US Cooperation and Competition. Palgrave Macmillan, Springer Nature, Singapore. 2022. P.3.

[2] The Svalbard Treaty. Paris, 1920. URL.: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-11/svalbard-treaty.html (Дата обращения: 05.05.2026 г.).

[3] Full text: China's Arctic Policy. The State Council. The People's Republic of China, Xinhua. 26 January, 2018. URL.: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Дата обращения: 06.05.2026 г.).

[4]《中国的北极政策》白皮书（全文）. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 26.01.2018.URL.: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/202207/t20220704_130568.html (Дата обращения: 05.05.2026 г.).

[5]自然资源部副部长，国家海洋局局长孙书贤：培育壮大海洋与极地等新质生产力，打造深海采矿等科技制高点！组织实施"蓝色人才"专项计划… HYCFW. 31.12.2025. URL.: http://www.hycfw.com/Article/238272 (Дата обращения: 05.05.2026 г.).

[6]《北极蓝皮书：北极地区发展报告》（2023-2024）发布. Chinese Social Sciences Net. 05.03.2025. URL.: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202503/t20250305_5855980.shtml (Дата обращения: 05.05.2026 г.).

[7]中俄北极航线集装箱班轮启动仪式在莫斯科举行. People.cn. 09.07.2023. URL.: https://world.people.com.cn/n1/2023/0709/c1002-40031194.html (Дата обращения: 05.05.2026 г.).

[8] Xie X., Cheng X., Li P., Reshaping the Arctic International Cooperation Mechanism in the Construction of the 'Ice Silk Road'. Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition). 2019, No. 2. Pp. 13-23.

[9] 中华人民共和国国民经济和社会发展 第十五个五年规划纲要. 03.2026. URL.: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/202603/U020260317369114704096.pdf (Дата обращения: 05.05.2026 г.).

В плане особо акцентируется необходимость совершенствования механизмов предотвращения рисков и контроля в таких новых сферах, как полярные регионы; при этом вопросы полярной безопасности возводятся в ранг важнейших аспектов национальной безопасности, что предполагает создание многоуровневой системы обеспечения безопасности в полярных зонах.

Сигнал Китая: «Законный, конструктивный и незаменимый партнер»

В целом, «Белая книга» 2018 года «Арктическая политика Китая» (China's Arctic Policy)[1] систематически изложила стратегическое видение Китая в отношении Арктического региона. Этот документ был необходим для того, чтобы обозначить позицию КНР и ответить на вопросы, вызывающие обеспокоенность международного сообщества. В нем выделены три основных противоречия в Арктическом регионе: противоречие между освоением ресурсов и защитой окружающей среды и экологии; противоречие между ростом человеческой активности и относительным отставанием механизмов управления в Арктике; а также противоречие между интересами арктических государств и общими интересами всего человечества. [2] «Белая книга» воплощает в себе двойную логику: концепцию управления, основанную на идее сообщества «единого будущего человечества» (Shared Future of the Mankind) [3], и практический подход, реализуемый в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (One belt – One road). Первая задает ценностные ориентиры и философию управления, в то время как вторая определяет практический путь и служит платформой для сотрудничества.

Руководствуясь этой идеологией, Китай рассматривает Арктику как регион, затрагивающий общую судьбу человечества в контексте его выживания и развития, а не как арену для соперничества великих держав. Такой подход побуждает Китай отказаться от логики «оккупации» в арктических делах, делая акцент на общих интересах, коллективной ответственности и инклюзивном управлении. В «Белой книге» прямо предлагается активно содействовать построению сообщества единого будущего человечества, на основе чего формулируются четыре базовых принципа: «уважение, сотрудничество, взаимная выгода и устойчивость»[4]. Эти принципы служат не только собственным кодексом поведения Китая, но и выступают проактивным ответом на такие проблемы, как закрытость, иерархичность и институциональная дискриминация[5], присущие нынешнему механизму управления в Арктике.

Таблица 1
Топ-10 упоминаний слов в стратегиях США, России и Китая, посвященных Арктике.[6]

#	US Arctic Strategy (English)	Words	Russian Arctic Strategy (Russian)	English Translation	Words	Chinese Arctic Strategy (English)	Words
1	communities	32	Российская Федерация	Russian Federation	82	cooperation	46
2	security	28	развитие	development	68	internationality	35
3	climate	25	безопасность	security	54	research	33
4	investment	22	территории	territories	47	development	32
5	partners	21	обеспечение	provision/ensuring	43	governance	28
6	Russia/Russia's/Russian	20	население	population	41	environment/environmental	27
7	infrastructure	20	инфраструктура	infrastructure	39	resources	26
8	allies	19	реализация	implementation/realization	38	climate	25
9	development	18	деятельность	activity	37	scientific	24
10	cooperation	17	морской	sea/maritime	36	shipping routes	23



Рисунок 1. Пересекающиеся приоритеты в арктических стратегиях США, России и Китая (общий).[7]

Послание арктическим государствам (заверение в отсутствии угрозы) заключается в том, что стратегия Китая – это мастер-класс по созданию атмосферы доверия. Введя термин «околоарктическое государство» (Near-Arctic State), Китай дает понять, что он — не сторонний наблюдатель, а географически близкий сосед. Четыре провозглашенных им принципа – «уважение, сотрудничество, взаимная выгода и устойчивость» – служат прямым сигналом для Канады, США и России и других арктических государств: «Мы уважаем ваш суверенитет и не собираемся оспаривать ваши территориальные права». Однако делая основной упор на участие в научных исследованиях и вопросах изменения климата, Китай прибегает к особому подходу в подаче повестки: он позиционирует себя как поставщик глобальных общественных благ, используя универсальный язык экологии и науки для легитимизации своего присутствия – и тем самым снижая политические барьеры для собственного расширения.

[1] Full text: China's Arctic Policy. The State Council. The People's Republic of China. Xinhua. 26 January, 2018. URL.: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Дата обращения: 06.05.2026 г.).

[2] Yang J. An Interpretation of China's Arctic Policy. Pacific Journal. 2018. No. 3. pp. 6-8.

[3] 中国共产党第二十届中央委员会第五次全体会议公报. The State Council of the People's Republic of China. 06.09.2011. URL.: http://www.gov.cn/zwgk/2011-09/06/content_1941438.htm (Дата обращения: 06.05.2026 г.).

[4] Full text: China's Arctic Policy. The State Council. The People's Republic of China, Xinhua. 26 January, 2018. URL.: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Дата обращения: 06.05.2026 г.).

[5] Xiao Y. The Politicization of Arctic Economic Governance: Authority Generation and Institutional Discrimination. Pacific Journal. No. 7. 2020. Pp. 94-99.

[6] Результат запроса в DeepSeek и последующая самостоятельная авторская проверка результатов.

[7] Результат авторского анализа.

Послание США и «порядок, основанный на правилах» (позиция защитника правовых норм), в отличие от России, сводится к тому, что Китай не ставит под сомнение фундаментальную правовую базу. Он прямо заявляет, что «поддерживает существующую систему управления в Арктике, в основе которой лежат Устав ООН и Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS)». Послание Вашингтону звучит так: «Мы не являемся ревизионистской державой в Арктике; мы придерживаемся установленных правил». Это стратегическая попытка отделить свои арктические амбиции от других, более конфронтационных аспектов своей международной политики, позиционируя себя как полноправного участника существующих институтов, возглавляемых западными странами. Тем самым Китай дает понять, что с ним можно вести дела, что, в свою очередь, может создать разногласия между США и их союзниками, для которых экономическое и научное сотрудничество с Китаем может быть в приоритете. Послание России (партнеру, ориентированному на многостороннее сотрудничество) более позитивно, но и твердо одновременно. Активно продвигая концепцию «Полярного шелкового пути» и связывая ее с инициативой «Один пояс – один путь», Китай посылает Москве четкий сигнал о глубоком экономическом сближении. Это предложение предоставить капитал, технологии и рыночный спрос, необходимые России для развития Северного морского пути. В то же время этот посыл тщательно сбалансирован с сигналами, адресованными США. Участвуя в работе Арктического совета и присоединяясь к научным соглашениям, Китай дает понять России: «Вы – важнейший партнер, но далеко не единственный». Подобная двойственная риторика – ключевой элемент адаптивной стратегии Китая: сохранение стратегической неопределенности ради максимальной свободы маневра в условиях развития сложной системы международных отношений.

Лексикологический сравнительный анализ стратегий США, России и Китая

Используемый метод представляет собой контент-анализ с применением возможностей искусственного интеллекта (DeepSeek), направленный на выявление наиболее часто встречающихся слов (маркеров сообщений). Это позволяет провести авторский аналитический лексикологический обзор потенциала сотрудничества и соперничества в Арктике – то есть характера взаимоотношений в арктическом регионе между крупнейшими его участниками.

Раздел 1. Общие наиболее часто используемые слова в арктических стратегических документах США, России и Китая

Все три стратегии направлены на обозначение ключевых направлений действий стран в Арктическом регионе. Наиболее четкие тенденции прослеживаются в ходе контент-анализа документов. В ходе анализа выделяются наиболее часто встречающиеся слова:

У Соединенных Штатов есть пересекающиеся интересы в сфере сотрудничества как с Россией (безопасность и инфраструктура), так и с Китаем (взаимодействие и климатические вопросы). Все стороны заинтересованы в развитии – будь то развитие отдельных стран в регионе или же развитие сотрудничества и инфраструктуры. Однако, судя по анализу используемой лексики, у России и Китая гораздо меньше общих точек соприкосновения; это означает, что нынешний высокий уровень их взаимодействия – скорее ситуативный результат развития международных отношений.

Раздел 2. Наиболее часто используемые глаголы — определение потенциала действия

В данном разделе определяются действия, на которые в наибольшей степени нацелены стороны, а также то, как эти действия могут быть частью сотрудничества или соперничества в регионе.

Таблица 2
10 самых часто упоминаемых глаголов в стратегиях США, России и Китая, посвященных Арктике.[1]

#	US Arctic Strategy (English)	Words	Russian Arctic Strategy (Russian)	English Translation	Words	Chinese Arctic Strategy (English)	Words
1	protect	18	обеспечить	to ensure/provide	45	participate	28
2	support	17	развивать	to develop	41	protect	22
3	invest	15	создать	to create	38	cooperate	20
4	build	14	реализовать	to implement/realize	35	develop	19
5	improve	14	осуществлять	to carry out	34	respect	18
6	expand	13	разработать	to develop (plans)	31	promote	17
7	cooperate	12	модернизировать	to modernize	27	support	16
8	manage	11	строить	to build	25	understand	14
9	enhance	10	использовать	to use/utilize	22	utilize	14
10	consult	9	повысить	to increase/raise	21	address	13



Рисунок 2: Потенциал действия при сравнении трех стратегий США, России и Китая (сравнение глаголов).[2]

Наблюдается хаотичное взаимодействие, характеризующееся различной степенью готовности к действиям. Единые намерения отсутствуют (нет общих целей), однако в рамках двусторонних контактов сохраняется потенциал для сотрудничества. В контексте российско-американских отношений речь идет о созидании – не только в военной сфере (что относится к области соперничества и ведет к ухудшению отношений), но и в плане развития инфраструктуры, направленной на экономическое развитие регионов. Подобная деятельность может одновременно затрагивать как сферу конкуренции, так и сферу сотрудничества – при условии, что посыл будет воспринят верно, а экономическое строительство и развитие будут организованы на принципах взаимодействия и гармонии. Примером тому служит нынешняя сделка между США и Россией, касающаяся поставок дизельного топлива когда даже несмотря на кризис в двусторонних отношениях и санкции взаимоотношения приводят к сотрудничеству. В американо-китайских отношениях также просматривается определенный потенциал, поскольку обе стороны открыты для «сотрудничества» и «поддержки» в экономической сфере. Впрочем, это омрачается опасениями в области безопасности. Тем не менее, при грамотном подходе такая ситуация может заложить прочный фундамент для дальнейшего взаимодействия и развития, в том числе с

[1] Результат запроса в DeepSeek и последующая самостоятельная авторская проверка результатов.

[2] Результат авторского анализа.

участием России и других арктических государств, если правильно выстроить коммуникацию. Что касается российско-китайского сотрудничества, то здесь ключевым объединяющим фактором выступает «развитие», которое может стать каналом не только для двустороннего взаимодействия, но и для более широкого регионального сотрудничества.

Раздел 3. Сигнал-описание – анализ прилагательных

В данном разделе анализируются интересы государств, охарактеризованные с помощью описательных слов.

Таблица 3
Топ-10 наиболее часто встречающихся прилагательных в стратегиях США, России и Китая, посвященных Арктике.[1]

#	US Arctic Strategy (English)	Words	Russian Arctic Strategy (Russian)	English Translation	Words	Chinese Arctic Strategy (English)	Words
1	economic	19	экономический	economic	47	international	34
2	sustainable	18	социальный	social	42	sustainable	24
3	national	16	национальный	national	38	scientific	22
4	international	15	государственный	state/governmental	37	global	20
5	environmental	14	природный	natural/environmental	34	lawful/legal	18
6	maritime	13	военный	military	32	environmental/ecological	17
7	military	12	федеральный	federal	30	multilateral/bilateral	15
8	strategic	12	транспортный	transport	29	indigenous	14
9	Indigenous	11	международный	international	28	economic	13
10	Native	10	технологический	technological	27	cooperative	12



Рисунок 3. Описательные приоритеты в арктических стратегиях США, России и Китая (сравнение прилагательных).[2]

Существует целый ряд взаимосвязанных сигналов («экономических», «международных», «экологических») которые указывают на то, что государства осознают глобальный потенциал Арктического региона и понимают необходимость международного взаимодействия в нем. Это продиктовано либо стремлением не допустить чрезмерного усиления других сторон, либо желанием получить реальную выгоду. В то же время и Россия, и Соединенные Штаты обеспокоены защитой своих исторических территориальных прав («национальный» аспект) и готовы отстаивать их, в том числе с применением военной силы. США и Китай выступают за «устойчивое» развитие, что объединяет их интересы и создает основу для сотрудничества; кроме того, важным стабилизирующим фактором является учет прав коренных народов. В российско-китайских отношениях не прослеживается явного совпадения интересов, что еще раз подтверждает мнение некоторых экспертов. Например, как отмечает Шэн, «в то время как Россия стремится к единоличному доминированию в регионе, Китай выступает за многостороннее управление. Китай не может игнорировать настороженное отношение России к усилению своего присутствия в регионе, что привело к некоторым негативным аспектам в сотрудничестве»[3]. Успех в развитии отношений, по мнению данного автора происходит «благодаря сильному руководству, что способствует устойчивости и последовательности проводимого курса»[4]. Тем самым, нынешний характер взаимодействия между Москвой и Пекином – это скорее реакция на текущую международную обстановку. Однако именно за счет нее происходит углубление связей и приспособление стратегий-сигналов друг к другу, что ведет к гармонизации взаимопонимания и более успешному сотрудничеству.

Заключение

Арктика становится регионом, вызывающим всё больший интерес у крупных международных игроков. Три страны, рассматриваемые в данном анализе (США, Россия и Китай) в последнее время усилили свое внимание к Арктическому региону и приняли программные документы, определяющие основные направления их арктической политики: «Национальная стратегия для Арктического региона» (США); «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (Россия); а также «Белая книга: Арктическая политика Китая» (Китай).

Все эти документы можно рассматривать как своего рода сигналы в контексте теории комплексности; они содержат определённые послания, адресованные как национальной, так и зарубежной аудитории. Лексикологический анализ позволяет прояснить суть этих посланий и понять, как они могут влиять на потенциал сотрудничества или соперничества между странами.

Анализ показывает, что у этих стран есть определенный потенциал для сотрудничества. При этом наблюдаемые тенденции указывают скорее на близость подходов в отношениях между Россией и США, а также между США и Китаем, чем на наличие предпосылок для российско-китайского взаимодействия. И Россия, и США заинтересованы в развитии своих арктических регионов и создании там инфраструктуры; это закладывает хорошую основу для экономического сотрудничества несмотря на то, что обе державы, как исторически сложившиеся арктические государства, стремятся прежде всего отстаивать свои национальные интересы. В то же время США и Китай также демонстрируют значительный потенциал и стимулы для экономического взаимодействия, однако на практике их отношения, при всей возможности для сотрудничества, развиваются скорее в русле соперничества.

Россия и Китай демонстрируют меньшее сходство в своих сигналах, что указывает на ограниченный потенциал для сотрудничества. Тем не менее, текущая глобальная обстановка сближает эти страны. Несмотря на отсутствие единых посылов и наличие конкретных различий в подаваемых сигналах (для России они носят более оборонительный характер, тогда как для Китая – более открытый и ориентированный на сотрудничество), перед лицом внешнего давления эти государства находят всё больше точек соприкосновения. В свою очередь, такое внешнее давление вынуждает страны искать

[1] Результат запроса в DeepSeek и последующая самостоятельная авторская проверка результатов.
[2] Результат авторского анализа.
[3] Sheng E.L. Arctic Opportunities and Challenges. China, Russia and the US Cooperation and Competition. Palgrave Macmillan, Springer Nature, Singapore. 2022. 175 p. P.169
[4] Sheng E.L. Arctic Opportunities and Challenges. China, Russia and the US Cooperation and Competition. Palgrave Macmillan, Springer Nature, Singapore. 2022. 175 p. P.168

общие интересы и возможности для взаимодействия не на бумаге, а на деле. Это создает основу для дальнейшей корректировки политики и повышает потенциал сотрудничества, несмотря на имеющиеся различия в сигналах.

В целом, лексикологический анализ при всей его односторонности и обобщенности дает определенные указания на возможность сотрудничества и направления действий. Он позволяет выявить ключевые сигналы, исходящие от различных стран, и скорректировать политический курс с учетом взаимных интересов, избегая при этом затрагивания «чувствительных» тем. Полученные результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на сохраняющуюся геополитическую напряженность и расхождения в стратегических нарративах, сложность арктической системы – для которой характерна взаимосвязанность экономических, экологических и безопасностных процессов – создает структурные стимулы для сотрудничества. Эти стимулы оказываются значимее, чем текущая риторика основных акторов. Общий акцент на развитии, инфраструктуре и экономическом взаимодействии (в частности, в отношениях между США и Россией, а также между США и Китаем) закладывает фундамент для разработки мер по укреплению доверия и налаживания прагматичного сотрудничества. В то же время сближение России и Китая под давлением обстоятельств, несмотря на различия в их стратегических сигналах, демонстрирует способность государств адаптироваться к сложной системе и находить точки соприкосновения, когда того требуют внешние условия. В конечном счете, Арктика остается регионом, где логика комплексности с ее вниманием к взаимосвязанности, рефлексивности и возникновению новых, непредвиденных результатов предлагает глубокий и, по сути, оптимистичный подход к пониманию отношений между великими державами.

Литература

1. American Sovereignty & Arctic. Ted Stevens Center For Arctic Security Studies. URL.: https://tedstevensarcticcenter.org/american-sovereignty-the-arctic/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.)
2. Full text: China's Arctic Policy. The State Council. The People's Republic of China, Xinhua. 26 January, 2018. URL.: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Дата обращения: 06.05.2026 г.)
3. Jervis R. System Effects. Princeton University Press, Princeton, New Jersey. 1997. 309 p.
4. Joint Statement on Arctic Security from the Arctic Allies – Canada, Kingdom of Denmark including Greenland and the Faroe Islands, Finland, Iceland, Norway, Sweden, and the United States of America. Office of the Spokesman. U.S. Department of State. May 22, 2026. URL.: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/05/joint-statement-on-arctic-security-from-the-arctic-allies-canada-kingdom-of-denmark-including-greenland-and-the-faroe-islands-finland-iceland-norway-sweden-and-the-united-states-of-ame/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.)
5. Kavalski E. World Politics at the Edge of Chaos. State University of New York Press, Albany. 2015. 289 p.
6. Chaos Theory in Politics. Ed. By Banerjee S., et all. Springer, New York. 2014. 201 p.
7. Konyshev V., Sergunin A. U.S. Arctic Strategy. Russian International Affairs Council. July 6, 2012. URL.: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/u-s-arctic-strategy/ (Дата обращения: 12.10.2026 г.)
8. Lagutina M. Russia's Arctic Policy in the Twenty First Century. National and International Dimensions. Lanham, Maryland, Lexington Books, Rowman and Littlefield. 2019. 210 p.
9. National Strategy for the Arctic Region. The White House, Washington. October 2022.
10. Office of Ocean and Polar Affairs. U.S. Department of State. URL.: www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-economic-affairs/bureau-of-oceans-and-international-environmental-and-scientific-affairs/office-of-ocean-and-polar-affairs/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.)
11. Rowe E.W. Arctic Governance. Power in Cross-Border Cooperation. Manchester University Press. 2018. 164 p.
12. Sheng E.L. Arctic Opportunities and Challenges. China, Russia and the US Cooperation and Competition. Palgrave Macmillan, Springer Nature, Singapore. 2022. 175 p.
13. Stokke O.S., Tunander O. The Barents Region. Cooperation in Arctic Europe. International Peace Research Institute, Oslo and Fridtjof Nansen Institute. 1994. 239 p.
14. The Svalbard Treaty. Paris, 1920. URL.: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-11/svalbard-treaty.html (Дата обращения: 05.05.2026 г.)
15. US Arctic Research Commission. URL.: https://www.arctic.gov/ (Дата обращения: 13.10.2026 г.)
16. Xiao Y. The Politicization of Arctic Economic Governance: Authority Generation and Institutional Discrimination. Pacific Journal. No. 7. 2020. pp. 94-99.Xie X., Cheng X., Li P., Reshaping the Arctic International Cooperation Mechanism in the Construction of the 'Ice Silk Road'. Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition). 2019, No. 2. pp. 13-23.
17. Yang J. An Interpretation of China's Arctic Policy. Pacific Journal. 2018. No. 3. pp. 6-8.
18. Белая книга "Арктическая политика Китая" (полный текст). Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. 26.01.2018.URL.: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/202207/t20220704_130568.html (Дата обращения: 05.05.2026 г.) (на китайском языке)
19. В Москве состоялась церемония запуска контейнерного рейса по арктическому маршруту между Китаем и Россией. People.cn. 09.07.2023. URL.: https://world.people.com.cn/n1/2023/0709/c1002-40031194.html (Дата обращения: 05.05.2026 г.) (на китайском языке)
20. Заместитель министра природных ресурсов, глава Государственного управления по делам океанов Сунь Шусянь: необходимо развивать и укреплять новые производительные силы в области океанов и полярных регионов, а также создавать технологические передовые центры, в том числе в сфере глубоководной добычи полезных ископаемых! Организовать реализацию специальной программы "Голубые таланты"... HYCFW. 31.12.2025. URL.: http://www.hycfw.com/Article/238272 (Дата обращения: 05.05.2026 г.) (на китайском языке) (на китайском языке)
21. Коммюнике пятого пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая двадцатого созыва. Государственный совет Китайской Народной Республики. 06.09.2011. URL.: http://www.gov.cn/zwgk/2011-09/06/content_1941438.htm (Дата обращения: 06.05.2026 г.) (на китайском языке)
22. Опубликована "Голубая книга Арктики: отчет о развитии Арктического региона" (2023-2024). Chinese Social Sciences Net. 05.03.2025. URL.: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202503/t20250305_5855980.shtml (Дата обращения: 05.05.2026 г.) (на китайском языке)
23. Основные положения пятнадцатого пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики. 03.2026. URL.: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/202603/U020260317369114704096.pdf (Дата обращения: 05.05.2026 г.) (на китайском языке)
24. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Президент России. 21.03.2023. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (Дата обращения: 15.10.2026 г.)
25. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Президент России. 27.02.2023. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (Дата обращения: 15.10.2026 г.)

US, Russian and Chinese Arctic Strategies through the Prism of Complexity Theory

Bikerniece A., Liu Mengqiang

Dalian University of Foreign Languages

The Arctic region is becoming an area of high interconnectedness among countries and is attracting significant interest from nations both within and beyond the region. The increasing complexity of activities in the Arctic necessitates a theoretical re-evaluation of state approaches to regional engagement. Complexity theory brings together multiple processes that explain Arctic dynamics and presents a more objective image of the international system in the area. One of the basic assumptions of complexity theory indicates that state policies, as presented through national strategies, serve as signaling messages for both domestic practitioners and foreign states. This paper evaluates and depicts the Arctic strategies of the United States, Russia, and China through the lens of complexity theory, presenting strategies as signals to various actors. It provides a comparative lexicological analysis to evaluate the messages present in the strategies and how these messages align with either mutual benefit or rivalry among the parties. The analysis reveals that despite evident differences and security concerns, there exists meaningful potential for cooperation among all three actors – either because their strategic signals demonstrate similar interests and openness to collaboration, or

because external pressure creates conditions for closer engagement and the discovery of shared ground.
Keywords: complexity theory, Arctic region, Arctic strategies, the USA, Russia, China

References

1. American Sovereignty & Arctic. Ted Stevens Center For Arctic Security Studies. URL.: https://tedstevensarcticcenter.org/american-sovereignty-the-arctic/ (Accessed: 13.10.2026 г.)
2. Full text: China's Arctic Policy. The State Council. The People's Republic of China, Xinhua. 26 January, 2018. URL.: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Accessed: 06.05.2026 г.)
3. Jervis R. System Effects. Princeton University Press, Princeton, New Jersey. 1997. 309 p.
4. Joint Statement on Arctic Security from the Arctic Allies – Canada, Kingdom of Denmark including Greenland and the Faroe Islands, Finland, Iceland, Norway, Sweden, and the United States of America. Office of the Spokesman. U.S. Department of State. May 22, 2026. URL.: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/05/joint-statement-on-arctic-security-from-the-arctic-allies-canada-kingdom-of-denmark-including-greenland-and-the-faroe-islands-finland-iceland-norway-sweden-and-the-united-states-of-ame/ (Accessed: 13.10.2026 г.)
5. Kavalski E. World Politics at the Edge of Chaos. State University of New York Press, Albany. 2015. 289 p.
6. Chaos Theory in Politics. Ed. By Banerjee S., et all. Springer, New York. 2014. 201 p.
7. Konyshev V., Sergunin A. U.S. Arctic Strategy. Russian International Affairs Council. July 6, 2012. URL.: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/u-s-arctic-strategy/ (Accessed: 12.10.2026 г.)
8. Lagutina M. Russia's Arctic Policy in the Twenty First Century. National and International Dimensions. Lanham, Maryland, Lexington Books, Rowman and Littlefield. 2019. 210 p.
9. National Strategy for the Arctic Region. The White House, Washington. October 2022.
10. Office of Ocean and Polar Affairs. U.S. Department of State. URL.: www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-economic-affairs/bureau-of-oceans-and-international-environmental-and-scientific-affairs/office-of-ocean-and-polar-affairs/ (Accessed: 13.10.2026 г.)
11. Rowe E.W. Arctic Governance. Power in Cross-Border Cooperation. Manchester University Press. 2018. 164 p.
12. Sheng E.L. Arctic Opportunities and Challenges. China, Russia and the US Cooperation and Competition. Palgrave Macmillan, Springer Nature, Singapore. 2022. 175 p.
13. Stokke O.S., Tunander O. The Barents Region. Cooperation in Arctic Europe. International Peace Research Institute, Oslo and Fridtjof Nansen Institute. 1994. 239 p.
14. The Svalbard Treaty. Paris, 1920. URL.: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-11/svalbard-treaty.html (Accessed: 05.05.2026 г.)
15. US Arctic Research Commission. URL.: https://www.arctic.gov/ (Accessed: 13.10.2026 г.)
16. Xiao Y. The Politicization of Arctic Economic Governance: Authority Generation and Institutional Discrimination. Pacific Journal. No. 7. 2020. pp. 94-99.Xie X., Cheng X., Li P., Reshaping the Arctic International Cooperation Mechanism in the Construction of the 'Ice Silk Road'. Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition). 2019, No. 2. pp. 13-23.
17. Yang J. An Interpretation of China's Arctic Policy. Pacific Journal. 2018. No. 3. pp. 6-8.
18. 《中国的北极政策》白皮书（全文）. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 26.01.2018.URL.: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2018n/202207/t20220704_130568.html (Accessed: 05.05.2026 г.)
19. 中俄北极航线集装箱班轮启动仪式在莫斯科举行. People.cn. 09.07.2023. URL.: https://world.people.com.cn/n1/2023/0709/c1002-40031194.html (Accessed: 05.05.2026 г.)
20. 自然资源部副部长，国家海洋局局长孙书贤：培育壮大海洋与极地等新质生产力，打造深海采矿等科技制高点！组织实施"蓝色人才"专项计划… HYCFW. 31.12.2025. URL.: http://www.hycfw.com/Article/238272 (Accessed: 05.05.2026 г.)
21. 中国共产党第二十届中央委员会第五次全体会议公报. The State Council of the People's Republic of China. 06.09.2011. URL.: http://www.gov.cn/zwgk/2011-09/06/content_1941438.htm (Accessed: 06.05.2026 г.)
22. 《北极蓝皮书：北极地区发展报告》（2023-2024）发布. Chinese Social Sciences Net. 05.03.2025. URL.: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202503/t20250305_5855980.shtml (Accessed: 05.05.2026 г.)
23. 中华人民共和国国民经济和社会发展 第十五个五年规划纲要. 03.2026. URL.: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/202603/U020260317369114704096.pdf (Accessed: 05.05.2026 г.)
24. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Президент России. 21.03.2023. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (Accessed: 15.10.2026 г.)
25. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Президент России. 27.02.2023. URL.: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (Accessed: 15.10.2026 г.)

Исключение молодёжи из повестки избирательных кампаний: причины, последствия и пути преодоления

Винокурова Ирина Алексеевна
соискатель кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, L0888@yandex.ru

На фоне глобального старения электората в сочетании с трансформацией институтов представительной демократии наблюдается системное отчуждение молодых граждан от конвенциональных форм участия в управлении государством. Ориентация партийных структур на наиболее дисциплинированные старшие возрастные когорты приводит к фактической маргинализации запросов юношества. Сложившийся дисбаланс блокирует межпоколенческую преемственность. При этом формируются долгосрочные риски делегитимации принимаемых государственных решений, перенаправляя энергию социальной неудовлетворенности в русло неинституционализированного протеста. Цель в статье – анализ структурных причин исключения молодежи из реальной повестки избирательных кампаний; оценка социально-политических последствий этого явления; выработка практических стратегий реинтеграции новых поколений в легальное поле публичной политики. Обоснована несостоятельность применения привычной парадигмы «гражданского долга» к современному молодому избирателю. Предложена авторская схема преодоления электорального абсентеизма путем перехода к инфраструктуре «вовлеченного гражданства». Сформулирован пул нетривиальных механизмов реинтеграции: обязательное целевое квотирование для молодых политиков в партийных списках; интеграция микрополитических процедур инициативного бюджетирования в повседневную жизнь; создание института независимых «цифровых наблюдателей» для демистификации алгоритмов онлайн-выборов. Обозначена триада ключевых факторов политического отчуждения молодежи: демографический сдвиг в сторону геронтократии; резкий диссонанс между социально-экономическими потребностями новых поколений и консервативной повесткой партий; выраженный коммуникативный разрыв.

Ключевые слова: абсентеизм, геронтократия, дистанционное электронное голосование, избирательные кампании, молодежь, политическое отчуждение, политическое участие, электоральное поведение

Введение

Трансформация институтов представительной демократии в первой четверти XXI века сопровождается рядом ярко выраженных противоречий. Среди них особую остроту приобретает проблема электорального участия новых поколений.

Политические элиты, руководствуясь прагматичной логикой максимизации электорального результата, выстраивают свои стратегии с опорой на наиболее дисциплинированные возрастные когорты (имеются в виду граждане старшего и пенсионного возраста). Вследствие этого предвыборные программы, риторика, каналы коммуникации подстраиваются под консервативный запрос. Молодые избиратели, чьи интересы касаются гарантий первого трудоустройства, доступности стартового жилья, качества образования, цифровых свобод, не находят отражения своих потребностей в предлагаемых партийных платформах. Возникает классический порочный круг: политические акторы игнорируют юношество из-за его низкой явки, а новые поколения бойкотируют избирательные участки, поскольку не видят в выборах инструмента решения своих насущных проблем.

Между тем, игнорирование политического потенциала данной демографической группы несет в себе существенные риски в контексте устойчивости государственной системы. Энергия социальной неудовлетворенности, которая не находит выхода через институционализированные каналы парламентаризма, неизбежно канализируется в альтернативные формы активности (цифровой эскапизм; неформальные, а подчас и радикальные уличные протесты). Разумно предположить, что без теоретической рефлексии и разработки действенных практических механизмов реинтеграции госинституты рискуют столкнуться с серьезным разрывом межпоколенческой преемственности.

В статье автор нацелен на анализ причин политической маргинализации новых поколений, на оценку социально-политических последствий этого процесса, на выработку путей преодоления сложившегося отчуждения на основе интеграции отечественного и зарубежного научного опыта.

Материалы и методы исследования

Работа базируется на анализе вторичных социологических данных, официальной электоральной статистики, актуального научного дискурса. Эмпирическую базу составили результаты всероссийских репрезентативных опросов и многолетних мониторингов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В частности, анализировались данные об изменении образа молодежи, уровне ее социальной ответственности, отношении к процедуре дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Статистические показатели электоральной активности, а также результаты применения ДЭГ на выборах различного уровня (в том числе, президентскую кампанию 2024 г. и выборы в Государственную Думу 2021 г.) опираются на академические и аналитические материалы, которые основываются на официальных данных Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Методологическим «фундаментом» послужили концепции зарубежных (К. Крауч, Р. Далтон, П. Норрис, М. Уоттенберг) и отечественных (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, Р. В. Пырма и т. д.) политологов и социологов. В статье применялись методы системного и структурно-функционального анализов, которые позволили выявить институциональные барьеры, препятствующие политическому участию молодежи. В целях оценки влияния цифровых избирательных технологий на политическое поведение задействовано сравнение итогов голосования на традиционных участках и в системе ДЭГ.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основания политического отчуждения: зарубежный и отечественный дискурс

Для того, чтобы понять природу электорального абсентеизма, необходимо обратиться к фундаментальным теоретическим концептам, посредством которых описывается эволюция современных демократических режимов.

Так, в зарубежной политической науке предлагается несколько дополняющих друг друга объяснительных моделей. Одной из наиболее влиятельных является концепция «постдемократии». Как

отмечает И. Л. Честнов, причиной соответствующей трансформации является «…политика неолиберализма… Однако именно демократия в силу своей адаптивной способности в состоянии найти ответ на вызовы эпохи постмодерна» [19, с. 57]. Сама концепция была разработана британским социологом К. Краучем. Ученый обосновывает, что в развитых обществах демократические институты сохраняют свою формальную «оболочку», однако реальный центр принятия решений смещается в сторону закрытых политико-экономических элит. В рассматриваемой парадигме выборы превращаются в тщательно «срежиссированный» медийный спектакль. Он управляется профессиональными политтехнологами. Начинающие избиратели, обладая обостренным чувством социальной справедливости и высокой чувствительностью к имитационным практикам, интуитивно распознают эту фальшь. Осознавая, что их голос не способен изменить базовый элитный консенсус, они осознанно дистанцируются от электорального процесса [9].

Другим важным теоретическим ключом служит теория трансформации норм гражданственности Р. Далтона. Он аргументирует, что мы наблюдаем не упадок политического участия как такового, а смену его парадигмы. Исторически доминировавшая модель «гражданина долга», для которой голосование и лояльность государственным институтам являлись безусловной обязанностью, уступает место модели «вовлеченного гражданина» [20].

Схожую позицию занимает П. Норрис, Она предложила концепт «критически мыслящих граждан». Согласно ее выводам, новые поколения могут всецело разделять идеалы либеральной демократии, но при этом весьма скептически оценивать реальное функционирование представительных органов. Этот когнитивный диссонанс порождает не аполитичность, а явное отчуждение от партийных структур [21].

Весомый вклад в понимание коммуникативных барьеров внес Мартин Уоттенберг. В своей монографии «Голосует ли молодежь?» он детально анализирует, как изменения в медиапотреблении влияют на электоральную явку. Он отмечает, что историческое снижение доли молодых людей, которые регулярно читают газеты либо смотрят телевизионные новости, привело к существенному информационному разрыву. Политика банально исчезла из их повседневного информационного поля. Примечательно, что даже институциональные реформы, в частности, принятие 26-й поправки к Конституции США, снизившей избирательный возраст до 18 лет, не привели к долгосрочному росту участия, поскольку не был решен вопрос касательно смысловой вовлеченности. Привычка голосовать формируется в раннем возрасте. И если первый электоральный цикл пропускается, вероятность абсентеизма в будущем многократно возрастает [22].

В российской социологической и политологической традиции проблема молодежи исследуется с учетом специфики транзитного общества. Фундаментальный социологический портрет молодого поколения был представлен в труде М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги. Ученые доказали, что вопреки распространенным стереотипам, в России отсутствует жесткий ценностный конфликт между поколениями в отношении оценки исторического прошлого. Тем не менее, существуют серьезные расхождения в видении будущего и стратегий самореализации на фоне демографического сжатия [6].

Специфика политического восприятия юношества изучена И. Н. Савеличевой, И. С. Шаповаловой, Д. А. Головиным, А. В. Селезневой, Н. С. Скипиным, Е. А. Турковым. Исследователи подчеркивают, что морали молодых россиян свойственна когнитивная простота, смысловая эклектичность, фрагментарность. Формирование национально-государственной идентичности часто происходит на фоне кризисов. И это делает политическое сознание неустойчивым и склонным к эмоциональным реакциям. Как следствие, партиям очень сложно выстроить с этой аудиторией долгосрочную идеологическую связь [5, 15, 16].

На это же указывает В. В. Петухов, который отмечает, что традиционное деление политического спектра на «левых» и «правых» полностью утратило свой мобилизационный потенциал для новых избирателей [13]. Современный молодой человек связывает образ желаемого будущего не с идеологическими догмами, а с конкретными принципами социальной справедливости, демократии, прагматичного мироустройства.

Электоральное поведение также сильно дифференцировано. Р. В. Пырма и К. Г. Устинкина показывают, что готовность к участию в выборах напрямую зависит от социального происхождения, уровня доходов, образования. При этом отмечается, что абсентеизм не является абсолютной константой: при наличии мощных мотивационных факторов и внедрении новых технологий (как это было в ходе президентской кампании 2018 г.) молодежь способна к резкой электоральной мобилизации. Между тем, в межвыборный период интерес политиков к этой страте угасает. Это лишь усиливает взаимное недоверие [14, 17].

Подытожим, что маргинализация новых поколений в избирательном процессе – это сложный, многофакторный процесс. Он детерминирован кризисом традиционных политических институтов, изменением ценностных ориентаций граждан, технологической перестройкой каналов коммуникации.

2. Структурные причины исключения: демография, экономика, ценности

Первопричиной структурного дисбаланса является глобальное старение населения, которое характерно для большинства развитых государств, в том числе, России. Увеличение продолжительности жизни вкупе с падением рождаемости привели к тому, что в структуре электората доля лиц старше 55 лет стала подавляющей. В политической науке это явление описывается термином «геронтократия» (доминирование старших возрастов не только в структурах власти, но и в формировании электорального заказа) [1, 2, 8]. Как отмечает Р. А. Антонов, «…в политической науке первостепенное внимание уделялось проблеме геронтократии именно в «Старом Свете». В отечественной политологии доказан тезис о том, что именно преклонный возраст руководящего состава СССР в 1970-1980- е гг. и фактическая остановка рекрутирования управленческих кадров на среднем уровне оказали значительное влияние на развитие страны в конце XX в.» [2, с. 25].

С точки зрения политического менеджмента, партии действуют рационально: они инвестируют ресурсы в тот сегмент, который гарантированно придет на избирательные участки. Лица пенсионного возраста обладают высокой дисциплиной. Она сформировалась еще в индустриальную эпоху. В результате вся предвыборная риторика начинает вращаться вокруг вопросов индексации пенсий, сохранения статус-кво, исторической памяти и т. д. Проблемы, волнующие тех, кому предстоит жить в этой стране следующие десятилетия, сознательно выносятся на периферию, поскольку инвестиции в мобилизацию скептично настроенных студентов признаются политтехнологами нерентабельными.

Важный блок причин кроется в разительном контрасте между тем, что предлагает государство, и тем, в чем действительно нуждается молодое поколение. Для наглядности расхождений между реальными потребностями новых избирателей и стандартной политической повесткой обратимся к таблице 1.

Таблица 1
Наиболее острые проблемы российской молодежи по оценкам граждан (в %, по данным ВЦИОМ, 2023 г.) [23]

Проблемная область	Доля отметивших проблему, %	Характер реакции традиционных партий
Трудоустройство без опыта работы	39	Спорадические программы, акцент на бюджетный сектор
Жилищный вопрос (приобретение первого жилья)	37	Льготные ипотеки (часто недоступные без первоначального взноса)
Получение хорошего образования	28	Сокращение бюджетных мест в ряде гуманитарных вузов
Низкий уровень материального положения	28	Декларативные обещания без системного роста экономики
Создание семьи и обеспечение детей	20 (юноши) / 37 (девушки)	Фокус на традиционных ценностях вместо экономической базы

В сопоставлении с более ранними подходами, на современных избирательных платформах редко предлагаются системные решения по указанным пунктам. Вместо обсуждения гибких форм занятости, защиты прав фрилансеров, поддержки технологических стартапов, снижения налоговой нагрузки на малый бизнес, кандидаты зачастую прибегают к абстрактному морализаторству.

Еще один причинный аспект исключения инициирован коммуникативной «пропастью». Институты политического представительства остаются продуктом индустриальной эры. Они функционируют в логике иерархий, жестких партийных уставов, территориальных комитетов. В то же время цифровая среда существует в парадигме

горизонтальных сетей, мгновенной обратной связи, алгоритмических лент новостей.

Для молодого человека, который привык к транспарентности и кастомизации цифровых сервисов, устоявшиеся политические процедуры выглядят очень архаичными. Бюрократические барьеры при регистрации кандидатов, канцелярский язык дебатов, использование устаревших форматов агитации (к примеру, печатных листовок в почтовых ящиках) вызывают отторжение. Как отмечает В. В. Петухов, институциональная политика не успевает за динамикой социальных настроений [13]. В результате формируется устойчивый запрос на новые лица и искреннюю, не «срежиссированную» коммуникацию, который системные партии удовлетворить не в состоянии.

3. Цифровая трансформация выборов

Осознавая существенное снижение легитимности из-за падения явки, госинституты предприняли ряд попыток технологической модернизации процесса голосования. Ключевым нововведением в Российской Федерации стало масштабное внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Как отмечает И. М. Виноградова, «…комплекс ДЭГ представляет совокупность специализированных информационных технологий и цифровых платформ (ГАС «Выборы», Цифровая платформа, программно-технический комплекс ДЭГ, Единый портал государственных услуг, единая система идентификации и аутентификации), которые обеспечивают защищенную передачу результатов голосования каждого избирателя. Одним из ключевых процессов в российском ДЭГ является принцип анонимизации, закреплённый в Постановлении ЦИК РФ от 08 июня 2022 года №86/716-8…, представляющий собой процедуру, обеспечивающую посредством программно-технических решений и организационных мер невозможность установления связи между персональными данными избирателя или участника референдума и сохраняемым результатом его волеизъявления» [4, с. 52].

Технологическая эволюция процедуры была призвана снизить трансакционные издержки – избавить избирателя от необходимости физического посещения участка. И это особенно актуально для мобильной и занятой молодежи [7, 12].

С помощью эмпирического анализа подтверждается, что внедрение цифровых инструментов оказало серьезное влияние на электоральную активность. Уже в период с 2021 по 2023 гг. ДЭГ применялось в десятках регионов страны. В ходе президентских выборов 2024 г., когда система была доступна в 29 субъектах Федерации, удаленным форматом воспользовались 4,4 млн граждан. Примечательно, что из этого числа 1 миллион 452 тысячи составили представители молодежи [10, 11, 18]. Это огромный массив голосов, который с высокой долей вероятности остался бы в зоне абсентеизма, если бы система предполагала лишь традиционные бумажные бюллетени.

Общественное восприятие данной новации характеризуется сдержанным оптимизмом с явным креном в сторону позитива среди молодых возрастных групп. По данным ВЦИОМ за 2024 г., 53% россиян в целом одобряют онлайн-голосование [24]. Для того, чтобы проследить зависимость отношения к технологиям от возраста и пола, обратимся к таблице 2.

Таблица 2

Мнение россиян о влиянии онлайн-голосования на количество желающих принять участие в выборах (в %, 2024 г.) [24]

Вариант ответа	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60+ лет
Увеличит	52	49	54	68	55	50	54	44
Никак не повлияет	28	30	26	23	32	30	26	26
Снизит	10	8	11	6	4	13	9	12
Затрудняюсь ответить	10	13	9	3	9	7	11	18

В ходе анализа данных нами фиксируется, что наибольшие надежды на стимулирующий эффект ДЭГ возлагает именно когорта 18-24 лет (68%). Для рассматриваемой группы смартфон является естественным «продолжением» личности. А перенос гражданских процедур в онлайн воспринимается не как эксперимент, а как запоздалая адаптация государства к реальности.

Помимо этого, изменение канала голосования напрямую воздействует на структуру политического выбора. Это хорошо видно на примере парламентских выборов 2021 г. (см. таблицу 3).

Таблица 3

Сравнение результатов партий на традиционных участках (УИК) и в системе ДЭГ (выборы в Госдуму РФ, 2021 г., в %)

(составлено на основе [10, 11, 18])

Политическая партия	Результат на УИК (бумажные бюллетени)	Итог в ДЭГ (онлайн-голосование)	Разница (ДЭГ минус УИК)
Единая Россия	41,21	47,24	+ 6,03
КПРФ	21,27	12,65	- 8,62
Справедливая Россия	9,90	9,17	- 0,73
ЛДПР	8,57	8,36	- 0,21
Новые люди	6,04	8,77	+ 2,73

Благодаря представленной таблице подтверждается гипотеза о том, что цифровизация выборов корректирует политический баланс. Партии, которые сумели мобилизовать лояльный технологичный электорат, а также новые структуры, апеллирующие к модернизационной повестке («Новые люди»), получили в ДЭГ ощутимую прибавку. В то же время, структуры с возрастным «ядерным» электоратом (КПРФ) предсказуемо «просели» в онлайн-среде.

Между тем, было бы ошибочно полагать, что внедрение смарт-технологий предстает в качестве панацеи от политического отчуждения. ДЭГ успешно нивелирует логистические барьеры. Но при этом не решается фундаментальная проблема доверия и смыслового вакуума. Социологические замеры показывают, что около 30% граждан по-прежнему полагают, что онлайн-голосование делает выборы менее прозрачными. Вдобавок, среди активных пользователей интернета (которые часто совпадают с молодежной когортой) доля сомневающихся в честности электронных процедур достигает 36% [24]. Технология не способна заменить идеологию. Удобство интерфейса может привлечь молодого избирателя один раз. Но если в самом бюллетене он не найдет кандидатов, отражающих его ценности, в следующий раз он проигнорирует даже пуш-уведомление на смартфоне.

4. Последствия маргинализации для государства и общества

Продолжающееся системное отчуждение новых поколений от легальной электоральной политики образует ряд деструктивных последствий. И они угрожают долгосрочной стабильности.

Так, происходит серьезное искажение государственного курса. Демократические институты задуманы как механизм агрегирования интересов всех слоев общества. Когда значительная часть экономически активного, интеллектуально развитого населения добровольно отказывается от своего голоса, парламент и местные советы перестают быть репрезентативными. Законодательная база начинает формироваться с сильным креном в сторону патернализма, ретроградности. Бюджетные приоритеты смещаются: долгосрочные инвестиции в науку, прорывные технологии, развитие комфортной урбанистической среды, поддержку молодых семей приносятся в жертву текущим социальным выплатам, призванным удовлетворить лояльного пожилого избирателя. Это неизбежно ведет к экономической стагнации, к снижению глобальной конкурентоспособности государства.

Помимо этого, политическая изоляция влечет за собой социальный инфантилизм. Как отмечают А. О. Барангов, И. А. Федосеева, он «…проявляется в различных аспектах поведения личности. Это включает нежелание принимать ответственность за свои действия, игнорирование возможности принятия самостоятельных решений и отсутствие мотивации для общественно полезной деятельности. Личность, склонная к социальному инфантилизму, может игнорировать трудности, впадать в самообман… неспособна реалистично оценивать события и прогнозировать последствия своих действий» [3, с. 41-42]. Ответственность формируется сугубо в процессе принятия решений. Находясь годами в роли пассивных наблюдателей или объектов идеологического воздействия, молодые люди теряют навыки критического осмысления госуправления. В их сознании закрепляется потребительское отношение к власти. Это подтверждается исследованиями, в которых фиксируется когнитивная простота и эклектичность политической морали юношества (А. В. Селезнева, Н. С. Скипин, Е. А. Турков [16]).

В дополнение к отмеченному, искусственное сужение легальных каналов представительства не уничтожает саму энергию несогласия. Она неизбежно перетекает в неконвенциональные формы активности. Отчужденная молодежь все чаще обращается к практикам

«повседневной демократии» и локальному активизму, который легко масштабируется в неконтролируемые протестные движения. Глобальный индекс участия молодежи демонстрирует, что разочарование в формальных институтах коррелирует с ростом радикальных взглядов и готовностью выходить на улицы [25].

Игнорирование запросов юношества лишает политическую систему необходимой гибкости. В реалиях перманентной глобальной турбулентности выживают лишь те государства, которые способны оперативно приспособиться к новым вызовам.

5. Стратегии реинтеграции молодежи

С авторской точки зрения, решение проблемы возвращения молодых граждан в политическое поле требует отказа от имитационных практик. Развлекательные флешмобы или приглашение попзвезд на избирательные участки лишь усугубляют ситуацию, демонстрируя несерьезное отношение элит к юношеству. На основании проведенного анализа уместно сформулировать ряд рекомендаций, которые ориентированы на структурную перестройку электорального процесса.

Так, из-за механизмов внутрипартийной конкуренции блокируется продвижение молодых лидеров, а программы пишутся под возрастного избирателя. Рекомендуется законодательно или на уровне партийных уставов закрепить обязательное присутствие не менее 20-30% кандидатов в возрасте до 35 лет на проходных местах. Помимо этого, необходимо институционализировать практику оценки регулирующего воздействия: каждый крупный законопроект, предлагаемый партией, должен сопровождаться экспертным заключением о его влиянии на будущие поколения. Характеризуемая мера позволит разрушить монополию геронтократии. Наличие молодых кандидатов автоматически потянет за собой изменение риторики, заставляя обсуждать вопросы технологического суверенитета, цифровых прав, доступного жилья, а не только проблемы пенсионного обеспечения.

Молодежью выборы воспринимаются как редкий, «оторванный» от реальной жизни ритуал, не дающий осязаемых результатов. Решение видится в интеграции микрополитических процедур в повседневную жизнь через механизмы партисипаторного (инициативного) бюджетирования. Молодые люди должны получить право прямого электронного голосования за проекты распределения части муниципальных бюджетов (благоустройство кампусов, создание креативных кластеров, экологические инициативы и т. п.). Опираясь на концепцию «вовлеченного гражданина» Р. Далтона, упомянутую ранее, данный подход удовлетворяет запрос молодежи на проектную деятельность и быстрый результат. Благодаря привычке участвовать в локальном самоуправлении формируется базовое доверие к институту голосования как таковому. И оно в дальнейшем естественным образом экстраполируется на региональные и федеральные кампании.

Важен серьезный пересмотр информационного сопровождения систем цифрового голосования. Вектор государственной коммуникации рационально сместить с примитивной рекламы «удобства» на демистификацию алгоритмов шифрования и подсчета. Нужно создание института независимых «цифровых наблюдателей», который сформируется из числа студентов профильных IT-факультетов, хакеров-энтузиастов, лидеров мнений в сфере технологий. Допуск независимых молодых специалистов к публичному тестированию и аудиту кода системы легитимизирует процедуру в глазах самой скептичной страты. Диалог переводится из идеологической плоскости в понятный для молодежи технократичный формат.

Наконец, еще одно предложение касается синхронизации политического языка и медиаформатов. Архаичный язык и устаревшие каналы коммуникации (ТВ, газеты) делают политику невидимой для цифрового поколения. Нужен отказ политических штабов от традиционной модели агитации. Фокус уместно перенести на работу в неформальных цифровых средах: интеграция в стриминговые платформы, подкасты; участие кандидатов в киберспортивных турнирах, онлайн-дебатах без жесткой модерации. Политики обязаны прийти туда, где находится их потенциальный избиратель, и заговорить с ним на его языке, не боясь острых вопросов и прямого диалога.

Заключение

Феномен исключения молодежи из повестки избирательных кампаний не является локальным сбоем российской электоральной «машины» или свидетельством деградации гражданского сознания новых поколений. Перед нами глубокий структурный кризис институтов представительной демократии, которые столкнулись с объективными вызовами старения социума и стремительной цифровизацией.

В рамках концепции постдемократии выборы рискуют превратиться в ритуальный процесс перераспределения властных ресурсов внутри замкнутых элит с опорой на консервативное большинство. Это в долгосрочной перспективе неминуемо ведет к делигитимации государства.

Между тем, социологические данные указывают на то, что молодые граждане отнюдь не деполитизированы. Они прагматичны, ориентированы на самостоятельность, ценят справедливость, готовы к участию, если видят прозрачность процедур и осязаемость результатов. Опыт внедрения дистанционного электронного голосования в России показал, что снижение логистических барьеров вкупе с переводом процедуры в привычный интерфейс смартфона способны вернуть на виртуальные избирательные участки сотни тысяч молодых людей.

Одни лишь цифровые надстройки не способны нивелировать проблему содержательного вакуума. До тех пор, пока политические партии не начнут артикулировать реальные экономические и социальные запросы юношества (гарантии занятости, защита цифровых свобод и. т. д.), и не допустят молодых лидеров к реальным рычагам управления через квотирование и обновление кадров, уровень политического отчуждения будет сохраняться.

Полученные выводы и сформулированные рекомендации послужат методологической базой как для последующих исследований, так и для корректировки стратегий политического менеджмента в преддверии новых электоральных циклов.

Литература

1. Ананченкова, П. И. Будущее мировой политики в условиях старения населения / П. И. Ананченкова // Власть. – 2025. – Т. 33, № 4. – С. 287-293. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-4-287-293. – EDN QFSSFP.

2. Антонов, Р. А. Кризис поколений в американской политической элите в начале XXI В.: проблема геронтократии / Р. А. Антонов // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 2. – С. 24-38. – DOI 10.18384/2224-0209-2024-2-1426. – EDN GZXPPS.

3. Барангов, А. О. Социальный инфантилизм в контексте образования и воспитани / А. О. Барангов, И. А. Федосеева // Специфика педагогического образования в регионах России. – 2023. – № 1(16). – С. 41-43. – EDN OACWLU.

4. Виноградова, И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы / И. М. Виноградова // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 51-76. – DOI 10.24412/2227-1538-2024-2-51-76. – EDN MIANZA.

5. Головин, Д. А. К вопросу об изучении факторов, влияющих на политическое сознание современной российской молодежи / Д. А. Головин // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 80-90. – DOI 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90. – EDN RJRJNH.

6. Горшков, М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-98201-021-6.

7. Грищенко, Т. А. Отдельные вопросы реализации избирательных прав граждан при использовании системы дистанционного электронного голосования / Т. А. Грищенко, Н. Ю. Немова, А. А. Смольяков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 92-96. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_2_92. – EDN BYOEHV.

8. Ильин, А. А. Карнавальная политическая культура США и принцип селекции элит: почему олигархия Америки за геронтократию / А. А. Ильин // Вопросы элитологии. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 125-134. – DOI 10.46539/elit.v4i3.165. – EDN SPATDS.

9. Крауч, К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 192 с.

10. Кудрина, Ю. А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение / Ю. А. Кудрина, Н. М. Печенкин, А. А. Косарева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 142-150. – DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150. – EDN WKSIQW.

11. Медийное обеспечение как инструмент повышения осведомленности и доверия российской молодежи к дистанционному электронному голосованию / Г. В. Морозова, Б. И. Якупов, А. Р. Гаврилов,

А. А. Акимов // Litera. – 2025. – № 2. – С. 212-221. – DOI 10.25136/2409-8698.2025.2.73105. – EDN BNLOLV.

12. Новикова, К. Ю. Формирование российской модели дистанционного электронного голосования / К. Ю. Новикова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2024. – № 1. – С. 94-98. – EDN JIILMA.

13. Петухов, В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества / В. В. Петухов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3(157). – С. 119-138. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1621. – EDN QWSVAC.

14. Пырма, Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года / Р. В. Пырма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 2(38). – С. 50-57. – DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57. – EDN ZEKUOD.

15. Савеличева, И. Н. Политическая культура молодежи в научном социологическом дискурсе / И. Н. Савеличева, И. С. Шаповалова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 4(100). – С. 65-85. – DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-4-65-85. – EDN PSYEFY.

16. Селезнева, А. В. Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ / А. В. Селезнева, Н. С. Скипин, Е. А. Турков // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 60-70. – DOI 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70. – EDN OBDBPJ.

17. Устинкина, К. Г. Электоральное поведение российской молодежи / К. Г. Устинкина // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 139-145. – EDN SCBICD.

18. Федоров, В. И. Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021-2023 гг / В. И. Федоров // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – Т. 9, № 3(33). – С. 349-358. – DOI 10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358. – EDN TZEBKL.

19. Честнов, И. Л. Постдемократический политический режим в постсовременном мире / И. Л. Честнов // Криминалистъ. – 2021. – № 1(34). – С. 56-61. – EDN ZOUCMW.

20. Dalton, R. J. Citizenship norms and the expansion of political participation / R. J. Dalton // Political studies. – 2008. – Т. 56. – №. 1. – С. 76-98. – DOI: 10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x.

21. Norris, P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited / P. Norris. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 350 p. – ISBN 978-0-521-19744-1.

22. Wattenberg, M. P. Is Voting for Young People? / M. P. Wattenberg. – 6th ed. – New York: Routledge, 2024. – 208 p. – DOI: 10.4324/9781032633770.

23. ВЦИОМ. Личная ответственность против зависимости и инфантилизма // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnaja-otvetstvennost-protiv-zavisimosti-i-infantilizma (дата обращения: 04.08.2026); ВЦИОМ. Образ российской молодежи: мониторинг // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring (дата обращения: 05.08.2026)

24. Дистанционное электронное голосование: мониторинг // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring (дата обращения: 05.08.2026).

25. The Youth Participation Crisis // URL: https://www.opengovpartnership.org/stories/the-youth-participation-crisis/ (дата обращения: 08.08.2026).

Exclusion of youth from the agenda of election campaigns: causes, consequences and ways to overcome

Vinokurova I.A.

Ural Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Against the backdrop of the global aging of the electorate combined with the transformation of representative democracy institutions, a systemic alienation of young citizens from conventional forms of participation in state governance is observed. The orientation of party structures toward the most disciplined older age cohorts leads to the actual marginalization of youth demands. The established imbalance blocks intergenerational continuity. At the same time, long-term risks of delegitimization of state decisions are being formed, redirecting the energy of social dissatisfaction into the channel of non-institutionalized protest. The aim of the article is to analyze the structural causes of youth exclusion from the real agenda of election campaigns; to assess the socio-political consequences of this phenomenon; and to develop practical strategies for reintegrating new generations into the legal field of public politics. The inadequacy of applying the familiar paradigm of "civic duty" to the modern young voter is substantiated. The author's scheme for overcoming electoral absenteeism through the transition to an infrastructure of "engaged citizenship" is proposed. A pool of non-trivial reintegration mechanisms is formulated: mandatory targeted quotas for young politicians in party lists; integration of micropolitical procedures of participatory budgeting into everyday life; creation of an institute of independent "digital observers" for demystifying online voting algorithms. A triad of key factors of youth political alienation is identified: demographic shift toward gerontocracy; sharp dissonance between the socio-economic needs of new generations and the conservative agenda of parties; pronounced communication gap.

Keywords: absenteeism, gerontocracy, remote electronic voting, election campaigns, youth, political alienation, political participation, electoral behavior

References

1. Ananchenkova, P. I. (2025) The future of world politics in the context of population aging. *Vlast' (The Power)*, 33(4), pp. 287-293. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-4-287-293. https://elibrary.ru/qfssfp.
2. Antonov, R. A. (2024) Generation crisis in the US political elite at the beginning of the 21st century: the problem of gerontocracy. *Russian Social and Humanities Journal*, 2, pp. 24-38. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-2-1426. https://elibrary.ru/gzxpps.
3. Barangov, A. O., Fedoseeva, I. A. (2023) Social infantilism in the context of education and upbringing. *Specifics of Pedagogical Education in the Regions of Russia*, 1(16), pp. 41-43. https://elibrary.ru/oacwlu.
4. Vinogradova, I. M. (2024) Remote electronic voting technology in Russia: implementation experience and further prospects. *PolitBook*, 2, pp. 51-76. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-2-51-76. https://elibrary.ru/mianza.
5. Golovin, D. A. (2020) On the issue of studying factors affecting the political consciousness of modern Russian youth. *Social and Political Sciences*, 10(6), pp. 80-90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90. https://elibrary.ru/rjrnjh.
6. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010) Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: CSPiM, 592 p. ISBN: 978-5-98201-021-6.
7. Grishchenko, T. A., Nemova, N. Yu., Smolyakov, A. A. (2024) Certain issues of realizing citizens' electoral rights when using the remote electronic voting system. *Law and State: Theory and Practice*, 2(230), pp. 92-96. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_92. https://elibrary.ru/byoehv.
8. Ilyin, A. A. (2023) Carnival political culture of the USA and the principle of elite selection: why America's oligarchy is for gerontocracy. *Issues of Elitology*, 4(3), pp. 125-134. DOI: 10.46539/elit.v4i3.165. https://elibrary.ru/spatds.
9. Crouch, C. (2023) Post-democracy. Trans. from English by N. V. Edelman; National Research University Higher School of Economics. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House, 192 p.
10. Kudrina, Yu. A., Pechenkin, N. M., Kosareva, A. A. (2022) Political participation of youth in the elections to the State Duma in 2021: value orientations, electoral preferences and political behavior. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 12(3), pp. 142-150. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150. https://elibrary.ru/wksiqw.
11. Morozova, G. V., Yakupov, B. I., Gavrilov, A. R., Akimov, A. A. (2025) Media support as a tool for increasing awareness and trust of Russian youth in remote electronic voting. *Litera*, 2, pp. 212-221. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73105. https://elibrary.ru/bnlolv.
12. Novikova, K. Yu. (2024) Formation of the Russian model of remote electronic voting. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1, pp. 94-98. https://elibrary.ru/jiilma.
13. Petukhov, V. V. (2020) Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(157), pp. 119-138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621. https://elibrary.ru/qwsvac.
14. Pyrma, R. V. (2019) Electoral participation of youth in the 2018 Russian presidential elections. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 9(38), pp. 50-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57. https://elibrary.ru/zekuod.
15. Savelicheva, I. N., Shapovalova, I. S. (2025) Political culture of youth in scientific sociological discourse. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 20(100), pp. 65-85. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-4-65-85. https://elibrary.ru/psyefy.
16. Selezneva, A. V., Skipin, N. S., Turkov, E. A. (2023) Value-semantic dominants of political morality of Russian youth: political-psychological analysis. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17(2), pp. 60-70. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70. https://elibrary.ru/obdbpj.
17. Ustinkina, K. G. (2014) Electoral behavior of Russian youth. *Problem Analysis and Public Administration Projection*, 7(1), pp. 139-145. https://elibrary.ru/scbicd.
18. Fedorov, V. I. (2024) The impact of REM on voter turnout in elections in Russia in 2021-2023. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 9(33), pp. 349-358. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358. https://elibrary.ru/tzebkl.
19. Chestnov, I. L. (2021) Post-democratic political regime in the post-modern world. *Kriminalist*, 1(34), pp. 56-61. https://elibrary.ru/zoucmw.
20. Dalton, R. J. (2008) Citizenship norms and the expansion of political participation. *Political Studies*, 56(1), pp. 76-98. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x.
21. Norris, P. (2011) Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 350 p. ISBN: 978-0-521-19744-1.
22. Wattenberg, M. P. (2024) Is Voting for Young People? 6th ed. New York: Routledge, 208 p. DOI: 10.4324/9781032633770.

Процесс интеграции новых субъектов в политическое пространство Российской Федерации (на муниципальном уровне)

Канатенко Екатерина Олеговна
аспирант, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e.kanatenko@mail.ru

Исследование посвящено анализу процессов интеграции новых субъектов Российской Федерации в политическое пространство страны с особым вниманием к трансформации системы местного самоуправления. Рассматриваются ключевые проблемы административно-территориальной, правовой и институциональной адаптации новых территорий. На основе комплексного анализа нормативно-правовой базы и практического опыта интеграции выявлены основные барьеры и противоречия в процессе формирования эффективной системы местного самоуправления. Предложены механизмы оптимизации интеграционных процессов, включающие создание специализированных институтов сопровождения, разработку дифференцированных моделей местного самоуправления и формирование адаптивной системы подготовки управленческих кадров. Результаты исследования имеют практическую значимость для совершенствования государственной политики в области территориальной интеграции и развития местного самоуправления.
Ключевые слова: новые субъекты РФ, политическая интеграция, местное самоуправление, территориальное управление, административная адаптация, муниципальная реформа, институциональная трансформация.

Введение

Анализируя процессы территориальной интеграции, мы обнаруживаем, что присоединение новых субъектов к Российской Федерации — событие, разворачивающееся одновременно в нескольких измерениях: правовом, административном, политическом и, что особенно трудно поддаётся формализации, институциональном. Референдумы прошлых лет года зафиксировали вхождение Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в состав России — однако сам акт включения в конституционный периметр государства лишь открывает процесс, а не завершает его.

Правовая рамка выстраивается относительно быстро: принимаются федеральные конституционные законы, формируются переходные периоды, назначаются временные администрации. Институциональная ткань — то, из чего складывается реальное управление на уровне муниципалитета, района, города — нарастает иначе, медленнее, с сопротивлением среды. Именно здесь, на уровне местного самоуправления, интеграция перестаёт быть процедурой и становится практикой: ежедневной, конфликтной, требующей решений, для которых федеральное законодательство даёт рамку, но не содержание.

Местное самоуправление в российской конституционной модели занимает особое положение — оно выведено за пределы системы государственной власти, конституционно обособлено, и именно это обособление создаёт специфическое напряжение при интеграции территорий с иной управленческой традицией. На присоединённых землях десятилетиями действовала украинская модель публичного управления, где разграничение между государственной властью и местным самоуправлением проводилось по другим основаниям, с другой логикой финансирования и другим объёмом полномочий. Встреча двух институциональных логик — это не просто административная задача переходного периода.

Научная проблема, которую предлагаем рассматривать в качестве центральной, состоит в следующем: механизмы политической интеграции новых субъектов в российское пространство изучены преимущественно на уровне федеральных и региональных институтов, тогда как муниципальный уровень остаётся методологически недооснащённым. Исследования переходных периодов — будь то постсоветские трансформации 1990-х или опыт объединения Германии — показывают, что именно низовые институты управления становятся точкой наибольшей институциональной нагрузки: туда стекаются противоречия, которые верхние этажи власти успешно обходят через рамочное регулирование.

Методы и материалы

Анализируя сегодня методологический каркас подобных исследований, мы обнаруживаем устойчивое сочетание трёх аналитических оптик — институциональной, системной и сравнительной, — каждая из которых освещает свой слой одного и того же процесса. Институциональная оптика удерживает в поле зрения правила игры: и те, что записаны в законах, и те, что существуют в практике без всякой записи. Системная — показывает, как элементы политической конструкции держатся друг за друга в момент, когда в неё встраивается новая часть. Сравнительная позволяет различить, где перед нами общая закономерность, а где — черта, принадлежащая только этой территории.

Эмпирический материал складывается из нескольких слоёв: федеральные и региональные нормативные акты, статистика социально-экономического развития, экспертные интервью с представителями власти, аналитические доклады и научные публикации. Каждый слой требует своего инструмента — нормативные тексты проходят через контент-анализ, цифры обрабатываются количественными методами, интервью читаются качественно, с вниманием к тому, где именно собеседник замедляется и оговаривается.

Любопытным поворотом здесь становится то, что опыт Республики Крым и Севастополя с 2014 года по сей день выполняет в исследовании двойную функцию: это одновременно и самостоятельный предмет, и своего рода мерная линейка, приложенная к остальным новым субъектам. Десятилетняя дистанция даёт то, чего не хватает при изучении более свежих случаев, — возможность увидеть, как первоначальные решения обрастают последствиями, как

временные механизмы становятся постоянными, а исключения превращаются в норму.

Результаты и обсуждение

правовое обеспечение включения новых территорий в состав России строится на нескольких уровнях одновременно. Конституция РФ задаёт общий каркас, Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» определяет процедуру, а специальные федеральные конституционные законы фиксируют условия для каждой конкретной территории [5]. Предлагаем рассматривать эту трёхуровневую конструкцию как намеренно гибкую: общая рамка едина, но наполнение под каждый случай своё.

Гибкость проявляется прежде всего в переходных периодах. Для Республики Крым и Севастополя такой период завершился 1 января 2015 года, для субъектов, вошедших в состав России в 2022 году, он продлён до 1 января 2026 года. Разница в сроках говорит о том, что законодатель учитывал глубину расхождения между действовавшими на этих территориях правовыми системами и российским законодательством. Чем сложнее предстоящая гармонизация, тем длиннее отведённый коридор.

Внутри этого коридора особое место занимает организация местного самоуправления. С принятием Федерального закона №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» сам подход к муниципальному устройству изменился: местное самоуправление теперь встроено в единую систему публичной власти, а не существует как отдельный уровень. Для новых субъектов это означает двойную задачу: одновременно перестраивать унаследованные управленческие структуры и встраивать их в логику, которая сама ещё только складывается в масштабах всей страны.

Крым и Севастополь прошли этот путь раньше и по-разному. Республика Крым выстроила территориальную модель с муниципальными и городскими округами, Севастополь как город федерального значения сохранил внутригородские муниципальные образования. Два соседних субъекта, вошедших одновременно, получили разные институциональные конфигурации, и это расхождение само по себе показывает, насколько индивидуальным оказывается каждый интеграционный случай даже при единой правовой рамке.

Субъекты 2022 года находятся сейчас примерно там, где Крым находился в 2014-м: формальное включение состоялось, а институциональная перестройка продолжается. Трансформация затрагивает порядок формирования представительных органов, статус глав муниципальных образований, структуру местных администраций [5]. Всё это меняется постепенно, и постепенность здесь, судя по крымскому опыту, закономерна: административная практика перестраивается медленнее, чем принимаются законы.

Во-вторых, отмечается значительное влияние федерального центра на процессы институциональной трансформации. Для координации интеграционных процессов создаются специальные органы и институты, такие как Министерство по делам Крыма (функционировавшее в 2014-2015 годах), межведомственные комиссии и рабочие группы. Эти структуры обеспечивают методическую поддержку и контроль за реализацией интеграционных мероприятий.

В-третьих, выявлена проблема кадрового обеспечения органов местного самоуправления в новых субъектах. Требуется масштабная переподготовка муниципальных служащих, знакомых с предыдущей системой управления, но не имеющих достаточных компетенций для работы в российской правовой и административной среде [8]. Для решения этой проблемы реализуются программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, организуются стажировки в других регионах России.

Десять лет крымской интеграции дают достаточно материала, чтобы увидеть не только движение вперёд, но и то, где оно замедляется. Качество муниципальных услуг за период 2014-2023 годов заметно выросло, участие в национальных проектах и федеральных программах стало более системным. Однако за этим общим улучшением скрывается устойчивый набор затруднений, которые не исчезают по мере того, как переходный период уходит в прошлое.

Первое из них касается правовой ткани управления. Приведение регионального и муниципального законодательства в соответствие с федеральным формально выглядит как техническая задача, но на практике обнаруживает себя как задача кадровая. Местные нормотворческие органы работали в иной правовой логике годами, и переучиться означает не просто освоить новые нормы, а перестроить сам способ юридического мышления. Там, где переобучение запаздывает, возникают коллизии и пробелы, и они не теоретические: за каждым таким пробелом стоит конкретное решение, которое орган местного самоуправления либо принять не может, либо принимает с нарушением [8].

Правовые коллизии особенно болезненны там, где они накладываются на споры об административно-территориальном устройстве. Пересмотр границ муниципальных образований затрагивает интересы местных элит, которые выстраивали свои позиции под прежнюю конфигурацию территорий. Сопротивление таким изменениям редко бывает открытым, чаще оно выражается в затягивании согласований и в поиске процедурных оснований для сохранения статус-кво. Вопрос о соотношении городских и сельских поселений, муниципальных районов и городских округов при этом остаётся открытым: оптимальная модель для конкретной территории не выводится из общего закона, она нащупывается в ходе управленческой практики.

Под всеми этими трудностями лежит финансовая зависимость, которая ограничивает самостоятельность муниципалитетов сильнее, чем любые правовые коллизии. Собственная доходная база у муниципальных образований в новых субъектах невелика, межбюджетные трансферты покрывают значительную часть расходов, а формирование и исполнение местных бюджетов по российским правилам требует компетенций, которые ещё только накапливаются. Орган местного самоуправления, живущий преимущественно на федеральные и региональные перечисления, неизбежно смещается в сторону исполнения чужих приоритетов, и вопросы местного значения в этой логике оказываются на втором плане.

Четвертая группа проблем относится к социокультурной адаптации. Интеграция предполагает не только формальное изменение институтов, но и трансформацию политической культуры, управленческих практик, моделей взаимодействия власти и общества [9]. Этот процесс является наиболее длительным и сложным, требующим целенаправленных усилий по формированию новых ценностных ориентаций и поведенческих моделей [7].

На основе проведенного анализа можно выделить несколько перспективных направлений оптимизации процесса интеграции новых субъектов в политическое пространство России и совершенствования системы местного самоуправления на этих территориях.

Первое направление связано с совершенствованием нормативно-правовой базы интеграции. Целесообразно разработать и принять федеральный закон, регулирующий особенности организации местного самоуправления в новых субъектах Российской Федерации, который бы учитывал специфику этих территорий и предусматривал поэтапный переход к полноценной реализации положений Федерального закона №33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти".

Второе направление касается институционального развития. Представляется целесообразным создание постоянно действующих координационных органов на федеральном и региональном уровнях, обеспечивающих согласованность действий различных ведомств и уровней власти в процессе интеграции. Устойчивая работа муниципальных органов в новых субъектах во многом определяется тем, кто именно в них работает, — и здесь институциональное развитие упирается в кадровый вопрос. Программы подготовки и переподготовки, выстроенные на сочетании классических образовательных форматов с дистанционным обучением, наставничеством и стажировками, становятся инфраструктурой, без которой любые организационные решения повисают в воздухе.

Финансовая база местного самоуправления в новых субъектах требует отдельного внимания: межбюджетные отношения нуждаются в донастройке, налоговые полномочия муниципалитетов — в расширении, а инвестиционные проекты, направленные на модернизацию инфраструктуры и повышение качества жизни, — в целенаправленной поддержке. Муниципалитет, лишённый собственной экономической опоры, воспроизводит зависимость вместо самоуправления [3].

Гражданское участие в этой конструкции — не декоративный элемент, а условие, при котором интеграция приобретает устойчивость снизу [4]. Территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, общественные советы, цифровые платформы взаимодействия власти и жителей — всё это механизмы, через которые население перестаёт быть объектом управленческих

решений и становится их участником [3]. Культура гражданского участия не возникает по распоряжению, однако институциональная среда способна либо её подавлять, либо давать ей пространство для роста.

Единая модель интеграции, применённая ко всем новым субъектам без разбора, даёт сбои там, где различия между территориями слишком велики — по уровню социально-экономического развития, этноконфессиональному составу, историческим традициям самоуправления. Целесообразнее выстраивать типологию территорий и под каждый тип предлагать собственную конфигурацию местного самоуправления, учитывающую его специфику.

Опыт интеграции Республики Крым и Севастополя с 2014 года остаётся в этом отношении наиболее информативным источником — достаточно протяжённым во времени, чтобы различить, какие решения оказались работающими, а какие потребовали пересмотра. Для территорий, вошедших в состав России в 2022 году, этот опыт служит одновременно ориентиром и предупреждением: успешные практики поддаются тиражированию, однако механический перенос модели без учёта местной специфики воспроизводит и её уязвимости.

К успешным практикам можно отнести создание специализированных институтов сопровождения интеграции (Министерство по делам Крыма, Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя), разработку и реализацию федеральной целевой программы "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года", а также поэтапный подход к трансформации системы местного самоуправления с учетом региональной специфики.

Среди проблемных аспектов следует выделить недостаточную координацию действий различных уровней власти в процессе интеграции, что приводило к дублированию функций и неэффективному использованию ресурсов; сложности в адаптации местных элит к новым правилам и практикам управления; недостаточное внимание к вопросам социокультурной интеграции и формированию новой политической идентичности [9].

Учитывая принятие Федерального закона №33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти", рекомендации по организации интеграционных процессов для новых субъектов требуют существенной корректировки. Данный закон вносит фундаментальные изменения в систему местного самоуправления, встраивая ее в единую систему публичной власти и трансформируя территориальную организацию муниципальных образований.

Ключевые положения нового закона, влияющие на интеграцию новых субъектов, включают: одноуровневую систему местного самоуправления с упразднением поселенческого уровня; введение новых видов муниципальных образований (муниципальные округа, городские округа, внутригородские муниципальные образования); усиление вертикали власти через расширение полномочий глав регионов в отношении муниципалитетов; изменение порядка формирования органов местного самоуправления с акцентом на единство подходов.

С учетом этих изменений, рекомендации по интеграции новых субъектов следует скорректировать:

1. Создание координационного центра на федеральном уровне должно учитывать новую архитектуру публичной власти, обеспечивая согласованность действий федеральных, региональных и муниципальных органов в рамках единой системы.

2. "Дорожные карты" интеграции необходимо разрабатывать с учетом переходного периода до 1 января 2028 года, установленного законом для полной трансформации системы местного самоуправления, предусматривая поэтапное преобразование существующих муниципальных образований.

3. Система мониторинга эффективности интеграции должна включать показатели соответствия новым требованиям к территориальной организации и функционированию органов местного самоуправления, а также оценку качества предоставления муниципальных услуг в новых условиях.

4. Привлечение экспертного сообщества следует ориентировать на разработку моделей оптимальной территориальной организации с учетом новых типов муниципальных образований и принципа экономической состоятельности муниципалитетов.

5. Подготовка кадров для органов местного самоуправления должна включать обучение новым принципам функционирования в единой системе публичной власти, включая механизмы взаимодействия с региональными органами власти и реализацию полномочий в новых условиях.

Анализируя сегодня сферу цифровизации местного самоуправления, мы обнаруживаем, что новый закон не просто фиксирует технические требования — он переопределяет саму архитектуру цифрового пространства публичной власти. Единые региональные цифровые платформы, прежде ориентированные преимущественно на федеральный контур, теперь обязаны встраивать в себя муниципальный уровень как полноправный элемент, т.е. не как периферийный узел, а как структурно необходимую точку связности. Без этой интеграции единство цифрового пространства остаётся декларацией — красивой, но не работающей. Электронный документооборот при этом требует не косметической адаптации, а содержательной перестройки: новые механизмы взаимодействия между уровнями публичной власти, предусмотренные законом, меняют не форму обмена документами, а логику принятия решений, которую этот обмен обслуживает.

Цифровые инструменты общественного участия — отдельная и, пожалуй, наиболее чувствительная часть этой перестройки. Закон закрепляет новые формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления, и адаптировать под них существующие платформы — значит не просто добавить новые кнопки в интерфейс, а переосмыслить, какое действие гражданина считается участием, а какое — имитацией участия. Муниципальные геоинформационные системы, в свою очередь, должны отражать новое территориальное деление и обновлённые полномочия муниципальных образований — иначе управленческие решения будут приниматься на основе карты, которая уже не соответствует реальности. Цифровые двойники муниципалитетов, разрабатываемые без учёта новой структуры органов местного самоуправления, рискуют воспроизвести старую институциональную логику в новой цифровой оболочке — что, пожалуй, хуже, чем отсутствие двойника вовсе.

Особого внимания заслуживает переходный период, в течение которого существующие муниципальные образования будут трансформироваться в новые типы. Для новых субъектов этот процесс осложняется двойной нагрузкой: одновременно необходимо адаптироваться и к российской правовой системе в целом, и к новой модели местного самоуправления в частности — причём эти два процесса не просто параллельны, они взаимно обусловлены и способны усиливать трудности друг друга. Правда, именно здесь возникает пространство для целенаправленной поддержки: методическое сопровождение, финансовая помощь, организационно-правовое содействие при преобразовании муниципальных образований — не факультативные меры, а условия, без которых переход рискует затянуться или принять формальный характер. Разработка специальных механизмов такой поддержки представляется не просто целесообразной, но необходимой.

Закон №33-ФЗ перекраивает логику распределения полномочий между уровнями власти, и для новых субъектов это означает необходимость выстраивать эту логику заново — через принцип субсидиарности и экономическую целесообразность. Территории с низкой бюджетной обеспеченностью оказываются здесь в особом положении: полномочия закреплены, а ресурсов для их реализации едва хватает.

Заключение

Предлагаем рассматривать интеграцию новых субъектов в политическое пространство страны как процесс, в котором местное самоуправление несёт непропорционально высокую нагрузку — именно потому, что находится ближе всего к человеку, к его повседневным запросам и претензиям. Системный характер этого процесса проявляется в том, что сбой на любом из уровней немедленно отзывается на муниципальном.

Правовая гармонизация, финансовая зависимость муниципалитетов, кадровый дефицит, слабость механизмов гражданского участия — каждая из этих проблем существует отдельно, однако в совокупности они описывают одну и ту же конструктивную уязвимость: институт, встроенный в новую систему формально, ещё долго остаётся в ней чужеродным телом по существу.

Для оптимизации интеграционных процессов предлагается комплекс мер, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, создание эффективных координационных механизмов, укрепление финансово-экономической основы местного самоуправления, развитие институтов гражданского общества, внедрение цифровых технологий в муниципальное управление.

Опыт интеграции Республики Крым и города Севастополя демонстрирует, что успешная интеграция новых субъектов требует не только формального изменения институтов и правовых норм, но и глубокой трансформации политической культуры, управленческих практик, моделей взаимодействия власти и общества. Этот опыт должен быть учтен при разработке стратегий интеграции новых субъектов, принятых в состав России в 2022 году.

Перспективы дальнейших исследований связаны с мониторингом и оценкой эффективности интеграционных процессов в новых субъектах, выявлением факторов, способствующих или препятствующих успешной интеграции, разработкой дифференцированных моделей организации местного самоуправления для различных типов территорий.

Литература

1. Васякина Е. В. Правовое регулирование интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе: компромисс международного и внутригосударственного права // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 27–29.
2. Идрышева С. К. Формирование интеграционного права региональных объединений // Право.by. 2015. № 3 (35). С. 18–21.
3. Васильев В. И., Постников А. Е., Помазанский А. Е. Развитие демократических принципов и институтов на муниципальном уровне: правовые основы. М., 2021. 288 с.
4. Мингазова Д. Р., Вестов Ф. А. Значимость волонтерской деятельности в обеспечении прав и свобод граждан на вновь присоединенных территориях // Базис. 2023. № 1 (13). С. 14–17.
5. Мягкова С. В., Коньшин А. Н. Формирования органов публичной власти на новоприсоединенных территориях Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2023. № 1. С. 47–50.
6. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Актуальные проблемы международно-правового признания новых российских территорий // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 5–1. С. 539–547.
7. Погорелова И. А., Погорелов П. В. Опыт работы с молодежью на современном этапе в Луганской Народной Республике // Теория и практика организации работы с молодёжью: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 150–155.
8. Чаннов С. Е. Государственная и муниципальная служба на новых территориях Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 10. С. 11–16.
9. Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.

The process of integrating new subjects into the political space of the Russian Federation (at the municipal level)

Kanatenko E.O.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The study analyzes the integration processes of new subjects of the Russian Federation into the country's political space, with special attention to the transformation of the local self-government system. The research examines key issues of administrative-territorial, legal, and institutional adaptation of new territories. Based on a comprehensive analysis of the regulatory framework and practical integration experience, the main barriers and contradictions in the formation of an effective local self-government system have been identified. The study proposes mechanisms for optimizing integration processes, including the creation of specialized support institutions, the development of differentiated models of local self-government, and the formation of an adaptive system for training managerial personnel. The research results have practical significance for improving state policy in the field of territorial integration and development of local self-government.

Keywords: new subjects of the Russian Federation, political integration, local self-government, territorial administration, administrative adaptation, municipal reform, institutional transformation.

References

1. Vasyakina E. V. Legal regulation of integration processes in the Eurasian Economic Union: a compromise between international and domestic law // Eurasian Law Journal. 2021. No. 11 (162). Pp. 27–29.
2. Idrysheva S. K. The development of integration law of regional associations // Pravo.by. 2015. No. 3 (35). Pp. 18–21.
3. Vasilyev V. I., Postnikov A. E., Pomazansky A. E. Development of democratic principles and institutions at the municipal level: legal foundations. Moscow, 2021. 288 p.
4. Mingazova D. R., Vestov F. A. The importance of volunteering in ensuring the rights and freedoms of citizens in newly incorporated territories // Basis. 2023. No. 1 (13). Pp. 14–17.
5. Myagkova S. V., Konshin A. N. Formation of public authorities in newly incorporated territories of the Russian Federation // International Journal of Civil and Commercial Law. 2023. No. 1. Pp. 47–50.
6. Novikov A. V., Slabkaya D. N. Current issues of the international legal recognition of new Russian territories // Matters of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 5–1. Pp. 539–547.
7. Pogorelova I. A., Pogorelov P. V. Current experience of youth work in the Lugansk People's Republic // Theory and practice of youth work: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics, 2023. Pp. 150–155.
8. Channov S. E. State and municipal service in new territories of the Russian Federation // Administrative Law and Procedure. 2023. No. 10. Pp. 11–16.
9. Shestopal E. B., Selezneva A. V. Sociocultural threats and risks in contemporary Russia // Sociological Studies. 2018. No. 10. Pp. 90–99.

Этико-правовые риски внедрения технологий искусственного интеллекта в процессе цифровизации государственного управления

Панина Елена Николаевна
кандидат психологических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Сибирский юридический институт МВД России, conf_22@inbox.ru

В статье исследуются этико-правовые риски внедрения технологий искусственного интеллекта в процессе цифровизации государственного управления. Цель работы состоит в выделении и систематизации рисков, возникающих при применении интеллектуальных систем в деятельности органов публичной власти. Обосновывается, что использование искусственного интеллекта в публичной сфере отличается от его применения в коммерческом секторе, поскольку алгоритмически поддерживаемые решения способны непосредственно влиять на реализацию конституционных прав, публично-правовой статус граждан и доверие к государственным институтам. Выделены риски алгоритмической непрозрачности, дискриминации, ошибочной обработки данных, нарушения приватности, размывания публичной ответственности, цифрового неравенства, технологической зависимости от разработчиков, киберугроз, неправомерного профилирования и подмены индивидуального рассмотрения автоматизированной оценкой. Каждый риск рассмотрен через возможные сферы применения ИИ в государственном управлении: предоставление государственных услуг, социальная поддержка, контрольно-надзорная деятельность, здравоохранение, миграционный контроль, государственные закупки и правоохранительная деятельность. Делается вывод о необходимости разработки единой модели искусственного интеллекта в публичной сфере, включающей принципы и механизмы человекоцентричного использования технологий: законность, приоритет прав и свобод, человеческий контроль, объяснимость решений, подотчетность, недискриминацию, минимизацию данных, аудит алгоритмов и доступность внесудебного и судебного обжалования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; государственное управление; цифровизация; этика искусственного интеллекта; права человека; алгоритмическая прозрачность; цифровое неравенство; публичная ответственность; человекоцентричный подход; государственные услуги.

Введение

Внедрение технологий искусственного интеллекта в государственное управление является закономерным направлением цифровой трансформации публичного сектора. Использование интеллектуальных систем позволяет автоматизировать документооборот, обрабатывать обращения граждан, осуществлять межведомственный обмен сведениями, прогнозировать риски, выявлять аномалии в государственных закупках, анализировать массивы статистических данных и поддерживать принятие управленческих решений. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года связывает развитие ИИ с решением задач социально-экономического развития, совершенствованием государственного управления, повышением доступности услуг и укреплением технологического потенциала Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»).

Вместе с тем применение ИИ в публичной сфере имеет принципиально иное значение, чем его использование в коммерческой деятельности. В частном секторе алгоритмическая ошибка обычно связывается с экономическими потерями, репутационными издержками либо снижением качества сервиса. В государственном управлении последствия могут выражаться в необоснованном отказе в государственной услуге, ограничении доступа к социальной поддержке, проведении проверки, нарушении права на неприкосновенность частной жизни, ошибочном отнесении лица к группе риска или фактическом ограничении возможности реализовать субъективное право.

ИИ в публичном управлении действует не изолированно от правовой системы. Он включается в процедуры реализации компетенции государственных органов, подготовки административных решений, распределения публичных ресурсов и осуществления контроля. Поэтому применение таких технологий должно оцениваться не только через критерии технологической точности и экономической эффективности, но и с точки зрения принципов правового государства, законности, равенства, справедливости, юридической определенности, защиты достоинства личности и гарантированности судебной защиты.

Научная новизна настоящего исследования заключается в выделении и систематизации этико-правовых рисков, возникающих именно при внедрении технологий искусственного интеллекта в систему государственного управления. В отличие от общего описания угроз цифровизации, рассматриваемые риски соотносятся с конкретными видами публичной деятельности и юридическими последствиями, которые могут наступить для граждан, организаций и органов власти. Такой подход позволяет показать, что проблема ИИ состоит не только в технической надежности алгоритма, но и в сохранении конституционно-правовой природы публичного решения.

Специфика ИИ в публичной сфере

Искусственный интеллект может использоваться в государственном управлении на разных уровнях. С точки зрения наименьшего риска может быть рассмотрено использование ИИ для реализации технических и вспомогательных функций: распознавания тех или иных документов, поиска необходимой информации, составления проектов ответов на запросы граждан, сортировки обращений к должностным лицам, выявления дублирующих сведений и контроля сроков исполнения. В указанных ситуациях технология не определяет как таковое содержание публичного решения, а лишь способствует оптимизации внутренней (технической) деятельности конкретного органа власти.

Применение ИИ в сфере аналитики определяет более высокий уровень этико-правовых рисков. В частности, алгоритм вполне способен выявлять коррупционные риски, формировать конкретные прогнозы, оценивать вероятные нарушения при организации исполнения того или иного управленческого решения, определять приоритетность рассмотрения обращений граждан или направлять ресурсы на определенные территории. Даже если подобная система формально не принимает окончательное решение, ее вывод способен существенно повлиять на принятие решения уполномоченного должностного лица.

И, наконец, максимальный риск присутствует в тех ситуациях, когда ИИ непосредственно участвует в управленческих процедурах,

затрагивающих правовой статус личности. Например, определении права на социальную выплату, принятии окончательного решения о предоставлении либо отказе в государственной услуге, выборе объекта проверки или контроля, оценке миграционного риска, обработке сведений о здоровье субъекта, назначении мер социальной поддержки или выявлении признаков правонарушения. В подобных случаях алгоритмическая рекомендация вполне может приобрести обязательный характер, а должностное лицо превращается в формального оператора-исполнителя автоматизированного решения.

Таким образом, именно публично-правовая природа решений в процессе государственного управления предопределяет особые, повышенные требования к использованию ИИ. Государство в лице должностных лиц не вправе ссылаться на точную определенность алгоритма как на самостоятельное основание для вмешательства в сферу прав граждан. Критерий технологической эффективности не должен заменять критерий законности, а автоматизация, как аспект принятия управленческого решения, не должна исключать необходимость принятия должностным лицом мотивированного решения, гарантирующего равенство участников процесса и возможность его обжалования.

Далее последовательно рассмотрим этико-правовые риски внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу государственного управления.

Алгоритмическая непрозрачность

В качестве одного из значимых рисков, по нашему мнению, выступает алгоритмическая непрозрачность. В литературе подобное явление нередко описывается как «черный ящик». Суть его состоит в том, что логику результата, полученного с использованием алгоритма ИИ, сложно, а порой и невозможно, объяснить не только обычному пользователю или должностному лицу, но и разработчику алгоритма.

Очевидно, что в государственном управлении непрозрачность несовместима с требованием мотивированности административного решения. Гражданин должен понимать, по каким причинам ему отказано в выплате, почему его заявление направлено на дополнительную проверку, по каким критериям организация отнесена к категории риска и т.д. Если единственным объяснением становится ссылка на вывод системы, возникает ситуация, при которой право на получение информации о причинах решения становится формальным.

Например, алгоритм в сфере социальной поддержки может не рекомендовать назначение выплаты из-за несоответствия сведений, полученных из разных реестров. Однако данные могут оказаться устаревшими, содержать техническую ошибку или не учитывать конкретные обстоятельства семьи. Если гражданину не разъяснены основания автоматизированного вывода и не предоставлена возможность представить уточняющие документы, цифровой сервис начинает ограничивать, а не обеспечивать доступ к государственной поддержке.

Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта исходит из необходимости прозрачности и объяснимости систем ИИ, особенно когда их применение затрагивает права и свободы человека (UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, 2021). В публичной сфере объяснимость означает не обязательное раскрытие всего исходного кода, а предоставление понятной информации о том, какие юридически значимые данные были использованы, какие критерии сыграли определяющую роль и какой субъект несет ответственность за итоговое решение.

Алгоритмическая дискриминация

Следующий этико-правовой риск связан с алгоритмической предвзятостью и, как следствие, дискриминацией. Система ИИ обучается на данных, которые не исключают ошибки, пробелы, а также могут содержать социальные стереотипы и результаты ранее сложившейся практики. Необходимо понимать, что алгоритм не является нейтральным только потому, что он технический, он воспроизводит структуру и качество информации, на которой обучался, формировал критерии принятия решения.

В государственном управлении предвзятость особенно опасна при применении ИИ в таких сферах как: социальная политика, контрольная деятельность, здравоохранение, миграционное администрирование и правоохранительная деятельность. Так, алгоритм, формирующий приоритет проверок, может опираться на сведения о ранее проведенных контрольных мероприятиях и их результатах. Если определенные категории организаций или территории исторически проверялись чаще, система может закрепить этот паттерн и постоянно относить их к группе повышенного риска без достаточных на то объективных оснований.

Аналогичные проблемы возможны при оценке нуждаемости граждан в той или иной услуге. Если алгоритм использует косвенные признаки – место проживания, тип занятости, состав семьи, данные о расходах, – он может давать заниженную оценку права на поддержку лицам, чьи жизненные обстоятельства не укладываются в типовую модель. Формально нейтральные критерии способны производить дискриминационный эффект, если непропорционально затрагивают определенные группы населения.

Конституционный принцип равенства требует, чтобы применение ИИ не приводило к необоснованному различию в обращении с гражданами. Снижению данного риска должна способствовать проверка обучающих данных до внедрения системы, тестирование результатов для разных групп и постоянный мониторинг ошибочных решений. При проявлении устойчивого дискриминационного эффекта алгоритм должен быть скорректирован, а его использование – приостановлено до устранения выявленных нарушений.

Ошибки данных и автоматизированная несправедливость

Третий этико-правовой риск состоит в использовании неполных, недостоверных или устаревших данных. ИИ не способен компенсировать недостатки исходной информации, а, напротив, может масштабировать ошибку, распространяя ее на большое число решений.

Специфика решений в сфере государственного управления состоит в том, что многие из них базируются на сведениях из соответствующих реестров. Например, право на пособие может зависеть от данных о доходах, составе семьи, регистрации по месту жительства, наличии или отсутствии имущества. Если хотя бы один из источников содержит неточную информацию, алгоритм вполне может допустить необоснованный вывод, ошибка может быть воспроизведена без анализа конкретной информации. В случае же принятия решения конкретным должностным лицом, оно может зафиксировать неточность или противоречие и инициировать уточнение информации или запросить дополнительные документы.

Представим ситуацию, когда гражданин меняет место работы, переходит с высокооплачиваемой на деятельность со средней или даже низкой заработной платой. При этом не исключается, что сведения в реестре доходов обновляются с задержкой. Алгоритм, оценивающий право на социальную выплату, использует прежние сведения и автоматически формирует отказ. Таким образом, гражданин сталкивается не только с фактической ошибкой, но и с трудностью ее исправления, если порядок пересмотра итогового решения не предусмотрен или неочевиден.

В данном случае этико-правовой риск заключается в подмене принципа индивидуального рассмотрения дела в конкретной, изменяющейся ситуации формальной обработкой абстрактного цифрового профиля. Очевидно, что для максимального учета прав и интересов граждан государственное управление не может исходить из презумпции безошибочности внесенных в реестры данных. Напротив, оно должно предоставлять гражданину возможность ознакомиться со сведениями, на основании которых принято решение, при необходимости исправить их и инициировать повторное рассмотрение обращения.

Нарушение приватности и чрезмерное наблюдение

Четвертым этико-правовым риском является угроза неприкосновенности частной жизни. Функционирование ИИ предполагает обработку значительных массивов информации, включая персональные данные, сведения о здоровье, финансовом положении, месте нахождения, семейных связях, поведении граждан и т.д. Чем больше данных получает алгоритм, тем точнее может быть его прогноз. Однако увеличение объема данных не должно превращаться при осуществлении государственного управления в самоцель.

Федеральный закон «О персональных данных» закрепляет принципы законности, справедливости, ограничения обработки конкретными законными целями и соответствия содержания и объема данных заявленным целям обработки (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»). Эти требования в полной мере должны применяться и к системам ИИ. Техническая

возможность собрать и сопоставить данные не создает самостоятельного правового основания для активного вмешательства в частную жизнь граждан.

Например, использование ИИ для выявления лиц, имеющих право на социальную поддержку, может требовать анализа сведений о доходах и составе семьи. Однако сбор данных о перемещениях, интернет-активности или контактах гражданина для этой цели будет несоразмерным. Отсутствие ясных ограничений способно привести к формированию цифрового профиля личности, который используется шире первоначально определенной цели.

Особую угрозу представляет объединение разрозненных баз данных без четко определенной правовой цели и надлежащего контроля доступа. Такая практика увеличивает риск утечки, неправомерного использования сведений, дискриминационного профилирования и несанкционированного наблюдения. В связи с этим применение ИИ должно быть основано на принципе минимизации запрашиваемых данных, т.е. использование только тех сведений, без которых конкретная публичная задача не может быть решена.

Размывание ответственности

Пятым этико-правовым риском выступает размывание публичной ответственности за принятое решение. При использовании ИИ в процессе принятия решения возможна ситуация, когда должностное лицо ссылается на вывод системы, государственный орган – на технического оператора, а разработчик – на некорректное использование продукта. В результате гражданин не понимает, кто несет ответственность за ошибку и к кому обращаться за ее исправлением.

Такой подход противоречит основам публичной власти: ИИ не является субъектом права, не обладает самостоятельной компетенцией и не может нести юридическую ответственность. Он не может быть адресатом жалобы или ответчиком по административному делу. Следовательно, применение ИИ не должно разрывать связь между принятием публичного решения и ответственным за данное направление государственным органом.

Например, если система ошибочно определила гражданина как не имеющего права на льготу, ответственность за отказ не может быть перенесена на алгоритм. Государственный орган обязан обеспечить качество данных, правомерность критериев, проверку результата и возможность пересмотра. Частный разработчик может нести договорную, гражданско-правовую или иную ответственность в пределах отношений с заказчиком, однако перед гражданином публичную ответственность должен сохранять орган власти.

Для устранения данного риска представляется целесообразным заранее распределять роли, обязанности и ответственность всех участников: заказчика, разработчика, оператора, администратора системы, должностного лица, принимающего итоговое решение, и органа, рассматривающего жалобу. Такое распределение должно быть закреплено в нормативных правовых актах, регламентах и технических заданиях.

Деформация доверия и легитимности

Шестой этико-правовой риск состоит в снижении доверия граждан к публичной власти. Доверие связано не только с результативностью государственного управления, но и с понятностью, справедливостью и доступностью процедур. Если гражданин получает отказ от системы, не может выяснить его причины и не имеет понятного способа оспорить решение, им цифровизация воспринимается как отчуждение государства от человека.

Данная проблема особенно остра в ситуациях использования ИИ для оценки рисков, выявления потенциальных нарушений или ранжирования граждан по различным параметрам. Переход к «управлению по вероятности» может изменить саму природу отношений государства и личности: неблагоприятные последствия наступают не за уже совершенное противоправное деяние, а за прогнозируемую модель поведения.

Например, алгоритм может рекомендовать проведение дополнительной проверки в отношении организации на основе совокупности статистических признаков. Безусловно, статистическая аналитика значительно облегчает принятие управленческого решения, но она должна носить рекомендательный характер. Такая рекомендация допустима как вспомогательная информация, но не должна являться юридическим основанием для проверки. В том случае, если прогноз ИИ становится фактической причиной дополнительной проверки без надлежащего анализа, принцип законности заменяется вероятностной оценкой, что недопустимо при осуществлении государственной управленческой деятельности.

Этот риск особенно опасен тем, что снижение доверия в долгосрочной перспективе может нивелировать преимущества цифровизации в социальном аспекте. Государство, использующее непрозрачные алгоритмы, рискует сформировать внешне современную, но социально нелегитимную систему управления. В связи с этим оптимально открытая информация о применении ИИ, наличие механизмов обратной связи и гарантии обжалования принятого решения являются не дополнительными, а обязательными элементами цифрового публичного управления.

Цифровое неравенство и исключение

Седьмой этико-правовой риск проявляется в цифровом неравенстве. ИИ часто внедряется вместе с цифровыми платформами, электронными идентификаторами, дистанционными формами подачи заявлений и автоматизированными сервисами. Безусловно, для значительной части граждан этот формат повышает удобство и значительно сокращает продолжительность получения услуг. Однако в настоящее время сохраняется значительное количество граждан, для которых цифровизация может стать новым препятствием в процессе получения государственных услуг: лица с недостаточным доступом к интернету, низкой цифровой грамотностью, инвалидностью, языковыми барьерами или проживанием в удаленных территориях.

Если получение государственной услуги базируется только на цифровой платформе, то гражданин, не обладающий соответствующими навыками или техническими средствами, оказывается в невыгодном положении. Это обстоятельство само по себе уже противоречит принципу равного доступа к публичным услугам. Ослабить проявление этого риска должно сохранение, наряду с использованием ИИ, традиционных способов обращения, особенно в сферах социальной защиты, здравоохранения, правосудия и миграционных процедур.

Например, чат-бот, предназначенный для информирования граждан о мерах социальной поддержки, весьма полезен для оперативного ответа на типовые вопросы. Однако он не должен быть единственным каналом коммуникации для пожилого человека, лица с нарушением зрения или гражданина, нуждающегося в индивидуальном разъяснении сложной правовой ситуации. В таких случаях для решения должна сохраняться возможность прямого обращения к человеку – специалисту органа власти или многофункционального центра.

Технологическая зависимость и приватизация публичной функции

Восьмым риском является зависимость государственных органов от частных разработчиков и поставщиков технологий. Большинство сложных ИИ-решений создается коммерческими организациями, которые могут обладать исключительными правами на программное обеспечение, контролировать обновления, архитектуру и отдельные компоненты используемой системы. Если государственный орган не располагает достаточной технической экспертизой, он может оказаться зависимым от поставщика в вопросах, затрагивающих реализацию публичных полномочий.

Такая зависимость создает этический и правовой риск скрытой приватизации публичной функции. Разработчик может влиять на параметры системы, критерии классификации, порядок обработки данных и возможности аудита. При этом гражданин взаимодействует с публичной властью, но фактическая логика обработки его обращения определяется частной инфраструктурой.

Для предупреждения данного этико-правового риска необходимы четко сформулированные требования к государственным контрактам на разработку и внедрение ИИ. Они должны предусматривать право заказчика на аудит, доступ к документации, контроль за обновлениями, обеспечение информационной безопасности, возможность независимой экспертизы и порядок передачи данных. В чувствительных сферах государство должно сохранять возможность самостоятельного контроля над ключевыми компонентами системы.

Киберугрозы и манипулирование результатами

Девятый этико-правовой риск связан обеспечением безопасности ИИ-систем. Алгоритмы могут быть объектом внешних атак, неправомерного изменения данных, подмены обучающей выборки и манипулирования результатами. В публичной сфере подобные атаки способны повлиять на распределение бюджетных средств,

обработку обращений, государственные закупки, реестровые записи и контрольные мероприятия.

Например, если в системе оценки рисков контролируемых субъектов будет изменен набор данных или параметров модели, отдельная организация может быть неправомерно исключена из группы контроля либо, напротив, необоснованно подвергнута дополнительным проверкам. В сфере государственных услуг вмешательство в алгоритм может привести к задержкам выплат, ошибочному отказу или утечке персональной информации.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает правовые основы защиты информации, а законодательство о критической информационной инфраструктуре предусматривает специальные требования безопасности для значимых объектов (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»). Однако применение ИИ требует дополнительного внимания к специфическим угрозам: отравлению данных, атаке на модель, подмене результатов и использованию уязвимостей при интеграции систем.

Неправомерное профилирование

Десятый этико-правовой риск заключается в возможном неправомерном профилировании граждан: ИИ способен объединять разнородные сведения и на этом основании прогнозировать возможные модели поведения как отдельных граждан, так и целых социальных групп. В зависимости от целей подобный анализ может использоваться, с одной стороны, для выявления мошеннических схем, а с другой – для определения права на социальную поддержку или оценку вероятности нарушения правовой нормы или государственного установления. При этом граница между правомерным анализом данных и чрезмерным профилированием является весьма размытой.

Чрезмерное профилирование опасно тем, что создает предпосылки для принятия решений не на основе конкретных юридических фактов, а с опорой на вероятностные характеристики. Гражданин может быть отнесен к категории риска не по факту совершения им нарушения, а в связи с конкретным местом проживания, проведением тех или иных финансовых операций или наличием определенных социальных связей. Подобный подход противоречит принципу индивидуализации публичного решения и способен привести к стигматизации отдельных групп.

Таким образом, при осуществлении цифровизации государственного управления, необходимо учитывать, что применение прогнозных моделей допустимо лишь как вспомогательный инструмент. Оно не может быть единственным основанием для ограничения прав, отказа в услуге, привлечения к ответственности или проведения контрольного мероприятия. В каждом конкретном случае при принятии управленческого решения необходимо устанавливать конкретные юридические факты, а не ограничиваться статистической оценкой вероятности проявления того или иного варианта поведения.

Необходимость единой модели человекоцентричного ИИ

Анализ выделенных рисков позволяет сделать следующий вывод: регулирование использования ИИ в государственном управлении не может сводиться к требованиям технической безопасности или защите персональных данных. Целесообразно внедрение единой модели использования ИИ в публичной сфере, соединяющей этические ориентиры с юридически обязательными процедурами.

При этом необходимо исходить из того, что ИИ является лишь вспомогательным инструментом публичной власти, а не самостоятельным субъектом управления. Для оптимального функционирования подобной модели ее содержание должно определяться следующими принципами:

наличие четко определенной публичной цели, в обязательном порядке предусматривающей законность применения ИИ;

приоритет прав, свобод и достоинства человека при осуществлении публичной управленческой деятельности;

сохранение контроля человека-должностного лица в качестве обязательного аспекта при принятии юридически значимого управленческого решения;

понятность для граждан и возможность оспорить ими алгоритмически поддерживаемые решения;

персональная ответственность государственного органа и соответствующего должностного лица за конкретное принятое управленческое решение;

недопустимость дискриминации и регулярная проверка алгоритмической предвзятости при обеспечении управленческого решения;

минимизация запрашиваемых данных, ограничение целей их обработки и защита приватности в соответствии с конкретным запросом на государственную услугу;

безопасность информационных систем и устойчивость к внешнему вмешательству;

доступность для граждан альтернативных, нецифровых форм взаимодействия с государством;

независимый аудит систем ИИ и общественная подотчетность.

Механизмы реализации данной модели должны включать предварительную оценку воздействия ИИ-системы на права граждан; классификацию систем по уровню риска; обязательный аудит высокорисковых алгоритмов; ведение реестра ИИ-систем, используемых государственными органами; регламентацию процедур контроля качества данных; фиксацию действий пользователей; право гражданина на уведомление об использовании ИИ и на пересмотр решения человеком; создание ведомственных этических комиссий; а также развитие цифровой грамотности государственных служащих и населения.

Особое значение имеет дифференцированный подход. Чем выше риск вмешательства в права человека, тем жестче должны быть требования к применению ИИ. Система распознавания документов может использоваться в упрощенном режиме при соблюдении требований безопасности. Однако система, влияющая на назначение социальной выплаты, определение объекта проверки, миграционный статус или медицинскую помощь, должна проходить предварительную правовую, этическую и техническую экспертизу.

В перспективе такая единая модель может быть обозначена как модель «humanum-sitas» – модель человекоцентричного положения личности в системе цифрового государственного управления. Однако ее значение заключается не в создании новой терминологии как самоцели, а в закреплении принципиального подхода: технология должна быть встроена в правовую систему таким образом, чтобы человек сохранял возможность понимать, контролировать и оспаривать решения, затрагивающие его права.

Заключение

Внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс цифровизации государственного управления обладает значительным потенциалом. ИИ способен повысить оперативность предоставления государственных услуг, сократить рутинную нагрузку, выявлять риски, оптимизировать распределение ресурсов и улучшать качество аналитической работы органов публичной власти. Однако положительный эффект не является автоматическим и зависит от того, каким образом технологии включены в систему правовых гарантий.

Научная новизна статьи состоит в систематизации рисков, которые возникают именно при использовании ИИ в публичной сфере: алгоритмической непрозрачности, дискриминации, ошибок данных, чрезмерного вмешательства в частную жизнь, размывания ответственности, деформации доверия, цифрового неравенства, технологической зависимости, киберугроз и неправомерного профилирования. Эти риски связаны с тем, что ИИ способен не только поддерживать, но и фактически предопределять управленческие решения, воздействующие на конституционно-правовой статус человека.

Основной вывод заключается в необходимости разработки единой модели искусственного интеллекта в государственном управлении. Такая модель должна основываться на принципах и механизмах человекоцентричного использования технологий в публичной сфере. Ее целью должно стать не торможение цифровизации, а обеспечение того, чтобы технологическое развитие усиливало, а не ослабляло законность, равенство, справедливость, подотчетность и доверие к государству.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный

интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.09.2026).

2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (ред. от 15.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.09.2026).

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3448.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3451.

5. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31, ч. I. Ст. 4736.

6. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2021. URL: https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics (дата обращения: 19.09.2026).

7. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law: CETS No. 225. Vilnius, 2024. URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 19.09.2026).

8. European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 19.09.2026).

9. Талапина Э. В. Искусственный интеллект и право: новые вызовы для публичного управления // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

10. Южаков, В. Н. Выявление системных правовых ограничений цифровизации государственного управления: текущее состояние и перспективы / В. Н. Южаков, А. А. Ефремов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — № 3 (42). — С. 110–123.

11. Zuiderwijk A., Chen Y.-C., Salem F. Implications of the Use of Artificial Intelligence in Public Governance: A Systematic Literature Review and a Research Agenda // Government Information Quarterly. 2021. Vol. 38, No. 3. Article 101577.

Ethical and legal risks of introducing artificial intelligence technologies in the process of digitalization of public administration

Panina E.N.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the ethical and legal risks of introducing artificial intelligence technologies in the process of digitalization of public administration. The purpose of the work is to identify and systematize the risks arising from the use of intelligent systems in the activities of public authorities. It is proved that the use of artificial intelligence in the public sphere differs from its use in the commercial sector, since algorithmically supported solutions can directly affect the realization of constitutional rights, the public legal status of citizens and trust in state institutions. The risks of algorithmic opacity, discrimination, erroneous data processing, violation of privacy, blurring of public responsibility, digital inequality, technological dependence on developers, cyber threats, unlawful profiling and substitution of individual review by automated assessment are highlighted. Each risk is considered through possible areas of application of AI in public administration: provision of public services, social support, control and supervisory activities, healthcare, migration control, public procurement and law enforcement. It is concluded that it is necessary to develop a unified model of artificial intelligence in the public sphere, including the principles and mechanisms of human-centered use of technology: legality, priority of rights and freedoms, human control, explicitness of decisions, accountability, non-discrimination, data minimization, algorithm audit, and the availability of out-of-court and judicial appeals.

Keywords: artificial intelligence; public administration; digitalization; ethics of artificial intelligence; human rights; algorithmic transparency; digital inequality; public responsibility; human-centered approach; public services.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (date of reference: 09/19/2026).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial Intelligence in the Russian Federation" together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030 (ed. from 15.02.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (date of reference: 09/19/2026).
3. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31, part 1, Article 3448.
4. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31, Part 1, Article 3451.
5. Federal Law No. 187-FZ of July 26, 2017 "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31, ch. I. St. 4736.
6. UNESCO. Recommendation on the ethics of artificial intelligence. Paris: UNESCO, 2021. URL: https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics (date of request: 09/19/2026).
7. The Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law: CETS No. 225. Vilnius, 2024. URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (date of request: 09/19/2026).
8. The European Parliament and the Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of June 13, 2024, establishing harmonized rules in the field of artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (date of access: 09/19/2026).
9. Talapina E. V. Artificial intelligence and law: new challenges for public administration // Journal of Russian Law. 2020. No. 9. pp. 5-18.
10. Yuzhakov, V. N. Identification of systemic legal limitations of digitalization of public administration: current state and prospects / V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. — 2020. — № 3 (42). — Pp. 110-123.
11. Zuiderwijk A., Chen Y.-S., Salem F. The consequences of using artificial intelligence in public administration: a systematic review of the literature and a research program // Government Information Quarterly. 2021. Volume 38, No. 3. Article 101577.

Цивилизационная идентичность России в системе нормативно-стратегического обеспечения внешней политики

Горюнов Илья Павлович
аспирант, кафедра международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), goryunov.ilya@mail.ru

В статье исследуются особенности закрепления цивилизационной идентичности Российской Федерации в системе нормативно-стратегического обеспечения внешней политики. На основе сравнительного и формально-юридического анализа Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом и Концепции внешней политики Российской Федерации выявляются особенности соотношения культурно-ценностных ориентиров, стратегического целеполагания и механизмов международной деятельности государства. Обосновывается необходимость разграничения официального цивилизационного самоописания России, юридической формы закрепления стратегических документов и практических инструментов реализации внешнеполитических приоритетов. Предлагается классификация нормативно-стратегического обеспечения цивилизационной идентичности, включающая ценностно-охранительное, инструментально-гуманитарное и внешнеполитическое измерения. Разработаны нормативно-содержательный, институционально-инструментальный и практико-результативный критерии оценки согласованности цивилизационных установок с внешнеполитической деятельностью. Сделан вывод о необходимости самостоятельной эмпирической проверки степени влияния цивилизационной идентичности на международно-политическую практику Российской Федерации.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность России; государство-цивилизация; нормативно-стратегическое обеспечение внешней политики; стратегическое планирование; внешнеполитическое целеполагание; традиционные духовно-нравственные ценности; международное гуманитарное сотрудничество; институциональные механизмы внешней политики; согласованность стратегических установок и внешнеполитической практики.

Введение

Трансформация современной системы международных отношений сопровождается изменением подходов государств к определению собственной международной роли. Наряду с традиционными категориями суверенитета, национальных интересов и безопасности возрастающее значение приобретают представления об историко-культурной самобытности и цивилизационной принадлежности, находящие отражение в документах стратегического планирования.

Особую актуальность данная проблематика приобретает применительно к Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. закрепляет характеристику России как самобытного государства-цивилизации, включая цивилизационную идентичность в систему официального внешнеполитического целеполагания [1]. Вместе с тем нормативное утверждение соответствующего положения не означает возникновения самостоятельного международно-правового статуса государства-цивилизации и требует разграничения стратегических установок и механизмов их практической реализации.

Научная проблема исследования заключается в определении места цивилизационной идентичности России в системе стратегического планирования и выявлении условий её преобразования в конкретные направления внешнеполитической деятельности. Цель статьи состоит в анализе нормативно-стратегического закрепления цивилизационной идентичности Российской Федерации и разработке критериев оценки согласованности соответствующих установок с механизмами реализации внешней политики.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительный анализ документов стратегического планирования, институциональный подход и элементы дискурс-анализа. Их сочетание позволяет исследовать взаимосвязь между политико-нормативным содержанием стратегических документов и организационными механизмами внешнеполитической деятельности.

Цивилизационная идентичность России в документах стратегического планирования

Нормативно-стратегическое закрепление цивилизационной идентичности России представляет собой процесс включения историко-культурных и ценностных ориентиров в систему государственного целеполагания. При этом речь идёт не о формировании самостоятельного правового института государства-цивилизации, а о закреплении политико-нормативных установок, определяющих особенности национальной идентичности и её значение для внешней политики.

Важное место в рассматриваемой системе занимает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Документ относит защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти к стратегическим национальным приоритетам [2]. Тем самым культурно-ценностное измерение включается в систему обеспечения национальной безопасности, однако цивилизационный статус России непосредственно не определяется. Значение соответствующих положений для международного позиционирования раскрывается во взаимосвязи с внешнеполитическими документами.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждённые Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, конкретизируют ценностные ориентиры государственной политики. Документ предусматривает формирование на международной арене образа России как хранителя и защитника традиционных духовно-нравственных ценностей [3]. Таким образом, ценностная проблематика приобретает внешнеполитическое измерение. Вместе с тем традиционные ценности и цивилизационная идентичность не являются тождественными категориями: последняя охватывает более широкий комплекс представлений об исторической преемственности, культурной самобытности и международной роли государства.

Инструментальное значение имеет Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждённая Указом

Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611. Она определяет направления международного культурного и гуманитарного сотрудничества, включая продвижение русского языка, сохранение историко-культурного наследия и развитие межкультурного диалога [4]. В контексте цивилизационного позиционирования данный документ формирует механизмы внешнего выражения культурно-исторических установок. Однако гуманитарное взаимодействие не следует автоматически отождествлять с реализацией цивилизационной идентичности: такая взаимосвязь требует установления соответствия между целями конкретных программ и положениями стратегических документов.

Наиболее определённое закрепление цивилизационного самоописания содержится в Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229. В пункте 4 Россия характеризуется как самобытное государство-цивилизация, а её историко-культурная специфика непосредственно соотносится с международным положением и внешнеполитическим самоопределением [1]. В отличие от ранее рассмотренных документов, здесь цивилизационная характеристика выступает элементом официальной внешнеполитической концепции.

Сопоставление указанных документов позволяет выделить три взаимосвязанных измерения нормативно-стратегического обеспечения цивилизационной идентичности России: **ценностно-охранительное**, представленное положениями о национальной безопасности и традиционных ценностях; **инструментально-гуманитарное**, связанное с механизмами международного культурного взаимодействия; **внешнеполитическое**, в рамках которого цивилизационная идентичность получает непосредственное выражение в характеристике международной роли государства. Такая структура свидетельствует о содержательной взаимосвязи стратегических установок, но сама по себе не подтверждает их полной институциональной и практической согласованности.

Механизмы реализации цивилизационных установок во внешнеполитической деятельности Российской Федерации

Закрепление цивилизационной идентичности в стратегических документах создаёт нормативно-политические предпосылки для её отражения во внешнеполитической деятельности, однако не предполагает автоматического преобразования соответствующих установок в практические решения. Такое преобразование опосредуется системой государственного управления, дипломатическими инструментами и механизмами международного сотрудничества.

Первым механизмом выступает стратегическое целеполагание, обеспечивающее включение ценностных и историко-культурных ориентиров в систему внешнеполитических приоритетов. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. определяет общие направления международной деятельности государства, в рамках которых цивилизационное самоопределение соотносится с задачами защиты национальных интересов, укрепления суверенитета и развития международного сотрудничества [1]. Вместе с тем стратегическое закрепление соответствующих положений характеризует прежде всего уровень официального целеполагания и не позволяет самостоятельно установить степень их практической реализации.

Второй механизм связан с дипломатической артикуляцией цивилизационной идентичности. Использование историко-культурных и ценностных характеристик в официальных внешнеполитических заявлениях способствует формированию представлений о международной роли России и обоснованию отдельных направлений её внешнеполитической деятельности. Однако наличие цивилизационной риторики не свидетельствует о её определяющем влиянии на принятие решений, поскольку дипломатический дискурс формируется под воздействием политических, экономических и стратегических факторов.

Третьим механизмом является международное гуманитарное сотрудничество, включающее культурные, образовательные, научные и информационные формы взаимодействия. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом предусматривает соответствующие направления деятельности и организационные инструменты их осуществления [4]. В данном случае цивилизационные установки могут приобретать практическое выражение через продвижение культурного наследия, русского языка и развитие международных гуманитарных связей. Вместе с тем установление такой взаимосвязи требует анализа целей, содержания и результатов конкретных программ.

Наконец, существенное значение имеет институциональная координация, предполагающая согласование деятельности государственных органов и иных участников реализации внешнеполитических приоритетов. Системный характер стратегического планирования определяется Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [5]. Однако данный закон не устанавливает специального механизма реализации цивилизационной идентичности во внешней политике. Поэтому её институциональное обеспечение следует исследовать через распределение полномочий, согласование стратегических документов и деятельность уполномоченных органов.

Таким образом, реализация цивилизационных установок во внешней политике представляет собой многоуровневый процесс, объединяющий стратегическое целеполагание, дипломатическую артикуляцию, гуманитарное взаимодействие и институциональную координацию. При этом наличие соответствующих механизмов не равнозначно доказательству их эффективности: последняя требует самостоятельной оценки конкретных результатов внешнеполитической деятельности.

Проблемы согласованности цивилизационной идентичности и внешнеполитической практики

Нормативно-стратегическое закрепление цивилизационной идентичности России свидетельствует о включении соответствующих представлений в систему официального внешнеполитического целеполагания. Вместе с тем наличие цивилизационных характеристик в стратегических документах не позволяет автоматически установить степень их влияния на международно-политическую деятельность государства. В этой связи возникает необходимость определения критериев, позволяющих оценивать согласованность нормативных установок, институциональных механизмов и практических результатов внешней политики.

В рамках настоящего исследования предлагается выделить три взаимосвязанных критерия такой оценки: нормативно-содержательный, институционально-инструментальный и практико-результативный.

Нормативно-содержательный критерий предполагает установление степени согласованности положений документов стратегического планирования, затрагивающих вопросы историко-культурной самобытности, традиционных ценностей и международной роли России. Его применение позволяет выявлять как содержательную преемственность стратегических установок, так и различия между их формулировками. При этом наличие общих ценностных ориентиров не означает полного совпадения целей документов, поскольку каждый из них регулирует самостоятельное направление государственной политики.

Институционально-инструментальный критерий характеризует наличие организационных механизмов, посредством которых цивилизационные установки могут учитываться при осуществлении внешнеполитической деятельности. Предметом анализа выступают распределение полномочий государственных органов, механизмы межведомственного взаимодействия и конкретные инструменты международного сотрудничества. Данный критерий позволяет разграничивать декларативное закрепление политических ориентиров и создание условий для их практической реализации.

Практико-результативный критерий направлен на исследование фактического выражения цивилизационных установок в международной деятельности государства. Его применение предполагает анализ внешнеполитических инициатив, гуманитарных программ и форм международного взаимодействия с учётом их заявленных целей и наблюдаемых результатов. Вместе с тем установление причинной связи между цивилизационной идентичностью и конкретными внешнеполитическими решениями требует учёта иных факторов, включая вопросы безопасности, экономические интересы и особенности международной обстановки.

Совместное применение предложенных критериев позволяет выделить три аналитических состояния согласованности: декларативное, при котором цивилизационные установки преимущественно представлены в официальных документах; институционально обеспеченное, характеризующееся наличием механизмов их реализации; и практически подтверждённое, предполагающее установление содержательной связи между стратегическими установками и конкретными результатами международной деятельности. Указанные

состояния не следует рассматривать как обязательные последовательные этапы развития либо как универсальную шкалу эффективности внешней политики.

Предложенная модель позволяет исследовать цивилизационную идентичность не только как элемент официального самоописания государства, но и как потенциальный фактор внешнеполитического целеполагания. Её применение создаёт методологическую основу для последующего эмпирического анализа взаимосвязи стратегических документов, институциональных механизмов и международно-политической практики Российской Федерации.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что цивилизационная идентичность Российской Федерации получила закрепление в системе нормативно-стратегического обеспечения государственной политики, однако её содержание и функциональное назначение различаются в зависимости от предмета соответствующих документов. Стратегия национальной безопасности, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и Концепция гуманитарной политики за рубежом формируют взаимосвязанные ценностные и инструментальные предпосылки международного позиционирования России. Концепция внешней политики 2023 г., в свою очередь, непосредственно закрепляет цивилизационную характеристику государства в системе официального внешнеполитического целеполагания.

Установлено, что нормативно-стратегическое признание цивилизационной идентичности не предполагает возникновения самостоятельного международно-правового статуса государства-цивилизации и не свидетельствует автоматически о практической реализации соответствующих установок. Научная новизна исследования заключается в выделении трёх измерений нормативно-стратегического обеспечения цивилизационной идентичности — ценностно-охранительного, инструментально-гуманитарного и внешнеполитического, а также в разработке критериев оценки согласованности стратегических установок и внешнеполитической деятельности: нормативно-содержательного, институционально-инструментального и практико-результативного.

Предложенный подход позволяет разграничивать декларативное закрепление цивилизационных ориентиров, их институциональное обеспечение и практическое выражение в международной деятельности государства. Перспективным направлением дальнейших исследований является применение разработанных критериев к анализу конкретных внешнеполитических инициатив Российской Федерации, включая международное гуманитарное сотрудничество и взаимодействие в рамках многосторонних объединений. Это позволит определить степень влияния цивилизационной идентичности на формирование и реализацию внешнеполитических приоритетов с учётом иных факторов международно-политического процесса.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443147/ (дата обращения: 22.08.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.08.2026).
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 22.08.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425946/ (дата обращения: 22.08.2026).
5. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 22.08.2026).
6. Tsygankov A. P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. 5th ed. Lanham: Rowman & Littlefield, 2019. 306 p.
7. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P. J. Katzenstein. London; New York: Routledge, 2010. 248 p.
8. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
9. Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities & Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 299 p.

Russia's civilizational identity in the system of normative and strategic support for foreign policy

Goryunov I.P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article examines the incorporation of Russia's civilizational identity into the normative and strategic framework of its foreign policy. Drawing on comparative and formal legal analysis of the National Security Strategy of the Russian Federation, the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad, and the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, the study identifies the relationships between cultural and value-based orientations, strategic goal-setting, and mechanisms of international engagement. It argues for distinguishing Russia's official civilizational self-description from the legal form of strategic documents and the practical instruments of foreign policy implementation. The article proposes a classification comprising three dimensions of the normative and strategic framework of civilizational identity: value preservation, humanitarian instruments, and foreign policy positioning. It also develops three criteria for assessing consistency between civilizational orientations and foreign policy activities: normative and substantive, institutional and instrumental, and practical and outcome-oriented. The study concludes that the actual influence of civilizational identity on Russia's international political practices requires further empirical examination.

Keywords: Russia's civilizational identity; civilization-state; normative and strategic framework of foreign policy; strategic planning; foreign policy goal-setting; traditional spiritual and moral values; international humanitarian cooperation; institutional mechanisms of foreign policy; consistency between strategic orientations and foreign policy practice.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 229 of March 31, 2023, “On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443147/ (accessed August 22, 2026). (In Russian).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed August 22, 2026). (In Russian).
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed August 22, 2026). (In Russian).
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 611 of September 5, 2022, “On Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425946/ (accessed August 22, 2026). (In Russian).
5. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, “On Strategic Planning in the Russian Federation”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed August 22, 2026). (In Russian).
6. Tsygankov A. P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. 5th ed. Lanham: Rowman & Littlefield, 2019. 306 p.
7. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P. J. Katzenstein. London; New York: Routledge, 2010. 248 p.
8. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
9. Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities & Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 299 p.

В единстве народа – величие России

Изудинова Раисат Саидовна
кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой историко-правовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ, raisat57@mail.ru

Проведение в 2026 году в Российской Федерации Года единства народов России является символом общенационального единства, межнационального согласия и уважения к культурному многообразию нашей страны. Это выражение глубокой признательности всем народам, населяющим Россию, за их вклад в общую историю, культуру и защиту Отечества, а также стремление к укреплению гражданского мира и согласия. В этом и заключается актуальность данной работы. В статье исследуется феномен многонационального единства как системообразующего фактора российской государственности и культурного развития страны. В статье прослеживается историческая эволюция этнокультурного сообщества России — от формирования Древнерусского государства (882 г.) до современных реалий, выявляя устойчивые модели межэтнического взаимодействия в периоды масштабных исторических испытаний. В качестве эмпирической базы анализа выступают ключевые события отечественной истории: Смутное время (в том числе деятельность народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского), Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война, а также современные социально-политические процессы. На конкретных примерах раскрывается вклад различных этнических групп в достижение общенациональных целей — как в военной сфере, так и в тыловой работе, гуманитарной поддержке и социальной солидарности. Научная новизна работы состоит в комплексном рассмотрении единства народов России как непрерывной исторической традиции, имеющей не только политико-стратегическое, но и культурно-нравственное измерение. Делается вывод о том, что многонациональное сотрудничество выступает ключевым ресурсом устойчивости государства и основой формирования общероссийской гражданской идентичности; величие России заключается в ее единстве, стойкости и самоотверженнности

Ключевые слова: Россия; величие; Родина; народы; единство; братство; суверенитет; патриотизм; СВО; государственность; многонациональность.

Россию населяют народы, связанные общим историческим прошлым, культурным наследием и судьбой страны, на территории которой веками складывалось многонациональное сообщество. Каждый народ вносил в его жизнь свои обычаи, традиции и достижения, сохраняя самобытность и обогащая общую культуру. Из этого взаимодействия выросло культурное богатство России. Многообразие народов и накопленный ими опыт совместной жизни укрепляют страну и служат опорой её государственного устройства. Общая история включает периоды подъёма, великие свершения и тяжёлые утраты. Внешние нашествия, внутренние кризисы и разрушительные природные бедствия неоднократно испытывали страну на прочность.

На протяжении всей истории России наблюдалось формирование многонационального суверенитета, который выражался в стремлении народов объединиться и поддерживать друг друга, тем самым обеспечить защиту своих интересов и гарантировать свое полноценное развитие. Россия как этнокультурное объединение берет свое начало в 882 году, с момента образования Древнерусского государства [1, с.118].

Совместно пережитые события укрепляли национальный характер, воспитывали солидарность и готовность поддержать тех, кто оказался в беде. В начале XVII века народное ополчение под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского освободило столицу от польских захватчиков. Среди его участников были русские, татары, мордва, чуваши и представители других народов. Они выступили на защиту страны в период глубокого государственного кризиса, когда исход борьбы зависел от способности людей действовать сообща. Освобождение Москвы переломило ход Смутного времени. Победа ополчения вошла в историческую память как пример защиты государства объединёнными силами его народов.

Так, Отечественная война 1812 года потребовала широкого участия населения в сопротивлении наполеоновскому вторжению. По указу императора Александра I в многочисленных губерниях создавались отряды земского ополчения, пополнявшие силы защитников страны наряду с регулярной армией. В ополчение вступали люди разных сословий, от дворян до крестьян. Против неприятеля действовали партизанские формирования; в сражениях участвовали башкирские, крымско-татарские, калмыцкие и ногайские полки. Защита Отечества объединила представителей разных народов и общественных слоёв, каждый из которых внёс свой вклад в общую победу.

В годы Великой Отечественной войны на фронтах вместе сражались представители всех национальностей и республик Советского Союза. Их объединяла цель отстоять Родину. Огромных усилий требовала работа в тылу: население и промышленные предприятия эвакуировали на восток, где в кратчайшие сроки возобновляли выпуск необходимой для победы продукции. На новых местах предстояло спасти людей, установить перевезенное оборудование и восстановить производство. Выполнение этих задач зависело от совместного труда и взаимной поддержки. Помощь эвакуированным выходила далеко за пределы производственных задач и служебных обязанностей.

Жители республик Средней Азии, сами нередко испытывавшие нужду, делились последним с ленинградцами. Семьи на Кавказе принимали детей-сирот, вывезенных из западных регионов страны, и открывали для них свои дома. Единство народов проявлялось в повседневной заботе о незнакомых людях, готовности разделить с ними лишения и пожертвовать собственным благополучием. Фронтовое братство и самоотверженность тыла помогли стране выдержать испытания войны. Способность объединяться перед серьёзной угрозой сохраняется в российском обществе и сегодня. В условиях проведения специальной военной операции на Украине солдаты и офицеры разных национальностей вместе выполняют боевые задачи и поддерживают друг друга. Их объединяют общие ценности и интересы Родины. У каждого народа есть собственные культурные традиции и исторический опыт; совместная защита страны выражает принадлежность к единому народу России. В боевом братстве продолжается опыт взаимной поддержки, который складывался на протяжении её истории.

Величие России определяется не только её оборонным потенциалом, но и исключительным богатством культуры. Значимость культурного многообразия подтверждается тем весомым влиянием, которое российская культура исторически оказывала и продолжает

оказывать на мировое культурное пространство. Произведения русской литературы, шедевры отечественной музыки, достижения русского балета и живописи завоевали признание далеко за пределами страны и стали неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Выдающиеся деятели российской культуры получили международное признание, а их творческий вклад существенно обогатил развитие мировой цивилизации. Русская культура подарила миру целую плеяду выдающихся авторов, чьи произведения в литературе - А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, И. Бунина, М. Цветаевой Б. Пастернак, в музыке и балете - это П. Чайковского, М. Мусоргского, С. Рахманинова, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, в живописи И.Айвазовского, И.Репина, В.Сурикова. В. Кандинского, К.Малевича вошли в золотой фонд мировой художественной культуры и имеет признание по сей день во всем мире.

Сила России — не сводится лишь к её обширным землям, природным ресурсам или богатому историческому прошлому. Её подлинное могущество рождается из человеческих качеств: из стойкости и созидательного труда людей, из их искренней преданности Родине. При этом народное единство — не нечто само собой разумеющееся и навсегда данное; это результат постоянной, кропотливой работы, требующей внимания и усилий от каждого.

Термин "единство народа", на наш взгляд, по своему смыслу похож на термин "патриотизм". При этом важно отметить, что необходимо говорить о патриотизме как о начальной стадии единства народа. Ведь для того, чтобы рассуждать об объединении народов ради одной цели либо о любой сплоченности многонационального населения, нужно иметь патриотическое воспитание и политическое сознание, при которых человек трезво оценивает не только противников, но и союзников, а также умеет вести конструктивный диалог с людьми другой культуры или религии [2, с. 69].

В нынешних условиях, когда общество сталкивается с массированным информационным давлением и целенаправленными попытками посеять рознь, задача сохранения и укрепления духовного единства становится особенно актуальной. Для этого необходимо последовательно придерживаться ряда принципов:

бережно относиться к культурному наследию, языкам и традициям всех народов, населяющих Россию, и признавать их ценность;

поддерживать и развивать общие для всех граждан ценности — такие как патриотизм, стремление к справедливости, гуманизм и уважительное отношение к историческому прошлому;

воспитывать в себе чувство личной ответственности за будущее страны и благосостояние её народа [3, с. 47].

Вопрос о сохранении и укреплении единства народов России вечен и фундаментален. Он всегда будет в центре мировоззренческого противоборства между Россией и её геополитическими оппонентами. Этот вопрос является своеобразным маркером, позволяющим максимально оперативно определить состояние гражданской идентичности, укоренённость цивилизационного кода, уверенность в будущем страны [4, с. 78].

На заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» В. В. Путин отметил: «Величие России на сегодняшний день заключается в укреплении суверенитета, а суверенитет основан на самодостаточности в технологиях, финансах, экономике в целом, в сфере обороны и безопасности» народа [5].

Подводя итог, можно твёрдо утверждать: величие России коренится в сплочённости её народа — и эта истина проверена ходом столетий. Пока граждане страны сохраняют верность Отечеству, умеют сплачиваться перед лицом любых испытаний и поддерживать друг друга, Россия останется сильной, великой и способной преодолеть любые трудности. Именно в этой внутренней мощи объединённого народа — её главное преимущество и надёжный фундамент долгосрочного процветания.

Согласно Указу Президента Российской Федерации № 962 от 25 декабря 2025 года, 2026 год провозглашён Годом единства народов России. Старт этому тематическому году дал Президент РФ Владимир Владимирович Путин 5 февраля 2026 года. Торжественное открытие прошло в Национальном центре «Россия» на Краснопресненской набережной в Москве — в рамках просветительского марафона общества «Знание» под названием «Россия — семья семей».

В своём выступлении глава государства особо отметил, насколько принципиально важно единство для судьбы страны. Он поделился личными впечатлениями: «Когда смотришь в зал… возникает чувство удивления и восторга — удивления от этого многообразия и восторга от того, что мы все вместе» народа [6]. Президент назвал уникальным явлением тот факт, что в эпоху Смутного времени именно глубинные российские земли встали на защиту Москвы и тем самым сберегли саму основу российской государственности. Владимир Владимирович провёл параллель с современностью: сегодня на передовой наши воины, наши герои, обращаясь друг к другу со словом «Брат!», наглядно демонстрируют ту самую сплочённость. По словам Президента, в этом простом обращении заключена огромная ценность — оно и есть яркое свидетельство нашего несокрушимого единства.

В своей статье историк Бирагова Б.М. пишет, что сила России – в ее людях, в крепких знаниях, уверенности, несгибаемой силе духа. Мы сильны во всех сферах, начиная с героев Великой Отечественной и до героев нынешнего дня – ребятах, которые проявляют героизм в зоне СВО, от первого полета человека в космос до создания новой орбитальной станции….[7]

Сегодня, особенно важно, возрастает значимость воспитания в подрастающем поколении чувства единства, патриотизма и нравственности. Семья и школа должны сообща прививать подрастающему поколению любовь к Родине, уважение к законам и государству, а также уважительное и бережное отношение ко всем народам, проживающим в России [8].

Литература

1. *Степанюк В.Р.* Многонациональный народ России как историческая опора целостности государства и его суверенитета // Журнал «Вестник науки». 2025 . № 8 (89) том 1. С. 112 - 120. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/25280 (дата обращения: 06.10.2026 г.)
2. *Тарханова А.В., Авдеев Д.А.* Проблематика единства российского народа и вопросы его солидаризации в современных условиях // Право и политика. 2023. № 8. С. 68-79.
3. *Муртазин Д.Р.* Патриотизм в цифровую эпоху // Патриотизм как национальная идея России: Материалы IV региональной научно-практической конференции студентов и преподавателей с международным участием, посвященной Году защитника Отечества и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 17–18 апреля 2025 года. - Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2025. – С. 48.
4. *Бродовская Е.В.* Сохранение единства народов России // Государство. 2026. Вып.4. С.76-82.
5. *Путин В. В.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // lenta.ru/articles/2026/10/01/quotes/
6. *Владимир Путин* объявил Год единства народов России открытым //https://rospatriotcentr.ru/upload/ibloc
7. *Бирагова Б.М.* Сила России в сплоченности народа // Газета «Северная Осетия». 2024. №3 (март). С.2.
8. *Дзицоев А.А.* К вопросу формирования чувства народного единства, патриотизма и нравственности школьников // Электронный журнал «SCI-ARTICLE.RU». 2016. №36 (август). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sci-article.ru/stat.php?i=1472128464

In the unity of the people – the greatness of Russia

Izudinova R.S.

North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The holding of the Year of Unity of the Peoples of Russia in the Russian Federation in 2026 is a symbol of nationwide unity, interethnic accord and respect for the cultural diversity of our country. It is an expression of deep gratitude to all peoples inhabiting Russia for their contribution to the common history, culture and defense of the Fatherland, as well as an aspiration to strengthen civil peace and accord. This is the relevance of the present work. This article reveals the greatness of Russia in different periods of its history, which consisted in its unity, resilience and selflessness.

Keywords: Russia; greatness; Motherland; peoples; unity; brotherhood; sovereignty

References

1. Stepanyuk V.R. The Multinational People of Russia as a Historical Foundation for the State's Integrity and Sovereignty // *Vestnik Nauki* (Herald of Science) Journal. 2025. No. 8 (89), Vol. 1. pp. 112–120. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: https://www.вестник-науки.рф/article/25280 (accessed: October 6, 2026)
2. Tarkhanova A.V., Avdeev D.A. Issues Regarding the Unity of the Russian People and Their Solidarization in Contemporary Conditions // *Law and Politics* (*Pravo i Politika*). 2023. No. 8. pp. 68–79.
3. Murtazin D.R. Patriotism in the Digital Age // *Patriotism as a National Idea of Russia: Proceedings of the IV Regional Scientific-Practical Conference of Students and Faculty (with international participation), dedicated to the Year of the Defender of the Fatherland and the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War*, April 17–18, 2025. — Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, 2025. — p. 48.

4. Brodovskaya E.V. Preserving the Unity of the Peoples of Russia // *Gosudarstvo* (The State). 2026. Issue 4. pp. 76–82.
5. Putin V.V. Speech at a Meeting of the Valdai Discussion Club // lenta.ru/articles/2026/10/01/quotes/
6. Vladimir Putin Declares the Year of the Unity of the Peoples of Russia Open // https://rospatriotcentr.ru/upload/ibloc
7. Biragova B.M. Russia's Strength Lies in the Unity of Its People // *Severnaya Osetiya* [North Ossetia] newspaper. 2024. No. 3 (March). P. 2.
8. Dzitsoev A.A. On the Formation of a Sense of National Unity, Patriotism, and Morality Among Schoolchildren // *SCI-ARTICLE.RU* (electronic journal). 2016. No. 36 (August). [Electronic resource] – Available at: https://sci-article.ru/stat.php?i=1472128464

Спорт как инструмент социально-правовой реабилитации и реинтеграции ветеранов

Маркелов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права, гражданского и арбитражного процесса, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Феоктистова Ольга Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, feoktistovaou@mail.ru

В статье анализируются спортивные программы как инструмент социально-правовой реабилитации и реинтеграции ветеранов. Показан их вклад в физическое, психологическое и социальное восстановление. Выявлен дефицит доступной инфраструктуры. Обоснована необходимость легализации «социальной реинтеграции».
Ключевые слова: спорт, адаптивная физическая культура, реабилитация, реинтеграция, ветераны, инвалиды.

Введение

В условиях продолжающейся специальной военной операции (далее – СВО) и роста числа ветеранов с инвалидностью, вопросы их возвращения к полноценной мирной жизни приобретают первостепенное значение. Президент РФ В. Путин подчеркнул, что развитие адаптивного спорта сегодня «особенно остро звучит» в связи с тяжелыми ранениями, которые получают бойцы. Традиционные подходы к социальной защите, ориентированные в основном на материальную поддержку, не всегда способствуют полноценному включению бывших военнослужащих в социум, что актуализирует поиск более эффективных инструментов.

Целью настоящей статьи является междисциплинарный анализ спортивных программ как многофункционального инструмента социально-правовой реабилитации и реинтеграции ветеранов боевых действий, включая участников СВО.

Актуальность исследования обусловлена увеличением численности ветеранов боевых действий (включая участников СВО), нуждающихся в комплексном восстановлении. Современные реалии показывают недостаточность традиционных социальных мер поддержки. Одной медицинской помощи недостаточно для полной интеграции ветерана в гражданское общество. Физическая культура обладает высоким потенциалом в преодолении посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и социализации лиц с инвалидностью. Командные виды спорта воссоздают атмосферу «боевого братства», помогая ветеранам избежать социальной изоляции и чувства одиночества. Спорт служит экологичным каналом для выхода подавленных эмоций, снижая риск девиантного поведения и бытовых конфликтов. Участие в соревнованиях, получение разрядов формирует новые жизненные цели, создает переход от «травмы прошлого» к «достижению будущего».

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, а также метод междисциплинарного анализа.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах», Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта (утв. Президентом РФ 23 ноября 2025 г. № Пр-2710), Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий Минспорта России.

Теоретическую основу составили научные публикации по проблемам социальной реабилитации, реинтеграции, права социального обеспечения, адаптивной физической культуры. Использованы также международно-правовые акты: проект резолюции Совета по правам человека ООН от 4 октября 2024 года (A/HRC/57/L.17), Конвенция о правах ребёнка (ст. 39), документы Управления ООН по наркотикам и преступности.

Эмпирическую базу исследования составили данные о реализации спортивных программ для ветеранов СВО в субъектах Российской Федерации, а также материалы деятельности Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества».

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ позволил выявить ключевое различие между реабилитацией и реинтеграцией, которое лежит в их конечной цели и направленности. Для наглядности в статье представлена таблица, систематизирующая критерии разграничения.

Таким образом, реабилитация по своей сути является важнейшим, но всё же инструментом (или этапом) на пути к более широкой цели — социальной реинтеграции. Можно сказать, что реабилитация «чинит» человека, а реинтеграция «встраивает» его обратно в сложный социальный механизм.

Табл. 1
Различие между реабилитацией и реинтеграцией

Критерий	Реабилитация	Реинтеграция
Основная цель	Восстановление утраченных функций и способностей человека (физических, психологических, профессиональных).	Возвращение человека в общество в качестве его полноценного и активного члена, восстановление его социального статуса.
Фокус	Направлена на самого индивида, его здоровье и навыки.	Направлена на взаимодействие индивида и социума, на восстановление социальных связей и ролей.
Характер процесса	Преимущественно восстановительный и компенсаторный. Это комплекс медицинских, психологических, педагогических и профессиональных мер.	Преимущественно интеграционный и адаптационный. Это многомерный процесс, охватывающий восстановление социальных связей, профессиональную адаптацию, экономическую стабилизацию и психологическое восстановление в контексте общества.
Результат	Восстановленная способность управлять своей жизнью и принимать решения.	Обретение достойного социального статуса, экономической независимости и устойчивых общественных связей.

Федеральный закон от 24 ноября 1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» закрепляет понятие «социальная реабилитация инвалидов» как комплекс мер, включающий психологическую помощь, трудовую адаптацию, профессиональную переподготовку [3]. При этом данные меры остаются в рамках восстановительного подхода, не охватывая весь спектр интеграции в социум. Согласно ст. 25 Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5], ресоциализация определяется как комплекс мер, осуществляемых в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. Однако при этом термин «реинтеграция» используется как целевой ориентир ресоциализации, а не как самостоятельная правовая дефиниция, что не образует полноценного легального определения.

Социальная реабилитация и социальная интеграция соотносятся как средство и результат: реабилитация представляет собой процесс восстановительного воздействия, тогда как интеграция — его конечную цель.

Социальная реабилитация адресована лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам, а также отдельным категориям граждан, нуждающимся в восстановлении социальных функций. Социальная интеграция как целевое состояние также ориентирована на лиц, находящихся в ситуации социальной эксклюзии. Социальный контракт, в свою очередь, выступает инструментом, который может быть использован в том числе для целей социальной реабилитации и интеграции, но не тождественен им. Так, в сфере социальной реабилитации больных наркоманией социальный контракт рассматривается как одна из форм оказания помощи в рамках более широкой реабилитационной программы. Аналогичным образом, социальный контракт может выступать механизмом социальной интеграции участников специальной военной операции, помогая им адаптироваться к мирной жизни. Тем самым социальный контракт выполняет инструментальную функцию по отношению к реабилитации и интеграции, не подменяя их, но дополняя их правовой арсенал.

В научной литературе справедливо отмечается, что в отечественном правоведении до настоящего времени понятие процесса ресоциализации нередко подменяется понятиями процессов реабилитации, реадаптации и реинтеграции. Это создает терминологическую конкуренцию, при которой одни и те же социальные явления обозначаются различными категориями, что не способствует формированию единообразного понятийного аппарата. В зарубежной доктрине, напротив, термины «реабилитация» и «реинтеграция» рассматриваются как устоявшиеся категории международного права.

В научной литературе социальная реинтеграция определяется как «процесс и характеристика меры восстановления ранее присущих индивиду и, вследствие каких-либо причин ослабленных или утраченных, социальных и ролевых функций в адекватном для него социокультурном пространстве». Данное определение позволяет рассматривать реинтеграцию как восстановительный процесс, направленный на возвращение лица в систему социальных связей, которые были им утрачены. Примечательно, что в этом контексте социальная реабилитация определяется как система мер, направленных на создание и обеспечение условий для социальной интеграции или реинтеграции лица, имеющего ограничения жизнедеятельности. Таким образом, реинтеграция выступает целевым состоянием, на достижение которого направлены реабилитационные усилия.

На международном уровне термин «социальная реинтеграция» имеет устойчивое признание. Совет по правам человека ООН в проекте резолюции от 4 октября 2024 года (A/HRC/57/L.17) использует данную категорию в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и лиц, в отношении которых применены меры, не связанные с лишением свободы. Управление ООН по наркотикам и преступности определяет социальную реинтеграцию как поддержку, предоставляемую правонарушителям в период их возвращения в общество, включая период с уголовного преследования до освобождения и после него. Конвенция о правах ребёнка (ст. 39) также оперирует категорией «социальная реинтеграция» применительно к детям, пострадавшим от насилия [1]. Тем самым международно-правовое признание термина не вызывает сомнений.

Социальная реабилитация представляет собой процесс восстановления индивидуального ресурса ветерана, в то время как социальная реинтеграция является процессом восстановления его социального бытия. Если реабилитация отвечает на вопрос «способен ли ветеран действовать?», то реинтеграция — на вопрос «включен ли он в систему общественных отношений на условиях равенства и уважения?». Именно реинтеграция выступает конечной целью правового регулирования, а реабилитационные меры — лишь инструментами её достижения».

Спортивная реабилитация рассматривается как часть установленного законом права ветеранов на бесплатную реабилитацию.

Государственная система поддержки ветеранов специальной военной операции (СВО) в сфере физической культуры и спорта носит двухуровневый характер (федеральный и региональный) и регулируется комплексом нормативных правовых актов.

На федеральном уровне спорт рассматривается как часть системы медицинской, психологической и социальной реабилитации (абилитации) ветеранов и инвалидов боевых действий.

Согласно перечню поручений по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта (утв. Президентом Российской Федерации 23 ноября 2025 г. № Пр-2710) в федеральных округах на базе Федерального медико-биологического агентства (ФМБА) создаются не менее 10 центров по реабилитации инвалидов, в том числе участников СВО, увеличивается количество к 2030 году организаций, оказывающих услуги по физической реабилитации и абилитации инвалидов [7].

Защита прав ветеранов-инвалидов на доступную среду и равное участие в спортивных мероприятиях предусмотрена в ФЗ № 329 «О физической культуре и спорте в РФ» [6]. Во исполнении норм закона осуществляется развитие адаптивного спорта и интеграция в паралимпийское движение, ветераны СВО, получивших тяжелые ранения и ампутации, вовлекаются в адаптивную физическую культуру и профессиональный спорт (статья 31 «Адаптивная физическая культура, адаптивный спорт и паралимпийское движение в РФ» гарантирует создание условий для занятий спортом лицам с ограниченными возможностями здоровья). Например, проводятся специализированные соревнования («Кубок Защитников Отечества»).

Федеральный закон от 24 ноября 1995 года №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» включает в перечень технических средств реабилитации специальное тренажёрное и спортивное оборудование, включая протезы [3].

Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» уполномочен обеспечивать ветеранов высокотехнологичными средствами реабилитации (в том числе для занятий спортом) и содействовать их интеграции в паралимпийское движение.

Физическая реабилитация как часть социальной адаптации предусматривает право ветеранов боевых действий на обеспечение санаторно-курортным лечением и медицинскую реабилитацию (статья 16 Федерального закона от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах») [2].

Организация официальных физкультурно-массовых мероприятий для ветеранов СВО на государственном уровне закреплена в Едином календарном плане межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий Минспорта России (ежегодно утверждается Минспортом РФ совместно с Паралимпийским комитетом России и Фондом «Защитники Отечества») [8, 9].

Внедрение спортивных программ как инструмента реабилитации ветеранов СВО опирается на концепцию межведомственного взаимодействия. Федеральное законодательство задает общие рамки и гарантирует реабилитацию как право, в то время как механизмы его практической реализации (бесплатные абонементы, секции для детей, региональные соревнования) делегированы субъектам РФ и Государственному фонду «Защитники Отечества».

Субъекты РФ обладают полномочиями по расширению мер поддержки за счет региональных бюджетов. В этой сфере регионы принимают наиболее прикладные и адресные меры, например, предоставление ветеранам СВО (а во многих регионах — и членам их семей) права на бесплатное посещение государственных и муниципальных бассейнов, тренажерных залов, спортивных комплексов и катков.

В отличие от мер исключительно материальной поддержки, они создают основу для активного и самостоятельного возвращения человека в общество. Для полномасштабной реализации этого потенциала необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в части создания безбарьерной среды. Для повышения эффективности этой системы на законодательном уровне предлагается:

1. Закрепить понятие «спортивная (физкультурно-оздоровительная) реабилитация» непосредственно в Федеральном законе «О ветеранах».

2. Внедрить стандарты назначения АФК (адаптивной физкультуры) непосредственно в Индивидуальные программы реабилитации и абилитации (ИПРА) ветеранов боевых действий.

Инвестиции в спорт снижают последующие государственные расходы на медицинское обслуживание и социальные выплаты по безработице среди ветеранов. Спортивные программы являются не просто досугом, а эффективным механизмом восстановления правового и социального статуса ветерана как активного члена общества.

Термин «социальная реинтеграция» активно используется в программных документах стратегического характера. Важно разграничивать социальную интеграцию и социальную реинтеграцию. Если социальная интеграция представляет собой включение лица в социальную систему, то реинтеграция предполагает восстановление ранее утраченных связей и возвращение в ту социальную систему, из которой лицо выбыло. В этом смысле реинтеграция выступает частным случаем интеграции, предполагающим предшествующую дезинтеграцию. Указанное разграничение имеет существенное значение для разграничения правовых режимов: если интеграция — это целевое состояние, то реинтеграция — это восстановительный процесс, требующий специальных правовых механизмов.

Представляется целесообразным закрепить соответствующее понятие в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» либо в специальном законе о социальной реабилитации и реинтеграции. Легальное определение социальной реинтеграции может быть сформулировано как комплекс мер, направленных на восстановление утраченных социальных связей и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, в целях их возвращения к полноценной жизни в обществе. Именно в этом заключается ключевая функция права социального обеспечения — не просто компенсировать утрату, а через систему правовых стимулов и гарантий активно способствовать обретению гражданином нового, устойчивого социального статуса.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Социальная реабилитация и социальная реинтеграция представляют собой взаимосвязанные, но нетождественные правовые конструкции. Реабилитация выступает инструментом восстановления индивидуального ресурса ветерана, тогда как реинтеграция является целевым состоянием, отражающим полноценное включение лица в систему общественных отношений.

Действующее российское законодательство закрепляет понятие социальной реабилитации инвалидов, однако термин «социальная реинтеграция» не имеет легального определения, что порождает терминологическую неопределённость и затрудняет правоприменительную практику. Международно-правовое признание данной категории подтверждает необходимость её законодательного закрепления.

Спортивные программы обладают значительным потенциалом как инструмент социально-правовой реабилитации и реинтеграции ветеранов боевых действий, включая участников СВО. Они способствуют преодолению ПТСР, восстановлению социальных связей, формированию новых жизненных целей и снижению рисков девиантного поведения.

Государственная система поддержки ветеранов СВО в сфере физической культуры и спорта носит двухуровневый характер и включает как федеральные гарантии, так и региональные меры. Вместе с тем сохраняется потребность в совершенствовании законодательства: предлагается закрепить понятие «спортивная (физкультурно-оздоровительная) реабилитация» в Федеральном законе «О ветеранах» и внедрить стандарты назначения адаптивной физической культуры в индивидуальные программы реабилитации и абилитации ветеранов боевых действий.

Для обеспечения единообразного понятийного аппарата и создания эффективных правовых механизмов социальной реинтеграции целесообразно закрепить легальное определение социальной реинтеграции в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» либо в специальном законе о социальной реабилитации и реинтеграции.

Таким образом, спортивные программы являются не просто досуговой мерой, а эффективным механизмом восстановления правового и социального статуса ветерана как активного члена общества. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно быть направлено на создание условий для полноценной социальной реинтеграции ветеранов, что соответствует конституционным принципам социального государства и задачам обеспечения достойной жизни граждан.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990).

2. Федеральный закон от 12 января 1995 № 5-ФЗ «О ветеранах».

3. Федеральный закон от 24 ноября 1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

6. Федеральный закон от 04 декабря 2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

7. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства (утв. Президентом Российской Федерации 23 ноября 2025 г. № Пр-2710).

8. План мероприятий по созданию условий для занятий физической культурой и спортом инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, включая детей-инвалидов до 2030 года, с учетом возможного увеличения численности лиц этой категории (утв. Минспортом России 31 октября 2024, Минтрудом России 12 ноября 2024).

9. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 12 августа 2025 г. № 635 «О внесении изменений в часть I Единого календарного плана межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий на 2025 год».

Sport as a tool for social and legal rehabilitation and reintegration of veterans

Markelov S.V., Feoktistova O.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article analyzes sports programs as a tool for social and legal rehabilitation and reintegration of veterans. It shows their contribution to physical, psychological, and social recovery. The article identifies the lack of accessible infrastructure. It substantiates the need for the legalization of «social reintegration».

Keywords: sports, adaptive physical culture, rehabilitation, reintegration, veterans, and disabled people.

References

1. The Convention on the Rights of the Child (adopted by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990).

2. Federal Law No. 5-FZ dated January 12, 1995, «On Veterans».

3. Federal Law No. 181-FZ dated November 24, 1995 (as amended on December 29, 2025) «On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation».
4. Federal Law No. 442-FZ dated December 28, 2013, «On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation».
5. Federal Law No. 182-FZ dated June 23, 2016, «On the Fundamentals of the System for Preventing Offenses in the Russian Federation».
6. Federal Law No. 329-FZ dated December 4, 2007, «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation».
7. List of instructions following the meeting with members of the Government (approved by the President of the Russian Federation on November 23, 2025, No. Pr-2710).
8. Action plan to create conditions for physical education and sports for people with disabilities and people with disabilities, including children with disabilities, until 2030, taking into account a possible increase in the number of people in this category (approved by the Ministry of Sports of Russia on October 31, 2024, the Ministry of Labor of Russia on November 12, 2024).
9. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation Dated August 12, 2025, No. 635 "On Amendments to Part I of the Unified Calendar Plan of Interregional, All-Russian and International Physical Culture and Sports Events for 2025".

Анализ политики в отношении двух детей и изменение прогнозируемого уровня рождаемости на основе прогностической модели

Фэн Шидэ
Институт Китая и современной Азии, Российская академия наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), 373845357@qq.com

В Китае политика двух детей была введена в 2016 году, а закон о планировании населения и рождаемости был изменен в конце 2015 года. В работе для прогнозирования рождаемости на основе данных за период с 1960 по 2015 год был применен метод ARIMA. Прогнозирование проводилось на период с 2015 по 2019 год, а полученное значение было смоделировано в сценарии без политики двух детей и сравнено с фактическими данными с учетом политики двух детей. Разница между прогнозируемым и фактическим значениями составила 2,41‰ и 1,85‰ соответственно. В 2016, 2017 и после 2018 годов различий между этими двумя сценариями нет, прирост населения составляет около 6 миллионов человек с 2015 по 2019 год. Правительство отменило ограничения в политике двух детей и законе о планировании численности населения и рождаемости, цель сместилась от количественного контроля к сбалансированному развитию, политика двух детей оказалась эффективной на начальном этапе, но не изменила общую тенденцию к снижению рождаемости.
Ключевые слова: политика «двух детей», рождаемость, демографическая политика, ARIMA, Китай

Введение

Демографическая политика является важной частью долгосрочной системы управления населением Китая. В период высоких темпов роста населения главной целью китайской демографической политики является контроль за ростом населения и количеством детей в семье. В Китае действуют программы планирования рождаемости, направленные на ограничение роста населения; ограничения на количество детей в семье были сняты с начала 2016 года в связи с изменением структуры населения и старением.

В настоящее время проводятся исследования влияния политики двух детей. Ли и др., используя данные о рождаемости из 28 провинций Китая, сравнивают период до и после введения политики двух детей. Вывод показывает, что качество новорожденных детей улучшается. Оценка эффекта политики показывает, что качество детей повысилось на многомиллионном уровне, В исследовании Ge и Shi 2023 года использованы лонгитюдные данные о домохозяйствах за 2012 по 2018 год. Авторы применили метод двойных разностей. С его помощью они сравнили рождаемость в разных семях до и после введения политики двух детей. Следует отметить, что эта политика повысила вероятность рождения детей. Рост числа рождений с 2016 по 2018 год был результатом именно этой политики. Полученные результаты свидетельствуют о том, что политика двух детей оказалась эффективной. Они также показывают, что она действительно стимулировала рождаемость..

Другие исследования обращают внимание на репродуктивные установки. В работе 2020 года Чжуан анализирует такие установки. Он указывает, что на решение о рождении ребёнка влияет возраст, экономическое положение и семейная среда. Сходный вывод делают Ли и Сюй в исследовании 2022 года. Они подчёркивают, что решение о рождении ребёнка нельзя объяснить только политическими факторами. Оно зависит от индивидуальных и семейных характеристик. Фан и Лю (2026) пришли к выводу, что политика в отношении вторых детей увеличивает рождаемость, причем большая часть этого увеличения приходится на семьи, планирующие иметь двух и более детей. Когда планы семьи относительно количества детей ниже установленных политикой ограничений, дальнейший эффект от снятия ограничений относительно невелик.

В работе Кима и Суна сравниваются ситуации в Китае, Японии и Корее, и низкая рождаемость обусловлена не только демографической политикой, но и множеством социально-экономических факторов. Тонг (2024) исследовал желание иметь второго ребенка и сам процесс родов, и выяснил, что решение о рождении ребенка связано как с предпочтениями мужа, так и жены, что означает, что фактические предпочтения в отношении рождения детей будут важным фактором, влияющим на эффективность политики после периода ограничения количества детей.

Количественный метод применяется для оценки демографической политики. Лю и Чжан (2022) используют данные исследования рождаемости в городе Сиань для прогнозирования качества детей после проведения второго этапа деторождения, что означает, что прогнозирование численности населения может быть использовано в качестве ориентира.

В данной работе представлен метод прогнозирования для оценки эффективности проводимой политики. Данные за период с 1960 по 2015 год используются для построения модели прогнозирования рождаемости. Этот прогноз показывает прежние тенденции. Они отражены в данных до введения политика двух детей. Сравнение результатов прогноза с фактическими данными позволяет оценить эффективность этой политики.

Политика в отношении численности двух детей

В конце 2015 года был пересмотрен Закон КНР о народонаселении и планировании семьи. В 2016 году китайское правительство приступил к реализации политики «всеобщего двухдетства». Оно отменило ограничение на количества детей. Эта корректировка демографической политики была направлена на адаптацию к потребностям демографического и экономического развития. Она также должна была сохранить баланс демографической структуры. Такая

смена цели означает переход от управления по количественным показателям к более комплексной модели.

Исторические данные показывают, что рождаемость заметно выросла в краткосрочной перспективе. Особенно это видно в 2016 и 2017 году. Существующие исследования говорят о том, что ослабление ограничений на рождение детей привело к рост спроса на детей. Некоторые семьи были ограничены предыдущими мерами (Zeng & Hesketh, 2016; Li et al., 2019; Ge & Shi, 2023). В 2018 году рождаемость начала снижаться, однако краткосрочный спрос не изменил долгосрочную тенденцию.

Демографическая политика корректируется в зависимости от изменений численности населения. До введения политики двух детей обсуждалась необходимость корректировки демографической политики в условиях низкой рождаемости. Цзэн (2007) указывает, что политика ограничения численности населения может привести к долгосрочным проблемам при изменении темпов роста и структуры населения, поэтому корректировка демографической политики должна проводиться постепенно.

Методология и результаты

Источником данных является Всемирный банк, в качестве показателя для оценки политики используется уровень рождаемости на 1000 человек. Работа по прогнозированию будет основана на данных за период с 1960 по 2015 год, а период прогнозирования – с 2016 по 2019 год. Выбор периода прогнозирования обусловлен двумя причинами. В центре внимания данной работы – начало реализации демографической политики, а также пандемия 2020 года, оказавшая огромное влияние на развитие демографической ситуации.

Прогнозируемое значение ARIMA не может быть строго равно данным без учета политики. Это прогнозируемое значение, основанное на предыдущих исторических данных, а это значит, что если нет политики, предусматривающей наличие двух детей, то именно на этом уровне будет оцениваться уровень рождаемости.

Для прогнозирования выбрана модель ARIMA (1,1,0). Результаты показывают, что рождаемость значительно выше прогнозируемого значения без политики двух детей в первые два года. Это означает, что политика двух детей эффективна.

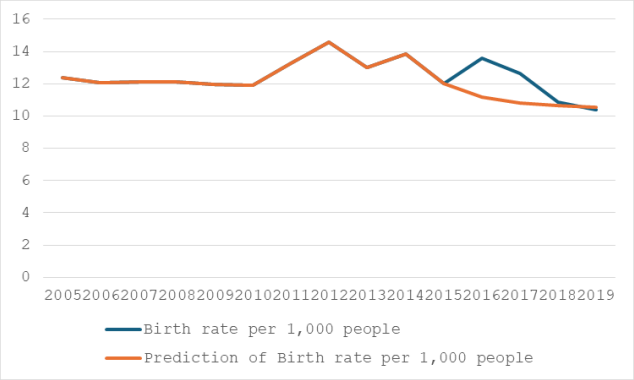


График 1: Сравнение прогнозируемой и фактической рождаемости.

Линия фактических значений соответствует сценарию с политикой двух детей, а линия прогнозируемых значений — сценарию без политики двух детей. В 2016 году фактическая рождаемость в Китае составила 13,57‰, а прогнозируемая — 11,16‰. Это на 2,41‰ выше, чем в сценарии без политики двух детей. В 2017 году фактическое значение составило 12,64‰, а прогнозируемое — 10,79‰, разница по-прежнему составляет 1,85‰. В 2018 году линии практически совпадают, разница составляет всего 0,23‰, после 2018 года разница практически отсутствует.

В первые три года политика двух детей оказалась эффективной, разрыв быстро сокращался, а рождаемость в обоих сценариях практически совпадала. При этом форма обеих линий была нисходящей, что означает, что рождаемость не увеличивалась и не изменила долгосрочную тенденцию.

Полученные результаты можно использовать для оценки прироста численности населения.

Обсуждение

Модельные результаты за выбранного периода анализа показывают, что политика двух детей была эффективной в краткосрочной перспективе. Речь идет о периоде с 2016 по 2018 год. Однако в долгосрочной перспективе эта политика не смогла переломить тенденцию снижения рождаемости. Данные за 2020 год и позднее показывают этапный характер влияния этой политики. Это различие отражает изменение механизма работы демографической политики. Раньше политика ограничивала размер семьи и тем самым ограничивала выбор семьи. После снятия этих ограничений политика двух детей стимулировала спрос на рождение детей. Это объясняет рост рождаемости в первые три года после начало политики.

Политика двух детей изменила только ограничение на число детей в семье. Однако другие факторы она не затронула. Некоторые семьи, которые планируют иметь больше детей, начнут заводить больше детей после снятия ограничения. Со временем в определенных семьях уже будет по два ребенка, в других семьях останется только один ребенок, и рождаемость начнет постепенно снижаться.

В этот период на рождаемость влияют и другие факторы, такие как желание рожать, экономические условия и т. д. В долгосрочной перспективе на рождаемость влияют рынок труда, финансы, образование и т. д. Политика и законодательство начинают заменять целевые показатели численности населения, ориентируясь на показатели, благоприятные для рождаемости. Корректировка политики означает изменение двух основных направлений политики. Будущие решения включают снижение стоимости родов, образования, ухода за детьми и т. д.

Заключение

Данные о рождаемости используются для прогнозирования и оценки эффективности политики двух детей. Исходными данными являются данные за период с 1960 по 2015 год, а данные за 2016 и 2019 годы представляют собой оценочные значения, которые сравниваются с фактическими данными. Разница между этими двумя показателями отражает политику и демографические тенденции.

Согласно результатам прогноза, фактическая рождаемость выше прогнозируемых данных: разница составляет 2,4 ‰ в 2016 году и 1,85 ‰ в 2017 году, что свидетельствует об эффективности политики в отношении двух детей. После 2018 года прогнозируемая и фактическая рождаемость практически совпадают. Прирост населения составляет около 6 миллионов человек, исходя из разницы между общей численностью населения и показателями рождаемости в двух сценариях.

Политика двух детей эффективна в краткосрочной перспективе, но графики показывают, что она не изменила тенденцию к снижению рождаемости в долгосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе на рождаемость влияют такие факторы, как готовность родителей, доходы, экономическое и социальное развитие и т. д.

В обществе с низкой рождаемостью, ограниченными возможностями и несовершеннолетней политикой необходимо разработать больше стратегий поддержки многодетных семей, таких как налоговые вычеты, финансовая помощь, услуги детских садов и т.д.

Литература

1. Фан Х., Лю Ц. (2026). Желаемая рождаемость, реализованная рождаемость и последствия всеобщей политики «двух детей» в Китае Journal of Development Economics. Т. 182. Ст. 103796.

2. Гэ Ж., Ши С. (2023). Как всеобщая политика «двух детей» влияет на репродуктивное поведение? China Economic Quarterly International. Т. 3, № 4. С. 227–237.

3. Ким И. К., Сун Дж. (2017). Последствия неограниченной политики рождаемости в Китае: уроки низкой рождаемости и старения населения Японии и Южной Кореи China Population and Development Studies. Т. 1. С. 16–32.

4. Ли Х. Т., Сюэ М., Хеллерстайн С., Цай И., Гао И., Чжан И., Цяо Цз., Блустайн Дж., Лю Цз. М. (2019). Связь всеобщей политики «двух детей» в Китае с изменениями числа рождений и показателей, связанных с рождением детей: национальное описательное сравнительное исследование BMJ. Т. 366. Ст. l4680.

5. Ли М., Сюй С. (2022). Намерения относительно рождения второго ребёнка и факторы, влияющие на них в современном Китае Frontiers in Psychology. Т. 13. Ст. 883317.

6. Лю Цз., Чжан Л. (2022). Прогнозирование рождаемости на основе репродуктивных намерений в условиях всеобщей политики

«двух детей» в Китае: алгоритм и эмпирическое исследование города Сиань Journal of Biosocial Science. Т. 54, № 3. С. 516–532.

7. Тун И., Гань И., Чжан Ц. (2024). Чьи предпочтения имеют большее значение? Репродуктивные предпочтения супругов и их реализация в условиях политики «двух детей» в Китае Journal of Family Issues. Т. 45, № 2. С. 471–501.

8. Цзэн И. (2007). Варианты перехода к новой политике рождаемости в Китае Population and Development Review. Т. 33, № 2. С. 215–246.

9. Цзэн И., Хескет Т. (2016). Последствия всеобщей политики «двух детей» в Китае The Lancet. Т. 388, № 10054. С. 1930–1938.

10. Чжай Ч., Ли Л., Чэнь Цз. (2017). Влияние всеобщей политики «двух детей» на население Китая China Population and Development Studies.

11. Чжуан И., Цзян И., Ли Б. (2020). Репродуктивные намерения и связанные с ними факторы в Китае: результаты Национального обследования рождаемости 2017 года China Population and Development Studies.

12. Всемирный банк. (2026). Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек) — Китай World Development Indicators. Индикатор SP.DYN.CBRT.IN.
https:data.worldbank.orgindicatorSP.DYN.CBRT.IN?locations=CN

13. Центральный комитет Коммунистической партии Китая, Государственный совет КНР. (2015). Решение о реализации всеобщей политики «двух детей» и совершенствовании системы управления услугами в области планирования семьи.

14. Государственное статистическое управление КНР. (2018). В 2017 году продолжилось проявление эффекта всеобщей политики «двух детей».

15. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. (2015). Решение о внесении изменений в Закон Китайской Народной Республики «О народонаселении и планировании семьи». Жэньминь жибао. http:npc.people.com.cnBIG5n120151228c14576-27982557.html

Analysis of the Two-Child Policy and Changes in Projected Birth Rates Based on a Predictive Model.

Feng Shide

Institute of China and Contemporary Asia, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

In China, the two-child policy was introduced in 2016, following an amendment to the Law on Population and Family Planning in late 2015. This study employs the ARIMA model to forecast birth rates, utilizing data from the 1960–2015 period. Projections were generated for the years 2015–2019; these were then modeled under a hypothetical scenario—assuming the two-child policy had not been implemented—and compared against actual data reflecting the policy's implementation. The discrepancies between the projected and actual figures were 2.41‰ and 1.85‰, respectively. For 2016, 2017, and the period from 2018 onwards, there is no discernible difference between the two scenarios, with a total population increase of approximately 6 million people between 2015 and 2019. The government has since removed the restrictions stipulated by the two-child policy and the Law on Population and Family Planning, shifting the policy focus from quantitative control toward balanced development. While the two-child policy proved effective in its initial phase, it failed to alter the overarching downward trend in birth rates.

Keywords: two-child policy, birth rate, demographic policy, ARIMA, China

References

1. Fan, X., & Liu, C. (2026). Desired fertility, realized fertility, and the consequences of the universal "two-child" policy in China. *Journal of Development Economics*, 182, 103796.
2. Ge, R., & Shi, S. (2023). How does the universal "two-child" policy affect reproductive behavior? *China Economic Quarterly International*, 3(4), 227–237.
3. Kim, I. K., & Song, J. (2017). The implications of an unrestricted fertility policy in China: Lessons from low fertility and population aging in Japan and South Korea. *China Population and Development Studies*, 1, 16–32.
4. Li, H. T., Xue, M., Hellerstein, S., Cai, Y., Gao, Y., Zhang, Y., Qiao, J., Blustein, J., & Liu, J. M. (2019). Association of the universal "two-child" policy in China with changes in births and birth-related indicators: A national descriptive comparative study. *BMJ*, 366, l4680.
5. Li, M., & Xu, S. (2022). Intentions regarding the birth of a second child and the factors influencing them in contemporary China. *Frontiers in Psychology*, 13, 883317.
6. Liu, J., & Zhang, L. (2022). Forecasting fertility based on reproductive intentions under the universal "two-child" policy in China: An algorithm and an empirical study of Xi'an city. *Journal of Biosocial Science*. Vol. 54, No. 3, pp. 516–532.
7. Tong, Y., Gan, Y., & Zhang, C. (2024). Whose preferences matter more? Spouses' reproductive preferences and their realization under the “two-child” policy in China. *Journal of Family Issues*, Vol. 45, No. 2, pp. 471–501.
8. Zeng, Y. (2007). Options for a transition to a new fertility policy in China. *Population and Development Review*, Vol. 33, No. 2, pp. 215–246.
9. Zeng, Y., & Hesketh, T. (2016). The consequences of the universal “two-child” policy in China. *The Lancet*, Vol. 388, No. 10054, pp. 1930–1938.
10. Zhai, Z., Li, L., & Chen, Z. (2017). The impact of the universal “two-child” policy on China’s population. *China Population and Development Studies*.
11. Zhuang, Y., Jiang, Y., & Li, B. (2020). Reproductive intentions and associated factors in China: Results from the 2017 National Fertility Survey. *China Population and Development Studies*.
12. World Bank. (2026). Crude birth rate (per 1,000 people) — China. *World Development Indicators*. Indicator SP.DYN.CBRT.IN. https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?locations=CN
13. Central Committee of the Communist Party of China, State Council of the PRC. (2015). Decision on Implementing a Universal "Two-Child" Policy and Improving the Management System for Family Planning Services.
14. National Bureau of Statistics of the PRC. (2018). The effect of the universal "two-child" policy continued to manifest in 2017.
15. Standing Committee of the National People's Congress. (2015). Decision on Amending the "Population and Family Planning Law of the People's Republic of China." People's Daily. http://npc.people.com.cn/BIG5/n1/2015/1228/c14576-27982557.html

Президентское правление в Индии как мера конституционной ответственности

Орлов Егор Игоревич
Ассистент кафедры правоведения, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева, Сибирский федеральный университет, orlow.orl@yandex.ru

Автор обосновывает концепцию «спящего унитаризма» как режима, при котором внешние атрибуты федерализма сохраняются, но механизмы централизации остаются в состоянии постоянной готовности к активации. Установлено, что институт президентского правления в Индии обладает двойственной природой: он может выступать как легитимной мерой ответственности за объективный «конституционный крах» регионального управления, так и инструментом политического произвола центральной власти. Сделан вывод о том, что трансформация статьи 356 из оружия межпартийной борьбы в правовой институт произошла благодаря установлению жесткого судебного контроля и изменению партийно-политической конфигурации страны. В отсутствие сильной судебной власти механизмы федерального вмешательства неизбежно смещаются от охранительной функции к карательной.
Ключевые слова: президентское правление, Индия, статья 356, «спящий унитаризм», федерализм, конституционная ответственность, судебный контроль.

Каждое сложносоставное государство сталкивается с проблемой: как сохранить единство конституционного пространства, но не подавить автономию регионов. В контексте работы важно разграничить понятия «федеральное вмешательство» и «спящий унитаризм». Если первое является точечным правовым инструментом реагирования на кризис, то второе описывает латентное, динамическое состояние всей государственной системы. При «спящем унитаризме» внешняя федеративная форма и институты асимметричного федерализма сохраняются, но постоянная угроза централизации выступает главным фактором лояльности региональных элит. Это не статичный квазифедерализм, а гибкий режим, готовый к мгновенной трансформации в жесткий унитаризм при наступлении критических условий. Главная особенность «спящего унитаризма» в его потенциальном характере: унитарные механизмы всегда наготове, обеспечивая лояльность элит. Индийский опыт, пожалуй, самый яркий пример «спящего унитаризма» в классической федерации. Введение прямого президентского управления в штате концептуально обосновывается как высшая мера конституционной ответственности политико-правовой институт, призванный преодолеть коллапс управления. Однако анализ практики показывает, что грань между ответственностью за срыв конституционных механизмов и ответственностью за политическую нелояльность региональной элиты оказалась чрезвычайно тонкой.

В теоретическом плане феномен «спящего унитаризма» тесно связан с проблемой централизации власти в федеративных государствах. Как отмечал еще Б.Н. Чичерин, централизация означает «назначение местных властей и утверждение выборных лиц, надзор за местными властями, восхождение местных дел на решение или утверждение центральной власти, направление местной деятельности из центра посредством обязательных предписаний». При этом, как справедливо подчеркивал А. Токвиль, необходимо различать политическую централизацию (установление общего законодательства, управление совокупными силами государства), которая является благом, и административную централизацию (опеку над частной и местной деятельностью), которая представляет собой зло [2].

В понимании федерализма наиболее простым его определением считается «самоуправление плюс поделенное управление», т.е. управление, разделенное на федеральный и региональный уровни. Однако, как показывает практика, баланс между этими уровнями постоянно колеблется в сторону централизации, что и порождает феномен «спящего унитаризма».

В науке конституционного права данный феномен описывается через понятие «федеральное вмешательство». Как отмечает А.И. Казанник, под ним понимается «деятельность специально уполномоченных на то федеральных органов государственной власти и должностных лиц по временному изменению компетенции органов государственной власти субъектов федерации путем изъятия из нее каких-либо предметов ведения и полномочий с целью устранения чрезвычайной ситуации, создающей угрозу государственному единству и территориальной целостности страны» [3]. Система федерального вмешательства включает в себя такие элементы, как его формы, основания, органы, управомоченные его осуществлять, меры конституционно-правового принуждения, а также особый режим правового регулирования в период его осуществления.

Важно подчеркнуть, что федеральное вмешательство может выступать формой конституционной ответственности, но лишь в том случае, когда его основанием послужило конституционное правонарушение, совершенное органами государственной власти субъекта федерации. Институт прямого президентского правления в Индии, будучи одной из форм федерального вмешательства, должен рассматриваться именно в этом ключе как мера ответственности, а не как инструмент политического произвола.

Цель данной статьи доказать, что лишь через призму доктрины «конституционной ответственности», очищенной от политической конъюнктуры, возможно понять истинное предназначение и пределы действия статьи 356 Конституции Индии.

Институт президентского правления в Республике Индия представляет собой один из наиболее специфических инструментов централизованного контроля в рамках сложносоставного государства.

Генезис данного института восходит к колониальному периоду развития индийской государственности, а именно к разделу 93 Закона о правительстве Индии 1935 года, который наделял британских губернаторов провинций чрезвычайными полномочиями в случае паралича местного управления. Принятие Конституции Индии в 1949 году закрепило эту норму, однако создатели основного закона, включая доктора Б. Р. Амбедкара, исходили из предпосылки, что статья 356 останется «мёртвой буквой» и будет применяться лишь в самых крайних, экстраординарных случаях. Вместе с тем, централизованный характер индийского федерализма был заложен не только колониальным наследием, но и осознанным выбором отцов-основателей. На момент формирования федеративного государственного устройства предлагались два подхода к разграничению предметов ведения: «британский имперский способ распределения с сильным центром и слабыми штатами», а также противоположный подход, выражающийся в идее слабого центра и сильных штатов, предложенный той частью современной Индии, которую составляли независимые княжества. Как отмечают Л. и С. Рудольф, для Дж. Неру федеративное устройство означало не столько децентрализацию, сколько реальную возможность сделать Индию независимой, «с сильной центральной властью, способной к плановому развитию». В связи с этим был выбран именно первый, централистский подход, что предопределило последующее расширительное толкование и частое применение статьи 356.

Отсутствие на федеральном уровне институтов прямой демократии референдума и народной законодательной инициативы также является важной характеристикой индийской модели «спящего унитаризма». Это связано с тем, что при большой численности населения и неразвитой системе коммуникаций в Индии отсутствуют демократические традиции и навыки. Данное обстоятельство объективно усиливает позиции центральной власти, лишая региональные элиты и общественность эффективных инструментов прямого воздействия на федеральные решения, и создаёт благоприятные условия для расширительного толкования статьи 356.

Высокая степень централизации является характерной чертой не только индийской, но и многих других федераций, относимых к так называемому «афро-азиатскому типу». К данному типу наряду с Индией относятся Объединенные Арабские Эмираты, Южно-Африканская Республика и Малайзия. Эти государства «созданы на базе соглашения между элитами федеральных государств и/или национальными элитами регионов», для них характерны «молодые и устойчивые традиционализированные федерации с высокоасимметричными субъектами и с сохранением элементов авторитарного правления в центре и на местах».

Особый конституционный статус штата Джамму и Кашмир, обладавшего до 2019 года собственной конституцией, долгое время служил главным примером асимметрии индийского федерализма. Однако отмена статьи 370 Конституции Индии в 2019 году и последующее преобразование штата в союзные территории наглядно подтвердили тезис: «спящий унитаризм» способен мгновенно переходить в активную фазу. Это решение продемонстрировало способность Дели в одностороннем порядке перекраивать конституционную карту страны, сводя к минимуму автономию даже самых защищенных субъектов. Сама Конституция Индии, не даёт чёткого перечня оснований для введения президентского правления. В статье 356 сказано лишь, что Президент может ввести прямое правление, «если по получении доклада губернатора штата или иным образом придет к убеждению, что возникла ситуация, при которой управление штатом не может осуществляться в соответствии с настоящей Конституцией». Заслуживают внимания такие оценочные формулировки нормы: «или иным образом», «придет к убеждению». Именно эта правовая размытость критериев изначально заложила основу для последующих злоупотреблений со стороны союзной власти.

Такие инструменты вызывают в доктрине разночтения. Одни авторы, скажем, В. Е. Чиркин и М. М. Борисова, относят их к конституционной ответственности. Другие — к чрезвычайному положению, пусть и в «мягкой» форме. Представляется, что правильного или неправильного ответа нет: институт действительно двойственен по своей природе. И та, и другая позиция объяснимы: он одновременно выполняет правовосстановительную и карательную функции.

Дискуссионность правовой природы данного института подтверждается и в работах отечественных исследователей. Так, ряд авторов, в частности, И.А. Умнова, отмечают сходство института президентского правления с режимом чрезвычайного положения, указывая, что в Индии, Пакистане и Бразилии конституционные нормы о назначении федеральной администрации и роспуске регионального парламента отнесены к числу разновидностей чрезвычайного положения. Однако, как справедливо подчеркивают М.М. Борисова и И.Г. Дудко, это не совсем верно. В отличие от чрезвычайного положения, при федеральном вмешательстве региональные органы власти либо смещаются, либо полностью подчиняются федеральному центру; временно меняется система разграничения полномочий между Федерацией и субъектами, а также данные меры имеют ярко выраженную региональную направленность, в то время как чрезвычайное положение может затрагивать всю территорию страны [3].

С этим подходом солидаризируется и В.Е. Чиркин, который предлагает рассматривать вмешательство в дела субъекта Федерации как особую процедуру, отличную от объявления чрезвычайного положения. Данная позиция представляется более обоснованной и соответствует охранительно-восстановительной, а не просто карательной функции рассматриваемого института [4].

Конституционный механизм действия статьи 356 тесно взаимосвязан со статьёй 365 Конституции Индии. Интересно, что эти нормы в системном прочтении выглядят не столько охранительными, сколько карательными. Штат не выполнил директиву центра и это считается, что он «не может функционировать». Данный правовой механизм не является оригинальным: он был заимствован из австралийской конституционной практики еще законом 1935 года. Однако если в Австралии эта норма осталась практически невостребованной, то в Индии она превратилась в регулярно применяемый инструмент контроля. Например, 1974 год несколько штатов передали парламенту полномочия по водоснабжению. И сразу появился Закон о предотвращении загрязнения водных ресурсов. Такое расширительное применение показывает, что федерация готова вторгаться даже в исключительную компетенцию штатов, что создаёт благоприятную почву для последующего введения президентского правления в случае политического конфликта.

Таким образом, Президент Индии, основываясь на докладе губернатора штата или получив достаточные основания из иных источников, наделяется императивным правом издать прокламацию о введении прямого союзного управления. Вместе с тем, при анализе этого механизма необходимо учитывать доктринальный дуализм юридического и фактического статуса главы государства, характерный для индийской модели парламентаризма. Формально, согласно статье 53 Основного закона, исполнительная власть в Союзе принадлежит Президенту. Однако принятые в конце 1970-х годов 42-я и 44-я поправки к статье 74 окончательно закрепили его обязанность беспрекословно следовать «советам» Совета министров. Это привело к конституционному оформлению так называемого «премьер-министеризма», когда реальная исполнительная власть концентрируется в руках главы правительства республики. Следовательно, и введение прямого правления в штате де-факто отражает волю союзного Кабинета, что существенно повышает риски его использования в узкопартийных целях Центра. [1]

Как подчеркивает С.С. Кузнецова, несмотря на формальную независимость, «губернатор штата в Индии является "главой штата и глазами и ушами Союза"», что превращает его из нейтрального арбитра в агента центральной исполнительной власти.

Юридические последствия издания такой прокламации кардинально трансформируют систему разделения властей по вертикали:

1.полномочия исполнительной власти: Губернатор штата, выступая в качестве прямого официального представителя Президента Индии, единолично берет на себя руководство административным аппаратом региона, опираясь на главного секретаря штата и корпус специально назначенных советников или администраторов;

2.полномочия законодательной власти: Президент вправе приостановить деятельность законодательного собрания штата либо полностью распустить его, официально делегировав осуществление законодательных функций региона Парламенту Индии;

3.нормотворческий суверенитет: в периоды между сессиями союзного Парламента Президент наделяется исключительным правом издавать чрезвычайные указы (ордонансы), регулирующие внутреннее управление конкретным субъектом федерации.

4. финансовый контроль: централизованная система сбора налогов и распределения средств между штатами, при которой

штаты находятся в прямой зависимости от поступлений из федерального бюджета, лишает их возможности самостоятельно определять собственную политику даже вне режима чрезвычайного положения.

С точки зрения общей теории права, данный механизм обладает всеми признаками института конституционной ответственности, где в качестве деликта выступает «конституционный крах» регионального механизма управления, санкцией временное лишение штата элементов политической автономии, а специальной целью реставрация нарушенного конституционного пространства. Как отмечает А. А. Кондрашев, конституционно-правовая ответственность, в отличие от других видов, «служит действенным механизмом охраны Конституции и публичного правопорядка», а также характеризуется тем, что её меры «лишены имущественного содержания» и применяются «в большинстве случаев к государственным органам, должностным лицам, депутатам или кандидатам в депутаты». Эти общие признаки охранительная функция, неимущественный характер санкций и особый круг субъектов в полной мере присущи и индийскому институту президентского правления. Несмотря на то, что труды А. А. Кондрашева базируются преимущественно на отечественном материале, выработанные им критерии вполне применимы для анализа индийских правовых реалий.

Перенос отечественной доктрины конституционной ответственности на индийскую почву требует принципиальной оговорки касательно категории вины. Если А. А. Кондрашев рассматривает вину как обязательное условие деликта, то индийская практика демонстрирует совершенно иной подход. На наш взгляд, преодолеть это теоретическое противоречие позволяет ведущаяся в российской науке дискуссия о безвиновной (объективной) ответственности коллегиальных органов публичной власти. Институт президентского правления в Индии целесообразно трактовать как меру ответственности за объективный конституционный деликт. В рамках этой концепции санкция (вплоть до роспуска легислатуры) применяется не за субъективную вину конкретных должностных лиц, а по факту наступления объективного «краха конституционного механизма» — когда субъект федерации физически теряет управляемость. Если штат распущен за политическую нелояльность — вины юридической нет. Она подменяется политической оценкой. И это главная проблема конституционная ответственность в Индии она постоянно смешивается с политической. А границу проводит тот, у кого больше власти.

Двойственность института объясняется тем, что индийский федерализм изначально централизован. Так было задумано чтобы жёстко пресекать любые центробежные тенденции. Региональные элиты слишком часто давали повод для беспокойства, и центр получил право вмешиваться в любой момент. Возможность нормативной трансформации индийской федерации в фактически унитарное государство в условиях кризиса выступает здесь системным предохранителем, где прямое правление служит крайним выражением охранительной функции центральной власти [3]. Подобный подход полностью согласуется с развиваемой в науке двухаспектной теорией конституционно-правовой ответственности, в рамках которой данный институт рассматривается не только как карательный, но и как важнейший правовосстановительный инструмент публичной власти. Вместе с тем в конституционной доктрине ведется дискуссия о юридической природе данного феномена: рассматривать ли его как субинститут конституционной ответственности (как отмечают, например, В. Е. Чиркин и М. М. Борисова) или как специфическую, «мягкую» форму института чрезвычайного положения [2].

Поскольку введение прямого президентского правления (известного в индийской доктрине также как «конституционное чрезвычайное положение») вторгается в сферу регионального суверенитета, баланс сил удерживается через систему строгих парламентских фильтров.

Согласно конституционному регламенту, любая прокламация, изданная в соответствии со статьей 356, должна получить одобрение обеих палат союзного Парламента (Лок Сабха и Раджья Сабха) в течение двух месяцев с момента её обнародования. Характерно, что для утверждения достаточно набора простого большинства голосов в каждой из палат. В случае успешного прохождения парламентского контроля первоначальный срок действия президентского правления составляет 6 месяцев. Закон допускает пролонгацию этого режима, однако устанавливает жесткий предельный пресекательный срок не более 3 лет в общей сложности, с обязательным переутверждением каждые полгода.

Эта гибкость в применении статьи 356 контрастирует с достаточно сложным порядком внесения поправок в саму Конституцию, который характеризуется как «жёстко-гибкий». Индийская Конституция предусматривает три процедуры внесения поправок. Первая подача поправки любым депутатом для рассмотрения в любой палате парламента; после получения 2/3 одобрения она поступает на подпись Президенту. Вторая принятие обычным законодательным путём. Третья, наиболее жёсткая, предусматривает помимо принятия в парламенте и подписи Президента ещё и ратификацию половиной парламентов штатов.

Конституция Индии детально регламентирует этот процесс: согласно пунктам 3 и 4 статьи 356, статус прямого президентского правления изначально сохраняется на территории в течение двух месяцев, а последующее продление возможно по решению обеих палат парламента на срок в шесть месяцев, но при общем сроке действия не свыше трех лет. Аналогичный механизм парламентского утверждения существует и в других федерациях, например, в Пакистане, где Декларация Президента также должна быть утверждена резолюцией обеих палат федерального парламента.

Важнейшей исторической вехой в эволюции данного института стало принятие 44-й поправки к Конституции Индии в 1978 году. Данная новелла была направлена на минимизацию рисков узурпации власти и установила, что продление президентского правления на срок свыше одного года возможно исключительно при одновременном соблюдении двух условий:

1.на территории всей Индии либо в конкретном штате официально введено и действует общенациональное чрезвычайное положение;

2.Избирательная комиссия Индии официально сертифицирует и подтверждает, что проведение свободных и законных выборов в законодательное собрание данного штата в текущих условиях (из-за внутренних беспорядков, стихийных бедствий или иных объективных препятствий) временно невозможно, что оправдывает сохранение прямого союзного управления.

Однако, как справедливо замечает С. С. Кузнецова, даже принятие 44-й поправки не сняло всех рисков. В ранней судебной практике индийских судов возможность судебного пересмотра президентских прокламаций по статье 356 трактовалась крайне ограничительно. Показательным в этом отношении является решение Высокого суда Андхра-Прадеш по делу In re: A. Sreeramulu, AIR 1974 AP 106, в котором суд исходил из политического характера соответствующего вопроса. Более того, 38-я поправка (1975 г.) прямо закрепляла неоспоримость решений Президента в судебном порядке, и лишь 44-я поправка отменила это положение. Однако, по мнению А. Н. Домрина (на которое ссылается Кузнецова), судебный контроль остаётся «эфемерным», поскольку практически невозможно доказать отсутствие «разумной связи с убеждением президента» при издании прокламации.

Заложенные создателями Конституции защитные механизмы не сработали. Политическая конъюнктура оказалась сильнее. Статья превратилась в оружие. Правящие партии в Центре использовали её не для защиты конституционного порядка, а для того, чтобы разбираться с оппозиционными региональными администрациями. Законно избранными, но неугодными.

Первый случай произошёл в 1956 году. Союзное правительство (Неру) добилось отставки главного министра Пенджаба Бхаргавы, хотя тот имел поддержку большинства в легислатуре. Это был прецедент, который затем повторялся снова и снова. В дальнейшем, на протяжении 1970–1980-х годов, практика роспуска неугодных законодательных собраний приобрела системный характер. Апогеем экспансии «спящего унитаризма» стал период чрезвычайного положения (1975–1977 гг.) под руководством премьер-министра Индиры Ганди, когда статья 356 массово и без надлежащих правовых оснований использовалась для тотальной зачистки политического пространства от оппозиционных партий на уровне штатов [5].

Анализ того, как применялась эта мера в разных штатах, позволяет выделить две принципиальные группы оснований, отражающие различную юридическую природу возникающих кризисов. В рамках первой группы, классифицируемой как объективный конституционный тупик, деликтом признается полная невозможность формирования или функционирования легитимных органов исполнительной власти субъекта. Данная ситуация охватывает случаи внезапного распада правящих региональных коалиций, потерю мажоритарной поддержки действующим кабинетом без явных альтернатив для формирования нового правительства, а также выражение

легислатурой официального вотума недоверия. В подобных обстоятельствах институты штата оказываются парализованы изнутри, что нормативно требует внешнего охранительного вмешательства федерального Центра для восстановления управляемости.

Примером проявлением объективного конституционного тупика в исторической практике стал кейс в штате Андхра-Прадеш в 2014 году, где политический кризис и паралич власти наступили после демиссии главного министра Кирана Кумара Редди на фоне процесса территориального разделения штата. Схожие деструктивные процессы наблюдались в штате Аруначал-Прадеш в 1979 году, когда в условиях общей политической нестабильности произошло массовое дезертирство депутатов из правящих фракций, лишившее местное правительство легитимной опоры в законодательном органе. Хронический характер данная проблема носила в штате Бихар, где в 1968, 1969 и 1972 годах регулярная потеря устойчивого большинства и затяжные фракционные расколы раз за разом приводили к неспособности местных элит поддерживать конституционный механизм управления, вынуждая Президента Индии вводить прямое правление.

Вторую самостоятельную группу оснований образует системный кризис безопасности и правопорядка в регионе. Когда в регионе вспыхивают беспорядки, экстремизм или сепаратизм и местные власти просто не в силах справиться. Тогда статья 356 работает уже не как реакция на кризис в парламенте, а как инструмент сохранения государства. Центр берёт управление в свои руки. Потому что местная власть теряет контроль и над правопорядком, и над монополией на насилие.

Примером может служить Андхра-Прадеш в 1973 году. Тогда движение «Джай Андхра» вышло на улицы. Беспорядки вышли из-под контроля, правопорядок фактически рухнул всё это при правительстве П. В. Нарасимхи Рао. Похожий сценарий разворачивался и в Ассаме. Там в 1979, 1981 и 1982 годах радикальная «Ассамская агитация» против нелегальных мигрантов привела к масштабной дестабилизации. Вспышки насилия парализовали работу гражданской администрации. В 1990 году в том же Ассаме введение президентского правления было вызвано уже прямой критической угрозой национальной безопасности и суверенитету страны со стороны вооруженных формирований сепаратистской группировки ULFA, осуществивших фактический захват контроля над частью территорий.

Важно отметить, что подобный подход к выделению различных групп оснований для федерального вмешательства характерен и для других федеративных государств. Например, Конституция Бразилии (ст. 34) также различает основания, связанные с обеспечением национальной целостности и общественного порядка, и основания, имеющие финансово-правовой характер (невыплата государственного долга в течение двух лет подряд) или связанные с необходимостью обеспечения исполнения федерального закона и судебных решений. В России основания для введения чрезвычайного положения, которое может включать прямое президентское правление, также перечислены в законе и включают попытки насильственного изменения конституционного строя, захват власти, массовые беспорядки и межнациональные конфликты.

Но особенно показательны случаи, когда статья 356 использовалась скрыто под видом «конституционного краха». На деле же центр просто наказывал региональные элиты за политическую независимость. Формально крах. Фактически расправа. Правовые аргументы подменялись соображениями межпартийной борьбы. Статья 356 становилась карательным инструментом против тех, чья единственная «вина» была в том, что они не поддерживали центр. Примеры — Бихар, 1977 и 1980 годы. Дееспособные правительства, поддержка большинства, лидеры — Мишра и Дас. Центр отправил их в отставку — исключительно из предвыборных соображений. Без контроля Верховного Суда грань между ответственностью и произволом стирается.

Проблема была и в другом. Критерии деликта, та самая «неспособность функционировать в соответствии с Конституцией», были настолько размыты, что штаты не могли эффективно защитить себя в суде. Суды уклонялись от оценки президентских прокламаций, называя их «политическими вопросами». Но кризис федеративных отношений достиг такого масштаба, что судебная система уже не могла оставаться в стороне. Пришлось вмешаться, чтобы защитить саму конституционную архитектонику государства.

Поворотной точкой, вернувшей статью 356 в русло доктрины строгой конституционной ответственности, стало фундаментальное решение Верховного Суда Индии по делу С. Р. Боммай против Союза Индии (1994) [6]. Суд сформулировал революционные для индийского права правовые позиции:

1.подсудность акта Президента: Прокламация Президента о введении прямого правления более не является абсолютным дискреционным актом и подлежит полноценному судебному пересмотру;

2.стандарт объективной доказанности: применение статьи 356 признается правомерным только тогда, когда оно базируется на объективных, верифицируемых и документально подтвержденных фактах, представленных в докладе губернатора или иных материалах. Политическая конъюнктура и скрытые мотивы правящей партии не могут выступать законным основанием для санкции;

3.принцип пропорциональности: судебный орган получил право оценивать, была ли допущена региональной властью именно та степень конституционного нарушения, которая требует столь радикального вмешательства Центра, или существовали более мягкие правовые альтернативы.

Данная линия была углублена в прецеденте по делу Рамешвар Прасад против Союза Индии (2006), где Верховный Суд императивно подтвердил: роспуск законодательного органа штата при отсутствии транспарентной, достаточной и неопровержимой доказательной базы является грубым неконституционным деянием. Аналогичным образом в 2016 году в штате Аруначал-Прадеш попытка Центра отстранить от власти правительство меньшинства (сформированное после объединения части депутатов Конгресса с БДП) была заблокирована высшей судебной инстанцией, признавшей прокламацию неконституционной и восстановившей права региональных органов.

Таким образом, именно благодаря эволюции судебной практики со второй половины 1994 года и в начале 2000-х годов начался резкий спад частоты и агрессивности применения статьи 356. Однако, как справедливо отмечает Т. Л. Шаумян, этот спад обусловлен не только судебными прецедентами, но и фундаментальной трансформацией партийно-политической системы Индии. Смена эпохи доминирования одной партии (Индийского национального конгресса) периодом коалиционной политики в 1990–2000-х годах привела к тому, что союзное правительство в Дели стало критически зависеть от поддержки со стороны региональных партий. В этих условиях агрессивное использование статьи 356 против штатов грозило Центру распадом собственной правящей коалиции в Парламенте. Верховный Суд Индии де-факто очистил институт от наслоений политического произвола, превратив его из инструмента межпартийной борьбы в легитимный, строго регулируемый механизм правовой защиты целостности государства. Но вопрос в другом: ограничила ли судебная практика применение статьи 356 сама по себе или же это произошло благодаря изменению партийной конфигурации? Выходит, что судебный контроль заработал не потому, что правовая логика вдруг восторжествовала, а потому, что изменилась политическая целесообразность. И это главная трещина в конструкции индийского федерализма правовой институт остаётся эффективным до тех пор, пока его применение совпадает с интересами центральной власти. Как только это совпадение исчезает, институт либо перестаёт применяться, либо начинает применяться выборочно.

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. До 1994 года институт президентского правления в Индии был скорее политическим инструментом, чем мерой конституционной ответственности: слишком часто он использовался для устранения оппонентов, а его основания были настолько размыты, что позволяли объявлять «конституционным крахом» обычную политическую нелояльность. Однако решение Верховного Суда по делу С. Р. Боммай против. Союз Индии (1994) изменило ситуацию: суд превратил статью 356 из политического инструмента в правовой институт, подлежащий судебному контролю. Сегодня можно говорить о том, что президентское правление стало мерой конституционной ответственности, но лишь в той мере, в какой оно соответствует стандартам объективной доказанности и пропорциональности. Вне этих стандартов статья 356 остаётся «спящей» нормой, которая может быть активирована в любой момент по политическому усмотрению. Именно эта двойственность правовая форма при политическом содержании составляет суть «спящего унитаризма» в индийском исполнении. Институт является мерой конституционной ответственности лишь тогда, когда его применение ограничено независимым судом и прозрачными процедурами. Как только эти ограничения ослабевают, он превращается в инструмент произвола. И это самый

тревожный вывод из индийского опыта: в отсутствие сильной судебной власти даже самый демократичный по форме институт становится оружием в руках центра.

Литература

1. Конституция Республики Индия // Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 2: Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – с. 1040.
2. Муртазалиев, А. М. Централизация власти в зарубежных федеративных государствах: сравнительный анализ / А. М. Муртазалиев, Д. З. Гаджиев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2020. – Т. 35, № 1. – С. 54-62.
3. Казанник, А. И. Конституционно-правовые гарантии единства и территориальной целостности современных федеративных государств (сравнительный анализ) / А. И. Казанник // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2015. – № 4(45). – С. 35-46.
4. Sreeramulu vs. Union of India. AIR 1974, AP, 106.
5. Яковлев, А. Ю. Эволюция религиозного терроризма в индийском штате Пенджаб / А. Ю. Яковлев // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2014. – № 26. – С. 144-148
6. Алиева, М. Г. Анализ конституционно-правового положения Президента Индии / М. Г. Алиева // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 110-112.
7. Дзамихов, Т. К. Прямое президентское правление: правовая норма и политическая практика (опыт сравнительного анализа) / Т. К. Дзамихов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-103-109.
8. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М.: Зерцало, 1998. – 448 с.
9. Карпович, О. Г. Формирование и особенности современной модели индийского федерализма / О. Г. Карпович // Тренды и управление. – 2016. – № 1. – С. 50-58.
10. Шаумян, Т. Л. Политическая система индии: исторический опыт и перспективы / Т. Л. Шаумян // Власть. – 2024. – Т. 32, № S4. – С. 33-60.
11. Кузнецова, С. С. Централизация в индии и конституционно-правовой статус органов государственной власти штатов / С. С. Кузнецова // Российское право: образование, практика, наука. – 2014. – № 2(83). – С. 95-102.
12. Конституционное право зарубежных стран [Электронный ресурс]: учеб. пособие / авт.-сост. В. В. Богатырев; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2024. – 279 с.
13. Конституционно-правовая ответственность в российском конституционном праве: учеб. пособие А. А. Кондрашев. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. – 468 с.
14. Краюшкин А.Б. Верховный суд в конституционно-правовой системе Индии. Вестник МГИМО-Университета. 2011;(2(17)):245-250.

Presidential rule in India as a measure of constitutional responsibility

Orlov E.I.
Siberian Federal University

The author substantiates the concept of "sleeping unitarianism" as a regime in which the external attributes of federalism are preserved, yet the mechanisms of centralization remain in a state of constant readiness for activation. It is established that the institution of presidential rule in India possesses a dual nature: it can act both as a legitimate measure of accountability for an objective "constitutional breakdown" in regional governance, and as an instrument of political arbitrariness on the part of the central authority. It is concluded that the transformation of Article 356 from a weapon of interparty struggle into a legal institution occurred through the establishment of strict judicial oversight and shifts in the country's party-political configuration. In the absence of a strong judiciary, federal intervention mechanisms inevitably drift from a protective function toward a punitive one.

Keywords: presidential rule, India, Article 356, «sleeping unitarianism», federalism, constitutional responsibility

References

1. Constitution of the Republic of India // Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 2: Central Asia and the Indian Subcontinent / ed. by T. Ya. Khabrieva. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma, 2010. – p. 1040.
2. Murtazaliev, A. M., & Gadzhiev, D. Z. Centralization of Power in Foreign Federal States: A Comparative Analysis // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. – 2020. – Vol. 35, No. 1. – pp. 54–62.
3. Kazannik, A. I. Constitutional and Legal Guarantees of Unity and Territorial Integrity in Modern Federal States (A Comparative Analysis) // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2015. – No. 4(45). – pp. 35–46.
4. Sreeramulu vs. Union of India. AIR 1974, AP, 106.
5. Yakovlev, A. Yu. The Evolution of Religious Terrorism in the Indian State of Punjab // Modern Trends in Economics and Management: A New Perspective. – 2014. – No. 26. – pp. 144–148.
6. Alieva, M. G. An Analysis of the Constitutional and Legal Status of the President of India // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – No. 3. – pp. 110–112. 7. Dzamikhov, T. K. Direct Presidential Rule: Legal Norm and Political Practice (A Comparative Analysis) / T. K. Dzamikhov // Modern Problems of Science and Education. – 2015. – No. 1. – pp. 103–109.
8. Chirkin, V. E. Constitutional Law: Russia and International Experience. – Moscow: Zertsalo, 1998. – 448 p.
9. Karpovich, O. G. Formation and Features of the Modern Model of Indian Federalism / O. G. Karpovich // Trends and Management. – 2016. – No. 1. – pp. 50–58.
10. Shaumyan, T. L. The Political System of India: Historical Experience and Prospects / T. L. Shaumyan // Vlast (Power). – 2024. – Vol. 32, No. S4. – pp. 33–60.
11. Kuznetsova, S. S. Centralization in India and the Constitutional-Legal Status of State-Level Public Authorities / S. S. Kuznetsova // Russian Law: Education, Practice, Science. – 2014. – No. 2(83). – pp. 95–102.
12. Constitutional Law of Foreign Countries [Electronic Resource]: Textbook / Compiled by V. V. Bogatyrev; Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. – Vladimir: VlSU Publishing House, 2024. – 279 p.
13. Constitutional-Legal Responsibility in Russian Constitutional Law: Textbook / A. A. Kondrashev. – Krasnoyarsk: Siberian... Federal University, 2011. – 468 p.
14. Krayushkin A.B. The Supreme Court in the Constitutional and Legal System of India. MGIMO Review of International Relations. 2011;(2(17)):245-250.

От ЭКОВАС к альянсу государств Сахеля: региональная фрагментация и снижение издержек выхода, 2020–2025 гг.

Умар Мохаммед Белло
аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042248320@rudn.ru

В статье исследуется институциональный разрыв между Экономическим сообществом государств Западной Африки (ЭКОВАС) и Мали, Буркина-Фасо и Нигером с августа 2020 г. по декабрь 2025 г. Цель — определить, как альтернативные внешние партнерства взаимодействовали с политикой принуждения ЭКОВАС, изменяя ожидаемые издержки выхода из организации и создания Альянса государств Сахеля (АГС). Методы: структурированное сфокусированное сравнение и процесс-трейсинг на основе коммюнике и правовых актов ЭКОВАС, Липтако-Гурмской хартии, Ниамейского коммюнике 2024 г., Резолюции СБ ООН 2690, официальных финансовых документов, научных исследований и сообщений СМИ; издержки в сфере безопасности, дипломатии, экономики и легитимности оцениваются качественно по датированным обязательствам и сохраненным институциональным связям, а Гвинея используется как теневой случай, в котором переворот и санкции не привели к выходу. Результаты: диверсификация партнерств, вероятно, снизила ожидаемую изоляцию в сфере безопасности и дипломатии, тогда как смягчение санкций, сохранение торговых связей, свободы передвижения и членства в ЗАЭВС ограничили экономическое размежевание; российские контингенты появились в Мали и Буркина-Фасо до объявления о выходе в январе 2024 г., а в Нигере соглашение предшествовало объявлению, а развертывание последовало за ним. Вывод: последовательность событий согласуется с трактовкой диверсификации как способствующего фактора, не доказывая ее необходимости; результат определяется как конкурентный регионализм — институциональное соперничество при сохранении экономической и социальной взаимозависимости.

Ключевые слова: ЭКОВАС, Альянс государств Сахеля, Сахель, регионализм, издержки выхода, внешнеполитическая ориентация, хеджирование, внешние партнерства, процесс-трейсинг

Introduction

Between 2020 and 2023, soldiers took power in Mali, Burkina Faso, and Niger. Each coup had its own domestic story, but the regional response tied them together and, in doing so, put the Economic Community of West African States (ECOWAS) and its 2001 framework on democracy and good governance to its sternest test. The organisation did what its rules told it to do: it suspended the three governments, negotiated transition timetables, applied targeted measures and, in two cases, imposed broad economic and financial sanctions. All of this was meant to defend constitutional order. What it produced instead was a rival organisation. By September 2023 the three military governments had formed the Alliance of Sahel States (Alliance des États du Sahel, AES). On 28 January 2024 they announced together that they were leaving ECOWAS [3]; the withdrawal took legal effect on 29 January 2025 [17]. Over the following year the AES acquired a common passport and an announced joint force [10], and in September 2025 the three governments jointly declared their withdrawal from the International Criminal Court (ICC). A region that was already deeply interdependent now had two competing claimants to its authority.

The break with ECOWAS coincided with a break with the West. Mali ended its long-standing arrangements with France and asked the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA) to leave. Burkina Faso and Niger ended French military cooperation, and Niger subsequently secured the departure of the United States as well. Russia became more visible, first through Wagner and then through the Africa Corps, a body linked to the Ministry of Defence. Wagner's announcement in June 2025 that it was leaving concerned Mali; Russian deployments to Burkina Faso and Niger had been reported by international news agencies the year before. Türkiye, China and others offered security, commercial or diplomatic options of their own. It is tempting to read all this as an episode of great-power competition. That reading should be treated with care. That reading turns African governments into objects of others' rivalries, and it confuses things that happened at the same time with things that caused each other.

Leaving a regional organisation carries costs. ECOWAS membership carried rights of participation, trade preferences, and freedom of movement. Access to the coastal corridors and to regional finance rested on separate agreements and institutions, each with its own legal footing, and the security cooperation provided by France, the United States and the United Nations came through bilateral or multilateral mandates of their own rather than as a by-product of ECOWAS membership. So it helps to keep two things apart: the direct costs of formal exit, and the wider costs of a political realignment that also meant giving up established security relationships. The question that matters is how those anticipated costs changed. Alternative partners could reduce the prospect of isolation. Sanctions relief and the ties that survived withdrawal could limit its material consequences.

Put as a question: how did the availability of alternative external partnerships, combined with ECOWAS enforcement, affect the expected costs of exit and so the political feasibility of leaving the Community and building the AES, for Mali, Burkina Faso and Niger, between 2020 and 2025? The working hypothesis is that the alternative partnerships enabled the rupture without originating it. They plausibly lowered the security and diplomatic costs of realignment once relations with ECOWAS and with the established Western providers had already deteriorated. They did not replace the regional economic ties, which survived in part through other institutions and through transitional arrangements. Three things are new here. Exit cost is broken into components that can be assessed with evidence other than the withdrawal decision itself. Guinea is brought in as a shadow case: a coup, a suspension and sanctions, but no exit and no comparable sequence of one security provider replacing another. And the outcome is described as competitive regionalism, which is neither "decolonisation" nor the swapping of one patron for another.

The argument runs in five steps. It begins by placing the study within the scholarship on ECOWAS, on comparative regionalism and on how weak states choose their alignments. It then defines exit cost, its components and competitive regionalism, and explains the comparative design, the coding rules and their limits. The results follow: ECOWAS enforcement, the withdrawal of the established providers and the arrival

of new ones, the Guinean counter-case, the balance of costs offset and costs retained, and the building of the AES. The discussion asks how far diversification can carry the explanation and what the case tells us more generally.

Materials and Methods

The method is a structured, focused comparison of Mali, Burkina Faso and Niger, combined with process tracing, which asks whether the things a proposed mechanism implies actually turn up in the record, and in the expected order [20]. The three cases share the outcome—collective exit—and much else: military rule and an insurgency none of them has contained. Guinea supplies the variation. It had a coup in September 2021, was suspended, and from September 2022 faced diplomatic, economic and financial sanctions; it stayed in ECOWAS. The sources reviewed here record no comparable departure of a major foreign security deployment from Guinea, and no comparable replacement. Its coastline and its very different threat environment mean it cannot serve as a controlled comparison, still less as proof that diversification was necessary for exit.

The period runs from the August 2020 coup in Mali to 31 December 2025, which captures almost the whole of the AES's first year outside ECOWAS. The primary sources are the 2001 ECOWAS democracy protocol; the Authority's communiqués of 25 March, 3 July and 22 September 2022, 30 July and 10 August 2023, and 24 February 2024; the ECOWAS statement marking the effective withdrawal; the Liptako-Gourma Charter as transmitted to the United Nations in document S/2023/695; the final communiqué of the July 2024 AES summit in Niamey; Security Council Resolution 2690 (2023); the record of the April 2025 Russia–AES ministerial meeting; the reporting of the September 2025 AES declaration on the ICC; the December 2025 ECOWAS records on Guinea; and the records of the Central Bank of West African States (BCEAO) for the 2025 financial year. Where official documents are silent, above all on the transition from Wagner to the Africa Corps, whose contractual terms have never been fully disclosed—peer-reviewed studies and verified agency reporting supply the dates.

Four indicators are coded for each case, and every coding decision rests on at least one dated, publicly documented event (Table 1). "Coercive escalation" records the move from suspension and mediation to targeted or broad sanctions and to an explicit threat of force. "Established-provider withdrawal" records the termination or withdrawal of French-led, other Western or United Nations security arrangements. "Partner substitution" requires something observable—a deployment, an agreement, a purchase, an official diplomatic mechanism; speeches do not count. Procurement that pre-dated the crisis, new commitments to cooperate and actual deployments are kept apart, because they imply different sequences and different levels of support. "Institutional exit" records the movement from resistance by a single government to a mutual-defence charter, a confederation treaty and completed withdrawal.

There is an obvious risk of circularity. If the only evidence that exit had become cheaper were the fact of exit, the argument would be circular. Three kinds of evidence are therefore used that do not depend on the outcome: the timing of agreements and deployments relative to each institutional decision; what the governments themselves said in the January 2024 announcement and in later AES documents; and the contrasting sequence in Guinea. Statements tell us about positions, not about private calculations. Economic continuity is assessed on its own terms, through WAEMU membership, ECOWAS's transitional arrangements for movement and trade, and the timing of sanctions relief. Table 2 draws these qualitative judgements together. It puts no numbers on costs and makes no claim about how large any offset was.

Stated motives and demonstrated effects are different things, and the method keeps them so. ECOWAS communiqués are authoritative on what was decided; they are not neutral verdicts on whether it worked. AES statements establish commitments and positions, not public legitimacy or improved security. Claims about popular attitudes are kept to a minimum, because there are no survey data to support them. Confidential security contracts and complete aid and trade flows lie outside the corpus. What the study can show is that partner diversification came before, or alongside, particular decisions and plausibly lowered their anticipated costs; that Guinea followed a different documented sequence and did not leave; and that institutional arrangements limited economic separation. That is enough to make the mechanism plausible. It is not enough to say what would have happened had the alternative partners not existed, and it cannot weigh the contribution of any single partner.

Literature Review

Historiography and Research Gap

The first body of writing concerns how ECOWAS turned itself from an economic community into a security actor. The studies of the interventions in Liberia and Sierra Leone show a practice built from Nigerian leadership, improvised coalitions and rules that were formalised only gradually [1]. Later work traces the institutionalisation of conflict prevention, peace operations and constitutional norms, and notes the strain between legal ambition, member-state interests and the capacity to deliver. The 2001 Supplementary Protocol on Democracy and Good Governance wrote the rejection of unconstitutional power into Community law and gave every later suspension and sanction its legal basis [11]. All this explains why ECOWAS responded to the coups as it did. It does not explain why enforcement ended in organised exit in three cases and in renewed bargaining in a fourth.

A second body treats West Africa through regional security complex theory and comparative regionalism. Neighbours are bound together by security because armed groups, displaced people, trafficking and local quarrels cross borders far more easily than they cross continents [6]. The "new regionalism" literature adds that regional orders are made not only by formal organisations but by overlapping political projects, informal networks and outside connections [28]. That fits the Sahel, where ECOWAS, the African Union, the West African Economic and Monetary Union (WAEMU), the AES and the cross-border communities all coexist. But a formal withdrawal from ECOWAS raises a question this literature does not fully answer: what happens when regional frameworks compete, and what does leaving one of them actually cost?

The third body is about how weak states choose their partners. The theory of omnibalancing holds that leaders of internally threatened regimes align abroad to counter the threats that worry them most, which are usually at home or next door rather than in the international system at large [8]. The hedging literature adds that states facing uncertainty diversify their partners so as not to depend on any one of them [24]. The writing on multipolarity finds more room than before for regional actors to diversify alignments and build institutions of their own [9], and Russian scholars have traced the deeper political roots of Sahelian insecurity [22]. Read together, these literatures suggest that partner diversification is best understood as risk management by regimes, not as something designed from outside.

Recent international work addresses the rupture directly. Kufuor [23] deals with its legal and institutional consequences; Aina, Afolabi and Fayemi [4] connect democratic relapse, insecurity and the alternative integration offered by the AES. Sissoko et al. [27] trace the macroeconomic channels—trade, investment, transaction costs, monetary credibility—through which withdrawal is likely to hurt three landlocked economies. Marangio [26] applies hedging to the three military governments and makes the important observation that staying in WAEMU softens the economic risk of leaving ECOWAS. Chikhachev [7] shows that the end of Operation Barkhane was one symptom of a wider crisis in French policy towards the Sahel.

Russian scholarship has started to treat the AES as a subject in its own right. Loshkarev [25] sees it as a new kind of minilateralism, notes how little sustained attention Russian researchers had paid it, and observes that training and rearmament were taken out of the tripartite framework and handled bilaterally with Russia. Adu and Mezyaev [2] examine the legal basis of the ECOWAS sanctions on Mali, Guinea, Burkina Faso and Niger and argue that enforcement cut loose from Community norms and humanitarian imperatives risked splitting the organisation. Fain, Issaev and Korotayev [19] call the Sahelian seizures of power "coupvolutions", military action fused with mass mobilisation, and Degterev, Issaev, Krasovskaya, Mardasov and Subbotin [10] assess the AES's military-political capacity together with the instruments still held by France, the United States, China, Türkiye, Iran and the Gulf states. This is the institutional and empirical ground on which a more explicit comparison of enforcement, partner availability and the feasibility of exit can be built.

What this article adds is a way of connecting these debates: a comparison of the sequence and the components of anticipated exit cost. It looks at how sanctions, sovereignty claims and partner availability worked on one another; it separates the costs an outside actor might reduce from the ties that regional institutions preserved; and it uses

Guinea to ask why a coup and sanctions did not always end in withdrawal. The result is a bounded claim about a mechanism, not a general law of regional disintegration.

Theoretical Framework

ECOWAS is three things at once: a legal organisation, a security institution and a political arena. Its authority rests on treaty rules, but also on whether members comply and on whether they regard enforcement as legitimate. Hirschman's distinction between exit, voice and loyalty is the natural starting point [21]. The suspended governments began with voice, arguing over transition timetables. Exit from a regional organisation is not a single announcement. It is a process that runs from contesting the rules, through mutual-defence commitments and a rival institutional project, to legal withdrawal.

Exit becomes feasible when the expected costs of leaving fall below the expected costs of staying and complying. Here the expected cost of exit is broken into four parts. The security cost is the loss of outside counterterrorism support—training, intelligence, equipment—that had come through established bilateral or multilateral arrangements. The diplomatic cost is isolation: losing a voice in ECOWAS and being exposed to coordinated pressure; suspension from African Union bodies is treated separately, as a consequence of unconstitutional government rather than of exit. The economic cost is the loss of ECOWAS-mediated market access, coastal corridors, regional financial institutions and freedom of movement, together with the direct effect of sanctions. The legitimacy cost is the reputational burden of pariah status and the narrative a government has to sustain at home to justify its position. These costs belong to overlapping processes and cannot all be attributed to formal withdrawal. Each can in principle be reduced by a different actor, and each can fall for reasons that have nothing to do with any partner—for example, when the sanctioning organisation loses the will or the capacity to enforce.

External partnership diversification here means the deliberate widening of security, diplomatic, commercial and development relationships so that dependence on any one provider goes down. It is not the same as alignment with a single state, although Russia was the most visible alternative security partner in all three cases; it can include working ties with Türkiye, China, the Gulf states and others. Nor does diversification show that the new relationships are any more effective or durable than the old. The claim is narrower. A wider portfolio changes what decision-makers expect to lose if established support is withdrawn. Expected availability and actual deployment are kept distinct throughout, because a government can quite rationally discount the cost of exit on the strength of a partner's demonstrated willingness to support a neighbour in the same position, before any deployment has taken place on its own territory.

Competitive regionalism is the name given here to what results. ECOWAS and the AES make partly incompatible claims about legitimate political order and about who leads on security, yet they operate in the same economic and social space. Competition does not abolish interdependence. People go on trading, migrating and carrying documents issued under ECOWAS rules, and armed groups cross the new boundary as readily as the old ones. The concept steers between two errors—that the AES has replaced ECOWAS in the Sahel, and that withdrawal is merely symbolic—and it directs attention to what was actually separated and what was kept.

The proposed mechanism has four stages. Domestic governance and security crises come first and precede the unconstitutional change of power. ECOWAS enforcement then raises the material cost of defiance while feeding a counter-narrative about sovereignty. The withdrawal of established partners and the availability of alternatives next shift the anticipated costs of resistance and of exit. Finally, the governments turn alignment into an institution. The stages may overlap from case to case. The shadow case tests the narrower proposition that coup plus sanctions is not enough to explain withdrawal. On the economic side the expectation is that retained regional arrangements and sanctions relief limit separation even where no outside partner replaces the old markets, finance and transit rights.

Results

ECOWAS enforcement and the failure to restore constitutional order

ECOWAS went into the crisis with a clear mandate. The 2001 Protocol forbids obtaining or holding power by unconstitutional means and makes constitutional convergence a condition of belonging [11]. The difficulty did not lie in the rule. It was turning a formally consistent norm into compliance when member governments disputed whether enforcement was legitimate, proportionate or wise.

Mali came first. After the coup of August 2020 and the second seizure of power in May 2021, the bargaining was about the length and credibility of the transition. On 9 January 2022, once the transition authorities had proposed a timetable stretching years ahead, ECOWAS imposed broad economic and financial sanctions, closing borders and suspending financial transactions. The measures were upheld on 25 March 2022 [12] and lifted on 3 July, after the Authority accepted a 24-month transition counted from March 2022; suspension from decision-making bodies stayed in place [13]. The sanctions secured a negotiated timetable. They did not bring back elected government, and they gave the junta a usable grievance, with outside pressure recast as foreign interference.

Burkina Faso was treated less coercively, at least at first. The communiqué of 25 March 2022 threatened economic and financial sanctions if no acceptable timetable arrived by 25 April [12]. On 3 July the Authority accepted a 24-month transition running from 1 July 2022 and described itself as lifting the economic and financial sanctions adopted on 25 March [13, paras. 19–20]. The record needs reading carefully here: the March decision was conditional, and the July wording does not establish that a border-and-transactions blockade of the Malian kind was ever enforced. A second coup in September 2022 showed the limits of timetable-based bargaining. Burkina Faso drew steadily closer to Mali on security and diplomacy, which is one reason the severity of economic sanctions cannot by itself account for the later collective exit.

Niger, in July 2023, was the sharpest escalation. ECOWAS demanded that President Mohamed Bazoum be restored, imposed sweeping commercial and financial sanctions, closed the borders and gave the coup leaders a seven-day ultimatum [15]. On 10 August the Authority ordered the ECOWAS Standby Force activated, while still saying it preferred diplomacy [15]. No force was sent and constitutional government did not return. The Liptako-Gourma Charter that followed committed the three governments to defend one another [29], and turned their quarrels with ECOWAS over sovereignty and intervention into an institution.

On 24 February 2024 ECOWAS lifted the main border, trade, financial and utility restrictions on Niger, citing humanitarian grounds. It also removed specified individual sanctions on Mali's transition authorities and the economic and financial sanctions on Guinea. This was not a blanket lifting of identical measures across Niger, Mali and Burkina Faso [16]. Bazoum had not been released and no Nigerien timetable had been agreed. The relief came after the three AES governments had announced they were leaving. The sequence says something about the constraints on ECOWAS's enforcement and cohesion, though it leaves open how much humanitarian concern and other political calculations contributed.

Table 1
Coded evidence matrix: dated observable events by indicator and case, 2020–2025

Indicator	Mali	Burkina Faso	Niger	Guinea (shadow case)
Coercive escalation by ECOWAS	Suspension Aug 2020; broad economic and financial sanctions 9 Jan 2022, upheld 25 Mar 2022, lifted 3 Jul 2022; suspension maintained. Coded: HIGH.	Suspension Jan 2022; conditional economic/financial sanctions threatened 25 Mar; July communiqué described those measures as lifted after acceptance of a 24-month timetable. No comparable broad blockade established. LOW–MEDIUM.	Suspension, broad sanctions, border closure and 7-day ultimatum 30 Jul 2023; Standby Force activation ordered 10 Aug 2023; broad measures lifted 24 Feb 2024. Coded: VERY HIGH (threat of force).	Suspension Sept 2021; diplomatic, ECOWAS financial-institution and targeted sanctions, 22 Sept 2022; subsequent transition bargaining. Economic/financial measures lifted Feb 2024. MEDIUM.

Indicator	Mali	Burkina Faso	Niger	Guinea (shadow case)
Established-provider withdrawal	French withdrawal completed Aug 2022; MINUSMA mandate terminated 30 June 2023 and withdrawal completed in Dec 2023. PRESENT.	End of French Sabre operations marked on 18 Feb 2023 and announced the next day. PRESENT.	French forces withdrew Dec 2023; U.S. withdrawal completed Sept 2024. Major French/U.S. provider withdrawal: PRESENT.	No equivalent withdrawal of a major foreign counterinsurgency deployment established in the reviewed sources. NOT DOCUMENTED.
Partner substitution (observable)	Russian personnel present before Jan 2024 announcement; Turkish drones acquired during 2022–2024. Wagner announced departure in June 2025 while Africa Corps remained. PRESENT before announcement.	Turkish procurement before collective exit; Russian personnel reported arriving on 24 Jan 2024, before the 28 Jan announcement. PRESENT before announcement.	Turkish procurement preceded the 2023 coup. Russia–Niger cooperation agreement: 16 Jan 2024; Russian instructors: Apr 2024. PRESENT: commitment before, deployment after announcement.	No equivalent new replacement deployment established in the reviewed sources. This does not imply an absence of diversified external ties. NOT DOCUMENTED.
Institutional exit	Co-founds Liptako-Gourma Charter 16 Sept 2023; confederation treaty 6 Jul 2024; withdrawal effective 29 Jan 2025; AES ICC declaration 22 Sept 2025. ECOWAS exit: COMPLETE.	Same tripartite steps; withdrawal effective 29 Jan 2025. Coded: COMPLETE.	Same tripartite steps; hosts Niamey summit Jul 2024; withdrawal effective 29 Jan 2025. Coded: COMPLETE.	No ECOWAS exit through Dec 2025. Constitutional referendum Sept 2025; presidential election 28 Dec observed by ECOWAS [18]. ABSENT.

Source: Compiled by the author from ECOWAS [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18], United Nations Security Council [29; 30], Degterev et al. [10] and dated agency and official reporting (Reuters, February 2023, January and April 2024; the joint statement of the U.S. Department of Defense and Niger's Ministry of National Defense, September 2024; Al Jazeera, June 2025). Levels of coercion are qualitative assessments of formal scope, not estimates of economic impact. "Not documented" records a limit of the reviewed corpus.

Provider withdrawal and partner substitution

The old security providers left before, or while, the three states withdrew from ECOWAS. French forces left Mali in August 2022; Resolution 2690 ended MINUSMA's mandate on 30 June 2023 and required it to be gone by the end of the year [30; 7]. In Burkina Faso a flag was lowered at the French Sabre camp on 18 February 2023 and the armed forces announced the end of French operations the next day. French forces left Niger in December 2023, and in September 2024 the United States and Niger confirmed that the American withdrawal was also complete. Each of these was a separate national decision and a separate operational process. None followed automatically from leaving ECOWAS.

As the established providers withdrew, Russia offered something in their place. Russian personnel were in Mali before the January 2024 announcement, although what the authorities called them and what outside reporting called them were not the same. Wagner announced on 6 June 2025 that it was leaving; the Africa Corps, by the same reports, stayed. That was a reorganisation of Russian support in Mali, not the first appearance of the Africa Corps in the three countries. In Burkina Faso, Russian personnel were reported by Reuters arriving on 24 January 2024—four days before the joint announcement. The chronology shows that alternative support was available. It does not show that the new deployments reproduced either the capabilities or the results of the forces that had left.

Niger is the most instructive case, because commitment and deployment fall on opposite sides of the announcement. On 16 January 2024 Russia's defence ministry announced an agreement to develop military ties with Niger. The first publicly reported arrival of Russian instructors, according to Niger's state broadcaster, came in April 2024. So a commitment preceded 28 January and the deployment followed it. Mali's and Burkina Faso's relationships with Moscow, and the AES mutual-defence commitment, were also visible to decision-makers in Niamey. That supports an interpretation built on anticipated support. What the public record cannot tell us is how much weight Nigerien decision-makers gave to each of these signals.

Nor was diversification only about Russia. Degterev et al. [10, pp. 10, 16, 23] document Turkish drone purchases by all three states. Niger's began before its July 2023 coup, so on its own it proves nothing about a post-coup switch; Mali's and Burkina Faso's followed their own national timelines. China's commercial and infrastructure ties, and dealings with other partners, widened the range of options without assuming any of the functions ECOWAS performed [4; 26]. The Russia–AES ministerial meeting of 3 April 2025 gave the relationship a collective diplomatic format after legal withdrawal. That meeting is evidence of consolidation afterwards, not of a cause operating before January 2024.

The Guinean shadow case

Guinea had its coup on 5 September 2021, was suspended, and then bargained over its transition for a long time. On 22 September 2022 the Authority ordered ambassadorial consultations, suspended assistance and transactions in Guinea's favour by ECOWAS financial institutions, and imposed targeted asset freezes and travel bans [14, paras. 9–13]. These were not the border and commercial restrictions applied to Mali and Niger. ECOWAS lifted the economic and financial sanctions on Guinea in February 2024 while the dialogue over the transition went on [16]. So Guinea shares the coup and the enforcement with the AES cases, but the coercion was not the same in content, and it did not have the same consequences.

Through December 2025 Guinea stayed in ECOWAS and followed an electoral route. The December summit welcomed progress after the constitutional referendum, and ECOWAS observed the presidential election of 28 December [18]. These engagements show that bargaining continued; they say nothing about democratic legitimacy or about how inclusive the settlement was. Nothing in the corpus records a major foreign counterinsurgency provider leaving Guinea and a new deployment arriving in its place. That is the narrow finding. It does not make Guinea a state without foreign relationships of its own.

Guinea is an imperfect comparison, and it is not presented as anything else. It borders Mali, but it has a coastline and a different insurgency environment, and both affect the costs of realigning on security and of separating economically, so that its exit costs cannot simply be ranked against those of the three landlocked states. What Guinea does show is that a coup and sanctions did not invariably lead to withdrawal. It cannot show that partner substitution was necessary, because geography, exposure to threat, existing commercial relationships and regime strategy all varied as well.

Costs offset and costs retained

Breaking exit cost into parts shows that diversification dealt with some anticipated losses far more directly than others. By January 2024 Mali had Russian personnel on its territory, Burkina Faso had just received a Russian contingent, and Niger had announced a cooperation agreement with Moscow. It is reasonable to infer from this that the expected cost of security isolation had fallen. It is not reasonable to infer that the support was equivalent to what had been lost, or that French, American or United Nations capabilities had been matched. The insurgencies went on [10], and human-rights organisations continued to document abuses against civilians, which is a further warning against equating the availability of a provider with better security.

The diplomatic component had an external side and a regional one. Russian engagement showed that suspension from ECOWAS did not mean diplomatic isolation, and the ministerial meeting of April 2025 later gave that engagement a collective form. Within the region, the AES charter and confederation let the three governments coordinate positions and back one another [29; 10]. These channels reduced their dependence on ECOWAS for diplomatic coordination. How large the effect was, and how much it weighed in the original decision, remain matters of inference.

On the economic side the story is continuity through regional institutions, not replacement by an outside partner. Access to the coastal ports, to the regional livestock and labour markets and to development finance still mattered. Degterev et al. [10, p. 36] report that the ECOWAS Bank for Investment and Development retained commitments to Burkina Faso of more than €290 million; that is a commitment figure, not a measure of losses caused by leaving. Sissoko et al. [27] set out the

potential macroeconomic costs, from disrupted trade to weaker investment. Three arrangements limited the damage: the sanctions relief of February 2024; ECOWAS's decision in January 2025 to keep recognising documents, allowing visa-free movement and applying the Trade Liberalisation Scheme until further notice; and continued membership of WAEMU and the CFA franc zone [16; 17; 5]. The BCEAO's financial statements for the year to 31 December 2025 list Mali, Burkina Faso and Niger among the eight members of the West African Monetary Union [5, p. 17], which settles the question of monetary integration at the end of the period. WAEMU and ECOWAS have different memberships and different legal competences; keeping one did not preserve every benefit of the other. Marangio [26] reads the 0.5 per cent AES import levy of March 2025 as an additional instrument laid on top of WAEMU membership, not a substitute for it.

Two qualifications are necessary. WAEMU joined in the sanctions on Niger, so the monetary union was not a neutral refuge throughout the crisis [10]. And while the three governments kept their monetary ties, they announced their departure from other multilateral bodies, among them the G5 Sahel and the Organisation internationale de la Francophonie [26]. That pattern supports the idea of a selective exit. It does not show that every political institution was abandoned, or that the economic costs went away.

Legitimacy is the hardest component to judge without representative evidence on what people thought. In their joint statement of 28 January 2024 the three governments accused ECOWAS of acting under foreign influence, of failing to help against terrorism, and of imposing sanctions they called "illegal, illegitimate, inhumane and irresponsible" [3; author's translation]. That is a shared narrative about sovereignty. It is not evidence of how far the public accepted it, or that the domestic cost of pariah status had been substantially offset. Table 2 keeps these stated justifications apart from the institutional arrangements that can actually be observed.

Table 2
Components of expected exit cost: alternative support, retained ties and evidentiary limits

Cost component	Relevant ties and potential losses	Alternative support and evidence	Retained ties and limits
Security	Training, equipment, intelligence and operational support under separate bilateral or multilateral arrangements; associated with the wider realignment, not guaranteed by ECOWAS membership.	Russian cooperation and deployments; Turkish procurement; AES collective defense. Alternative support documented; reduction in anticipated isolation inferred.	Support was not functionally identical to former missions. Improved security outcomes or the magnitude of cost replacement are not established.
Diplomatic	Voice in ECOWAS and regional diplomatic coordination. African Union (AU) suspension followed separate rules on unconstitutional government.	Russia–AES dialogue and mutual support within the AES. Additional diplomatic channels documented; effect on expected exit costs inferred.	Alternative channels did not restore ECOWAS participation or automatically remove other institutions' restrictions.
Economic	ECOWAS trade preferences, free movement and development finance; coastal corridors and regional markets supported by overlapping arrangements.	No equivalent replacement of these regional rights is established. Commercial diversification may mitigate selected losses but is not quantified.	Sanctions relief Feb 2024; ECOWAS transitional arrangements Jan 2025; CFA franc monetary union retained through end-2025 [16; 17; 5, p. 17].
Legitimacy	Standing as a constitutional member of a rules-based community.	Shared sovereignty narrative and collective diplomatic identity. Official claims documented; domestic public acceptance not measured.	Human-rights criticism continued. The Sept 2025 ICC announcement created a further dispute over accountability; its reputational effect is not measured.

Source: Author's qualitative synthesis of the events in Table 1 and ECOWAS [16; 17], BCEAO [5], Marangio [26], Sissoko et al. [27], Degterev et al. [10] and Agence Nigérienne de Presse [3]. The table identifies documented arrangements and analytical inferences; it does not quantify costs.

AES institutionalization and competitive regionalism

The fourth stage was turning alignment into institutions. On 16 September 2023 Mali, Burkina Faso and Niger signed the Liptako-Gourma Charter, whose collective-defence clauses made an attack on one an attack on all [29]. The charter came after ECOWAS's escalation over Niger and gave the earlier Mali–Burkina alignment a formal, three-way basis. At the first AES summit in Niamey on 6 July 2024 the three heads of state adopted a treaty creating a confederation, with priorities in defence, diplomacy and development [10]. Withdrawal from ECOWAS took effect on 29 January 2025, in the same month that the AES introduced a common passport and publicised plans for a joint force [10]. In September 2025 the three governments announced together that they were leaving the ICC, which they described as an instrument of neo-colonial repression. Under Article 127 of the Rome Statute a withdrawal takes effect a year after the Secretary-General receives written notice, unless a later date is specified, so the September announcement cannot be coded as a completed legal withdrawal in 2025. It does show that the AES had become a vehicle for coordinated positions on international law and not only on defence. Communiqués, however, are evidence of intention. They are not evidence of administrative capacity or of anything delivered.

What was cut and what was kept is what defines competitive regionalism. The AES Confederation also sits uneasily beside the African Union's 2006 moratorium on recognising new regional economic communities beyond the eight already in existence, ECOWAS among them [10]; the moratorium is about recognition as a regional economic community, not a ban on forming a security alliance or a confederation, so the AES's standing in the continental architecture is one thing and its existence as an intergovernmental project another. Political and security authority was separated: the AES claims legitimacy for a sovereignty-first approach and for diversified foreign relations, while ECOWAS keeps its constitutional-governance mandate over those who remain. Economic and social separation stayed incomplete. ECOWAS's transitional measures, WAEMU membership and the cross-border markets still bind the two blocs together. Both seek regional authority; neither can ignore the other. Counterterrorism, pastoral movement, transport corridors, electricity grids and food markets all cross the institutional line. Competition may make both sides adapt. Unmanaged rivalry can also fragment intelligence, raise transaction costs and weaken the response to transnational threats that remained acute throughout.

The rival explanation: did ECOWAS lower the cost itself?

There is a rival account, and it deserves serious consideration. On this view the costs of exit fell not because new partners appeared but because ECOWAS could no longer impose them. Adu and Mezyaev [2] supply the legal version: sanctions detached from Community norms and humanitarian considerations undermine the organisation's own authority. Three observations fit. The threatened intervention in Niger never happened; on 5 August 2023 Nigeria's Senate urged President Tinubu to try diplomacy instead. In February 2024 ECOWAS lifted Niger's broad restrictions without getting Bazoum released or a timetable agreed. And after the withdrawal it kept the movement and trade arrangements in place [16; 17]. All of this points to limits on coercion. None of it shows that ECOWAS had lost every means of imposing costs.

The two explanations can work together, though the public record does not allow their separate weights to be established. Alternative support plausibly reduced the anticipated isolation on security and diplomacy; sanctions relief and the integration that survived limited the economic disruption. The relief of February 2024 came after the withdrawal announcement, so it cannot straightforwardly explain a decision taken earlier unless one can show that relief was anticipated. It may instead have lowered the cost of completing withdrawal and shaped the terms of what followed. Equally, the claim that exit would have been impossible without a replacement provider goes beyond what these cases can demonstrate. What the chronology supports is complementary mechanisms, and possibly a feedback loop between defection and concession.

The process-tracing inference is therefore bounded. Crises of governance and security came before the coups; ECOWAS enforcement sharpened the dispute over authority; alternative relationships gave the three governments more options while that dispute ran. Deployments preceded the January 2024 announcement in Mali and Burkina Faso; in Niger an agreement preceded it and the deployment followed. Economic separation was limited by sanctions relief, ECOWAS's transitional arrangements and continued WAEMU membership. The AES institutionalised collective resistance, and Guinea shows that a coup and sanctions could coexist with continued membership. Taken together, this

makes diversification a plausible enabling factor. It does not make it a necessary one, or a sufficient one.

Discussion

The findings qualify the geopolitical narrative in three ways. First, diversification helps explain how exit became feasible without fully explaining why it was wanted. The motive lay in the meeting of regime survival, an insurgency that no one had defeated and a regional organisation whose enforcement was experienced as illegitimate. That is what omnibalancing predicts: regimes threatened at home pick their foreign partners according to the threats that matter most to them, which were domestic and regional [8]. The outside partners entered a bargaining situation that African governments had already defined. Loshkarev [25] reaches a compatible conclusion from the institutional side: the AES kept counterterrorism coordination in its own hands and contracted training and rearmament out to Russia bilaterally—exactly what one would expect of regimes managing their dependence rather than transferring it.

Second, diversification worked unevenly across the components of cost. The evidence for alternative security and diplomatic channels is far more direct than any evidence that outside partners replaced regional economic rights. Continued WAEMU membership and ECOWAS's transitional arrangements show that formal withdrawal could go together with substantial economic ties. That selectivity is consistent with African agency and cost-conscious bargaining. It does not, by itself, rule out outside influence, and it does not prove that economic considerations decided the matter.

Third, the Niger sequence separates anticipated support from deployment. A cooperation agreement signed before the withdrawal announcement is a stronger observable signal than expectations inferred from what neighbours had done. The deployment that followed is consistent with the commitment, but it cannot retrospectively prove what the government calculated at the time. A regional demonstration effect—support for one government changing another's expectations—remains a hypothesis. Establishing it would take elite interviews and other evidence of how decisions were actually made.

The case also shows the limits of regional organisations and outside partners alike. ECOWAS retained control of important trade and mobility arrangements; WAEMU and the BCEAO ran separate monetary institutions. The outside partners provided selected capabilities and diplomatic channels; they did not take over these regional functions. Sanctions relief, for its part, reflected political, humanitarian and enforcement considerations that cannot be reduced to foreign intervention. Regional coercion and external support both operated inside an interdependence of geography and institutions that neither could escape.

There is a lesson here about multipolarity too. More choice can widen the autonomy of weak states, but what it achieves depends on which costs choice can offset and on the domestic institutions through which it is exercised. Diversification can strengthen a government's bargaining position. It can also allow a government to move between partners without strengthening its own institutions, and what it does for security performance has to be judged separately. The useful question for future research is not whether any particular partner is liberating or destabilising. It is whether diversification produces security and development that outlast the regimes that pursued it.

Conclusion

This article has examined how alternative external partnerships interacted with ECOWAS enforcement as Mali, Burkina Faso and Niger left the Community between 2020 and 2025, with Guinea as the shadow comparison. The evidence supports a bounded conclusion. Diversification plausibly lowered the anticipated cost of isolation on security and diplomacy within a conflict over legitimacy that was already under way. It does not show that outside partners started that conflict, or that their support was necessary for withdrawal. Guinea's continued membership shows that a coup and sanctions did not always lead to exit, while the differences between the cases keep the causal inference modest.

Taking the costs apart shows where substitution stopped. New security and diplomatic relationships did not replace the region's economic architecture. Sanctions relief, ECOWAS's transitional measures and continued WAEMU membership limited the consequences of formal departure. What resulted was selective institutional separation with interdependence intact. That pattern fits agency under constraint, though the size of the expected cost reduction and the relative weight of domestic, regional and external actors remain unmeasured.

The chronology also separates commitment from implementation. Russian personnel were in Mali and Burkina Faso before the January 2024 announcement; Niger agreed to develop military ties with Russia before the announcement and received instructors after it. That supports an explanation resting on anticipated availability. It does not establish a cascade in which each departure automatically makes the next one cheaper.

The AES has moved beyond rhetoric: a mutual-defence charter, a confederation treaty, a common passport and joint positions on international law. Its administrative capacity is unproven, and announcements are not performance. ECOWAS's continued accommodation of movement and trade shows that the regional order has fragmented without disintegrating, and competitive regionalism is the name for that coexistence of institutional rivalry and practical interdependence. Future research should test the mechanism with elite interviews, contract and budget data and trade flows, and should carry the shadow-case logic forward to the coup of late 2025 in Guinea-Bissau and the attempted coup in Benin [18], to see whether and how ECOWAS changed its enforcement practice after the Sahelian exit.

From ECOWAS to the alliance of Sahel states: regional fragmentation and the falling cost of exit, 2020–2025

Umar Mohammed Bello

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

Between 2020 and 2023 military coups in Mali, Burkina Faso and Niger led the Economic Community of West African States (ECOWAS) to suspend, sanction and threaten the three governments; by January 2025 all three had left the Community and built the Alliance of Sahel States (AES). Purpose: to establish how alternative external partners, combined with ECOWAS enforcement, changed the expected cost of leaving and made withdrawal feasible. Methods: structured, focused comparison and process tracing applied to ECOWAS communiqués and legal instruments, the Liptako-Gourma Charter, United Nations Security Council Resolution 2690 and official records; expected exit cost is broken into security, diplomatic, economic and legitimacy components assessed through dated commitments and retained institutional ties, with Guinea as a shadow case. Results: new partners plausibly reduced the anticipated cost of security and diplomatic isolation, while sanctions relief, ECOWAS transitional arrangements and continued membership of the West African Economic and Monetary Union (WAEMU) limited economic separation; Russian deployments preceded the January 2024 announcement in Mali and Burkina Faso, whereas in Niger agreement preceded it and deployment followed. Conclusion: diversification enabled the rupture without originating it and without being shown to be necessary; the outcome is competitive regionalism—institutional rivalry with interdependence intact.

Keywords: ECOWAS, Alliance of Sahel States, Sahel, regionalism, exit costs, alignment, hedging, external partnerships, process tracing

References

1. Adebajo A. Building Peace in West Africa: Liberia, Sierra Leone, and Guinea-Bissau. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2002.
2. Adu Y.N., Mezyaev A.B. Political turmoil in ECOWAS: When politics prevails over law // Journal of the Institute for African Studies. 2024. No. 2 (67). P. 102–117. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117. EDN: YSLLFI
3. Agence Nigérienne de Presse. L'Alliance des Etats du Sahel (AES) quitte la CEDEAO (reproduces the joint withdrawal communiqué of Burkina Faso, Mali and Niger of 28 January 2024). 2024. URL: https://anp.ne/lalliance-des-etats-du-sahel-aes-quitte-la-cedeao/ (accessed 16.09.2026).
4. Aina F., Afolabi B., Fayemi J.K. The Alliance of Sahel States, democratic relapse, insecurity, and the prospects of regional (dis)integration or (re)integration in West Africa // Society. 2026. Vol. 63. No. 1. P. 60–74. DOI: 10.1007/s12115-025-01154-0. EDN: RTCCJO
5. BCEAO. Etats financiers de la BCEAO: Exercice clos le 31 décembre 2025. URL: https://www.bceao.int/sites/default/files/2026-04/Etats-financiers-de-la-BCEAO-au-31-decembre-2025.pdf (accessed 16.09.2026).
6. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Chikhachev A.Y. France's policy in the Sahara-Sahel region: The end of Operation Barkhane and the quest for a new approach // Vestnik RUDN. International Relations. 2025. Vol. 25. No. 3. P. 382–393. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-382-393. EDN: UHJOYP
8. David S.R. Explaining Third World alignment // World Politics. 1991. Vol. 43. No. 2. P. 233–256. DOI: 10.2307/2010472. EDN: HKUATX
9. Degterev D.A. Multipolar world order: Old myths and new realities // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 404–419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419. EDN: XHOXYQ

Стратиграфия конфликта: основания общей теории многослойного вооружённого противостояния

Безкади Фади
к-т полит. наук, Кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступает фундаментальная аномалия современной конфликтологии. Вооружённые конфликты перестали заканчиваться. Военные победы не производят мира, подписанные соглашения не останавливают насилия, а зрелость конфликта для урегулирования, предсказываемая теорией, не наступает десятилетиями. Цель работы состоит в том, чтобы объяснить эту аномалию не свойствами отдельных конфликтов, а строением конфликта как такового, и построить на этом объяснении общую теорию. Методология включает аксиоматическую реконструкцию понятия конфликта, формулировку законов движения многослойных противостояний, выведение теорем и проверку теории на критическом случае, то есть на сирийском конфликте как противостоянии с максимальной документированной слоистостью. Результаты работы состоят в следующем. Современный вооружённый конфликт есть не событие и не процесс, а стратиграфическая структура. Это наложение автономных слоёв противостояния, то есть локального, регионального и глобального. Каждый слой обладает собственными акторами, ставками, аудиториями, собственным временем и собственными условиями завершения. Слои связаны не суммированием, а конверсией, поскольку акторы обменивают ресурсы, легитимность и насилие одного слоя на позиции в другом. Сформулированы четыре закона, а именно законы несинхронности часов, межслойной конверсии, осадконакопления и полного замыкания. Научная новизна состоит в том, что предложена теория, в которой продолжительность и рецидивность конфликта выводятся из его стратиграфического строения, а не из неразрешённости предмета спора. Конфликт длится не потому, что стороны не договорились, а потому, что его слои не могут завершиться одновременно, тогда как незавершённые слои реконвертируют любое частичное урегулирование в топливо. Теория операционализирована стратиграфическим профилем конфликта и индексом замыкания и дополнена пятью опровержимыми предсказаниями. Область применения результатов охватывает конфликтологию, теорию урегулирования, миротворческую практику и прогнозирование рецидивов вооружённого насилия. Основной вывод состоит в том, что мир есть не противоположность войны, а редкое состояние одновременного замыкания всех её слоёв, и добиваться его следует не поиском компромисса внутри одного слоя, а синхронизацией часов всех слоёв сразу.

Ключевые слова: конфликтология, стратиграфия конфликта, многослойный конфликт, урегулирование, зрелость конфликта, интернационализированная гражданская война, рецидив насилия, конверсия, замыкание конфликта, сирийский конфликт.

Введение: конфликты, которые перестали заканчиваться

Наука о конфликте выросла из предпосылки, которая казалась самоочевидной. Конфликт есть нечто, что завершается. Клаузевицевская традиция видела в войне инструмент, применяемый до достижения цели [1]. Социология конфликта видела в противостоянии функциональный эпизод, разряжающий напряжение и восстанавливающий равновесие [2; 3]. Количественная конфликтология искала шаги к войне и, соответственно, шаги от неё [4; 5]. Практика последних десятилетий разошлась с предпосылкой. Конфликты новейшего поколения не завершаются ни победой, ни соглашением. Военный разгром одной из сторон оставляет насилие на месте, подписанные документы не исполняются, а прекращения огня становятся фазами войны, а не выходами из неё [6; 7; 35]. Сирийское противостояние довело аномалию до предела. Конфликт пережил военный перелом, десятки перемирий и три параллельных переговорных формата, и продолжал воспроизводиться [6; 8]. Конфликтология отвечает на аномалию перечислением осложняющих факторов, то есть внешнего вмешательства, фрагментации сторон и военной экономики [34; 36]. Настоящая статья предлагает другой путь. Аномалия объясняется не осложнениями конфликта, а его строением. Современный конфликт слоист, его слои автономны и несинхронны, и именно из этой стратиграфии выводимы и его продолжительность, и его рецидивы, и бессилие частичных урегулирований. Статья строит эту теорию с оснований. Это аксиомы, законы, теоремы, измерение, проверка и условия опровержения.

1. Чего не видят существующие теории конфликта

Диагноз требует точности по трём направлениям. Инструментальная традиция, от Клаузевица до современного стратегического анализа, мыслит конфликт как действие единого субъекта с единой целью [1; 9]. Но в слоистом конфликте нет единого субъекта. Локальный командир, региональный патрон и глобальная держава ведут разные войны на одном поле, и цель войны не определена, потому что войн несколько. Функциональная традиция, от Г. Зиммеля до Л. Козера, понимает конфликт как форму социации с интегративными следствиями [2; 3]. Она глубже инструментальной, но молчаливо предполагает один социальный контур, внутри которого конфликт выполняет функции. При нескольких контурах функция конфликта в одном слое оборачивается дисфункцией в другом. Той же однослойной рамке остаются верны и структурные теории агрессии [33]. Количественная традиция ищет закономерности в диадах и шагах эскалации [4; 5; 10] и достигла многого в объяснении начала войн. Однако её единица, то есть диада, аналитически разрезает то, что онтологически склеено. Интернационализированный конфликт есть не сумма диад, а их наложение с перетоками между этажами. Показательно, что именно в этой традиции получен результат, наиболее близкий к предлагаемой теории. Число независимых акторов с правом вето предсказывает продолжительность гражданской войны лучше, чем содержание спора [37]. Результат зафиксирован, но остался без объяснения, поскольку в однослойной рамке акторы суммируются, а не расслаиваются. Проблема уровней анализа поставлена в дисциплине давно [11; 12]. Но поставлена она как проблема наблюдателя, выбирающего этаж описания. Настоящая теория переносит уровни из методологии в онтологию. Слои суть свойство самого конфликта, а не оптики исследователя. Отдельные шаги в этом направлении сделаны в исследованиях миростроительства, где предложен транс-масштабный подход к взаимодействию уровней урегулирования [38]. Однако там уровни остаются полем координации практик, а не структурой с собственными законами движения.

2. Центральное понятие: конфликтный слой и стратиграфия

Конфликтный слой, или стратум, есть автономный контур противостояния внутри общего конфликтного поля, обладающий пятью собственными элементами, то есть акторами, ставками, аудиториями, временем и условиями завершения. Автономия означает несводимость. Ставки слоя не переводятся в ставки другого слоя без остатка, его аудитории не совпадают с чужими, его завершение не влечёт чужого завершения. Стратиграфия конфликта есть вертикальное строение конфликтного поля, то есть число слоёв, их состав

и связи между ними. Геологическая аналогия подчинена двум ограничениям. Во-первых, слой допускается как аналитическая единица лишь при наличии автономной пары «акторы и условия завершения», наблюдаемой в источниках. Во-вторых, аналогия обязана производить следствия, отличные от следствий имеющихся теорий интернационализации. Оба ограничения проверяются ниже для каждого закона. Без них перенос вырождается в метафорику. Базовая стратиграфия современного крупного конфликта трёхслойна. Локальный слой образует борьба за власть, территорию и выживание между внутренними акторами [13; 14]. Региональный слой образует соперничество соседних держав за влияние через внутренних клиентов [15; 16]. Глобальный слой образует противостояние великих держав, для которых арена есть эпизод системного соперничества [6; 17]. Слои связаны отношением, составляющим ядро теории. Это конверсия. Акторы систематически обменивают активы одного слоя на позиции в другом. Локальный актор продаёт своё положение на земле региональному патрону за оружие и деньги [15; 18]. Глобальная держава конвертирует присутствие в локальном слое в статус на глобальном [17; 19]. Региональный игрок обменивает лояльность великой державе на свободу рук против локального противника [16]. Конфликтное поле, таким образом, есть не арена одной борьбы, а биржа, на которой торгуются насилие, лояльность и легитимность разных этажей.

3. Аксиоматика

Теория покоится на четырёх аксиомах. Первая аксиома гласит, что конфликт есть структура, а не событие. Он существует не во времени происшествий, а во времени слоёв, и описывается не хроникой, а стратиграфическим профилем. Вторая аксиома гласит, что слои автономны. Каждый слой имеет собственные условия завершения, и ни одно из них не выводимо из чужих [11; 20]. Третья аксиома гласит, что слои связаны конверсией. Единственным системным отношением между слоями выступает обмен активами. Конверсия и есть механизм, превращающий несколько войн в один конфликт [15; 18]. Четвёртая аксиома гласит, что у каждого слоя собственные часы. Темп локального слоя задаётся боевым циклом и выживанием. Темп регионального слоя задаётся циклами региональной политики. Темп глобального задаётся медленными сдвигами системного соперничества [6; 21]. Из аксиом следует определение предмета. Наука о конфликте есть наука о вертикальных структурах насилия, то есть об их слоях, конверсиях, темпах и условиях одновременного замыкания.

4. Четыре закона стратиграфии

Первый закон есть закон несинхронности часов. Слои конфликта созревают к завершению в разное время, и моменты их готовности не совпадают закономерно, а не случайно. Часы слоёв приводятся в движение разными механизмами и не имеют общего регулятора. Следствие фундаментально. Зрелость конфликта для урегулирования есть не фаза, которую нужно дождаться, а маловероятное совпадение, то есть одновременный бой несинхронных часов [7; 20; 39]. Второй закон есть закон межслойной конверсии. Пока конверсия прибыльна хотя бы для одного значимого актора, конфликтное поле воспроизводится независимо от состояния предмета спора. Урегулирование, закрывающее слой, не гасит конфликт, а меняет курс обмена. Активы закрытого слоя перетекают в открытые, где их ценность возрастает [15; 22]. Отсюда следует, что частичное урегулирование систематически интенсифицирует незакрытые слои, не вопреки миротворчеству, а вследствие его частичности. Третий закон есть закон осадконакопления. Каждая фаза конфликта откладывает осадок, то есть вооружённые структуры, военные экономики, прецеденты насилия, идентичности вражды и институты обхода [18; 23]. Осадок не исчезает с завершением фазы. Он становится субстратом следующей. Конфликт, следовательно, не заканчивается. Он осаждается, и рецидив прорастает не из старого предмета спора, а из накопленного осадка [13; 24; 40]. Отсюда следует, что вероятность рецидива предсказывается объёмом осадка лучше, чем содержанием мирного соглашения. Четвёртый закон есть закон полного замыкания. Устойчивое завершение конфликта требует одновременного замыкания всех активных слоёв. Вероятность такого события падает мультипликативно с числом слоёв, поскольку каждый дополнительный слой умножает требуемые совпадения [11; 25]. Следствие объясняет главную статистическую загадку современности. Интернационализированные конфликты длятся кратно дольше внутренних, не потому, что внешние акторы злонамеренны, а потому, что каждый привнесённый слой добавляет несинхронные часы и новый контур конверсии [6; 15; 37]. Именно здесь стратиграфия даёт объяснение результату, зафиксированному количественной традицией без механизма [37].

5. Теоремы: аномалии как следствия

Первая теорема касается бесплодности военной победы. Победа замыкает локальный слой, но не трогает часов регионального и глобального. По закону конверсии активы победителя немедленно переоцениваются в незакрытых слоях, где против него открываются новые позиции. Сирийский перелом дал чистую демонстрацию. Военное решение локального слоя конвертировалось не в мир, а в интенсификацию региональной и глобальной торговли вокруг арены [8; 19]. Вторая теорема касается перемирий как фаз войны. Зоны деэскалации и прекращения огня суть замыкания участков локального слоя [31]. По второму закону высвобожденное насилие и ресурсы перетекают на незакрытые участки и этажи. Исследователи сирийских зон деэскалации зафиксировали ровно этот парадокс. Зоны сработали как перегруппировка войны, а не её остановка [24; 26]. Третья теорема касается множественности переговорных форматов. Каждый слой порождает собственный спрос на урегулирование. Отсюда закономерная фрагментация миротворчества. Женевский формат обслуживал глобально-нормативный слой, астанинский обслуживал регионально-военный, и они не конкурировали за один предмет, а работали в разных стратумах [26; 27; 41]. Их взаимная нечувствительность есть не дипломатическая неудача, а стратиграфический факт. Четвёртая теорема касается недостижимой зрелости. Совпадение готовности всех слоёв есть событие редкое и короткоживущее. Окно замыкания открывается внешними шоками, синхронизирующими часы, и закрывается прежде, чем внутрислойная дипломатия успевает его использовать [7; 20; 39]. Пятая теорема касается хронической войны как равновесия. Когда конверсионная прибыль всех ключевых акторов положительна, конфликт есть устойчивое состояние системы, а мир есть возмущение, которое система гасит [22; 23]. Военная экономика, статусные дивиденды присутствия и рента посредничества образуют коалицию бенефициаров, для которой продолжение конфликта рационально при любом состоянии предмета спора [18; 28; 42].

6. Проверка на критическом случае: сирийская стратиграфия

Сирийский конфликт выбран как случай максимальной документированной слоистости. Три слоя видны невооружённым глазом и зафиксированы литературой, то есть внутренняя война за власть [13; 14], региональное соперничество через клиентов [15; 16] и великодержавное противостояние [6; 17]. Все конкурирующие объяснения делают здесь проверяемые предсказания и не выдерживают их. Инструментальная логика предсказывает завершение после военного перелома. Перелом состоялся, завершение не наступило [8; 19]. Договорная логика предсказывает прекращение насилия после соглашений. Соглашения множились и блокировались, насилие перегруппировывалось [24; 32]. Стратиграфическая теория предсказывает наблюдённое в деталях. Несинхронность часов наблюдаема. Локальный слой прошёл пик и спад, пока глобальный лишь разгонялся. Ни в одной точке траектории все три слоя не были готовы к замыканию одновременно [6; 21]. Конверсия наблюдаема. Каждый значимый актор торговал между слоями, от обмена локальной лояльности на региональное оружие до конвертации военного присутствия в глобальный статус [15; 17; 18]. Осадконакопление наблюдаемо. Конфликт отложил классический осадочный комплекс, то есть частные военные структуры, экономику блокпостов и прецеденты безнаказанности. Именно этот осадок, а не исходный предмет спора, воспроизводил насилие в поздних фазах [23; 24]. Полное замыкание наблюдаемо в единственном эпизоде. Химическое разоружение 2013 года есть случай, когда внешний шок на мгновение совместил часы всех трёх слоёв и дал единогласное решение Совета Безопасности [29; 30]. Окно закрылось за месяцы, подтвердив четвёртую теорему [7]. Случай, наиболее неблагоприятный для любой однослойной теории, оказался прямым свидетельством стратиграфической.

7. Операционализация: профиль и индекс замыкания

Построение стратиграфического профиля опирается на сложившиеся в дисциплине процедуры кодирования конфликтного поведения [20] и количественной оценки исходов миростроительства [43; 44]. Стратиграфический профиль конфликта кодируется по четырём

параметрам. Это число активных слоёв, идентифицируемых по автономным парам «акторы и условия завершения». Это темп каждого слоя, измеряемый частотой значимых событий слоя на скользящем окне. Это интенсивность конверсии, измеряемая наблюдаемыми потоками ресурсов, вооружений и легитимации между слоями [15; 18]. Это объём осадка, измеряемый числом сохраняющихся вооружённых структур, масштабом военной экономики и плотностью прецедентов насилия [23; 42]. Индекс замыкания конфликта определяется как доля активных слоёв, в которых выполнены собственные условия завершения. Устойчивый мир предсказывается только при индексе, равном единице. Из теории следуют пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что продолжительность конфликта растёт с числом активных слоёв при контроле интенсивности насилия. Нечувствительность продолжительности к слоистости опровергает закон полного замыкания. Второе состоит в том, что частичные урегулирования, закрывающие один слой или его участок, сопровождаются на коротком окне ростом активности в незакрытых слоях. Отсутствие перетока опровергает закон конверсии. Третье состоит в том, что успешные завершения многослойных конфликтов группируются вокруг внешних шоков, синхронизирующих часы слоёв, а не вокруг кульминаций переговорного процесса. Обратная картина опровергает закон несинхронности. Четвёртое состоит в том, что вероятность рецидива предсказывается объёмом накопленного осадка лучше, чем содержанием и качеством мирного соглашения. Превосходство договорного предиктора опровергает закон осадконакопления. Пятое состоит в том, что переговорные форматы, обслуживающие разные слои, демонстрируют взаимную нечувствительность повесток. Их системная координация без синхронизации часов опровергает аксиому автономии слоёв. Проверка возможна на корпусе интернационализированных конфликтов новейшего периода с использованием событийных данных и документов переговорных процессов [10; 26; 44].

8. Место теории и ответы на возражения

Предвидим четыре возражения. Первое возражение гласит, что это проблема уровней анализа. Это не так. У Д. Сингера уровни суть точки зрения наблюдателя на единый предмет [11]. Здесь слои суть части самого предмета, с собственными акторами и часами. Уровни анализа нельзя закрыть или синхронизировать. Слои конфликта можно, и в этом состоит различие между методологией и онтологией. Второе возражение гласит, что о вмешательстве и интернационализации написаны библиотеки. Это верно, и они описывают вмешательство как осложнение одной войны. Стратиграфия утверждает обратное. Базовым состоянием является множественность войн на одном поле, а чистая однослойная война есть вырожденный частный случай. Из смены точки отсчёта следуют иные законы и иные рецепты. Третье возражение гласит, что слои суть просто гибридность мира. Различие проходит по оси. Концепция гибридного мира описывает вертикаль между международными либеральными практиками и локальной агентностью, то есть взаимодействие внешнего и внутреннего в исполнении урегулирования [45]. Стратиграфия описывает горизонталь между автономными контурами противостояния, каждый из которых имеет собственные условия завершения. Первая объясняет, каким получается мир. Вторая объясняет, почему он не наступает. Четвёртое возражение гласит, что теория обесценивает миротворчество. Напротив, она его перенацеливает. Бессильно не миротворчество как таковое, а однослойное миротворчество в многослойном конфликте. Теория объясняет его поражения и указывает работающую стратегию, то есть синхронизацию часов и замыкание слоёв сверху вниз, от глобального к локальному, ибо верхние слои держат курс конверсии нижних [8; 27]. Отношение к традициям определяется соответственно. Стратиграфическая теория не отменяет ни инструментальную, ни функциональную, ни количественную конфликтологию. Она указывает каждой её слой и запрещает экстраполяцию за его пределы.

Заключение

Статья предложила общую теорию конфликта, выводящую его аномалии из его строения. Конфликт есть стратиграфическая структура, то есть наложение автономных слоёв с собственными акторами, ставками, аудиториями, часами и условиями завершения, связанных конверсией активов. Четыре закона, то есть законы несинхронности, конверсии, осадконакопления и полного замыкания, объяснили единым механизмом то, что прежде требовало разрозненных подгонок. Это бесплодность военных побед, превращение перемирий в фазы войны, фрагментация миротворчества, редкость зрелости и устойчивость хронических войн. Теория дала и объяснение результату, полученному количественной традицией без механизма, а именно связи числа акторов с правом вето и продолжительности конфликта. Сирийская проверка подтвердила и законы, и теоремы, включая самую жёсткую, то есть теорему о единственном окне замыкания, открытом внешним шоком и закрывшемся за месяцы. Практическое следствие обращено к миротворцу и формулируется жёстко. Договариваться внутри одного слоя многослойного конфликта значит финансировать остальные. Работающая стратегия начинается с картирования стратиграфии, продолжается синхронизацией часов и завершается одновременным замыканием, или не завершается вовсе. Исследовательская программа очевидна. Она включает стратиграфическое кодирование корпуса современных конфликтов, проверку пяти предсказаний и построение сравнительной стратиграфии арен великодержавного соперничества. Если программа выдержит проверку, конфликтология получит то, что физика получила от геологии её собственного предмета. Это способность читать войну по её слоям и датировать мир по моменту, когда все её часы пробьют одновременно.

Литература

1. Clausewitz, C. von. Vom Kriege / hrsg. von O. Corff. Berlin, 2010. S. 1–28.
2. Coser, L. A. The Functions of Social Conflict. Glencoe: The Free Press, 1956.
3. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 7. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. S. 224–238.
4. Vasquez, J. A. The War Puzzle. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
5. Vasquez, J. A. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings // World Politics. 1987. Vol. 40, № 1. P. 108–145.
6. Phillips, C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London: Yale University Press, 2016.
7. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 58–113.
8. Souleimanov, E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria // Middle East Policy. 2016. Vol. XXIII, № 2. p. 108-118.
9. Morgenthau, H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: McGraw-Hill, 1993.
10. Goertz, G., Diehl, P. F. Rivalries: The Conflict Process // What Do We Know about War? / ed. by J. A. Vasquez. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. P. 177–219.
11. Singer, J. D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // World Politics. 1961. Vol. 14, № 1. P. 77–92.
12. Deutsch, K. W., Singer, J. D. Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. 1964. Vol. 16, № 3. P. 390–406.
13. Clement, N. O. Why Russia Is Involved in the Syrian Civil War: One Issue // Acta Universitatis Danubius. Relationes Internationales. 2019. Vol. 12, № 1. P. 95–105.
14. Иванов, С. М. Вмешательство иностранных государств в сирийский конфликт // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 7 (856). С. 17–23.
15. Yazıcı, H. Proxy Wars in Syria and a New Balance of Power in the Middle East // Journal of Management and Economics Research. 2018. Vol. 16, iss. 3. p. 1-10.
16. Ekşi, M. The Syria Crisis as a Proxy War and the Return of the Realist Great Power Politics // Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi. 2017. № 2. P. 106–129.
17. Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, № 1. P. 28–57.
18. Fox, A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare // Journal of Strategic Security. 2019. Vol. 12, № 1. P. 44–71.
19. Plakoudas, S. Putin, Assad, and Geopolitics // Middle East Review of International Affairs. 2015. Vol. 19, № 3. p. 34–40.
20. Holsti, K. J. Resolving International Conflicts: A Taxonomy of Behavior and Some Figures on Procedures // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10, № 3. P. 272–296.
21. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–14.

22. Souleimanov, E. A., Dzutsati, V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? // Middle East Policy. 2018. Vol. XXV, № 2. P. 42–50.

23. Sukhankin, S. Russian PMCs in the Syrian Civil War: From Slavonic Corps to Wagner Group and Beyond. Washington: The Jamestown Foundation, 2019.

24. Jaecke, G., Labude, D. De-escalation Zones in Syria: Background and Status Quo of a Paradox. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. P. 1–7.

25. Dougherty, J. E., Pfaltzgraff, R. L. Contending Theories of International Relations. New York: J. B. Lippincott Company, 1971. P. 139–141.

26. Belhadj Klaz, S., Mariani, B. Fragmentation of Peacemaking in Syria: Reality and Perception. Edinburgh: PeaceRep, University of Edinburgh, 2022. P. 19–20.

27. Shabaneh, G. Geneva II Middle East Peace Conference. Doha: Al-Jazeera Center for Studies, 2013.

28. Kaldor, M. et al. Oil Wars. London: Pluto Press, 2007. P. 1.

29. United Nations. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118 (2013). New York: United Nations, Security Council, SC/11135. 2013. 27 September.

30. Notte, H. The United States, Russia, and Syria's Chemical Weapons: A Tale of Cooperation and Its Unravelling // The Nonproliferation Review. 2020. P. 1–16.

31. Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике (Астана, 4 мая 2017 г.) // МИД России.

32. United Nations. Security Council Fails to Adopt Resolution Calling for Ceasefire in Aleppo // UN News. 2016. 5 December.

33. Galtung, J. A Structural Theory of Aggression // Journal of Peace Research. 1964. Vol. 1, № 2. P. 95–119.

34. Imbusch, P., Zoll, R. Friedens- und Konfliktforschung: Eine Einführung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. S. 69.

35. Kaldor, M. New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era. 3rd ed. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 1–14, 71–94.

36. Kalyvas, S. N. The Logic of Violence in Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 87–110, 364–387.

37. Cunningham, D. E. Veto Players and Civil War Duration // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50, № 4. P. 875–892.

38. Hellmüller, S. A Trans-Scalar Approach to Peacebuilding and Transitional Justice // Cooperation and Conflict. 2022. Vol. 57, № 4. P. 448–466.

39. Zartman, I. W. The Timing of Peace Initiatives: Hurting Stalemates and Ripe Moments // The Global Review of Ethnopolitics. 2001. Vol. 1, № 1. P. 8–18.

40. Walter, B. F. Conflict Relapse and the Sustainability of Post-Conflict Peace // World Development Report 2011 Background Paper. Washington: The World Bank, 2010. P. 1–24.

41. Lundgren, M. Mediation in Syria: Initiatives, Strategies, and Obstacles, 2011–2016 // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37, № 2. P. 273–288.

42. Collier, P., Hoeffler, A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56, № 4. P. 563–595.

43. Fortna, V. P. Does Peacekeeping Work? Shaping Belligerents' Choices after Civil War. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 1–24, 173–184.

44. Doyle, M. W., Sambanis, N. International Peacebuilding: A Theoretical and Quantitative Analysis // American Political Science Review. 2000. Vol. 94, № 4. P. 779–801.

45. Mac Ginty, R. Hybrid Peace: The Interaction Between Top-Down and Bottom-Up Peace // Security Dialogue. 2010. Vol. 41, № 4. P. 391–412.

Conflict Stratigraphy: Foundations of a General Theory of Multi-Layered Armed Confrontation

Bezkadi Fadi

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The subject of the article is a fundamental anomaly of contemporary conflict studies. Armed conflicts have ceased to end. Military victories do not produce peace, signed agreements do not stop violence, and the ripeness for resolution predicted by theory fails to arrive for decades. The aim of the work is to explain this anomaly not by the properties of individual conflicts but by the structure of conflict as such, and to build a general theory on this explanation. The methodology comprises an axiomatic reconstruction of the concept of conflict, the formulation of laws of motion of multi-layered confrontations, the derivation of theorems, and a test of the theory on a crucial case, namely the Syrian conflict as the confrontation with the highest documented layering. The results are as follows. Contemporary armed conflict is neither an event nor a process but a stratigraphic structure. It is a superposition of autonomous layers of confrontation, that is, local, regional and global. Each layer possesses its own actors, stakes, audiences, its own time and its own termination conditions. The layers are linked not by summation but by conversion, since actors exchange the resources, legitimacy and violence of one layer for positions in another. Four laws are formulated, namely the non-synchrony of clocks, inter-layer conversion, sedimentation and full closure. The scientific novelty lies in proposing a theory in which the duration and recurrence of conflict are derived from its stratigraphic structure rather than from the unresolvedness of the disputed issue. A conflict lasts not because the parties have failed to agree but because its layers cannot terminate simultaneously, while unterminated layers reconvert any partial settlement into fuel. The theory is operationalised by the stratigraphic profile of a conflict and a closure index, and is supplemented with five falsifiable predictions. The principal conclusion is that peace is not the opposite of war but a rare state of simultaneous closure of all its layers, and that it should be pursued not by seeking compromise within one layer but by synchronising the clocks of all layers at once.

Keywords: conflict studies; conflict stratigraphy; multi-layered conflict; settlement; ripeness; internationalised civil war; recurrence of violence; conversion; conflict closure; Syrian conflict.

References

1. Clausewitz C. von. Vom Kriege [On War]. Hrsg. von O. Corff. Berlin, 2010, S. 1–28. (in German)
2. Coser L. A. The Functions of Social Conflict. Glencoe, The Free Press, 1956.
3. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Sociology: Investigations on the Forms of Sociation]. 7. Aufl. Berlin, Duncker & Humblot, 2013, S. 224–238. (in German)
4. Vasquez J. A. The War Puzzle. Cambridge, Cambridge University Press, 1993.
5. Vasquez J. A. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings. World Politics, 1987, vol. 40, no. 1, pp. 108–145.
6. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London, Yale University Press, 2016.
7. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, Princeton University Press, 1976, pp. 58–113.
8. Souleimanov E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria. Middle East Policy, 2016, vol. XXIII, no. 2. p. 108-118.
9. Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York, McGraw-Hill, 1993.
10. Goertz G., Diehl P. F. Rivalries: The Conflict Process. In: What Do We Know about War? Ed. by J. A. Vasquez. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000, pp. 177–219.
11. Singer J. D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. World Politics, 1961, vol. 14, no. 1, pp. 77–92.
12. Deutsch K. W., Singer J. D. Multipolar Power Systems and International Stability. World Politics, 1964, vol. 16, no. 3, pp. 390–406.
13. Clement N. O. Why Russia Is Involved in the Syrian Civil War: One Issue. Acta Universitatis Danubius. Relationes Internationales, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 95–105.
14. Ivanov S. M. Vmeshatel'stvo inostrannykh gosudarstv v siriyskiy konflikt [The Intervention of Foreign States in the Syrian Conflict]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 2018, no. 7 (856), pp. 17–23. (in Russian)
15. Yazıcı H. Proxy Wars in Syria and a New Balance of Power in the Middle East. Journal of Management and Economics Research, 2018, vol. 16, iss. 3. p. 1-10.
16. Ekşi M. The Syria Crisis as a Proxy War and the Return of the Realist Great Power Politics. Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi, 2017, no. 2, pp. 106–129.
17. Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. World Politics, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 28–57.
18. Fox A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare. Journal of Strategic Security, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 44–71.
19. Plakoudas S. Putin, Assad, and Geopolitics. Middle East Review of International Affairs, 2015, vol. 19, no. 3. p. 34–40.
20. Holsti K. J. Resolving International Conflicts: A Taxonomy of Behavior and Some Figures on Procedures. Journal of Conflict Resolution, 1966, vol. 10, no. 3, pp. 272–296.
21. Smith N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 1–14.
22. Souleimanov E. A., Dzutsati V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? Middle East Policy, 2018, vol. XXV, no. 2, pp. 42–50.
23. Sukhankin S. Russian PMCs in the Syrian Civil War: From Slavonic Corps to Wagner Group and Beyond. Washington, The Jamestown Foundation, 2019.
24. Jaecke G., Labude D. De-escalation Zones in Syria: Background and Status Quo of a Paradox. Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020, pp. 1–7.
25. Dougherty J. E., Pfaltzgraff R. L. Contending Theories of International Relations. New York, J. B. Lippincott Company, 1971, pp. 139–141.
26. Belhadj Klaz S., Mariani B. Fragmentation of Peacemaking in Syria: Reality and Perception. Edinburgh, PeaceRep, University of Edinburgh, 2022, pp. 19–20.

Социальный лифт или инструмент мобилизации: ступени отбора в молодежных структурах российских партий

Шевченко Андрей Александрович
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, zenit-arshavin8@yandex.ru

Молодежные структуры российских политических партий описываются в литературе и как канал рекрутирования кадров, и как ресурс электоральной мобилизации, однако соотношение этих функций до сих пор не разбиралось по ступеням отбора. Цель статьи состоит в том, чтобы развести ступени, на которых участие в молодежной структуре может конвертироваться в мандат, и установить, на какой из них закреплены процедурные преимущества. Эмпирическую базу составили программные и отчетные материалы пяти молодежных структур, уставные документы и положения о выдвижении кандидатов «Единой России» и КПРФ, четыре федеральных закона, оценку члена Центральной избирательной комиссии, показатели партийных кадровых проектов и три прослеженные карьерные траектории. Материал отсечен 13 сентября 2026 года. Основной результат относится к процедуре: в разобранных документах «Единой России» и КПРФ преференции молодежным структурам на ступени выдвижения не закреплены. Предварительное голосование «Единой России» не содержит ни возрастных квот, ни повышающих коэффициентов для членов крыла, тогда как для участников специальной военной операции коэффициент введен, а роль молодежной структуры формализована на стороне организаторов отбора. Кадровые инструменты обеих крупных партий принадлежат партиям, а не крыльям. Отбор разложен на три ступени: членство, выдвижение, избрание; расчет по заявленным партийным величинам показывает, что при любой правдоподобной избираемости более узкой оказывается ступень выдвижения, и в работе прямо признается, что этот вывод почти предрешен устройством самого расчета.

Ключевые слова: молодежные организации политических партий, политическое рекрутирование, ступени отбора, выдвижение кандидатов, предварительное голосование, кадровая политика партий, партийная система России, политическое участие молодежи.

Введение

Актуальность исследования обусловлена расхождением двух процессов, зафиксированных мониторингом социальной активности российской молодежи в 2022–2024 гг. Доля молодых людей, состоящих в политических партиях, выросла с 4,8 до 7,1 %, тогда как активный интерес к политике снизился с 46,7 до 39,5 %, а уличная политическая активность упала с 14,6 до 11,1 % (Калинич, 2024). Приток в партийные структуры усилился на фоне снижения и интереса к политике, и уличной активности. Регрессионный анализ политизации массового сознания молодежи не обнаружил при этом статистической связи между политическим доверием и политическим интересом (Попова, Гришин, Суслов, 2023).

Такое объяснение согласуется с самооценкой самой молодежи, и показательны здесь ее собственные рейтинги. В рейтинге ресурсов политической карьеры партийная принадлежность (2,38 по трехбалльной шкале) уступает связям (2,77) и деньгам (2,72), но заметно опережает честность (1,80). Вступление в партию называют среди советов «другу, идущему в политику» 85,7 % опрошенных (Крыштановская и др., 2021). Членство воспринимается инструментально, как способ продвижения. Ту же логику фиксирует типология вовлеченности: активистами называют себя 7 % молодых респондентов, лидерами – 5,1 % (Анищенко, 2024).

В литературе молодежные организации российских партий трактуются двояко, и трактовки эти плохо стыкуются. Первая трактовка видит в них канал рекрутирования и кадровый резерв, вторая сводит назначение таких структур к поставке организованного актива на избирательные кампании и публичные акции. Обе нередко соседствуют в одной работе без измерения. Подробное исследование «Молодой Гвардии Единой России» называет ее и кадровым лифтом, и резервом противодействия уличному протесту (Мосоликов, 2016).

Работа о той же организации за 2000–2013 гг. прослеживает эту пару назначений на материале «Политзавода-2006» и «Молодежного праймериз-2011» (Степанов, 2020). Развести трактовки помогает различение канала рекрутирования и канала-поставщика, поскольку через второй проходят массы, тогда как в политику попадают единицы (Столбинская, 2024).

Зарубежная политология располагает ориентиром: опрос муниципальных советников Фландрии показал, что 41 % из них начинали карьеру в молодежной организации партии (Hooghe, Stolle, Stouthuysen, 2004). Прямому переносу величина не поддается, поскольку относится к муниципальному уровню, охватывает партии сразу все и получена самоотчетом в анкете.

Проблемные аспекты политического участия и рекрутирования молодежи разрабатывали О. В. Крыштановская, П. А. Меркулов, О. В. Попова, Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева, Д. В. Трынов, А. С. Столбинская, Е. О. Соболева и А. В. Анищенко; зарубежная традиция представлена работами М. Хоге с соавторами, Н. Болина с соавторами, К. Сильван и Дж. Хеммент. Поле распадается надвое: отечественные работы описывают сторону предложения, то есть установки и электоральное поведение молодежи (Кудрина, Печенкин, Косарева, 2022; Трынов, 2019), зарубежные измеряют отдачу организаций, то есть сторону спроса. Лакуна лежит на их стыке, поскольку процедуры, через которые предложение встречается со спросом, в отечественных работах о молодежных структурах не разбираются.

Цель статьи состоит в том, чтобы развести ступени, на которых участие в молодежной структуре российской партии может конвертироваться в мандат, и установить, на какой из них закреплены процедурные преимущества. Задачи статьи: рассмотреть заявленные функции пяти структур; разложить путь к мандату на ступени и оценить их проходимость; разобрать процедуры выдвижения у двух крупнейших партий и определить место молодежной структуры внутри процедуры; сопоставить ресурсное положение крыльев, партий и государственных платформ. Научная новизна состоит в том, что процедуры выдвижения кандидатов в связи с молодежными структурами в доступной литературе не разбирались, а путь к мандату не рассматривался как многоступенчатый.

Методы и материалы

Исходным различением служит предложенное Р. Мертоном деление функций на заявленные и незаявленные (Мертон, 2006). Строгая пара «явное – латентное» к предмету неприменима. Мобилизационная работа преднамеренна и часто декларируется открыто, тогда как латентная функция по Мертону не осознается участниками. Используется ослабленная версия, где функции разводятся по публичности декларации и по адресату сообщения. Функциональная сетка дополняется моделью предложения и спроса, согласно которой исход отбора определяется взаимодействием намерений претендентов и решений партийных привратников (Norris, Lovenduski, 1995), а альтернативой метафоре лифта служит понятие бассейна рекрутирования, из которого элита черпает кадры выборочно и по собственным критериям (Крыштановская, 2005; Putnam, 1976).

Операционализация построена на разложении пути к мандату на три последовательные ступени: членство в организации, выдвижение кандидатом, избрание. Единицу знаменателя задает сам источник, который публикует число активистов, не раскрывая содержания категории, из-за чего сопоставление с зарубежными показателями членства невозможно. Прямому измерению поддаются только крайние ступени, а средняя восстанавливается расчетно через долю избранных среди выдвинутых молодых кандидатов. Член Центральной избирательной комиссии К. Мазуревский оценил ее в 2022 г. в 20–30 % применительно к периоду 2018–2021 гг.[1] Величина является устной экспертной оценкой должностного лица, а не публикуемым показателем комиссии.

Публикации с определением счетной единицы обнаружить не удалось. Разброс в полтора раза и неизвестная уровневая неоднородность ставки задают границы доверия ко всем производным от нее величинам. Существеннее, однако, то, что оценка получена по молодым кандидатам всех партий, а применяется к активистам крыла партии власти, побеждающим в основном на муниципальном уровне. Избираемость такой совокупности структурно выше средней, и перенос ставки смещает результат вверх, и все приводимые ниже доли выдвинутых следует читать как верхние оценки.

Тезис работы опровергался бы обнаружением в уставе или положении о выдвижении любой парламентской партии возрастной квоты, коэффициента за членство в молодежном крыле либо такого членства как формального критерия отбора в кадровый проект. Разложение опирается на простое тождество: отношение числа полученных мандатов к численности организации есть произведение доли состава, дошедшей до выдвижения, и доли выдвинутых, получивших мандат. При любой избираемости выше корня из прямого отношения более узкой оказывается первая ступень. Вывод о сравнительной проходимости ступеней устойчив к выбору ставки и вместе с тем почти предрешен для любого правдоподобного ее значения, а числовая иллюстрация несет вспомогательную нагрузку.

Эмпирическую базу составили пять групп материалов. Первую образуют программные и отчетные материалы официальных сайтов молодежных структур пяти партий, включая документы съездов 2023 и 2024 гг. Вторую составили уставные документы и положения о выдвижении: Устав «Единой России», положения о предварительном голосовании от 19 марта 2024 г. и Устав КПРФ. Уставы ЛДПР, «Справедливой России – За правду» и «Новых людей», региональные положения и регламенты съезда КПРФ не разбирались; все отрицательные утверждения ограничены названным корпусом.

Третью образуют четыре федеральных закона: о молодежной политике, о государственной поддержке молодежных объединений, о политических партиях и о российском движении детей и молодежи. Четвертая объединяет оценку члена Центральной избирательной комиссии и показатели партийных кадровых проектов. Сюда же отнесены правила надпартийного конкурса, реестр Фонда президентских грантов и сводные данные финансовых отчетов партий за 2025 г. Пятую составили массив из 800 официальных биографий политиков (Крыштановская и др., 2021), три прослеженные траектории, публикации о составе представительных органов, опросные данные и сообщения СМИ.

Эмпирический материал отсечен 13 сентября 2026 г. Выборы депутатов Государственной Думы IX созыва назначены на 20 сентября 2026 г., их результаты в работу не вошли, и все выводы о составе палаты относятся к VIII созыву.

Результаты

Заявленные функции: что структуры сообщают о себе

Цели, заявленные «Молодой Гвардией Единой России» на официальном сайте, описывают патриотическое воспитание, вовлечение молодежи в демократические процессы, формирование правовой культуры и содействие трудоустройству; кадровая функция в перечне прямо не названа[2]. Проектный портфель XI съезда (февраль 2024 г.) включает наставничество, гуманитарные миссии, обучение управлению беспилотниками и спорт, то есть смещен к сервисно-мобилизационным форматам. На ту же расстановку указывает генезис, ведь реорганизацию ноября 2005 г. исследователи связывают с реакцией партийного руководства на «цветные революции» в сопредельных государствах (Мосоликов, 2016).

Нормативная рамка общая только в части возраста, поскольку закон относит к молодежи граждан от 14 до 35 лет[3], тогда как пассивное избирательное право возникает с 18 лет на муниципальном уровне и с 21 года на федеральном. Часть состава права быть избранной не имеет, и ее доля не публикуется. Различия между организациями идут не от закона, а от их кадровых решений.

Самоописание молодежной структуры КПРФ, в отличие от партии власти, строится вокруг кадровой функции. В докладе первого секретаря на VII съезде организация названа кадровым резервом партии, и там же дан единственный публикуемый показатель отдачи, а именно свыше 90 воспитанников комсомола вошли в центральные руководящие органы КПРФ[4]. Показатель относится к аппарату, а агрегированной отдачи в мандатах организация не приводит, хотя в том же докладе поименно названы пятеро депутатов Государственной Думы, вышедших из комсомола. В структуре секретариата Центрального комитета выделено отдельное направление протестного движения[5], что фиксирует мобилизационную специализацию как открыто заявленную.

Молодежная организация ЛДПР описывает направления общо, включая пикеты и митинги, и не публикует ни численности, ни руководства[6]. «Молодежь СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» работает как политшкола[7]. Движение «Новые», созданное 1 марта 2026 г., объявило социальные лифты своей конституирующей задачей при заявленных свыше 70 ячейках[8].

Три ступени и их сравнительная проходимость

По данным организации о себе, в 2023 г. 274 ее активиста победили на выборах: девять в региональных парламентах, шестеро в органах административных центров, остальные на муниципальном уровне[9]. Заявленная численность в феврале 2024 г. – более 170 тыс. Прямое отношение дает 0,16 %, но самостоятельного смысла оно не имеет, поскольку величины относятся к разным датам, а победы трех уровней власти учтены как равновеликие.

[1] Четверть кандидатов на выборах 2022 года составляет молодежь // Парламентская газета. 11.09.2022. URL: https://www.pnp.ru/social/chetvert-kandidatov-na-vyborakh-2022-goda-sostavlyaet-molodezh.html (дата обращения: 13.09.2026). Оценка члена ЦИК России К. Мазуревского.

[2] О Молодой Гвардии Единой России // Молодая Гвардия Единой России : офиц. сайт. URL: https://mger.ru/gvardiya/ (дата обращения: 13.09.2026). Данные организации о себе по итогам 2023 г.

[3] О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Ст. 2.

[4] Доклад первого секретаря ЦК ЛКСМ РФ В. П. Исакова на VII Съезде Ленинского комсомола // ЛКСМ РФ : офиц. сайт. 27.10.2023. URL: https://komsomolrf.ru/novosti/doklad-pervogo-sekretarya-ck-lksm-rf-v-p-isakova-na-vii-sezde-leninskogo-komsomola.html (дата обращения: 13.09.2026).

[5] Руководство // ЛКСМ РФ : офиц. сайт. URL: https://komsomolrf.ru/struktura (дата обращения: 13.09.2026).

[6] Молодежная организация // ЛДПР : офиц. сайт. URL: https://ldpr.ru/services/molodezhnaya-organizatsiya/ (дата обращения: 13.09.2026).

[7] Молодежь СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ // Справедливая Россия – За правду : офиц. сайт. URL: https://spravedlivo.ru/msr (дата обращения: 13.09.2026).

[8] «Новые люди» создали молодежное движение // Ведомости. 01.03.2026. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/03/01/1179890-novie-lyudi-molodezhnoe (дата обращения: 13.09.2026) ; Партия «Новые люди» запустила молодежное движение // Коммерсантъ. 02.03.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8477498 (дата обращения: 13.09.2026). Численность заявлена руководителем движения.

[9] О Молодой Гвардии Единой России // Молодая Гвардия Единой России : офиц. сайт. URL: https://mger.ru/gvardiya/ (дата обращения: 13.09.2026). Данные организации о себе по итогам 2023 г.

Содержательным отношение становится после разложения: при равенстве двух сомножителей каждый составил бы корень из 0,00161, то есть 4,0 %. Отсюда следует, что при любой избираемости выше 4,0 % более узкой оказывается ступень выдвижения. Поскольку все правдоподобные оценки избираемости лежат существенно выше этого порога, вывод о сравнительной проходимости ступеней устойчив к выбору ставки. Одновременно он тем самым и предрешен. Чтобы ступень избрания оказалась уже, избираемость молодых кандидатов должна была бы опуститься до нескольких процентов, чего не показывает ни один доступный источник.

Числовая иллюстрация приводится в таблице 2: при избираемости

20–30% 274 победы соответствуют примерно 900–1400 выдвинутым, то есть 0,5–0,8% заявленного состава. Величина расчетная, измерением она не является.

Во всех пятнадцати сочетаниях доля выдвинутых остается строго ниже соответствующей ставки избираемости, то есть ступень выдвижения оказывается более узкой при любом сочетании допущений. Точка инверсии определяется соотношением численности и квадрата избираемости. При ставке 20 % ступень выдвижения перестает быть более узкой, если действительная численность не превышает примерно 6,9 тыс. человек. Это означало бы завышение заявленной величины в двадцать пять раз; при ставке 30 % потребовалось бы завышение в пятьдесят шесть раз, при ставке 10 % – в шесть раз. Направление смещения неопределимо для самой пары величин: и число побед, и численность взяты из публикаций одной заинтересованной стороны.

Прочтение долей ограничивают два обстоятельства. Знаменатель включает лиц моложе восемнадцати лет, пассивным избирательным правом не обладающих, и при доле несовершеннолетних в четверть состава величины выросли бы примерно на треть. Годовая доля, кроме того, не равна вероятности за время членства: при значении 0,5–0,8 %, при допущениях о независимости лет, неизменности годовой доли и сохранении членства, вероятность хотя бы одного выдвижения за пять лет составляет 2,5–3,9 %. Производная от верхних оценок есть верхняя граница.

Единственная прямая оценка жесткости отбора относится к федеральному треку партийного кадрового проекта: на 6739 поданных заявок пришлось 200 отобранных участников, то есть 2,97 %, причем 134 человека из 200 уже являлись действующими депутатами[1]. Это единственная доступная мера притязаний: 6739 заявок дают около четырех процентов численности крыла, хотя членством в нем подача не ограничена. Состав отобранных характеризует направление отбора, ведь две трети мест заняли действующие депутаты, то есть инструмент работает во многом с теми, кто уже занимает выборную должность.

Процедуры выдвижения: где решается доступ к ступени

Ступень выдвижения регулируется партийными процедурами, и их разбор показывает место молодежной структуры внутри отбора: у «Единой России» предварительное голосование закреплено Уставом, оно обязательно при определении кандидатур, а его результаты подлежат обязательному учету органами партии[2]. Положения, утвержденные Президиумом Генерального совета 19 марта 2024 г., задают открытую электронную модель, при которой голосовать вправе любой гражданин, достигший восемнадцати лет и проживающий в пределах избирательного округа[3]. Кандидатом может стать гражданин от двадцати одного года, обладающий пассивным избирательным правом и являющийся членом или сторонником партии либо не состоящий в иной партии[4].

Прецедент обратного устройства есть: «Молодежный праймериз-2011» (Степанов, 2020). Действующие положения такой конструкции не воспроизводят и преференций молодежным структурам не содержат. Возрастных квот положения не содержат и повышающих коэффициентов для членов молодежного крыла не предусматривают; единственный возрастной параметр думской процедуры – нижний порог в двадцать один год. Показателен контраст с иной категорией.

Результат кандидата, являющегося участником специальной военной операции, увеличивается организационным комитетом на 25 % от числа поданных за него голосов[5]. Иных коэффициентов и квот положения не предусматривают ни для одной категории, и единственность случая контраст усиливает. Механизм преференции партии известен, но адресован не молодежи и действует внутри конкурентной процедуры, выдвижения не гарантируя.

Место крыла в процедуре формализовано, но на другой стороне. Положение о выдвижении в представительные органы муниципальных образований требует, чтобы в организационные комитеты предварительного голосования входили представители «Молодой Гвардии Единой России»[6]. Крыло встроено в организацию отбора, а не в число его привилегированных участников. Отдельная норма позволяет председателю партии вносить предложения по кандидатурам: для них конкурентная процедура заменяется голосованием о включении в бюллетень[7].

У КПРФ выдвижение регулируется Уставом и распределено между уровнями. Съезд выдвигает кандидатов в депутаты Государственной Думы, конференция регионального отделения – кандидатов в региональные органы власти, а местные конференции согласуют решения с региональным бюро[8]. Ленинский комсомол в уставных нормах о выдвижении не упоминается ни на одном из трех уровней.

Сопоставление двух партий дает различие, ограниченное типом просмотренных документов. У партии власти роль молодежной структуры прописана нормативно, хотя и на стороне организаторов, тогда как в уставных нормах КПРФ о выдвижении формализованной роли не закреплено.

Кому принадлежат кадровые инструменты

Кадровые инструменты есть у обеих крупных партий и принадлежат партиям. «ПолитСтартап» с 2018 г. проводится «Единой Россией»[9], а Центр политической учебы действует с 2013 г. при Центральном комитете КПРФ.

За двенадцать лет через него прошли почти две тысячи человек, а на тридцать мест приходится восемьдесят – девяносто заявок.

---

[1] 200 региональных лидеров примут участие в кадровом проекте «Единой России» «Федеральный ПолитСтартап» // Единая Россия : офиц. сайт. 26.12.2020. URL: https://er.ru/activity/news/200-regionalnyh-liderov-primut-uchastie-v-kadrovom-proekte-edinoj-rossii-federalnyj-politstartap (дата обращения: 13.09.2026).

[2] Устав Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ». П. 8.1. Ред. по XXII Съезду от 14.12.2024.

[3] Положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. решением Президиума Генерального совета ВПП «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 19.03.2024 (в ред. от 06.03.2026). Ст. 2, 4, 5, 13, 24. URL: https://pg.er.ru/files/pol_gd_20260306.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[4] Положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. решением Президиума Генерального совета ВПП «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 19.03.2024 (в ред. от 06.03.2026). Ст. 2, 4, 5, 13, 24. URL: https://pg.er.ru/files/pol_gd_20260306.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[5] Положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. решением Президиума Генерального совета ВПП «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 19.03.2024 (в ред. от 06.03.2026). Ст. 2, 4, 5, 13, 24. URL: https://pg.er.ru/files/pol_gd_20260306.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[6] Положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения кандидатами в депутаты представительных органов муниципальных образований : утв. решением Президиума Генерального совета ВПП «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 19.03.2024 (в ред. от 20.02.2026). Ст. 10. URL: https://pg.er.ru/files/pol_mun_20260220.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[7] Положение о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. решением Президиума Генерального совета ВПП «ЕДИНАЯ РОССИЯ» от 19.03.2024 (в ред. от 06.03.2026). Ст. 2, 4, 5, 13, 24. URL: https://pg.er.ru/files/pol_gd_20260306.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[8] Устав Политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». Ред. по XIX Съезду от 24.04.2021. Пп. 5.3, 6.3, 6.11, 7.2. URL: https://kprf.ru/party/charter (дата обращения: 13.09.2026).

[9] Стартовал федеральный проект партии «Единая Россия» «ПолитСтартап-2022» // Единая Россия : офиц. сайт. 03.03.2022. URL: https://kamchatka.er.ru/activity/news/startoval-federalnyj-proekt-partii-edinaya-rossiya-politstartap-2022 (дата обращения: 13.09.2026).

Условиями участия служат партийный стаж от года, рекомендация первого секретаря регионального отделения и возраст до сорока лет; среди выдвиженцев названы двое депутатов Государственной Думы и порядка десяти – пятнадцати руководителей региональных отделений[1]. Комсомол поставляет часть слушателей, однако соучредительства или квоты в документах центра не обнаружено.

Симметрия двух случаев существенна, поскольку в обеих партиях отбор, ведущий к выдвижению, организован партийной структурой и предъявляет требования, которым членство в молодежной организации само по себе не отвечает.

Ресурсная рамка

Закон о государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений на объединения, учреждаемые либо создаваемые политическими партиями, не распространяется вовсе[2], и норма эта действует с 1995 г., закрывая партийным крыльям прямой доступ к профильным молодежным мерам поддержки. По доступной части реестра Фонда президентских грантов фиксируется заявка регионального отделения «Молодой Гвардии Единой России», не получившая поддержки[3]. Выигранных грантов обнаружить не удалось, но полнота проверки ограничена, так как публичный поиск по наименованию заявителя на витрине реестра не работает.

Из сказанного не следует, что партийные структуры отрезаны от бюджетного ресурса: закон о политических партиях предусматривает ежегодное финансирование партий, преодолевших трехпроцентный барьер, в размере 152 рублей за каждый голос федерального списка[4]. По отчетам за 2025 г. «Единая Россия» получила из бюджета около 4,3 млрд рублей, КПРФ – около 1,6 млрд, ЛДПР, «Справедливая Россия – За правду» и «Новые люди» – 646, 639 и 456 млн[5]. Крыло финансируется материнской партией, а та получает из бюджета суммы, несопоставимые с грантовыми. Конфигурацию точнее описывать не как изоляцию от государственного ресурса, а как отсутствие у крыла собственного канала доступа. Распорядителем выступает партия, она же определяет критерии отбора.

Государственные молодежные платформы устроены иначе (Князькова, Власова, 2023): Российское движение детей и молодежи учреждено отдельным федеральным законом[6], а численность его участников в марте 2025 г. была публично определена главой государства в 11 млн человек[7]. Сравнивать популяции нельзя: движение объединяет преимущественно школьников, и большинство участников по возрасту не может быть избрано. Сопоставление указывает лишь на разный порядок ресурсной обеспеченности двух контуров вовлечения – государственного и партийного. Биографический массив фиксирует и кадровое следствие.

На государственные программы приходится в сумме 21,9 % входов по общественным лифтам против 4,1 % у партийного молодежного крыла (Крыштановская и др., 2021). Сводная величина по этой группе каналов приведена в отчете как 32,6 %, что с суммой компонентов не согласуется, поскольку в нее входят каналы за пределами рассматриваемой группы; используется сумма компонентов как проверяемая. Разрыв между государственным и партийным контуром сохраняется при любом из двух прочтений.

Иллюстративные траектории

Три траектории отобраны по публичной известности и служат типологизации выходов, а не оценке частот. Первый тип аппаратный, и выходцы «Молодой Гвардии» возглавляли структуры Администрации Президента и федерального агентства по делам молодежи (Мосоликов, 2016; Степанов, 2020), тогда как второй тип региональный: председатель координационного совета организации А. В. Демидов в 2022 г. получил мандат законодательного собрания Пензенской области[8].

Третий тип показывает, что руководство крылом совместимо с длительной парламентской карьерой. Ю. В. Афонин возглавлял комсомол КПРФ с 2004 по 2013 г., избирался депутатом Государственной Думы пятого – восьмого созывов, а с апреля 2021 г. занимает пост первого заместителя председателя ЦК[9]. В. П. Исаков совмещает руководство комсомолом с думским мандатом[10].

Материал позволяет сформулировать гипотезу о том, что различие проходит между партиями, поскольку в КПРФ руководство молодежной структурой совместимо с длительной парламентской карьерой, тогда как у партии власти наблюдаемые выходы ведут в аппарат и в регион. Три случая судить о частоте не позволяют. Существенно, что один из трех типов ведет не к мандату, а к аппаратной должности, то есть к выходу, который в настоящей работе не измеряется.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют переформулировать исходную дихотомию. Лифт и мобилизация не альтернативы, поскольку относятся к разным ступеням одного пути. Массовое крыло удерживает актив, а мобилизационную нагрузку структуры заявляют сами, измерений же ее объема в открытом доступе нет.

Решающая ступень выдвижения закрепленных преимуществ крылу не дает. Вопрос о функциях превращается тем самым в вопрос о процедурном месте, и ответ на него оказывается определеннее любых производных долей. Ответ этот не совпадает ни с одним членом исходной дихотомии: обязательное вхождение представителей крыла в организационные комитеты описывает молодежную структуру как служебную инфраструктуру отбора, обслуживающую процедуру, а не проходящую через нее.

Уточнения требует и сама метафора. Лифт предполагает, что кнопку нажимает пассажир, тогда как документы описывают иное устройство, при котором предварительное голосование обязательно, а крыло входит в организационные комитеты. Показательна история квоты, объявленной в апреле 2006 г. и утвержденной перед кампанией 2007 г.: норма в 20 % списка вводилась для лиц моложе 28 лет, а членам крыла отдавалось лишь предпочтение[11].

Двадцать лет спустя возрастных преференций в процедуре нет, а коэффициент введен для категории, определяемой не возрастом. Точнее описывает ситуацию понятие бассейна рекрутирования (Крыштановская, 2005) и близкое к нему понятие управляемого расширения возможностей, означающее, что ресурсы предоставляются в границах заданного извне вектора, причем участники сохраняют собственную агентность и извлекают из предоставленных ресурсов свою выгоду (Silvan, 2021). У Сильван речь идет о государственных молодежных форумах; приведенный материал показывает ту же логику внутри партийной структуры.

Важна оговорка о причинности: полученная доля состава, доходящая до выдвижения, наблюдательно совместима и с отказом партии, и с отсутствием притязаний у самих участников, а прямых данных о числе соискателей нет ни по одной организации. В разобранных документах «Единой России» и КПРФ процедурных преимуществ у молодежной структуры не обнаружено.

В терминах заявленности функции распределены не так, как подсказывает простое чтение. У партии власти декларируются сер-

---

[1] Гармоненко Д. У КПРФ есть кадровый резерв из молодых партийцев // Независимая газета. 08.10.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-10-08/1_3_9355_kprf.html (дата обращения: 13.09.2026).

[2] О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений : Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 28.12.2022). Ст. 1, п. 2.

[3] Заявка Чеченского регионального отделения ВОО «Молодая Гвардия Единой России» на первый конкурс 2024 года // Фонд президентских грантов : офиц. сайт. URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=4805ebdd-eddc-4d41-a9ed-a643e2547ad6 (дата обращения: 13.09.2026).

[4] О политических партиях : Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ. Ст. 33, чч. 5, 6.

[5] Партии отчитались о доходах за 2025 год // Коммерсантъ. 10.06.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8728774 (дата обращения: 13.09.2026).

[6] О российском движении детей и молодежи : Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ.

[7] Путин заявил, что в «Движении первых» состоят 11 млн человек // Коммерсантъ. 26.03.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7605594 (дата обращения: 13.09.2026).

[8] Демидов Антон Вячеславович // Единая Россия : офиц. сайт. URL: https://er.ru/person/f303d124-59c2-4033-8391-04484788d75f (дата обращения: 13.09.2026).

[9] Афонин Юрий Вячеславович // КПРФ : офиц. сайт. URL: https://kprf.ru/personal/afonin (дата обращения: 13.09.2026).

[10] Исаков Владимир Павлович // КПРФ : офиц. сайт. URL: https://kprf.ru/personal/isakov (дата обращения: 13.09.2026).

[11] Возрастная квота // Коммерсантъ. 11.04.2006. URL: https://www.kommersant.ru/doc/665304 (дата обращения: 13.09.2026).

висные и патриотические направления, а кадровая функция вынесена в отдельный проект; у КПРФ и ЛДПР мобилизационная составляющая заявлена прямо.

Межпартийные различия объясняются типом кадровой политики. Шведские данные связывают распространенность материальных стимулов в молодежных организациях с размером материнской партии, опытом пребывания у власти и финансовой зависимостью крыла (Bolin, Backlund, Jungar, 2023). Прямой проверке на российском материале закономерность не поддается, так как измерений мотивации участников нет.

Различаются четыре режима, и первый разводит функции по ступеням. У «Молодой Гвардии» массовая база удерживает актив, а партийный проект готовит отобранных к выдвижению. Второй воспроизводит кадры внутрь аппарата: комсомол КПРФ публикует показатель вхождения в руководящие органы партии, но данных о мандатах не приводит. Третий сводится к символической форме (ЛДПР), четвертый – к образовательному сервису (СРЗП); оба опираются на отсутствие публикуемых данных и предлагаются как гипотезы (Соболева, 2025).

Конфигурация при этом устойчива, а не сдвигается на глазах. Заявление секретаря Генерального совета «Единой России» по итогам кампании 2021 г. называет источники обновления фракции: более 20 % пришедших были участниками движения «Мы вместе», победителями конкурсов «Лидеры России» и партийного кадрового проекта, представителями Общероссийского народного фронта[1]. Три канала из четырех лежат за пределами партийной организации и крылу не подведомственны. Данных в двух точках времени работа не имеет и о переходе функции не говорит.

Норма 1995 г. служит фоновым условием, ведь под ее действием конфигурация менялась неоднократно. Давность разделения контуров подтверждает прецедент движения «Наши», созданного в 2005 г. параллельно партийной структуре (Atwal, Bacon, 2012), а логика картельной партии объясняет финансовую зависимость крыла и то, что его карьерная привлекательность следует за доступом партии к власти (Katz, Mair, 1995).

Надпартийные каналы адресованы иной аудитории. По конкурсам семейства «Лидеры России» мандаты Государственной Думы VIII созыва получили более двадцати победителей и финалистов[2], а возрастной ценз трека «Политика» составляет от 21 года до 55 лет[3].

Серьезным возражением против сделанных выводов служит контрфактический случай партии «Новые люди». Фракция «Новых людей» оказалась самой молодой в Думе VIII созыва со средним возрастом 37,6 года[4]. Молодежное движение партия создала лишь 1 марта 2026 г.[5], то есть омоложение депутатского корпуса достигнуто без молодежного крыла. Молодежная структура не является, следовательно, ни необходимым, ни достаточным условием рекрутирования молодых политиков, и вывод работы касается не наличия структуры, а устройства процедуры выдвижения.

Локализация решающей ступени согласуется с внешними наблюдениями. Разрыв между обучающими форматами и практическим участием зафиксирован в исследованиях гражданско-правовой компетентности (Головин, 2022), а недоверие старших поколений к молодым политикам описано на региональном материале как барьер (Ландерова, Степанова, 2022). Утилитарный запрос молодежи к государству (Евгеньева и др., 2023) делает конструкцию приемлемой для участников, а трактовка молодежи как ресурса, требующего канализации (Меркулов, 2023), – для партийного руководства. Общественное мнение расходится надвое, поскольку реальной поддержку молодежи считают 39 % опрошенных россиян, а формальной – 37 %[6]. Формальная включенность не тождественна лояльности и допускает встречную инструментализацию (Hemment, 2015).

Ограничения исследования очерчены характером доступных данных, а расчет выполнен для одной партии по самозаявленной партийной статистике. Ставка избираемости заимствована у совокупности молодых кандидатов всех партий и применена к активистам партии власти, так что все приведенные доли выдвинутых и производные от них вероятности следует читать как верхние оценки. Базовой линии нет: сопоставимой величины для непартийных массовых объединений получить не удалось, и работа описывает соотношение ступеней, но не судит, велика или мала полученная доля. Средняя ступень восстановлена расчетно при допущении о равной избираемости, проверить которое по открытым данным невозможно. Показатели партийного кадрового проекта не сводятся с годовой отчетностью организации без реконструкции, которую источники не обеспечивают, и о вкладе проекта работа не высказывается.

Отрицательные утверждения о процедурах ограничены документами двух партий федерального уровня. Региональные и местные отделения, где происходит большинство учтенных побед, остались за пределами корпуса, хотя фактическим привратником выступает, по-видимому, региональный. Работа измеряет только представительский выход и не измеряет выходы в партийный аппарат и исполнительную власть, между тем один из трех прослеженных типов траекторий ведет в аппарат, а комсомол КПРФ публикует показатель отдачи в аппаратных позициях. Оценка доли выходцев крыла получена на массиве 2020–2021 гг., а цикл 2026 г. остался за пределами материала.

Заключение

Таким образом, полученные результаты заставляют переформулировать исходный вопрос. Выбор между социальным лифтом и инструментом мобилизации поставлен некорректно: обе функции относятся к разным ступеням одного пути, и содержательным становится вопрос о том, на какой ступени закреплены процедурные преимущества.

Первый вывод относится к процедуре выдвижения и получен на уставных и процедурных документах. В предварительном голосовании «Единой России», обязательном по Уставу партии, отсутствуют и возрастные квоты, и повышающие коэффициенты для членов молодежного крыла, тогда как для участников специальной военной операции коэффициент в 25 % введен. Роль молодежной структуры формализована на другой стороне: на муниципальном уровне ее представители обязательно входят в организационные комитеты, а в уставных нормах КПРФ о выдвижении комсомол не упоминается. Механизм преференции партиям доступен, но к молодежным структурам он не обращен.

Второй вывод описывает, кому принадлежат специализированные кадровые инструменты подготовки к выдвижению. Специализированные процедуры подготовки к выдвижению существуют у обеих крупных партий, и обе принадлежат партиям: «ПолитСтартап» проводится «Единой Россией», а Центр политической учебы действует при Центральном комитете КПРФ и требует партийного стажа и рекомендации первого секретаря. Молодежное крыло служит одним из источников пополнения такого отбора, не располагая ни его операторством, ни закрепленной долей мест. Ресурсно крыло замкнуто на материнскую партию, которая сама получает бюджетное финансирование, тогда как прямой доступ к профильным мерам поддержки закрыт для него нормой 1995 года. Оба вывода вместе описывают молодежную структуру

[1] Андрей Турчак: «Единая Россия» блестяще провела избирательную кампанию // Единая Россия : офиц. сайт. 05.10.2021. URL: https://er.ru/activity/news/andrej-turchak-edinaya-rossiya-blestyashe-provela-izbiratelnuyu-kampaniyu (дата обращения: 13.09.2026).

[2] Более 20 победителей и финалистов конкурсов «Лидеры России» стали депутатами Госдумы // РАПСИ. 14.10.2021. URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20211014/307459653.html (дата обращения: 13.09.2026). Величина относится к обоим конкурсам семейства суммарно.

[3] Правила участия // Лидеры России. Политика : офиц. сайт конкурса. URL: https://политическийлидер.рф/rules (дата обращения: 13.09.2026).

[4] Володин рассказал о составе Госдумы восьмого созыва // РИА Новости. 08.10.2021. URL: https://ria.ru/20211008/gosduma-1753615429.html (дата обращения: 13.09.2026) ; В Государственной Думе нового созыва из 450 депутатов 74 – женщины // Межпарламентская Ассамблея СНГ. 08.10.2021. URL: https://iacis.ru/novosti/parlamenti/v_gosudarstvennoj_dume_novogo_soziva_iz_450_deputatov_74__zhenshini (дата обращения: 13.09.2026).

[5] «Новые люди» создали молодежное движение // Ведомости. 01.03.2026. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/03/01/1179890-novie-lyudi-molodezhnoe (дата обращения: 13.09.2026) ; Партия «Новые люди» запустила молодежное движение // Коммерсантъ. 02.03.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8477498 (дата обращения: 13.09.2026). Численность заявлена руководителем движения.

[6] Молодежный активизм: общественная польза // ВЦИОМ. 2019. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozhnyj-aktivizm-obshhestvennaya-polza (дата обращения: 13.09.2026).

как служебную инфраструктуру отбора, что не совпадает ни с лифтом, ни с мобилизацией.

Литература

1. Анищенко А. В. Особенности политического участия российской молодежи в условиях цифровизации // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 130–141. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.8. EDN: HIXMKB.
2. Головин Д. А. Развитие гражданско-правовой компетентности как фактор участия российской молодежи в практической политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 3. С. 88–108. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-3-88-108. EDN: PYQARX.
3. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В., Скипин Н. С., Тулегенова Д. Д. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 233–251. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251.
4. Калинич В. С. Динамика структуры социальной активности российской молодежи в 2022–2024 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 173–182. DOI: 10.17223/1998863X/82/15.
5. Князькова Е. В., Власова Т. Е. Институционализация новых приоритетов государственной молодежной политики в России: условия, вызовы, решения // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 1. С. 59–71. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-1-59-71. EDN: VQWMCX.
6. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. Москва : Захаров, 2005. 384 с.
7. Крыштановская О. В., Юшкина Н. А., Лавров И. А., Евсегнеева Н. С. Социальные лифты в российской политике : отчет о научно-исследовательской работе (грант РФФИ № 20-011-31707). Москва : Государственный университет управления, 2021. 36 с. URL: https://guu.ru/wp-content/uploads/Отчет_по_проекту_Социальные_лифты_в_политике.pdf (дата обращения: 13.09.2026).
8. Кудрина Ю. А., Печенкин Н. М., Косарева А. А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 3. С. 142–150. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150.
9. Ландерова А. А., Степанова Ю. Б. Политические ценности студенческой молодежи Саратовской области: проблема соучастия и доверия // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 4. С. 189–207. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-4-189-207. EDN: PVKKKI.
10. Меркулов П. А. Влияние молодежных проблем на социально-политическую стабильность в условиях трансформационных сдвигов // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 1. С. 15–42. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-1-15-42. EDN: SZWKZJ.
11. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. 873 с.
12. Мосоликов С. А. Молодежная организация «Молодая Гвардия Единой России»: структура, этапы развития, направления деятельности // Постсоветский материк. 2016. № 4 (12). С. 104–114.
13. Попова О. В., Гришин Н. В., Суслов С. И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 471–485. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485. EDN: RQSSIQ.
14. Соболева Е. О. Молодежная политика современных оппозиционных парламентских партий России: сравнительный анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 4. С. 139–146. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-139-146.
15. Степанов А. А. «Молодая гвардия Единой России» в общественно-политической жизни Российской Федерации 2000–2013 годов // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 246–265. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10035.
16. Столбинская А. С. Основные каналы рекрутации молодежи в политические элиты современного российского общества // Развитие территорий. 2024. № 3. С. 60–64. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-3-60-64.
17. Трынов Д. В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. 2019. № 12. С. 298–314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195.
18. Atwal M., Bacon E. The Youth Movement Nashi: Contentious Politics, Civil Society, and Party Politics // East European Politics. 2012. Vol. 28, No. 3. P. 256–266. DOI: 10.1080/21599165.2012.691424.
19. Bolin N., Backlund A., Jungar A.-C. Attracting Tomorrow's Leaders: Who Joins Political Youth Organisations for Material Reasons? // Party Politics. 2023. Vol. 29, No. 3. P. 527–539. DOI: 10.1177/13540688221083560.
20. Hemment J. Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs. Bloomington : Indiana University Press, 2015. 208 p.
21. Hooghe M., Stolle D., Stouthuysen P. Head Start in Politics: The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties in Belgium (Flanders) // Party Politics. 2004. Vol. 10, No. 2. P. 193–212. DOI: 10.1177/1354068804040503.
22. Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 5–28. DOI: 10.1177/1354068895001001001.
23. Norris P., Lovenduski J. Political Recruitment: Gender, Race and Class in the British Parliament. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
24. Putnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1976. 242 p.
25. Silvan K. Russian Youth Forums: Sites of Managed Youth Empowerment // YOUNG. 2021. Vol. 29, No. 5. P. 456–474. DOI: 10.1177/1103308821990932.

Social lift or mobilisation tool: stages of selection in the youth structures of russian parties

Shevchenko A.A.

St. Petersburg State University

Youth structures of Russian political parties are described in the literature both as a channel of political recruitment and as a resource of electoral mobilisation, yet the balance between these functions has never been examined stage by stage. The article separates the stages at which participation in a youth structure may convert into an elective mandate at any level, and identifies the stage where procedural advantages are actually fixed. The empirical base comprises the programme materials of five youth structures, the statutes and candidate-nomination regulations of United Russia and the Communist Party, four federal laws, an estimate by a member of the Central Election Commission, party personnel project indicators, and three traced career trajectories. The material is cut off on 13 September 2026. The principal result is procedural: in the examined documents of United Russia and the Communist Party no advantage is fixed for youth structures at the nomination stage. United Russia's primaries contain neither age quotas nor multipliers for wing members, while a multiplier exists for participants of the special military operation, and the role of the youth structure is formalised on the organisers' side of the selection. The personnel instruments of both major parties belong to the parties rather than to their wings. Selection is decomposed into three stages: membership, nomination, election; a calculation on the declared party figures makes the nomination stage the narrower one at any plausible electability, a conclusion the article states to be largely predetermined by the construction of the calculation.

Keywords: youth organisations of political parties, political recruitment, stages of selection, candidate nomination, party primaries, party personnel policy, Russian party system, youth political participation.

References

1. Anishchenko, A. V. (2024) 'Features of political participation of Russian youth in the context of digitalisation', *Science. Culture. Society*, 30(3), pp. 130–141. DOI: 10.19181/nko.2024.30.3.8. (In Russian).
2. Golovin, D. A. (2022) 'The development of civil law competence as a factor of participation of Russian youth in practical politics', *Central Russian Journal of Social Sciences*, 17(3), pp. 88–108. DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-3-88-108. (In Russian).
3. Evgen'eva, T. V., Selezneva, A. V., Skipin, N. S. and Tulegenova, D. D. (2023) 'Request for paternalism: the concept and value of state in the consciousness of Russian youth', *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), pp. 233–251. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251. (In Russian).
4. Kalinich, V. S. (2024) 'Dynamics of the structure of Russian youth's social activity in 2022–2024', *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (82), pp. 173–182. DOI: 10.17223/1998863X/82/15. (In Russian).
5. Knyaz'kova, E. V. and Vlasova, T. E. (2023) 'Institutionalization of new priorities of the state youth policy in Russia: conditions, challenges, solutions', *Central Russian Journal of Social Sciences*, 18(1), pp. 59–71. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-1-59-71. (In Russian).

Налоговая обязанность как средство ограничения права на свободу совести и вероисповедания в Советском Союзе: аспект противоречия международным принципам защиты прав человека

Антипова Елена Павловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, epa2707@yandex.ru

Вдовиченко Сергей Сергеевич
студент, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, sergeyvdoviche@mail.ru

В статье на историческом примере Советского Союза рассмотрен вопрос использования налоговой обязанности в качестве средства ограничения права на свободу совести и вероисповедания. Авторы определяют основные проявления регулирующей функции налоговой обязанности, отдельно указывая на трансформацию организации налоговой политики в соответствие с международными стандартами защиты прав человека.

Особое внимание уделено анализу актов регулирования советской налоговой политики в отношении религиозных объединений – разнородному массиву правовых актов, объединяющему в себе нормативные правовые акты, акты союзных органов исполнительной власти, а равно и идеологические документы. В качестве иллюстрирующих примеров действительного влияния международной политики на устройство советской государственно-конфессиональной политики авторы приводят источники деловой и личной переписки, имеющей в том числе и исследовательский интерес понимания мотивов действий исторических участников.

При этом авторы приводят источники определения международно-правовых стандартов в области защиты прав человека, следующие от изначальной субъективной оценки должного поведения, исходящих от отдельных акторов международного права, до всеобщих международных актов, устанавливающих унифицированные правила обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека.

На основании сопоставления национального и международного регулирования авторы делают вывод о конфискационном характере налоговой политики Советского Союза в отношении религиозных объединений при указании на явное противоречие этой организации международным принципам защиты прав человека.

Ключевые слова: налоговая обязанность, религиозные объединения, государственно-конфессиональная политика, право на свободу совести и вероисповедания, права человека, международный принцип.

Введение

Налоги как инструмент установления публичной обязанности по обеспечению деятельности государства несут в своем существе две функции – фискальную и регуляторную [1, с. 52]. Если фискальная функция представляет собой преимущественно экономическую категорию наполнения государственного бюджета, источника предоставления государству необходимых для него ресурсов, то регуляторная – напротив, лишена прямого экономического содержания, имея в сути своей направление или видоизменение общественных отношений в требуемом векторе. Подобная регуляция позволяет государству достигать определенных целей через рычаги управления, предполагающие конкретное материализованное содержание (привязку к располагаемым материальным благам объекта управления) – усложнение или упрощение общего порядка деятельности отдельных субъектов, направление этой деятельности в сторону приоритетных целей государственной политики при отвлечении от нежелательной деятельности (полагаемой государством избыточной или социально вредной). В этом контексте следует отметить, что государство обладает исключительными возможностями контроля общественных отношений через экономическое стимулирование (дестимулирование).

Продолжительный исторический период подобная исключительность была всеобъемлющей, связанной только с властным усмотрением правящей группы на желательное устройство общества. Вместе с тем существенное изменение этого подхода происходит после окончания Второй мировой войны, когда в связи с формированием новой системы международного права, основанной на признании всеобщего приоритета прав и свобод человека, налоговая политика приобретает характер некоторой «подчиненности» требованиям международно-правовых актов. Иными словами, все более проявляется оценка налоговой обязанности не с позиций сугубо государственного интереса, но с позиций соразмерности налоговой обязанности, ее необходимости и фактического непротиворечия возможностям реализации всего комплекса прав и свобод человека.

Особое значение для нашего исследования имеет оценка тех категорий прав и свобод человека, которые налоговое регулирование способно ограничить существенно, низвести до состояния фактической невозможности реализации. Полагаем, что среди этой категории прав и свобод человека особое место занимает свобода совести и вероисповедания, поскольку реализация коллективных религиозных прав (совместного отправления религиозного культа, принадлежности к некоторой конфессии) требует необходимого материального содержания (культовых зданий, предметов религиозного поклонения). Указанное материальное содержание, подразумевающее изначальную «неприбыльность» (невозможность прямого использования имущества религиозной организации для предпринимательской деятельности), особенно уязвимо для налогового давления. Как справедливо отмечено в работе Л.А. Чайковской и С.И. Опариной: «основные принципы отношений с религиозными конфессиями всегда отражаются в проводимой государством налоговой политике» [2, с. 20]. Именно в налоговой политике в отношении религиозных конфессий и проявляется скрытое или прямое давление государства на эти самые конфессии.

Наиболее показательным примером использования налоговой обязанности в качестве средства ограничения права на свободу совести и вероисповедания выступает опыт построения налоговой политики в Союзе Советских Социалистических Республик.

Регулирование налоговой обязанности в отношении религиозных объединений в первые годы советской власти.

Советская государственность, имевшая своим политическим началом Октябрьскую революцию 1917 г., признавала в качестве основного документа регулирования государственно-конфессиональных отношений Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. [3], согласно положениям которого церковные и религиозные общества были лишены прав соб-

ственности и статуса юридического лица. Все имущество этих церковных и религиозных обществ было объявлено народным достоянием (переходило в государственную собственность). При этом здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, могли быть отданы в бесплатное пользование религиозных обществ, но исключительно по распоряжению местных органов исполнительной власти. Положения Декрета сохраняли свою юридическую силу на протяжении почти всего советского периода, выступая тем самым базовым актом государственно-конфессиональной политики Советского Союза.

Изначальное нормативное регулирование, определявшее налоговую обязанность для верующего населения в целом, религиозных обществ и их служителей в частности, находилось в полной зависимости от идеологического контекста молодой советской республики, действующей в качестве альтернативной силы остальному «миру империализма». Так, советское государство определяло свое превосходство перед «буржуазными» правительствами и их правовыми системами, являющими, с позиции советской власти, пример «законного угнетения», системной классовой эксплуатации. Советская внешнеполитическая доктрина исходила из доминирования идеи пролетарского интернационализма – идеологической концепции, согласно которой интересы мирового революционного движения позволяли отказываться от «классических» средств дипломатии, свободно игнорировать положения «буржуазного международного права», которое рассматривалось в качестве продолжения империалистического передела мира, способа навязывания воли эксплуататорских классов и обеспечения постоянства экономического и военного столкновения [4, с. 40]. В соответствии с этой идеологической концепцией налоговая политика в отношении религиозных организаций не воспринималась как средство дискриминации, попирания прав и свобод человека – она оценивалась как составная часть культурной революции и классовой борьбы, подчиненной законам исторического материализма, а не «буржуазным теоретизированиям» о приоритете прав человека. Именно в этом контексте государство как форма господства одного класса над другим обеспечивало господство класса пролетариев над прежними эксплуататорами, к которым и относились священнослужители. Следовательно, налоговая политика как орудие государства становилась очередным способом разжигания этой борьбы и придания ей всестороннего, всеобъемлющего характера.

Это обособление, принципиальное внешнеполитическое отторжение советского государства, однако, не означало, с одной стороны, отсутствия как таковых контактов с другими государствами, с другой стороны, критического отношения международного сообщества к проявлениям идеологизированной внешней политики. Указанная международная критика вполне существовала и нарастала по мере того, как степень налогового и хозяйственного давления на религиозные общества приобретала характер целенаправленных репрессий.

В контексте нашего исследования важным представляется отметить постепенное нарастание сопротивления советской антирелигиозной политике среди религиозных институций (соответственно, и тех сил, на которые эти институции могли влиять). Так, для реализации положений Декрета Наркомюстом РСФСР разработано «Постановление о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. [5], ставшее практическим руководством экспроприации церковного имущества и понуждения религиозных обществ к заключению договоров о пользовании экспроприированным имуществом. В ответ на издание Инструкции руководство Евангелическо-лютеранской и Римско-католической церквей в России направило в СНК РСФСР обращения с ходатайством о приостановке действия Декрета, ссылаясь на условия Брестского мирного договора, гарантировавшие свободу вероисповедания (сам Брестский мир не имел прямого закрепления свободы вероисповедания, однако, с позиции религиозных иерархов, позволял «найти» в системном толковании защиту религиозных прав граждан советской республики) [6, с. 201]. Данное ходатайство осталось без удовлетворения. Уже в 1919 г. руководство Римско-католической церкви направило властям меморандум, в котором основы советского законодательства о религии, в том числе и откровенно конфискационный характер Декрета и Инструкции, были подвергнуты последовательной критике. В дальнейшем Папа Бенедикт XV, глава Римско-католической Церкви, через своего статс-секретаря направил радиотелеграмму на имя Председателя СНК РСФСР, в которой выразил протест преследованию христианского духовенства [7, с. 5]. Наркомат иностранных дел РСФСР заявил о том, что советская власть не осуществляет преследование религиозных конфессий, отдельно обвинив католическую церковь в лицемерии.

Однако существенную международную озабоченность вызвала кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. – целенаправленная политика, которая по своей экономической задаче была направлена на разрушение хозяйственной состоятельности религиозных обществ. Указанная политика достаточно скоро приобрела характер стремительной конфискации имущества религиозных обществ, повсеместного перехода материальных ресурсов в распоряжение государственных органов через методы прямого принуждения к такому переходу. В.И. Ленин в своем секретном письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г. (подлинность письма подвергается сомнению, однако, большинство исследователей полагает его подлинным; в контексте нашего исследования это письмо убедительно показывает реальную подоплеку действий большевистской власти) прямо определял потребность в форсированном производстве изъятия церковного имущества (заявленной причиной которой был голод в Поволжье), поскольку после проведения Генуэзской конференции, с которой советская власть связывала нормализацию внешней политики, советская власть будет лишена пространства для маневра, возможной свободы репрессивного воздействия, а «жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны» [8]. Иными словами, В.И. Ленин призывал членов Политбюро к оценке международного контекста, определял потребность в своевременном экономическом ударе по «черносотенному духовенству», указывая на то, что внутренние обстоятельства располагают к подобным репрессиям (голод становился формальным поводом уничтожения экономической опоры религиозных обществ), а внешнеполитическая обстановка будущего может в значительной степени осложнить подобное принуждение. Прямого налогового принуждения из этой кампании не последовало, однако, очевидный успех беспрепятственной экспроприации религиозного имущества привел к формированию идей дальнейшего «экономического уничтожения» религиозных обществ.

Правовое оформление применения налоговой обязанности в качестве инструмента экономического уничтожения религиозных объединений и применение к служащим культа практик коллективизации.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [9] стало важной вехой в систематизации налогового давления на религиозные организации. Отдельно отметим, само по себе налоговое принуждение применялось и ранее, но не носило конфискационного характера (например, еще в 1922 г. культовые здания были обложены налогом со строений, равной ежегодной ставке 1,8% от стоимости здания). Постановление запрещало религиозным объединениям использовать находящееся в их распоряжении имущество для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей, оказывать материальную поддержку своим членам и организовывать благотворительную помощь – как прямо связанную с религией, так и в целом общественно полезную. Для удовлетворения религиозных потребностей (и только их) религиозные общества были обязаны заключить договор «бесплатного пользования молитвенными зданиями и культовыми предметами». Это не освобождало их от уплаты налога на строения на общих основаниях. В свою очередь Циркуляром Наркомфина № 398 от 10 сентября 1929 г. [10] этот механизм был нормативно определен следующим порядком: религиозное общество, не имеющее права собственности на здание, в котором отправляется культ, и не имеющее статуса юридического лица, тем не менее несет налоговую обязанность за это здание. Неисполнение этой обязанности влечет за собой утрату права бесплатного пользования зданиями и предметами культа. Неуплата налога в установленный срок становилась, таким образом, основанием для изъятия здания, следовательно, лишения фактической возможности отправлять коллективные религиозные права.

Одновременно с подобными изменениями советская власть распространяет практики коллективизации на священнослужителей – хозяйства «служителей культа» были включены в перечень признаков кулацкого хозяйства согласно Постановлению Совнаркома

СССР от 21 мая 1929 г. [11], что означало применение к ним достаточного жесткого режима налогообложения – одновременной уплаты сельхозналога, самообложения и государственных заготовок по ставкам, многократно превышавшим общие. Показательным было соотнесение экономического критерия «кулацкого хозяйства» с профессиональным статусом священников (сколько бы не имел священник, он был кулаком по роду своей деятельности). В полной мере применение этого режима реализуется в 1930-1931 гг. при осуществлении сплошной коллективизации. В записке председателю Комиссии ВЦИК по вопросам культов П. Г. Смидовичу от 19 февраля 1930 г. митрополит Сергий (Страгородский) охарактеризовал сложившееся положение как «как бы особый налог на веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами» [12]. Указанную митрополитом оценку следует признать достаточно справедливым сравнением – налоговая обязанность в социалистической системе была не столько средством извлечения прибыли, сколько инструментом целенаправленного экономического вытеснения религиозной жизни.

Международный фон давления советской власти на религиозные объединения в 1930-е гг.

В 1930 г., на фоне развернувшейся в Советском Союзе антицерковной кампании, когда деятельность многих религиозных объединений была прекращена под формальным предлогом «неуплаты налогов», Папа Римский Пий XI призвал верующих всего мира молиться о спасении Русской Православной Церкви. Ситуацию с религией в Советском Союзе Понтифик определил достаточно жестко и бескомпромиссно – «рост зверства и безбожия, поощряемого государственной властью» [13]. С похожими заявлениями выступили архиепископ Кентерберийский, духовный глава Англиканской церкви, и ряд международных религиозных организаций, обладавших существенным влиянием на формирование общественного мнения стран поствоенного времени. Советская сторона расценила развернувшуюся кампанию религиозных организаций как клеветническую и ответила целым комплексом контрмер: при официальном участии партийной власти устраивались акции протеста против готовящегося «крестового похода», а митрополита Сергия (Страгородского) принудили выступить на пресс-конференции перед советскими и зарубежными корреспондентами с целью официального опровержения факта преследования верующих. Возможно предположить, что сам факт обширности обратного воздействия, масштаб предпринимаемых действий достаточно показателен – международная общественность, не обладая никакими легальными рычагами воздействия, тем не менее породила политическое давление, которое советской стороне приходилось принимать в расчет. Именно в подобном контексте возможно предположить развитие концепции связи налоговой политики (императивного усмотрения государства) с требованиями обеспечения должного уровня реализации прав человека, в том числе и прав на свободу совести и вероисповедания.

В этом ключе допустимо рассматривать и процесс вступления СССР в Лигу Наций в 1934 г. При постановке на голосование вопроса вступления Советского Союза в Лигу Наций в Ассамблее (главный представительный орган Лиги Наций) представитель Швейцарии Д. Мотта выступил резко против принятия Советского Союза в качестве члена организации, прямо назвав «атеизм и преследования верующих» причиной, по которой страну не следует допускать. Делегации Португалии, Бельгии, Аргентины и Нидерландов присоединились к позиции Швейцарии. Также непосредственно перед самим голосованием представитель Ирландии обратился к советскому правительству с призывом «даровать свободу вероисповедания всем своим гражданам», уточнив, что говорит не только от лица католиков, но и «всех последователей Христа» [14, с. 25]. Ни один из этих протестов не стал фактическим препятствием присоединения Советского Союза к Лиги Наций, однако, именно благодаря подобной оценке в международной дипломатической практике особую силу приобрел тезис о систематическом нарушении свободы совести и вероисповедания в Советском Союзе – положение, которое советской дипломатии каждый раз приходилось оспаривать как на уровне заявлений, так и на уровне совершения фактических действий.

Представляется возможным обобщить, что в межвоенный период советское государство действовало в режиме фактической свободы от международно-правовых ограничений в области прав человека в религиозной сфере. Советский Союз не был связан международными обязательствами, вынужденно уступая в своей антицерковной политике только при решении конкретных внешнеполитических задач, нисколько не полагая себя «скованным» какими-либо требованиями поддержания прав человека. Антирелигиозная кампания, включая серьезный налоговый гнет над религиозными организациями, развертывалась в этот период без сколько-нибудь действенного внешнего противодействия (за исключением высказывания отдельных позиций, не имевших существенного значения для реального положения верующих в СССР). Однако нарастающая международная критика – от протестов Святого Престола до скоординированных возражений отдельных стран при вступлении СССР в Лигу Наций – формировала ту атмосферу, на которой после Второй мировой войны будет выстроена новая система международного права, прямо ограничивающая произвол государств в отношении обеспечения прав человека. Именно эта международно-правовая концепция, закрепленная во Всеобщей декларации 1948 г. [15] и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [16], задаст те критерии соразмерности и необходимости налоговой обязанности, против которых советская налоговая политика в отношении религиозных конфессий не сможет выступать со столь же последовательным непринятием.

Изменение государственно-конфессиональной политики Советского Союза в 1940-е гг. при адаптации налогового регулятора к этому изменению

Однако известная непримиримость советской власти достаточно скоро угасла, уступив место поиску новой идеи консолидации общества, возвращения позабытых идей «традиционной» опоры государственной власти. Так, существенное изменение вектора государственно-конфессиональной политики происходит в 1943 г., когда практическая необходимость мобилизации духовных ресурсов в условиях Великой Отечественной войны побудила советское руководство к частичному восстановлению легальных рамок деятельности религиозных объединений (в понимании фактической возможности такой деятельности вообще). При этом в условиях нарастания объективной потребности сплочения Антигитлеровской коалиции советское руководство оказалось перед необходимостью качественно изменить отношения с западными союзниками, что могло бы быть достигнуто в том числе и через изменение отношения к религиозным конфессиям. И.В. Сталину требовалось упрочить свой авторитет среди союзников, снять с СССР репутацию «безбожного государства», вызывавшего обеспокоенность религиозных кругов Запада, тем более что на кону стояло открытие второго фронта, вопрос о котором должен был решиться на Тегеранской конференции в ноябре-декабре 1943 г. Именно к этому моменту была приурочена встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), в ходе которой было принято решение о восстановлении патриаршества, открытии духовных учебных заведений. В ходе встречи была достигнута договоренность о создании при СНК СССР Совета по делам Русской православной церкви [17], а 19 мая 1944 г. – Совета по делам религиозных культов, задачей которых (Советов) стало взаимодействие между правительством и религиозными объединениями всех конфессий [18]. Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. [19] разрешило производство церковной утвари и предметов культа, однако определило, что имущество, вновь приобретенное религиозными организациями, ставилось на учет местных органов власти, а, следовательно, не становилось полноценной собственностью религиозных обществ. Религиозным организациям был возвращен статус юридического лица – но в усеченном виде: право собственности на культовые здания по-прежнему не признавалось, они также передавались «в бесплатное и бессрочное пользование».

Налоговое регулирование этой легализации было оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» [20]. Ст. 19 Указа устанавливала максимальную ставку для «лиц, имеющих доходы от работы не по найму» – до 81% дохода (по прогрессивной шкале). Именно к этой категории были отнесены служители религиозного культа. Постановление Совета Министров СССР № 2584 от 3 декабря 1946 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» [21] прямо распространило действие ст. 19 Указа на священнослужителей и детализировало состав облагаемого дохода: доходы от совершения религиозных обрядов; доходы, получаемые от епархии; поступления от верующих –

как в денежной, так и в натуральной форме; доходы от строений и сельскохозяйственных угодий. Определенным послаблением стало то, что епископат, сотрудники епархиальных управлений, преподаватели духовных учебных заведений и певчие были переведены на налогообложение по ст. 5 Указа – как рабочие и служащие, по ставке 13%, а не 81%. Показательной стала и другая уступка особенностям организации религиозных обществ – советское правительство допускало освобождение от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан монахов и монахинь православных монастырей и монастырей других вероисповеданий, обязанных обетом безбрачия. Налогом по ст. 19 Указа облагались также регенты, органисты, члены исполнительных органов религиозных обществ и обслуживающий персонал религиозных строений. Сельские священники дополнительно привлекались к самообложению в размере 150 рублей, согласно Постановлению, ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. «О самообложении сельского населения» [22].

Следовательно, возможно заключить, что послевоенная легализация носила ограниченный характер. Религиозные организации получили право фактического существования в качестве участников общественной жизни, но именно налоговая политика, ранее не столь ярко выраженная в своем ограничении (имела значение существенного, но не единственного разрушителя экономической базы религиозных обществ), стала самым действенным регулятором недопущения роста значимости религии в советском обществе. Откровенно конфискационный характер ставки предполагал сделать отправление культа экономически обременительным. Ставка 81%, применяемая к служителям культа и приравнивающая их к категории «нетрудового элемента», не имела фискального обоснования – ее регуляторная функция состояла в том, чтобы поддерживать духовенство в состоянии постоянного экономического давления, обеспечения идеологической и политической верности, что, впрочем, при всей жесткости экономического принуждения было значительно лучше прямых репрессий прежнего периода в отношении верующих.

Возвращение к практикам применения налоговой обязанности в качестве инструмента ослабления религиозных объединений

В дальнейшем происходит новый поворот государственно-конфессиональной политики в направлении сегрегации религиозных объединений. С октября 1958 г. налоговое давление, ранее использованное в качестве серьезного ограничителя свободы деятельности религиозных объединений, было превращено в основной рычаг пресечения (или хотя бы значительного ограничения) деятельности конфессий как легальных участников общественной жизни. Постановление Совета Министров СССР № 1160 от 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [23] установило, что облагаемый подоходным налогом доход свечных мастерских определяется из расчета отпускной цены 200 рублей за килограмм свечей – за вычетом производственных затрат. Одновременно этим правовым актом отменялись льготы для монастырей по налогу со строений и земельной ренте, установленные Постановлением СНК СССР № 2215 от 29 августа 1945 г. Постановление было введено в действие задним числом – с 1 октября 1958 г., что не позволило религиозным объединениям «подготовиться» к подобным изменениям; многие монастыри столкнулись с кратным увеличением налоговой нагрузки, а возможность осуществления ими собственной деятельности была поставлена под вопрос.

Постановление Совета Министров СССР № 263 от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за соблюдением законодательства о культах» [24] отменило все льготы 1940-х годов и вернуло все налоговые категории священнослужителей и церковнослужителей в положение, приравненное к «некоопированным кустарям» с налогообложением по ст. 19 Указа 1943 г. – с максимальной ставкой прогрессивного налога 81%. Письмо Минфина СССР № 166 от 25 апреля 1961 г. [25] детализировало состав облагаемого дохода – в него были включены пособия и пенсии из касс религиозных объединений, наградные выплаты, оплата коммунальных услуг, стоимость вещевых подарков, содержание прислуги. От налога освобождались только пособия на лечение – один раз в год в сумме, не превышающей месячного дохода. Мусульманское духовенство также столкнулось с подобными ограничениями. В 1961 г. финансовые органы Дагестанской АССР обложили председателя Духовного управления мусульман Северного Кавказа налогом по ст. 19 Указа 1943 г. – около 800 рублей в год при месячном окладе 180 рублей (остаток дохода составлял 360 рублей). Руководство Духовного управления в письме в Совет по делам религиозных культов указывало на «непосильность» и «неправильность» такого налогообложения, отмечая, что с 1944 г. они приравнивались ко всем рабочим и служащим. Ходатайство было отклонено [26]. Налоги стали эффективным орудием законного ограничения прав граждан в религиозной сфере.

Международные обязательства Советского Союза в области прав человека в противоречии фактической реализации свободы совести и вероисповедания

Вместе с тем, к моменту наиболее интенсивного налогового давления на религиозные организации Советский Союз располагал уже формальными международными обязательствами в сфере свободы религии. В ст. 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. было определено право каждого на свободу мысли, совести и религии, включая свободу исповедовать свою религию «как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». В ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. указанное положение было подтверждено, а нормативно определенными обязательствами стало ограничение, отсылающее к тому, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит умалению, установленному законом, необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Седьмой принцип Хельсинкского заключительного акта 1975 г. [27], обязывал государства уважать «права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений».

Ни один из этих документов в своем системном характере не допускал использования налоговой обязанности как инструмента дискриминации по религиозному признаку. Тем не менее фактическая практика подобного принуждения оставалась неизменной. Постановление № 263 от 16 марта 1961 г. действовало на протяжении более чем двадцати лет после подписания Хельсинкских соглашений и ратификации Пакта. Ставка 81% по ст. 19 Указа 1943 г. применялась к служителям культа вплоть до 1981 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1980 г. [28] верхняя планка ставки была снижена с 81% до 69% – с переводом из категории «частное предпринимательство» в категорию «личные доходы». Однако это снижение не распространялось на доходы от производства и продажи предметов религиозного культа, которые по-прежнему облагались по ст. 19 Указа 1943 г.

Противоречие между международными обязательствами и внутренней политикой осознавалось на государственном уровне. В 1988 г. председатель Совета по делам религий К.М. Харчев направил в ЦК КПСС докладную записку, в которой прямо указал, что действующее законодательство «во многом устарело, имеет серьезные пробелы… в ряде случаев противоречит конституционным и общесоюзным нормам, имеет отступления от ленинских принципов отношения государства к религии, не соответствует международным правовым актам, ратифицированным СССР». Подобное отношение было оценено в качестве порождающего конфликты с верующими внутри страны и создающего для СССР проблемы в международных отношениях» [29, с. 118]. Достаточно известными стали обвинения Советского Союза в «безбожии» при возникновении вопроса оценки нарушения прав человека, в том числе и в противоречие взятым на себя международным обязательствам.

Демонтаж конфискационного налогового режима и построение новой модели государственно-конфессиональных отношений

Процесс демонтажа конфискационного налогового режима происходит в перестроечный период. Постановление Совета Министров СССР № 780 от 6 августа 1990 г. [30] признало утратившими силу с 1 июля 1990 г. ключевые положения постановлений № 2584 (1946 г.) и № 284 (1963 г.) – нормативная база дискриминационного налогообложения служителей культа была ликвидирована. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. [31] стал первым в истории СССР общесоюзным законом о кооперационной конфессиональной политике. Ст. 18 Закона устанавливала, что финансовые и имущественные пожертвования, а равно иные доходы религиозных организаций налогами не облагаются (в дополнение к закреплению иных имущественных прав религиозных объединений). Ст. 26 Закона приравняла налогообложение доходов от работы в религи-

озных организациях, включая священнослужителей, к ставкам, установленным для рабочих и служащих государственных предприятий, что исключило оценки деятельности священнослужителей и служителей культа в качестве деятельности «лиц с нетрудовыми доходами». Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. [32] закрепил те же принципы на республиканском уровне – имущественные и финансовые пожертвования не подлежали налогообложению, а доходы от работы в религиозных объединениях облагались по ставкам для рабочих и служащих.

Завершением этого масштабного перехода стало принятие Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [33]. Закон признал право собственности религиозных организаций на культовые здания, земельные участки, предметы религиозного назначения и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности. Согласно ч. 3 ст. 4 Федерального закона государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот. Налоговый кодекс Российской Федерации [34] впоследствии конкретизировал эти положения – религиозные организации были освобождены от налога на имущество в отношении имущества, используемого для осуществления религиозной деятельности. Таким образом, была сформирована принципиально новая модель, в которой налоговая обязанность перестала быть инструментом ограничения свободы совести и приобрела характер стандартного фискального обязательства, учитывающего «неприбыльную» природу религиозной деятельности.

Заключение.

При оценке соответствия налоговой политики Советского Союза международным принципам защиты прав человека (как критерий понимания соразмерности и обоснованности применения налогового режима) возможно отметить, что указанная политика представляет собой один из наиболее показательных в истории XX в. примеров использования фискального инструмента не для извлечения доходов государства, обеспечения общего блага, а для целенаправленного подавления международного закрепленного права на свободу совести и вероисповедания. На протяжении почти всего советского периода налоговая обязанность религиозных объединений формировалась и применялась как средство экономического истощения, разрушения религиозной жизни. Стоит отметить, что указанная практика сохраняла свой репрессивный характер даже при отказе от «восприятия» религиозных объединений как юридических лиц.

Правовой фундамент налогового подавления был образован из нескольких институциональных элементов. Первого – лишения религиозных организаций права собственности и статуса юридического лица (Декрет 1918 г.), что поставило культовые здания и предметы культа в положение общественного (оно же государственного) имущества, переданного верующим лишь «в бесплатное пользование». Второго – налогообложения богослужебного и иного культового имущества, которым религиозная организация не владела, но за которое несла финансовую ответственность, с правовым последствием в виде конфискации при неуплате (Циркуляр НКФ СССР № 398 1929 г.). Третьего – приравнивания служителей культа к категории «нетрудового элемента» с применением максимальных налоговых ставок – от произвольно завышенных сельхозналогов и самообложения 1930-х гг. до ставки 81% по ст. 19 Указа 1943 г., действовавшей с 1946 по 1981 г. Четвертого – специального налогообложения материальной базы религиозных объединений, имевших единственно существенный характер обеспечения собственной деятельности – свечного производства, предметов религиозного назначения, доходов монастырей. Пятого – включения в облагаемый доход всех форм материального обеспечения священнослужителя: от обыкновенных пожертвований верующих до стоимости вещевых подарков и оплаты коммунальных услуг (Письмо Минфина № 166 1961 г.). Полагаем, что совокупность этих институциональных элементов создавала систему, в которой налоговая обязанность не просто ограничивала свободу религии – она делала осуществление этой свободы экономически невозможным для значительной части религиозных объединений и их служителей; заставляла священнослужителей быть «лояльными» правящей власти для сохранения средств своего существования и хотя бы базового продолжения служения культу. Религиозная деятельность, по своей природе «неприбыльная» и опирающаяся на добровольные пожертвования верующих, оказывалась особенно уязвимой для фискального давления именно потому, что у религиозных организаций не было коммерческого дохода, из которого можно было бы компенсировать налоговое бремя в ее достаточном размере.

Из подобного изучения следует, что Советский Союз своей практикой установления конфискационной налоговой политики противоречил требованиям международного стандарта соразмерного и обоснованного налога, предпочтя применение налоговой обязанности в качестве скрытого инструмента лишения права на реализацию одного из прав человека. Современное международное право, сформировавшееся после Второй мировой войны, выстроило систему критериев, которая позволяет оценивать налоговую политику государства не только с позиций фискальной эффективности, но и с позиций ее соответствия обязательствам по защите прав человека (в том числе и контексте добровольного ограничения государством своего произвола). Применение этих критериев к советской налоговой практике в отношении религиозных конфессий позволяет указать, что налоговая обязанность использовалась как средство принуждения, умаляющее свободу придерживаться какой-либо религии и свободно исповедовать ее. Этот опыт остается важным примером для международно-правовой оценки пределов налоговой компетенции государства в условиях, когда налоговое бремя способно свести реализацию фундаментального права до состояния фактической невозможности.

Литература

1. Гуркин А.С. Регулятивная функция налога и регулятивная функция налогового права: соотношение понятий // Налоги и налогообложение. — 2011. — № 5. — С. 51-56.
2. Чайковская Л.А., Опарина С.И. Финансирование и налогообложение религиозных конфессий в светском государстве // Финансы и кредит.- 2013. - № 10 (538). - С. 20-25.
3. Декрет СНК от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. - 1918. -№ 18. - Ст. 263.
4. Целищев Н.Н. Против буржуазных и ревизионистских извращений сущности пролетарского интернационализма // Вопросы истории КПСС. - 1976. - № 11. - С. 31-42.
5. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 24 августа 1918 года № 685 «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. - 1918. - № 62-63. — Ст. 664.
6. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917-1938). - М.: Готика, 1999. — 428 с.
7. Шкаровский М.В. История Римско-Католической Церкви на Северо-Западе России в 1917-1941 гг. по документам петербургских архивов // Электронный научно-образовательный журнал «История». - 2018. - № 4 (68). — С. 5.
8. Письмо В.И. Ленина Молотову В.М. для членов Политбюро ЦК РКП(б) о борьбе с голодом от 19 марта 1922 г. // ЦПА ИМЛ (РГАСПИ). - Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 22947.
9. Постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. - 1929. - № 35. - Ст. 353.
10. Циркуляр Наркомфина СССР № 398 от 10 сентября 1929 г. «О порядке обложения местными налогами зданий, предназначенных для культовых целей» // Бюллетень НКВД РСФСР. 1930. № 11. С. 197.
11. Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 года «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1929. № 32. - Ст. 284.
12. Памятная записка Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР. № 525. 19 февраля 1930 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг.: сб. в 2 ч. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994.
13. Хирограф Пия XI «Ci commuovono profondamente» кардиналу Базилио Помпили, викарию Рима, о гонениях в России (1930) // Acta Apostolicae Sedis. -930. Vol. 22. P. 89-93.

14. Пашуканис Е.Б. Вступление СССР в Лигу Наций // Советское государство. 1934. № 6. С. 23-28.

15. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апр. № 80.

16. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

17. Постановление СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР» // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953: документы российских архивов: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1: 1944-1948. С. 40-41.

18. Постановление СНК СССР от 19 мая 1944 г. № 572 «Об организации Совета по делам религиозных культов» // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953: документы российских архивов: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1: 1944-1948. С. 50-51

19. Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137-546с «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: сборник документов. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2009. С. 474-475.

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1943. — № 18.

21. Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» // Законодательство о религиозных культах. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1981. - С. 47- 48.

22. Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1937 г. № 108/1576 «О самообложении сельского населения» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. - 1937. - № 60. - Ст. 258.

23. Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. № 1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» // Собрание действующего законодательства СССР. -Т. 14. - С. 368.

24. Постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» // Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. - Нью-Йорк: Chalidze Publications, - 1981. - С. 54-56.

25. Письмо Министерства финансов СССР от 25 апреля 1961 г. № 166 о составе облагаемого дохода служителей религиозных культов // Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. — Нью-Йорк: Chalidze Publications, - 1981. - С. 56-58.

26. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975) // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1975. -№ 33. - Ст. 486.

27. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ставках подоходного налога для служителей религиозных культов и других лиц, участвующих в совершении религиозных обрядов» (1980) // Ведомости Верховного Совета СССР.- 1980. - № 48.

28. Харчев К.М. Записка Совета по делам религий при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о реформах в сфере государственно-церковных отношений от 15 апреля 1988 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 кн. / сост. Г. Штриккер. - М.: Пропилеи, 1995. -Кн. 2. - 400 с.

29. Постановление Совета Министров СССР от 6 августа 1990 г. № 780 «О признании утратившими силу решений Правительства СССР в связи с Законом СССР "О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства"» // Собрание постановлений Правительства СССР. - 1990. - № 19. - Ст. 100.

30. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. № 1689-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1990. - № 41. - Ст. 813.

31. Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. № 267-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1990.- № 21. - Ст. 240.

32. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 39.- Ст. 4465.

33. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.

Taxation obligations as a means of restricting the right to freedom of conscience and religion in the Soviet Union: the aspect of conflict with international human rights principles

Antipova E.P., Vdovichenko S.S.

North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Evaluating any historical period is valuable not only for the sake of understanding the past but also for identifying real threats to the present. In this context, the tax obligation takes on special significance as a matter that must be properly addressed within the framework of lawful state activity. Such an assessment can be achieved through an objective understanding of the essence of the tax policy being implemented, while constantly comparing its manifestations with international principles regarding the protection of human rights.

The aim and objectives of this study are to systematize the regulatory framework governing the tax obligations of religious associations in the Soviet Union and to compare this system with the understanding of international human rights principles. To achieve this aim, it was necessary to compare regulatory acts with other historically significant sources, trace the evolution of Soviet tax policy throughout the state's existence, identify the confiscatory nature of these tax obligations, and draw a general conclusion regarding the use of tax obligations to curtail the human right to freedom of conscience and religion.

Methods: historical-legal analysis, comparative legal method, systems approach, analysis of specific examples (normative legal acts of the Soviet period, international instruments in the field of human rights protection).

Results. The study identifies five institutional principles that rendered Soviet tax policy criminal in nature: legal classification, the imposition of tax liabilities for assets falling outside the scope of property rights, the treatment of clergy as "non-labor elements," the prohibition of integrated production chains within unified church structures, and the minimization of clergy income. It is demonstrated that these mechanisms targeted the Church and aimed to curtail the right to freedom of conscience and religion, rather than serving the purpose of securing state revenue. This analysis leads to the conclusion that the Soviet Union employed a confiscatory tax policy that violated international standards requiring taxation to be proportionate and justified, effectively using tax obligations as a covert instrument to deprive individuals of a fundamental human right.

Scope of application. The results obtained can be used in the further assessment of tax policy organization in other countries, in the norm-setting activities of international organizations aimed at establishing objective criteria for classifying tax policy as discriminatory, and in educational courses on international law and norm-setting.

Keywords: tax obligation, religious associations, state-confessional policy, right to freedom of conscience and religion, human rights, international principle.

References

1. Gurkin A.S. The regulatory function of tax and the regulatory function of tax law: correlation of concepts // Taxes and Taxation. — 2011. — No. 5. — Pp. 51-56.
2. Tchaikovskaya L.A., Oparina S.I. Financing and taxation of religious confessions in a secular state // Finance and Credit. — 2013. — No. 10 (538). — Pp. 20-25.
3. Decree of the Council of People's Commissars of January 23, 1918 "On separation of church from state and school from church" // Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. — 1918. — No. 18. — Art. 263.
4. Tselishchev N.N. Against bourgeois and revisionist distortions of the essence of proletarian internationalism // Issues of the History of the CPSU. — 1976. — No. 11. — Pp. 31-42.
5. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of August 24, 1918 No. 685 "On the procedure for implementing the decree 'On separation of church from state and school from church'" // Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. — 1918. — No. 62-63. — Art. 664.
6. Litsenberger O.A. The Evangelical Lutheran Church and the Soviet State (1917–1938). — Moscow: Gotika, 1999. — 428 p.
7. Shkarovsky M.V. History of the Roman Catholic Church in North-West Russia in 1917–1941 according to documents of St. Petersburg archives // Electronic research and educational journal "History". — 2018. — No. 4 (68). — P. 5.
8. Letter of V.I. Lenin to V.M. Molotov for members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) on combating famine of March 19, 1922 // TsPA IML (RGASPI). — F. 2. — Op. 1. — D. 22947.
9. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 8, 1929 "On religious associations" // Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. — 1929. — No. 35. — Art. 353.

Свобода слова как конституционно-правовая категория: понятие и содержание в эпоху цифровизации

Васильев Кирилл Владимирович
Аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия, vaskirill66@gmail.com

Статья посвящена исследованию свободы слова как конституционно-правовой категории в условиях цифровизации. Традиционные доктринальные представления о содержании данной конституционной свободы, сложившиеся применительно к печатным и эфирным средствам массовой информации, не в полной мере учитывают специфику её реализации в социальных сетях, мессенджерах и иных цифровых каналах коммуникации, а также роль операторов цифровых платформ как новых участников соответствующих правоотношений. Цель исследования – уточнить понятие и раскрыть содержание свободы слова как конституционно-правовой категории применительно к условиям цифровизации. С использованием формально-юридического и системного методов охарактеризована юридическая природа свободы слова, включая её негативное и позитивное измерения и коммуникационный характер, проанализированы доктринальные подходы к соотношению понятий «свобода слова» и «право на информацию», рассмотрена структура данной категории, включающая субъект, объект, содержание и пределы, выявлены основные направления трансформации содержания свободы слова под влиянием цифровизации. Установлено, что цифровизация не изменяет конституционно-правовую природу свободы слова, однако качественно меняет структуру соответствующего правоотношения: наряду с государством и носителем свободы в нём появляется оператор цифровой платформы, к которому частично смещается функция определения пределов свободы слова, что обусловливает необходимость выработки дополнительных конституционных гарантий для пользователя.

Ключевые слова: свобода слова; конституционно-правовая категория; цифровизация; право на информацию; цифровые платформы; модерация контента; пределы конституционных прав и свобод; искусственный интеллект; конституционные гарантии.

Введение

Статья 29 Конституции Российской Федерации[1] закрепляет свободу мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. Между тем данная норма принималась в условиях принципиально иного уровня развития информационных технологий, нежели существующий в настоящее время. Как отмечает С.М. Шахрай, формирование цифрового общества опережает создание эффективных правовых регуляторов новой реальности, что требует выработки механизмов защиты основных, в том числе конституционных, прав и свобод личности в цифровом мире[2].

За последние два десятилетия развитие социальных сетей, мессенджеров, платформ пользовательского контента, систем искусственного интеллекта, генерирующих тексты, изображения и видео, существенно изменило способы и субъектный состав реализации свободы слова. Если ранее носителями функции распространения информации выступали преимущественно традиционные средства массовой информации (печатные издания, телевидение, радио), действующие в рамках специального правового регулирования, то сегодня каждый обладатель доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» получает возможность выступать в качестве распространителя информации, оказывающего влияние на неопределённый круг лиц.

Указанные изменения порождают комплекс теоретических и практических проблем конституционно-правового характера. Во-первых, остаётся дискуссионным вопрос о содержании и границах самой категории «свобода слова» применительно к новым формам её реализации, таким как публикации в социальных сетях, комментарии, стриминговый контент, автоматизированно генерируемые тексты. Во-вторых, требует переосмысления соотношение конституционных гарантий и фактического регулирования коммуникации со стороны цифровых платформ, чьи правила модерации контента нередко определяют пределы реализации свободы слова эффективнее, чем нормы позитивного права.

Доктринальные подходы к пониманию и содержанию свободы слова как конституционно-правовой категории

В конституционно-правовой науке свобода слова традиционно рассматривается не просто как одно из субъективных прав, а как комплексная конституционно-правовая категория, обладающая сложной юридической природой. Она сочетает в себе черты личной и политической свободы, выступая одновременно гарантией автономии личности в интеллектуальной сфере и необходимым условием функционирования демократического общества и идеологического многообразия. Л.М. Большаков подчеркивает, что «такая оценка свободы слова с уходом исключительно от позитивистского или естественного понимания права более точно выражает ее сущность и содержание»[3]. Комплексный характер свободы слова подтверждается и практикой Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, в Постановлении от 04 декабря 2025 года № 43-П[4] подчеркивается, что свобода слова – это не только гарантированная государством возможность беспрепятственно выражать свои суждения, но и условие эффективности общественного контроля за действиями публичной власти.

Большинство исследователей отмечают, что свобода слова имеет преимущественно негативный характер: она требует от государства воздержания от вмешательства в процесс формирования и выражения мнений. Следует согласиться с В.А. Кочевым и А.Б. Эктумаевым, что «свобода слова обеспечивает защиту от произвольного вмешательства государства в важнейшую сферу человеческой

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. — 2020. — 4 июля. — № 144.
[2] Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1075.

[3] Большаков Л.М. Понятие и признаки конституционной свободы слова с позиции интегративного подхода // Проблемы права. 2021. № 4 (83). С. 16.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны» // Официальный интернет-портал правовой информации. 05.12.2025. № 0001202512050001. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512050001 (дата обращения: 01.10.2026)

жизни – коммуникацию»[1]. А.С. Кульнев, рассматривая свободу слова как негативную свободу личности, отмечает, что «перед негативной свободой слова стоят исключительно правовые цели – контроль за цензорскими действиями государства»[2].

Вместе с тем в современной доктрине всё чаще подчёркивается наличие у неё и позитивного измерения, связанного с обязанностью государства создавать условия для реального осуществления этой свободы, включая обеспечение доступа к информации и защиту от неправомерных ограничений со стороны частных субъектов (в том числе цифровых платформ). В.Д. Зорькин обращает внимание, что, с одной стороны, государство должно осуществлять контроль за соблюдением прав человека в информационной среде, при этом, с другой стороны, меры противодействия нарушениям не должны превращаться в чрезмерные ограничения[3].

Важной характеристикой свободы слова как конституционно-правовой категории является её коммуникационная природа. Она защищает не только внутренний процесс формирования мнения, но и его внешнее выражение, направленное на установление социальной связи с другими лицами. На это единство внутреннего и внешнего аспектов обращал внимание М.В. Баглай, по мнению которого «свобода слова – это не только право говорить все что угодно, но и сумма убеждений, мнений, идей»[4]. Схожая позиция также представлена в научных трудах В.А. Лебедева, по мнению которого свобода слова «выражается в свободе идей, мнений, убеждений, гарантии их беспрепятственного гласного выражения»[5]. Именно поэтому в условиях цифровизации, когда коммуникация приобретает массовый и опосредованный платформами характер, содержание данной категории неизбежно претерпевает трансформацию.

Для уяснения содержания данной категории необходимо учитывать, что в конституционно-правовой доктрине и в законодательстве используется ряд смежных, но не тождественных понятий: «свобода слова», «свобода мысли», «свобода выражения мнения», «свобода массовой информации», «право на информацию».

Статья 29 Конституции Российской Федерации объединяет в своём содержании несколько самостоятельных, хотя и взаимосвязанных правомочий: свободу мысли и слова (часть 1), запрет принуждения к выражению или отказу от мнений и убеждений (часть 3), а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию (часть 4). В доктрине не сложилось единого подхода к тому, следует ли рассматривать перечисленные правомочия как элементы единой комплексной категории либо как самостоятельные, хотя и тесно связанные между собой конституционно-правовые категории.

Часть исследователей исходит из узкого понимания свободы слова, ограничивая её собственно возможностью выражения мнений, суждений и оценок, и разграничивая её с правом на информацию как самостоятельным правомочием, имеющим иной объект (сведения, факты) и иную функциональную нагрузку. Данной позиции придерживается, в частности, А.Б. Эктумаев, по мнению которого «права, перечисленные в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, следует интерпретировать как отдельные правомочия, составляющие в совокупности конституционное право на свободу информации, которое обладает особым юридическим содержанием»[6]. Другая группа авторов придерживается широкого подхода и рассматривает свободу слова как родовую категорию, охватывающую весь комплекс правомочий, связанных с выражением и распространением информации, включая её поиск, получение и передачу. Значительный вклад в разработку вопроса о соотношении свободы слова с правом на информацию внёс С.Н. Шевердяев, по мнению которого закреплённое в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ право на информацию выступает проявлением традиционных свобод мысли и слова, а не самостоятельным субъективным правом[7]. Аналогичное мнение высказывает и Г.Д. Садовникова, подчеркивая, что свобода информации является элементом свободы мысли и слова[8].

Представляется, что для целей настоящего исследования оправдан широкий подход, поскольку в цифровой среде грань между «выражением мнения» и «распространением информации» практически стирается: один и тот же акт коммуникации (например, публикация поста в социальной сети) одновременно может содержать и оценочное суждение, и фактические сведения, и элемент их дальнейшего распространения.

В структуре свободы слова как конституционно-правовой категории целесообразно выделять следующие элементы:

субъект – по общему правилу каждый (часть 4 статьи 29 Конституции РФ), однако цифровая среда актуализирует вопрос о специфике реализации данной свободы отдельными категориями субъектов, в частности, несовершеннолетними, анонимными пользователями, автоматизированными системами (ботами), а также вопрос о роли новых операторов социальных сетей и иных информационных платформ;

объект – мысли, мнения, суждения, оценки, а также информация в широком смысле, независимо от формы её фиксации и способа распространения;

содержание – совокупность правомочий по поиску, получению, передаче, производству и распространению информации, а также правомочие придерживаться собственных убеждений и не подвергаться принуждению к их выражению или отказу от них;

пределы (ограничения) – установленные частью 3 статьи 55 Конституции РФ основания и порядок ограничения прав и свобод, а также специальный перечень ограничений, вытекающий из смысла статьи 29 (запрет пропаганды и агитации, возбуждающей ненависть и вражду, запрет цензуры при одновременном сохранении возможности ограничения тайны переписки и иных сообщений на основании судебного решения).

Именно пределы реализации свободы слова приобретают наибольшую специфику в условиях цифровизации, поскольку традиционные механизмы установления границ свободы слова (законодательный запрет, судебный контроль) дополняются принципиально новыми технологическими и локально-нормативными (правила платформ, алгоритмическая модерация) механизмами, природа которых с точки зрения конституционного права требует самостоятельного осмысления. А.А. Щербович подчеркивает, что «модерация на интернет-ресурсах является формой ограничения свободы слова в специфических условиях Всемирной сети»[9].

Трансформация содержания свободы слова в эпоху цифровизации

Содержание свободы слова как конституционно-правовой категории, сформировавшееся в доктрине применительно к традицион-

---

[1] Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 140–141.

[2] Свобода слова в современном обществе : конституционно-правовая теория и судебная практика : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.2. / Кульнев Александр Сергеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» ; Диссовет МГУ.051.4]. - Москва, 2025. – С. 15-16.

[3] Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 02.10.2026)

[4] Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2027. — С. 240. — DOI 10.12737/1905055. - ISBN 978-5-00156-272-6. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2262687 (дата обращения: 01.10.2026)

[5] Лебедев, Валериан Алексеевич. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Лебедев, И. Г. Дудко, Д. Л. Кутейников ; под общей редакцией В. А. Лебедева ; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — Москва : Проспект, 2021. — С. 62.

[6] Эктумаев, А. Б. Соотношение свободы слова и свободы информации / А. Б. Эктумаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4(14). – С. 49.

[7] См., напр.: Шевердяев С.Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. 2001. № 10. С. 91–100.

[8] Садовникова, Г. Д. Комментарий к Конституции РФ : постатейный / Г. Д. Садовникова. — 12-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — С. 45. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-15856-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/535409 (дата обращения: 06.10.2026)

[9] Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики"]. - Москва, 2013. – С. 8.

ным формам коммуникации, в условиях цифровизации претерпевает существенную трансформацию по нескольким направлениям: расширяется круг субъектов, реализующих данную свободу, изменяются формы ее осуществления, трансформируется сама природа механизмов, определяющих пределы ее реализации. Следует согласиться с Е.В. Лунгу, что «внедрение цифровых технологий в сферу реализации прав и свобод человека носит неоднозначный характер, приводящий к размыванию устоявшихся представлений о конституционных правах и свободах человека»[1].

Традиционная модель регулирования свободы слова строилась на дифференцированном подходе к статусу субъектов, при этом массовое распространение информации было прерогативой средств массовой информации, деятельность которых подчинялась специальному правовому режиму. В то же время индивидуальное высказывание гражданина регулировалось общими нормами о свободе слова с минимальными формальными ограничениями. Цифровизация стирает эту границу: пользователь социальной сети одновременно реализует индивидуальное право на выражение мнения и фактически осуществляет функцию, ранее присущую средствам массовой информации, не обладая при этом ни соответствующим специальным статусом, ни связанными с ним обязанностями. Данное обстоятельство порождает не разрешённый однозначно в законодательстве вопрос о том, в каком объёме на субъектов подобной массовой коммуникации должны распространяться требования, аналогичные предъявляемым к традиционным СМИ.

Наряду с традиционными формами реализации свободы слова, такими как устное высказывание или печатная публикация, появляются качественно новые способы выражения мнений и распространения информации. К ним можно отнести публикации и комментарии в социальных сетях, видео- и аудиостриминг, а также контент, полностью или частично созданный с использованием технологий искусственного интеллекта. Применительно к такому контенту доктрина пока не даёт однозначного ответа на вопрос о том, можно ли считать субъектом реализации свободы слова лицо, инициировавшее генерацию текста или изображения нейросетью, а также распространяется ли конституционная гарантия на сам сгенерированный контент.

Ключевой особенностью цифровой эпохи является трансформация механизмов установления пределов свободы слова. Наиболее значимое изменение состоит в том, что традиционные механизмы ограничения свободы слова дополняются принципиально новым видом регулирования – модерацией контента, осуществляемой самими цифровыми платформами на основании собственных пользовательских соглашений и внутренних политик. Показательным примером сближения публично-правового и частного регулирования в данной сфере служит статья 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Данная норма возлагает на владельцев социальных сетей обязанность самостоятельно отслеживать содержание размещаемой пользователями информации, фактически придавая функции модерации, ранее относившейся к сфере автономного усмотрения частных операторов, характер публично-правовой обязанности. Как справедливо отмечает А.Э. Булгаков, «по существу платформы подменяют государство на позиции главного гаранта прав и свобод человека в цифровом пространстве, в том числе свободы слова»[3].

Подобная конструкция порождает существенную теоретическую проблему: пределы свободы слова начинают определяться не только государством напрямую (через закон и суд), но и опосредованно – через возлагаемую на частных операторов обязанность самостоятельно квалифицировать контент как правомерный или неправомерный, что смещает функцию, традиционно относимую к исключительной прерогативе публичной власти, в сферу принятия решений частным субъектом, зачастую действующим на основании неформализованных или непубличных критериев (алгоритмов модерации). Как отмечает Я.С. Флитер, «в целях правового регулирования свободы слова и контроля за ее реализацией гражданами государство перекладывает часть своих полномочий на интернет-компании, поскольку последние обладают большими мощностями для проведения той или иной политики»[4].

Это ставит перед конституционно-правовой наукой вопрос о необходимости выработки дополнительных гарантий для пользователя как более слабой стороны подобных правоотношений, включая право на мотивированное объяснение решения о блокировке контента и право на его оспаривание, а также о пределах допустимого делегирования квазипубличных функций частным операторам цифровых платформ.

Изложенное позволяет заключить, что цифровизация не просто расширяет технические возможности реализации свободы слова, но качественно меняет структуру правоотношения: наряду с классической связкой «государство – носитель права» появляется третий, институционально значимый субъект – оператор цифровой платформы, присутствие которого требует самостоятельного конституционно-правового осмысления и не в полной мере укладывается в традиционную доктринальную модель.

Литература

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2027. — 768 с.

2. Большаков, Л. М. Понятие и признаки конституционной свободы слова с позиции интегративного подхода / Л. М. Большаков // Проблемы права. — 2021. — № 4 (83). — С. 15–19.

3. Булгаков, А. Э. Особенности действия конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях (опыт России и зарубежных стран) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.2 / Булгаков Андрей Эдуардович. — Москва, 2024. — 257 с.

4. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2018. — 29 мая. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 02.10.2026). — Текст : электронный.

5. Кочев, В. А. Право на свободу слова как основное право / В. А. Кочев, А. Б. Эктумаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 36. — С. 134–142.

6. Кульнев, А. С. Свобода слова в современном обществе : конституционно-правовая теория и судебная практика : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.2 / Кульнев Александр Сергеевич. — Москва, 2025. — 33 с.

7. Лебедев, В. А. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Лебедев, И. Г. Дудко, Д. Л. Кутейников ; под общей редакцией В. А. Лебедева. — Москва : Проспект, 2021. — 176 с.

8. Лунгу, Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений / Е. В. Лунгу // Lex russica. — 2025. — Т. 78, № 3. — С. 86–97.

9. Садовникова, Г. Д. Комментарий к Конституции РФ : постатейный / Г. Д. Садовникова. — 12-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 262 с. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-15856-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт. — URL: https://urait.ru/bcode/535409 (дата обращения: 06.10.2026).

10. Флитер, Я. С. Реализация свободы слова в цифровой среде / Я. С. Флитер // Цифровое право. — 2021. — Т. 2, № 3. — С. 55–70.

11. Шахрай, С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе / С. М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. — 2018. — Т. 88, №

[1] Лунгу Е.В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 86.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[3] Булгаков А.Э. Особенности действия конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях (опыт России и зарубежных стран): дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 5.

[4] Флитер Я.С. Реализация свободы слова в цифровой среде // Цифровое право. 2021. Т. 2, № 3. С. 63.

12. — С. 1075–1082.

12. Шевердяев, С. Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности / С. Н. Шевердяев // Право и политика. — 2001. — № 10. — С. 91–100.

13. Щербович, А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.02 / Щербович Андрей Андреевич. — Москва, 2013. — 26 с.

14. Эктумаев, А. Б. Соотношение свободы слова и свободы информации / А. Б. Эктумаев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2011. — № 4 (14). — С. 45–52.

Freedom of speech as a constitutional law category: concept and content in the era of digitalization

Vasilyev K.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines freedom of speech as a constitutional law category under conditions of digitalization. Traditional doctrinal conceptions of the content of this constitutional freedom, formed in relation to print and broadcast media, do not fully account for the specifics of its exercise on social networks, messengers, and other digital communication channels, nor for the role of digital platform operators as new participants in the relevant legal relations. The purpose of the study is to clarify the concept and disclose the content of freedom of speech as a constitutional law category under conditions of digitalization. Using formal-legal and systemic methods, the article characterizes the legal nature of freedom of speech, including its negative and positive dimensions and its communicative character, analyzes doctrinal approaches to the relationship between "freedom of speech" and "the right to information," examines the structure of this category, comprising the subject, object, content, and limits, and identifies the main directions in which digitalization transforms the content of freedom of speech. It is established that digitalization does not alter the constitutional legal nature of freedom of speech but qualitatively changes the structure of the corresponding legal relationship: alongside the state and the holder of the freedom, the digital platform operator emerges as a participant to whom the function of determining the limits of freedom of speech is partially shifted, which calls for additional constitutional guarantees for the user.

Keywords: freedom of speech; constitutional law category; digitalization; right to information; digital platforms; content moderation; limits of constitutional rights and freedoms; artificial intelligence; constitutional guarantees.

References

1. Baglay, M. V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook / M. V. Baglay. — 14th ed., revised and supplemented. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2027. — 768 p.

2. Bolshakov, L. M. The Concept and Characteristics of Constitutional Freedom of Speech from the Perspective of an Integrative Approach / L. M. Bolshakov // Problems of Law. — 2021. — No. 4 (83). — pp. 15–19.

3. Bulgakov, A. E. Specifics of the Application of Constitutional and Legal Guarantees for Freedom of Speech on Social Media (Experience of Russia and Foreign Countries): Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 5.1.2 / Andrey Eduardovich Bulgakov. — Moscow, 2024. — 257 p.

4. Zorkin, V. D. Law in the Digital World: Reflections on the St. Petersburg International Legal Forum / V. D. Zorkin // Rossiyskaya Gazeta. — 2018. — May 29. — URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (accessed: 02.10.2026). — Text: electronic.

5. Kochev, V. A. The Right to Freedom of Speech as a Fundamental Right / V. A. Kochev, A. B. Ektumaev // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2017. — Issue 36. — pp. 134–142. 6. Kulnev, A. S. Freedom of Speech in Modern Society: Constitutional-Legal Theory and Judicial Practice : Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences : 5.1.2 / Alexander Sergeyevich Kulnev. — Moscow, 2025. — 33 p.

7. Lebedev, V. A. Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation : Study Guide / V. A. Lebedev, I. G. Dudko, D. L. Kuteynikov ; edited by V. A. Lebedev. — Moscow : Prospekt, 2021. — 176 p.

8. Lungu, E. V. Constitutional Human Rights and Freedoms in the Context of the Digitalization of Social Relations / E. V. Lungu // Lex Russica. — 2025. — Vol. 78, No. 3. — pp. 86–97.

9. Sadovnikova, G. D. Commentary on the Constitution of the Russian Federation : Article-by-Article / G. D. Sadovnikova. — 12th ed., revised and supplemented. — Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. — 262 p. — (Professional Commentaries). — ISBN 978-5-534-15856-4. — Text : electronic // Yurayt Educational Platform. — URL: https://urait.ru/bcode/535409 (accessed: 06.10.2026).

10. Fliter, Ya. S. The Exercise of Freedom of Speech in the Digital Environment / Ya. S. Fliter // Digital Law. — 2021. — Vol. 2, No. 3. — pp. 55–70. 11. Shakhray, S. M. Digital Constitution: Fundamental Rights and Freedoms of the Individual in a Totally Information-Based Society / S. M. Shakhray // Herald of the Russian Academy of Sciences. — 2018. — Vol. 88, No. 12. — pp. 1075–1082.

12. Sheverdyaev, S. N. The Right to Information: On the Question of Its Constitutional and Legal Essence / S. N. Sheverdyaev // Law and Politics. — 2001. — No. 10. — pp. 91–100.

13. Shcherbovich, A. A. Constitutional Guarantees of Freedom of Speech and the Right of Access to Information on the Internet : Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences : 12.00.02 / Shcherbovich, Andrey Andreyevich. — Moscow, 2013. — 26 p.

14. Ektumaev, A. B. The Relationship Between Freedom of Speech and Freedom of Information / A. B. Ektumaev // Perm University Herald. Juridical Sciences. — 2011. — No. 4 (14). — pp. 45–52.

Влияние злоупотребления правом на течение и восстановление срока исковой давности: проблемы теории и практики

Дахов Юрий Викторович
Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», dahoff@mail.ru

Статья посвящена коллизии двух начал российского гражданского права — правовой определённости, воплощённой в институте исковой давности, и добросовестности, стоящей за запретом злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Опираясь на акты Конституционного Суда РФ 2020–2024 гг., практику Верховного Суда РФ и труды В.П. Грибанова, И.А. Покровского, С.В. Мусарского, А.Г. Карапетова, автор обосновывает тезис о том, что заявление ответчика о пропуске срока есть реализация субъективного права и потому подпадает под режим п. 1 ст. 10 ГК РФ. Выделены три модели судебной реакции на недобросовестное давностное возражение: отказ в применении давности как санкция, корректировка момента начала течения срока через п. 1 ст. 200 ГК РФ, квалификация противоречивого поведения истца через эстоппель. Отдельно рассмотрено влияние злоупотребления правом на восстановление срока по ст. 205 ГК РФ. Сделан вывод о необходимости сдержанного применения ст. 10 ГК РФ к институту давности при неприкосновенности объективного десятилетнего срока.

Ключевые слова: исковая давность, злоупотребление правом, добросовестность, эстоппель, восстановление срока, статья 10 ГК РФ, статья 200 ГК РФ, статья 205 ГК РФ, объективный срок, шикана.

Российское правопонимание исковой давности за последние пять лет заметно изменилось. Серия постановлений Конституционного Суда РФ — от 15 апреля 2020 г. № 18-П, от 4 июля 2022 г. № 27-П, от 26 февраля 2024 г. № 8-П и от 31 октября 2024 г. № 49-П — зафиксировала тренд, ещё недавно казавшийся невозможным: формальное применение давностных сроков перестало быть абсолютной ценностью [4; 5; 6; 7]. Суд вправе (а иногда обязан) заглянуть за процессуальную вывеску и оценить, не превращается ли правило о давности в орудие закрепления несправедливости.

Проблема конкретна. Ответчик заявляет о пропуске срока — формально безупречно, по п. 2 ст. 199 ГК РФ. Но что, если заявление есть финальный шаг стратегии, выстроенной на введении истца в заблуждение, сокрытии обстоятельств, имитации переговоров? Допустимо ли через ст. 10 ГК РФ заблокировать давностное возражение или скорректировать момент начала течения срока по п. 1 ст. 200 ГК РФ? И как это отражается на институте восстановления давности (ст. 205 ГК РФ), упоминающем лишь «уважительные причины», связанные с личностью истца? Цель настоящей работы — очертить догматически согласованные пределы применения запрета злоупотребления правом к институту давности в обоих аспектах.

Догматический каркас: два института, два интереса

Начнём с дефиниции, пережившей несколько поколений отечественных цивилистов. В.П. Грибанов понимал злоупотребление правом как «особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [8, с. 63]. Конструкция оспаривалась с первого дня. И.А. Покровский допускал лишь одну форму — шикану, усматривая в расширительном толковании источник судейского произвола: категория добросовестности казалась ему слишком эластичной, чтобы опереть на неё устойчивую систему прав [9, с. 113]. С.В. Мусарский в обновлённом издании занимает промежуточную позицию: злоупотребление есть «вредоносное осуществление субъективного гражданского права, хотя и правомерное, но приводящее к явно несправедливому результату» [10, с. 42].

Общий знаменатель трёх подходов один: оцениваемое поведение индивидуально, критерий субъективный. Исковая давность устроена принципиально иначе — это инструмент правовой определённости, а не санкция и не мера индивидуальной оценки. И.Б. Новицкий в классической монографии описывал её как средство устранения неопределённости в отношениях сторон и дисциплинирования гражданского оборота. Современные авторы — М.А. Ерохова и С.В. Сарбаш [13, с. 82] и коллектив комментария «Глосса» под редакцией А.Г. Карапетова — доводят мысль до предела: давность защищает ответчика не как конкретного субъекта, а как любого участника оборота под угрозой застарелого притязания; институт имеет смешанную природу, где публичный интерес преобладает над частным.

Отсюда первый парадокс: запрет злоупотребления — инструмент микрооценки поведения, давность — макронорма оборота. Применение первого ко второй возможно, но каждый такой случай колеблет системный интерес в пользу частного.

Заявление о давности как субъективное право

Здесь и начинается самое интересное. П. 2 ст. 199 ГК РФ наделяет ответчика правом заявить о пропуске срока; Пленум ВС РФ в п. 10 Постановления от 29 сентября 2015 г. № 43 подтверждает: давность применяется исключительно по заявлению стороны в споре [3]. Заявление — не процессуальная формальность, а реализация самостоятельного субъективного права (в римско-правовой традиции — exceptio). А любое субъективное право в отечественном правопорядке подчинено режиму ст. 10 ГК РФ.

А.В. Потеева формулирует это с юридической прямотой: «Заявление ответчика о применении судом исковой давности (эксцепция), будучи одним из способов защиты нарушенного субъективного права, также является субъективным гражданским правом, на которое распространяется гражданско-правовой режим недопустимости недобросовестного поведения» [11, с. 70]. Тезис нетривиален: он

означает, что общий стандарт добросовестности, сформулированный в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, распространяется и на поведение ответчика в части подачи давностной эксцепции [2].

Техническое уточнение. П. 5 ст. 10 ГК РФ закрепляет опровержимую презумпцию добросовестности. Бремя доказывания злоупотребления лежит на истце; одного указания на несправедливость результата недостаточно. Нужны факты активного, а не пассивного противодействия. Преюдициальный порог этой доказательственной задачи намеренно высок — иначе институт давности утрачивает устойчивость.

Три модели судебной реакции

Практика высших судов за последние пятнадцать лет отработала три принципиально различные модели преодоления недобросовестной давностной эксцепции. Ни одна не является универсальной; каждая применяется в своём фактическом ареале.

Первая модель — отказ в применении давности как санкция за злоупотребление. Классика жанра: Постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008, где прямо зафиксировано — суд вправе отказать в применении исковой давности, и такой отказ соответствует п. 2 ст. 10 ГК РФ, выступая санкцией за злоупотребление правом. Подход закрепился в банкротной практике (Постановление АС Северо-Западного округа от 11 ноября 2014 г. по делу № А26-8130/2010): действия руководителя должника, не доведшего информацию до конкурсного управляющего, воспрепятствовали своевременному предъявлению требования. Модель привлекательна прямотой, слаба в той же прямоте: отказ действует точечно, в одном деле, но подрывает институт в целом.

Вторая модель — корректировка момента начала течения срока через п. 1 ст. 200 ГК РФ. Шаг куда более тонкий: суд не отменяет давность, а пересматривает дату, с которой она начала течь. Если ответчик активно скрывал обстоятельства нарушения, истец не мог и не должен был узнать о них в момент формального нарушения. Значит, начало течения смещается к моменту, когда истец получил (или должен был получить) необходимую информацию. Пленум ВС РФ в п. 1 Постановления № 43 такую гибкость прямо допускает, увязывая начало течения срока с совокупностью обстоятельств — знанием о нарушении и о надлежащем ответчике [3]. На наш взгляд, эта модель догматически наиболее чиста: она не ломает конструкцию давности, а применяет её в свете добросовестности — архитектура института сохраняется, корректируется лишь параметр исчисления.

Третья модель — эстоппель, принцип venire contra factum proprium. В отечественный правопорядок он вошёл Постановлением Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 г. № 13903/10. Если истец на предшествующем этапе полагался на заверения ответчика, а тот признавал обязательство, участвовал в переговорах о реструктуризации, не возражал по сроку — последующее заявление о давности блокируется. Е.Е. Якушева показывает: российская практика восприняла эстоппель как защиту против ситуаций, где формальная ссылка на срок противоречит ранее принятой стороной линии поведения [12, с. 58]. Нормативный якорь — п. 5 ст. 166 ГК РФ. Эстоппель не тождественен злоупотреблению правом, хотя родственен ему: работает уже, но без дискуссии о «предельной недобросовестности».

Влияние злоупотребления правом на восстановление срока (ст. 205 ГК РФ)

Обратимся к аспекту, часто оказывающемуся в тени. Ст. 205 ГК РФ допускает восстановление пропущенного срока давности при наличии уважительных причин, связанных с личностью истца (тяжёлая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность). Перечень полуоткрытый, но ядро нормы ясно: внимание концентрируется на объективных обстоятельствах, препятствовавших истцу реализовать право. И только на истце — не на ответчике.

Возникает вопрос. Если истец не воспользовался сроком из-за недобросовестного поведения ответчика — введения в заблуждение, имитации переговоров, обещаний добровольного исполнения — является ли это обстоятельство уважительной причиной по ст. 205 ГК РФ? Буквальное толкование отрицательно: ст. 205 говорит о причинах, связанных с личностью истца; поведение контрагента в перечень не укладывается. Формально — восстановление невозможно.

Полагаем, такой подход узок. Практика это молчаливо подтверждает: суды, сталкиваясь с явной недобросовестностью ответчика, выбирают обходные пути — либо смещают момент начала течения срока (модель 2), либо блокируют давностную эксцепцию через ст. 10 ГК РФ (модель 1). Путь через ст. 205 они избегают не потому, что он невозможен, а потому, что норма под ситуацию не приспособлена: уважительная причина здесь — объективное препятствие, а поведение ответчика в этой логике остаётся чужим грехом, а не собственной бедой истца.

Возникает системный разрыв. Ст. 205 и ст. 10 ГК РФ живут в разных логиках: первая оценивает истца, вторая — ответчика. Между ними — лакуна, через которую уходят недобросовестные давностные возражения и которую суды заполняют творческим толкованием. De lege ferenda оправдано дополнить ст. 205 ГК РФ указанием: восстановление возможно и в случаях, когда пропуск срока обусловлен активным недобросовестным препятствованием со стороны ответчика. Поправка легализовала бы то, что сегодня делается окольными путями.

Объективный десятилетний срок и пределы ст. 10 ГК РФ

Отдельный сюжет — п. 2 ст. 196 ГК РФ, установивший десятилетний предельный срок исковой давности. Можно ли через ст. 10 ГК РФ «пробить» этот срок? Абз. 3 п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 43 формулирует правило прямо: десятилетний срок не подлежит восстановлению и не может быть преодолён ссылкой на злоупотребление правом [3]. Обоснование очевидно — публично-правовая природа срока. Он защищает не ответчика как такового, а стабильность оборота в целом.

Твёрдость этой позиции показало дело № А12-2692/2015 («Нефтегазмонтаж» против «Нефтезаводмонтажа»). В Определении от 26 января 2016 г. № 301-ЭС15-5443 Экономическая коллегия ВС РФ допустила возможность отказа в применении давности при недобросовестности ответчика. Однако Президиум ВС РФ Постановлением от 28 сентября 2016 г. № 203-ПЭК16 это определение отменил, указав: применение позиции о приоритете ст. 10 ГК РФ допустимо только в исключительных случаях — при сделках, очевидно нарушающих основополагающие начала российского правопорядка. Сигнал очевиден: первая модель сужается до крайних случаев.

Картина была бы однозначной, если бы не позиция КС РФ. Постановлением от 31 октября 2024 г. № 49-П ст. 196 ГК РФ во взаимосвязи с другими нормами признана неконституционной в части применения к антикоррупционным искам прокуратуры об обращении имущества в доход государства [7]. Изъятие сделано не через ст. 10 ГК РФ, а через конституционно-правовое переосмысление. Сюжет особый, не касающийся типичного частноправового спора. В сфере же частноправового спора объективный десятилетний срок должен оставаться неприкосновенным: допустить его преодоление через ст. 10 ГК РФ — значит обессмыслить саму идею пресекательности. И.А. Покровский предупреждал именно об опасности размывающего применения категории добросовестности: широкая судейская дискреция в оценке осуществления права способна дестабилизировать право [9, с. 113].

Критерии недобросовестного давностного возражения

Синтезируя судебную практику и доктринальные подходы, очертим ситуации, при которых заявление о пропуске давности допустимо квалифицировать как злоупотребление правом. Первая — активное введение истца в заблуждение: обещания исполнения, переговоры о реструктуризации, отказ от возражений по сроку при прямом вопросе о намерениях. Вторая — намеренное сокрытие обстоятельств, без знания которых истец объективно не мог обратиться в суд (утаивание документов, подмена адресов корреспонденции). Третья — противоречивое поведение: признание обязательства или его частичное исполнение с последующим возражением о давности.

За этими границами — обычная осмотрительность ответчика. Простое ожидание истечения срока без активных недобросовестных действий квалификации как злоупотребление не заслуживает. Ответчик вправе рассчитывать на защиту, предоставляемую ему институтом давности; и пока он не делает ничего, препятствующего своевременному предъявлению иска, его бездействие есть не шикана, а реализация правомерного интереса.

Институт исковой давности и запрет злоупотребления правом состоят в диалектическом единстве: первый защищает оборот от

застарелых притязаний, второй — конкретного участника от формального использования норм во вред. Российская судебная практика, прошедшая путь от прямолинейной санкции через эстоппель к корректировке момента начала течения срока, движется концептуально верно: архитектура института давности сохраняется, справедливость в конкретном споре обеспечивается точечной настройкой.

В части восстановления давности (ст. 205 ГК РФ) сохраняется системный пробел: норма не учитывает недобросовестность контрагента как самостоятельное основание восстановления срока. Практика обходит пробел творческим толкованием, однако корректным было бы прямое законодательное дополнение ст. 205 соответствующим основанием.

Объективный десятилетний срок должен оставаться неприкосновенным в частноправовом споре. Изъятия, установленные КС РФ (Постановление от 31 октября 2024 г. № 49-П), носят характер точечной конституционно-правовой корректировки и не должны превращаться в образец для расширительного толкования. Судам следует применять ст. 10 ГК РФ в связке с давностью сдержанно, требуя от истца убедительного доказательства активного воспрепятствования со стороны ответчика. Только такой подход сохраняет баланс между правовой определённостью и добросовестностью — двумя конституционными ценностями, к необходимости согласования которых КС РФ обращался четырежды за пять последних лет [4; 5; 6; 7].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2020 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2791.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 28. Ст. 5092.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2024 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1359.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2025).
8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. 414 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. 351 с.
10. Мусарский С.В. Основные взгляды на сущность злоупотребления правом в зарубежном и отечественном гражданском праве. 2-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало-М, 2022. 148 с.
11. Потеева А.В. О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 107–114.
12. Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 52–66.
13. Ерохова М.А., Сарбаш С.В. Изменение сроков исковой давности по соглашению сторон // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 76–93.

The impact of abuse of rights on the running and restoration of the limitation period: problems of theory and practice

Dakhov Yu.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article addresses the collision between two foundational principles of Russian civil law — legal certainty, embodied in the limitation period, and good faith, underlying the prohibition of abuse of rights (Article 10 of the Civil Code). Drawing on rulings of the Constitutional Court issued between 2020 and 2024, the case law of the Supreme Court, and doctrinal works by V.P. Gribanov, I.A. Pokrovsky, S.V. Musarsky, and A.G. Karapetov, the author argues that the defendant's plea of the lapse of the limitation period constitutes the exercise of a subjective right and therefore falls within the regime of Article 10(1). Three judicial models of response to a bad-faith limitation plea are critically assessed: outright refusal to apply the limitation period as a sanction; adjustment of the moment when the period begins to run under Article 200(1); and qualification of inconsistent conduct via estoppel. The effect of abuse of rights on restoration of the period under Article 205 is examined separately. The author concludes in favour of a restrained application of Article 10, preserving the inviolability of the ten-year objective period.

Keywords: limitation period, abuse of rights, good faith, estoppel, restoration of the limitation period, Article 10 of the Civil Code, Article 200 of the Civil Code, Article 205 of the Civil Code, objective period, chicanery.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 2015 No. 43 (as amended on June 22, 2021) "On Certain Issues Related to the Application of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 12.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 15, 2020 No. 18-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Article 2791.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 27-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 28. Article 5092.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 26, 2024 No. 8-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 10. Article 1359.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 10.04.2025).
8. Gribanov V.P. Implementation and Protection of Civil Rights. 3rd ed., corrected. Moscow: Statut, 2022. 414 p.
9. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. 8th ed. Moscow: Statut, 2020. 351 p.
10. Musarsky S.V. Main Views on the Essence of Abuse of Rights in Foreign and Domestic Civil Law. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: Zertsalo-M, 2022. 148 p.
11. Poteyeva A.V. On the Abuse of the Right to File a Petition for the Application of the Statute of Limitations: Issues of Legal Qualification // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2025. No. 2 (82). Pp. 107–114.
12. Yakusheva E.E. The Principle of Estoppel in Civil Law as a Mechanism for Preventing Contradictory Behavior // Lex Russica. 2023. Vol. 76. No. 8. Pp. 52–66.
13. Erokhova M.A., Sarbash S.V. Changing the Limitation Period by Agreement of the Parties // On Contracts: Collection of Articles for the Anniversary of V.V. Vitryansky. Moscow: Statut, 2017. Pp. 76–93.

Эволюция правовых норм о защите прав человека и ее влияние на правоприменительную практику

Игнатов Димитрий Сергеевич
канд. юрид. наук, доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске, ignatov-d-s@mail.ru

Мамишева Зара Арскарбиевна
канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Института права Адыгейского государственного университета, mamicheva.zara@mail.ru

Рогожина Светлана Григорьевна
ст. преподаватель кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске, sveta.rogozhina.81@mail.ru

Чеботарева Ирина Юрьевна
канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске, vetal_01@lis.ru

В статье рассматривается эволюция системы защиты прав человека, включая становление и развитие российского законодательства в соответствующей отрасли. Анализируются основные этапы формирования национальных механизмов защиты прав и современные проблемы их реализации. Определяются перспективы совершенствования правового регулирования с учетом изменений международных механизмов защиты и цифровизации общественных отношений. Особое внимание уделяется обеспечению эффективного восстановления нарушенных прав, защите персональных данных и частной жизни, а также правовым аспектам применения технологий искусственного интеллекта.
Ключевые слова: права человека, защита прав человека, конституция, правоприменительная практика

Актуальность рассмотрения эволюции правовых норм о защите прав человека и ее влияния на правоприменительную практику обусловлена двумя причинами.

Во-первых, права человека выступают фундаментальным конструктом, двигающим вперед не только правовую систему, но и цивилизацию в целом. Речь идет о том, что философское значение правовых норм о защите прав человека заключается не столько в возможности их практического воплощения в процессе судебной практики, сколько в формировании общих ориентиров социального развития, направленных на создание благоприятной среды для реализации духовно-нравственного потенциала человека. В этом, собственно, и проявляется нравственная сущность и гуманитарный потенциал права как такового [10, с. 101].

Во-вторых, актуальность рассмотрения эволюции правовых норм о защите прав человека обусловлена важностью обеспечения стабильности функционирования государства и общества в текущих реалиях. Как известно, стабильность государственного строя детерминирована способностью «принимать решения и обеспечивать их соблюдение без открытого применения силы» на основании законности и легитимности [5, с. 2]. Законность и легитимность позволяют обществу поддерживать убеждения о том, что существующие политические институты являются оптимальными для данного общества и способны удовлетворить его основные запросы. Обеспечение прав человека, в свою очередь, выступает ключевым и базисным уровнем в структуре подобных социальных запросов.

Истоки формирования системы защиты прав человека. Следует согласиться с А. А. Прокуратовым в том, что права человека представляют собой наиболее значимую государственно-правовую форму объективизации конкретных исторических «ступеней свободы». Государство обязано содействовать обеспечению прирожденных и неотъемлемых прав людей на определенный объем благ. При этом на протяжении истории данный объем существенно варьировался. Подобные флуктуации, функционирование различных подходов к правам человека и юрисдикций в целом, своеобразие цивилизаций – все это не позволяет придать институту прав человека параметр универсальности [6, с. 105].

Как отмечено выше, в основе прав человека лежат прирожденные естественные права. Право на жизнь является абсолютным, естественным и неотъемлемым правом каждого лица. Актуальность и неоспоримость регламентации такого права обусловлена прежде всего ценностью жизни каждого отдельного человека, именно поэтому любое правовое государство и мировое сообщество в целом признает за необходимость не только его закрепления, но и надлежащее исполнение [11, с. 23]. Как отмечает А. А. Калмыков, на предыдущих исторических этапах в традиционных обществах подобных представлений о естественных правах и свободах человека не существовало [3, с. 274]. Формирование концепции неотчуждаемых прав и свобод человека связано со становлением буржуазных общественных отношений в странах Западной Европы [10, с. 96]. В условиях кризиса феодальной системы и укрепления экономических позиций буржуазии возникла потребность в юридическом закреплении индивидуальных свобод, права на жизнь, личную свободу, частную собственность и свободу совести.

В рамках естественно-правовой доктрины данные права стали рассматриваться как неотъемлемые и принадлежащие человеку от рождения. Их нормативное признание стало одним из ключевых требований буржуазных революций и реформ XVII–XIX вв., направленных на преодоление сословных ограничений и формирование универсальных правовых гарантий. При этом становление концепции прав человека сопровождалось влиянием религиозных и идеологических представлений, определявших содержание и интерпретацию индивидуальных свобод в конкретных исторических условиях.

В XX в. сформировалась международная нормативно-правовая система защиты прав человека, основу которой составили Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.),

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.) и Конвенция о правах ребёнка (1989 г.). Эти и иные документы закрепили международные стандарты обеспечения прав и свобод личности, определили обязательства государств и предусмотрели механизмы контроля за соблюдением отдельных категорий прав. Их принятие стало важным этапом институционализации защиты прав человека [1, с. 168].

В юридической науке в зависимости от исторической последовательности признания выделяют три поколения прав человека.

Первое поколение включает личные и политические права, формирование которых связано с Американской революцией и Великой французской революцией XVIII в.; к ним относятся право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, свобода совести и слова, а также право на участие в управлении государством.

Второе поколение составляют социально-экономические и культурные права, становление которых обусловлено развитием рабочего движения и борьбой за улучшение социального положения населения, включая право на труд, образование, социальное обеспечение и достойный уровень жизни.

Третье поколение охватывает права, связанные с коллективными интересами и глобальными проблемами современности, в частности право на мир, развитие и благоприятную окружающую среду. Концепция третьего поколения прав человека до сих пор не получила однозначной оценки и остается предметом научно-теоретической и нормотворческой дискуссии.

Эволюция законодательства о защите прав человека в Российской Федерации. Эволюция законодательства о защите прав человека в Российской Федерации представляет собой последовательный процесс формирования конституционных гарантий, развития механизмов правовой защиты личности и изменения соотношения национальных и международных правовых стандартов в рамках отечественной юридической доктрины и правоприменения. Основные этапы данного процесса можно представить следующим образом.

В советский период (1918–1980-е гг.) отмечались попытки конституционной фиксации прав граждан (Конституция РСФСР 1918 г.). Тем не менее, правовой статус личности был в значительной мере детерминирован классовым подходом: политические права предоставлялись преимущественно трудящимся, а отдельные категории населения ограничивались в правах. В последующих конституциях, в том числе Конституции РСФСР 1978 г., расширялось закрепление социально-экономических прав, включая право на труд, отдых и образование. При этом провозглашение прав не всегда сопровождалось созданием эффективных механизмов их защиты в судебном порядке.

А. А. Прокуратов указывает на то, что советский период характеризовался приоритетом государственной идеологии над индивидуальными правами и ограничением плюрализма. Несмотря на конституционное закрепление прав и свобод граждан, их реализация сдерживалась идеологическим контролем и отсутствием эффективных механизмов защиты. Перестройка ознаменовала переход к признанию приоритета прав человека и принципов правового государства, однако данный процесс сопровождался существенными институциональными противоречиями [6, с. 106].

Последующий этап развития законодательства связан с демократизацией общественно-политической системы, признанием политического плюрализма и расширением гарантий индивидуальных прав (1990–1993 гг.). Ключевое значение имела Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г., закрепившая новые подходы к определению правового статуса личности.

На конституционном этапе (с 1993 г.) произошло принятие Конституции Российской Федерации [4], что в последующем сформировало современный конституционный базис защиты прав человека. Согласно статье 2 Конституции, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства. Глава 2 закрепляет личные, политические, социально-экономические и культурные права, тогда как статьи 45–48 устанавливают гарантии государственной и судебной защиты, включая право на квалифицированную юридическую помощь.

После принятия Конституции РФ 1993 г. правоприменители стали ориентироваться на принцип прямого действия конституционных норм: суды получили возможность непосредственно применять положения Конституции при разрешении конкретных дел и оценивать соответствие нормативных актов конституционным гарантиям. Существенную роль в этом процессе сыграли правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Верховного Суда РФ, направленные на обеспечение права на судебную защиту, личную неприкосновенность, защиту чести и достоинства, а также соблюдение процессуальных гарантий.

Тем не менее, конституционное провозглашение прав человека не исключило проблем их практической реализации, обусловленных историческими особенностями развития российской государственности и некоторыми дефектами в функционировании правовых институтов [6, с. 105].

Кроме того, с 1993 г. по 2000-е гг. произошло формирование системы законодательных и институциональных гарантий, включающей деятельность Конституционного Суда РФ, прокуратуры, судебных органов и Уполномоченного по правам человека в РФ. В частности, Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» закрепил правовые основы деятельности данного института. Одновременно развивалось отраслевое законодательство, регулирующее защиту прав в уголовном судопроизводстве, социальном обеспечении и иных сферах.

На современном этапе (2010-е – 2020-е гг.) мы наблюдаем совершенствование конституционного регулирования, развитие механизмов общественного контроля и изменением порядка взаимодействия национальной правовой системы с международными институтами защиты прав человека.

В целом можно сказать, что эволюция российского законодательства о защите прав человека отражает переход от идеологически обусловленного закрепления прав к конституционной модели, основанной на признании личности высшей ценностью и формировании специализированных механизмов правовой защиты.

Вместе с тем нормативное закрепление прав следует отличать от их фактической реализации: эффективность правозащитной системы определяется не только содержанием законодательства, но и доступностью правосудия, качеством правоприменения и действенностью механизмов восстановления нарушенных прав.

Ключевая дилемма современного правопорядка заключается в онтологическом противоречии между функцией защиты и функцией контроля. Государство, монополизировавшее легитимное насилие, обязано использовать этот ресурс для пресечения посягательств на личность, собственность и общественный строй. Однако исторический опыт тоталитарных режимов показывает, что без строгих правовых ограничений механизм принуждения имеет свойство разрастаться, подчиняя себе все сферы человеческого бытия. В связи с этим, реализация правоохранительной функции в правовом государстве строится на принципе соразмерности, закрепленном в конституциях большинства развитых стран. Принцип соразмерности предполагает, что ограничение прав допустимо лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения общественно значимой цели, и не может быть чрезмерным по отношению к защищаемому благу. Иными словами, пожертвование свободами одного человека ради спокойствия общества должно быть строго обосновано и минимально по своему объему [7, с.171].

Среди основных федеральных законов, регулирующих защиту прав человека, отметим следующие. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» определяет правовой статус, компетенцию и порядок деятельности федерального омбудсмена. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливает порядок подачи и рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет требования к соблюдению прав и свобод человека при осуществлении правоохранительной деятельности. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» регулирует предоставление бесплатной квалифицированной юридической помощи определенным категориям граждан. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» формирует правовые основы общественного наблюдения, проверки, анализа и оценки деятельности органов публичной власти и организаций, осуществляющих публичные полномочия.

Современный этап характеризуется дальнейшей специализацией правового регулирования. Защита прав человека обеспечива-

ется не только общими конституционными положениями, но и нормативными актами, регулирующими отдельные сферы общественных отношений.Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует обработку и защиту персональных данных. Существенное значение имеет также Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает правовые основы обеспечения равных возможностей для инвалидов в реализации гражданских, экономических, политических и иных прав.

Эти и многие другие акты демонстрируют переход к комплексной модели правового регулирования, в которой общие конституционные гарантии дополняются специальными нормами, учитывающими особенности конкретных сфер жизнедеятельности.

Важным этапом стало принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Поправки затронули положения о государственном устройстве, организации публичной власти и отдельных социальных гарантиях. При анализе их значения для защиты прав человека необходимо учитывать, что изменение конституционного регулирования не отменяет фундаментального значения главы 2 Конституции РФ, посвященной правам и свободам человека и гражданина.

Перспективы и риски отечественной системы защиты прав человека. Вместе с тем современное развитие законодательства характеризуется более сложным соотношением национальных правовых норм и международных механизмов защиты. В частности, с 16 сентября 2022 г. Российская Федерация перестала быть участником Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это изменило доступные международные механизмы рассмотрения жалоб в отношении России, однако не отменило внутригосударственные конституционные гарантии.

Более того, современный этап развития общества характеризуется всепроникающим влиянием цифровых технологий, среди которых искусственный интеллект занимает особое место. Будучи способным к автономному принятию решений, обработке огромных массивов данных и имитации когнитивных функций человека, искусственный интеллект открывает беспрецедентные возможности для экономического и социального прогресса [8, 126].

Г. С. Стародубцев указывает: сохраняющиеся механизмы, включая обращение в Конституционный Суд РФ и Комитет ООН по правам человека, не являются полноценной заменой Европейскому суду по правам человека. В связи с этим актуализировался вопрос о создании альтернативных механизмов международной защиты прав человека [9, с. 15].

Цифровизация общественных отношений обусловливает трансформацию содержания и механизмов реализации прав человека, актуализируя необходимость совершенствования соответствующего законодательства. Особого внимания требуют защита персональных данных и частной жизни, обеспечение свободы выражения мнения в цифровой среде, противодействие дискриминации и неправомерному использованию алгоритмов искусственного интеллекта [2, с. 1530].

В связи с этим перспективным направлением развития законодательства выступает формирование комплексных правовых механизмов, регулирующих обработку данных, применение алгоритмических систем и ответственность цифровых платформ при соблюдении баланса между защитой прав личности, свободой информации и общественной безопасностью.

Помимо процессуальных и оперативных аспектов, остро стоит вопрос о цифровых правах и вмешательстве в информационную среду. Массовое внедрение систем видеонаблюдения, распознавания лиц, анализа больших данных и геолокации создало беспрецедентные возможности для превентивного выявления угроз. С одной стороны, это позволяет раскрывать преступления, совершенные в условиях неочевидности, и оперативно реагировать на террористические угрозы. С другой – повсеместный цифровой контроль формирует феномен «стеклянного общества», где каждый шаг индивида фиксируется и архивируется. В этой связи правоведы все чаще говорят о необходимости пересмотра понятия «частная жизнь» в цифровую эпоху. Традиционное понимание неприкосновенности жилища и тайны корреспонденции уже не охватывает метаданные о перемещениях и коммуникациях. «Красная линия» здесь пролегает через требование целевого использования данных: сбор информации должен быть строго привязан к конкретному запросу о безопасности, а не осуществляться тотально и бессистемно. Недопустимо, чтобы система профилактики правонарушений превращалась в инструмент политического или социального контроля над лояльностью граждан. Это принципиально меняет саму философию работы полиции, смещая акцент с постфактумного реагирования на тотальное прогнозирование поведения, что чревато ошибками второго рода – ложным обвинением законопослушных людей на основании статистических корреляций [7, с.173].

Судебная практика не всегда успевает адаптироваться к возникающим технологическим вызовам. Динамичное развитие цифровых технологий требует совершенствования законодательства и выработки судебных подходов, учитывающих специфику цифровых правоотношений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

становление системы защиты прав человека представляет собой исторически обусловленный процесс перехода от отдельных представлений о свободе к формированию национальных и международных правовых гарантий;

эволюция данного института отражает расширение перечня признаваемых прав, развитие механизмов их защиты и изменение представлений о соотношении интересов личности, общества и государства. При этом содержание и способы реализации прав человека продолжают трансформироваться под влиянием общественных и технологических изменений;

эволюция законодательства о защите прав человека в Российской Федерации отражает переход от формального закрепления прав к формированию конституционных, судебных и специализированных механизмов их обеспечения;

совершенствование нормативной базы расширило правовые гарантии личности, однако эффективность их реализации по-прежнему зависит от качества правоприменения, доступности правосудия и действенности механизмов восстановления нарушенных прав;

перспективы развития отечественной системы защиты прав человека связаны с совершенствованием национальных правовых механизмов, поиском альтернативных международных инструментов защиты и адаптацией законодательства к цифровизации общественных отношений.

Литература

1. Грачев, И. В. История защиты прав человека: развитие концепции прав человека и его защиты в различных эпохах / И. В. Грачев // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – С. 162–170.

2. Гутлыева, Г. Развитие международных норм в области защиты прав человека в контексте цифровизации / Г. Гутлыева // Вестник науки. – 2024. – № 12 (81). – С. 1529–1532.

3. Калмыков, А. А. Эволюция прав человека в современном мире: социально-мировоззренческий анализ / А. А. Калмыков // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. – 2024. – № 5. – С. 272–277.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. (первоначальный текст).

5. Петров, А. В. Правовая диалектика взаимоотношений государства и человека / А. В. Петров, А. Г. Каден // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – 5 с.

6. Прокуратов, А. А. Развитие прав человека в России переходного периода / А. А. Прокуратов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2010. – № 3. – С. 105–106.

7. Рогожина, С. Г. Соблюдение баланса между безопасностью и правами человека: как правоохранительные органы реализуют функцию защиты прав граждан, и где проходят «красные линии» в обеспечении общественной безопасности / С.Г. Рогожина //Научно-практический журнал Инновационная экономика и современный менеджмент.– 2026.– №8(64), 2 том. – С. 169-176.

8. Рогожина, С.Г. Квалификация преступлений, совершённых с использованием искусственного интеллекта: новые вызовы для уголовного закона / С.Г. Рогожина // Всероссийский научный журнал «Вопросы права».– 2026. –№ 4.– С. 126-129.

9. Стародубцев, Г. С. Перспективы защиты прав человека в рамках ЕАЭС / Г. С. Стародубцев, С. С. Макарова // Мониторинг правоприменения. – 2024. – № 4 (53). – С. 15–22.

10. Суслов, А. В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам / А. В. Суслов // Философская мысль. – 2021. – № 3. – С. 94–104.

11. Чеботарева, И.Ю., Удычак, Ф.Н., Тхаркахо, М.М., Мамишева, З.А., Марков, П.Н. Конституционная обусловленность права на жизнь как часть общечеловеческих ценностей в современном мире / И.Ю.Чеботарева, Ф.Н. Удычак, М.М. Тхаркахо, З.А. Мамишева, П.Н. Марков // Юридическая наука. 2022. № 2. С. 23-26.

Evolution of legislation regulating human rights protection and its impact on law enforcement practice

Ignatov D.S., Mamisheva Z.A., Rogozhina S.G., Chebotareva I.Yu.
Belorechensk Branch of Adyghe State University

The article presents the evolution of the human rights protection system, including the establishment and development of Russian legislation in this field. It analyzes the key stages in the formation of national protection mechanisms and current challenges regarding their implementation. Prospects for improving legal regulation are identified, taking into account changes in international protection mechanisms and the digitalization of social relations. Particular attention is paid to ensuring the effective restoration of violated rights, the protection of personal data and privacy, and the legal aspects of the use of artificial intelligence technologies.

Keywords: human rights, human rights protection, constitution, law enforcement practice

References

1. Grachev, I. V. The History of Human Rights Protection: The Development of the Concept of Human Rights and Their Protection Across Different Eras / I. V. Grachev // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). – 2024. – No. 5 (74). – pp. 162–170.
2. Gutlyeva, G. The Development of International Standards for Human Rights Protection in the Context of Digitalization / G. Gutlyeva // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). – 2024. – No. 12 (81). – pp. 1529–1532.
3. Kalmykov, A. A. The Evolution of Human Rights in the Modern World: A Socio-Ideological Analysis / A. A. Kalmykov // Development of Customs Affairs in the Russian Federation: The Far Eastern Vector. – 2024. – No. 5. – pp. 272–277.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. (original text).
5. Petrov, A. V. The Legal Dialectics of the Relationship Between the State and the Individual / A. V. Petrov, A. G. Kaden // Theory and Practice of Social Development. – 2013. – No. 12. – 5 p.
6. Prokuratov, A. A. The Development of Human Rights in Russia During a Transitional Period / A. A. Prokuratov // Problems of Economics and Legal Practice. – 2010. – No. 3. – pp. 105–106. 7. Rogozhina, S. G. Striking a Balance Between Security and Human Rights: How Law Enforcement Agencies Fulfill Their Function of Protecting Citizens' Rights, and Where the "Red Lines" Lie in Ensuring Public Safety / S. G. Rogozhina // Scientific and Practical Journal "Innovative Economy and Modern Management." – 2026. – No. 8(64), Vol. 2. – pp. 169–176.
8. Rogozhina, S. G. Legal Classification of Crimes Committed Using Artificial Intelligence: New Challenges for Criminal Law / S. G. Rogozhina // All-Russian Scientific Journal "Issues of Law." – 2026. – No. 4. – pp. 126–129.
9. Starodubtsev, G. S. Prospects for the Protection of Human Rights Within the Framework of the EAEU / G. S. Starodubtsev, S. S. Makarova // Monitoring of Law Enforcement. – 2024. – No. 4 (53). – pp. 15–22.
10. Suslov, A. V. Human Rights and Freedoms as an Object of Philosophical Reflection: From Classical Origins to Non-Classical Perspectives / A. V. Suslov // Philosophical Thought. – 2021. – No. 3. – pp. 94–104.
11. Chebotareva, I. Yu., Udychak, F. N., Tharkakho, M. M., Mamisheva, Z. A., Markov, P. N. The Constitutional Basis of the Right to Life as Part of Universal Human Values in the Modern World / I. Yu. Chebotareva, F. N. Udychak, M. M. Tharkakho, Z. A. Mamisheva, P.N. Markov // Legal science. 2022. No. 2. pp. 23-26.

Категория «Персональные данные» и ее содержание

Фатьянов Алексей Александрович
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, fatyanov.aa@rea.ru,

Лахтина Татьяна Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, lahtina.ta@rea.ru

Статья посвящена правовому анализу содержания категории «персональные данные». Закрепление категории обусловлено активным развитием информационных технологий, процессом автоматизации обработки информации и необходимостью в этой связи упорядочения оборота персональных данных. В работе освещены исторические этапы появления данного понятия в актах международного права и национальном законодательстве отдельных стран, проведено сравнительное исследование дефиниции «персональные данные» в правовых актах различного уровня. На основе проведенного анализа нормативно закрепленных дефиниций и перечней сведений о физическом лице, относимых к персональным данным, авторами сформулированы выводы о наличии правовой неопределенности в категоризации такой информации и практические рекомендации, направленные на ее преодоление.
Ключевые слова: Персональные данные, автоматизированная обработка информации, защита персональных данных, идентификация личности, приватность информации, категории персональных данных.

Категория «персональные данные» является одной из самых сложных для правового опосредования в силу ее предельной неопределенности, которая, как представляется авторам, на заре возникновения современной системы правового регулирования данных отношений, возникла скорее всего из-за невозможности осознания ее правовой и социальной природы, а затем превратилась в своего рода мантру, когда уже не понимая, о чем в действительности идет речь, в законодательных актах разных государств одно и тоже определение повторяется, за редким исключением, практически буквально.

Обратимся к истории вопроса. Персональные данные в качестве понятия появились первоначально на международном уровне, в связи с принятием Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28.01.1981 г.)[1]. Проблема возникла в связи с ростом уровня автоматизации обработки информации о физических лицах и их слабо контролируемой трансграничной передачи.

Естественно, на заре регулирования точно и адекватно определить содержание данной категории было практически невозможно, поэтому пошли по пути максимального охвата, признав персональными данными любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице.

Отметим сразу, что данное определение было введено только для целей данной Конвенции, которая заключалась в уважении прав и основных свобод физических лиц и, в частности, их права на неприкосновенность частной жизни только в отношении автоматизированной обработки информации о данных лицах. Данный подход абсолютно не исключал возможности конкретизации данной категории на уровне законодательства отдельных союзов государств или национального законодательства, чего, однако, не последовало.

Директива ЕС № 95/46ЕС Европейского парламента и Совета о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных [2] и последующие за ней акты, направленные на упорядочение оборота персональных данных повторили определение Конвенции слово в слово.

В национальных законах государств, возникших на постсоветском пространстве, также не стали «мудрствовать лукаво» и продублировали данное определение. Справедливости ради следует отметить, что в первой редакции Федерального закона «О персональных данных» в Российской Федерации [3] определение рассматриваемой категории звучало следующим образом: «персональные данные - любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация». Однако в редакции от 25.07.2011 г. [4] определение получило стандартизованную безликую форму, которая сохранилась до сего времени.

Исключение составляют лишь два законодательных акта:

- Закон Республики Таджикистан «О защите персональных данных» [5], где персональные данные определяются как «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни субъекта персональных данных, позволяющие идентифицировать его личность»;

- Закон Туркменистана «Об информации о личной жизни и ее защите» [6], который вообще не оперирует понятием «персональные данные».

Однако системная связь между информацией и идентификацией на ее основе личности человека сохраняется во всех актах.

Возникает вопрос: а что, собственно, негативного в данном подходе?

В качестве первого негативного момента следует выделить то, что нарушается принцип правовой определенности при регулировании, а он лежит (или должен лежать) в основе любой системы законодательства на протяжении тысячелетий.

В качестве второго негативного момента, вытекающего из первого, можно выделить возникающую возможность произвольного толкования содержания информации, относимой или не относимой к персональным данным. Поэтому к персональным данным относят и адрес электронной почты физического лица (письмо Минцифры России от 17.03.2022 г. № П25-5623-ОГ[7]) и его абонентский номер в телефонной сети, и профессия, и занимаемая должность и т.п. и

т.д. (письмо Минцифры России от 28.08.2020 г. № ЛБ-С-074-24059[8]). К сожалению, данными актами, не очерчивается для правоприменителя разница между адресом личной электронной почты и адресом служебной, а также между абонентским номером, зарегистрированным на гражданина, как на частное лицо, и аналогичным номером, зарегистрированным как на должностное лицо. А такая разница должна быть.

В качестве третьего негативного момента можно выделить то, что отнесение любой информации о физическом лице, позволяющей соотнести ее содержание с этим лицом, порождает неизбежную необходимость в ее защите, а слишком большие объемы такой информации порождают излишние, зачастую реально не обоснованные финансовые затраты на организационные и технические меры защиты, в которых на самом деле нет необходимости.

Правовая неопределенность понятия «персональные данные» неизбежно порождает необходимость какой-то конкретизации перечня категорий информации, относимой к ней. В частности, это вылилось в принятие целого ряда подзаконных актов, где такие попытки осуществляются.

Например, в приложении № 6 к приказу Росавиации России от 19.11.2025 г. № 888-П «Об обработке персональных данных в Федеральном агентстве воздушного транспорта и его территориальных органах» [9] такой перечень официально изложен из 37 позиций, среди которых 36 конкретные, а одна имеет признаки неопределенности. Попробуем проанализировать некоторые из них под призмой приватности этой информации.

Однако прежде обратимся к самому термину «приватность», который, по мнению авторов, четко солидаризуется с категориями «частная жизнь» и «информация о частной жизни». По утверждению А.Х. Ульбашева категория «приватность» была введена американскими юристами С. Варреном и Л. Брэндайсом еще в XIX в. и определялась как право быть оставленным в одиночестве, а в дальнейшем трансформировалась в субъективное право человека самостоятельно определять, где, как и каким образом представлять информацию о себе [10].

Далеко не всякая информация о физическом лице может быть приватной изначально. Так, награждение граждан государственными наградами (если речь не идет о лицах, награждение которых проводилось в режиме государственной тайны) транслируется публично, доступ к указам Президента Российской Федерации о награждении совершенно открыт, поэтому «информация о государственных наградах, иных наградах и знаках отличия (кем и когда награжден)», определенная п. 26 рассматриваемого Перечня в качестве персональных данных, явно не подпадает под категорию приватной информации. Аналогично невозможно сделать приватной информацию о наличии у физического лица статуса иностранного агента (п. 16 Перечня), так как Реестр иностранных агентов открыто публикуется для всеобщего сведения на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации [11]. Наличие у государственного или муниципального служащего классного чина государственной или муниципальной службы, а равно у государственного служащего дипломатического ранга, воинского или специального звания ученой степени и ученого звания также вряд ли возможно признать приватной информацией (п.п. 10, 12 Перечня), даже если речь идет о наименовании документа о присвоении чина, ранга, степени или звания, номере и дате этого документа.

Вызывает обоснованные сомнения и отнесение к персональным данным такой категории информации, как «сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим, гражданином Российской Федерации, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать» (п. 31 Перечня). Если эта информация общедоступная, то каковы правовые основания относить ее к категории конфиденциальной? Схожие ошибки можно встретить и в аналогичных перечнях, действующих в других федеральных органах исполнительной власти и государственных организациях.

Однако есть и эксклюзивные подходы. Так, в частности, в Федеральной службе по финансовому мониторингу решили отнести к категории персональных данных «сведения о замещении государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации, муниципальной должности (полное наименование должности» (п. 21 приложения № 6 к приказу Росфинмониторинга от 18.04.2023 г. № 84 [12]), то есть если гражданин был федеральным министром или сенатором Российской Федерации, то полное наименование замещаемой им (подчеркнем - публичной) должности в соотношении с его фамилией, именем и отчеством является персональными данными, то есть конфиденциальной информацией, подлежащей распространению только с его согласия? При такой логике можно зайти весьма далеко.

Практически во всех перечнях, которые авторы настоящей работы изучили, к категории персональных данных относятся фотографии «субъекта персональных данных». Но как при этом быть с фотографиями лиц, выступавших на различных конференциях с указанием своей должности, фотографиях, приведенных на множестве сайтов органов публичной власти и организаций. Есть сомнения в том, что в каждом таком случае от «субъекта персональных данных» бралось отдельное разрешение на публикацию. Хотя проблема идентификации физического лица по его фотографии при современном развитии информационных технологий представляет собой отдельную проблему, требующую специального исследования.

Обращает на себя внимание также тот факт, что во всех изученных перечнях присутствует такой пункт, как «иные сведения, которые субъект персональных данных пожелал сообщить о себе», что делает и без того развернутые и содержащие противоречивые категории сведений перечни a priori неопределенными и таким образом снижает их пригодность для правоприменения.

Перейдем на более низкий уровень. Одной из самых распространенных категорий субъектов, обрабатывающих персональные данные физических лиц, являются гостиницы. Каждый раз при заселении граждане подписывают документ, подтверждающий факт ознакомления с политикой обработки персональных данных, однако подавляющее большинство из них не знакомятся с его содержанием. Авторы настоящей работы изучили несколько таких актов и обнаружили существенное разнообразие в их содержании, однако в подавляющем большинстве случаев, среди многочисленных положений о целях, принципах и порядке обработки персональных данных только в одном случае (гостиница «Москва», г. Санкт-Петербург) в документе был более или менее точно определен перечень персональных данных, обрабатываемых данным оператором и срок их хранения, во втором случае (гостиница «Клеопатра» г. Уфа) срок хранения. К сожалению, все остальные гостиницы, в том числе такие солидные заведения, как московские «Савой» и «Метрополь» не удосужились четко отразить в своих актах требования п. 7 статьи 14 Федерального закона «О персональных данных», касающихся обязанности предоставлять субъекту персональных данных информации, касающейся перечня обрабатываемых персональных данных и сроков их хранения.

Отметим еще один момент. По общему правилу, изложенному в п. 7 статьи 5 вышеуказанного Федерального закона, хранение персональных данных должно осуществляться не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных. В гостинице «Клеопатра» такой срок определен в один год, что можно признать вполне достаточным. А в гостинице «Москва» он определен в двадцать пять лет, что является явно избыточным и создает потенциальную опасность для их защиты.

На основании вышеизложенного с сожалением можно констатировать, что, несмотря на солидный массив нормативных актов, регулирующих отношения в области оборота и защиты персональных данных, приправленных не менее многочисленными разъяснениями и методическими рекомендациями Минцифры России по этим вопросам, должной системности и продуманности в практическом регулировании до сего времени не достигнуто. И среди основных причин, как представляется авторам настоящей работы, можно указать правовую неопределенность содержания категории «персональные данные».

Для выхода из создавшейся ситуации можно предложить следующее. Менять определение персональных данных в тексте соответствующего Федерального закона вряд ли целесообразно, так как это стало своего рода международным стандартом. Однако сделать ряд практических шагов в этом направлении возможно и должно. В качестве таких мер авторы предлагают следующие.

1. Правительству Российской Федерации разработать и утвердить четкие перечни персональных данных, которые должны обрабатывать органы исполнительной власти и органы местного самоуправления с предельными сроками их хранения.

2. Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработать типовые перечни персональных данных, которые должны обрабатывать операторы, системно накапливающие такую информацию (операторы связи, в том числе почтовой связи; операторы, осуществляющие перевозки пассажиров; операторы, предоставляющие гостиничные услуги и др.) с предельными сроками их хранения.

Как представляется, принятие таких актов существенно упорядочит объем обрабатываемых персональных данных, снизит затраты на обеспечение их защиты, а также облегчит реализацию задач по контролю и надзору в данной области правоотношений.

Литература

1. «Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // СЗ РФ. 03.02.2014, № 5, ст. 419.
2. Директива N 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» [рус., англ.] (Принята в г. Люксембурге 24.10.1995). Документ утратил силу 25 мая 2018 года в соответствии с Регламентом N 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 27.04.2016. // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
4. Федеральный закон от 25.07.2011 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» // СЗ РФ. 01.08.2011, N 31, ст. 4701.
5. Закон Республики Таджикистан «О защите персональных данных» от 3 августа 2018 года №1537 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/.
6. Закон Туркменистана «Об информации о личной жизни и ее защите» от 20 марта 2017 года № 519-V // Ведомости Меджлиса Туркменистана, 2017 г., № 1, ст. 25.
7. Письмо Минцифры России от 17.03.2022 № П25-5623-ОГ «О возможности отнесения адреса электронной почты к персональным данным» // СПС Консультант Плюс.
8. Письмо Минкомсвязи России от 28.08.2020 № ЛБ-С-074-24059 «О методических рекомендациях»(вместе с «Методическими рекомендациями для общеобразовательных организаций по вопросам обработки персональных данных») // СПС Консультант Плюс.
9. Приказ Росавиации от 19.11.2025 № 888-П «Об обработке персональных данных в Федеральном агентстве воздушного транспорта и его территориальных органах» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 27.01.2026.
10. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М. 2019. С. 32.
11. Реестр иностранных агентов // Официальный интернет-ресурс Министерства юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/
12. Приказ Росфинмониторинга от 18.04.2023 № 84 «Об организации работы с персональными данными в Федеральной службе по финансовому мониторингу и ее территориальных органах» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 20.07.2023.

Category «personal data» and its contents

Fatyanov A.A., Lakhtina T.A.

Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to a legal analysis of the content of the category “personal data”. The historical stages of the emergence of this concept in international law and the national legislation of individual countries are examined; a comparative study of the definition of “personal data” in legal acts of various levels is carried out. The consolidation of the category is due to the active development of information technologies, the process of automating information processing, and the need, in this regard, to regulate the circulation of personal data. Based on the analysis of the normatively established definitions and lists of information about an individual that are considered personal data, the authors have formulated conclusions about the presence of legal uncertainty regarding the categorization of such information, as well as practical recommendations aimed at overcoming it.

Keywords: Personal data, automated information processing, protection of personal data, identity identification, privacy of information, categories of personal data.

References

1. “Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data” (Concluded in Strasbourg on 28.01.1981) (together with the Amendments to the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108), which allow for the accession of European communities, adopted by the Committee of Ministers in Strasbourg on 15.06.1999) // SZ RF. 03.02.2014, No. 5, Art. 419.
2. Directive No. 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union “On the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data” [Russian, English] (Adopted in Luxembourg on 24.10.1995). The document lost force on May 25, 2018, in accordance with Regulation No. 2016/679 of the European Parliament and of the Council of the European Union dated April 27, 2016. // SPS Consultant Plus.
3. Federal Law No. 152-FZ dated July 27, 2006, “On Personal Data” // SZ RF. 31.07.2006, No. 31 (Part 1), Art. 3451.
4. Federal Law No. 261-FZ dated 25.07.2011 “On Amendments to the Federal Law ‘On Personal Data’” // SZ RF. 01.08.2011, No. 31, art. 4701.
5. The Law of the Republic of Tajikistan “On the Protection of Personal Data” dated August 3, 2018, No. 1537 // Information and Legal Internet Portal of the Republic of Tajikistan. URL: http://portali-huquqi.tj/.
6. The Law of Turkmenistan “On Information about Personal Life and Its Protection” dated March 20, 2017, No. 519-V // Vedomosti of the Mejlis of Turkmenistan, 2017, No. 1, Art. 25.
7. Letter from the Ministry of Digital Development of Russia dated March 17, 2022, No. P25-5623-OG “On the possibility of classifying an email address as personal data” // SPS Consultant Plus.
8. Letter of the Ministry of Communications of the Russian Federation dated 08/28/2020 No. LB-S-074-24059 "On methodological recommendations" (together with "Methodological recommendations for educational organizations on personal data processing") // SPS Consultant Plus.
9. Order of the Federal Air Transport Agency dated 11/19/2025 No. 888-P "On the processing of personal data in The Federal Air Transport Agency and its territorial bodies" // Official Internet portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 01/27/2026.
10. Ulbashev A.H. General doctrine of personal rights. M. 2019. p. 32.
11. Register of foreign agents // Official Internet resource of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostrannykh-agentov/
12. Order of Rosfinmonitoring dated 18.04.2023 No. 84 “On the Organization of Work with Personal Data in the Federal Service for Financial Monitoring and Its Territorial Bodies” // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, 20.07.2023.

Историко-правовое исследование таможенно-тарифного регулирования в России (дореволюционный период)

Машкин Николай Афанасьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Mashkin.N.A@mail.ru,

Щербаков Виктор Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Scherbakov.va@rea.ru

В статье показан исторический путь развития тарифно-таможенного регулирования в древней России, рассматриваются причины и предпосылки изменений таможенной тарифной политики в связи с меняющейся политической, экономической, правовой деятельностью государства. Уделено внимание особенностям источников русского права, таким как «Русская Правда», Соборное уложение 1649 г. Новоторговый устав 1667 г. и др. Даётся характеристика взимания таможенных пошлин Древней Руси в периодах феодальной раздробленности и централизованного государства, отражены актуальные вопросы формирования и регулирование таможенных тарифов, проанализированы изменения в тарифной системе фискально-протекционистской направленности и политики фритредерства в XVIII – XIX веках.
Актуальность обусловлена возросшим интересом к отечественной истории и праву, необходимостью исследования проблем экономического развития России.
В работе использовался диалектический подход и сравнительно-исторический метод исследования, построенный на анализе юридической литературе, документальных источников, так и последующих критических и аналитических работ современных авторов, посвящённых истории формирования экономической политики в России.
Ключевые слова: тариф, таможня, таможенно-правовое регулирование, дань, таможенная пошлина, уставная грамота, приказ, таможенные сборы, таможенная реформа, протекционизм, цена, товар, фритредерство, государство, импорт, экспорт.

История становления и развития таможенно-тарифного регулирования в России охватывает несколько ключевых этапов, связанных с развитием экономики, внешней политической ситуацией и государственными реформами.

В Древней Руси внешняя торговля в значительной степени была связана с системой сбора дани, которая взималась в основном деньгами и мехами пушных зверей.

В X в. были заключены торговые договоры Руси с Византией (907, 911, 944 гг.). Именно в этих договорах на смену правовым обычаям приходит система взимания таможенных пошлин и установления таможенного обложения [3 – С. 26].

Согласно первому древнему письменному своду русских законов «Русской Правде» пошлина уплачивалась с каждой сделки купли – продажи. В этот период развития таможенно – тарифного регулирования, отношения в сфере уплаты таможенных пошлин сильно зависели от торговых путей, договоров и взаимоотношений с соседними государствами [2 – С. 21].

В Древней Руси таможенные пошлины делились на проезжие и торговые. За провоз товаров через внешние или внутренние заставы взымался «мыт» («сухой» - за провоз товаров по суше, «водяной» - за провоз по воде). За право торговли взымался «замыт», за наём амбара – «амбарное», за наём торгового места на гостином дворе – «гостиное», а также взимались и другие таможенные сборы [6 – С. 44].

В период феодальной раздробленности активно развивались внешнеторговые связи в отдельных княжествах. Удельные князья подписывали между собой договоры, регулировавшие внешнюю торговлю. В них обозначались вопросы порядка сбора таможенных пошлин.

В период завоевания Руси Золотой Ордой появляется и приживается тамга – одна из основных таможенных пошлин. Пошлины, которые взымались в этот период можно условно разделить на четыре группы: торговые, проезжие, за обслуживание и штрафные. Всего на Руси взимались до сорока видов различного рода и наименования пошлин [6 – С. 49].

Основными нормативными правовыми актами, закрепившими правила перемещение товаров через таможенную границу, порядок таможенного обслуживания и устанавливавшими санкциями за уклонения от таможенного обложения, в то время являлись уставные грамоты, издававшиеся великими князьями.

Следует отметить, что в Древней Руси таможенно–тарифное регулирование имело частноправовой характер. Это обуславливалось тем, что внешняя торговля в Древней Руси сводилось к вывозу дани, находилась в исключительном ведении киевского князя и немногочисленной группы состоятельных горожан.

В период формирования Московского централизованного государства складывается единая тарифная политика, предпринимаются попытки унификации сбора пошлин. Был образован единый орган, в который поступали таможенные сборы и другие доходы – Приказ Большой Казны.

В этот период принимаются правовые нормы, регулирующие таможенные отношения с иностранными купцами. В грамотах излагалась подробная роспись товаров и ставки пошлин [5 – С. 57].

К началу XVI в. неоднократно предпринимались попытки русских правителей законодательно закрепить таможенные правила и упорядочить таможенные сборы. Об этом свидетельствует содержание следующих таможенных грамот: «Уставная грамота по сбору таможенных пошлин в городе Суздале» (1606); «Память Новгородским таможенным головам о взимании пошлин с немецких людей, приезжающих из Швеции» (1612); «Таможенная грамота Никольскому Песношскому монастырю на взимание пошлины в селе Рогачеве» (1621); «Таможенная грамота о сборе пошлин в селе Холму в пользу Бежецкаго Антониева монастыря» (1641) [3 – С. 24].

В 1649 г. принято Соборное уложение, в котором была глава IX «О мытах о перевозах и о мостах». В этом документе устанавливались льготы для определённых категорий населения, излагались требования к производимым товарам, а также содержались запросы на введение новых таможенных сборов [2 – С. 22].

Кроме того, выделяется правовой массив, охватывающий проезжие и торговые пошлины как важный элемент регулирования торговли с зарубежными странами, а также ограничивающий произвол вотчинников и помещиков [1].

Соборное уложение 1649 г. имело важное значение для дальнейшего развития таможенно–тарифного регулирования тарифной политики России.

25 октября 1653 г. царь Алексей Михайлович подписал именной Указ с боярским приговором «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах с показанием, поскольку взято и с каких товаров». Указ заменил прежние многочисленные сборы единой рублёвой пошлиной.

Указ 1653 г. устанавливал равное для всех таможенное обложение торговых сделок единой таможенной пошлиной. Частично были упразднены проезжие сборы. В основу расчёта пошлины была положена продажная цена товара – фактически государство забирает часть прибыли торговца и тот должен переложить убыток на покупателя. Сумма пошлины составляла 5% от цены товара.

Положение Указа 1653 г. упрощало и упорядочивало уплату торговых пошлин: рублёвая пошлина стала единственной [6 – С. 53].

Также в Указе 1653 г. нашла отражение политика, проводимая по отношению к иностранным купцам. Льготные таможенные пошлины устанавливались для купцов Греции и Персии. Вводились единые хлебные меры. Особые пошлины вводились на соль, пушнину и другие товары. Упорядочивались и пошлины за хранение товаров [6 – С. 54].

Как оказалось в последствии, Указ 1653 г. таил в себе ряд недостатков, которые и появились с течением времени. Мытники творили произвол, взимали пошлины в гораздо большем объёме, чем было предусмотрено.

В данной связи в 1654 г. была издана Уставная грамота «О злоупотреблениях, происходящих от отдачи на откуп мытов, мостов, перевозов, счётных и других припасов, о степени тем народной промышленности и об уменьшении для сего некоторых налогов». Её главной задачей была отмена незаконных откупов, упразднение нововведённых проезжих и мытных пошлин, а также отмена большого количества мелких таможенных пошлин [7 – С. 9].

Главным препятствием на пути развития внешней торговли были определённые привилегии иностранцев. Необходим был новый документ, который защитил бы русских купцов от засилья иностранцев. С этой целью был разработан Новоторговый Устав, принятый 22 апреля 1667 г.

Согласно Уставу 1667 г. внешние таможенные пошлины делились на ввозные и отпускные, внутренние – на рублёвую, перекупную и различные сборы. Цель внешних торговых пошлин – сбор с товаров, перемещаемых в Россию из-за границы.

Пошлина взымалась в виде определённого процента с продажной стоимости товара, или несколько денег с рубля. Её размер составлял 10% с соли, 2.5% (5 денег с рубля) – с сибирских соболей, привозимых в Москву, и 5% (10 денег рубля) – со всех прочих товаров. Согласно общему правилу, пошлина взималась с продавца при самой продаже.

В Уставе 1667 г. довольно подробно изложены правила таможенного контроля. Товары, привозимые на продажу, подвергались подробному и тщательному досмотру [8 – С. 99].

Таким образом, Новоторговый устав 1667 г. стал важным документом, упорядочившим систему таможенно–тарифного регулирования.

В 1679 – 1681 гг. были произведены новые реформы в таможенно–тарифном регулировании. Система косвенных сборов после введения рублёвой пошлины в 1653 г. была упрощена [4 – С. 10].

Период XVIII – XIX вв. характеризуется завершением таможенной реформы, созданием централизованной таможенной системы и дальнейшим формированием таможенного законодательства, а также выработков направлений в таможенно–тарифном регулировании.

В 1718 г. была учреждена Коммерц–коллегия, к компетенции которой относилось ведение таможенных дел. В её ведение перешли портовые и пограничные таможни, взимание таможенных сборов и ведение судебного процесса по таможенным делам. В этот период был принят Морской пошлинный устав. Этот документ закрепил таможенную охрану на море и усовершенствовал практику исчисление таможенных платежей [3 – С. 29].

31 января 1724 г. был введён первый в отечественной истории таможенный тариф, ставший одновременно и первым документом, определяющим промышленно – протекционистский курс в области таможенной политики нашей страны.

Тариф 1724 г. имел ряд особенностей. Перечень привозных и отпускных товаров был составлен в алфавитной последовательности. Около половины из них было обложено адвалорными пошлинами. Остальные – пошлинами с меры и массы в фиксированной денежной сумме, исчисленной в рублях и копейках, то есть специфическими пошлинами.

Размер пошлинного обложения ввозимых товаров был поставлен в зависимость от степени развития внутреннего производства. На товары, которые уже производились в достаточном количестве, была назначена 75% пошлина. На товары, не производимые в стране, существовала умеренная пошлина от 10% до 4%. На математические и хирургические инструменты, а также на очки пошлина не начислялась.

На вывозимые из России товары существовала трёхпроцентная пошлина, кроме промышленного сырья и полуфабрикатов, необходимых для российских фабрик, которые облагались запретительной пошлиной. Этот проект просуществовал до 1731 г. [8 – С. 105-108].

Следует отметить, что петровские реформы в области таможенно–тарифного регулирования не отличались новизной, последовательностью и системностью. В дальнейшем, после смерти Петра I в таможенной политике, проводимой приемниками Петра I, появляются элементы либерализма. В 1731 г. был принят новый тариф, который значительно снизил размер пошлин. На товары, не производившие в стране, вводилась умеренная пошлина от 4% до 10%, на производившие – повышенная (до 20%). Таможенные пошлины с объявленной ценой товара (адвалорные пошлины) были оставлены только для предметов галантереи. Остальные товары подлежали обложению с меры или веса (то есть с них взимались специфические пошлины).

К середине XVIII в. в России остро стала проблема внутренних таможенных ограничений, ставших препятствием дальнейшего развития экономики.

Проведённые в 1753 – 1758 гг. тарифные реформы графа И. И. Шувалова, фактически возглавлявший правительство, унифицировали практику взимания таможенных платежей. Указом Елизаветы Петровны от 20 декабря 1753 г. «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов» были ликвидированы внутренние таможенные сборы. Внутренние пошлины были заменены единообразной новой пошлиной, которая взималась в портовых и пограничных таможнях [2 – С. 22].

В 1757 г. был принят новый таможенный тариф. Он имел фискально – протекционистскую направленность и предусматривал значительное повышение ставок. Так, размер таможенного обложения, ввозимых фабрично – заводских изделий устанавливался в зависимости от освоенности их производства в России. Ввозимые товары облагались 17.5% - 25% адвалорной ставкой, а также «внутренней» пошлиной, которая взималась в портовых и пограничных таможнях. В сумме это составляло 30% - 33% к стоимости импорта.

По мнению А. Ю. Соломеина, тариф 1757 г. оказался не удобным в практическом отношении. Пошлины продолжали взыматься как металлической валютой, так и «ходячими» деньгами. Многочисленность и излишняя детализация статей, по которым производилось таможенное оформление однородных товаров, затрудняли применение тарифа [8 – С. 111].

В дальнейшем произошёл отход от традиционной протекционистской политики к политике фритредерства. В 1766 г. был принят новый таможенный тариф. По этому тарифу товары, которые не производились в России, но при этом пользовались высоким спросом, были обложены пошлиной в размере 4%. На товары, аналоги которых производились в России ведены 30% пошлины [2 – С. 23].

Особенностью тарифа было то, что половину таможенной пошлины положено было взимать русскими деньгами, а другую половину ефимками, реальный курс в то время составлял 125 коп. за 1 ефимок.

С 1772 г. пошлина с иностранцев взималась полновесными ефимками. Однако это правило не распространялось на русских и английских купцов, которые, по-прежнему, могли платить за ввоз и вывоз товаров русской монетой по расчёту 125 коп. за 1 ефимок.

По тарифу 1782 г. обложение экспортных товаров понизилось в среднем до 2% - 4%. В отношении импорта таможенные барьеры также были снижены. К беспошлинному ввозу разрешались книги,

картины, статуи, музыкальные ноты и т. п. Тариф 1782 г. явился самым либеральным для XVIII века [8 – С. 118].

В первой половине XIX в. таможенно – тарифная политика в России колебалась между протекционизмом и фритредерством. Так, принятый таможенный тариф 1819 г. был фритредерский, который привёл к сокращению числа промышленных предприятий, поскольку многие из них не выдержали иностранной конкуренции [6 – С. 72].

Поэтому назрела необходимость в проведении таможенно – тарифного реформирования. Реформирование осуществлялось под руководством Е. Ф. Канкрина (1774 – 1845), министра финансов.

К 20 – 30-м годам XIX в. была восстановлена финансовая система страны. Принятый протекционистский таможенный тариф 1822 г. систематизировал пошлины, покончил с инфляцией, добился увеличения в 2.5 раза таможенных доходов, а также способствовал развитию собственной промышленности внутри страны.

После ухода Е. Ф. Канкрина с поста министра финансов в 1844 г. в таможенной политике начали преобладать тенденции к смягчению протекционизма.

Принятый 13 октября 1850 г. таможенный тариф значительно смягчил запретительные тенденции. В результате с 1850 г. в Россию хлынул поток товаров. В этих условиях значительная часть фабрик и заводов страны, созданных в 30 – 40 гг. не выдержали иностранной конкуренции: продукция из-за рубежа была более качественной. В целом действие нового таможенного тарифа в течение 6 лет дало негативные результаты [8 – С. 144].

Следует отметить, что несмотря на определённые успехи, таможенно – тарифная политика страны в период фритредерства не оправдала надежд правительства. Принятые позднее таможенные тарифы 1850, 1857, 1968 годов не смогли обеспечить ни рост таможенного дохода, ни развития промышленности.

С середины 70-х г. XIX в. таможенно – тарифная политика в стране опять возвращается к протекционизму. Новые принципы тарифной политики были закреплены в Государственном тарифе 1891 г., предоставленном Министерством финансов.

Этот тариф систематизировал все положительно себе зарекомендовавшие изменения предшествующих лет и был нацелен на поддержание тех отраслей промышленности, которым существовавшей поддержки было недостаточно. В первую очередь торговому мореплаванию, сельскому хозяйству и металлургии. Были скоординированы пошлины в группе металлов: на руду, чугун, железо и на изделия из этих металлов. По таможенному тарифу 1891 г. ставки пошлин были повышены в среднем до 25 – 30%, а по таким видам товаров, как керосин – в 2 раза, на медь – в 4 раза, рельсы – в 4 раза. Тариф 1891 г. превосходил все существовавшие до этого в Европе запретительные пошлины [6 – С. 81].

В то же время таможенная борьба западноевропейских государств привела к системе конвенционного тарифа: договаривающиеся стороны делали взаимные уступки в пошлинах на товары, в получении или сбыте которых они были заинтересованы.

Такие договоры были заключены между Германией, Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией и Бельгией и вступили в действие с февраля 1892 г.

В среднем пошлины были повышены на 30%, с 20 июля 1893 г. был установлен двойной таможенный тариф: общий для стран, благоприятствующих России и повышенный – для прочих.

Начало XX в. было связано с принятием новых таможенных уставов, которые более жёстко и последовательно были интегрированы по предмету регулирования.

В период Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) таможенное ведомство оказалось в значительной степени парализовано. Большинство таможен закрылось на длительный срок.

Подводя итоги, можно отметить, что формирование таможенно – тарифной политики дореволюционной России происходило на фоне значительных перемен в экономической, государственной и мировой конъюнктуре. В разные периоды доминировали различные цели: от внешнеполитического торга до укрепления финансовой стабильности и защиты национальной промышленности.

В истории таможенно – тарифного регулирования были как резко протекционистские периоды, так и периоды с крайне низкими или вовсе нулевыми ставками таможенных пошлин.

По мере возникновения свободных рынков (хлебного, угольного, затем нефтяного) государственные тарифы постепенно становятся главным рычагом государственного управления экономикой и важным способом её защиты.

Следует подчеркнуть, что основная цель таможенно – тарифного регулирование в первую очередь заключалась в пополнении государственной казны, и только во вторую – регулирование внешних торговых отношений. В конце XIX – начала XX в. политика протекционизма одержала победу над политикой фритредерства. В результате этого произошло пополнение государственной казны, защита национальных производителей, стабильности внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, таможенно – тарифная система дореволюционной России прошла долгий путь развития. При выработке тарифов российское правительство брало за основу защиту национальной промышленности, а также установление оптимального варианта обложения, который приносил бы устойчивый таможенный доход и обеспечивал бы развитие и рост внешней торговли. В случае необходимости тарифы своевременно пересматривались.

Литература

1.Боков К. И. Становление и развитие таможенного законодательства в России: историко – правовое исследование //Автореферат дисс. на соискание уч. степени к. ю. н. М. 2012.

2.Валько Д. А. Историческое развитие таможенно – тарифного регулирования в России //Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 9. (127).

3.Гудков Ю. А. Становление таможенного законодательства России: учебное пособие //Инновационная экономика и общество. 2021. № 1 (31). С. 23 – 34.

4.Иванов К. Е. История таможенного дела и таможенной политики России: учебное пособие /Изд. 2-е СПб ГЭУ. 2024. 113 с.

5.Новиков С. С. История таможенного дела и таможенной политики России: учебное пособие /Владимир. Издательство ВлГУ. 2021. 316 с.

6.Прокопович Г. А. История таможенного дела и таможенной политики. Часть I (X – XIX века): учебное пособие /СПб. ИУ «Интермедия» 2020. 120 с.

7.Ревина С. Н. Таможенный контроль. Учебное пособие для студентов вузов /Самара. 2018. 173 с.

8.Саломеин А. Ю. История таможенного дела и таможенной политики России: учебное пособие //СПб. ИУ Интермедия. 2011. 252 с.

Historical and legal Research of customs and tariff regulation in Russia (pre–revolutionary period)

Mashkin N.A., Shcherbakov V.A.

Plekhanov Russian University of Economics

This article traces the historical development of tariff and customs regulation in early Russia, examining the causes and underlying factors that drove shifts in customs tariff policy in response to the state's evolving political, economic, and legal landscape. The study focuses on key sources of Russian law, including the «Russkaya Pravda» (Justice of the Rus), the «Sobornoye Ulozheniye» (Council Code) of 1649, and the «Novotorgovy Ustav» (New Trade Charter) of 1667, among others.

The work characterizes the collection of customs duties in early Rus'—spanning both the era of feudal fragmentation and the period of a centralized state—addresses critical issues surrounding the formation and regulation of customs tariffs, and analyzes shifts in the tariff system, ranging from fiscal-protectionist approaches to policies of free trade during the 18th and 19th centuries.

This research study employs a dialectical approach and a comparative-historical method, based on an analysis of legal literature, documentary sources, and subsequent critical and analytical works by contemporary authors that examine the history of the formation of economic policy in Russia.

Keywords: tariff, customs, customs legal regulation, tribute, customs duty, charter, decree, customs charges, customs reform, protectionism, price, commodity, free trade, state, import, export.

References

1. Bokov K. I. Formation and Development of Customs Legislation in Russia: A Historical-Legal Study // Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2012.
2. Valko D. A. Historical Development of Customs and Tariff Regulation in Russia // Economics and Business: Theory and Practice. 2025. No. 9 (127).
3. Gudkov Yu. A. The Formation of Customs Legislation in Russia: A Study Guide // Innovative Economy and Society. 2021. No. 1 (31). pp. 23–34.
4. Ivanov K. E. History of Customs Affairs and Customs Policy in Russia: A Study Guide / 2nd ed. St. Petersburg State University of Economics (UNECON). 2024. 113 p.
5. Novikov S. S. History of Customs Affairs and Customs Policy in Russia: A Study Guide / Vladimir. Vladimir State University (VlSU) Publishing House. 2021. 316 p.
6. Prokopovich G. A. History of Customs Affairs and Customs Policy. Part I (10th–19th Centuries): A Textbook. St. Petersburg: IU «Intermedia», 2020. 120 p.
7. Revina S. N. Customs Control. Textbook for university students / Samara. Samara, 2018. 173 p.

Скрытый франчайзинг и обход ст. 1034 ГК РФ: квалификация непоименованных сетевых договоров для целей субсидиарной ответственности

Барков Константин Борисович
аспирант, кафедра юриспруденции, Российский университет кооперации, barkov@resurspravo.ru

В настоящей статье исследуется актуальная правовая проблема современного гражданского оборота, связанная с распространением так называемого «скрытого франчайзинга». Участники предпринимательских сетей массово отказываются от заключения классических договоров коммерческой концессии, предусмотренных главой 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, в целях обхода требований об обязательной государственной регистрации прав и уклонения от субсидиарной ответственности перед потребителями и контрагентами (ст. 1034 ГК РФ). Автором анализируются правовые механизмы подмены концессионных отношений комплексами непоименованных и смешанных договоров, включая лицензии на товарные знаки, соглашения об оказании услуг и поставке. На основе материалов судебной практики рассматриваются критерии переквалификации подобных сделок в коммерческую концессию, а также выявляются основания для привлечения головных структур к субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства (глава III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Предложены комплексные решения по преодолению выявленных проблем, включая законодательное закрепление презумпций фактического контроля и защиту прав конечных потребителей.

Ключевые слова: скрытый франчайзинг, коммерческая концессия, субсидиарная ответственность, непоименованные договоры, контроль за бизнесом, банкротство.

Введение

Расширение крупных торговых, сервисных и ресторанных сетей на российском рынке традиционно происходит через механизм коммерческой концессии. Названный правовой институт, подробно урегулированный главой 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), устанавливает баланс интересов между правообладателем бренда и независимым предпринимателем. Ключевой элемент названного баланса зафиксирован ст. 1034 ГК РФ, предусматривающей гарантии защиты потребителей [3]. Норма закрепляет субсидиарную ответственность правообладателя по предъявляемым к пользователю требованиям о несоответствии качества товаров, работ или услуг. Правообладатель также отвечает солидарно, когда речь идет о качестве товаров, производимых самим пользователем.

Однако на практике участники оборота стремительно отказываются от оформления полноценных соглашений коммерческой концессии. Причиной выступает стремление исключить государственную регистрацию предоставления права использования объектов интеллектуальной собственности, а также обезопасить головную компанию от имущественных притязаний контрагентов и покупателей [1, 10]. На смену классическим сделкам приходят так называемые непоименованные сетевые соглашения (договоры оказания лицензионных услуг, партнерские контракты, агентские схемы, договоры о сотрудничестве или поставке с элементами оформления) [2, 8]. Субъекты предпринимательства конструируют договорные связи таким образом, чтобы фактически передавать стандарт ведения бизнеса, контроль над технологическими процессами и визуальную идентичность, формально избегая при этом терминологии главы 54 ГК РФ [3].

Подобная практика получила в юридической науке и судебной практике наименование «скрытого франчайзинга». Основная правовая проблема заключается в том, что использование альтернативных договорных конструкций позволяет организаторам сетей уходить от ответственности перед конечными потребителями и контрагентами. Имеет место явный обход закона (ст. 10 ГК РФ), приводящий к дисбалансу прав участников рынка [3]. Представляется необходимым детально исследовать механизмы правовой квалификации смешанных и непоименованных сетевых договоров, выработать критерии применения нормативов субсидиарной ответственности правообладателя вне зависимости от выбранного сторонами наименования документа.

Методы исследования

При написании работы применялся комплекс методов научного познания, обусловленный спецификой предмета юридического анализа. В качестве основного выбран сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить нормативные конструкции договора коммерческой концессии (глава 54 ГК РФ) и непоименованных сетевых соглашений, активно внедряемых в предпринимательскую практику. Методологическую основу также составил формально-догматический подход, с помощью которого проанализированы нормы законодательства (ст. 10, 421, 1034 ГК РФ, нормативные акты о несостоятельности) и формулировки судебных актов.

Использование метода системно-структурного анализа дало возможность выявить взаимосвязи между элементами фактического сетевого контроля и возникновением оснований для субсидиарной ответственности. Метод правового моделирования использован для разработки практических рекомендаций по переквалификации сомнительных сделок арбитражными судами. Применение указанного инструментария позволило всесторонне оценить правовую природу скрытого франчайзинга и предложить пути урегулирования выявленных коллизий.

Результаты и обсуждение

Применение принципа свободы договора, установленного ст. 421 ГК РФ, позволяет участникам гражданского оборота конструировать абсолютно любые правовые связи, не противоречащие действующим законодательным актам [3]. Указанная свобода иногда

превращается в инструмент недобросовестного уклонения от нормативных обременений [9]. Российские компании, развивающие розничные сети или сферы услуг, массово подменяют договоры коммерческой концессии иными соглашениями. Вместо единого документа, подлежащего обязательной учетной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатенте) согласно п. 2 ст. 1028 ГК РФ [3], создается целая система связанных между собой сделок.

Типичный комплекс соглашений скрытого франчайзинга состоит из нескольких взаимосвязанных элементов:

- лицензионного договора на товарный знак (часто без регистрации или на ограниченный перечень классов МКТУ) [2];
- договора возмездного оказания услуг по обучению персонала и маркетинговому сопровождению [8];
- агентского соглашения или договора поставки фирменного оборудования и сырья [9];
- соглашения об использовании программного обеспечения и CRM-систем [14].

Смысловая нагрузка подобного раздробления вполне очевидна. Организатор сети стремится извлечь максимум экономической выгоды от расширения бизнеса и получения регулярных платежей (роялти, паушальных взносов), но одновременно снижает собственные риски до нуля [1].

Правообладатель утверждает, что не состоит с пользователем в отношениях коммерческой концессии, а следовательно, нормы ст. 1034 ГК РФ к нему неприменимы. Потребитель, приобретя некачественный товар или пострадав от ненадлежащим образом оказанной услуги в сетевом заведении, сталкивается с неплатежеспособным местным предпринимателем. Головная компания при этом полностью устраняется от покрытия убытков, ссылаясь на отсутствие прямой договорной связи с покупателем и нераспространение на нее норм главы 54 ГК РФ.

Судебная практика долгое время шла по пути формального толкования норм права [10]. Если стороны не назвали договор соглашением коммерческой концессии и не зарегистрировали передачу прав в Роспатенте, суды отказывались признавать существование концессионных отношений [3]. Однако постепенное развитие подходов к преобладанию существа над формой изменило вектор правоприменения [5]. Анализ современных судебных актов показывает, что суды все чаще смотрят на фактические обстоятельства исполнения соглашений.

Для систематизации отличительных особенностей различных договорных моделей, используемых при построении сетевого бизнеса, была составлена сравнительная характеристика (см. таблицу 1).

Таблица 1
Сравнительный анализ правовых моделей сетевого взаимодействия

Критерий сравнения	Договор коммерческой концессии (гл. 54 ГК РФ)	Простой лицензионный договор (гл. 69 ГК РФ)	Непоименованный сетевой договор (скрытый франчайзинг)
Предмет соглашения	Комплекс исключительных прав (товарный знак, ноу-хау, коммерческое обозначение)	Отдельный объект интеллектуальной собственности (например, только товарный знак)	Оказание услуг по интеграции в бизнес-систему, поставка оборудования, консультации
Обязательная регистрация	Да, регистрация предоставления права в Роспатенте (п. 2 ст. 1028 ГК РФ)	Да, для зарегистрированных объектов	Отсутствует, либо регистрируется только часть прав
Контроль за качеством	Обязателен в силу закона (ст. 1031 ГК РФ)	Не является обязательным элементом	Осуществляется фактически через стандарты и инструкции (регламенты)
Ответственность перед потребителем	Субсидиарная или солидарная (ст. 1034 ГК РФ)	Отсутствует (если прямо не предусмотрена специальными законами)	Формально отсутствует, что создает риски обхода закона

Сравнение представленное в таблице 1, показывает, как непоименованные сетевые договоры заимствуют практически все ключевые признаки коммерческой концессии, исключая при этом главный защитный элемент – ответственность перед третьими лицами. Полагаем, что ключевым критерием переквалификации непоименованного договора в коммерческую концессию должна выступать не столько формальная передача прав на средства индивидуализации, сколько степень фактического контроля за бизнес-процессами пользователя. Когда головная компания определяет цены, регламентирует стандарт обслуживания, поставляет сырье и проводит регулярные проверки, имеет место полноценная предпринимательская лицензия.

Проблема квалификации усложняется, когда сетевой партнер впадает в состояние банкротства. В подобных ситуациях кредиторы и конкурсные управляющие пытаются привлечь головную компанию к субсидиарной ответственности по правилам главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [12]. Возникает вопрос: можно ли считать организатора сети контролирующим должника лицом (КДЛ)?

Официальная позиция высших судебных инстанций указывает на то, что статус КДЛ может возникать не только из корпоративного участия, но и из фактической возможность давать должнику обязательные для исполнения указания [5]. Непоименованные сетевые договоры практически всегда содержат жесткие санкции за отклонение от регламентов сети. Пользователь оказывается в тотальной экономической зависимости от правообладателя [8]. Указанное обстоятельство дает основания для признания организатора скрытого франчайзинга контролирующим лицом при банкротстве сетевого партнера.

Для наглядного подтверждения указанного тезиса необходимо рассмотреть структуру признаков, позволяющих арбитражным судам квалифицировать сетевые отношения как контролирующие (см. таблицу 2).

Таблица 2
Индикаторы фактического контроля в скрытом франчайзинге для целей субсидиарной ответственности

Индикатор контроля	Формальное проявление в непоименованном договоре	Доктринальная квалификация	Правовое последствия для ответственности
Определения ценовой политики	Директивные рекомендованные цены в CRM-системе или договоре поставки	Лишение пользователя экономической самостоятельности	Признание правообладателя КДЛ (ст. 61.10 Закона о банкротстве)
Жесткая регламентация кадрового состава	Обязательное обучение персонала у правообладателя и согласование ключевых сотрудников	Внедрение единой системы управления трудовыми ресурсами	Подтверждение наличия единого хозяйствующего субъекта
Единый централизованный эквайринг	Поступление выручки на единый расчетный счет с последующим перераспределением	Смешение имущественных масс и выведение доходов	Солидарная ответственность за причинение вреда кредиторам
Запрет на закупку у третьих лиц	Обязательство покупать 100% сырья у одобренных поставщиков по завышенным ценам	Изъятие маржинальности в пользу головной компании	Признание сделок недействительными и привлечение к субсидиарной ответственности

Как видно из анализа данных таблицы 2, фактический контроль при скрытом франчайзинге часто выходит далеко за рамки обычной предпринимательской взаимодействия независимых контрагентов. Предлагаем учитывать, что установление хотя бы двух из перечисленных маркеров должно автоматически смещать бремя доказывания на организатора сети. Именно правообладатель должен доказывать разумность и добросовестность своего вмешательства в операционную деятельность партнера (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ).

Важным правовым ориентиром выступает правовая позиция, выраженная в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А60-2166/2018 [11]. В рамках указанного дела суд детально проанализировал условия взаимодействия между участниками сети и установил, что формальное разделение бизнеса на множество независимых индивидуальных предпринимателей и обществ с ограниченной ответственностью являлось искусственным. Суд указал на то, что единый центр управления, общие стандарты и визуальная идентичность создают у третьих лиц стойкое представление о работе единого хозяйствующего субъекта. Следовательно, попытки уклониться от ответственности перед кредиторами через раздробление структуры не могут защищаться законом.

Подобная судебная аргументация напрямую затрагивает проблематику скрытого франчайзинга, поскольку демонстрирует клас-

сический пример борьбы судов с обходом ст. 1034 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3, 11]. Организаторы сетевых бизнес-моделей часто используют юридическую конструкцию дробления активов, распределяя функции между аффилированными или номинально самостоятельными субъектами, чтобы исключить возникновение субсидиарной ответственности головной компании [7]. На практике подобный подход позволяет головному бенефициару аккумулировать всю финансовую выгоду от использования бренда, товарных знаков и уникальных технологий, одновременно перекладывая предпринимательские риски и долговые обязательства на мелких сателлитов. Когда наступает финансовый кризис или банкротство отдельной точки сети, кредиторы сталкиваются с имущественной несостоятельностью формального контрагента, в то время как истинный выгодоприобретатель остается защищенным формальными границами самостоятельных юридических лиц.

Судебные органы при разрешении подобных споров начинают активно применять доктрину преобладания содержания над формой, квалифицируя разрозненные договоры поставки, оказания услуг и лицензирования как единое целое. Наличие жестких регламентов обслуживания, централизованного снабжения, единых цен и узнаваемого оформления точек продаж рушит защиту недобросовестных предпринимателей, пытающихся выдать франчайзинговые отношения за случайное партнерство. Указанный подход создает необходимый правовой заслон против злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и позволяет привлекать реальных бенефициаров бизнеса к имущественной ответственности по долгам сети.

Особый интерес представляет вопрос квалификации обхода закона применительно к ст. 1034 ГК РФ. Согласно ст. 10 ГК РФ, не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [3]. Заключение непоименованного договора с целью исключения субсидиарной ответственности правообладателя представляет собой классический вариант обхода закона [4]. Права покупателя или заказчика ущемляются, так как формальный исполнитель услуг часто оказывается «пустышкой» без реальных активов [6].

Рассматривая сложившуюся практику, допустимо сделать вывод, что противодействие скрытому франчайзингу требует комплексного изменения подходов к квази-концессионным сделкам. Требуется разработать четкие законодательные и судебные механизмы, предупреждающие злоупотребление правом свободной квалификации договоров. В таблице 3 систематизированы основные проблемы, возникающие при квази-франчайзинговом взаимодействии, а также предложены способы их решения.

Таблица 3
Проблемы правового регулирования скрытого франчайзинга и пути их решения

№ п/п	Выявленная проблема	Нормативно-правовая регламентация	Предлагаемые решения
1	Уклонение от регистрационных процедур в Роспатенте	Ч. 2 ст. 1028 ГК РФ	Введение презумпции действительности прав третьих лиц и обязательности ст. 1034 ГК РФ независимо от факта государственной регистрации.
2	Использование непоименованных и смешанных договоров для квалификации отношений вне главы 54 ГК РФ	Ст. 421 ГК РФ	Закрепление в ст. 1027 ГК РФ легального определения «сетевого предпринимательского договора» с распространением на него правил о качестве и ответственности.
3	Безнаказанность головных компаний при искусственном разделении бизнеса	Глава III.2 Закона о банкротстве	Расширение практики применения институтов «срывания корпоративной вуали» и сквозной субсидиарной ответственности организаторов сетей.
4	Незащищенность конечного потребителя товаров и услуг	Ст. 1034 ГК РФ, Закон «О защите прав потребителей»	Закрепление права потребителя предъявлять прямые иски к владельцу бренда при наличии визуальной идентичности точек продаж.

Анализ таблицы 3 свидетельствует о необходимости перехода от формально-буквоедского подхода к содержательной квалификации договорных связей. Ожидаем, что внесение точечных изменений в законодательство и выработка специальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ позволит ликвидировать пробелы, эксплуатируемые недобросовестными субъектами.

Дальнейшее игнорирование проблемы скрытого франчайзинга влечет за собой размытие института коммерческой концессии [13]. Добросовестные правообладатели, честно регистрирующие договоры и несущие риски по ст. 1034 ГК РФ, оказываются в невыгодном экономическом положении по сравнению со своими конкурентами, использующими серые схемы. Развитие гражданского оборота требует создания равных условий для всех участников.

Считаем, что основным нормативным вектором должно стать признание любого договора, содержащего условия о передаче комплексного бизнес-формата и осуществлении систематического контроля за его соблюдением, договором коммерческой концессии по своей юридической природе (п. 2 ст. 170 ГК РФ – притворная сделка). Использование конструкции притворной сделки позволяет применять к отношениям сторон правильные нормы права, включая положения об ответственности правообладателя.

При этом нужно учитывать риски чрезмерного давления на бизнес. Независимые дистрибьюторские сети и дилерские соглашения не должны автоматически попадать под жесткое регулирование главы 54 ГК РФ. Разграничение должно проводиться по линии «контроль за качеством и бизнес-процессом» против «обычного контроля за соблюдением условий поставки товара». Если головная компания диктует стандарты внутреннего распорядка, обучает персонала и обязывает соблюдать жесткий брендбук, перед нами франчайзинг, как бы стороны ни называли подписанный документ.

Заключение

Проведенное исследование доказывает необходимость кардинального пересмотра судебных подходов к квалификации квази-концессионных соглашений. Распространение практики подмены соглашений о коммерческой концессии непоименованными договорами влечет разрушение защитных механизмов гражданского права. Уклонение от применения нормативных требований ст. 1034 ГК РФ посредством юридических уловок нарушает баланс интересов и лишает контрагентов с потребителями эффективных средств правовой защиты.

Правоприменительной практике следует окончательно отказаться от приоритета внешней формы документов над фактическим содержанием сложившихся отношений. Если структура договорных связей дает организатору сети реальную возможность контролировать производственные и операционные процессы партнера, такой организатор обязан нести пропорциональные имущественные риски. Применение концепции притворности сделок и квалификация неоформленного франчайзинга в качестве коммерческой концессии позволит восстановить социальную справедливость.

Гармонизация нормативного регулирования предпринимательских сетей требует закрепления законодательных презумпций ответственности бренда за действия своих фактических сателлитов. Только признание правообладателя лицом, отвечающим за конечный результат функционирования всей сетевой системы, способно предотвратить недобросовестный обход закона и обеспечить устойчивость хозяйственного оборота.

Литература

1. Алексеев, Д. Д. К вопросу о разграничении понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия» в российском договорном праве / Д. Д. Алексеев // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 89–96.

2. Бессарабова, В. В. Проблемы ответственности субъектов хозяйствования по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) / В. В. Бессарабова // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики : сборник трудов. – 2019. – С. 156–157.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Демина, А. С. Институт франшизы и франчайзинга в гражданском праве: современные проблемы / А. С. Демина // Молодежь и системная модернизация страны : сборник научных статей. – 2020. – С. 72–74.

5. Загнетин, В. Н. Пленум ВС РФ – о субсидиарной ответственности / В. Н. Загнетин. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/plenum_vs_rf__o_subsidiarnoy_otvetstvennosti/ (дата обращения: 03.10.2026).

6. Иванова, Н. С. Институт франшизы в гражданском праве: современные проблемы и зарубежный опыт / Н. С. Иванова // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал : сборник материалов конференции. – 2021. – С. 123–126.

7. Ляшенко, И. ВС РФ рассмотрел спор о субсидиарной ответственности за искусственное разделение бизнеса / И. Ляшенко. – 2026. – URL: https://obplaw.ru/2026/09/vs-rf-rassmotrel-spor-o-subsidiarnoj-otvetstvennosti-za-iskusstvennoe-razdelenie-biznesa/ (дата обращения: 03.10.2026).

8. Максакова, Т. А. Франчайзинг – динамический рост стартапов бизнесов / Т. А. Максакова // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2019. – № 2. – С. 245–253.

9. Османова, Н. Р. Гражданско-правовая характеристика договора коммерческой концессии: современный взгляд и перспективы развития / Н. Р. Османова // Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации : сборник научных трудов. – 2021. – С. 164–168.

10. Осокин, А. В. Договор коммерческой концессии: вопросы содержания и проблемы ответственности / А. В. Осокин // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 25. – С. 178–194.

11. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2018 г. по делу № А60-2166/2018. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в соответствии с главой III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и ст. 3.1 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» : методические материалы ФНС России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.rn57.nalog.ru/doc/d200219.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

13. Семнадцатый арбитражный апелляционный суд : официальный сайт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/r34FE946yGJn/ (дата обращения: 03.10.2026).

14. Тихомирова, И. Ю. Договор франчайзинга: сложности реализации на современном этапе развития гражданского законодательства / И. Ю. Тихомирова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 6 (46). – С. 110–114.

Hidden franchising and circumvention of article 1034 of the Civil code of the Russian Federation: classification of unnamed network contracts for the purposes of subsidiary liability

Barkov K.B.
Russian University of Cooperation

This article examines the pressing legal issue in modern civil turnover associated with the spread of so-called "hidden franchising." Participants in business networks massively refuse to conclude classic commercial concession agreements provided for by Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation in order to bypass the requirements for mandatory state registration of rights and evade subsidiary liability to consumers and counterparties (Article 1034 of the Civil Code of the RF). The author analyzes the legal mechanisms of substituting concession relations with complexes of unnamed and mixed agreements, including trademark licenses, service provision contracts, and supply agreements. Based on judicial practice materials, the criteria for requalifying such transactions into commercial concession are considered, and the grounds for holding parent structures subsidiarily liable within bankruptcy procedures (Chapter III.2 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)") are identified. Comprehensive ways to overcome the identified conflicts are proposed, including the legislative consolidation of actual control presumptions and the protection of end consumers' rights.

Keywords: hidden franchising, commercial concession, subsidiary liability, innominate contracts, business control, bankruptcy.

References

1. Alekseev, D. D. On the Distinction Between the Concepts of "Franchising" and "Commercial Concession" in Russian Contract Law / D. D. Alekseev // Issues of Russian Justice. – 2022. – No. 19. – P. 89–96.

2. Bessarabova, V. V. Liability Issues for Business Entities Under a Comprehensive Entrepreneurial License (Franchising) Agreement / V. V. Bessarabova // Modern Innovative Technologies and Sustainable Development Issues in the Digital Economy: Collection of Proceedings. – 2019. – P. 156–157.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ dated January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025, and June 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

4. Demina, A. S. The Legal Institution of the Franchise and Franchising in Civil Law: Contemporary Issues / A. S. Demina // Youth and the Systemic Modernization of the Country: Collection of Scientific Articles. – 2020. – P. 72–74.

5. Zagnetin, V. N. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Subsidiary Liability / V. N. Zagnetin. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/plenum_vs_rf__o_subsidiarnoy_otvetstvennosti/ (accessed: October 3, 2026). 6. Ivanova, N. S. The Franchise Institution in Civil Law: Contemporary Issues and Foreign Experience / N. S. Ivanova // Current Issues in Modern Law: The Interplay of Public and Private Principles : Conference Proceedings. – 2021. – P. 123–126.

7. Lyashenko, I. The Supreme Court of the Russian Federation Heard a Dispute Regarding Subsidiary Liability for Artificial Business Splitting / I. Lyashenko. – 2026. – URL: https://obplaw.ru/2026/09/vs-rf-rassmotrel-spor-o-subsidiarnoj-otvetstvennosti-za-iskusstvennoe-razdelenie-biznesa/ (accessed: 03.10.2026).

8. Maksakova, T. A. Franchising: Dynamic Growth of Startup Businesses / T. A. Maksakova // Modern Issues in Law, Economics, and Management. – 2019. – No. 2. – P. 245–253.

9. Osmanova, N. R. Civil Law Characteristics of the Commercial Concession Agreement: A Modern Perspective and Development Prospects / N. R. Osmanova // Current Issues of Private Law in the Russian Federation : Collection of Scientific Papers. – 2021. – P. 164–168.

10. Osokin, A. V. Commercial Concession Agreement: Issues of Content and Liability / A. V. Osokin // Issues of Russian Justice. – 2023. – No. 25. – P. 178–194. 11. Ruling of the Seventeenth Commercial Court of Appeal dated September 21, 2018, in Case No. A60-2166/2018. – Accessed via the ConsultantPlus legal reference system.

12. Imposition of subsidiary liability on persons controlling the debtor in accordance with Chapter III.2 of Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)" and Art. 3.1 of Federal Law No. 14-FZ dated February 8, 1998, "On Limited Liability Companies": methodological materials of the Federal Tax Service of Russia. – URL: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.rn57.nalog.gov.ru/doc/d200219.pdf (date of access: October 3, 2026).

13. Seventeenth Commercial Court of Appeal: official website. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/r34FE946yGJn/ (date of access: October 3, 2026).

14. Tikhomirova, I. Yu. Franchise Agreement: Implementation Challenges at the Current Stage of Civil Legislation Development / I. Yu. Tikhomirova // Skif. Issues of Student Science. – 2020. – No. 6 (46). – P. 110–114.

Правовые гарантии субъектов малого предпринимательства как направление совершенствования российского законодательства

Галин Ильсур Мансурович
аспирант кафедры теории государства и права института права Уфимского университета науки и технологий, galin.ilsur_98@mail.ru

В статье исследуются содержание правовых гарантий субъектов малого предпринимательства в российском законодательстве и особенности их реализации в условиях цифровизации публичных процедур. Рассматривается соотношение специальных мер поддержки и юридических средств, обеспечивающих доступ к ним и защиту прав предпринимателей. Установлено, что действующее законодательство предусматривает специальные правовые гарантии в сфере государственного контроля и административной ответственности, однако отдельные процедуры реестрового учета и принятия решений с использованием государственных информационных систем нуждаются в дополнительном нормативном обеспечении. Обоснованы предложения по развитию процедурного обеспечения реестрового учета субъектов малого и среднего предпринимательства, повышению проверяемости юридически значимых цифровых решений с учетом действующих механизмов административной и судебной защиты.

Ключевые слова: правовые гарантии, малое предпринимательство, меры государственной поддержки, специальный правовой режим, реестр субъектов МСП, процедурная защита, автоматизированные решения, правовая определенность.

Цель исследования состоит в определении содержания правовых гарантий субъектов малого предпринимательства, выявлении недостатков их нормативного и процедурного обеспечения и обосновании предложений по совершенствованию российского законодательства с учетом действующих специальных режимов и способов защиты прав предпринимателей.

Методы. В статье использованы формально-юридический, системный, логико-догматический и интерпретационный методы. Формально-юридический метод применялся при анализе законодательства о государственной поддержке малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), государственном контроле, административной ответственности, реестровом учете и цифровых публичных процедурах. Системный метод позволил рассмотреть правовые гарантии во взаимосвязи с обеспечиваемыми ими правами, специальными мерами поддержки и установленными способами защиты. Логико-догматический и интерпретационный методы использовались для разграничения правовых гарантий и иных правовых средств, выявления недостатков их нормативного обеспечения и обоснования предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты. Уточнено содержание правовых гарантий субъектов малого предпринимательства и их соотношение с мерами государственной поддержки, льготами и специальными преимуществами. Установлено, что действующее законодательство уже предусматривает специальные гарантии в сфере государственного контроля и административной ответственности, тогда как отдельные процедуры реестрового учета и принятия решений с использованием государственных информационных систем нуждаются в дополнительном нормативном обеспечении. Предложено предусмотреть предварительное уведомление предпринимателя при выявлении расхождений учетных сведений, способных повлечь ошибочное исключение из реестра МСП, а также дополнительные гарантии проверки фактических оснований неблагоприятных решений, принимаемых с использованием государственных информационных систем.

Правовое положение субъектов малого предпринимательства определяется сочетанием частноправовых начал предпринимательской деятельности с публично-правовым регулированием государственного контроля и поддержки.

Правовые гарантии субъектов малого предпринимательства представляют собой закрепленные в законодательстве юридические средства, обеспечивающие реализацию и защиту их прав и законных интересов с учетом особенностей специального правового режима. Их содержание определяется характером обеспечиваемого права и предусмотренными законом условиями его осуществления. Меры государственной поддержки, льготы и преимущества формируют специальные правовые возможности предпринимателя, тогда как правовые гарантии обеспечивают соблюдение установленных условий их реализации и защиту соответствующих прав и законных интересов при нарушении предусмотренного законом порядка. Достаточность таких гарантий определяется наличием юридически обеспеченной возможности реализовать предоставленное право и восстановить его в случае нарушения.

Правовая определенность предполагает возможность субъекта малого предпринимательства заранее установить содержание возлагаемых на него обязанностей, пределы допустимого поведения, условия получения государственной поддержки и правовые последствия изменения статуса.

Изменение правил отчетности, участия в закупках, допуска к государственной поддержке и электронного взаимодействия с органами власти требует от субъектов малого предпринимательства дополнительных организационных затрат. Крупные компании способны распределять связанные с этим задачи между специализированными подразделениями, тогда как в малом бизнесе их выполнение, как правило, возлагается на ограниченное число работников или непосредственно на руководителя.

Требования к деятельности субъектов малого предпринимательства устанавливаются федеральными законами и подзаконными нормативными актами, а порядок их исполнения может конкретизироваться в ведомственных регламентах и технических условиях электронного взаимодействия. Частое изменение взаимосвязанных предписаний осложняет определение того, какие именно

обязанности возложены на предпринимателя и в каком порядке они подлежат исполнению.

Доступность государственной поддержки зависит от установленных законом условий и порядка предоставления соответствующих мер. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ) [12] предусматривает финансовую, в том числе гарантийную, имущественную, информационную и консультационную поддержку субъектов МСП, а также поддержку в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников (ч. 1 ст. 16). Наряду с этим законодатель закрепляет равный доступ субъектов МСП, отвечающих установленным условиям, к участию в программах поддержки и запрещает, за предусмотренными законом исключениями, требовать документы, находящиеся в распоряжении государственных органов, органов местного самоуправления и подведомственных им организаций (ч. 1, 2 ст. 14 Закона № 209-ФЗ).

Право предпринимателя обратиться за государственной поддержкой само по себе не предрешает ее предоставления. Последнее определяется требованиями конкретной программы, правовым режимом предоставляемых средств и предусмотренными основаниями отказа. Возможность проверить обоснованность отказа и оспорить его составляет самостоятельную правовую гарантию доступа к предусмотренным мерам поддержки.

Региональная дифференциация мер поддержки обусловлена установленным законом разграничением полномочий и сама по себе не свидетельствует о нарушении равенства предпринимателей. Условия предоставления поддержки не могут применяться избирательно или изменяться в обход установленного порядка, а предприниматели, отвечающие одинаковым требованиям конкретной программы, – ставиться в необоснованно различное положение. В противном случае нарушаются правовые гарантии доступа к поддержке.

Одинаковые по содержанию публичные обязанности могут создавать для субъектов малого предпринимательства значительно большие организационные издержки, чем для крупных компаний. Формальное равенство установленных требований не устраняет различий в фактической тяжести их исполнения, обусловленных кадровыми и организационными возможностями хозяйствующих субъектов.

Административная нагрузка на малый бизнес зависит от содержания возлагаемых обязанностей и устойчивости регулирующих их требований. Ведение отчетности, соблюдение лицензионных условий, прохождение контрольных мероприятий и обеспечение защиты персональных данных требуют организационных, временных и финансовых ресурсов. Их затраты возрастают при частом изменении правил, и соразмерность регулирования следует оценивать с учетом фактических издержек, которые несет предприниматель при исполнении публичных обязанностей.

Требования к защите персональных данных, установленные Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) [13] и конкретизированные подзаконными нормативными актами [7; 8], дифференцируются с учетом характера обработки и уровня защищенности персональных данных. Использование типовых организационных решений может облегчить исполнение соответствующих требований субъектами малого предпринимательства без введения общего облегченного режима в зависимости от размера предприятия.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ) [15] предусматривает осуществление государственного контроля на основе управления рисками, закрепляет приоритет профилактических мероприятий и устанавливает требования соразмерности контрольного вмешательства (ст. 8, 9, 22 Закона № 248-ФЗ). Гарантии, действующие в сфере государственного контроля, не подменяют правил назначения административного наказания. Согласно части 3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [4], при назначении наказания юридическому лицу учитываются характер совершенного правонарушения, его имущественное и финансовое положение, смягчающие и отягчающие обстоятельства.

При наличии предусмотренных законом условий административный штраф подлежит замене предупреждением (ст. 4.1.1 КоАП РФ). Применение этой нормы предполагает установление факта совершения правонарушения впервые, обстоятельств, указанных в статье 3.4 КоАП РФ, и соблюдение законодательных исключений. В отношении юридических лиц, отнесенных к малым предприятиям, статья 4.1.2 КоАП РФ устанавливает специальные правила определения административного штрафа.

Применение отдельных предусмотренных законом преимуществ для субъектов МСП зависит от наличия сведений о лице в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – реестр МСП). Законодательство предусматривает специальный порядок изменения категории субъекта МСП, учитывающий устойчивость изменения экономических показателей. Различия в положении предприятий, в том числе связанные с их ростом, служат для И. В. Ершовой и Е. В. Трофимовой основанием для дальнейшей дифференциации специального правового режима МСП и персонализации мер поддержки [2, с. 27]. Вместе с тем изменение категории предприятия может повлечь прекращение предоставляемых преимуществ. Если действующий порядок не предотвращает неблагоприятных последствий такого изменения, в соответствующем специальном режиме могут быть предусмотрены дополнительные переходные гарантии.

Закупочное законодательство предусматривает специальные правовые возможности для отдельных категорий предпринимателей. Участие субъектов малого предпринимательства в закупках для государственных и муниципальных нужд регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [10]. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ) [11] предусматривает иной закупочный режим, в котором установлены особенности участия субъектов МСП. Условия допуска к закупкам и способы защиты прав участников определяются соответствующим правовым режимом.

Реестр МСП имеет учетно-информационный характер и служит публичным средством подтверждения соответствия хозяйствующего субъекта установленным законом критериям. Само по себе отсутствие записи не исключает признания лица субъектом МСП, что подтверждается практикой Верховного Суда Российской Федерации [5; 6]. Вместе с тем в отдельных специальных режимах законодатель непосредственно связывает применение определенных преимуществ с наличием реестровой записи. Статья 4.1.2 КоАП РФ связывает применение специальных правил определения административного штрафа к юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, включая микропредприятия, с наличием сведений о них в реестре МСП. Если закон не устанавливает такого условия, отсутствие записи не препятствует применению специального правового режима при подтвержденном соответствии субъекта установленным критериям. В тех же случаях, когда наличие реестровой записи обязательно, ошибка государственного учета способна ограничить доступ предпринимателя к предусмотренному законом преимуществу, несмотря на его фактическое соответствие необходимым требованиям.

Предварительное уведомление предпринимателя о предполагаемом изменении реестровой записи могло бы предотвратить ошибочное исключение субъекта МСП, если до очередного обновления реестра выявлено расхождение учетных сведений. В уведомлении должны быть указаны основания предполагаемого изменения и порядок представления пояснений, возможность проверки которых зависит от установленных законом сроков и характера выявленного расхождения. Если ошибочное исключение уже состоялось, требуется восстановить достоверные сведения и разрешить вопрос о его правовых последствиях. Такая процедура дополняла бы действующие способы исправления реестровых сведений [16], не препятствуя исключению субъекта, утратившего предусмотренные законом основания для нахождения в реестре.

Достоверность исходных сведений имеет значение и при использовании цифровых механизмов государственной поддержки. Цифровой профиль предпринимателя, автоматический подбор программ поддержки и предварительное заполнение обращений уже применяются в действующей системе [17]. Правовые последствия использования таких систем требуют самостоятельной оценки, когда обработанные ими сведения становятся основанием для решения о предоставлении государственной поддержки либо об отказе в ней.

Степень автоматизации процедуры влияет на содержание гарантий проверки неблагоприятного решения. Федеральный закон от

27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон № 210-ФЗ) [14] предусматривает информирование заявителей и возможность обжалования решений, принимаемых при предоставлении соответствующих услуг. Для правовой оценки автоматизированного решения существенна возможность установить причины его принятия. Объяснимость результатов применения алгоритма составляет один из аспектов его прозрачности [9, с. 16], однако раскрытие сведений о работе системы и обоснование индивидуального решения имеют различное юридическое значение [3, с. 35]. Проверяемость решения предполагает также установление достоверности сведений, положенных в его основу. Контроль фактических оснований административного акта составляет самостоятельный предмет проверки наряду с соблюдением процедуры его принятия [1, с. 51]. Общая возможность обжалования решения не гарантирует во всех случаях проверки исходных данных, использованных автоматизированной системой, и пересмотра результата после исправления выявленной ошибки. Если применимый порядок не обеспечивает такой проверки, дополнительной гарантией может стать повторное рассмотрение вопроса уполномоченным органом. Для полностью автоматизированных решений эта процедура может предусматривать проверку результата должностным лицом без обязательного раскрытия программного кода или иной охраняемой законом информации.

В реестровых и автоматизированных процедурах реализация предусмотренных законом преимуществ может зависеть от достоверности сведений, используемых публичным субъектом. Ошибки государственного информационного учета способны ограничивать права предпринимателя даже при его фактическом соответствии установленным требованиям. Дополнительное процедурное регулирование, по мнению автора, оправданно в той мере, в какой действующие способы исправления сведений, административного и судебного обжалования не позволяют устранить правовые последствия таких ошибок.

Литература

1. Андреев Д. С. Контроль фактических оснований принятия административных актов в российском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 4. С. 51–84.

2. Ершова И. В., Трофимова Е. В. Дифференциация и трансфер специального правового режима малого и среднего предпринимательства как способ обеспечения структурных изменений российской экономики // Lex russica. 2025. Т. 78. № 6. С. 27–43.

3. Кабытов П. П., Назаров Н. А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 28–55.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.09.2026).

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024), утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2024 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/documents/all/34051 (дата обращения: 30.09.2026).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2026 г. № 301-ЭС25-12096 по делу № А11-11716/2024 // ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/414087119/ (дата обращения: 30.09.2026).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70252506/ (дата обращения: 30.09.2026).

8. Приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146520/ (дата обращения: 30.09.2026).

9. Талапина Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.

10. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 30.09.2026).

11. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.09.2026).

12. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 30.09.2026).

13. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 30.09.2026).

14. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7633/ (дата обращения: 30.09.2026).

15. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 30.09.2026).

16. ФНС России. Сведения о себе в «Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства» можно узнать через сервис // Официальный сайт ФНС России [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn31/news/activities_fts/16587401/ (дата обращения: 30.09.2026).

17. Цифровая платформа МСП.РФ. Цифровой профиль предпринимателя // Официальный сайт цифровой платформы МСП.РФ [Электронный ресурс]. URL: https://xn--l1agf.xn--p1ai/digital_profile (дата обращения: 30.09.2026).

Legal guarantees for small business entities as an area for improving russian legislation

Galin I.M.

Ufa university of science and technology

This article examines the substantive content of legal guarantees for small business entities under Russian legislation and the specific features of their implementation in the context of the digitalization of public administrative procedures. It explores the relationship between special support measures and the legal mechanisms that ensure access to such measures and protect entrepreneurs' rights. The study establishes that existing legislation provides specific legal guarantees in the areas of state control and administrative liability, while certain procedures governing the maintenance of the register of small and medium-sized enterprises and decision-making through state information systems require further legislative regulation. The article substantiates proposals for strengthening procedural safeguards in maintaining the register of small and medium-sized enterprises and improving the reviewability of legally consequential decisions made through digital systems, taking into account existing mechanisms of administrative and judicial protection.

Keywords: legal guarantees, small business, government support measures, special legal regime, register of small and medium-sized enterprises, procedural protection, automated decisions, legal certainty.

References

1. Andreev D. S. Review of the Factual Grounds for Administrative Acts in Russian Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18. No. 4. pp. 51–84.
2. Ershova I. V., Trofimova E. V. Differentiation and Transfer of the Special Legal Regime for Small and Medium-Sized Enterprises as a Means of Facilitating Structural Changes in the Russian Economy // Lex russica. 2025. Vol. 78. No. 6. pp. 27–43.
3. Kabytov P. P., Nazarov N. A. Transparency of Public Administration in the Context of Automated Decision-Making // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18. No. 3. pp. 28–55.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, dated December 30, 2001, No. 195-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: September 30, 2026).
5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Nos. 2, 3 (2024), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2024 // Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://vsrf.ru/documents/all/34051 (accessed: September 30, 2026). 6. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 17, 2026, No. 301-ЭС25-12096, in case No. A11-11716/2024 // GARANT [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/414087119/ (accessed: September 30, 2026).

Фиксирующие и прогнозные индикаторы риска в федеральном государственном земельном контроле (надзоре)

Дитрих Дмитрий Константинович
старший преподаватель кафедры геодезии, землеустройства и кадастров, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ), соискатель, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, e-mail: jusi-frut@mail.ru

Афанасьев Сергей Николаевич
кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова (СПбГЛТУ), afanasser@mail.ru

После перехода контрольно-надзорной деятельности на риск-ориентированную модель индикаторы риска нарушения обязательных требований стали одним из основных оснований для внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий (п. 1 ч. 1 ст. 57 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ), а федеральный государственный земельный контроль (надзор) — видом контроля, где этот инструмент применяется наиболее широко. Цель исследования — установить, выполняют ли индикаторы риска в земельном надзоре превентивную функцию, которую закон связывает с риск-ориентированным подходом. На основе анализа ведомственных перечней индикаторов риска трёх органов земельного надзора, данных ведомственной самооценки их эффективности, сводных докладов о государственном контроле (надзоре) за 2023–2025 годы, проектов ведомственных актов об индикаторах риска 2026 года и судебной практики предложено разграничение индикаторов риска на фиксирующие, регистрирующие уже наступившее состояние земельного участка, и прогнозные, указывающие на вероятность будущего нарушения. Показано, что действующие перечни состоят преимущественно из фиксирующих индикаторов; у Россельхознадзора — единственного органа, раскрывающего эти данные, — их эффективность составляет 95,5–100%, тогда как прогнозные индикаторы срабатывают единично. Высокая эффективность фиксирующих индикаторов во многом объясняется совпадением их параметров с признаками объективной стороны земельных правонарушений, что расходится с легальным определением индикатора; применяемый показатель эффективности структурно не приспособлен к оценке прогнозных индикаторов. Возможность «паспортизации» индикаторов, предусмотренная ч. 1.1 ст. 61.1 Федерального закона № 248-ФЗ, органами земельного надзора не используется, в том числе в проектах ведомственных актов об индикаторах риска 2026 года. Обоснованы единое для трёх органов земельного надзора минимальное содержание паспорта индикатора риска, дифференциация правовых последствий срабатывания фиксирующих и прогнозных индикаторов и раздельные метрики их результативности.

Ключевые слова: земельный контроль (надзор), индикатор риска, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений, паспортизация индикаторов риска, Росреестр, Россельхознадзор, Росприроднадзор, Федеральный закон № 248-ФЗ.

За последнее десятилетие риск-ориентированный подход превратился из одного из инструментов реформы контрольно-надзорной деятельности в её организующий принцип. В Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. Президент РФ предложил с 1 января 2025 г. «отказаться от временных мораториев на проверки бизнеса» и «полностью перейти на риск-ориентированный подход, закрепив его законодательно», указав, что «там, где риски отсутствуют, надо применять профилактические меры и таким образом минимизировать число проверок»[1]. Ключевое значение в такой модели приобретают критерии отбора объектов для внепланового вмешательства — индикаторы риска нарушения обязательных требований (ч. 9 ст. 23 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ; далее — Закон № 248-ФЗ)[2].

Федеральный государственный земельный контроль (надзор) — сфера наиболее широкого применения индикаторов риска. По данным сводного доклада за 2023 г., на земельный надзор пришлось 4 194 проверки по индикаторам риска, или 52% всех таких проверок в стране, при эффективности 79,4%[3]; в 2024 г. — около 4,4 тыс. мероприятий с эффективностью 92,9%[4], в 2025 г. — около 2,4 тыс. мероприятий с эффективностью 91,8%[5]. В общенациональный перечень десяти наиболее применяемых индикаторов риска за 2025 г. вошли три земельных индикатора[6].

Эти показатели принято считать свидетельством успешности риск-ориентированной модели в земельной сфере. Однако высокая эффективность индикаторов (доля проверок, по которым подтвердились нарушения) сама по себе не означает выполнения ими целевой функции. Закон № 248-ФЗ определяет государственный контроль (надзор) как деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений обязательных требований (ч. 1 ст. 1 Закона № 248-ФЗ), а при риск-ориентированном подходе выбор и интенсивность мероприятий определяются оценкой риска причинения вреда (ст. 22). Индикатор, лишь фиксирующий уже совершённое нарушение, повышает результативность выявления, но не предупреждает вред, то есть выполняет выявительную, а не превентивную функцию.

Согласно ч. 9 ст. 23 Закона № 248-ФЗ индикаторы риска разрабатываются «в целях оценки риска причинения вреда (ущерба) при принятии решения о проведении и выборе вида внепланового контрольного (надзорного) мероприятия», а под индикатором понимается «соответствие или отклонение от параметров объекта контроля, которые сами по себе не являются нарушениями обязательных требований, но с высокой степенью вероятности свидетельствуют о наличии таких нарушений и риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям». Статья 61.1, введённая в 2024 г. и изменённая Федеральным законом от 29.12.2025 № 567-ФЗ, развивает эту конструкцию: акт об утверждении перечня может содержать конкретные значения параметров объектов контроля либо порядок их расчёта и (или) применения (ч. 1.1); срабатывание индикатора влечёт мотивированное представление о проведении контрольного (надзорного) мероприятия (ч. 2); положением о виде контроля может быть предусмотрено размещение информации о срабатывании в личном кабинете контролируемого лица на Едином портале государственных и муниципальных услуг (ч. 3); методическое обеспечение разработки перечней возложено на федеральный орган, вырабатывающий государственную политику в сфере контроля (надзора) (ч. 4)[7].

В законодательном определении заложена двойственность. С одной стороны, параметр объекта «сам по себе» нарушением не является. С другой — он должен «с высокой степенью вероятности»

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 2024. 1 марта. № 46.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[3] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2023 год. С. 20. URL: http://government.ru/info/51961/ (дата обращения: 17.10.2026).

[4] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2024 году. С. 91. URL: http://government.ru/info/55375/ (дата обращения: 17.10.2026).

[5] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. С. 105. URL: http://government.ru/info/58957/ (дата обращения: 17.10.2026).

[6] Там же. С. 106–107.

[7] Ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ (введена Федеральным законом от 28.12.2024 № 540-ФЗ; ч. 1.1 введена, в ч. 2–4 внесены изменения Федеральным законом от 29.12.2025 № 567-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

свидетельствовать «о наличии» нарушения, то есть о факте, который к моменту срабатывания индикатора, как правило, уже существует. Индикатор сконструирован прежде всего как диагностический признак нарушения, а не как предиктор будущего вреда, хотя «наличие нарушений» и «риск причинения вреда» соединены в определении союзом «и». Показательно, что последствием срабатывания индикатора закон называет внеплановое контрольное (надзорное), а не профилактическое мероприятие (п. 1 ч. 1 ст. 57, ч. 2 ст. 61.1). Доктрина же понимает риск как вероятностную категорию, обращённую в будущее. Ю. А. Тихомиров определяет риск как вероятностное событие, влекущее негативные последствия для реализации правового решения[1], С. А. Агамагомедова — как измеримую величину, производную от частоты реализации угрозы и масштаба её последствий[2]; А. В. Мартынов видит смысл риск-ориентированного подхода в концентрации ресурсов контроля там, где вероятность причинения вреда наиболее высока, и в снижении за этот счёт давления на добросовестных субъектов[3]. А. Е. Шаститко и К. В. Дозмаров подчёркивают, что инструмент, результативность которого не верифицируется по отношению к его цели, лишь имитирует управление рисками[4].

Для анализа этой двойственности предлагается разграничивать индикаторы по временному соотношению контролируемого параметра и нарушения обязательного требования. Фиксирующие индикаторы регистрируют уже наступившее состояние объекта. Среди них следует различать, во-первых, индикаторы, параметр которых совпадает с признаками объективной стороны правонарушения (например, несоответствие использования земельного участка его виду разрешённого использования), во-вторых, сопутствующие индикаторы, параметр которых сам нарушением не является, но обычно сопровождает уже совершённое нарушение (например, наличие на участке техники для снятия плодородного слоя почвы). Прогнозные индикаторы указывают на состояние объекта или поведение контролируемого лица, которые предшествуют нарушению, и тем самым на вероятность его наступления в будущем (например, снижение показателей плодородия, ещё не достигшее уровня деградации, или неоднократная смена собственников участка в короткий срок).

Фиксирующий индикатор, таким образом, отвечает задаче выявления, прогнозный — задаче предупреждения. Индикаторы первого вида, параметр которых совпадает с признаками нарушения, кроме того, расходятся с ч. 9 ст. 23 Закона № 248-ФЗ: если параметр «сам по себе» и есть нарушение, речь идёт уже не об индикаторе риска, а о дистанционном выявлении правонарушения, для которого закон предусматривает иные инструменты — наблюдение за соблюдением обязательных требований и выездное обследование.

Проверить, какой из двух видов индикаторов преобладает в земельном надзоре, позволяют пока лишь данные Россельхознадзора — единственного из трёх органов, официально опубликовавшего эффективность каждого своего индикатора. Росреестр таких сведений в докладах о правоприменительной практике не раскрывает (данные по двум его индикаторам приводятся лишь в Сводном докладе), а для Росприроднадзора земельный перечень индикаторов не утверждён (см. ниже и табл. 2). Поэтому применительно к двум другим органам выводы имеют характер гипотезы, которую, однако, подтверждает анализ содержания их перечней.

Перечень индикаторов риска Россельхознадзора утверждён приказом Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402 (в редакции приказа от 20.12.2024 № 756)[5] и включает шесть позиций. В докладе о правоприменительной практике за 2025 г. Россельхознадзор впервые привёл эффективность каждой из них по данным государственной автоматизированной информационной системы «Управление»[6]. Методика расчёта в докладе не раскрыта; по-видимому, это тот же показатель, что и в Сводном докладе, — доля проверок по индикатору, в ходе которых выявлены нарушения. Отнесение индикаторов к фиксирующим и прогнозным произведено авторами (табл. 1).

Таблица 1
Эффективность индикаторов риска Россельхознадзора в федеральном государственном земельном контроле (надзоре) в 2025 году[7]

№	Индикатор риска (по приказу Минсельхоза России № 402)	Эффективность, %	Вид индикатора
1	Наличие специализированной техники для снятия и (или) перемещения плодородного слоя почвы	95,6	фиксирующий (сопутствующий)
2	Признаки негативных процессов, влияющих на плодородие (эрозия, засоление, заболачивание, загрязнение и др.)	95,5	фиксирующий
3	Зарастание не менее 25% площади участка сорными растениями, деревьями, кустарниками	98,2	фиксирующий
4	Повреждение или уничтожение мелиоративной системы либо защитных лесных насаждений	100	фиксирующий
5	Отклонение критериев существенного снижения плодородия земель по данным государственного учёта	66,7	прогнозный
6	Смена собственников участка более одного раза в течение календарного года	—	прогнозный

Эффективность четырёх фиксирующих индикаторов (95,5–100%) предопределена их конструкцией: зарастание, эрозия, заболачивание или загрязнение — не косвенные признаки, а внешнее проявление неисполнения обязанностей по защите земель (ст. 13, 42 Земельного кодекса РФ), то есть признаки объективной стороны правонарушения по ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ[8]. Повреждение или уничтожение мелиоративной системы — уже противоправный результат, а не вероятностный признак, поэтому эффективность 100% означает не точность прогноза, а качество фиксации. Сопутствующий индикатор № 1 (наличие специализированной техники) ближе всего к замыслу законодателя: техника сама нарушением не является, но с высокой вероятностью указывает на снятие плодородного слоя. Однако и он сигнализирует об уже совершаемом нарушении — не случайно с 01.10.2026 этот параметр включён Правительством в перечень признаков нарушений[9].

[1] Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

[2] Агамагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 460–470.

[3] Мартынов А. В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22–27.

[4] Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности и принцип доказательной политики // Закон. 2024. № 7. С. 86–96.

[5] Приказ Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», и виноградопригодных земель» (ред. от 20.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

[6] Приказ Россельхознадзора от 13.04.2026 № 460 «Об утверждении доклада по итогам обобщения правоприменительной практики по осуществлению Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) за 2025 год». Разд. 2, табл. № 1 (С. 4) // Официальный сайт Россельхознадзора. URL: https://fsvps.gov.ru/reforma-kontrolno-nadzornoj-dejatel-2/profilaktika-riskov-prichinenija-vred/publichnye-meroprijatija-i-obobshhenie-pravoprimenitelnoj-praktiki/doklady-po-publichnym-meroprijatijam-v-c/ (дата обращения: 17.10.2026).

[7] Составлено авторами по данным раздела 2 (таблица № 1) доклада Россельхознадзора о правоприменительной практике за 2025 год. Знак «—» означает отсутствие срабатываний за отчётный период. Отнесение индикаторов к фиксирующим и прогнозным произведено авторами.

[8] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[9] Приложение № 4 к Положению о федеральном государственном земельном контроле (надзоре), введённое постановлением Правительства РФ от 01.07.2026 № 811 (вступает в силу с 01.10.2026). Подробнее об этом см. далее.

Прогнозные индикаторы работают иначе. Индикатор № 5 сработал в 2025 г. шесть раз при эффективности 66,7%, что соответствует четырём подтвердившимся срабатываниям[1]; индикатор № 6, введённый приказом № 756, в первый год действия не сработал ни разу. Статистика одного года недостаточна для окончательных выводов, а практику применения обоих прогнозных индикаторов сам Россельхознадзор оценивает как ещё не сложившуюся. Но и с этой оговоркой соотношение показательно: индикатор зарастания в 2025 г. стал вторым по применению в стране (659 мероприятий; эффективность по данным Сводного доклада — 97,4%, по данным самого Россельхознадзора — 98,2%)[2], тогда как два прогнозных индикатора Россельхознадзора за тот же год сработали в совокупности лишь шесть раз.

Причина такого соотношения не только в качестве прогнозных индикаторов, но и в способе их оценки. Эффективность как доля подтвердившихся срабатываний — показатель, приспособленный к фиксирующим индикаторам: прогнозный индикатор по определению указывает на нарушение, которое ещё не совершено. Если проверка по такому индикатору нарушения не выявила, это может означать как ошибку прогноза, так и то, что нарушение ещё не наступило или было предотвращено самим вмешательством. Возникает парадокс: чем лучше прогнозный индикатор выполняет превентивную функцию, тем ниже его эффективность по действующему показателю. Методика рейтингования федеральных органов контроля (надзора), применяемая в Сводном докладе, создаёт ведомствам устойчивый стимул разрабатывать именно фиксирующие индикаторы: максимальный балл по показателю результативности индикаторов присваивается при доле проверок с выявленными нарушениями свыше 95%, а при доле менее 70% балл не начисляется[3].

К методологическому дефекту добавляется процессуальный: закон связывает срабатывание любого индикатора с одним последствием — мотивированным представлением о проведении контрольного (надзорного) мероприятия (ч. 2 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ). Для прогнозного индикатора такое последствие неадекватно: нарушения ещё нет, а внеплановое мероприятие во взаимодействии, назначенное по индикатору риска, по общему правилу требует согласования с органами прокуратуры (ст. 66 Закона № 248-ФЗ)[4]. Доля отказов прокуратуры в согласовании внеплановых мероприятий в 2023–2025 гг. стабильно высока у всех трёх органов земельного надзора: у Росреестра — от 42,7 до 53,8%, у Россельхознадзора — от 42,6 до 47,0%, у Росприроднадзора — от 48,5 до 72,4%[5]. Проверка, назначенная лишь по вероятности будущего нарушения, заведомо уязвима для отказа, поэтому естественной реакцией на прогнозный сигнал становится профилактика. Подходящий инструмент в законе есть: предостережение объявляется, в частности, при наличии сведений о готовящихся нарушениях (ст. 49 Закона № 248-ФЗ), то есть именно в ситуации, которую описывает прогнозный индикатор.

Схожая картина наблюдается у двух других органов земельного надзора, где прогнозная составляющая выражена ещё слабее. Перечень индикаторов риска Росреестра утверждён приказом от 09.07.2021 № П/0303 (в редакции приказа от 06.12.2024 № П/0392/24) и насчитывает девять действующих позиций (пункты 1 и 6 утратили силу)[6]. Значительная его часть построена на сопоставлении фактического состояния участка со сведениями Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН): отклонение характерной точки границы на величину, превышающую нормативную точность определения координат (п. 2), отсутствие в ЕГРН сведений о правах на используемый участок (п. 3), несоответствие использования виду разрешённого использования (п. 4). Эти индикаторы фиксирующие и практически совпадают с признаками составов правонарушений, предусмотренных ст. 7.1 и ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ. Фиксирующими являются и индикаторы, регистрирующие состояние по истечении установленного срока: отсутствие строительства через три года после регистрации права (п. 5), неиспользование земель сельскохозяйственного назначения через год после их приобретения на торгах, проведённых в связи с изъятием (п. 7), невозможность использования земель после завершения работ, для которых они использовались без предоставления (п. 8).

Лучше других определению индикатора отвечают позиции, включённые в перечень в 2023 г.: сопутствующие индикаторы — уточнение границ участка по межевому плану кадастрового инженера, привлечённого затем к ответственности за внесение заведомо ложных сведений (п. 10), и наличие на участке для индивидуального жилищного строительства здания, занимающего не менее 70% его площади и находящегося в общей долевой собственности более 15 граждан (п. 11), — а также близкий к прогнозному индикатор: привлечение правообладателя к ответственности за нарушения на ином принадлежащем ему участке в том же кадастровом квартале (п. 9), где прошлое поведение лица служит предиктором нарушения на соседнем участке. Перечень Росреестра, таким образом, эволюционирует в сторону собственно индикаторов риска, однако и эти позиции опираются на состоявшийся юридический факт, а эффективность каждого индикатора Росреестр не публикует.

Сводный доклад за 2025 г. приводит данные лишь по двум индикаторам Росреестра: несоответствие виду разрешённого использования — 477 мероприятий с эффективностью 84,1% (7-е место в стране), отклонение границы от сведений ЕГРН — 398 мероприятий с эффективностью 89,7% (9-е место)[7]. Это заметно ниже, чем у фиксирующих индикаторов Россельхознадзора. Одна из возможных причин — качество самого эталона сравнения: расхождение фактических границ участка со сведениями ЕГРН может быть следствием реестровой ошибки, подлежащей исправлению в порядке ч. 3 ст. 61 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[8], а не нарушения земельного законодательства. Росреестр одновременно ведёт ЕГРН и осуществляет земельный надзор, однако неподтвердившееся срабатывание индикатора не рассматривается как сигнал о возможной реестровой ошибке, хотя такая обратная связь позволила бы повышать и точность индикаторов, и достоверность реестра.

Для Росприроднадзора специализированный перечень индикаторов риска в сфере земельного надзора по состоянию на октябрь 2026 г. не утверждён, хотя вопрос о компетенции по их разработке был включён в план-график реализации Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. (п. 3, срок — 01.07.2024)[9]. Лишь в феврале 2026 г. Минприроды России вынесло на общественное обсуждение проект приказа об утверждении единственного индикатора риска для этого вида контроля — «наличие признаков, свидетельствующих о проведении земляных работ (или иных, связанных с нарушением почв) на земельном участке с использованием специализированной техники для снятия и (или) пе-

---

[1] Приказ Россельхознадзора от 13.04.2026 № 460. Разд. 2, табл. № 1; С. 4–5. По индикатору № 5 — 6 срабатываний, по индикатору № 6 — 0.

[2] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. С. 106–107.

[3] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. Приложение 1 «Рейтинги»: Методика рейтингования федеральных органов контроля (надзора), раздел «Индикаторы риска», показатели 6–8. С. 144–145. URL: http://government.ru/info/58957/ (дата обращения: 17.10.2026).

[4] Ст. 66 Закона № 248-ФЗ; Приказ Генпрокуратуры России от 02.06.2021 № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

[5] Рассчитано авторами по данным докладов Росреестра, Россельхознадзора и Росприроднадзора об осуществлении федерального государственного земельного контроля (надзора) за 2023–2025 годы (пп. 29 и 29.1 формы доклада: количество внеплановых мероприятий, заявления о согласовании которых направлялись в органы прокуратуры, и количество отказов в согласовании). Доли относятся ко всем внеплановым мероприятиям, а не только к назначенным по индикаторам риска.

[6] Приказ Росреестра от 09.07.2021 № П/0303 «Об утверждении Перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии и ее территориальными органами федерального государственного земельного контроля (надзора)» (ред. от 06.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

[7] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. С. 106–107.

[8] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

[9] Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года и плана-графика по ее реализации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 285. План-график, п. 3.

ремещения плодородного слоя почвы без необходимых разрешений»[1]. Предлагаемый индикатор — фиксирующий: проведение земляных работ без разрешительной документации по существу описывает признаки самовольного снятия или перемещения плодородного слоя почвы (ч. 1 ст. 8.6 КоАП РФ), а наличие на участке такой техники Правительство уже отнесло к признакам нарушений (см. ниже). В доктрине, где также отмечается отсутствие такого перечня, предлагается собственный набор индикаторов (непредставление или недостоверность отчётности о рекультивации земель, объявление одному землепользователю трёх и более предостережений в течение года, признаки земляных работ без необходимых разрешений и др.)[2], отчасти прогнозных (повторные предостережения). На практике применяются индикаторы, установленные для федерального государственного экологического контроля (надзора) и ориентированные на данные экологической отчётности[3]. Так, суды признали законным назначение Росприроднадзором внеплановой проверки по индикатору «увеличение платы за негативное воздействие на окружающую среду более чем на 115 процентов в отсутствие актуализации учётных сведений об объекте»[4]. Этот индикатор, также фиксирующий, регистрирует уже наступившее изменение платежа. В результате третий орган земельного надзора не располагает собственным земельным инструментарием, а данные трёх органов о результативности индикаторов несопоставимы (табл. 2).

Таблица 2
Индикаторы риска органов федерального государственного земельного контроля (надзора): сравнительная характеристика (по состоянию на октябрь 2026 года)[5]

Показатель	Росреестр	Россельхознадзор	Росприроднадзор
Акт, утвердивший перечень	Приказ Росреестра от 09.07.2021 № П/0303 (ред. от 06.12.2024)	Приказ Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402 (ред. от 20.12.2024)	Земельный перечень не утверждён; применяется перечень для экологического контроля (приказ Минприроды России № 1044); проект приказа 2026 г. — один индикатор
Число действующих индикаторов	9	6	—
Основа индикаторов	Сведения ЕГРН и иная информация об участке и правообладателе (границы, права, вид разрешённого использования, сроки строительства, привлечение к ответственности, межевые планы)	Физическое состояние земель сельскохозяйственного назначения	Данные экологической отчётности (плата за НВОС и др.)
Вид индикаторов	Преимущественно фиксирующие (пп. 2–5, 7, 8); сопутствующие (пп. 10, 11); близкий к прогнозному (п. 9)	4 фиксирующих, 2 прогнозных	Фиксирующие (в том числе индикатор проекта 2026 г.)
Раскрытие эффективности	По каждому индикатору не публикуется; в Сводном докладе за 2025 г. — по двум: 84,1% (477 мероприятий) и 89,7% (398 мероприятий)	По каждому индикатору: фиксирующие — 95,5–100%, прогнозные — 66,7% и «—» (нет срабатываний)	Не публикуется
Паспортизация (ч. 1.1 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ)	Не проведена	Не проведена; проект изменений 2026 г. порядка расчёта не содержит	Неприменима (нет земельного перечня); проект 2026 г. порядка расчёта не содержит

Правовым средством преодоления этих недостатков могла бы стать ч. 1.1 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ, допускающая закрепление в акте об утверждении перечня индикаторов конкретных значений параметров объектов контроля либо порядка их расчёта и (или) применения. По существу, законодатель ввёл возможность «паспортизации» индикатора — закрепления не только его формулировки, но и измеримой методики применения. С паспортизацией индикаторов Сводный доклад за 2025 г. связывает следующий этап развития контроля — внедрение технологий искусственного интеллекта и скоринга рисков[6].

Однако ни приказ Росреестра № П/0303, ни приказ Минсельхоза России № 402 порядка расчёта индикаторов не содержат: числовые параметры есть лишь в формулировках отдельных индикаторов (25% площади, «более одного раза в течение календарного года», три года с момента регистрации права, 70% площади участка), и только в п. 2 перечня Росреестра порог определён через нормативную точность определения координат. Источник данных, методика расчёта и документ, подтверждающий срабатывание, не установлены ни для одного земельного индикатора.

Показателен проект приказа Минсельхоза России о внесении изменений в перечень, утверждённый приказом № 402, подготовленный 13.08.2026[7]. Проект дополняет перечень четырьмя индикаторами: признаки нарушения почвенного покрова (карьерные выемки, навалы грунта) по данным дистанционного зондирования Земли в единой федеральной государственной информационной системе о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФГИС); отсутствие в ЕФГИС в течение двух лет подряд сведений о выращивании сельскохозяйственных культур на участке, отнесённом к пашне; выявление растения с признаками опасных инвазивных видов из регионального перечня; снижение урожайности по сведениям ЕФГИС более чем на 50% относительно средней по муниципальному району за предыдущий год.

Проект делает шаг в сторону прогнозных индикаторов. Если признаки нарушения почвенного покрова и наличие инвазивного растения — индикаторы фиксирующие, то резкое снижение урожайности указывает на вероятную деградацию земель ещё до того, как она будет зафиксирована по критериям существенного снижения плодородия. Индикатор отсутствия сведений о посевах занимает промежуточное положение: он регистрирует уже наступившее состояние, которое лишь с определённой вероятностью свидетельствует о неиспользовании пашни, поскольку может объясняться и неполнотой сведений системы; к тому же его применение зависит от отнесения участка к пашне решениями Минсельхоза России об установлении границ сельскохозяйственных угодий, которые должны быть приняты до 01.01.2028[8].

[1] Проект приказа Минприроды России «Об утверждении индикатора риска нарушения обязательных требований по федеральному государственному земельному контролю (надзору)» (общественное обсуждение 25.02.2026–12.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2026).

[2] Карташова К. П., Дубровский А. В., Москвин В. Н., Татаренко В. И., Пластинин Л. А. Разработка индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении государственного земельного контроля Федеральной службой по надзору в сфере природопользования // Вестник СГУГиТ. 2024. Т. 29, № 5. С. 148–157. DOI: 10.33764/2411-1759-2024-29-5-148-157.

[3] Приказ Минприроды России от 30.12.2021 № 1044 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного экологического контроля (надзора)» (ред. от 13.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

[4] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.01.2026 № Ф07-12110/2025 по делу № А21-9191/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

[5] Составлено авторами по данным приказа Росреестра от 09.07.2021 № П/0303, приказа Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402, приказа Минприроды России от 30.12.2021 № 1044, доклада Россельхознадзора о правоприменительной практике за 2025 год и Сводного доклада о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году (С. 106–107).

[6] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. Разд. 1.5. С. 8. URL: http://government.ru/info/58957/ (дата обращения: 17.10.2026).

[7] Проект приказа Минсельхоза России «О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения ... и виноградопригодных земель, утвержденный приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 18 июня 2021 г. № 402» (подготовлен 13.08.2026) // ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56963607/ (дата обращения: 17.10.2026).

[8] Постановление Правительства РФ от 28.11.2025 № 1943 «Об утверждении Положения о порядке установления и изменения границ сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения». П. 3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

Проект впервые прямо называет источники данных и вводит количественные пороги, однако не определяет, как рассчитывается средняя урожайность по району, какие данные дистанционного зондирования и с каким разрешением используются, как учитываются неблагоприятные погодные условия. В обоснование проект ссылается на п. 1 ч. 10 ст. 23 Закона № 248-ФЗ, а не на ч. 1.1 ст. 61.1: ни один из проектов земельных индикаторов, подготовленных после принятия Федерального закона № 567-ФЗ (Минприроды России — в феврале, Минсельхозом России — в августе 2026 г.), возможностью паспортизации не воспользовался. Без методики пороговые значения оставляют широкое усмотрение инспектору и повышают риск отказа прокуратуры в согласовании мероприятия.

Не реализована и возможность, предусмотренная ч. 3 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ. Постановлением Правительства РФ от 01.07.2026 № 811 в Положение о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) внесены многочисленные изменения — в том числе о подаче возражений на предостережение через Единый портал и о применении беспилотных авиационных систем при выездном обследовании[1], — но информирование контролируемого лица о соответствии его участка параметрам индикаторов риска не предусмотрено. Между тем именно такое информирование превращает индикатор из основания для проверки в средство побуждения к добровольному устранению риска.

Вместе с тем постановление № 811 содержит новеллу, прямо подтверждающую фиксирующую природу значительной части индикаторов. С 01.10.2026 Положение дополнено приложением № 4 — перечнем признаков нарушений обязательных требований, полученных с использованием средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фотосъёмки, видеозаписи, в том числе беспилотных аппаратов (систем)[2], при выявлении которых принимается решение о проведении контрольного (надзорного) мероприятия[3]. В этот перечень вошли параметры, одновременно закреплённые в перечнях индикаторов риска: отклонение характерной точки границы от сведений ЕГРН сверх нормативной точности (п. 2 перечня Росреестра), наличие на участке специализированной техники для снятия и (или) перемещения плодородного слоя почвы (индикатор № 1 Россельхознадзора), а также признаки неиспользования земельных участков[4]. Тем самым эти параметры отнесены не к индикаторам, которые «сами по себе не являются нарушениями», а к признакам нарушений. Закон № 248-ФЗ рассматривает индикаторы риска (п. 1 ч. 1 ст. 57, ч. 2 ст. 61.1) и признаки нарушений, выявленные автоматическими средствами (п. 7 ч. 2 ст. 60), как самостоятельные основания для решения о проведении мероприятия, однако один и тот же параметр закреплён в обоих перечнях, а соотношение этих оснований в Положении не определено. Росприроднадзор в приложение № 4 не включён.

На основе изложенного предлагаются три взаимосвязанные меры.

Во-первых, реализация ч. 1.1 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ применительно к земельному надзору требует единого для трёх органов минимального содержания паспорта индикатора риска: (1) формулировка параметра объекта контроля и его пороговое значение; (2) источник данных (ЕГРН, ЕФГИС, данные дистанционного зондирования, материалы ранее проведённых мероприятий, отчётность) и периодичность их обновления; (3) порядок расчёта значения параметра и допустимая погрешность; (4) вид индикатора (фиксирующий или прогнозный) и связанное с ним правовое последствие; (5) вес индикатора при оценке риска и его связь с категорией риска объекта; (6) метрика результативности и срок пересмотра индикатора. Методические рекомендации о таком содержании целесообразно утвердить в порядке ч. 4 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ: паспортизация, проведённая тремя органами порознь, способна не устранить, а закрепить ведомственную разобщённость земельного надзора на новом, более детализированном уровне.

Во-вторых, необходима дифференциация правовых последствий срабатывания индикаторов. Для фиксирующих индикаторов сохраняется действующее последствие — мотивированное представление о проведении контрольного (надзорного) мероприятия (ч. 2 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ), для прогнозных первичным последствием должно стать профилактическое мероприятие. В пределах действующего законодательства Положение о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) может быть дополнено пунктом следующего содержания: «При выявлении соответствия объекта контроля параметрам индикатора риска, отнесённого перечнем индикаторов риска к прогнозным, информация об этом размещается в личном кабинете контролируемого лица на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций); контролируемому лицу может быть объявлено предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований или предложено проведение профилактического визита». Потребность в таком решении осознаётся и контрольными органами: в Сводном докладе за 2025 г. приведено предложение Росздравнадзора законодательно закрепить возможность проведения профилактических мероприятий при срабатывании индикаторов риска[5]; ещё ранее Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. предусматривала проработку возможности проведения профилактических мероприятий при выявлении индикаторов риска, однако нормативного решения этот вопрос не получил[6]. В перспективе ч. 2 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ целесообразно дополнить положением, допускающим для прогнозных индикаторов объявление предостережения или проведение профилактического визита вместо направления мотивированного представления.

В-третьих, фиксирующие и прогнозные индикаторы требуют раздельных метрик результативности. Для фиксирующих допустима действующая метрика — доля подтвердившихся срабатываний. Для прогнозных метрика должна учитывать горизонт прогноза: индикатор следует считать подтвердившимся, если нарушение выявлено в течение установленного паспортом срока после срабатывания, а при применении профилактических мер — оценивать долю объектов, на которых прогнозируемое нарушение не наступило. Публикация показателей эффективности по каждому индикатору должна стать обязательной для всех трёх органов: сегодня такие данные раскрывает только Россельхознадзор. Прозрачность и предсказуемость критериев отбора объектов являются, кроме того, условием доверия контролируемых лиц к контрольно-надзорным органам[7].

В заключение отметим, что определение индикатора риска двойственно: параметр сам по себе не должен быть нарушением, однако закон связывает индикатор с «наличием» нарушения и с внеплановым контрольным (надзорным) мероприятием. Перечни индикаторов в федеральном государственном земельном контроле (надзоре) состоят преимущественно из фиксирующих индикаторов, высокая эффективность которых во многом объясняется совпадением параметров с признаками объективной стороны земельных правонарушений; прогнозные индикаторы практически не срабатывают. Действующий показатель эффективности и единственное

---

[1] Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» (ред. от 01.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. I). Ст. 5511; Постановление Правительства РФ от 01.07.2026 № 811 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1081» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 27. Ст. 3723.

[2] Подробнее о процессуально-правовом статусе материалов БАС в земельном надзоре см.: Дитрих Д. К., Афанасьев С. Н. Процессуально-правовой статус материалов беспилотных авиационных систем в федеральном государственном земельном контроле (надзоре): от вспомогательного средства к надлежащему доказательству // Закон и Власть. 2026. № 8. С. 94–96.

[3] Приложение № 4 к Положению о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) (введено постановлением Правительства РФ от 01.07.2026 № 811, вступает в силу с 01.10.2026); п. 7 ч. 2 ст. 60 Закона № 248-ФЗ (введён Федеральным законом от 29.12.2025 № 567-ФЗ, в ред. Федерального закона от 26.06.2026 № 186-ФЗ).

[4] Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

[5] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. Разд. «Предложения». С. 142. URL: http://government.ru/info/58957/ (дата обращения: 17.10.2026).

[6] Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года и плана-графика по ее реализации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 285. Разд. III.

[7] Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Доверие контрольно-надзорным органам как индикатор эффективности государственного управления // Государственная служба. 2025. Т. 27, № 2. С. 7–8.

установленное законом последствие срабатывания индикатора закрепляют это смещение, а возможности, предоставленные ч. 1.1 и ч. 3 ст. 61.1 Закона № 248-ФЗ, органами земельного надзора пока не используются. Усиление превентивного потенциала индикаторов риска требует единого для Росреестра, Россельхознадзора и Росприроднадзора минимального содержания паспорта индикатора, приоритета профилактических мер при срабатывании прогнозных индикаторов и раздельных метрик результативности. Без этого риск-ориентированный подход в земельном надзоре будет и далее совершенствовать выявление уже совершённых нарушений, оставляя их предупреждение за пределами реального регулирования.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

5. Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

6. Федеральный закон от 29.12.2025 № 567-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

7. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

8. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. I). Ст. 5511.

9. Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

10. Постановление Правительства РФ от 28.11.2025 № 1943 «Об утверждении Положения о порядке установления и изменения границ сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

11. Постановление Правительства РФ от 01.07.2026 № 811 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1081» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 27. Ст. 3723.

12. Приказ Генпрокуратуры России от 02.06.2021 № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

13. Приказ Минсельхоза России от 18.06.2021 № 402 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», и виноградопригодных земель» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

14. Приказ Росреестра от 09.07.2021 № П/0303 «Об утверждении Перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии и ее территориальными органами федерального государственного земельного контроля (надзора)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

15. Приказ Минприроды России от 30.12.2021 № 1044 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного экологического контроля (надзора)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

16. Приказ Россельхознадзора от 13.04.2026 № 460 «Об утверждении доклада по итогам обобщения правоприменительной практики по осуществлению Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) за 2025 год» // Официальный сайт Россельхознадзора. URL: https://fsvps.gov.ru/reforma-kontrolno-nadzornoj-dejatel-2/profilaktika-riskov-prichinenija-vred/publichnye-meroprijatija-i-obobshhenie-pravoprimenitelnoj-praktiki/doklady-po-publichnym-meroprijatijam-v-c/ (дата обращения: 17.10.2026).

17. Проект приказа Минсельхоза России «О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения ... и виноградопригодных земель, утвержденный приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 18 июня 2021 г. № 402» (подготовлен 13.08.2026) // ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56963607/ (дата обращения: 17.10.2026).

18. Проект приказа Минприроды России «Об утверждении индикатора риска нарушения обязательных требований по федеральному государственному земельному контролю (надзору)» (общественное обсуждение 25.02.2026–12.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2026).

19. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года и плана-графика по ее реализации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 285.

20. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 2024. 1 марта. № 46.

21. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2023 год. URL: http://government.ru/info/51961/ (дата обращения: 17.10.2026).

22. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2024 году. URL: http://government.ru/info/55375/ (дата обращения: 17.10.2026).

23. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году. URL: http://government.ru/info/58957/ (дата обращения: 17.10.2026).

24. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.01.2026 № Ф07-12110/2025 по делу № А21-9191/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2026).

25. Агамагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 460–470. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470.

26. Дитрих Д. К., Афанасьев С. Н. Процессуально-правовой статус материалов беспилотных авиационных систем в федеральном государственном земельном контроле (надзоре): от вспомогательного средства к надлежащему доказательству // Закон и Власть. 2026. № 8. С. 94–96.

27. Карташова К. П., Дубровский А. В., Москвин В. Н., Татаренко В. И., Пластинин Л. А. Разработка индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении государственного земельного контроля Федеральной службой по надзору в сфере природопользования // Вестник СГУГиТ. 2024. Т. 29, № 5. С. 148–157. DOI: 10.33764/2411-1759-2024-29-5-148-157.

28. Мартынов А. В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22–27.

29. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

30. Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности и принцип доказательной политики // Закон. 2024. № 7. С. 86–96.

31. Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Доверие контрольно-надзорным органам как индикатор эффективности государственного управления // Государственная служба. 2025. Т. 27, № 2. С. 6–17. DOI: 10.22394/2070-8378-2025-27-2-6-17.

Recording and predictive risk indicators in federal state land control (supervision)
Ditrikh D.K., Afanasyev S.N.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, North-West Institute of Management, branch of RANEPA, Saint Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov

Following the transition of control and supervisory activities to a risk-based model, risk indicators of violation of mandatory requirements have become one of the main grounds for unscheduled control (supervisory) activities (Clause 1 of Part 1 of Article 57 of Federal Law No. 248-FZ of 31 July 2020), and federal state land control (supervision) is the type of control where this tool is used most widely. The purpose of the study is to establish whether risk indicators used in land supervision perform the preventive function that the law associates with the risk-based approach. Based on an analysis of departmental lists of risk indicators of three land supervision authorities, departmental self-assessment data on their effectiveness, summary reports on state control (supervision) for 2023–2025, the 2026 draft departmental acts on risk indicators, and judicial practice, a distinction is proposed between recording indicators, which register an already existing state of a land plot, and predictive indicators, which point to the probability of a future violation. It is shown that the current lists consist predominantly of recording indicators; for Rosselkhoznadzor, the only authority that discloses such data, their effectiveness is 95.5–100%, whereas predictive indicators are triggered only sporadically. The high effectiveness of recording indicators is largely explained by the coincidence of their parameters with the elements of the objective side of land offences, which diverges from the legal definition of an indicator; the effectiveness metric applied is structurally unsuited to assessing predictive indicators. The possibility of "passportization" of indicators, provided for by Part 1.1 of Article 61.1 of Federal Law No. 248-FZ, is not used by land supervision authorities, including in the 2026 draft departmental acts on risk indicators. The article substantiates a unified minimum content of the risk indicator passport for the three land supervision authorities, differentiation of the legal consequences of triggering recording and predictive indicators, and separate metrics of their performance.

Keywords: land control (supervision), risk indicator, risk-based approach, prevention of violations, risk indicator passportization, Rosreestr, Rosselkhoznadzor, Rosprirodnadzor, Federal Law No. 248-FZ.

References

1. Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of 25.10.2001. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 44, art. 4147. (In Russ.)
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences No. 195-FZ of 30.12.2001. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. I), art. 1. (In Russ.)
3. Federal Law No. 218-FZ of 13.07.2015 "On State Registration of Real Estate". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 29 (pt. I), art. 4344. (In Russ.)
4. Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5007. (In Russ.)
5. Federal Law No. 540-FZ of 28.12.2024 "On Amendments to the Federal Law 'On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation'". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
6. Federal Law No. 567-FZ of 29.12.2025 "On Amendments to the Federal Law 'On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation'". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
7. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1482 of 18.09.2020 "On the Signs of Non-Use of Land Plots from Agricultural Lands for Their Intended Purpose or Their Use in Violation of the Legislation of the Russian Federation". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
8. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1081 of 30.06.2021 "On Federal State Land Control (Supervision)". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2021, no. 28 (pt. I), art. 5511. (In Russ.)
9. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 826 of 31.05.2025 "On Establishing the Signs of Non-Use of Land Plots from Settlement Lands, Garden Plots and Vegetable Garden Plots". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
10. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1943 of 28.11.2025 "On Approval of the Regulation on the Procedure for Establishing and Changing the Boundaries of Farmland within Agricultural Lands". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
11. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 811 of 01.07.2026 "On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1081 of 30 June 2021". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2026, no. 27, art. 3723. (In Russ.)
12. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 294 of 02.06.2021 "On the Implementation of Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 'On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation'". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
13. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 402 of 18.06.2021 "On Approval of the List of Indicators of the Risk of Violation of Mandatory Requirements in the Exercise by the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of Federal State Land Control (Supervision) in Respect of Agricultural Lands Whose Turnover Is Regulated by the Federal Law 'On the Turnover of Agricultural Lands', and Lands Suitable for Viticulture". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
14. Order of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography No. P/0303 of 09.07.2021 "On Approval of the List of Indicators of the Risk of Violation of Mandatory Requirements in the Exercise of Federal State Land Control (Supervision) by the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography and Its Territorial Bodies". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
15. Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation No. 1044 of 30.12.2021 "On Approval of the List of Indicators of the Risk of Violation of Mandatory Requirements in the Exercise of Federal State Environmental Control (Supervision)". SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
16. Order of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance No. 460 of 13.04.2026 "On Approval of the Report on the Results of Generalization of Law Enforcement Practice in the Exercise of Federal State Land Control (Supervision) by the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance for 2025". Official website of Rosselkhoznadzor. Available at: https://fsvps.gov.ru/reforma-kontrolno-nadzornoj-dejatel-2/profilaktika-riskov-prichinenija-vred/publichnye-meroprijatija-i-obobshhenie-pravoprimenitelnoj-praktiki/doklady-po-publichnym-meroprijatijam-v-c/ (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
17. Draft Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation "On Amendments to the List of Indicators of the Risk of Violation of Mandatory Requirements in the Exercise by the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of Federal State Land Control (Supervision) in Respect of Agricultural Lands ... and Lands Suitable for Viticulture, Approved by Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 402 of 18 June 2021" (prepared 13.08.2026). GARANT.RU. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56963607/ (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
18. Draft Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation "On Approval of the Indicator of the Risk of Violation of Mandatory Requirements in Federal State Land Control (Supervision)" (public discussion 25.02.2026–12.03.2026). SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 20.10.2026). (In Russ.)
19. Order of the Government of the Russian Federation No. 3745-r of 21.12.2023 "On Approval of the Concept for Improving Control (Supervisory) Activities until 2026 and the Schedule for Its Implementation". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2024, no. 1 (pt. IV), art. 285. (In Russ.)
20. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024. Rossiiskaya gazeta, 2024, 1 March, no. 46. (In Russ.)
21. Summary Report on State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation for 2023. Available at: http://government.ru/info/51961/ (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
22. Summary Report on State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation in 2024. Available at: http://government.ru/info/55375/ (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
23. Summary Report on State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation in 2025. Available at: http://government.ru/info/58957/ (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
24. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 23.01.2026 No. F07-12110/2025 in Case No. A21-9191/2024. SPS "Konsul'tantPlyus" [Legal reference system "ConsultantPlus"] (accessed 17.10.2026). (In Russ.)
25. Agamagomedova S. A. Risk-orientirovannyi podkhod pri osushchestvlenii kontrol'no-nadzornoi deyatel'nosti: teoreticheskoe obosnovanie i problemy primeneniya [Risk-Oriented Approach in the Implementation of Control and Supervision Activities: Theoretical Justification and Problems of Application]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 460–470. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-460-470. (In Russ.)
26. Ditrikh D. K., Afanasyev S. N. Protsessual'no-pravovoi status materialov bespilotnykh aviatsionnykh sistem v federal'nom gosudarstvennom zemel'nom kontrole (nadzore): ot vspomogatel'nogo sredstva k nadlezhashchemu dokazatel'stvu [Procedural and legal status of unmanned aerial systems data in federal state land control (supervision): from an auxiliary tool to proper evidence]. Zakon i vlast' [Law and Power], 2026, no. 8, pp. 94–96. (In Russ.)

Взаимосвязь решений коммерческих арбитражей с валютными и налоговыми обязательствами резидентов

Киселев Алексей Вячеславович
аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, a.kisselev13@gmail.com

Иностранный соинвестор, удержавший комиссию за организацию кредита и не открывший кредитную линию, ставит резидента под угрозу сразу в трех отношениях: инвестиционный контракт может быть расторгнут, резидента могут привлечь к ответственности за нерепатриацию, а налог, удержанный у источника выплаты, могут не вернуть. Задача состоит в том, чтобы обосновать последовательность процессуальных действий резидента, преодолевающую эти последствия, и определить публично-правовое значение арбитражного решения. Применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы, проанализирован спор 2026 года с компанией «Bernard Group AG». Установлено, что решение арбитража, признавшее удержанную сумму неосновательным обогащением, преюдициальной силы не имеет, но подтверждает добросовестность резидента в инвестиционном и валютном производствах. Преюдициальное значение для налогового спора приобретает акт государственного суда, который прекратил дело о нерепатриации, поскольку сроки расчетов были продлены в уполномоченном банке. Сопоставление права Казахстана и России показало, что критерии защиты от валютных санкций сходны, а правила квалификации неотработанного аванса как дохода нерезидента различаются. Предложенные модели исковых требований к иностранному контрагенту и налоговому органу применимы в работе юристов участников внешнеэкономической деятельности в ЕАЭС.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, межотраслевая преюдиция, валютный контроль, репатриация, налог у источника выплаты, неосновательное обогащение, инвестиционный контракт, арбитражное решение, нерепатриация, валютная ответственность, ЕАЭС, Республика Казахстан.

Введение

Если иностранный соинвестор удерживает комиссию за организацию кредита и не открывает кредитную линию, последствия для резидента государства ЕАЭС выходят за пределы гражданско-правового спора: возникает угроза расторжения инвестиционного контракта, начинается производство о нерепатриации валюты, а в возврате налога, удержанного у источника выплаты, отказывают.

Все эти последствия проявились в споре ТОО «Shagala Mining» со швейцарской компанией «Bernard Group AG»; казахстанская компания реализует проект строительства горно-обогатительного предприятия. Нерезидент получил комиссию 500 000 евро за организацию коммерческого кредита, но не предоставил ни одного транша. Налоговый орган отказал резиденту в возврате корпоративного подоходного налога, уплаченного у источника выплаты, в сумме 62 948 000 тенге. Каждое из публичных производств подчинено собственным правилам доказывания, и решение по одному из них формально не предопределяет исход другого.

Д.В. Ильин и А.Д. Борисова на материале практики высших судов показали, что решение арбитража не обладает преюдициальной силой для лиц, не участвовавших в разбирательстве [5]. Валютные обязанности резидента изучаются отдельно. И.Г. Николаева анализирует валютный контроль после введения особых экономических мер [7], А.Н. Борисов подчеркивает, что в договоре с нерезидентом обязательно указываются сроки исполнения обязательств [3].

В зарубежной литературе пределы res judicata и issue estoppel для арбитражных решений изучаются применительно к их приведению в исполнение [20], в промежуточном докладе ILA [17], в инвестиционном арбитраже через критерий тройного тождества [19] и в связи с выбором применимых стандартов преклюзии [18]. Отдельно рассматриваются пределы обязательности арбитражного решения с учетом интересов третьих лиц [14], арбитрабельность налоговых споров с участием государства в зависимости от того, затрагивают ли они его суверенитет [15], применение императивных норм [16] и нарушение публичного порядка как основание для отказа в признании иностранного решения [21]. Из смежных работ учтено исследование реализации региональных инвестиционных проектов в формате государственно-частного партнерства [13]. Институциональные механизмы привлечения инвестиций, включая инвестиционные соглашения, рассмотрены в [11]. Преимущества и недостатки фикций в гражданском праве проанализированы в [12].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.12.2011 № 30-П указал, что установленные судом факты «в их правовой сущности могут иметь иное значение» в другом деле [8]. Работы по арбитражному и валютному праву в российской литературе при этом не пересекаются. В первых определяется сила арбитражного решения для государственного суда, во вторых – какие меры резидента достаточны для освобождения от санкций. Открытым остается вопрос о том, как квалификация суммы в качестве неосновательного обогащения переходит из частноправового спора в валютное и налоговое производства. Цель статьи – обосновать последовательность процессуальных действий резидента, обеспечивающую такой переход, и определить публично-правовое значение каждого акта в праве Республики Казахстан и Российской Федерации.

Материалы и методы

Исследование выполнено формально-юридическим и сравнительно-правовым методами на материале одного спора: ТОО «Shagala Mining» с компанией «Bernard Group AG». Эмпирическую основу составили решение Постоянно действующего Арбитража города Астаны (май 2026 г.) и постановление Специализированного межрайонного суда по административным правонарушениям г. Караганды (июнь 2026 г.). Сопоставлялись нормы права Республики Казахстан и Российской Федерации о преюдиции и доказательствах (ст. 119 АППК РК; ст. 69, 75 АПК РФ; ст. 64 КАС РФ), о фиксации сроков расчетов и валютной ответственности (Закон РК «О валютном регулировании и валютном контроле», ст. 251 КоАП РК; Инструкция Банка России № 181-И, ч. 2 ст. 2.1 и ст. 15.25 КоАП РФ), а также о квалификации неотработанного аванса (ст. 644 НК РК, п. 1 ст. 309 НК РФ). Сравнительно-правовой метод применен, чтобы определить юридическое значение актов на каждой стадии защиты резидента в двух правопорядках. Научную базу составили

российские работы о преюдициальности арбитражных решений [5], о валютном контроле [7] и комментарий к закону о валютном регулировании [3], а также зарубежные исследования res judicata и issue estoppel [17–20], пределов обязательности арбитражного решения для третьих лиц [14], арбитрабельности налоговых споров [15], императивных норм и публичного порядка [16; 21]. Выводы получены на материале одного дела и норм двух государств ЕАЭС.

Результаты и обсуждение

Суверенитет арбитражного решения понимается нами как его способность закреплять гражданско-правовую природу обязательства так, что публичный орган не вправе произвольно ее пересматривать. Эта конструкция не тождественна преюдиции. Д.В. Ильин и А.Д. Борисова, разбирая позицию Президиума ВАС РФ, приводят вывод о том, что для лица, не являвшегося стороной разбирательства, решение трибунала «не имеет никакой силы, в том числе преюдициальной» [5].

Государство (ФНС России, ФТС России, Комитет государственных доходов Министерства финансов РК) стороной арбитражного разбирательства не является, поэтому выводы арбитров прямо на него не распространяются.

Статья 35 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 закрепляет обязательность арбитражного решения независимо от страны, в которой оно вынесено, и связывает ее с процедурой признания и приведения в исполнение [4]. В свою очередь, ч. 2 ст. 69 АПК РФ освобождает от доказывания обстоятельства, «установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу», в котором участвуют те же лица [2]. Решение коммерческого арбитража под эту формулу не подпадает. Оно поступает в дело как письменное доказательство по ст. 75 АПК РФ; в административном судопроизводстве РК институт преюдиции закреплен в ст. 119 АППК РК [1].

Для валютных дел значим иной критерий. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 28.04.2009 № 15714/08 указано, что просрочка выручки при отсутствии противоправного поведения резидента, «а также в случае принятия резидентом зависящих от него мер для получения этой выручки» не образует состава по ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ [9].

Сопоставленные нормы образуют двухступенчатую модель. На первой ступени решение арбитража, не обладая силой преюдиции, доказывает добросовестность резидента и гражданско-правовую природу удержанной суммы. На второй ступени эту силу приобретает акт государственного суда, который оценил арбитражное решение как доказательство и установил на его основе факты, значимые для публичного правоотношения.

Сопоставим эту модель с зарубежной доктриной. В ней res judicata и issue estoppel рассматриваются как последствия арбитражного решения при его приведении в исполнение [20] и в последующих разбирательствах [17], а в инвестиционном арбитраже — через критерий тройного тождества, включающий тождество сторон [19]. Налоговый и валютный органы стороной арбитража не являются, поэтому во второй ступени модели преюдициальное значение переходит к акту государственного суда. Это сопоставление проведено автором и не является выводом исследования.

В мае 2026 г. Постоянно действующий Арбитраж города Астаны рассмотрел иск ТОО «Shagala Mining» к «Bernard Group AG». Резидент перечислил ответчику комиссию 500 000 евро за организацию коммерческого кредита на сумму 220 570 000 евро. Кредитная линия открыта не была, комиссия осталась у ответчика. Доводы нерезидента о мошенничестве и незаконности проекта арбитраж отклонил как не подтвержденные доказательствами. Удержанную сумму он квалифицировал как неосновательное обогащение по ст. 953 ГК РК, российским аналогом которой служит ст. 1102 ГК РФ.

Эта квалификация повлекла изменение сроков по трем обязательствам резидента (табл. 1).

Все измененные сроки истекают не ранее второго полугодия 2029 г., поэтому к моменту налогового спора ни одно обязательство сторон не считается просроченным. У резидента остается время, чтобы найти альтернативное финансирование и провести разбирательство в юрисдикции ЕС.

Налоговый орган обосновал отказ в возврате 62 948 000 тенге тем, что неотработанный аванс по истечении двух лет со дня выплаты признается доходом нерезидента из источников в РК (ст. 644 НК РК в редакции периода выплаты). Эта позиция опирается на истечение срока, а не на содержание обязательства. В российском праве перечень доходов иностранной организации в п. 1 ст. 309 НК РФ открыт и охватывает иные аналогичные доходы, поэтому квалификация удержанной суммы зависит от основания ее получения. Если основание платежа отпало, сумма становится долгом нерезидента перед резидентом и объекта обложения не образует.

Таблица 1

Сроки исполнения обязательств ТОО «Shagala Mining» после признания дефолта соинвестора

Обязательство	Срок после изменения	Орган или лицо, изменившее срок	Основание изменения
Действие инвестиционного контракта № KZ69VZA00166984	до 30.09.2030	Комитет по инвестициям МИД РК	признание дефолта соинвестора непреодолимым препятствием
Ввод горно-обогатительного предприятия в эксплуатацию	II полугодие 2029 г. (перенос на три года)	Комитет по инвестициям МИД РК	то же, с заморозкой плановых обязательств
Репатриация комиссии 500 000 евро и срок действия договора	до 31.12.2030	стороны договора и АО «Евразийский банк» (банк-агент)	соглашение сторон и продление сроков в банке

Источник: составлено по материалам дела ТОО «Shagala Mining» (решение Постоянно действующего Арбитража г. Астаны, май 2026 г.; постановление Специализированного межрайонного суда по административным правонарушениям г. Караганды, июнь 2026 г.).

Налоговый орган может возразить, сославшись на позицию Конституционного Суда РФ о несовпадении предметов доказывания в разных видах судопроизводства [8]. Однако это возражение теряет силу, если факт, установленный в административном деле, совпадает с фактом, от которого зависит налоговая квалификация. Суд в Караганде установил, что сроки исполнения договора продлены до 31.12.2030; значит, неисполнение встречного обязательства, на котором строится квалификация неотработанного аванса, юридически не наступило.

Нами установлено, что налоговое значение арбитражного решения реализуется опосредованно – через постановление суда по делу о валютном правонарушении, зафиксировавшее продление сроков и отсутствие просрочки.

В РФ юридическое лицо признается виновным, если «не были приняты все зависящие от него меры» по соблюдению правил (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ) [6]. Статья 15.25 КоАП РФ, кроме того, исключает ответственность по ряду ее частей, если нарушение «обусловлено применением мер ограничительного характера» недружественных государств [6]. Если срыв финансирования вызван санкционными ограничениями, которые Швейцария ввела вслед за ЕС, это основание может заявить и российский резидент в споре со швейцарским соинвестором. Казахстанский суд ограничился критерием добросовестности. Достаточными он признал продление сроков расчетов и обращение резидента в арбитраж.

В июне 2026 г. Специализированный межрайонный суд по административным правонарушениям г. Караганды прекратил производство по ст. 251 КоАП РК за отсутствием состава правонарушения. К тому моменту сроки репатриации были продлены соглашением сторон и АО «Евразийский банк», поэтому просрочки не было.

На опыте этого дела можно предложить российскому резиденту такую модель требований, при которой арбитраж устанавливает факты, нужные затем в валютном и налоговом производствах. Центральное место в ней занимает требование о взыскании неосновательного обогащения с указанием на то, что встречное финансирование не предоставлялось. Именно этот факт лишает удержанную сумму признаков дохода нерезидента. Модель требований к иностранному контрагенту (для арбитражного суда РФ или международного коммерческого арбитража) включает:

– признание одностороннего отказа нерезидента от исполнения договора коммерческого кредитования незаконным и не повлекшим правовых последствий;

– требование о расторжении договора, поскольку кредитор существенно его нарушил;

– взыскание с нерезидента удержанной комиссии как неосновательного обогащения вместе с расходами по арбитражному сбору.

Юридическое значение актов на каждой стадии защиты резидента в двух правопорядках сопоставлено в табл. 2.

Из пяти стадий правопорядки существенно расходятся лишь в налоговой, и на этой стадии казахстанская модель сильнее россий-

ской зависит от продления сроков. Российскому резиденту продление сроков, которые по ч. 1.1 ст. 19 Федерального закона № 173-ФЗ указываются в договоре с нерезидентом [3], помогает прежде всего в валютном деле. В споре с инспекцией для него решающим остается доказательство того, что основание платежа отпало.

Таблица 2
Юридическое значение актов на стадиях защиты резидента в РК и РФ

Стадия защиты	Республика Казахстан	Российская Федерация
Решение коммерческого арбитража	доказательство дефолта соинвестора, основание пролонгации инвестиционного контракта	письменное доказательство (ст. 75 АПК РФ) без преюдициальной силы (ст. 69 АПК РФ)
Фиксация сроков расчетов	продление сроков банком-агентом по Закону РК «О валютном регулировании и валютном контроле»	постановка контракта на учет в уполномоченном банке (Инструкция Банка России от 16.08.2017 № 181-И)
Освобождение от валютной ответственности	продление сроков и обращение в арбитраж (дело по ст. 251 КоАП РК)	принятие всех зависящих мер (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ), ограничительные меры (ст. 15.25 КоАП РФ)
Преюдиция в налоговом споре	ст. 119 АППК РК	ст. 69 АПК РФ, ст. 64 КАС РФ
Квалификация неотработанного аванса	доход нерезидента по истечении двух лет (ст. 644 НК РК)	зависит от основания получения суммы (п. 1 ст. 309 НК РФ)

Источник: составлено по [1], [2], [6] и материалам дела ТОО «Shagala Mining».

Модель требований к налоговому органу сводится к двум пунктам: признать незаконным решение инспекции ФНС России об отказе в возврате излишне уплаченного налога на доходы иностранной организации и обязать инспекцию вернуть сумму на расчетный счет налогового агента. К заявлению прилагаются решение арбитража и вступивший в силу акт суда о прекращении валютного дела, в котором установлено продление сроков.

Предложенная последовательность имеет ограничения. Если резидент не продлил сроки в уполномоченном банке, суд по валютному делу установит просрочку, и преюдиция обернется против него. Особое основание, освобождающее от репатриации по инвестиционным займам резидента нерезиденту (ст. 19 Федерального закона № 173-ФЗ), доступно узкому кругу лиц и на комиссию за организацию кредита не распространяется [10]. Если суды и дальше будут признавать арбитражное решение доказательством принятия всех зависящих мер, модель применима и в российских спорах о возврате налога у источника. Если же решение придется исполнять в Швейцарии, защита займет больше времени на срок его признания.

Выводы

Решение международного коммерческого арбитража, признавшее удержанную нерезидентом комиссию неосновательным обогащением, не обладает преюдициальной силой для налоговых и валютных органов. Его публично-правовое значение в том, что оно закрепляет гражданско-правовую природу суммы и доказывает добросовестность резидента. На этом основании в Республике Казахстан пролонгирован инвестиционный контракт и перенесен срок ввода горно-обогатительного предприятия.

Преюдициальное значение для налогового спора приобретает акт государственного суда, прекративший дело о нерепатриации и установивший продление сроков расчетов, что обеспечивается ст. 119 АППК РК и ст. 69 АПК РФ.

Налоговое правило РК, по которому аванс признается доходом по истечении двух лет, неприменимо к обязательству, срок исполнения которого продлен и подтвержден судом. В российском праве сходный результат достигается через оценку основания платежа по ст. 309 НК РФ. Практическую значимость выводам придают модели требований к иностранному контрагенту и налоговому органу. С их помощью резидент еще в арбитраже закрепляет факты, которые затем потребуются в валютном и налоговом производствах.

Выводы получены на материале одного дела и норм двух государств ЕАЭС, поэтому их перенос на споры с участием иных правопорядков требует проверки. Дальнейшего изучения заслуживают налоговые последствия исполнения арбитражного решения в государстве нерезидента, а также практика российских судов по делам о нерепатриации при дефолте иностранного кредитора.

Литература

1. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29.06.2020 № 350-VI (с изм. и доп. по состоянию на 10.01.2026). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (дата обращения: 25.09.2026).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/0c06aec5ebec0b2ad4d187d051b339018aebc260/ (дата обращения: 25.09.2026).

3. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2024. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/repatriaciya_valyuty_po_zajmam/ (дата обращения: 25.09.2026).

4. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в действующей редакции). URL: https://base.garant.ru/10101354/ (дата обращения: 25.09.2026).

5. Ильин Д. В., Борисова А. Д. Преюдициальность арбитражных решений в России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. С. 167–192. URL: https://kkplaw.ru/preyudicialnost-arbitrazhnyh-reshen/ (дата обращения: 25.09.2026).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действующей редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/4adb77015309c711961ab12777e722a3b004b694/ (дата обращения: 25.09.2026).

7. Николаева И. Г. Валютный контроль за операциями участников ВЭД после принятия особых экономических мер // Таможенное дело. 2022. № 2. С. 23–31. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/nerepatriaciya_denezhnyh_sredstv/ (дата обращения: 25.09.2026).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/preyudicialnost_sudebnogo_akta_po_nalogovym_sporam/ (дата обращения: 25.09.2026).

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.04.2009 № 15714/08. URL: https://www.kodap.ru/razdel-2/glava-15/st-15-25-koap-rf (дата обращения: 25.09.2026).

10. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (в действующей редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/898bd5aa0592f9c50e1712a92fb21339ef2b188a/ (дата обращения: 25.09.2026).

11. Чешин А. В. Институциональные и организационные аспекты привлечения инвестиций в экономику региона // Государственная служба. 2019. Т. 21, № 4 (120). С. 50–57. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-4-50-57. EDN: RWGPYL.

12. Чешин А. В. Использование фикций в гражданском праве: преимущества и недостатки // Власть Закона. 2023. № 3 (55). С. 197–206. EDN: QTTOTB.

13. Чешин А. В. Особенности реализации региональных инвестиционных проектов в формате государственно-частного партнерства // Сегодня и завтра Российской экономики. 2016. № 79–80. С. 117–120. EDN: YNFKFH.

14. Bocharova N. The Scope of the Arbitral Award Binding Effect (Interests of «Third Parties» in International Arbitration) // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, no. 2. P. 75–94. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-2-75-94.

15. Brazier L. The Arbitrability of Investor-State Taxation Disputes in International Commercial Arbitration // Journal of International Arbitration. 2015. Vol. 32, iss. 1. P. 1–36. DOI: 10.54648/joia2015001.

16. Calavros C. The application of substantive mandatory rules in International Commercial Arbitration from the perspective of an EU UNCITRAL Model Law jurisdiction // Arbitration International. 2018. Vol. 34, no. 2. P. 219–240. DOI: 10.1093/arbint/aiy005.

17. De Ly F., Sheppard A. ILA Interim Report on Res Judicata and Arbitration // Arbitration International. 2009. Vol. 25, no. 1. P. 35–66. DOI: 10.1093/arbitration/25.1.35.

18. Gupta R. Res Judicata in International Arbitration: Choice of Law, Competence & Jurisdictional Court Decisions // Asian International Arbitration Journal. 2020. Vol. 16, iss. 2. P. 193–220. DOI: 10.54648/aiaj2020021.

19. Magnaye J., Reinisch A. Revisiting Res Judicata and Lis Pendens in Investor-State Arbitration // The Law & Practice of International Courts and

Tribunals. 2016. Vol. 15, no. 2. P. 264–286. DOI: 10.1163/15718034-12341322.

20. Nazzini R. Enforcement of International Arbitral Awards: Res Judicata, Issue Estoppel, and Abuse of Process in a Transnational Context // The American Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 66, no. 3. P. 603–638. DOI: 10.1093/ajcl/avy037.

21. Parlade C. O. Judicial Review of Arbitral Awards: Violation of Public Policy as Ground for Refusing Recognition of Foreign Arbitral Award // Asian International Arbitration Journal. 2008. Vol. 4, iss. 2. P. 175–194. DOI: 10.54648/aiaj2008009.

The Relationship Between Commercial Arbitral Awards and Residents' Foreign Exchange and Tax Obligations

Kiselev A.V.

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

A foreign co-investor may keep a loan arrangement fee without opening a credit line. The resident then faces three public law risks at once: the investment contract may be terminated, currency sanctions may be imposed for non-repatriation, and a refund of the withholding tax may be refused. We aim to justify a sequence of procedural steps that overcomes these risks. We also define the public law value of an arbitral award. The study uses formal legal and comparative legal methods and a case study of the 2026 dispute with Bernard Group AG. The arbitral award has no preclusive effect for state bodies. Still, it proves that the resident acted in good faith. Preclusive effect comes from the state court act that closed the currency case after the bank extended the payment terms. Kazakhstan and Russia use similar tests for currency liability. Their rules on taxing unperformed advances differ. The proposed claim models can be used by lawyers in the EAEU.

Keywords: international commercial arbitration, intersectoral prejudice, currency control, repatriation, withholding tax, unjust enrichment, investment contract, arbitral award, non-repatriation, currency liability, EAEU, Republic of Kazakhstan.

References

1. Administrative Procedure and Justice Code of the Republic of Kazakhstan No. 350-VI dated June 29, 2020 (as amended on January 10, 2026). Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended on December 15, 2025). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/0c06aec5ebec0b2ad4d187d051b339018aebc260/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
3. Borisov A. N. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10 dekabrya 2003 g. № 173-FZ «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole» (postateynyy) [Commentary to the Federal Law of December 10, 2003 No. 173-FZ "On Currency Regulation and Currency Control" (article-by-article)]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Yustitsinform, 2024. Available at: https://www.consultant.ru/law/podborki/repatriaciya_valyuty_po_zajmam/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
4. Law of the Russian Federation No. 5338-1 dated July 7, 1993 "On International Commercial Arbitration" (as amended). Available at: https://base.garant.ru/10101354/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
5. Ilyin D. V., Borisova A. D. Preyuditsial'nost' arbitrazhnykh resheniy v Rossii [Preclusive Effect of Arbitral Awards in Russia]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii [Herald of Economic Justice of the Russian Federation], 2021, no. 6, pp. 167–192. Available at: https://kkplaw.ru/preyudicialnost-arbitrazhnyh-reshen/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/4adb77015309c711961ab12777e722a3b004b694/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
7. Nikolaeva I. G. Valyutnyy kontrol' za operatsiyami uchastnikov VED posle prinyatiya osobykh ekonomicheskikh mer [Currency Control Over the Operations of Foreign Economic Activity Participants After the Adoption of Special Economic Measures]. Tamozhennoe delo [Customs Affairs], 2022, no. 2, pp. 23–31. Available at: https://www.consultant.ru/law/podborki/nerepatriaciya_denezhnyh_sredstv/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P dated December 21, 2011. Available at: https://www.consultant.ru/law/podborki/preyudicialnost_sudebnogo_akta_po_nalogovym_sporam/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 15714/08 dated April 28, 2009. Available at: https://www.kodap.ru/razdel-2/glava-15/st-15-25-koap-rf (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
10. Federal Law No. 173-FZ dated December 10, 2003 "On Currency Regulation and Currency Control" (as amended). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/898bd5aa0592f9c50e1712a92fb21339ef2b188a/ (Accessed: September 25, 2026). (In Russ.)
11. Cheshin A. V. Institutsional'nye i organizatsionnye aspekty privlecheniya investitsiy v ekonomiku regiona [Institutional and Organizational Aspects of Attracting Investments in the Region's Economy]. Gosudarstvennaya sluzhba [Public Administration], 2019, vol. 21, no. 4 (120), pp. 50–57. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-4-50-57. (In Russ.)
12. Cheshin A. V. Ispol'zovanie fiktsiy v grazhdanskom prave: preimushchestva i nedostatki [The Use of Fictions in Civil Law: Advantages and Disadvantages]. Vlast' Zakona [The Rule of Law], 2023, no. 3 (55), pp. 197–206. EDN: QTTOTB. (In Russ.)
13. Cheshin A. V. Osobennosti realizatsii regional'nykh investitsionnykh proektov v formate gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Features of Realization of Regional Investment Projects in the Format of State-Private Partnership]. Segodnya i zavtra Rossiyskoy ekonomiki [Today and Tomorrow of the Russian Economy], 2016, no. 79–80, pp. 117–120. EDN: YNFKFH. (In Russ.)
14. Bocharova N. The Scope of the Arbitral Award Binding Effect (Interests of «Third Parties» in International Arbitration). Russian Law Journal, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 75–94. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-2-75-94.
15. Brazier L. The Arbitrability of Investor-State Taxation Disputes in International Commercial Arbitration. Journal of International Arbitration, 2015, vol. 32, iss. 1, pp. 1–36. DOI: 10.54648/joia2015001.
16. Calavros C. The application of substantive mandatory rules in International Commercial Arbitration from the perspective of an EU UNCITRAL Model Law jurisdiction. Arbitration International, 2018, vol. 34, no. 2, pp. 219–240. DOI: 10.1093/arbint/aiy005.
17. De Ly F., Sheppard A. ILA Interim Report on Res Judicata and Arbitration. Arbitration International, 2009, vol. 25, no. 1, pp. 35–66. DOI: 10.1093/arbitration/25.1.35.
18. Gupta R. Res Judicata in International Arbitration: Choice of Law, Competence & Jurisdictional Court Decisions. Asian International Arbitration Journal, 2020, vol. 16, iss. 2, pp. 193–220. DOI: 10.54648/aiaj2020021.
19. Magnaye J., Reinisch A. Revisiting Res Judicata and Lis Pendens in Investor-State Arbitration. The Law & Practice of International Courts and Tribunals, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 264–286. DOI: 10.1163/15718034-12341322.
20. Nazzini R. Enforcement of International Arbitral Awards: Res Judicata, Issue Estoppel, and Abuse of Process in a Transnational Context. The American Journal of Comparative Law, 2018, vol. 66, no. 3, pp. 603–638. DOI: 10.1093/ajcl/avy037.
21. Parlade C. O. Judicial Review of Arbitral Awards: Violation of Public Policy as Ground for Refusing Recognition of Foreign Arbitral Award. Asian International Arbitration Journal, 2008, vol. 4, iss. 2, pp. 175–194. DOI: 10.54648/aiaj2008009.

Правовой режим цифровых финансовых активов и криптовалюты в составе общего имущества супругов: проблемы выявления, оценки и раздела

Кривицкая Юлия Станиславовна
старший преподаватель кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет, Julia-424@yandex.ru

Актуальность теме исследования придает расширение использования цифровых финансовых активов и криптовалюты в имущественном обороте, и делая ее практически значимой, что связано со сложностью учета таких объектов разделе общего имущества супругов. Статья направлена на то, чтобы выявить особенности их правового режима, а также показать проблемы, которые появляются при обнаружении, оценке и разделе этих активов. В работе используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, плюс анализ судебной практики. Результатом стал вывод о том, что нужно разграничивать технический контроль над цифровым активом и его семейно-правовую принадлежность. Для раздела предлагается дифференцированный подход: в основном в цифровых единицах, а если такой раздел невозможен – с выплатой денежной компенсации.

Ключевые слова: семейное право, цифровая валюта, криптовалюта, финансовые активы, общее имущество супругов, раздел имущества супругов, оценка цифровых активов.

Активная цифровизация имущественного оборота постепенно трансформирует и состав имущества супругов. Наряду с традиционными объектами – недвижимостью, транспортными средствами, денежными средствами, ценными бумагами и долями в капитале организаций – в состав семейных активов все чаще входят цифровые финансовые активы и цифровая валюта. Их имущественная ценность уже признается как законодателем, так и судебной практикой.

Однако применение к таким объектам норм семейного законодательства по-прежнему вызывает ряд нерешённых вопросов. Цифровая форма существования имущества, возможность его перемещения вне обычной банковской инфраструктуры, высокая скорость операций, а применительно к криптовалюте – еще и хранение активов на цифровых адресах, которые формально не содержат сведений о конкретном владельце, заметно затрудняют выявление такого имущества и его последующий раздел между супругами.

Правовой режим цифровых активов в отношениях между супругами определяется в первую очередь общими положениями семейного законодательства о совместной собственности. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ, к ней относится имущество, приобретённое в период брака. Перечень такого имущества сформулирован как открытый: значение имеет не столько вид объекта и не то, на кого он оформлен, сколько время и основания его приобретения, а также источник использованных средств [2]. Данное положение дает право применять режим совместной собственности и к цифровым активам. В случае приобретения таких активов во время брака за счёт общих средств супругов и отсутствия основания для признания их личным имуществом одного из них, они могут включаться в состав общего имущества.

Важное значение для установления правовой природы криптовалюты имеет Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П. Суд определил, что цифровая валюта обладает имущественным содержанием и может рассматриваться как «иное имущество» по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса РФ, а отношения, связанные с ней, подлежат судебной защите. Эта правовая позиция позволяет включать криптовалюту в состав имущества, подлежащего разделу между супругами [5; 1].

При этом цифровые финансовые активы и цифровая валюта подчиняются разному правовому режиму, отличаются по порядку учета и обращения. С 1 сентября 2026 г. цифровые валюты регулирует Федеральный закон № 282-ФЗ, тогда как режим цифровых финансовых активов установлен Федеральным законом № 259-ФЗ. Эти различия прямо влияют на выявление актива, установление его принадлежности и последующий раздел.

Показательным в этом плане является постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-3817/26 по делу № А65-22095/2023. Суд постановил, что цифровую валюту «USDT» приобрели в период брака за счет кредитных средств, которые использовались в интересах семьи, и потому не придал решающего значения тому, на кого именно открыли криптокошелек [8]. Данный пример свидетельствует о том, что при определении семейно-правового режима цифрового актива решающее значение имеют источник средств, момент его приобретения и характер использования. Формальный контроль над кошельком сам по себе данного вопроса не разрешает.

Особую сложность создают ситуации, когда криптовалюту фактически контролирует один из супругов. Сам по себе доступ к цифровому адресу еще не показывает, какой правовой режим имеет актив. Нужно установить, связан ли кошелек с конкретным супругом, когда и за счет каких средств приобрели цифровую валюту, а также какие операции с ней проводили потом. Дополнительные трудности появляются в тех случаях, когда цифровой актив неоднократно перемещался между разными адресами. Тогда проследить движение такого имущества заметно сложнее, а подтвердить его связь с конкретным супругом еще сложнее. Отдельно сохраняется проблема оценки: стоимость криптовалюты за короткий период может существенно меняться, и из-за этого непросто определить справедливый денежный эквивалент при разделе.

Для установления правового режима цифрового имущества супругов нужно разграничивать цифровые финансовые активы и цифровую валюту. Формальное сходство этих терминов не означает тождества их правовой природы. Указанные объекты возникают по-разному, по-разному учитываются и обращаются, и это прямо влияет на их квалификацию в имущественных отношениях супругов.

Цифровую валюту действующее законодательство рассматривает как имущество, которое существует в форме электронных данных в информационной системе и может использоваться для расчетов либо инвестирования при отсутствии лица, несущего обязательство перед каждым ее владельцем [4]. Для режима имущества супругов это имеет прямое значение, поскольку законодатель связывает цифровую валюту не с обязательственным требованием к определенному субъекту, а с особым видом имущественного объекта.

Цифровые финансовые активы имеют иную правовую и технологическую конструкцию. Они опосредуют формализованные цифровые права, а их выпуск и учет осуществляются в специально предусмотренной информационной системе. Иными словами, в данном случае речь идет не просто об электронных данных, обладающих имущественной ценностью, а о цифровой форме фиксации конкретных прав.

Переход к новому регулированию идет поэтапно. Положения Федерального закона № 259-ФЗ сохраняют действие в отношении отдельных ранее созданных информационных систем в течение установленного переходного периода [3], тогда как Федеральный закон № 282-ФЗ закрепляет новую модель организации обращения и учета цифровых валют и цифровых прав [4].

Существующие различия между рассматриваемыми объектами имеют важное практическое значение в регулировании семейного права. Говоря о цифровых правах и других активах, имеющих учет в информационно-цифровой сфере, акцентируем внимание на том, что они отличаются большей формальной определенностью: закон закрепляет их учет по цифровым счетам, и это упрощает установление самого актива, а также его принадлежности конкретному лицу [4]. Что касается криптовалюты, установление такой принадлежности нередко затруднено, поскольку фактическая возможность распоряжения соответствующим активом обусловлена доступом к адресу-идентификатору и связанным с ним средствам управления.

Технологические различия сами по себе не изменяют общего семейно-правового подхода. Если цифровой актив приобретен супругами в период брака за счет общих средств, он подлежит отнесению к их совместной собственности в соответствии со ст. 34 Семейного кодекса РФ. Определяющее значение в данном случае имеют не техническая форма имущества и не то, на имя кого из супругов оформлена соответствующая учетная запись, а момент приобретения и источник средств. И напротив, согласно ст. 36 Семейного кодекса РФ, цифровой актив, приобретенный до заключения брака, полученный по безвозмездной сделке либо приобретенный за счет личного имущества одного из супругов, при наличии надлежащих доказательств может быть признан его личной собственностью [2].

Применительно к цифровым активам целесообразно разграничивать технический контроль над объектом и его семейно-правовую принадлежность. Само по себе наличие у одного из супругов доступа к криптокошельку, цифровому счету или иному средству распоряжения активом не дает достаточных оснований считать такое имущество его личной собственностью. Семейно-правовой режим в данном случае определяется прежде всего обстоятельствами приобретения актива и источником средств, которые использовались для его получения.

Одной из наиболее сложных проблем при разделе цифровых активов остается установление самого факта их существования и принадлежности одному из супругов. В отношении традиционного имущества суд, как правило, может запросить сведения из государственных реестров, кредитных организаций и иных учетных систем. Применительно к цифровой валюте такая возможность зависит от способа ее приобретения и хранения. Если операции проходили через регулируемого посредника, цифровой депозитарий или учреждение, которое занимается обменом цифровых валют, то они должны хранить сведения о клиенте, цифровых счетах, адресах-идентификаторах и совершенных операциях в течение срока, установленного законом [4].

Новое регулирование в определенной степени расширяет процессуальные возможности выявления таких активов. Несмотря на режим конфиденциальности, организация, осуществляющая обмен цифровых валют, по требованию или запросу суда обязана предоставить сведения о контрагентах, цифровых счетах, адресах-идентификаторах, а также о сделках и операциях с цифровыми валютами, кроме ключей доступа к адресам-идентификаторам [4].

Для споров о разделе имущества это особенно важно: суд получает возможность установить не только наличие цифрового актива, но и историю операций с ним. Но эта модель проблему полностью не снимает. Если цифровая валюта хранится вне регулируемой инфраструктуры или ее перевели на иной адрес, само обнаружение записи в распределенном реестре еще не доказывает, что актив принадлежит конкретному супругу. В такой ситуации суду нужно оценивать совокупность обстоятельств: движение денежных средств со счетов супруга на приобретение криптовалюты, сведения с криптовалютных платформ, историю операций по цифровому адресу, переписку, данные об использовании соответствующих сервисов и иные сведения, которые позволяют связать конкретный актив с определенным лицом. Здесь значение имеет не одно доказательство, а их взаимная согласованность.

Также важно разграничивать доказывание фактического контроля над цифровым активом и установление его семейно-правового режима. Даже если суд установит, что криптокошельком единолично пользовался один из супругов, это само по себе еще не подтверждает личный характер находившегося на нем актива. Судебная практика показывает другое: оформление имущества на одного супруга или его техническая возможность единолично распоряжаться им не исключают режим совместной собственности, если имущество приобрели в период брака за счет общих средств. Этот подход отражен и в упомянутом выше деле № А65-22095/2023, где суд признал юридически несущественным, на кого из супругов был открыт криптокошелек, поскольку цифровую валюту приобрели за счет средств, которые суды отнесли к общей имущественной сфере семьи [8].

Особую сложность создают ситуации, когда один из супругов переводит цифровую валюту на другой адрес или отчуждает ее уже в период возникновения семейного конфликта [10, с. 219]. Само выбытие цифрового актива не должно автоматически исключать его стоимость из имущественной массы, которая подлежит разделу.

Судебная практика по делам о разделе имущества супругов последовательно исходит из другого подхода. Суд учитывает не только то имущество, которое имеется у супругов на момент рассмотрения дела, но в определенных обстоятельствах и то имущество, которым один из супругов распорядился вопреки интересам семьи [6; 9, с. 490]. Для цифровых активов это имеет особое значение. Причины простые. Такие активы можно быстро перемещать и неоднократно переводить между разными адресами.

Отдельная проблема при разделе цифровых активов – это определение их стоимости. Судебная практика придерживается устоявшегося подхода: стоимость имущества, которое подлежит разделу между супругами, суд определяет на время рассмотрения дела [6; 7]. Применительно к криптовалюте это правило работает сложнее. Цена такого актива из-за высокой волатильности может заметно различаться на момент приобретения, подачи иска, проведения оценки и вынесения решения.

В этой связи решающее значение получает уже сам способ раздела. Если цифровой актив можно технически переместить между адресами или счетами, а его количество достоверно установлено, суду логичнее делить между супругами не абстрактную стоимость, а соответствующее количество цифровых единиц пропорционально тем долям, которые он определил. Такой вариант снижает влияние курсовых колебаний. После раздела каждый из супругов сам несет риск того, что стоимость принадлежащего ему актива потом изменится. Результат неоднозначен. Но тут это работает лучше.

Если раздел цифрового актива в натуре невозможен либо фактический контроль над ним сохраняет один из супругов, суд может передать такой актив ему с присуждением другому супругу денежной компенсации по правилам ст. 38 Семейного кодекса РФ. В этой ситуации особенно важно определить стоимость актива максимально близко к моменту разрешения спора, поскольку существенно устаревшая оценка может привести к несоразмерности присуждаемой компенсации. Общий подход Верховного Суда тоже исходит из того, что при разделе имущества нужно учитывать его актуальную стоимость [2; 6].

Таким образом, цифровые финансовые активы и криптовалюта могут входить в состав общего имущества супругов, если для этого есть основания, предусмотренные семейным законодательством. Основные трудности возникают не на стадии признания их имущественной природы, а при выявлении таких активов, доказывании их принадлежности, оценке и выборе способа раздела. Технический контроль над цифровым активом сам по себе не равен его семейно-правовой принадлежности. Если доказано, что цифровой актив приобрели в период брака за счет общих средств, к нему нужно применять режим ст. 34 Семейного кодекса РФ. Для раздела здесь более уместен дифференцированный подход: при технической возможности актив делят в цифровых единицах, а при невозможности передают одному супругу с выплатой компенсации другому.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
4. О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 32. – Ст. 4479.
5. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 4. – Ст. 372.
6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 1.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 апреля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 10.
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 1 сентября 2026 г. № Ф06-3817/26 по делу № А65-22095/2023 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «ГАРАНТ». – Режим доступа: https://base.garant.ru/39437936/ (дата обращения: 17.09.2026).
9. Коробов, И. А. Особенности имущественных отношений супругов в цифровом обществе / И. А. Коробов // Образование и право. – 2026. – № 2. – С. 489-492.
10. Цветков, Н. А. Особенности доказывания права собственности на криптовалюту одного из супругов / Н. А. Цветков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2026. – № 2 (86). – С. 217-223.

The Legal Regime of Digital Financial Assets and Cryptocurrency within the Joint Property of Spouses: Issues of Identification, Valuation, and Division

Krivitskaya Ju.S.
Don State Technical University

The research topic is rendered timely and practically significant by the expanding use of digital financial assets and cryptocurrency in property transactions, a trend complicated by the challenges of accounting for such assets during the division of marital property. The article aims to identify the specific features of their legal status and to highlight the challenges associated with their discovery, valuation, and division. The study employs formal-legal, systemic, and comparative-legal methods, alongside an analysis of judicial practice. The resulting conclusion is that a distinction must be drawn between technical control over a digital asset and its ownership status under family law. A differentiated approach to asset division is proposed: primarily a division in kind (in digital units), or, where such division is not feasible, the payment of monetary compensation.

Keywords: family law, digital currency, cryptocurrency, financial assets, marital property, division of marital property, valuation of digital assets.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on March 23, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
3. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.
4. On Digital Currencies and Digital Rights: Federal Law No. 282-FZ of August 4, 2026 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – No. 32. – Art. 4479.
5. Case on the review of the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen Dmitry Igorevich Timchenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated January 20, 2026 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – No. 4. – Item 372.
6. On the application of legislation by courts in cases concerning the dissolution of marriage: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 dated November 5, 1998 (as amended on February 6, 2007) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1999. – No. 1.
7. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2019): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 24, 2019 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – No. 10.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated September 1, 2026, No. F06-3817/26 in Case No. A65-22095/2023 [Electronic resource] // «GARANT» Legal Information System. – Access mode: https://base.garant.ru/39437936/ (accessed: 17.09.2026).
9. Korobov, I. A. Specifics of Spouses' Property Relations in a Digital Society / I. A. Korobov // Education and Law. – 2026. – No. 2. – P. 489-492.
10. Tsvetkov, N. A. Specifics of Proving Ownership of Cryptocurrency Belonging to One of the Spouses / N. A. Tsvetkov // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2026. – No. 2 (86). – P. 217-223.

Исключение участника из корпорации: основания, порядок и правовые последствия

Лихотников Георгий Михайлович
магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), likhotnikov1@gmail.com

В статье рассмотрены определения терминов «корпоративная организация» и «корпорация». Охарактеризованы права и обязанности участников корпорации. Неисполнение обязанностей может повлечь за собой применение санкционных мер корпоративной и гражданско-правовой ответственности, включая исключение из корпорации. Исключение участника из корпорации определяется как принудительное прекращение корпоративного правоотношения в целях устранения противоречия между индивидуальным поведением участника и коллективными интересами корпоративного объединения. Отмечается, что единого подхода к определению оснований исключения участника из хозяйственного общества не представлено, так как в ГК РФ и в Федеральном законе от 08.02.1998 N 14-ФЗ представлены разные основания. Сделан вывод о важности учета фактора вины в принятии решений по исключению участника. Проанализировано такое основание для исключения и корпорации, как создание участником параллельного бизнеса. Кратко описаны проблемы распределения долей участия и определения действительной стоимости доли исключаемого участника.

Ключевые слова: корпорация, исключение участника из корпорации, корпоративное право, вина, корпоративная организация

Корпоративное право принято считать одной из наиболее молодых отраслей отечественной юридической науки и практики. В научной среде сохраняются сомнения в самостоятельной ценности корпоративного права и возможности его интеграции в существующую систему правового регулирования [9, с. 42]. В данной связи многие аспекты корпоративного права в России разработаны пока не достаточно в специализированной литературе и периодике. Судебная практика, в свою очередь, также не отличается единообразием. Дискуссионными остаются вопросы сущности и места корпоративного права в отечественной правовой доктрине.

Увеличение числа корпораций, расширение спектра производимых товаров и оказываемых услуг обусловливают необходимость развития корпоративного нормотворчества. Одним из наиболее актуальных вопросов в подобном контексте нам представляется исключение участника из корпорации, и в частности – основания, порядок и правовые последствия исключения.

Российский нормативный правовой массив был дополнен понятием «корпоративная организация» в рамках Федерального закона от 05 декабря 2014 г. № 99-ФЗ (далее – Закон № 99-ФЗ) [11]. Согласно положениям Закона № 99-ФЗ, юридические лица, помимо отнесения к коммерческим или некоммерческим, стали дифференцировать на основании критерия отнесения к корпоративным или унитарным. Критерии, в свою очередь, были зафиксированы в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ [2]).

По мнению С. В. Потапенко с соавт., термин «корпоративная организация» можно определить как «юридическое лицо, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в нем и формируют его высший орган»; кроме того, в отечественной доктрине данная категория не является тождественной термину «корпорация», так как российский законодатель закрепил в качестве одного из вида унитарных организаций государственные корпорации, которые не являются корпоративными организациями [8, с. 292].

Иного мнения придерживается Н. Т. Рахманин с соавт., который отождествляет два понятия. Корпорация, по мнению автора, являет собой организацию, созданную «с согласия государства для осуществления предпринимательской (или иной) деятельности в качестве искусственного лица, которая может выступать стороной судебного разбирательства, а также (если она не является некоммерческой) может выпускать акции для привлечения средств, с помощью которых можно начать бизнес или увеличить имеющийся капитал» [9, с. 42].

Как очевидно, участники корпоративных отношений обладают спектром прав и обязанностей. Как следует из текущих тенденций в области корпоративного права, участники при реализации своих прав должны руководствоваться определенными пределами. Можно также сказать, что перечни прав и обязанностей участников корпорации существенно варьируются в различных национальных юрисдикциях. Тем не менее, в большинстве юрисдикций, включая российскую, права и обязанности участников корпорации могут устанавливаться законом, следовать из общих принципов права, фиксироваться в локальных актах юридического лица, корпоративном договоре и других документах [3, с. 130].

Обязанности участников корпорации включают соблюдение принципов добросовестности и разумности, недопущение злоупотребления корпоративными правами, воздержание от действий, причиняющих вред корпорации или препятствующих достижению целей её создания. К числу имущественных обязанностей относятся оплата долей или акций, внесение предусмотренных законом и учредительными документами вкладов. Участники также обязаны соблюдать режим конфиденциальности, раскрывать установленную информацию и выполнять требования корпоративных документов. В предусмотренных законом случаях на них возлагается обязанность участвовать в принятии корпоративных решений. Неисполнение указанных обязанностей может повлечь применение мер корпоративной и гражданско-правовой ответственности, включая возмещение убытков, исключение из корпорации и иные предусмотренные законом санкции [3, с. 140-142].

Одной из подобных санкций, помимо прочего, является исключение участника из состава корпораций.

Исключение участника из корпорации представляет собой принудительное прекращение корпоративного правоотношения в целях устранения противоречия между индивидуальным поведением участника и коллективными интересами корпоративного объединения. Его сущность заключается в разрешении конфликта между правом лица на участие в корпорации и необходимостью обеспечения ее устойчивого функционирования. Если поведение участника препятствует достижению общих целей, нарушает доверие между участниками или создает существенные препятствия для принятия управленческих решений, сохранение корпоративной связи может утратить рациональное основание [6, с. 84].

При этом, исключение участника не должно рассматриваться как произвольное ограничение индивидуального права: легитимность решения об исключении детерминировано обоснованностью оснований, соразмерностью применяемой меры и соблюдением баланса частных и коллективных интересов. Таким образом, исключение участника выступает правовым механизмом разрешения внутреннего противоречия между автономией отдельного субъекта и необходимостью сохранения корпорации.

Теоретические основания исключения участника из корпорации обусловлены доверительным характером отношений между участниками непубличных обществ и товариществ, предполагающим добросовестное осуществление корпоративных прав, соблюдение обязанностей лояльности и приоритет интересов корпорации. Нарушение указанных обязанностей может повлечь корпоративный конфликт, причинение ущерба обществу и блокирование принятия управленческих решений. В связи с этим исключение участника выступает одновременно способом защиты корпоративных прав и мерой корпоративно-правовой ответственности, применяемой в качестве крайней меры при существенном нарушении корпоративных обязанностей [1, с. 67].

Как справедливо отмечает А. В. Осокин, само по себе исключение участника из состава корпораций является одним из наиболее дискуссионных аспектов корпоративного права. Причиной этого является тот факт, что единого подхода к определению оснований исключения участника из хозяйственного общества не представлено, так как в ГК РФ и в Федеральном законе от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ №14-ФЗ) представлены разные основания [7, с. 204].

В ГК РФ представлены следующие основания исключения участника из хозяйственного общества: причинение действиями (бездействием) участника существенного вреда обществу, затруднение деятельности общества и достижения уставных целей, грубое нарушение обязанностей участника, которое существенным образом затрудняет деятельность общества и достижение уставных целей (абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ) [2].

В ФЗ №14-ФЗ отмечается возможность исключения участника в ситуациях: грубого нарушения своих обязанностей, невозможности осуществления деятельности общества, существенного затруднения деятельности общества в связи с действиями участника [10].

Можно согласиться с А. А. Гусевой в том, что основания для исключения участников из хозяйственных обществ и товариществ намеренно сформулированы законодателем общо. В реальной корпоративной практике подобная широта или даже размытость формулировок позволяет учитывать многообразие корпоративных отношений. По мнению исследователя, конкретизация оснований могла бы способствовать совершению действий, формально соответствующих законодательным требованиям, но противоречащих интересам корпорации. В связи с этим оценка существенности допущенного нарушения и обоснованности исключения участника осуществляется судом с учётом конкретных обстоятельств. Важную роль в обеспечении единообразия правоприменения играют разъяснения высших судебных инстанций [5, с. 97].

Конкретизация оснований для исключения, помимо прочего, возможна посредством утверждения внутрикорпоративных документов. Об этом свидетельствуют положения ст. 67.2 ГК РФ [2].

Однако, далеко не все исследователи поддерживают идею о расширении оснований для исключения в рамках внутренней документации. В научной литературе выражается осторожное отношение к расширению оснований исключения участника хозяйственного общества посредством корпоративного договора. Обосновывается необходимость соблюдения принципа специалитета корпоративной ответственности, согласно которому применение мер неимущественной ответственности, включая исключение участника, должно иметь надлежащее правовое основание и соответствовать, в первую очередь, установленным законом ограничениям.

Тем не менее, большинство юристов склонно считать, что расширение оснований исключения участника из корпорации посредством корпоративного договора имеет диспозитивный характер. Подобный подход характерен и для ряда зарубежных правопорядков, в которых исключение участника рассматривается как договорный механизм, возможность применения которого предусматривается уставом [7, с. 206].

А. А. Гусева считает, что при рассмотрении ситуаций исключения участника корпорации следует руководствоваться не столько конкретными представленными в законе или корпоративных документах основаниями, сколько принципом виновной ответственности. Данный подход согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым при рассмотрении соответствующих споров суд оценивает, в частности, степень вины участника. Необходимость учета вины обусловлена правовой природой исключения, которое, несмотря на выплату действительной стоимости доли (п. 4 ст. 23 Закона об ООО), влечет утрату корпоративного статуса и возможности дальнейшего участия в действующем бизнесе. Следовательно, применение данной меры требует оценки поведения участника и наличия его вины [4, с. 178].

Безусловно, с терминологической точки зрения категория «степень вины» обладает нормативной неопределенностью, что создает риск неоднородного судебного толкования и чрезмерного расширения судебного усмотрения. В отсутствие законодательного закрепления безвиновной ответственности участника исключение из корпорации, по нашему мнению, допустимо при наличии виновного действия или бездействия. При этом дискуссионным остается вопрос о возможности установления в уставе дополнительных оснований исключения, связанных с причинением существенного вреда или затруднением деятельности корпорации независимо от наличия вины. Его разрешение предполагает определение пределов диспозитивности корпоративного регулирования и допустимости отступления от общих принципов гражданско-правовой ответственности.

Достаточно часто современные юристы обращают внимание на такое основание для исключения и корпорации, как создание участником параллельного бизнеса. Создание бизнеса участником может быть рассмотрено в качестве основания для исключения из корпорации в ситуации нарушения фидуциарных обязанностей, недобросовестного использования корпоративных ресурсов и существенного затруднения деятельности общества. Использование активов, клиентской базы, технологий, объектов интеллектуальной собственности и персонала первоначальной корпорации в интересах нового юридического лица свидетельствует о конфликте интересов и потенциальном ущемлении прав остальных участников.

Осуществление гражданских прав (в частности, предусмотренных ст. 18 ГК РФ, закрепляющую право граждан создавать юридические лица [2]) ограничено принципом недопустимости извлечения преимуществ из недобросовестного поведения. В судебной практике создание конкурирующего общества рассматривается как обстоятельство, способное существенно затруднить деятельность первоначальной корпорации и нарушить права ее участников.

Как пишет А. А. Гусева, с учетом судебной практики признаками недобросовестного создания параллельного бизнеса могут выступать: использование тождественных или сходных до степени смешения фирменных наименований и товарных знаков; применение коммерческого обозначения первоначальной корпорации в документации нового юридического лица [5, с. 98].

В практике известны случаи использования «новой» корпорацией идентичных договорных шаблонов, способных вводить контрагентов в заблуждение относительно стороны сделки. А. А. Гусева также указывает на то, что в заблуждение может вводить факт осуществления аналогичных видов экономической деятельности. Злоупотреблением также следует считать использование клиентской базы и деловой репутации первоначальной корпорации, включая переманивание клиентов и перевод работников [5, с. 99].

В. В. Воглоева указывает на то, что применение механизма исключения требует учета соотношения корпоративного контроля

и распределения долей участия. В научной литературе обосновывается преимущественная допустимость исключения участника, владеющего меньшей долей в уставном капитале, поскольку данный механизм не должен использоваться для перераспределения корпоративного контроля или устранения участника, обладающего более значительным объемом корпоративных прав [1, с. 70-71].

Особую значимость приобретает проблема определения действительной стоимости доли исключаемого участника. Установленный порядок расчетов, основанный преимущественно на данных бухгалтерской отчетности, не всегда обеспечивает справедливую компенсацию, поскольку может не отражать реальную стоимость бизнеса и его экономический потенциал. В этой связи целесообразно учитывать не только стоимость чистых активов, но и деловую репутацию корпорации, имеющиеся резервы, не отраженные в бухгалтерской отчетности, а также перспективы ее дальнейшего развития. При этом оценка доли должна обеспечивать баланс интересов исключаемого участника и оставшихся членов корпорации, исключая возможность искусственного занижения ее стоимости.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Исключение участника из корпорации представляет собой крайнюю меру корпоративно-правовой ответственности, направленную на защиту интересов общества и его участников. Основания ее применения характеризуются нечеткостью законодательных формулировок, что обусловливает необходимость учета конкретных обстоятельств дела и принципа виновной ответственности. Создание параллельного бизнеса может рассматриваться как основание исключения при наличии признаков недобросовестности и существенного затруднения деятельности корпорации. Вместе с тем, применение данной санкции требует соблюдения баланса корпоративных интересов, учета соотношения долей участия и совершенствования порядка определения действительной стоимости доли исключаемого лица.

Литература

1. Воглоева, В. В. Особенности исключения участника из состава членов корпорации / В. В. Воглоева // Вестник науки. – 2019. – № 11 (20). – С. 66–72.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/. – Дата доступа: 12.10.2026.
3. Грибов, Н. Д. Обязанности участников корпорации / Н. Д. Грибов // Правосудие. – 2021. – № 1. – С. 128–147.
4. Гусева, А. А. Значение вины при исключении участника из корпорации / А. А. Гусева // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 176–182.
5. Гусева, А. А. Параллельный бизнес участника корпорации как основание для исключения из хозяйственного общества и товарищества / А. А. Гусева // Юридическая наука. – 2026. – № 1. – С. 96–99.
6. Никольский, Д. А. Исключение участника как способ принудительного расторжения корпоративной сделки / Д. А. Никольский // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 4 (173). – С. 84–98.
7. Осокин, А. В. Правовые проблемы оснований и условий исключения участника из хозяйственного общества / А. В. Осокин // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35. – С. 203–221.
8. Потапенко, С. В. Понятие и правовая природа корпоративных организаций / С. В. Потапенко, В. В. Гончаров, С. В. Безуглов, А. И. Хасаева // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 289–293.
9. Рахманин, Н. Т. Корпоративные отношения в гражданском праве / Н. Т. Рахманин, П. О. Милов // Вестник Академии права и управления. – 2022. – № 2 (67). – С. 41–47.
10. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ – Дата доступа: 12.10.2026.
11. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 05.05.2014 N 99-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162608/ – Дата доступа: 12.10.2026.

Expulsion of a member from a corporation: grounds, procedure, and legal consequences

Likhotnikov G.M.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL)

The article presents the definitions of the terms “corporate organization” and “corporation”. It outlines the rights and obligations of corporate members. Failure to fulfill obligations may result in the application of corporate and civil liability measures, including expulsion from the corporation. The expulsion of a member from a corporation is defined as the involuntary termination of the corporate legal relationship aimed at resolving the conflict between a member's individual conduct and the collective interests of the corporate entity. It is noted that there is no unified approach to defining the grounds for expelling a member from a business entity, as the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998, set forth different grounds. The article concludes that the factor of fault is crucial when making decisions regarding a member's expulsion. It analyzes the creation of a parallel business by a member as a ground for expulsion. Issues concerning the distribution of participation interests and the determination of the actual value of the expelled member's share are briefly described.

Keywords: corporation, expulsion of a member from a corporation, corporate law, fault, corporate organization.

References

1. Vogloeva, V. V. Specifics of Excluding a Member from a Corporation / V. V. Vogloeva // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). – 2019. – No. 11 (20). – pp. 66–72.
2. Civil Code of the Russian Federation // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/. – Date of access: 12.10.2026.
3. Gribov, N. D. Obligations of Corporate Members / N. D. Gribov // Pravosudie (Justice). – 2021. – No. 1. – pp. 128–147.
4. Guseva, A. A. The Significance of Culpability in the Exclusion of a Member from a Corporation / A. A. Guseva // Yuridicheskaya Nauka (Legal Science). – 2025. – No. 11. – pp. 176–182.
5. Guseva, A. A. A Corporate Member’s Parallel Business as Grounds for Exclusion from a Business Entity or Partnership / A. A. Guseva // Yuridicheskaya Nauka (Legal Science). – 2026. – No. 1. – pp. 96–99.
6. Nikolsky, D. A. Exclusion of a Member as a Means of Compulsory Termination of a Corporate Transaction / D. A. Nikolsky // Aktualnye Problemy Rossiyskogo Prava (Current Problems of Russian Law). – 2025. – No. 4 (173). – pp. 84–98.
7. Osokin, A. V. Legal Issues Regarding the Grounds and Conditions for Excluding a Member from a Business Entity / A. V. Osokin // Voprosy Rossiyskoy Yustitsii (Issues of Russian Justice). – 2025. – No. 35. – pp. 203–221.

Феномен права собственности личного фонда

Маргулис Юлия Вадимовна
аспирант кафедры МЧГП МГИМО МИД России, margulis.yulija@yandex.ru

В статье анализируется содержание права личного фонда на принадлежащее ему имущество. Автор рассуждает о том, что формальное признание фонда собственником его имущества автоматически не гарантирует полноту имущественного права: при одновременном сохранения учредителем контроля над судьбой имущества и наделении выгодоприобретателей правом влиять на жизнедеятельность фонда, автономия последнего и обособленность имущества могут оказаться ограниченными. Статья основана на рассуждениях, подробно изложенных автором в ранее не опубликованной магистерской диссертации[1].
Ключевые слова: личный фонд, имущественные права личного фонда, обособление имущества.

С момента появления личных фондов в российском правовом поле прошло чуть более четырех лет. За такой скромный для юридической конструкции срок она приобрела невероятную популярность как в практической плоскости, так и в научном сообществе. Цифры действительно впечатляют: по разным оценкам на данный момент зарегистрировано порядка 600 фондов, и спрос продолжает расти. Не отстает и количество публикаций, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций. В конце 2025 года, благодаря труду Домшенко Е.И.[2], сообщество получило и первую кандидатскую диссертацию.

Личный фонд действительно открывает перед исследователями множество направлений для размышления. Какова природа фонда, на что он похож и похож ли, какова вероятность возникновения агентской проблемы, если произойдет разрыв между волей экономического собственника и управляющего[3], каков статус учредителя, а выгодоприобретателя? Нет сомнений, что в ближайшее время юридическая наука обогатится за счет появления работ, посвященных этим вопросам. В этой статье, однако, предлагается окунуться в другую проблематику и поразмышлять о праве личного фонда на его имущество.

Законодатель посвятил личному фонду четыре статьи[4] и уже в первой (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ) прямо и безапелляционно назвал фонд собственником принадлежащего ему имущества. В чем в таком случае усматривается феномен? В бесконечном наличии *«если только не»*: учредитель фонда утрачивает права на передаваемое им имущество и не приобретает права на имущество, возникшее в последствии, *если только не* становится выгодоприобретателем фонда. Фонд свободно владеет, пользуется и распоряжается имуществом в течение срока своего существования, *если только учредитель не* сохранит непосредственный контроль, войдя, к примеру, в состав совета фонда и/или оставив за собой ключевую компетенцию в роли другого органа фонда. Фонд руководствуется при осуществлении правомочий собственника исключительно собственной волей (опосредованной, через органы фонда), *если только не принимать* в расчет наличие условий управления – документа, в котором учредитель в любой момент[5] может выразить свою волю в правилах, согласно которым фонд будет осуществлять свои правомочия.

Автор убежден, что «право не статично и не идеально, как и общественные отношения, которые продолжают быть отправной точкой законотворчества. По этой причине необходимо наличие определенного инструментария, позволяющего придать необходимую степень правовой определенности в ситуации, когда квалификация того или иного права или правоотношения вызывает обоснованные сомнения[6]». Допуская, что сомнение в полноте содержания права фонда на имущество обосновано, его можно и нужно протестировать как минимум по двум критериям: во-первых, применительно к природе самого фонда как унитарной некоммерческой организации, что позволит охарактеризовать фонд как собственника, во-вторых, применительно к сложившейся в правопорядке традиции вещного права, что позволит установить содержание его имущественных прав. В процессе этого упражнения можно прийти к следующим выводам:

П. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ определяет личный фонд как унитарную некоммерческую организацию. Согласно пояснительной записке к законопроекту, вводившему личный фонды в гражданское законодательство, он был разработан «с учетом сложившегося в континентальных правопорядках опыта регулирования организационных форм, охватываемых общим термином «*Stiftung*»[7]». Учитывая сочетание как характерных черт общественно полезного фонда (ближай-

[1] *Маргулис Ю.В.* Природа права собственности личного фонда: магистерская диссертация. М.: Российская школа частного права, 2023.
[2] *Домшенко Е.И.* Личный фонд как правовая форма обособления имущества в целях управления частным капиталом: дис. канд. юрид. наук по спец. 5.1.3. – М., 2025. URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/d2b/l9karh69xdga53dlwqx1z5i171adbju4/Диссертация%20Домшенко%20Е.И..pdff
[3] *Червец Е.И.* Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом: монография. – М.: Статут, 2025. С. 172-173.
[4] Речь идет о статьях 123.20-4 – 123.20-7 Гражданского кодекса Российской Федерации.
[5] Важно отметить, что тезис справедлив, если только учредитель не установил в уставе запрет на внесение изменений в учредительные документы.
[6] *Маргулис Ю.В.* Природа права собственности личного фонда: магистерская диссертация. М.: Российская школа частного права, 2023. С. 70-71.
[7] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» / Проект Федерального закона № 1172284-7 // СПС «КонсультантПлюс». *Заикин Д.П.* Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. дис. канд. юрид. наук. М., 2021. С. 61-72.

шего российского эквивалента конструкции *Stiftung)*, и принципиально новых характеристик, присущих только личному фонду, «считаем обоснованно допустимым применение к рассматриваемой конструкции того же принципа, что лежит в основе правосубъектности общественно полезного фонда, а именно - принципа автономии фонда[1]».

Автономия раскрывается в независимости фонда от произвола учредителя, самостоятельности[2], бессрочности жизни и подчиненности лишь внутреннему регламенту[3]. «Главным является «отстранение» всех третьих лиц, в том числе учредителя, от функционирования фонда и реализации его цели[4]».

«В отличии от корпорации, деятельность которой есть отражение воли каждого ее участника, сущность классического фонда заключается в исполнении первоначальной воли учредителя, отраженной при его создании. Такое разграничение одновременно достигается и имеет целью «кристаллизацию» воли учредителя[5]». Автономия невозможна без собственных ресурсов, поэтому, создавая фонд, «учредитель не просто передает ему в собственность имущество, а «отказывается» от каких-либо прав на него. Интересно, что при этом учредитель «отказывается» и от права на ликвидацию фонда и от последующего возврата имущества[6], что в конечном итоге и делает «классический» фонд уникальным инструментом, способным сохранить первоначальную волю учредителя»[7]. Искажение первоначальной воли не допускается.

Что происходит в личном фонде? С момента защиты магистерской диссертации, автору удалось ни раз убедиться на практике в справедливости изложенного в ней тезиса, а именно в том, что «на протяжении всей жизни учредителя или срока существования фонда учредитель вправе определять состав и компетенцию органов управления. Учредитель может входить в состав высшего коллегиального органа, а значит вправе контролировать деятельность фонда, в том числе участвовать в принятии решений о назначении и досрочном прекращении полномочий исполнительных органов, а также одобрять сделки личного фонда. Выгодоприобретатель так же, как и учредитель, вправе выступать в качестве участника высшего коллегиального органа, попечительского совета и надзорного органа, может иметь практически тот же объем управленческих прав, что и учредитель. Интересно, что за такую деятельность учредитель и выгодоприобретатель могут даже получать вознаграждение, размер и порядок выплаты которого устанавливается в условиях управления, которые, как и устав, утверждаются учредителем[8]». Конечно, это только возможная конфигурация внутреннего устройства фонда, однако снова возникает *«если только не»*. Фонд реализует принцип автономии полностью, если только учредитель *не* сконструировал его иначе[9].

При такой конфигурации, которая, к слову, довольно часто встречается на практике, сложно не заметить некое чрезмерное присутствие учредителя в формировании воли фонда. Конечно, нельзя утверждать, что все фонды сконструированы таким образом, однако снова возникает «если только не»: фонд реализует принцип автономии, *если только учредитель не* сконструировал его иначе. Необходимо отметить, что у учредителя уже есть необходимый инструментарий, чтобы этого избежать, поскольку законодатель наделил его правом установить запрет на внесение изменений в устав. Справедливо, также и то, что «сли же запрет не установлен, принцип кристаллизации оказывается под вопросом, поскольку первоначальная воля учредителя, отраженная в уставе и условиях управления, может быть впоследствии заменена новой волей учредителя, что может, по мнению автора, рассматриваться равносильно подмене волей третьего лица[10]».

В работе Домшенко Е.И. это противоречие разрешается благодаря делению на «экономического» и реального собственника и логично обосновывается необходимостью и/или возможностью «донастройки» внутренней структуры фонда. Нельзя не согласиться с тем, что возможность «настроить» фонд после утверждения первоначальных устава и условий и передачи в фонд активов действительно нужна большинству учредителей, поскольку только апробация позволит увидеть противоречия между идеальным видением и практической жизнеспособностью. Кроме того, особую ценность личный фонд представляет для тех потенциальных учредителей, которые рассматривают его как возможность сохранить не разрозненные активы, а бизнесы, предприятия и выстроенные вокруг них экосистемы. Передать «дело жизни», годы работы и, часто, влияние на десятки сотрудников в руки сторонних управленцев, утратив тем самым контроль, не может показаться рациональным решением. Тем не менее, вопрос остается открытым – если возможность сохранять реальный контроль проистекает исключительно из возможной необходимости «донастроить» фонд, почему собственность не признается за «экономическим собственником» в течение всего срока его жизни, а ограниченна классическим для гражданским законодательства трехлетним сроком?

В связи с этим, «вторая ключевая составляющая принципа автономии - обособленность имущества, его безусловная принадлежность личному фонду как собственнику, вызывает сомнения, поскольку учредитель и личный фонд отвечают по обязательствам друг друга в течение трех лет (а иногда и пяти лет) с момента учреждения личного фонда. С одной стороны, указанная норма призвана защитить кредиторов учредителя, предотвратить злоупотребления и недобросовестное поведение лиц, цель которых скрыть имущество от взыскания. С другой - происходит признание учредителя собственником имущества, de jure принадлежащего другому лицу. К тому же, учитывая право учредителя назначить выгодоприобретателем любое лицо, в том числе «объявить» себя выгодоприобретателем, чьи права на имущество прямо защищены законом от любых взысканий»[11], может сложиться ситуация, в которой имущество фонда обособленно, *если только учредитель не* намерен получить все или часть имущества обратно, но уже в качестве выгодоприобретателя. В такой конфигурации, по мнению автора, личный фонд выступит лишь временным держателем титула.

Вопрос содержания имущественного права, на первый взгляд, не вызывает вопросов: личный фонд назван собственником, владеет, пользуется и распоряжается переданным имуществом без специальных ограничений. Тем не менее, автор убежден в том, что «если рассматривать генезис права собственности как центрального элемента системы вещных прав, сложно не согласиться с тем, что содержание права собственности, его сущностное, смысловое наполнение, не сводится к перечню правомочий и вариативности их реализации[12]». «Ключевую же роль в конструкции права собственности играет его вторая составляющая – субъективное усмотрение собственника, свобода руководствоваться исключительно собственной волей[13]». Единственным своеобразным ограничением свободы для классических фондов является их цель. Она же выделяется в качестве конституирующего признака, поскольку для общественно полезного фонда, к примеру, недостижение цели или уклонение от ее достижения ведет к ликвидации фонда.

Личный фонд и здесь имеет отличия, ввиду отсутствия в законе каких-либо указаний, ограничений или требований в отношении цели личного фонда[14]. Можно рассуждать о презюмированной цели облагодетельствования выгодоприобретателей, толкуя «управление имуществом» через ст. 1012 ГК РФ, однако это справедливо, *если только в фонде не* отсутствуют выгодоприобретатели. Даже если допустить отсутствие необходимости во «внешней идеальной цели» для личного фонда[15], определить некую цель в уставе все же потребуется, если фонд заинтересован в осуществлении предпринимательской деятельности, поскольку это прямо установлено в 123.20-4 ГК РФ.

Автор убежден, установить содержание права — значит обеспечить его правильное применение и эффективную защиту[16]. Поскольку

---

[1] *Заикин Д.П.* Указ.соч. С. 63.
[2] См.: *Заикин Д.П.* Указ.соч. С. 63; *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 47.
[3] *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учебное пособие / М. Статут, 2003. С. 18.
[4] *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 46.
[5] *Там же.*
[6] *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 47.
[7] *Заикин Д.П.* Указ.соч. С. 63.
[8] *Маргулис Ю.В.* Указ соч. С. 50.
[9] *Маргулис Р.Л., Маргулис Ю.В.* Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. №2. С.76-84.
[10] Там же.
[11] *Маргулис Ю.В.* Указ соч. С. 51.
[12] *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 60.
[13] *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 59.
[14] *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 65.
[15] *Домшенко Е.И.* Указ.соч. С. 90.
[16] *Маргулис Ю.В.* Указ.соч. С. 70.

личный фонд – новый для российского правопорядка инструмент, позволяющий физическим лицам осуществить долгосрочное, выходящее за пределы жизни учредителя, управление крупным капиталом, вопрос однозначной квалификации права личного фонда на переданное ему имущество не должен вызывать сомнений.

Литература

1. Домшенко Е.И. Личный фонд как правовая форма обособления имущества в целях управления частным капиталом: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2025.URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/d2b/l9karh69xdga53dlwqx1z5i171adbju4/Диссертация%20Домшенко%20Е.И..pdf (дата обращения: 01.10.2026).
2. Червец Е.И. Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом: монография. М.: Статут, 2025. С. 172–173.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от …) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. (Ст. 123.20-4 – 123.20-7).
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» / Проект Федерального закона № 1172284-7 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 61–72.
6. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учебное пособие. М.: Статут, 2003. С. 18.
7. Маргулис Р.Л., Маргулис Ю.В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. № 2. С. 76–84.
8. Маргулис Ю.В. Природа права собственности личного фонда: магистерская диссертация. М.: Российская школа частного права, 2023.

The Phenomenon of Ownership Rights of a Personal Foundation

Margulis Yu.V.
MGIMO University

The article analyzes the content of a personal fund's right to its assets. The author reflects that formal recognition as an owner does not automatically guarantee the fullness of the property right: while the founder simultaneously retains control over the fate of the property and the beneficiaries are granted the right to influence the foundation's activities, the autonomy of the latter and the separateness of the property may prove to be limited. The article is based on the arguments set out in detail by the author in a previously unpublished master's thesis.

Keywords: personal fund, personal fund's ownership right, asset segregation.

References

1. Domshenko E.I. Personal Foundation as a Legal Form of Segregation of Property for the Purpose of Managing Private Capital: diss. … Candidate of Legal Sciences: 5.1.3. Moscow, 2025. URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/d2b/l9karh69xdga53dlwqx1z5i171adbju4/Диссертация%20Домшенко%20Е.И..pdf (accessed: 01.10.2026).
2. Chervets E.I. Personal Foundations at the Intersection of Law and Economics: Mechanisms of Private Capital Management: monograph. Moscow: Statut, 2025. Pp. 172–173.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of 30.11.1994 (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301. (Art. 123.20-4 – 123.20-7).
4. Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation" / Draft Federal Law No. 1172284-7 // ConsultantPlus Legal Reference System.
5. Zaikin D.P. Civil-Law Status of a Foundation in the Russian Federation: diss. … Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2021. Pp. 61–72.
6. Kozlova N.V. The Concept and Essence of a Legal Entity. An Essay on History and Theory: textbook. Moscow: Statut, 2003. P. 18.
7. Margulis R.L., Margulis Yu.V. Personal Foundation: A Promising Solution for Asset Management // Zakon. 2024. No. 2. Pp. 76–84.
8. Margulis Yu.V. The Nature of the Ownership Right of a Personal Fund: Master's Thesis. Moscow, RSPL, 2023.

Основания для невключения в реестр недобросовестных поставщиков при нарушении сроков исполнения контракта: актуальное правоприменение

Москвитин Олег Андреевич
магистрант, ассистент базовой кафедры «Экономические и правовые экспертизы», РЭУ им. Г. В. Плеханова; ведущий эксперт Института экономики и регулирования инфраструктурных отраслей, НИУ ВШЭ, omoskvitin@hse.ru

Включение в Реестр недобросовестных поставщиков (РНП) выступает одной из наиболее чувствительных публичных санкций в сфере закупок по Федеральному закону № 44-ФЗ, поскольку ограничивает участие хозяйствующего субъекта в закупках на два года. Особую остроту приобретают споры, связанные с нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) сроков исполнения контракта: формальное наличие просрочки не всегда влечёт включение сведений в реестр. В статье системно анализируются основания для невключения сведений в РНП, закреплённые в пункте 15 Правил, утверждённых постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078, во взаимосвязи со статьями 401, 450 и 523 ГК РФ. Исследуется актуальная практика территориальных органов ФАС России за 2025–2026 годы, а также позиции судов и разъяснения ФАС России. Обосновывается вывод о необходимости отказа от формального подхода и оценки добросовестности поставщика с учётом принятия им мер к исполнению контракта, наличия объективных препятствий для исполнения контракта и поведения заказчика.

Ключевые слова: реестр недобросовестных поставщиков; невключение в реестр; нарушение сроков исполнения контракта; односторонний отказ от контракта; существенное нарушение; 44-ФЗ; ФАС России; правоприменительная практика.

Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (далее – **РНП, реестр**) – один из центральных институтов контрактной системы. Включение сведений о хозяйствующем субъекте, его руководителе и учредителях в этот реестр представляет собой специальную публичную санкцию, которая на два года «замораживает» право участия в закупках по Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3] и, по сути, по Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4]. Поэтому споры о включении сведений в РНП всегда значимы, а складывающаяся практика подлежит учёту как поставщиками и заказчиками, так и антимонопольными органами [13].

Среди оснований применения этой меры особое место занимает нарушение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) сроков исполнения контракта – наиболее массовая категория нарушений на этапе исполнения контракта [8]. Вместе с тем формальное наличие просрочки далеко не всегда влечёт включение сведений в реестр: пункт 15 Правил ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1078 (далее – **Правила**) [5], устанавливает случаи, когда орган контроля обязан отказать во включении информации о поставщике в РНП.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что практика территориальных органов Федеральной антимонопольной службы (далее – **ФАС России**) 2025–2026 годов продолжает складываться, а критерии оценки добросовестности поставщика остаются оценочными: в схожих фактических обстоятельствах антимонопольные органы приходят к противоположным выводам. Особую значимость приобретает вопрос о том, когда доказанная просрочка тем не менее не должна влечь включение сведений в РНП.

Цель работы – на основе системного анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – **ГК РФ**) [1] [2], законодательства о контрактной системе и правоприменительной практики выявить основания для невключения сведений в РНП при нарушении сроков по контракту и определить границы усмотрения антимонопольных органов. Поставлены задачи: раскрыть правовую природу и функции РНП; систематизировать основания включения; проанализировать основания для невключения; обобщить практику территориальных органов ФАС России 2025–2026 годов; оценить позиции судов и разъяснения ФАС России.

Объектом настоящего исследования выступают отношения, возникающие при ведении РНП, предметом – основания для невключения сведений при нарушении поставщиком контрактных сроков. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, методы анализа и обобщения практики; эмпирическую базу – решения территориальных органов ФАС России 2025–2026 годов [15]–[19] и материалы судебной практики.

1. Реестр недобросовестных поставщиков как мера ответственности: правовая природа и основания включения

1.1 Понятие, цели и функции реестра недобросовестных поставщиков

Правовую основу формирования и ведения РНП составляет статья 104 Федерального закона № 44-ФЗ. Согласно части 2 указанной статьи в реестр включается информация об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов, а также о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших обязательства, предусмотренные контрактами [3]. Законодатель выделяет несколько категорий субъектов, сведения о которых могут быть внесены в реестр: участники, уклонившиеся от заключения контракта; лица, с которыми контракт расторгнут по решению суда; лица, с которыми контракт расторгнут вследствие одностороннего отказа заказчика в связи с существенным нарушением его условий.

Обязанность органов ФАС России формировать и вести реестр вытекает и из права Евразийского экономического союза: пункт 13

Протокола № 25 о порядке регулирования закупок обязывает государства-члены закрепить порядок ведения такого реестра в контрактном законодательстве [6].

По своей правовой природе включение в РНП – специальная мера юридической ответственности, установленная для обеспечения исполнения лицом принятых обязательств; одно из её последствий – ограничение права на участие в торгах на установленный срок [14]. В литературе эту меру квалифицируют как административно-правовую санкцию, что предопределяет требования о её соразмерности и обоснованности [12].

Целевое назначение РНП раскрывается через защитную, превентивную и информационно-репутационную функции. Реестр ограждает государственных и муниципальных заказчиков от недобросовестных действий контрагентов и обеспечивает эффективное использование бюджетных средств, стимулирует участников закупок к добросовестному исполнению обязательств, а доступность сведений РНП неограниченному кругу лиц влияет на деловую репутацию хозяйствующего субъекта. В этом смысле РНП выступает институционально-правовым механизмом превентивной защиты публичных интересов и информационно-репутационным барьером контрактной системы [14].

Репутационные издержки включения в реестр велики: информация РНП позволяет третьим лицам отказать хозяйствующему субъекту в заключении договора, что влечёт упущенную выгоду и умаление деловой репутации (в литературе реестр называют «всероссийской доской позора») [12]. Поэтому сведения в реестре должны быть предельно объективными, а органы и суды –тщательно исследовать намерение участника закупки заключить и исполнить контракт [12].

Вместе с тем в доктрине и практике справедливо обращается внимание на то, что санкция в виде включения в РНП на два года применяется без дифференциации в зависимости от формы вины нарушителя – умысла или неосторожности, а включение в реестр нередко происходит по формальным признакам [11]. Это обстоятельство предопределяет необходимость обращения к основаниям для невключения сведений в реестр, поскольку именно они выступают противовесом подобному формальному подходу.

1.2 Основания включения сведений при расторжении контракта и критерий существенности нарушения сроков

Основания включения сведений в РНП при расторжении контракта закреплены в части 2 статьи 104 Федерального закона № 44-ФЗ [3]. Применительно к интересующей нас ситуации неисполнения контракта речь идёт о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракт расторгнут, в том числе вследствие одностороннего отказа заказчика в связи с существенным нарушением ими условий контракта.

Механизм одностороннего отказа урегулирован статьёй 95 Федерального закона № 44-ФЗ. В силу части 9 этой статьи заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным ГК РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, если это было предусмотрено контрактом [3]. При этом согласно части 19 статьи 95 право на односторонний отказ возникает у поставщика (подрядчика, исполнителя) и в том случае, когда контрактом предусмотрено аналогичное право заказчика, – так называемый принцип зеркальности [13].

Ключевой категорией, связывающей односторонний отказ с включением в реестр, выступает существенность нарушения. Согласно пункту 2 статьи 450 ГК РФ существенным признаётся нарушение договора одной из сторон, которое влечёт для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора [1]. Применительно к договору поставки действует специальная презумпция: нарушение договора поставки поставщиком предполагается существенным в случае неоднократного нарушения сроков поставки товаров, а также поставки товаров ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемый для покупателя срок [2]. Для договора подряда аналогичную роль играют статьи 708 (срок работ – существенное условие договора подряда) и 715 ГК РФ: при явной невозможности завершить работу к сроку заказчик вправе отказаться от договора [1].

Практика показывает, что существенность нарушения сроков по госконтракту обосновывается по-разному: через неоднократность нарушения срока поставки (Липецкое УФАС России, решение от 27.02.2026 № РНП-48-10с/2026 [16]), через нулевой объём работ при просрочке свыше 30 дней (Тюменское УФАС России, решение от 21.01.2026 № РНП-72-5/26 [19]), через условие контракта о существенности нарушения срока независимо от поставляемого количества товара (Ставропольское УФАС России, решение от 17.02.2026 № РНП 372 [18]) либо через влияние просрочки на выполнение функций заказчика (Калининградское УФАС России, решение от 27.01.2026 № 039/10/104-27/2026 [15]).

Таким образом, критерий существенности нарушения носит оценочный характер и зависит от условий конкретного контракта и фактических обстоятельств: отсутствие чётких количественных критериев порождает неединообразие административной практики [10].

Вместе с тем даже доказанное существенное нарушение срока поставки (выполнения работ, оказания услуг) само по себе не является безусловным основанием для включения сведений в реестр. Пункт 15 Правил [5] прямо предусматривает случаи, когда орган контроля обязан отказать во включении информации, – и именно их системному анализу посвящён следующий раздел статьи.

2. Основания для невключения сведений в реестр при нарушении сроков исполнения контракта

2.1 Принятие мер для надлежащего исполнения условий контракта

Первое основание для невключения сведений в реестр закреплено в подпункте «а» пункта 15 Правил: орган контроля принимает решение об отказе во включении информации о поставщике, если поставщиком представлены информация и документы, подтверждающие принятие им мер для надлежащего исполнения условий контракта [5]. Данное основание прямо противостоит возможному формальному подходу, при котором решающее значение придаётся лишь самому факту просрочки.

Смысл рассматриваемого основания состоит в перераспределении бремени доказывания добросовестности на поставщика. Недостаточно констатировать нарушение срока – необходимо оценить, проявил ли субъект ту степень заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства, и принял ли он все меры для надлежащего исполнения [1]. Именно этот стандарт добросовестного поведения, обоснованный в доктрине применительно к РНП, позволяет отграничить недобросовестного контрагента от лица, которое добросовестно стремилось исполнить контракт, но столкнулось с объективными трудностями [12].

Принятие мер предполагает активное, подтверждённое документами поведение: своевременное уведомление заказчика о возникших трудностях и о готовности исполнить обязательство, ведение деловой переписки, закупку и подготовку товара, выполнение подготовительных работ, внесение обеспечения исполнения контракта. Как отмечается в литературе, в подобных случаях «срабатывает» не единичный аргумент, а их комплекс: подтверждение подготовки к исполнению контракта, его экономической привлекательности для компании, а также своевременное извещение заказчика о сложностях [13].

Показателен пример из судебной практики, приведённый в статье О. А. Москвитина: по делу № А67-8148/2024 подрядчик, принявший меры к надлежащему исполнению контракта, не был включён в реестр, поскольку сам по себе факт отказа исполнителя от контракта не является безусловным основанием для включения сведений о нём в РНП [13]. Напротив, в тех делах, где поставщик проявлял пассивность, антимонопольные органы констатировали отсутствие мер к исполнению контракта.

Обобщение решений территориальных органов ФАС России за 2025–2026 годы подтверждает этот вывод: Новосибирское УФАС России в одном из дел отметило, что поставщиком «не были предприняты все необходимые и разумные меры» [17], Тюменское – что материалы о подготовке, начале или выполнении работ не представлены [19], Липецкое – что доказательств принятия всех мер для надлежащего исполнения не представлено [16].

Таким образом, основание, предусмотренное подпунктом «а» пункта 15 Правил, «работает» как инструмент защиты лишь при документальном подтверждении добросовестного поведения. Бездействие поставщика и отсутствие у него доказательств подготовки к исполнению контракта практически предопределяют включение сведений в реестр. В этом смысле практика едина: включение в РНП обосновано, прежде всего, в ситуациях полной пассивности контр-

агента, тогда как отсутствие умысла на нарушение и наличие подтверждённых усилий по исполнению контракта учитываются в пользу поставщика [7].

2.2 Обстоятельства непреодолимой силы и пределы их доказывания

Второе основание для невключения сведений в реестр связано с обстоятельствами непреодолимой силы. Согласно подпункту «а» пункта 15 Правил орган контроля отказывает во включении информации, если поставщиком представлены документы, подтверждающие, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие обстоятельств непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств, в том числе в связи с мобилизацией в Российской Федерации, введением санкций и (или) мер ограничительного характера [5]. При этом законодатель прямо оговаривает, что к таким обстоятельствам не относится отказ поставщика от исполнения контракта по причине введения санкций или мер ограничительного характера в отношении заказчика.

Легальное определение непреодолимой силы дано в пункте 3 статьи 401 ГК РФ: это чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства; к ним не относятся, в частности, нарушение обязанностей контрагентами, отсутствие на рынке нужных товаров и отсутствие у должника денежных средств [1]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 чрезвычайность подразумевает исключительность обстоятельства, а непредотвратимость – что любой участник оборота, осуществляющий аналогичную деятельность, не мог бы его избежать [16]. Бремя доказывания этих обстоятельств возложено на должника, который обязан также уведомить кредитора об их возникновении [17]; [16].

Практика показывает, что ссылки на непреодолимую силу не всегда приводят к отказу во включении сведений в реестр. Липецкое УФАС России констатировало отсутствие доказательств уведомления заказчика о таких обстоятельствах [16], Тюменское – их недоказанность [19], а Ставропольское отклонило довод о задержании машин с товаром как «форс-мажоре», поскольку относимость товара к контракту не доказана, а отсутствие сопроводительных документов – риск самого поставщика [18]. Конструкция непреодолимой силы срабатывает не всегда, так как просрочка обычно обусловлена обстоятельствами в сфере контроля поставщика (логистика, контрагенты, финансирование), не признаваемыми непреодолимой силой [1]. Вместе с тем в условиях санкционного давления значение этого основания возрастает, поскольку законодатель прямо включил санкции и меры ограничительного характера в перечень таких учитываемых для целей РНП обстоятельств [5].

2.3 Нарушения со стороны заказчика и третьих лиц как причина неисполнения контракта (нарушения сроков исполнения)

Третья группа обстоятельств, препятствующих включению сведений в реестр, связана с поведением самого заказчика и третьих лиц. В пункте 15 Правил она прямо не выделена, однако логически вытекает, как видится, из подпункта «а» указанного пункта: орган контроля отказывает во включении информации в РНП, если заказчиком не подтверждены факты существенного нарушения поставщиком условий контракта [5]. Если просрочка вызвана встречным неисполнением заказчика, существенность нарушения как необходимое условие для включения в реестр опровергается.

Гражданско-правовую основу для этого вывода образуют положения ГК РФ о вине и просрочке кредитора: согласно статье 404 ГК РФ при неисполнении по вине обеих сторон суд уменьшает ответственность должника, а в силу статьи 406 ГК РФ кредитор считается просрочившим, если не совершил действий, до совершения которых должник не мог исполнить обязательство [1]. Это означает, что препятствия, созданные заказчиком, исключают недобросовестность поставщика.

Наиболее показательно в этом отношении дело № А67-8148/2024, также детально разобранное в одной из статей автора. Суды установили, что препятствия со стороны заказчика и привлечённой им строительной лаборатории повлекли невозможность своевременного исполнения контракта: длительное согласование состава асфальтобетонной смеси, дополнительных работ, изменения проектных решений, а также поздняя передача строительной площадки [13]. Ответы заказчика на обращения подрядчика давались через значительные промежутки времени и зачастую носили формальный характер. С учётом этого суды не усмотрели оснований для включения подрядчика в реестр, что представляет принципиально важный ориентир для участников закупок [13].

В литературе приводится и пример противодействия со стороны третьих лиц: подрядчик неоднократно уведомлял заказчика о воспрепятствовании проведению капитального ремонта из-за отказов собственников помещений в многоквартирном доме, прилагал соответствующие заявления и предлагал расторгнуть контракт по соглашению сторон; ни антимонопольный орган, ни суды оснований для включения сведений в реестр в этом случае не усмотрели [13].

Вместе с тем ссылки на поведение заказчика и третьих лиц работают только при их документальном подтверждении и причинной связи с просрочкой. В решении Ставропольского УФАС России довод предпринимателя о задержании машин с товаром отклонён в том числе потому, что грузополучателем товара по накладным являлось иное лицо, а документов о том, в рамках какого контракта осуществлялась перевозка, не представлено [18]. В то же время в литературе обоснованно подчёркивается, что если заказчик препятствовал исполнению обязательств, не предоставлял необходимую документацию или вовремя не согласовывал промежуточные этапы работ, решение о включении поставщика в РНП признаётся незаконным [11].

3. Анализ актуальной практики территориальных органов ФАС России (2025–2026 годы)

3.1 Решения о включении в реестр за нарушение сроков: типовые доводы антимонопольных органов

Эмпирическую основу исследования образуют пять решений территориальных органов ФАС России 2025–2026 годов по фактам нарушения сроков исполнения контрактов. Все обращения заказчиков завершились включением сведений в реестр, что позволяет выявить типовую модель обоснования (таблица 1).

Таблица 1

Актуальная практика территориальных органов ФАС России по включению в РНП при нарушении сроков исполнения контракта (2025–2026 гг.)

Орган, дата, номер решения	Детали нарушения срока	Ключевые доводы органа контроля
Тюменское УФАС России, 21.01.2026, № РНП-72-5/26	Срок окончания работ – 15.10.2025; объём выполненных работ с даты заключения контракта – 0 %	Недобросовестность подтверждена нулевым объёмом работ; доказательств начала работ и форс-мажора нет
Калининградское УФАС России, 27.01.2026, № 039/10/104-27/2026	Товар не поставлен по заявке в срок до 22.11.2025; претензии от 28.11.2025 и 12.12.2025 не исполнены	Нарушены сроки и условия поставки; требования претензий оставлены без ответа; нарушения не устранены в десятидневный срок
Ставропольское УФАС России, 17.02.2026, № РНП 372	Не исполнена ни одна из первичных и повторных заявок; не исполнены претензии	Неоднократное нарушение сроков; довод о задержании машин отклонён как документально не подтверждённый
Липецкое УФАС России, 27.02.2026, № РНП-48-10с/2026	Товар не поставлен ни по заявке, ни по претензии, ни после расторжения контракта	Неоднократное нарушение срока поставки; уведомлений о форс-мажоре не поступало; меры к исполнению не приняты
Новосибирское УФАС России, 24.03.2026, № 054/06/104-638/2026	Товар не поставлен в 30-дневный срок; два письма и претензия оставлены без ответа	Не приняты все необходимые и разумные меры; объективных препятствий не представлено

Как видно из таблицы 1, фактическая основа во всех случаях схожа: поставщик в срок обязательство по контракту не исполнил, на претензии заказчика не реагировал и доказательств добросовестного поведения не представил.

Обоснование строится по единой схеме: констатируется факт нарушения срока (нулевой объём работ при просрочке свыше 30 дней «однозначно свидетельствует» о недобросовестности [19]); существенность выводится из неоднократности нарушения сроков (презумпция статьи 523 ГК РФ [16]) либо из условия контракта [18]; проверяется соблюдение заказчиком процедуры отказа по части 9 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ, нарушений которой не установлено, что исключает основание подпункта «а» пункта 15 Правил [5]; наконец, констатируется отсутствие доказательств принятия мер к исполнению контракта и невозможности его исполнения

[17]; [19]. Бремя опровержения презумпции недобросовестности лежит на поставщиках, и в рассмотренных делах они его не исполнили.

Особый интерес представляет ситуация, рассмотренная Калининградским УФАС России. Поставщик, не поставив товар, разместил в единой информационной системе документ о приёмке, не имея для этого оснований, а заказчик сформировал отказ от приёмки [15]. Такое поведение было расценено как подтверждение недобросовестности. Кроме того, в этом деле отмечено, что поставщик уже был включён в реестр недобросовестных поставщиков ранее –иными словами, повторное нарушение усиливает аргументацию органа контроля.

3.2 Решения об отказе во включении: формирующиеся подходы

В отличие от решений о включении, практика знает и примеры отказов во внесении сведений в реестр; их обобщение в литературе [13] позволяет выделить факторы, склоняющие орган контроля к такому отказу. Прежде всего, это представление обеспечения исполнения контракта и подтверждение подготовки к его исполнению.

Далее учитываются отсутствие значимого ущерба (что соотносится с определением существенности нарушения через ущерб [1]), своевременное извещение заказчика о трудностях и о готовности исполнить обязательство (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.03.2024 № Ф01-926/24 по делу № А11-6151/2023 [13]), а также воспрепятствование исполнению контракта со стороны заказчика или третьих лиц (см. подраздел 2.3 настоящей статьи). Однако эти факторы не действуют автоматически: ссылки на задержание груза или форс-мажор без документального подтверждения отклоняются, а служебные мероприятия не признаются непреодолимой силой. Отказ во включении в реестр, таким образом, обусловлен совокупностью обстоятельств, а единичный аргумент сам по себе нередко недостаточен, что ставит перед поставщиками задачу формирования доказательственной базы добросовестности заранее.

Заключение

Реестр недобросовестных поставщиков представляет собой специальную меру юридической ответственности, выполняющую защитную, превентивную и информационно-репутационную функции [14]. Двухлетний срок нахождения в реестре, а также распространение включаемых сведений на руководителей и учредителей превращают включение в РНП в весьма чувствительное для хозяйствующего субъекта последствие, что предъявляет повышенные требования к обоснованности принимаемых органами контроля и судами решений.

Основанием включения сведений в реестр при неисполнении контракта выступает существенное нарушение его условий, выражающееся чаще всего в нарушении сроков. Критерий существенности нарушения сроков носит оценочный характер: он может выводиться из неоднократности нарушения (статья 523 ГК РФ), из нулевого объёма исполнения, из условий конкретного контракта либо из факта утраты заказчиком того результата, на который он рассчитывал [1]; [2]. Отсутствие чётких количественных критериев существенности порождает неединообразие практики [10].

Невключение сведений в реестр при доказанной просрочке опирается на три группы оснований, закреплённых в пункте 15 Правил. Первое – принятие поставщиком мер для надлежащего исполнения контракта, подтверждённое документально. Второе – невозможность исполнения вследствие обстоятельств непреодолимой силы, включая санкции и меры ограничительного характера, при том, что бремя доказывания возложено на поставщика. Третье – нарушения со стороны заказчика или третьих лиц, по сути устраняющие существенность нарушения. Общей чертой этих оснований является необходимость документального подтверждения фактов и их причинной связи с просрочкой; единичный довод, не подкреплённый доказательствами, зачастую отклоняется [5].

Анализ практики территориальных органов ФАС России 2025–2026 годов показывает, что решения о включении в реестр строятся по единой логике: доказанный факт просрочки – существенность нарушения – соблюдение заказчиком процедуры одностороннего отказа – отсутствие оснований, предусмотренных пунктом 15 Правил, – вывод о недобросовестности. При этом практика ориентирована преимущественно на случаи полной пассивности поставщика, который не исполняет контракт, не отвечает на претензии и не представляет доказательств добросовестности [16]; [19]; [17]. Напротив, отказ во включении обусловливается совокупностью обстоятельств: внесением обеспечения, отсутствием существенного ущерба, конструктивным взаимодействием с заказчиком и подтверждённой подготовкой к исполнению контракта [13].

Судебный контроль выполняет роль ключевого противовеса формальному подходу при включении в РНП. Суды всё чаще требуют оценки существенности нарушения, степени вины и соразмерности применяемой меры, а также учитывают поведение заказчика [11]; [13]. Самостоятельным основанием защиты остаются процедурные гарантии, включая надлежащее извещение, хотя ориентация на единую информационную систему как основной канал уведомления перекладывает соответствующий риск на поставщика.

В качестве направлений совершенствования регуляторики представляется целесообразным: во-первых, формализовать критерии существенности нарушения и добросовестности поставщика, сняв неопределённость правоприменения; во-вторых, дифференцировать последствия нарушения в зависимости от формы вины; в-третьих, развивать превентивные механизмы, включая, возможно, обязательное предупреждение со стороны заказчика (такие предупредительные письма и претензии нередко и применяются заказчиками) до принятия решения об одностороннем отказе от контракта [10]. Реализация этих мер позволит, по мнению автора, обеспечить баланс частных и публичных интересов и снизить риски необоснованного отказа от контрактов и включения бизнеса в реестр, что в конечном счёте служит целям эффективного расходования бюджетных средств.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

4. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30. Ст. 4571.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5485.

6. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (Протокол № 25 о порядке регулирования закупок) // Официальный интернет-портал правовой информации.

7. Беляткина К. А., Кривова Ю. Ю. О влиянии уклонения от подписания контракта на хозяйственную деятельность заказчика и участника в сфере публичных закупок // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 3. С. 73–78.

8. Божко Е. А., Юсупова М. Г. Анализ результатов контроля соблюдения контрактного законодательства на этапе исполнения контракта // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 9. С. 3751–3760.

9. Бурмистрова А. С. Предмет доказывания и практика рассмотрения арбитражными судами споров по делам, возникающим из договоров в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд // Молодой ученый. 2023. № 43 (490). С. 92–95.

10. Гомелев А. Э., Федоров А. Г. Односторонний отказ от контракта по 44-ФЗ: баланс интересов заказчика и поставщика в условиях новых правил ведения РНП // Вестник науки. 2026. № 6 (99). Т. 3. С. 1042–1047.

11. Данилов Д. В., Шатилович О. В. Обзор практики рассмотрения судебных споров о включении субъекта в реестр недобросовестных поставщиков // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 73–78.

12. Кванина В. В. Реестр недобросовестных поставщиков как способ диффамации предпринимателей // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 88–92.

13. Москвитин О. А. Актуальная практика антимонопольных органов и судов по вопросам включения в реестр недобросовестных поставщиков // Российское конкурентное право и экономика. 2026. № 1 (45). С. 60–68.

14. Шмелева М. В., Амельченя Ю. А. Реестр недобросовестных поставщиков в России и Беларуси: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. 2026. Т. 79. № 5. С. 139–152.

15. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Калининградской области от 27.01.2026 № 039/10/104-27/2026.

16. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Липецкой области от 27.02.2026 № РНП-48-10с/2026.

17. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области от 24.03.2026 № 054/06/104-638/2026.

18. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Ставропольскому краю от 17.02.2026 № РНП 372.

19. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Тюменской области от 21.01.2026 № РНП-72-5/26.

Grounds for non-inclusion in the register of unscrupulous suppliers in case of violation of contract performance deadlines: current law enforcement

Moskvitin O. A.

Plekhanov Russian University of Economics, HSE University

The register of unscrupulous suppliers (RUS) is one of the most sensitive public sanctions in the procurement sphere under Federal Law No. 44-FZ, since it restricts an economic entity's participation in procurement for two years. Disputes related to a supplier's (contractor's, performer's) violation of contract performance deadlines are particularly acute: a formal delay does not always entail inclusion of information in the register. The article systematically analyses the grounds for non-inclusion of information in the RUS set out in paragraph 15 of the Rules approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1078 of 30.06.2021, in their interrelation with Articles 401, 450 and 523 of the Civil Code of the Russian Federation. It examines the current practice of the territorial bodies of the FAS of Russia for 2025–2026, as well as the positions of courts and clarifications of the FAS of Russia. The conclusion is substantiated on the need to abandon a formal approach and to assess the good faith of the supplier taking into account the measures taken by it to perform the contract, the presence of objective obstacles and the conduct of the customer.

Keywords: register of unscrupulous suppliers; non-inclusion in the register; violation of contract performance deadlines; unilateral refusal of the contract; material breach; 44-FZ; FAS of Russia; law enforcement practice.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
3. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.
4. Federal Law of 18.07.2011 No. 223-FZ "On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30. Art. 4571.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2021 No. 1078 "On the Procedure for Maintaining the Register of Unscrupulous Suppliers (Contractors, Performers), on Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation and on Recognizing as Invalid Certain Acts and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 28. Art. 5485.
6. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014) (Protocol No. 25 on the Procedure for Regulating Procurement) // Official Internet Portal of Legal Information.
7. Belyatkina K. A., Krivova Yu. Yu. On the Impact of Evasion of Contract Signing on the Economic Activity of the Customer and the Participant in the Sphere of Public Procurement // Gaps in Russian Legislation. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 73–78.
8. Bozhko E. A., Yusupova M. G. Analysis of the Results of Monitoring Compliance with Contract Legislation at the Stage of Contract Performance // Economics, Entrepreneurship and Law. 2023. Vol. 13. No. 9. Pp. 3751–3760.
9. Burmistrova A. S. Subject of Proof and Practice of Consideration by Arbitration Courts of Disputes in Cases Arising from Contracts in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs // Young Scientist. 2023. No. 43 (490). Pp. 92–95.
10. Gomelev A. E., Fedorov A. G. Unilateral Refusal of a Contract under 44-FZ: Balancing the Interests of the Customer and the Supplier under the New Rules for Maintaining the RNP // Bulletin of Science. 2026. No. 6 (99). Vol. 3. Pp. 1042–1047.
11. Danilov D. V., Shatilovich O. V. Review of the Practice of Consideration of Judicial Disputes on the Inclusion of an Entity in the Register of Unscrupulous Suppliers // Problems of Law. 2026. No. 1 (101). Pp. 73–78.
12. Kvanina V. V. The Register of Unscrupulous Suppliers as a Means of Defamation of Entrepreneurs // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2016. No. 4 (49). Pp. 88–92.
13. Moskvitin O. A. Current Practice of Antimonopoly Authorities and Courts on Issues of Inclusion in the Register of Unscrupulous Suppliers // Russian Competition Law and Economics. 2026. No. 1 (45). Pp. 60–68.
14. Shmeleva M. V., Amelchenya Yu. A. The Register of Unscrupulous Suppliers in Russia and Belarus: A Comparative Legal Analysis // Lex russica. 2026. Vol. 79. No. 5. Pp. 139–152.
15. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Kaliningrad Region of 27.01.2026 No. 039/10/104-27/2026.
16. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Lipetsk Region of 27.02.2026 No. RNP-48-10s/2026.
17. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Novosibirsk Region of 24.03.2026 No. 054/06/104-638/2026.
18. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Stavropol Territory of 17.02.2026 No. RNP 372.
19. Decision of the Office of the Federal Antimonopoly Service for the Tyumen Region of 21.01.2026 No. RNP-72-5/26.

О некоторых проблемах института возмещения стоимости земельных участков, изымаемых для государственных и муниципальных нужд

Подлевских Ольга Викторовна
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России, olga01181981@yandex.ru

В настоящей статье исследуется проблема возмещения за изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд. Автор исследует правовую природу судебного решения о принудительном изъятии и ее значение для возникновения денежного обязательства по выплате возмещения. На основе анализа законодательства и судебной практики исследуется возможность начисления процентов за просрочку и особенности исполнения соответствующих судебных актов путем обращения взыскания на бюджетные денежные средства.
Ключевые слова: изъятие недвижимости, равноценное возмещение, преобразовательный судебный акт, проценты.

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, п. 4 ст. 281 ГК РФ принудительное изъятие недвижимости для государственных или муниципальных нужд допускается при условии предварительного и равноценного возмещения. Указанная норма устанавливает основную правовую гарантию защиты прав и законных интересов собственника изымаемого объекта в виде предоставления имущественного эквивалента изымаемого объекта и компенсации расходов, обусловленных необходимостью удовлетворения публичных потребностей за счёт имущества частных лиц. Обесценение денег и рост стоимости аналогичной недвижимости в период между вступлением в силу судебного акта об изъятии имущества и полной выплатой размера возмещения способны снизить его компенсационный эффект. Поэтому своевременность выплаты выступает одним из наиболее существенных условий эффективной реализации данной конституционно-правовой гарантии.

Самостоятельную научную проблему составляет вопрос о правовой природе судебного решения о принудительном изъятии имущества в контексте ее влияния на характер юридических последствий просрочки выплаты возмещения. От избранного подхода к определению правовой природы судебного решения зависит определение надлежащего способа защиты прав прежнего собственника изымаемого объекта.

Актуальность темы исследования подтверждается данными судебной статистики. Количество рассмотренных федеральными судами общей юрисдикции дел об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд и определении их выкупной цены неуклонно растет. Так, в 2021 г. оно составляло 887, 1187 - в 2022 г., 1383 - в 2023 г., 2059 - в 2024 г. и 2 233 - в 2025 г. [1]. Данные показатели свидетельствуют о масштабировании государственного вмешательства в частноправовую сферу и указывают на необходимость совершенствования гарантий защиты имущественных прав собственников земельных участков.

Процедура изъятия предполагает принятие соответствующего решения уполномоченным органом, определение условий отчуждения в проекте соглашения об изъятии с последующим направлением данного проекта собственнику земельного участка. Во всяком случае изъятию земельного участка должно предшествовать предварительное предоставление равноценного возмещения. Условия изъятия устанавливаются соглашением с собственником. В случае недостижения соглашения данные условия определяются судом в соответствии с п. 6 ст. 279 ГК РФ. Подготовка соглашения включает проведение необходимых кадастровых работ и оценки стоимости изымаемого объекта. К соглашению об изъятии земельного участка у собственника применяются правила о купле-продаже или мене. Размер возмещения включает в себя рыночную стоимость изымаемой недвижимости и обусловленные таким изъятием убытки, включая упущенную выгоду, возникшую вследствие невозможности исполнения правообладателем обязательств перед третьими лицами. С согласия собственника допускается предоставление иного земельного участка с зачётом его стоимости в размер возмещения согласно п. 3 ст. 281 ГК РФ.

Принудительное изъятие земельного участка осуществляется в судебном порядке. По общему правилу, иск может быть предъявлен не ранее истечения девяноста дней со дня получения собственником проекта соглашения (п. 2 ст. 282 ГК РФ, п. 10 ст. 56.10 ЗК РФ). Суд разрешает вопрос о допустимости изъятия и определяет условия его осуществления (п. 6 ст. 279 ГК РФ).

Определение порядка исполнения обязанности по выплате возмещения требует учета субъектного состава отношения. Согласно п. 13 ст. 56.10 ЗК РФ возмещение предоставляется за счёт соответствующего бюджета или средств организации, на основании ходатайства которой принято решение об изъятии.

Требование о принудительном изъятии земельного участка направлено на прекращение прав нынешнего собственника участка. В соответствии со ст. 282 и п. 6 ст. 279 ГК РФ суд в своем решении обязан установить наличие оснований для изъятия и определить его условия, включая размер и сроки выплаты возмещения. В судебной практике

применяется подход, в соответствии с которым процедура принудительного изъятия земельных участков для публичных нужд представляется собой частный случай заключения договора в судебном порядке в соответствии с п. 4 ст. 445 ГК РФ. Его нормативной предпосылкой может послужить п. 7 ст. 56.9 ЗК РФ, предусматривающий применение к соглашению об изъятии правил о купле-продаже или мене. В рамках данного подхода судебное решение представляет собой волезамещающий акт, формирующий юридический состав, лежащий в основании возникновения между сторонами спора обязательственного отношения, в содержание которого входит, в том числе, денежное обязательство по выплате возмещения за изымаемый земельный участок. В этой связи с момента вступления в силу соответствующего судебного решения между сторонами возникает обязательство, условия которого определены в тексте судебного акта и заключение какого-либо соглашения в письменном виде не требуется (п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее – Постановление №49)).

Как следствие, нарушение условий этого подразумеваемого соглашения, в частности, выражающееся в невыплате возмещения в полном объеме в установленный судом или следующий из положений законодательства срок формирует основание для привлечения виновной стороны к гражданско-правовой ответственности, в частности, в форме взыскания процентов по ст. 395 ГК РФ. Соответственно, судебное решение о принудительном изъятии является преобразовательным судебным решением, поскольку в момент своего вступления в законную силу порождает между сторонами гражданское обязательственное правоотношение.

Преобразовательной природе судебного решения об изъятии соответствуют содержащиеся в ЗК РФ положения, устанавливающие момент возникновения отдельных вещно-правовых последствий в ходе процедуры изъятия. Согласно п. 1-3 ст. 56.11 ЗК РФ вступившее в силу решение служит основанием для изменения, прекращения и государственной регистрации прав на изымаемый объект. Однако при денежном возмещении эти последствия наступают исключительно после предварительного предоставления равноценного возмещения. Прекращение регистрируемых прав по общему правилу связывается с моментом государственной регистрации перехода права.

Если признавать, что обязательственная связь возникает со дня вступления судебного решения в законную силу, срок его исполнения должен быть определен в тексте судебного решения (п. 6 ст. 279 ГК РФ). При отсутствии установленного срока исполнения, как представляется, подлежит применению правила п. 2 ст. 314 ГК РФ. Как следствие, неисполнение данной, денежной по своей природе, обязанности в надлежащий срок создает основания для взыскания процентов, предусмотренных п. 1 ст. 395 ГК РФ, которые по общему правилу начисляются до дня фактической выплаты соответствующей суммы (п. 3 ст. 395 ГК РФ). Взыскание основной суммы долга и соответствующих имущественных санкций, соответственно, должно осуществляться собственником земельного участка после истечения срока исполнения обязательства.

Определение момента начала просрочки для целей взыскания суммы процентов по ст. 395 ГК РФ требует исследования особенностей порядка исполнения судебных актов об обращении взыскания на денежные средства бюджетов, установленного ст. 242.2 БК РФ. Согласно ч. 1,3,4 ст. 242.2 БК РФ для исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям о взыскании денежных средств за счет казны Российской Федерации (за исключением судебных актов о взыскании денежных средств в порядке субсидиарной ответственности главных распорядителей средств соответствующего бюджета) направляются для исполнения соответственно в Министерство финансов Российской Федерации, в финансовый орган субъекта Российской Федерации и в финансовый орган муниципального образования. Согласно ч. 6 ст. 242.2 БК РФ исполнение судебных актов производится в течение трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение.

Как отметил Конституционный Суд РФ в постановлении от 18.11.2025 г. № 39-П [2], начало исполнения обусловлено волеизъявлением взыскателя, поэтому нахождение присужденных сумм на казначейских счетах в пределах установленного срока само по себе не свидетельствует об их неправомерном удержании. Вместе с тем индексация таких сумм осуществляется со дня поступления исполнительных документов на исполнение (ч. 1.1 ст. 183 АПК РФ, ч. 4 ст. 208 ГПК РФ и ч. 1.1 ст. 189.1 КАС РФ). Следовательно, момент просрочки исполнения обязательства по выплате возмещения связывается с истечением трехмесячного срока с момента направления исполнительного документа на исполнение.

В определении от 19.08.2024 № 306-ЭС24-2423 по делу № А55-14221/2023 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила, что исполнение судебного акта за счет казны публично-правового образования обусловлено предъявлением исполнительных документов в установленном бюджетным законодательством порядке. До их поступления в уполномоченный финансовый орган неисполнение судебного акта не признается неправомерным удержанием денежных средств и не влечет начисления процентов по ст. 395 ГК РФ [3].

Этот подход может быть обоснован с опорой на п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», исключающий начисление процентов в период течения трехмесячного срока на исполнение. Как следствие, при применении данного подхода к рассматриваемой категории дел проценты могут начать начисляться лишь со дня, следующего за истечением указанного срока, до дня фактической выплаты включительно.

Вместе с тем обязательственная квалификация обязанности по выплате возмещения позволяет обосновать иной подход к определению начала начисления процентов. В рамках этого подхода юридически значимым обстоятельством выступает просрочка исполнения денежного обязательства. Если срок исполнения установлен судебным решением, проценты начисляются после его истечения, а при отсутствии в судебном акте указания на той срок подлежит применению общее правило п. 2 ст. 314 ГК РФ, предусматривающее исполнение в течение семи дней со дня предъявления кредитором соответствующего требования. Таким образом, начало начисления процентов связывается с нарушением срока исполнения обязательства независимо от предъявления исполнительного листа в уполномоченный финансовый орган.

Такой подход находит свое подтверждение в сложившейся судебной практике. Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2026 № Ф05-10771/2026 рассмотрен вопрос о взыскании процентов за несвоевременную выплату возмещения за недвижимость, изъятую для государственных нужд. Решение об определении размера возмещения вступило в законную силу 30.01.2025, однако выплата произведена 04.08.2025. Собственник потребовал взыскать проценты по ст. 395 ГК РФ за указанный период.

Суд квалифицировал отношения по изъятию недвижимости как отношения по возмездному отчуждению имущества, регулируемые нормами о купле-продаже (п. 7 ст. 56.9 ЗК РФ). Со ссылкой на п. 4 ст. 445 ГК РФ и п. 42 Постановления № 49 суд указал, что с момента вступления в законную силу судебного решения, между сторонами возникло обязательственное отношение. Соответственно, несвоевременная выплата установленного судом возмещения представляет собой нарушение денежного обязательства и служит основанием для начисления процентов по ст. 395 ГК РФ [4].

Аналогичный подход был применен Арбитражным судом Уральского округа в постановлении от 11.02.2026 г. № Ф09-5162/25. В деле рассматривалось требование о взыскании процентов по ст. 395 ГК РФ в связи с несвоевременной выплатой возмещения за изъятый земельный участок. С администрации муниципального образования судебным решением ранее было взыскано 78 094 300 руб., однако фактическая выплата произведена с просрочкой, вследствие чего предприятие потребовало взыскать 13 727 410,10 руб. процентов. Администрация возражала против иска, ссылаясь на соблюдение трехмесячного срока исполнения судебного акта, установленного п. 6 ст. 242.2 БК РФ. Удовлетворяя требование, суды указали, что судебным решением подтверждено существование денежного обязательства по выплате возмещения, несвоевременное исполнение которого влечет начис-

ление процентов по ст. 395 ГК РФ. Специальный порядок исполнения судебных актов о взыскании денежных средств из муниципального бюджета не изменяет гражданско-правовой природы обязательства и не освобождает должника от ответственности за просрочку [5].

Таким образом, правовая квалификация судебного решения о принудительном изъятии в качестве преобразовательного акта позволяет обосновать возникновение между сторонами обязательственной связи, в содержание которой входит обязанность осуществить выплату определенного судом размера возмещения. При таком подходе момент начала начисления процентов по ст. 395 ГК РФ связывается с нарушением срока исполнения денежного обязательства, установленного судебным решением, а при отсутствии в судебном акте указания на соответствующий срок – с момента истечения срока исполнения обязательства, предусмотренного п. 2 ст. 314 ГК РФ.

В связи с этим представляется обоснованным подход, согласно которому специальный порядок исполнения судебных актов о взыскании денежных средств из соответствующего бюджета не подлежит применению при взыскании возмещения за изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд. Предусмотренный бюджетным законодательством срок исполнения судебного акта не должен рассматриваться как отсрочка исполнения такого обязательства, исключающая ответственность за его нарушение в пределах трехмесячного срока с момента поступления исполнительного документа на исполнение.

Литература

1. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 23.10.2026).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2025 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document /0001202511190001 (дата обращения: 23.10.2026).

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 306-ЭС24-2423 по делу № А55-14221/2023 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/409560687/ (дата обращения: 23.10.2026).

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 июля 2026 г. № Ф05-10771/2026 по делу № А40-215853/2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=589299 (дата обращения: 23.10.2026)

5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.02.2026 № Ф09-5652/25 по делу № А60-70244/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=278827#0VuqoYVcn61IGHTG (дата обращения: 23.10.2026).

On certain issues regarding the recovery of compensation for the expropriation of land for state or municipal needs

Podlevskikh O.V.
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the issue of compensation for the expropriation of land plots for state or municipal needs. The author explores the legal nature of a court judgment on compulsory expropriation and its significance for the emergence of a monetary obligation to pay compensation. Based on an analysis of legislation and judicial practice, the article investigates the possibility of accruing interest for late payment, as well as the specific procedures for enforcing such court judgments through the recovery of funds from the state or municipal budget.

Keywords: expropriation of real estate, equivalent compensation, constitutive court judgment, interest

References

1. Judicial Statistics // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/?id=79 (accessed: 23 October 2026).

2. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18 November 2025 No. 39-P “On the Review of the Constitutionality of Paragraph 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation in Connection with a Request from the Government of the Magadan Region” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/ 000120251 1190001 (accessed: 23 October 2026).

3. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 August 2024 No. 306-ES24-2423 in Case No. A55-14221/2023 // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/409560687/ (accessed: 23 October 2026).

4. Resolution of the Arbitrazh Court of the Moscow District dated July 16, 2026, No. F05-10771/2026 in Case No. A40-215853/2025 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=589299 (accessed October 23, 2026).

5. Resolution of the Commercial Court of the Urals Circuit of 11 February 2026 No. F09-5652/25 in Case No. A60-70244/2024 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=278827#0VuqoYVcn61IGHTG (accessed: 23 October 2026)

Гражданско-правовое регулирование виртуального видеоигрового имущества в России

Ревина Валерия Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности», ИКБ РТУ МИРЭА, revina@mirea.ru

Баглаев Илья Валерьевич
студент, ИКБ РТУ МИРЭА, baglaev2018@mail.ru

В связи со стремительным ростом популярности пользования цифровых продуктов, к коим относятся видеоигры, по всему миру, одними из ключевых элементов внутриигрового контента, нередко являющимися предметами судебных споров и следственной деятельности, выступает виртуальное видеоигровое имущество. В данной статье предпринята попытка рассмотреть указанные предметы в качестве объекта авторского права и результата интеллектуальной деятельности человека в контексте гражданского законодательства Российской Федерации. Исследуются особенности создания виртуального имущества, в том числе вопросы определения их авторства при использовании различного программного обеспечения. Рассмотрены коллизии, связанные с видеоигровыми предметами как объектами служебного произведения. Особое внимание уделяется исследованию лицензионных соглашений на предоставление доступа пользования (EULA) на примере конкретной видеоигры. Приведена и рассмотрена одна из ключевых проблем по разграничению ответственности за деяния, совершаемые в реальном и виртуальном пространствах в соответствии с теорией «магического круга» (Magic Circle). Выдвинуто предположение о возникновении нескольких форм ответственности за реальные деяния, повлекшие определенные последствия в виртуальном мире видеоигры, в связи с этим высказано предложение по адаптации отдельных разделов лицензионных соглашений к нормам национального законодательства стран распространения соответствующих видеоигр, что может позволить повысить правовую определенность при выявлении нарушений, определении вида и размера ответственности за содеянное. Делается вывод о необходимости дальнейшей научной работы по регламентации виртуального видеоигрового имущества с учетом его правовой природы, нередко имеющей двойственную форму, с учетом международного опыта и сотрудничества.

Ключевые слова: Авторское право, игровое имущество, виртуальное игровое имущество, интеллектуальная собственность, компьютерные игры, судебная практика, искусство, лицензия, право собственности, внутриигровой контент, видеоигра.

Развитие отрасли компьютерных игр в России в последние годы произвело серьезный рост в контексте владения, пользования и распоряжения виртуальным видеоигровым имуществом, являющимся относительно новым объектом гражданского права и стремительно набирающим популярность среди молодежи.

Известно, что в текущее время данный объект подвергается спорам в научной литературе насчет определения оного к конкретному виду объектов гражданского права и его места в системе гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательств, что предопределяет существующие ошибки при рассмотрении подобных дел в судах Российской Федерации, а также при расследовании киберпреступлений, связанных с виртуальным видеоигровым имуществом.

Существующая проблема характеризуется нарастающей актуальностью пропорционально росту популярности видеоигрового имущества не только в России, но и во всём мире, где количество активных игроков находится на отметке в 3,32 млрд. [1].

Можем отметить о наличии многих правовых аспектов в отношении видеоигрового имущества требующих решения, от формулировки точной дефиниции, в полной мере характеризующей данное имущество, его места в системе законодательства России, до его применения в качестве объекта доказательства в судебных спорах.

При работе были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой подходы для анализа гражданско-правового регулирования виртуального имущества. В качестве нормативной основы были использованы нормы гражданского законодательства России. В форме научных источников был рассмотрен научный труд американского исследователя Б.Т. Дюранске, в которой автор закрепил основополагающую теорию разделения ответственности за деяния, совершаемые как в реальном, так и в виртуальном мирах.

Эмпирическую основу исследования составило лицензионное соглашение иностранной организации по распространению видеоигр в мире, размещенное на цифровой платформе по предоставлению цифровых продуктов, практику использования и изменения данных документов на основе отзывов и новостных публикаций, а также статистические данные по развитию использования видеоигр людьми по всему миру.

В данной работе мы рассмотрим три цивилистических аспекта виртуального видеоигрового имущества – возможность отнесения оного к определенному виду охраняемого результата интеллектуальной деятельности, регулируемого статьей 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], определение и условия взаимодействия данных объектов в лицензионных соглашениях видеоигр, а также разграничение ответственности за деяния по отношению к видеоигровому имуществу, совершаемые в виртуальном и реальном мирах.

Говоря про возможность отождествления виртуального видеоигрового имущества как объекта авторского права, необходимо отметить, что данное имущество имеет множество форм и видов. На данный момент самыми популярными из них считаются косметические предметы, преображающие внешний вид игрового персонажа, предметы экипировки, оружие, аксессуары в виде виртуальных брелков, наклеек, фоны игрового меню, смена видеоигрового интерфейса путём новых шрифтов, анимаций и эффектов, а также виртуальная внутриигровая валюта [3]. Отдельно стоящий вид видеоигрового имущества, занимающий особое положение как при пользовании, так и при правовой регуляции, является возможность получить доступ к дополнительному функционалу игры, нередко имеющим объём в половину контента, предоставляющегося бесплатным игрокам.

В связи с этим, можно сказать о факте создания подобного имущества преимущественно творческим трудом человека или группы лиц, являющихся авторами по отношению к создаваемым ими предметам.

[1] How Many Gamers Are There? (New 2026 Statistics) // Exploding Topics A Semrush Company. – URL: https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers (дата обращения: 26.06.2026).

[2] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 26.06.2026).

[3] Рожкова М.А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. N 2 (48). С. 146-157. (дата обращения: 26.06.2026).

Рассматривая перечень объектов интеллектуальной деятельности в статье 1225 ГК РФ, наиболее очевидным кажется отнесение видеоигрового имущества к программам для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), поскольку оно создается в виде видеографических пиксельных изображений с помощью компьютерных программ, для видеоигр, тоже считающимися определенным видом данных программ. Нередки случаи, когда арт-художники рисуют первоначальные эскизы будущего видеоигрового имущества на бумаге перед тем, как их оцифровать, в данном случае они также считаются объектом интеллектуальной деятельности. А вот будет ли считаться оцифрованный эскиз данного имущества объектом авторского права и обладать соответствующей юридической силой – уже вопрос, поскольку оцифровать его может любой человек. Одной из главных задач является определение факта, что личные неотчуждаемые права автора первоначального эскиза не нарушены.

Переходя от вышеописанного к процедуре создания виртуального видеоигрового имущества, отметим о существующей проблеме разграничения этого объекта при определении авторства, когда оно является продуктом определенных цифровых программ, которые можно подразделить как те, которыми пользуется разработчик, самостоятельно создавший такие компьютерные приложения, программы от стороннего производителя, а также системы программного обеспечения.

Здесь отображаются многие формы авторских прав в контексте правообладателя, права следования и права об отчуждении исключительного права. Если программа самостоятельно создана разработчиком видеоигрового имущества, то он считается полноправным автором как программы, так и имущества, имея как имущественные права, так и личные неимущественные права [1]. Если программа от стороннего производителя, то необходимо обратить внимание на то, кто является правообладателем в данном случае. Здесь немаловажен факт работы автора видеоигрового имущества в организации, предоставившей доступ к программе, с помощью которой было создано соответствующее имущество.

По закону, права на объекты авторского права принадлежат работодателю, у которых сотрудник, в пределах своих должностных обязанностей создал соответствующее имущество для реализации, например для добавления этих объектов в созданную и разработанную ими же видеоигру. Такими работодателями – организациями на данный момент служат студии-разработчики видеоигр.

Данный факт документируется и носит название «служебного произведения», регулируемого ст. 1295 ГК РФ. Однако здесь четко прослеживается коллизия правовых норм – объектами служебного произведения, согласно гражданскому законодательству, являются произведения науки, литературы или искусства, программы для ЭВМ не входят в данный перечень. Другой вопрос, можно ли назвать виртуальное видеоигровое имущество объектом, соединяющим в себе программу для ЭВМ и элемент искусства.

Рассмотрим данное положение более подробно, на примере одного из видов видеоигрового имущества как видеографического изображения, косметически изменяющего внешний вид оружия из игры «Counter Strike 2» разработанной американской компанией-разработчиком игр – «Valve». Данный вид видеоигрового имущества носит название «скин» (от англ. Skin – «кожа, шкурка») и является косметическим улучшением для определенного внутриигрового объекта в игре, позволяющим визуально разнообразить геймплейную составляющую игры или индивидуализировать данные объекты от других игроков.

Скин в вышеупомянутой нами игре представляет собой стандартную модель оружия с нанесенным графическим изображением. Для популяризации данного вида объектов, компания «Valve» на базе своей программы – платформы по предоставлению компьютерных игр «Steam», открыла соответствующий раздел, который носит название «Мастерская Steam» [2], где любой пользователь может создать свой уникальный скин на оружие и выложить его в открытый для пользователей доступ, с возможностью включения данного скина через голосование во внутриигровое пространство. Многие игроки проявляют фантазию и создают на моделях оружия уникальные работы, нередко добавляя в них элементы стиля и оформления многих именитых художников, как например, это сделал один из пользователей, создав изображения на оружии в стиле Пабло Пикассо [3].

Стоит заметить, что четкого определения термина «искусство» в российском законодательстве пока нет. Ч.1 ст. 1259 ГК РФ представляет открытый перечень объектов науки, литературы и искусства, на основании чего можем сделать предположение, что виртуальное видеоигровое имущество соединяет в себе два вида результатов интеллектуальной деятельности, и это должно сказаться на правильном законодательном закреплении данного термина и его толковании судебной системой Российской Федерации.

Рассматривая последний сценарий создания виртуального видеоигрового имущества, где автор пользуется сторонним программным обеспечением (далее – ПО), отметим, что одной из причин перехода права собственности к разработчику ПО является договорная составляющая. ПО, равно как и само видеоигровое имущество имеет множество форм и видов. Это может быть как цельная операционная система (далее – ОС) (На примере реальных Windows и MacOS), так и специальные утилиты, использующиеся на базе самой операционной системы, одним из примеров данного ПО можно назвать российскую систему 1С, которая является полноценной экосистемой, имеющей множество утилит и программ для образования, бизнеса, творчества и т.д.

Работая в графической программе на базе операционной системы, пользователь соглашается с договором о предоставлении цифровых услуг самой системы, где существуют разделы об авторском праве. В международной судебной практике почти отсутствуют дела от разработчиков операционной системы в адрес авторов, создающих те или иные объекты интеллектуальной деятельности. Однако стоит иметь в виду, что как разработчики ОС, так и разработчики другого ПО, в теории могут иметь исключительные права на произведения, если оное установлено соответствующим договором (лицензионным соглашением). В иных ситуациях автор сам может инициировать передачу исключительных прав на созданное им видеоигровое имущество другим лицам, чаще всего ими выступают студии-разработчики видеоигр, которых заинтересовала концепция или потенциал созданных автором объектов, для дальнейшей коммерческой реализации. Именно на этом этапе вступают в действие договор об отчуждении исключительного права и права следования, предусматривающего специальное вознаграждение для автора или фиксированный процент от реализации в коммерческой деятельности за использование результатов его интеллектуальной деятельности.

Перед исследованием проблемы разграничения игрового и виртуального миров, следует рассмотреть промежуточную тему, связанную с пользовательскими соглашениями многих компьютерных видеоигр, где подробно описываются правила владения и пользования видеоигрой, указываются условия осуществления микротранзакций (внутриигровых покупок видеоигрового имущества), а также указывается раздел, непосредственно связанный с авторским правом и правом собственности по отношению к рассматриваемому нами виртуальному видеоигровому имуществу - End User License Agreement (EULA) [4].

Данное соглашение обычно составляется непосредственно студией-разработчиком видеоигры или студией-издателем, организацией, предоставляющей разработчикам видеоигры материальную помощь в развитии своего проекта и своих возможностей по изданию данной игры в других странах.

---

[1] Перепёлкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // "Журнал Суда по интеллектуальным правам", № 3 (29), сентябрь 2020 г., с. 45-59. (дата обращения: 26.06.2026).

[2] Steam Workshop // Виртуальная платформа по предоставлению видеоигр «Steam». – URL: https://steamcommunity.com/workshop/ (дата обращения: 26.06.2026).

[3] Энтузиаст сделал коллекцию скинов CS:GO в стиле картин Пабло Пикассо // Сетевое издание «Metarating». –URL: https://cybersport.metaratings.ru/news/entuziast-sdelal-kollektsiyu-skinov-cs-go-v-stile-kartin-pablo-pikasso/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 26.06.2026).

[4] Розанова А.В., Лежнина К.А. Многопользовательские компьютерные онлайн-игры как объекты гражданских прав // Цивилистика от прошлого к современности. – С. 1389-1393. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116792/1/978-5-91256-557-1_2022_257.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

На практике встречается несколько наименований данного документа, в России оно имеет название «Пользовательское соглашение», тогда как само EULA используется преимущество в остальном мире, что является более корректным и точно передающим суть документа названием, так как само соглашение имеет в названии слово «лицензия», являющееся ключевым содержанием данного документа.

По сути, данный документ закрепляет права и обязанности разработчиков видеоигры и конечного пользователя, в нем также могут присутствовать разделы о разрешении противоречий в судебном порядке при возникновении конфликта интересов, меры ответственности, которые могут быть применены за нарушение правил, установленных данным соглашением и реквизиты офиса студии-разработчика для направления претензий, апелляций и судебных исков.

Одним из главных разделов этого соглашения является блок о пользовании видеоигры, точнее - Услуг, которые предоставляет студия пользователю в виде возможности использовать внутриигровой контент.

Рассмотрим данное обстоятельство на примере EULA видеоигры «Borderlands 2», созданной американской компанией «Gearbox Software» от студии-издателя данного цифрового продукта – «Take-Two Interactive» [1]. Первый абзац вводит понятия терминов, использующихся в данном соглашении, так, определение «Услуги» представляют собой факт доступа пользователю на использование цифровых продуктов компании, а также виртуальных элементов и предоставление доступа игрока к своему же игровому профилю (аккаунту), именуемому «Учетной записью».

Виртуальные элементы же представляют собой любое виртуальное видеоигровое имущество, купленное за реальные денежные средства в онлайн-магазине или же от пользования Услугами, от валюты до вышеуказанных скинов и предметов экипировки.

Интерес представляют два пункта, содержащие в себе информацию про владение, пользование и распоряжение данным Виртуальным имуществом, а также определяет собственника данных объектов.

Пункт 2.2 этого соглашения указывает на факт предоставления Услуг пользователю, одновременно являющемся игроком, по лицензии, что и предопределяет название данного документа. При этом подчеркивается полное отсутствие прав собственности на весь внутриигровой контент, включая виртуальное видеоигровое имущество и саму Учетную запись вместе со всеми персональными данными пользователя и персонального компьютера, на котором игрок получает доступ к видеоигре, из-за чего в 2025 году рассматриваемая нами видеоигра «Borderlands 2» стала объектом массового недовольства игроков и большого количества негативных отзывов [2].

Пункт 4.2 раскрывает содержание прав пользователю к виртуальным элементам, где указывается возможность компании в одностороннем порядке изменять, удалять и проводить соответствующие процедуры с любым игровым имуществом, принадлежащим игроку. Конечная строка данного пункта продолжает смысл сказанного в п. 2.2 этой EULA и представляет собой согласие пользователя об отсутствии у него каких бы то ни было прав на Виртуальные элементы, за которые игрок вполне имеет возможность заплатить реальными денежными средствами.

Раздел с авторским правом наиболее ярко отражается в пункте 5.2 данного соглашения и носит название «Права на Пользовательский контент». В данном блоке представлено описание прав и обязанностей игроков, которые добавили в игру свой игровой контент.

При этом права пользователя – авторское и интеллектуальной собственности, сохраняются за ним, за это игрок соглашается с обменом прав, где предоставляет компании: «безотзывное, всемирное, безвозмездное, неисключительное и подлежащее сублицензированию право использовать, воспроизводить, редактировать…весь пользовательский контент в рамках или через Услуги или в любых других коммерческих и некоммерческих целях…без компенсации или уведомления, в течение всего срока действия прав интеллектуальной собственности, относящихся к собственному пользовательскому контенту».

На наш взгляд данные обстоятельства, указанные в EULA, являются дискуссионными, поскольку сочетают в себе такие отрасли права как гражданское и международное, при этом оставаясь противоречивым российскому законодательству, что, вероятно, требует вмешательства для недопущения возможного конфликта интересов.

Переходя к вопросу о разграничении ответственности за действия, предусмотренные в виртуальном и реальном мирах, необходимо вспомнить теорию американского исследователя-юриста Б.Т. Дюранске – «Magic Circle» (рус. «теория магического круга»), которую он изложил в своей работе под названием «Virtual Law» [3]. Автор отмечает о проблеме реализации принципа ответственности, указывает на «размытые» рамки права и пытается ответить на вопрос: «В какой момент виртуальная ответственность сменяется на реальную?».

Виртуальные игровые миры отличаются от реальных тем, что в первом игрок может совершать такие поступки, какие в реальном мире считались бы противоправными, ведущими к административной, уголовной или гражданской ответственности [4]. При этом вышеназванные действия игрок может совершать только тогда, когда это предусмотрено правила игры и EULA, упоминаемой нами ранее. На наш взгляд, при противоправных действиях одного игрока по отношению к другому может возникнуть две формы вины – виртуальная и реальная, однако это зависит от плоскости правил видеоигры и способа совершения противоправного деяния. Рассмотрим на практическом примере, один игрок «украл» у другого косметический предмет на игрового персонажа в гипотетической видеоигре, при этом данный виртуальный объект является имуществом согласно EULA, имеет реальную денежную ценность и был куплен за реальную валюту.

В данной модели можно предусмотреть два разных развития событий – могло ли данное деяние быть предусмотрено правилами видеоигры или нет. Если могло, значит игрок не нарушил правила – условия пользования данной игрой, хоть предмет и был куплен за реальные деньги, в EULA могло быть соглашение с игроком о риске это имущество потерять, с чем игрок и соглашается, используя внутриигровой контент.

Другой вопрос, если злоумышленник нарушил правила пользования видеоигрой и похитил предмет, умышленно осознавая характер своих действий и те последствия, которые могут за этим наступить. Именно в данной ситуации возникает как виртуальная, так и реальная ответственности, а значит как виртуальное, так и реальное наказание. При этом может наступить как гражданско-правовая ответственность (например деликтная), так и уголовная, если стоимость похищенного имущества превышает 2500 рублей.

Ситуацию осложняет тот факт, что для полной констатации факта о совершенном нарушении, и как следствие, нарушения прав игрока, требуется системная согласованность между законодательством стран игроков, при условии разного местонахождения игрока-нарушителя и игрока-потерпевшего), а также правил видеоигры, которые могут быть включены в текст EULA.

Данный анализ более конкретно раскрывает позицию самого Дюранске, который считал, что действия в реальном мире, происходящие вне виртуального пространства видеоигры приводят к ответственности в том случае, если в последствии от этих действий возникает нарушение прав третьих лиц – игроков. Рассматриваемые обстоятельства могут казаться спорными, так как множество видеоигр создается и разрабатывается отдельными студиями, то есть коммерческими организациями, которые могут сами определять и

[1] Условия предоставления услуг Take-Two (EULA) // Виртуальная платформа по предоставлению видеоигр «Steam». – URL: https://store.steampowered.com//eula/49520_eula_0?eulaLang=russian (дата обращения: 26.06.2026).

[2] Borderlands 2 утопили в негативных отзывах из-за пользовательского соглашения Take-Two // Информационно-развлекательный портал StopGame.ru. – URL:. https://stopgame.ru/newsdata/67194/borderlands_2_utopili_v_negativnyh_otzyvah_iz_za_polzovatelskogo_soglasheniya_take_two (дата обращения: 26.06.2026).

[3] Duranske, Benjamin Tyson, Virual Law Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds / by Benjamin Tyson Duranske.–1st ed. p. cm. // American Bar Association. – URL: https://books.google.ru/books?id=gQQjRmGKOgEC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 26.06.2026).

[4] Гаразовская Н.В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // Юридические науки. – 2017. – URL: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/04/%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%9D.-%D0%92.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

устанавливать правила пользования своими цифровыми продуктами для получения прибыли и достижения своих коммерческих интересов. При этом, правила видеоигры, в том числе об авторском праве и интеллектуальной собственности не противоречат местному законодательству страны, где базируются студии разработки и издательства.

Думается, что наиболее правильным решением должна стать переработка некоторых частей EULA в соответствии с законодательством тех стран, где игра официально издается. При данных обстоятельствах игра продолжит свое функционирование и получение прибыли в странах без риска получения государственной блокировки или судебных исков от игроков, которые руководствуясь законодательством своей страны могут увидеть в действиях других пользователей нарушение своих определенных прав. При этом будет работать международное сотрудничество в части выявления, пресечения и выдачи игроков-злоумышленников, а также применения мер компенсации добросовестным игрокам, чьи права были так или иначе нарушены.

Рассматривая категорию игр с VR-технологиями, то есть с элементами дополненной реальности, можно заметить тот факт, что в данных программах зрение и любые действия пользователя-игрока могут быть перенесены во внутриигровое пространство. Данная категория игр буквально описывает принцип теории «магического круга» – любое движение в данной игре, полностью соответствуя таковому в реальном мире может повлечь за собой такие же последствия как и при игре с использованием компьютерных аксессуаров, предназначаемых для игр, будь то клавиатура или игровая мышь для пользователя стационарного компьютера, так и специальные контроллеры с использованием джойстиков, применяемые для игры на стационарных игровых или переносных приставок. При этом фундаментальные основы разграничения виртуального и реального миров при данной категории игр не меняются по сравнению с видеоиграми, не обладающими технологией VR.

Переходя к заключению, выделим ключевые особенности рассматриваемых в статье проблем и укажем на возможные предложения, способные решить или облегчить каждый из поставленных вопросов.

Говоря про отнесение термина «виртуальное видеоигровое имущество» в качестве объектов интеллектуальной собственности и авторского права мы установили, что данные предметы создавались и создаются человеком в результате его творческой и умственной работы. Конечно, в связи с быстрорастущим явлением цифровизации нашего общества данную задачу в теории может выполнять искусственный интеллект, однако здесь кроется проблема присвоения авторства конечному произведению, что является серьезной темой для отдельных научных изысканий. Наряду с объектом авторского права и результатом интеллектуальной деятельности мы рискнём добавить в определенные виды видеоигрового имущества элемент искусства, что будет считаться уже третьим свойством данных объектов, и поможет улучшить разбор этих предметов в судебных спорах и правоохранительной деятельности.

Рассматривая лицензионное соглашение видеоигр – EULA, нами был произведен анализ использования видеоигрового имущества как объектов, к которым пользователю предоставляет доступ студия-разработчик или студия-издатель конкретной видеоигры. При этом, на приведенном примере было установлено, что игрок-пользователь может не иметь никаких прав собственности на тот внутриигровой контент и виртуальное имущество, к которому ему предоставляют доступ, даже если эти объекты были куплены пользователем за реальные средства, исключение может составить только пользовательский контент, сделанный игроком самолично, что, также, имеет своих нюансы. Конечно, некоторые разделы данного лицензионного соглашения имеют признаки дискуссионности, в связи с этим, предложение по составлению EULA в соответствии с законодательством тех стран, где оно издается, отнюдь не панацея, если вспомнить, что любая студия-разработчик или издатель могут оказаться коммерческими лицами. Считаем, что данное предложение может помочь обеспечить большую прозрачность действий игроков в виртуальных внутриигровых мирах, а также меры ответственности для тех, кто пренебрегает правилами пользования видеоигрой, указанным в пользовательских соглашениях.

Ситуация по разграничению виртуального и реального миров отнюдь не нова, однако анализ показал, что в конкретной ситуации может возникнуть обстоятельство, что у игрока появляется две и более форм ответственности. Все зависит от конкретных обстоятельств, внутриигровых правил и норм местного и международного законодательств.

Обобщая вышесказанное следует отметить о текущей положительной динамике пользования видеоигр по всему миру. С каждым годом ситуация, связанная с рынком цифровых товаров, программ и виртуального видеоигрового имущества может оказать большое влияние на количество споров и преступных деяний, связанных с использованием видеоигровых миров. Актуализация проведенных исследований по данной тематике не только в научной литературе и правовой доктрине, но и в судебной или следственной практике поможет обеспечить надежное и безотказное правовое регулирование, связанное с видеоиграми по всему миру, сочетая в себе как правила и условия, прописанные в пользовательских соглашениях, так и нормах местного законодательства и международного права.

Литература

1. How Many Gamers Are There? (New 2026 Statistics) // Exploding Topics A Semrush Company. – URL: https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers (дата обращения: 26.06.2026).

2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 26.06.2026).

3. Рожкова М.А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. N 2 (48). С. 146-157. (дата обращения: 26.06.2026).

4. Перепёлкина Я.А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // "Журнал Суда по интеллектуальным правам", № 3 (29), сентябрь 2020 г., с. 45-59. (дата обращения: 26.06.2026).

5. Steam Workshop // Виртуальная платформа по предоставлению видеоигр «Steam». – URL: https://steamcommunity.com/workshop/ (дата обращения: 26.06.2026).

6. Энтузиаст сделал коллекцию скинов CS:GO в стиле картин Пабло Пикассо // Сетевое издание «Metarating». – URL: https://cybersport.metaratings.ru/news/entuziast-sdelal-kollektsiyu-skinov-cs-go-v-stile-kartin-pablo-pikasso/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 26.06.2026).

7. Розанова А.В., Лежнина К.А. Многопользовательские компьютерные онлайн-игры как объекты гражданских прав // Цивилистика от прошлого к современности. – С. 1389-1393. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116792/1/978-5-91256-557-1_2022_257.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

8. Условия предоставления услуг Take-Two (EULA) // Виртуальная платформа по предоставлению видеоигр «Steam». – URL: https://store.steampowered.com//eula/49520_eula_0?eulaLang=russian (дата обращения: 26.06.2026).

9. Borderlands 2 утопили в негативных отзывах из-за пользовательского соглашения Take-Two // Информационно-развлекательный портал StopGame.ru. – URL: https://stopgame.ru/newsdata/67194/borderlands_2_utopili_v_negativnyh_otzyvah_iz_za_polzovatelskogo_soglasheniya_take_two (дата обращения: 26.06.2026).

10. Duranske, Benjamin Tyson, Virual Law Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds / by Benjamin Tyson Duranske. – 1st ed. p. cm. // American Bar Association. – URL: https://books.google.ru/books?id=gQQjRmGKOgEC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

11. Гаразовская Н.В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // Юридические науки. – 2017. – URL: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/04/%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%9D.-%D0%92.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

Civil law regulation of virtual video game property in Russia

Revina V.V., Baglaev I.V.

ICS RTU MIREA

Due to the rapid growth in popularity of using digital products, which include video games, around the world, virtual video game assets are one of the key elements of in-game content, which are often the subject of litigation and investigative activities. This article

attempts to consider these items as an object of copyright and the result of human intellectual activity in the context of the civil legislation of the Russian Federation. The article examines the features of creating virtual assets, including the issues of determining their authorship when using various software. Collisions related to video game objects as objects of an official work are considered. Special attention is paid to the study of access to use license agreements (EULA) using the example of a specific video game. One of the key problems of distinguishing responsibility for acts committed in real and virtual spaces in accordance with the theory of the "Magic Circle" is presented and considered. It has been suggested that several forms of responsibility may arise for real actions that have certain consequences in the virtual world of video games. In this regard, a proposal has been made to adapt certain sections of license agreements to the national legislation of the countries where the relevant video games are distributed, which may increase legal certainty in identifying violations and determining the type and amount of responsibility for what has been done. The conclusion is drawn about the need for further scientific work on the regulation of virtual video game property, taking into account its legal nature, which often has a dual form, taking into account international experience and cooperation.
Keywords: Copyright, gaming property, virtual gaming property, intellectual property, computer games, judicial practice, art, license, ownership, in-game content, video game.

References

1. How Many Gamers Are There? (New 2026 Statistics) // Exploding Topics A Semrush Company. – URL: https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers (date of appeal: 26.06.2026).
2. "The Civil Code of the Russian Federation (part four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 23.07.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01/04/2026) // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 / (date of access: 26.06.2026).
3. Rozhkova M.A. Problems of establishing an independent legal regime for digital objects // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2025. June. N 2 (48). pp. 146-157. (date of reference: 26.06.2026).
4. Perepelkina Ya.A. Virtual gaming property: Prospects of legal regulation // "Journal of the Intellectual Property Rights Court", No. 3 (29), September 2020, pp. 45-59. (accessed: 06/26/2026).
5. Steam Workshop // Virtual platform for the provision of video games "Steam". – URL: https://steamcommunity.com/workshop / (date of access: 26.06.2026).
6. An enthusiast made a collection of CS skins:GO in the style of paintings by Pablo Picasso // Online publication "Metarating". –URL: https://cybersport.metaratings.ru/news/entuziast-sdelal-kollektsiyu-skinov-cs-go-v-stile-kartin-pablo-pikasso/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date of request: 26.06.2026).
7. Rozanova A.V., Lezhnina K.A. Multiplayer online computer games as objects of civil rights // Civics from the past to the present. – pp. 1389-1393. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/116792/1/978-5-91256-557-1_2022_257.pdf (accessed: 06/26/2026).
8. Take-Two Terms of Service (EULA) // Virtual Video Game Platform "Steam". – URL: https://store.steampowered.com//eula/49520_eula_0?eulaLang=russian (date of request: 26.06.2026).
9. Borderlands 2 was drowned in negative reviews due to the Take-Two user agreement // Infotainment Portal StopGame.ru. – URL: https://stopgame.ru/newsdata/67194/borderlands_2_utopili_v_negativnyh_otzyvah_iz_za_polzovatelskogo_soglasheniya_take_two (accessed: 06/26/2026).
10. Duranske, Benjamin Tyson, Viral Law Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds / by Benjamin Tyson Duranske. – 1st ed. p. cm. // American Bar Association. – URL: https://books.google.ru/books?id=gQQjRmGKOgEC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
11. Garazovskaya N.V. Virtual property in games: prospects of legal regulation // Legal sciences. – 2017. – URL: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/04/%D0%93%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%9D.-%D0%92.pdf (date of request: 26.06.2026).

Труд несовершеннолетних в РФ и странах ЕАЭС: сравнительно-правовой анализ гарантий и ограничений

Комаров Владимир Владиславович
студент Департамента экономики, управления и права Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, KomarovVV800@mgpu.ru

Сурилов Меир Нисонович
кандидат экономических наук, доцент Департамента экономики, управления и права Института гуманитарных наук; доцент кафедры государственного и муниципального управления, Московский городской педагогический университет; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Surilovmn@r.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих труд несовершеннолетних лиц в Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Беларусь, применительно к законодательству 2024 года. Цель исследования заключается в выявлении общих подходов и различий в установлении возрастного ценза, продолжительности рабочего времени, требований к медицинским осмотрам и ограничений на отдельные виды труда. Научная новизна работы заключается в сопоставлении гарантий по единым критериям с разграничением национального и международного уровней регулирования. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. Установлено сходство охранительных принципов при различиях в условиях трудоустройства лиц моложе 16 лет, регулировании рабочего времени учащихся и отдельных гарантиях. Международные статистические материалы используются для характеристики проблемы детского труда и не рассматриваются как данные о частоте нарушений в отдельных странах ЕАЭС. Обоснована целесообразность разработки рекомендательных подходов к защите несовершеннолетних работников с учетом национального законодательства.

Ключевые слова: труд несовершеннолетних, сравнительное трудовое право, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, возрастной ценз, охрана труда молодежи.

Введение

Интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), направленные на формирование общего рынка труда, актуализируют вопросы сближения национальных законодательств государств-участников [9; 15]. Одной из наиболее социально значимых и строго регламентируемых сфер является труд несовершеннолетних. Установление специальных гарантий и ограничений для данной категории работников отражает приоритет защиты их здоровья, нравственного развития и права на образование.

Сравнительные исследования трудового права стран ЕАЭС позволяют рассматривать национальные нормы в общем региональном контексте [7]. Вместе с тем сходство принципов не означает тождества конкретных гарантий. Сопоставление правил приема на работу, рабочего времени и охраны труда позволяет определить направления возможного сближения законодательства.

Целью статьи является проведение сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь, регулирующего труд несовершеннолетних, по ключевым параметрам: возрастной ценз, продолжительность рабочего времени, медицинские осмотры и установленные запреты.

Материалы и методы исследования

Методология исследования включает сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить нормативные положения; формально-юридический метод, направленный на анализ текстов актов; системный метод, используемый для рассмотрения норм в их взаимосвязи. Нормативное сопоставление ограничено положениями, действовавшими в 2024 году. Материалами исследования служат трудовые кодексы и подзаконные акты трех государств, международные трудовые стандарты, разъяснения Верховного Суда РФ и опубликованные научные работы [1–12; 14; 15; 17; 18]. Статистические публикации рассматриваются как вторичные источники с учетом их предмета и территориального охвата [13; 16]. Более поздние научные публикации используются для обсуждения направлений дальнейших исследований и не изменяют временные границы нормативного анализа.

Результаты и обсуждение

Все три государства устанавливают общий возраст для вступления в трудовые отношения — 16 лет [1, ст. 63; 2, ст. 272; 3, ст. 31]. Возможность трудоустройства до достижения этого возраста зависит от дополнительных условий, предусмотренных национальным законодательством.

В Российской Федерации трудовой договор с лицом, достигшим 14 лет и получающим общее образование, может заключаться с письменного согласия одного из родителей (попечителя) для легкого труда в свободное от учебы время без ущерба освоению образовательной программы. После изменения статьи 63 ТК РФ в июне 2023 года согласие органа опеки не является общим условием такого трудоустройства; для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотрен специальный порядок [1, ст. 63]. В Беларуси для трудоустройства с 14 лет также требуется письменное согласие одного из родителей (усыновителя, попечителя). Работа должна быть легкой, безопасной и не препятствовать получению образования [2, ст. 272; 5].

В Казахстане договор с учащимся, достигшим 14 лет, допускается для работы в свободное от учебы время, не причиняющей вреда здоровью и не нарушающей процесса обучения. Наряду с несовершеннолетним договор подписывает один из его законных представителей. Следовательно, связь допустимого труда с продолжением обучения прямо предусмотрена законом [3, ст. 31].

В России статья 63 ТК РФ предусматривает возможность выполнения легкого труда лицами, достигшими 15 лет, при соблюдении установленных условий получения общего образования. В Казахстане трудоустройство с 15 лет также допускается при получении основного среднего или общего среднего образования; сохраняется требование о подписании договора законным представителем [3, ст. 31]. В Беларуси к работникам от 14 до 16 лет применяется порядок, предусмотренный статьей 272 ТК РБ, с письменным согласием одного из родителей. Поэтому условия трудоустройства этой возрастной группы нельзя считать одинаковыми.

Законодательство всех трех стран предусматривает сокращенную продолжительность рабочего времени для несовершеннолетних. При этом пределы недельной занятости и правила совмещения работы с обучением различаются [1, ст. 92; 2, ст. 114; 3, ст. 69, 70].

Таблица 1
Продолжительность рабочего времени несовершеннолетних по законодательству 2024 года

Страна	От 14 до 16 лет	От 16 до 18 лет	Совмещение работы с учебой
РФ	Не более 24 ч/нед. [1, ст. 92]	Не более 35 ч/нед. [1, ст. 92]	В течение учебного года: до 16 лет — 12 ч/нед.; 16–18 лет — 17,5 ч/нед. [1, ст. 92]
РБ	Не более 23 ч/нед. [2, ст. 114]	Не более 35 ч/нед. [2, ст. 114]	В течение учебного года: до 16 лет — 11,5 ч/нед.; 16–18 лет — 17,5 ч/нед. [2, ст. 114]
РК	Не более 24 ч/нед. [3, ст. 69]	Не более 36 ч/нед. [3, ст. 69]	Правило половины нормы в ст. 69 не установлено; неполное время — по ст. 70 [3, ст. 69, 70]

Недельные пределы близки, однако различия имеют самостоятельное правовое значение. В России и Беларуси для указанных в законе категорий учащихся в течение учебного года действует правило половины возрастной нормы. Статья 69 ТК РК устанавливает пределы 24 и 36 часов, но не содержит аналогичного правила автоматического уменьшения нормы вдвое; неполное рабочее время регулируется статьей 70. Недельные ограничения необходимо отличать от предельной продолжительности ежедневной работы [1, ст. 92, 94; 2, ст. 114, 115; 3, ст. 69, 70].

В России работники до 18 лет принимаются на работу после предварительного медицинского осмотра и затем проходят ежегодные обязательные осмотры за счет работодателя [1, ст. 266]. В Беларуси предварительный и ежегодные осмотры несовершеннолетних предусмотрены статьей 275 ТК РБ; ежегодный осмотр проводится в рабочее время с сохранением среднего заработка [2, ст. 275].

В Казахстане медицинские осмотры регулируются статьей 185 ТК РК во взаимосвязи с законодательством о здравоохранении. Порядок, целевые группы и периодичность обязательных осмотров определяются, в частности, приказом от 15 октября 2020 года № ҚР ДСМ-131/2020 [3, ст. 185; 18]. Отсутствие в одной статье кодекса специальной нормы о ежегодном осмотре всех несовершеннолетних само по себе не означает, что периодичность оставлена на усмотрение работодателя. Для оценки гарантий необходимо учитывать применимую категорию работников и подзаконные правила.

Общим направлением регулирования является запрет использования труда несовершеннолетних на тяжелых, вредных и опасных работах [1, ст. 265; 2, ст. 274; 3, ст. 26]. Предусмотрены ограничения на ночную и сверхурочную работу [1, ст. 268; 2, ст. 276; 3, ст. 76, 77]. Вместе с тем весь перечень ограничений нельзя считать идентичным: условия командирования и работы в отдельные дни необходимо проверять по соответствующему национальному акту, а не переносить из законодательства другой страны.

В России и Беларуси несовершеннолетним не устанавливается испытание при приеме на работу [1, ст. 70; 2, ст. 28]. Статья 36 ТК РК, регулирующая испытательный срок, не содержит аналогичного общего запрета по признаку возраста. Это различие не позволяет характеризовать рассматриваемую гарантию как одинаковую для всех трех государств.

Перечни запрещенных работ утверждаются на национальном уровне. В России в исследуемый период применялось постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 163, в Беларуси — постановление Минтруда и соцзащиты от 27 июня 2013 года № 67, в Казахстане — приказ от 8 декабря 2015 года № 944 [4; 6; 17]. Белорусское постановление от 15 октября 2010 года № 144 имеет иной предмет: оно устанавливает перечень разрешенных легких работ для лиц от 14 до 16 лет [5]. Разграничение разрешительных и запретительных перечней необходимо для корректного сравнения.

Международные ориентиры и правоприменительные гарантии

Конвенция МОТ № 138 разграничивает общий минимальный возраст допуска к занятости, допустимую легкую работу и работы, опасные для здоровья, безопасности или нравственности молодежи. Допустимость легкого труда связана с защитой обучения и развития ребенка [11, ст. 2, 3, 7]. Поэтому возможность заключить договор с 14-летним работником следует оценивать вместе с характером поручаемых обязанностей и режимом рабочего времени.

Конвенция МОТ № 182 относит опасную для здоровья, безопасности или нравственности детей работу к наихудшим формам детского труда и предусматривает национальное определение соответствующих видов работ [12, ст. 3, 4]. Международные стандарты дают общую основу защиты, но не отменяют необходимость проверки национальных перечней и условий трудоустройства.

По оценкам МОТ и ЮНИСЕФ, относящимся к началу 2020 года и опубликованным в 2021 году, в мире детским трудом были охвачены 160 млн детей, из которых 79 млн выполняли опасную работу [13]. Эти показатели характеризуют глобальную проблему и не могут использоваться в качестве оценки распространенности нарушений в России, Беларуси или Казахстане. Кроме того, понятие детского труда в международной статистике не тождественно любой законной оплачиваемой работе несовершеннолетнего.

Сборник Росстата «Труд и занятость в России. 2023» характеризует российский рынок труда и может использоваться как источник общего статистического контекста [16]. Показатели занятости сами по себе не измеряют соблюдение требований к согласию законного представителя, медицинским осмотрам или режиму труда. Для количественного сравнения нарушений необходимы сопоставимые сведения с определенной возрастной группой, периодом наблюдения и методикой учета.

Для анализа судебной защиты существенны разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 года № 1 [14]. В частности, пункт 23 предусматривает проверку согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних при увольнении несовершеннолетнего по инициативе работодателя, кроме предусмотренных законом исключений. Отсутствие необходимого согласия служит основанием признать увольнение незаконным. Это правовая гарантия, а не статистический показатель частоты нарушений.

Сравнительный анализ позволяет выделить направления проверки соблюдения прав несовершеннолетнего: надлежащее оформление приема на работу; соответствие трудовой функции возрасту и состоянию здоровья; соблюдение рабочего времени; выполнение требований к медицинским осмотрам; законность прекращения договора. Такой подход следует из содержания рассмотренных норм и не предполагает количественного ранжирования стран по уровню нарушений [1–6; 14; 17; 18].

Вопросы самозанятости и фриланса расширяют контекст обсуждения защиты молодых работников. Исследование А.А. Макаревич-Константиновой рассматривает развитие фриланса и связанные с ним проблемы социальной защищенности [10]. Оно используется здесь как основание для постановки отдельной исследовательской задачи: определить, какие риски возникают при участии несовершеннолетних в новых формах занятости. Результаты этой работы не подтверждают частоту нарушений трудовых прав подростков в странах ЕАЭС.

Сближение регулирования целесообразно начинать с сопоставимых критериев безопасной работы и доступной информации о национальных гарантиях. По пункту 4 статьи 97 Договора о ЕАЭС трудовая деятельность регулируется законодательством государства трудоустройства с учетом положений Договора [15]. Поэтому само наличие различий между кодексами не доказывает правовую коллизию: необходимо установить конкретную ситуацию и подлежащие применению нормы.

В качестве рекомендаций могут обсуждаться единые подходы к информированию работодателей и подростков, обмену данными о нарушениях и оценке совместимости работы с обучением. Их принятие потребует согласования государствами в пределах действующих международных обязательств и компетенции соответствующих органов. Эти предложения представляют результат нормативного сопоставления и требуют самостоятельной эмпирической оценки.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Законодательство России, Беларуси и Казахстана в исследуемый период исходило из общего возраста трудоустройства 16 лет, необходимости сокращать рабочее время несовершеннолетних и защищать их от опасной работы. Сходство этих принципов не означает полной унификации конкретных правил [1–3; 11; 12].

2. Существенные различия связаны с условиями приема на работу лиц моложе 16 лет, продолжительностью рабочего времени и отдельными гарантиями. В Беларуси достаточно письменного согласия одного из родителей; в Казахстане предусмотрена возможность трудоустройства с 15 лет при установленных условиях. Медицинские осмотры необходимо оценивать с учетом не только трудовых кодексов, но и актов о здравоохранении. Утверждение о тождестве всех национальных гарантий не подтверждается [1–3; 18].

3. Различия в национальном регулировании обосновывают необходимость точной информации о применимом праве, однако сами по себе не доказывают наличие коллизий или более высокой частоты нарушений в одной из стран. Договор о ЕАЭС сохраняет роль законодательства государства трудоустройства [15]. Для оценки фактического соблюдения гарантий требуется самостоятельное сопоставимое эмпирическое исследование.

В целях дальнейшего сближения подходов представляется целесообразным обсуждение рекомендательных положений о защите несовершеннолетних работников. Они могут охватывать проверку безопасности трудовых функций, совместимость занятости с обучением, доступность сведений о гарантиях и сопоставимость учета нарушений. Разработка таких рекомендаций должна опираться на международные трудовые стандарты, учитывать национальные особенности и сопровождаться оценкой их практической применимости.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3. Нормы, действовавшие в 2024 г. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279 (дата обращения: 20.10.2026).

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-З. Нормы, действовавшие в 2024 г. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296 (дата обращения: 20.10.2026).

3. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 № 414-V ЗРК. Нормы, действовавшие в 2024 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414 (дата обращения: 20.10.2026).

4. Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет: постановление Правительства РФ от 25.02.2000 № 163. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102064691 (дата обращения: 20.10.2026).

5. Об установлении перечня легких видов работ, которые могут выполнять лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет: постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 15.10.2010 № 144. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W21022916 (дата обращения: 20.10.2026).

6. Об утверждении списка работ, на которых запрещается применение труда работников, не достигших восемнадцатилетнего возраста, предельных норм переноски и передвижения тяжестей работниками, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, и предельных норм подъема и перемещения вручную тяжестей женщинами: приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 08.12.2015 № 944. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012597 (дата обращения: 20.10.2026).

7. Морозов П.Е., Чанышев А.С. Трудовое право стран Евразийского экономического союза: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. Электронное издание. ISBN 978-5-392-21285-9. URL: https://prospekt.org/index.php?id=31469&page=book (дата обращения: 20.10.2026).

8. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю.П. Орловский. 8-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт, 2019. 1253 с. ISBN 978-5-6041897-1-9. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009865731 (дата обращения: 20.10.2026).

9. Томашевский К.Л. Либертарные принципы трудового права в государствах — членах Евразийского экономического союза // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 1. С. 134–147. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.134-147.

10. Макаревич-Константинова А.А. Экономика фриланса: влияние самозанятости на рынок труда // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5, № 1. С. 105–114. DOI: 10.25726/n1190-7145-5132-h.

11. Конвенция Международной организации труда № 138 о минимальном возрасте для приема на работу (Женева, 26.06.1973). URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C138 (дата обращения: 20.10.2026).

12. Конвенция Международной организации труда № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Женева, 17.06.1999). URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C182 (дата обращения: 20.10.2026).

13. International Labour Organization; United Nations Children's Fund. Child Labour: Global estimates 2020, trends and the road forward. New York: ILO and UNICEF, 2021. URL: https://www.ilo.org/childlabourestimates2021 (дата обращения: 20.10.2026).

14. О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/8375 (дата обращения: 20.10.2026).

15. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014). Раздел XXVI. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 20.10.2026).

16. Росстат. Труд и занятость в России. 2023: статистический сборник. М., 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 20.10.2026).

17. Об установлении списка работ, на которых запрещается привлечение к труду лиц моложе восемнадцати лет: постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 27.06.2013 № 67. Действовало в исследуемый период; утратило силу в 2025 г. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=W21327770 (дата обращения: 20.10.2026).

18. Об утверждении целевых групп лиц, подлежащих обязательным медицинским осмотрам, а также правил и периодичности их проведения, объема лабораторных и функциональных исследований, медицинских противопоказаний, перечня вредных и (или) опасных производственных факторов, профессий и работ, при выполнении которых проводятся предварительные обязательные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические обязательные медицинские осмотры и правил оказания государственной услуги «Прохождение предварительных обязательных медицинских осмотров»: приказ и.о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15.10.2020 № ҚР ДСМ-131/2020. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021443 (дата обращения: 20.10.2026).

Labor of minors in the Russian Federation and the EAEU countries: a comparative legal analysis of guarantees and restrictions

Komarov V.V., Surilov M.N.

Moscow City University, Moscow City University; Plekhanov Russian University of Economics

The article presents a comparative legal analysis of the rules governing the employment of minors in the Russian Federation, Kazakhstan and Belarus, with reference to legislation applicable in 2024. The study identifies common approaches and differences in the minimum working age, working hours, medical examinations and restrictions on particular types of work. Its contribution is a comparison of safeguards against consistent criteria, distinguishing national regulation from international standards. The methodology combines comparative legal, formal legal and systemic analysis. The findings show similar protective principles alongside differences in employment below the age of 16, working hours for students and specific safeguards. International statistics provide context on child labour and are not treated as evidence of the incidence of violations in individual EAEU countries. The article argues for non-binding recommendations on the protection of young workers that take national legislation into account.

Keywords: labor of minors, comparative labor law, Eurasian Economic Union (EAEU), Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Belarus, minimum working age, youth labor protection.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30 December 2001 No. 197-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 3. Provisions applicable in 2024. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279 (accessed: 20 October 2026).

2. Labor Code of the Republic of Belarus of 26 July 1999 No. 296-Z. Provisions applicable in 2024. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296 (accessed: 20 October 2026).
3. Labor Code of the Republic of Kazakhstan of 23 November 2015 No. 414-V. Provisions applicable in 2024. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414 (accessed: 20 October 2026).
4. On approval of the list of heavy work and work with harmful or hazardous conditions in which persons under eighteen may not be employed: Resolution of the Government of the Russian Federation of 25 February 2000 No. 163. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102064691 (accessed: 20 October 2026).
5. On establishing the list of light work that may be performed by persons aged fourteen to sixteen: Resolution of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus of 15 October 2010 No. 144. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W21022916 (accessed: 20 October 2026).
6. On approval of the list of work prohibited for workers under eighteen, maximum loads for carrying and moving weights by such workers, and maximum loads for manual lifting and moving by women: Order of the Minister of Healthcare and Social Development of the Republic of Kazakhstan of 8 December 2015 No. 944. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012597 (accessed: 20 October 2026).
7. Morozov P.E., Chanyshev A.S. Trudovoe pravo stran Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Labor law of the countries of the Eurasian Economic Union]: study guide. Moscow: Prospekt, 2016. Electronic edition. ISBN 978-5-392-21285-9. URL: https://prospekt.org/index.php?id=31469&page=book (accessed: 20 October 2026).
8. Orlovsky Yu.P. (ed.). Kommentarii k Trudovomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Commentary on the Labor Code of the Russian Federation]. 8th revised and expanded ed. Moscow: Kontrakt, 2019. 1253 p. ISBN 978-5-6041897-1-9. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009865731 (accessed: 20 October 2026).
9. Tomashevskiy K.L. Libertarian principles of labor law in the member states of the Eurasian Economic Union. Russian Journal of Economics and Law. 2024. Vol. 18, No. 1. Pp. 134–147. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.134-147.
10. Makarevich-Konstantinova A.A. Freelance economy: the impact of self-employment on the labour market. Voprosy prirodopolzovaniya [Environmental Management Issues]. 2026. Vol. 5, No. 1. Pp. 105–114. DOI: 10.25726/n1190-7145-5132-h.
11. International Labour Organization. Minimum Age Convention, 1973 (No. 138). Geneva, 26 June 1973. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C138 (accessed: 20 October 2026).
12. International Labour Organization. Worst Forms of Child Labour Convention, 1999 (No. 182). Geneva, 17 June 1999. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C182 (accessed: 20 October 2026).
13. International Labour Organization; United Nations Children's Fund. Child Labour: Global estimates 2020, trends and the road forward. New York: ILO and UNICEF, 2021. URL: https://www.ilo.org/childlabourestimates2021 (accessed: 20 October 2026).
14. On the application of legislation governing the employment of women, persons with family responsibilities and minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 January 2014 No. 1. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/8375 (accessed: 20 October 2026).
15. Treaty on the Eurasian Economic Union (Astana, 29 May 2014). Section XXVI. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (accessed: 20 October 2026).
16. Rosstat. Trud i zanyatost v Rossii. 2023 [Labor and employment in Russia. 2023]: statistical compendium. Moscow, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (accessed: 20 October 2026).
17. On establishing the list of work prohibited for persons under eighteen: Resolution of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus of 27 June 2013 No. 67. Applicable during the study period; repealed in 2025. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=W21327770 (accessed: 20 October 2026).
18. On approval of target groups subject to compulsory medical examinations, the rules and frequency of examinations, the scope of laboratory and functional tests, medical contraindications, the list of harmful or hazardous occupational factors, professions and work requiring preliminary and periodic medical examinations, and the rules for the public service of preliminary compulsory medical examinations: Order of the Acting Minister of Healthcare of the Republic of Kazakhstan of 15 October 2020 No. ҚР ДСМ-131/2020. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021443 (accessed: 20 October 2026).

Цифровизация и юридическая услуга: ценообразование и доступность в зеркале права

Топузов Дмитрий Иванович
старший преподаватель, Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи, dtopuzov95@mail.ru

Статья посвящена тому, как цифровизация меняет ценообразование и доступность юридической услуги для потребителя. Цель — сопоставить влияние цифровых форм (онлайн-сервисов, платформ, электронного информирования) на модели и прозрачность цены и на территориальную, финансовую и информационную доступность. Методы — доктринальный и нормативно-сопоставительный анализ. Сравниваются положения научных работ 2018–2025 гг. с нормами Конституции Российской Федерации, федеральных законов № 63-ФЗ и № 324-ФЗ, Закона РФ № 2300-1. Показано, что цифровизация упрощает ценообразование и сокращает расстояние до юриста, но финансовая и информационная доступность зависят от норм, а не от технологии. Новизна — в совместном анализе двух параметров. Сформулированы правовые условия, при которых цифровые формы расширяют доступ, а не подменяют квалифицированную юридическую помощь: раскрытие цены и границ услуги до начала работы, отделение информирования от консультации, ответственность конкретного юриста и встраивание онлайн-каналов в систему бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: цифровизация; юридическая услуга; ценообразование; доступность; онлайн-сервисы; цифровые платформы; квалифицированная юридическая помощь; бесплатная юридическая помощь.

Введение

Цифровизация перестала быть фоном для юриста. Она входит в саму юридическую услугу: меняет то, как её ищут, заказывают и оплачивают, и тем самым затрагивает ценообразование и доступность, которые принято изучать порознь, хотя клиент видит в них один выбор. Экономисты пишут о рынке, юристы — о праве. Работы о цифровизации рынка юридических услуг фиксируют приход онлайн-платформ, искусственного интеллекта и блокчейна, а работы об адвокатуре обсуждают качество квалифицированной помощи [7; 12]. Мост между этими линиями строят редко, и потому вывод о цифровых формах помощи нередко остаётся односторонним.

Вопрос между тем практический. Если онлайн-сервис делает юридическую услугу дешевле и ближе, но подменяет консультацию шаблоном, доступность растёт лишь на бумаге, а конституционное право на квалифицированную юридическую помощь (статья 48 Конституции Российской Федерации) остаётся незащищённым [1]. С. Н. Гаврилов прямо пишет, что отсутствие должного регулирования рынка юридических услуг мешает реализации этого права [6]. Цифровизация пробел не закрывает, а обнажает.

Ценообразование мы понимаем шире размера гонорара: это модель оплаты и её прозрачность для клиента до начала работы [9; 11]. Доступность тоже неоднородна. Мы различаем территориальную доступность (можно ли получить юридическую услугу вдали от крупных центров), финансовую доступность (по силам ли цена) и информационную доступность (понимает ли человек, куда и за чем ему обращаться), опираясь на работы о бесплатной юридической помощи [14; 16]. Ценообразование и доступность связаны неочевидно.

Любопытно, что цифровизация действует на ценообразование и доступность не всегда в одну и ту же сторону. Удешевление шаблона ещё не означает, что человек поймёт, подходит ли шаблон к его делу. Цифровизация снимает барьер расстояния. Но барьер понимания она снимает лишь тогда, когда цифровой канал встроен в систему, где на сложный вопрос отвечает юрист, а это уже вопрос не технологии, а права, как показывает дискуссия об адаптации юридической профессии [15; 17].

Цель статьи — сопоставить, как цифровизация меняет ценообразование и доступность юридической услуги, и выявить правовые условия, при которых цифровые формы расширяют доступ для потребителя, а не подменяют квалифицированную помощь. Гипотеза у нас простая. Цифровая форма сама по себе нейтральна, и её эффект для клиента задают прежде всего нормы о ценообразовании (раскрытие цены), о разграничении юридической помощи и юридической услуги и о распределении ответственности [5].

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составили два массива. Первый — научные статьи из российских журналов (2018–2025 гг.), где цифровизация, рынок юридических услуг, качество квалифицированной помощи и бесплатная юридическая помощь разобраны именно по существу, а не по касательной [5–17]. Второй массив образуют нормативные акты. Это Конституция Российской Федерации, а также Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре), регулирующий соглашение адвоката с доверителем [1; 2]. К ним добавлены Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее — Закон № 324-ФЗ) и Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3; 4]. Редакции актов — действующие (на дату подготовки статьи).

Методы — доктринальный и нормативно-сопоставительный анализ: тезисы источников о моделях оплаты, прозрачности цены и барьерах доступа сопоставлялись с тем, что нормы требуют. Методологической опорой служит процессная модель качества квалифицированной юридической помощи, предложенная С. Н. Гавриловым [7]. Она позволяет видеть оказание помощи как цепочку этапов, и мы задавали к каждому этапу один вопрос: что меняет цифровая форма и какая норма удерживает этот эффект от искажения.

Ограничение метода очевидно. Мы не строили опросов и не приводим цен, тарифов или статистики обращений, поэтому выводы но-

сят доктринальный характер и требуют эмпирической проверки. Работы о защите интеллектуальных прав и цифровых активов привлечены лишь для общего контекста: они посвящены механизмам защиты прав в цифровой среде, а о ценообразовании юридических услуг в них речи нет [18–20]. Связь здесь косвенная.

Результаты и обсуждение

Цифровизация меняет саму единицу оплаты. Когда онлайн-платформа предлагает типовой документ или консультацию в чате, юридическая услуга дробится на стандартные модули, и цена привязывается уже не к затраченным часам юриста, а к понятному результату, который клиент видит до оплаты. И. В. Пенькова и М. Д. Овсянко относят онлайн-платформы к главным направлениям цифровизации рынка наряду с искусственным интеллектом и блокчейном [12]. Их влияние авторы видят одновременно и в экономике, и в праве юридической практики [12]. Ценообразование становится вопросом прозрачности.

Право к такой модели готово лишь отчасти. Закон о защите прав потребителей требует довести до сведения потребителя цену услуги в рублях (статья 10), и для онлайн-сервиса это правило исполнить проще, чем для юриста, который может назвать гонорар лишь после личной встречи [4]. Иначе устроен Закон об адвокатуре: размер и условия вознаграждения входят в соглашение адвоката с доверителем (статья 25), а пункт 4.1 той же статьи допускает вознаграждение, зависящее от результата, кроме уголовных дел и дел об административных правонарушениях [2]. Это тоже модель ценообразования. О. Д. Малыгин показывает, что гонорар успеха связывает цену с исходом дела и порождает правовые и этические вопросы [9]. Цифровизация такую модель не отменяет, но дополняет её фиксированной ценой за модуль, и у клиента появляется выбор между платой за процесс, платой за результат и платой за стандартный продукт. Выбор этот не всегда осознан.

Здесь кроется первый парадокс ценообразования. Прозрачная цена модуля легко читается, но клиент редко может оценить, тот ли модуль ему нужен, а Пенькова и Овсянко в работе о защите потребителей на рынке юридических услуг предлагают именно меры, повышающие прозрачность и ответственность поставщиков [11]. Мы полагаем, что для цифровой юридической услуги прозрачность цены без прозрачности объёма работы мало что даёт потребителю. Он видит число, но не видит границы услуги: что входит в консультацию и кто её даёт (юрист или алгоритм). С. Н. Гаврилов не случайно настаивает, что цифровая трансформация адвокатуры не самоцель и главным остаётся качество квалифицированной юридической помощи, которое нужно планировать, обеспечивать, контролировать и улучшать как систему [7]. Цена без качества — пустая цифра.

Опыт других юрисдикций подсказывает, где именно цифровой рынок юридических услуг даёт сбой для клиента. Ю. Л. Петрушевский, разбирая британский рынок, выделяет среди поставщиков юристов, адвокатов и лицензированных нотариусов, а также неавторизованные организации, включая консультационные службы и онлайн-платформы, а среди проблем называет фрагментацию рынка и доступ к юридической помощи [13]. В России, по-видимому, похоже. Тот, кто продаёт стандартный документ онлайн, не обязан быть адвокатом, и тогда прозрачное ценообразование соседствует с размытой ответственностью. Шелепаева и Цынгуев пишут о необходимости адаптации юридической практики к технологиям, однако адаптация поставщика ещё не защищает того, кто покупает его продукт [17].

Территориальная доступность выигрывает от цифровизации сильнее всего. Онлайн-консультация не требует ехать в областной центр, и для жителя малого поселения юридическая услуга становится досягаемой без потери рабочего дня, что согласуется с темой работы А. А. Калиногорского, где искусственный интеллект рассматривается как средство обеспечения доступности квалифицированной юридической помощи [8]. Но расстояние не единственный барьер. Р. В. Хмыров, анализируя бесплатную юридическую помощь, указывает на региональную дифференциацию оплаты труда адвокатов, низкое вознаграждение и трудности с отчётностью [16]. Цифровой канал сам по себе этих проблем не решает: если адвокату в регионе не выгодно участвовать в государственной системе, онлайн-приём лишь перенесёт ту же нехватку юристов на экран. Территория уступает место деньгам.

С финансовой доступностью картина двойственная. Стандартный модуль, предложенный онлайн, может быть дешевле индивидуальной работы, и в этом смысле цифровизация снижает порог входа, но для тех, кто по Закону № 324-ФЗ (статья 20) вправе рассчитывать на бесплатную юридическую помощь, цена вообще не должна быть барьером [3]. У. С. Новопашина подчёркивает, что институт бесплатной юридической помощи межотраслевой и урегулирован недостаточно, а систему видов, объёма и контроля качества предстоит выстроить [10]. Е. С. Резник ещё в 2018 г. ставила вопросы доступности и качества бесплатной юридической помощи в одной работе [14]. Эта связка нужна и цифровой эпохе. Если государство переведёт часть бесплатной помощи в онлайн-формат ради экономии, а контроль качества останется неурегулированным, финансовая доступность вырастет ценой квалифицированности, и человек получит бесплатно то, что юридической помощью можно назвать лишь условно.

Информационная доступность — самое тонкое место. Закон № 324-ФЗ отдельно регулирует правовое информирование и правовое просвещение населения (статья 28), и цифровые каналы для этой задачи подходят идеально [3]. Чего они не решают сами, так это различия между общим информированием и консультацией по конкретному делу. М. С. Баранников разбирает соотношение понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга», и для цифровой среды это соотношение перестаёт быть теоретическим: чат-бот, отвечающий на вопрос, формально оказывает информационную юридическую услугу, но человек воспринимает ответ как помощь по своему делу [5]. Ошибка здесь стоит дорого. А. А. Селькова ставит вопрос, готова ли юридическая профессия к адаптации в условиях цифровизации, и, на наш взгляд, ответ во многом зависит от того, научится ли право отличать подсказку алгоритма от суждения юриста [15].

Сопоставление: когда цифровая форма расширяет доступ

Сведём два параметра вместе. Цифровизация упрощает ценообразование и улучшает территориальную доступность почти автоматически, тогда как финансовая и информационная доступность зависят от того, встроен ли цифровой канал в систему гарантий квалифицированной юридической помощи. Эта асимметрия показательна. Ещё в 2021 г. С. Н. Гаврилов писал о потребности в национальной системе профессионального оказания юридической помощи с едиными подходами к качеству [6]. Там, где цифровизация работает без участия права, она снижает цену и сокращает расстояние, а там, где нужна норма, без неё цифровая форма рискует подменить юридическую помощь её имитацией. Этот вывод уязвим, и вот почему. Можно возразить, что рынок со временем сам отсеет недобросовестные сервисы через отзывы и рейтинги. Но клиент юридической услуги, в отличие от покупателя бытовой техники, часто узнаёт о дефекте лишь тогда, когда срок для защиты права уже пропущен, и отзыв ему ничем не поможет. Время здесь против потребителя.

Отсюда вытекают правовые условия, при которых цифровые формы расширяют доступ, а не подменяют квалифицированную юридическую помощь. Первое условие касается ценообразования: цена и границы юридической услуги раскрываются до начала работы, и это требование, уже заложенное в статье 10 Закона о защите прав потребителей, стоит распространить на объём и исполнителя [4]. Второе условие — разграничение каналов. Информирование, которое по статье 28 Закона № 324-ФЗ ведётся в том числе через сеть «Интернет», должно ясно отделяться от консультации по делу, а переход от одного к другому — сопровождаться предупреждением и предложением обратиться к юристу [3]. Третье условие — человеческий контроль. Ответственность за ответ, полученный через цифровой сервис, должна лежать на конкретном юристе, а процессная модель качества, предложенная Гавриловым, даёт готовую рамку [7]. Наконец, онлайн-каналы стоит включить в систему бесплатной юридической помощи так, чтобы они дополняли очный приём, а не заменяли его там, где региональный дисбаланс оплаты и без того велик [16]. Иначе экономия обернётся отказом в помощи.

Работы С. М. Аламовой и соавторов о защите интеллектуальных прав и цифровых активов касаются другого предмета [18–20]. Они привлечены для общего контекста: цифровизация везде ставит вопрос о правовых механизмах защиты, а не об одном удобстве технологии [20]. Юридическая услуга здесь не исключение.

Выводы

Влияние цифровизации неравномерно. В ценообразовании она сдвигает оплату от затраченного времени к стандартному модулю с заранее объявленной ценой, дополняя уже признанные законом модели, включая вознаграждение, зависящее от результата (пункт 4.1 статьи 25 Закона об адвокатуре) [2; 9]. Прозрачность цены растёт.

Объём и ответственность сами собой прозрачнее не становятся, и здесь нужны меры защиты потребителя [11].

С расстоянием цифровизация справляется лучше всего. Финансовая и информационная доступность, напротив, зависят от норм: от места онлайн-каналов в системе бесплатной юридической помощи, от оплаты труда адвокатов в регионах и от различия между информированием и консультацией [3; 10; 16]. Это и есть главный итог сопоставления.

Цифровые формы расширяют доступ, а не подменяют квалифицированную юридическую помощь (статья 48 Конституции Российской Федерации), при соблюдении четырёх условий [1]. Цена и границы юридической услуги раскрываются до начала работы, информирование отделено от консультации по делу, за ответ цифрового сервиса отвечает конкретный юрист, а онлайн-каналы бесплатной помощи дополняют очный приём, но не заменяют его [4; 7]. Без них экономия станет имитацией. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в эмпирической проверке этих условий на практике адаптации юридической профессии [15].

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ : в действующей редакции.
3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ : в действующей редакции.
4. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 : в действующей редакции.
5. Баранников М. С. Соотношение понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга»: общее и частное // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 84–90. DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-84-90.
6. Гаврилов С. Н. Модель формирования национальной системы профессионального оказания юридической помощи в России в контексте глобальной и корпоративной информатизации (цифровизации) // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 3–8. DOI: 10.18572/1999-4826-2021-1-3-8.
7. Гаврилов С. Н. Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // Lex russica. 2022. Т. 75, № 2 (183). С. 108–120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.108-120.
8. Калиногорский А. А. Роль искусственного интеллекта в обеспечении доступности квалифицированной юридической помощи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. DOI: 10.23672/sae.2023.11.11.034.
9. Малыгин О. Д. Специфика юридических услуг, особенности гонорара успеха // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105, ч. 7. С. 129–132. DOI: 10.18411/trnio-01-2024-355.
10. Новопашина У. С. Бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации: система, субъекты и финансирование. Часть 1 // Нотариус. 2024. № 3. С. 7–14. DOI: 10.18572/1813-1204-2024-3-7-14.
11. Пенькова И. В., Овсянко М. Д. Профессиональная ответственность и защита потребителей на рынке юридических услуг // Журнал прикладных исследований. 2024. № 12. С. 142–148. DOI: 10.47576/2949-1878.2024.12.12.021.
12. Пенькова И. В., Овсянко М. Д. Цифровизация на рынке юридических услуг: технологии и тенденции // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 1. С. 211–218. DOI: 10.47576/2949-1916.2025.1.1.027.
13. Петрушевский Ю. Л. Современное состояние рынка юридических услуг // Индустриальная экономика. 2024. № 6. С. 10–15. DOI: 10.47576/2949-1886.2024.6.6.001.
14. Резник Е. С. Бесплатная юридическая помощь: актуальные вопросы доступности и качества // Право и политика. 2018. № 9. С. 43–58. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.9.27238.
15. Селькова А. А. Юридическая профессия и цифровизация: ожидать ли адаптации? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 28–35. DOI: 10.34076/22196838_2021_5_28.
16. Хмыров Р. В. Бесплатная юридическая помощь: региональный дисбаланс и бюрократические барьеры в работе адвокатов // Адвокатская практика. 2025. № 2. С. 7–10. DOI: 10.18572/1999-4826-2025-2-7-10.
17. Шелепаева А. Х., Цынгуев П. Э. Пути интеграции legaltech в традиционные юридические практики // Вопросы инновационной экономики. 2025. Т. 15, № 2. С. 541–556. DOI: 10.18334/vinec.15.2.122912.
18. Левкин И. В., Аламова С. М. Защита цифровых активов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы VII Национальной научно-практической конференции / под ред. Р. Ф. Степаненко, А. Б. Мезяева, С. Н. Тагаевой, С. М. Аламовой. Казань, 2023. С. 129–134.
19. Аламова С. М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 139–143.
20. Аламова С. М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 348–351.

Digitalization and legal services: pricing and accessibility through the lens of law

Topuzov D.I.

Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi

The article examines how digitalization changes the pricing and accessibility of legal services for consumers. The aim is to compare the impact of digital forms (online services, platforms, electronic legal information) on pricing models and price transparency, and on territorial, financial and informational accessibility. The methods are doctrinal and comparative normative analysis of Russian scholarship published in 2018–2025 and of the Constitution of the Russian Federation, Federal Laws No. 63-FZ and No. 324-FZ, and Law No. 2300-1. The study shows that digitalization simplifies pricing and reduces the distance to a lawyer, whereas financial and informational accessibility depend on legal rules rather than on technology. The novelty lies in the joint analysis of the two parameters. The article formulates the legal conditions under which digital forms expand access instead of replacing qualified legal assistance: disclosure of price and scope before work begins, separation of legal information from case-specific advice, accountability of an identified lawyer, and integration of online channels into the free legal aid system.

Keywords: digitalization; legal service; pricing; accessibility; online services; digital platforms; qualified legal assistance; free legal aid.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation]: adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved by the all-Russian vote on 01.07.2020. (In Russ.)
2. Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "Ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii" [On Advocacy and the Bar in the Russian Federation]. Current version. (In Russ.)
3. Federal Law of 21.11.2011 No. 324-FZ "O besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi v Rossiyskoy Federatsii" [On Free Legal Aid in the Russian Federation]. Current version. (In Russ.)
4. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "O zashchite prav potrebiteley" [On Consumer Rights Protection]. Current version. (In Russ.)
5. Barannikov M.S. Correlation between the concepts of "legal aid" and "legal service": general and specific. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii* [Herald of the Russian Law Academy]. 2020;(3):84–90. DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-84-90. (In Russ.)
6. Gavrilov S.N. The organization model of the national system of professional legal assistance rendering in Russia within the framework of global and corporate informatization (digitization). *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice]. 2021;(1):3–8. DOI: 10.18572/1999-4826-2021-1-3-8. (In Russ.)
7. Gavrilov S.N. Implementation of a process approach to the quality of expert legal assistance in the face of digitalization. *Lex russica*. 2022;75(2):108–120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.108-120. (In Russ.)
8. Kalinogorskiy A.A. Rol' iskusstvennogo intellekta v obespechenii dostupnosti kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi [The role of artificial intelligence in ensuring the accessibility of qualified legal assistance]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. 2023;(11). DOI: 10.23672/sae.2023.11.11.034. (In Russ.)
9. Malygin O.D. Spetsifika yuridicheskikh uslug, osobennosti gonorara uspekha [Specifics of legal services and features of the success fee]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education]. 2024;(105-7):129–132. DOI: 10.18411/trnio-01-2024-355. (In Russ.)
10. Novopashina U.S. Free legal assistance in the Russian Federation: the system, subjects, and financing. Part 1. *Notarius* [Notary]. 2024;(3):7–14. DOI: 10.18572/1813-1204-2024-3-7-14. (In Russ.)

Правовые подходы к определению понятия «машинное обучение»

Фокина Софья Антоновна
аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий МГЮА О.Е. Кутафина, sofia.fokina@icloud.com

В статье рассматриваются проблемы правового понимания и регулирования машинного обучения (МО) как ключевой технологии современного этапа цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ). Отмечается переход от создания цифровой инфраструктуры к её интеллектуализации и автономной работе, что порождает новые риски и вызовы для права. Анализируются научные подходы к определению МО, включая позиции В. Б. Наумова, Д. Фагелла, Е. В. Кондратенок и С. Н. Макареня, и делается вывод об отсутствии единой дефиниции. Исследуется российское законодательство: Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ГОСТ Р 71476–2024. Рассматривается зарубежный опыт: Закон об ИИ в ЕС, подходы Франции, США, Японии и КНР. Обосновывается необходимость нормативной детализации понятия МО, закрепления специального правового режима обучающих данных, требований к их происхождению и качеству, а также обеспечения баланса интересов. Указывается и альтернативная позиция о регулировании ИИ в целом без излишней фрагментации.
Ключевые слова: машинное обучение, искусственный интеллект, правовое регулирование, цифровизация, обучающие данные, правовая определённость, нормативная дефиниция, сравнительное правоведение, AI Act, риски, информационное право.

Современный этап технологического развития характеризуется переходом от точечной цифровизации к глубокой интеграции технологий во все сферы жизни. Если ранее речь шла о создании цифровой инфраструктуры, то сегодня фокус сместился на ее интеллектуализацию и способность к автономной работе. Ключевую роль в этом новом качестве цифровой среды играет искусственный интеллект (далее – ИИ), который трансформирует не только бизнес-процессы, но и сами принципы общественного взаимодействия.

Технологии ИИ, став ключевым элементом современной цифровизации, проникли практически во все сферы жизни общества и государства. Фундаментом большинства этих технологий является машинное обучение (далее – МО). Однако стремительное и повсеместное внедрение МО порождает новые риски и вызовы, требующие немедленного правового реагирования. Основная проблема заключается в том, что динамичное развитие и внутренняя сложность технологий на основе МО затрудняют фиксацию их сущности и границ в правовом поле. В связи с этим возникает насущная необходимость в комплексном анализе подходов к пониманию и регулированию МО как в российской, так и в зарубежной правовой практике.

В научной среде отсутствует единый подход к определению понятия «МО», на наш взгляд, это обуславливается отсутствием четко очерченной нормативно-правовой регламентации такого понятия. Например, по мнению В. Б. Наумова, МО представляется в виде одной из ключевых технологий будущего, которая повсеместно внедряется во все сферы жизнедеятельности общества [9, с. 219-231]. При этом сам автор не интерпретирует техническую составляющую такого понятия, а соглашается с тем определением, которое было разработано американским разработчиком программного обеспечения SAS: «МО – метод анализа данных, в основу которого заложена идея о возможности обучения алгоритмов, путем анализа данных, выводя из них определенные закономерности, и принятие решений на основе сделанных выводов с минимальным вовлечением человека» [10]. При этом, автор выделяет конкретные способы реализации МО: контролируемое – основанное на подражании существующим явлениям и процессам; обучение с подкреплением – оптимизация имеющихся данных; неконтролируемое обучение – самостоятельное использование алгоритмов системой последовательно. Д. Фагелл определяет МО как науку, в основе которой заложено обучение компьютеров действиям и обучению как человек, с постепенным самосовершенствованием и автономией, в конечном результате получая наблюдения и взаимодействие в реальном мире [11]. Е.В Кондратенок и С.Н. Макареня в свих исследованиях определяют, что МО является подразделом ИИ, который имеет междисциплинарный характер, и может обучаться самостоятельно за счет накопленного опыта [8]. Исходя из представленных определений мы можем сделать вывод о том, что в научной среде рассматриваемое понятие интерпретируется различным образом, единого подхода на сегодняшний день не выработано, и такой подход в унифицированном виде может быть сформулирован только на законодательном уровне, для возможности одинакового применения на практике.

Необходимость в правовом определении понятия и сущности МО, продиктована необходимостью обезопасить общество и государство от неправомерного использования и осуществления МО, в том числе в преступных целях. В Российской Федерации до 2019 года понятие МО не было четко сформулировано на законодательном уровне, государство предприняло такую попытку в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года [6], однако, прямо такое понятие все еще не очерчено, но некоторые его границы устанавливаются. Так, например, в п. 6 Указа сформулировано, что посредством МО информационные системы самостоятельно формируют правила и находят решение на основе анализа зависимостей, используя исходные наборы данных (без предварительного составления человеком перечня возможных решений), что позволяет говорить о появлении ИИ. В п. 8 закреплены характерные особенности МО, в частности, законодатель относит к ним необходимость введения релевантного, корректного и репрезентативного набора данных, также результаты МО могут быть подвергнуты человеком сомнению и отменены. На наш взгляд, данная характеристика имеет принципиальное значение, поскольку включение в соответствующий массив несоответствующих сведений способно повлечь нарушение кон-

ституционных прав и свобод человека, содержать признаки дезинформации или недостоверности, а также включать незаконные данные, в том числе персональные данные. Кроме того, использование в таком контексте произведений, охраняемых авторским правом, без должных оснований может рассматриваться как неправомерное распространение авторского контента. Вследствие этого возможность оспаривания, признания недействительным или отмены соответствующего результата представляется оправданной и обоснованной в правовой плоскости.

Интересным представляется и тот факт, что на уровне законодательства понятие МО вне границ прямого правового регулирования, однако, основные направления зафиксированы в так называемых внутренних актах государственного планирования, на уровне стратегических документов. При этом отдельные аспекты функционирования МО также находят свое отражение в действующем информационном законодательстве, например, принципы перечисленные в ст. 3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], в гражданском законодательстве, регулирующем право интеллектуальной собственности, однако, можно резюмировать, что единое и полное нормативно-правовое регулирование рассматриваемой области отсутствует. Вместе с тем, несмотря на отсутствие нормативного закрепления понятия МО в действующем законодательстве, определённые шаги по формализации понятийного аппарата предпринимаются в смежной сфере технического регулирования. В частности, в 2024 году был принят ГОСТ Р 71476–2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта», в котором МО определяется как «процесс оптимизации параметров модели с помощью вычислительных методов таким образом, чтобы поведение модели отражало данные и/или опыт» [7]. Стандарт также включает смежные термины, в том числе «алгоритм машинного обучения» и «модель машинного обучения», что позволяет говорить о формировании минимально необходимой терминологической базы. Вместе с тем, указанный стандарт относится к категории документов добровольного применения и не обладает статусом нормативного правового акта, в связи с чем сохраняется неопределённость в части обязательности правоприменения указанных дефиниций в юридическом контексте.

В целом МО представляется как класс методов ИИ, в основе которого лежит способность алгоритмов автоматически выявлять скрытые закономерности, и строить аналитические модели на основе обучающих данных. Ключевая особенность МО заключается в том, что логика принятия решений не задаётся человеком в виде явных инструкций, а формируется в процессе обучения на примерах.

В Европейском союзе для унификации правового регулирования ИИ, включая гармонизацию ключевых определений и понятий, был принят основополагающий документ — «Закон об искусственном интеллекте» (The AI Act) [3]. При этом само понятие МО четко не сформулировано, однако, из содержания документа следует, что МО представляется как совокупность методов и подходов, которые позволяют ИИ выявлять закономерности и составлять прогнозы на основе данных. Отсутствие единого подхода в документе ЕС приводит к тому, что принципы должны быть учтены при использовании ИИ, и внедрены в национальное законодательство государств-членов ЕС, однако, из-за отсутствия четкого толкования определения «МО», составляющего основу функционирования ИИ подходы к интерпретации такого понятия в национальном праве государств, могут быть различны, либо отсутствовать в целом. Так, например, во Франции в статье L. 122-5-3 Кодекса интеллектуальной собственности имеется определение понятия «интеллектуальный анализ текста и данных», который раскрывается как использование автоматизированного метода анализа текстов и данных в цифровой форме [1]. Фактически, мы можем говорить о том, что в ЕС единый подход к определению такого понятия и его границ на законодательном уровне отсутствует, большее внимание уделено основным принципам функционирования ИИ, основным элементом которого является МО.

В США на уровне федерального законодательства подход к определению понятия «МО» в контексте применения ИИ также не сформирован, оно представляется одним из составляющих ИИ, и к нему применяются общие законодательные нормы, регулирующие ИИ. В связи с особенностью англо-саксонской правовой семьи, на основе которой построена правовая система США, МО определяется в судебных прецедентах, косвенно. Например, в некоторых судебных решениях Федеральная торговая комиссия делает упор на использование алгоритмов и автоматизированных решений, к которым мы можем отнести и МО. При этом, например, в штате Нью-Йорк МО характеризуется как автоматизированный инструмент с раскрытием алгоритмов и аудитом, в таком случае, такие инструменты могут применяться для найма сотрудников, а если алгоритмы не раскрыты и не был проведен аудит, то использование таких автоматизированных инструментов запрещается (Local Law 144) [2]. То есть, мы также можем указать на отсутствие единого подхода к пониманию МО, наличие некоторых его прообразов в прецедентах и на уровне законодательства отдельных штатов, однако, базовое закрепление в нормативно-правовых актах отсутствует.

Япония является одной из стран, в которых был сформирован законодательный подход к закреплению функционирования ИИ, однако, МО также не характеризуется как отдельная категория, и представляется частью концепции технологий связанных с функционированием ИИ. В законодательстве Японии под технологиями, связанными с ИИ, понимаются технологии, необходимые для реализации функций, которые заменяют интеллектуальные способности человека, касающиеся восприятия, рассуждения и суждения, посредством искусственных способов, а также технологии информационных систем, которые используют эти технологии для обработки введённой информации и генерации вывода результатов [4].

В КНР в законодательстве упоминаются «обучающиеся алгоритмы», при этом, их четкая характеристика не закреплена.

Таким образом, в современных правовых системах, включая российскую, МО как правило не выделяется в качестве самостоятельной правовой категории. Это обуславливает отсутствие единообразия в правоприменительной практике и допускает различную интерпретацию понятия либо как элемента ИИ, либо как автономного объекта. Вместе с тем обоснованным представляется подход, в соответствии с которым МО требует нормативной детализации. Его правовое определение может способствовать снижению рисков злоупотреблений и обеспечить большую юридическую определённость. С этой точки зрения отдельное регулирование могло бы закрепить общеобязательные принципы, аналогичные международным пактам, и тем самым способствовать формированию единой правовой позиции на глобальном уровне.

Особое значение в контексте правового регулирования приобретают обучающие данные как основа алгоритмических решений. Представляется целесообразным нормативно закрепить их специальный правовой режим, включающий требования к происхождению и качеству данных, фиксации источников, процедурам подготовки и соблюдению ограничений, установленных в отношении охраняемой информации. Это позволило бы устранить правовую неопределённость, повысить доверие к алгоритмическим решениям и обеспечить баланс интересов всех участников процесса.

В то же время существует позиция, согласно которой регулирование должно охватывать ИИ в целом без излишней фрагментации. Такая точка зрения опирается на традицию целостного подхода в праве и учитывает возможные сложности правоприменения при избыточной детализации. Вопрос о нормативном выделении МО требует дальнейшего обсуждения и соотнесения с международной практикой и национальными особенностями.

Литература

1. Code de la propriété intellectuelle (Intellectual Property Code). Version consolidée au 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006069414/ (дата обращения: 25.09.2025).

2. New York City. Local Law No. 144 of 2021: Automated Employment Decision Tools [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nyc.gov/assets/dca/downloads/pdf/about/LegalCompliance/144-AEDT.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (дата обращения: 26.09.2025).

4. Zakon o sodejstvii issledovaniju, razrabotke i ispol'zovaniju tehnologij, svjazannyh s iskusstvennym intellektom: принят 13.06.2024 г. // Japanese Law Translation. URL: https://www.noandt.com/publications/publication20250306-1/ (дата обращения: 28.09.2025).

5. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Российская газета, N 165, 29.07.2006

6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. 11.10.2019. № 0001201910110003.

7. ГОСТ Р 71476–2024 (ISO/IEC 22989:2022). Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/files/7/7/1799577/natsionalniy_standart_rf_gost_r_71476_2024_iso_mek_22989_2022_iskusstvenniy_inte.pdf (дата обращения: 29.11.2025)

8. Кондратенко Е. В. Машинное обучение как инструмент анализа данных [Электронный ресурс] / Е. В. Кондратенко, С. Н. Макаренко. – Минск : БНТУ, 2022. – Режим доступа: https://rep.bntu.by (дата обращения: 28.09.2025).

9. Наумов В. Б. Правовые проблемы машинного обучения / В. Б. Наумов, Е. В. Тытюк // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 219–231.

10. SAS Institute. Machine Learning: What it is and why it matters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sas.com/en_us/insights/analytics/machine-learning.html (дата обращения: 25.09.2025).

11. Towards data science. Machine Learning Introduction: A Comprehensive Guide [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://towardsdatascience.com/machine-learning-introduction-a-comprehensive-guide-af6712cf68a3 (дата обращения: 25.09.2025).

Legal approaches to the definition of "machine learning"

Fokina S.A.

Moscow State Law University O.E. Kutafina

The article discusses the problems of legal understanding and regulation of machine learning (MO) as a key technology of the modern stage of digitalization and artificial intelligence (AI). The transition from the creation of digital infrastructure to its intellectualization and autonomous operation is noted, which creates new risks and challenges for the law. The article analyzes scientific approaches to the definition of MO, including the positions of V. B. Naumov, D. Fagell, E. V. Kondratenok and S. N. Makarenya, and concludes that there is no single definition. The Russian legislation is being investigated: National Strategy for the Development of AI until 2030, Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection", GOST R 71476-2024. Foreign experience is considered: the Law on AI in the EU, the approaches of France, the USA, Japan and China. The necessity of normative specification of the concept of MO, consolidation of a special legal regime for training data, requirements for their origin and quality, as well as ensuring a balance of interests is substantiated. An alternative position on regulating AI in general without excessive fragmentation is also indicated.

Keywords: machine learning, artificial intelligence, legal regulation, digitalization, learning data, legal certainty, normative definition, comparative law, AI Act, risks, information law.

References

1. Code de la propriété intellectuelle (Intellectual Property Code). Consolidated version as of 2025 [Electronic resource]. – Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006069414/ (accessed: 25.09.2025).
2. New York City. Local Law No. 144 of 2021: Automated Employment Decision Tools [Electronic resource]. – Available at: https://www.nyc.gov/assets/dca/downloads/pdf/about/LegalCompliance/144-AEDT.pdf (accessed: 25.09.2025).
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts [Electronic resource]. – Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (accessed: 26.09.2025).
4. Act on the Promotion of Research, Development, and Use of Technologies Related to Artificial Intelligence: adopted on 13 June 2024 // Japanese Law Translation. URL: https://www.noandt.com/publications/publication20250306-1/ (accessed: 28.09.2025). 5. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Rossiyskaya Gazeta, No. 165, July 29, 2006.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 (as amended on February 15, 2024), "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (including the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") // Official Internet Portal of Legal Information. October 11, 2019. No. 0001201910110003.
7. GOST R 71476–2024 (ISO/IEC 22989:2022). Artificial Intelligence. Concepts and Terminology of Artificial Intelligence [Electronic resource]. – Access mode: https://www.garant.ru/files/7/7/1799577/natsionalniy_standart_rf_gost_r_71476_2024_iso_mek_22989_2022_iskusstvenniy_inte.pdf (accessed: November 29, 2025).
8. Kondratenko, E. V., & Makarenko, S. N. (2022). Machine Learning as a Tool for Data Analysis [Electronic resource]. – Minsk: BNTU. – Access mode: https://rep.bntu.by (accessed: September 28, 2025). 9. Naumov V. B., Tytyuk E. V. Legal Issues of Machine Learning // Education and Law. – 2020. – No. 6. – pp. 219–231.
10. SAS Institute. Machine Learning: What it is and why it matters [Electronic resource]. – Available at: https://www.sas.com/en_us/insights/analytics/machine-learning.html (accessed: 25.09.2025).
11. Towards Data Science. Machine Learning Introduction: A Comprehensive Guide [Electronic resource]. – Available at: https://towardsdatascience.com/machine-learning-introduction-a-comprehensive-guide-af6712cf68a3 (accessed: 25.09.2025).

Правовая природа контракта со встречными инвестиционными обязательствами (офсетного контракта)

Чимитцыренов Владимир Алексеевич
аспирант кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), chimittsyrenovv@yandex.ru.

В статье раскрывается гибридная природа офсетного контракта – на стыке государственных закупок и частной инвестиционной деятельности. Офсетный контракт объединяет обязательства по поставке товаров для государственных нужд и встречные инвестиционные обязательства поставщика по созданию или модернизации производства. Показано функциональное сходство офсетного контракта с инвестиционным договором при сохранении его специфики. Отличительной чертой офсета выступает гарантированный объём закупок как встречное предоставление государства – это выделяет его среди иных инвестиционных механизмов (СПИК, СЗПК).

Ключевые слова: государственные (муниципальные) контракты, офсетный контракт, инвестиционные обязательства, государственно-частное взаимодействие, специальные инвестиционные контракты.

Развитие системы государственных закупок в России закономерно сопровождается поиском правовых форм, позволяющих соединить классическую закупочную модель с задачами привлечения инвестиций, стимулирования локализации производства и обеспечения технологического суверенитета. Одним из таких инструментов стал контракт со встречными инвестиционными обязательствами, закреплённый в ст. 111.4 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44–ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – «Закон № 44-ФЗ»)[1].

Как справедливо отмечает А.Ю. Петраков, закрепление термина «офсетный контракт» лишь на доктринальном уровне не умаляет его правового значения, поскольку данная форма представляет собой разновидность государственного контракта, в котором сочетаются элементы публичного договора о поставке и инвестиционного соглашения[2].

А. В. Бойчук определяет офсет как «механизм государственных закупок, способный сочетать функции поставки и инвестиционного вложения»[3]. Автор подчёркивает, что офсетные контракты выполняют не только фискальную, но и стратегическую задачу. Офсетные контракты стимулируют локализацию и импортозамещение, что позволяет рассматривать их внутри системы госзакупок, но на стыке с инвестиционной политикой.

Ключевая особенность офсета состоит в том, что с одной стороны офсет подчиняется общим принципам контрактной системы – гласности, конкурентности, целевого расходования средств. Процедура его заключения реализуется в форме конкурса, а финансирование осуществляется исключительно из бюджета субъекта РФ. С другой стороны, предмет контракта выходит за рамки простого обмена товара на оплату: поставщик принимает на себя обязательства инвестиционного характера, направленные на развитие инфраструктуры и промышленности региона.

В ст. 111.4 Закона № 44–ФЗ прямо закрепляется, что по результатам закупки заключается контракт, предусматривающий встречные инвестиционные обязательства поставщика–инвестора по созданию, модернизации, освоению производства товара и (или) по созданию, реконструкции имущества, предназначенного для оказания соответствующей услуги.

Встречное инвестиционное обязательство в офсете обладает рядом признаков, позволяющих выделить его в самостоятельный объект анализа.

Во–первых, оно имеет жёсткую территориальную привязку, согласно которой объектом инвестиций должно быть производство, локализованное на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

Во–вторых, обязательство носит результатный характер: существенными условиями офсетного контракта являются не только объём и сроки капиталовложений, но и достижение определённых показателей локализации, мощности, номенклатуры выпускаемой продукции, что сближает его с организационными и технологическими обязательствами в рамках СПИК.

В–третьих, неисполнение или ненадлежащее исполнение инвестиционной части рассматривается как существенное нарушение всего контракта и влечёт специфические санкции, при том, что поставочная часть формально может исполняться надлежащим образом.

Указанный вывод о квалификации нарушения инвестиционной части как существенного нарушения всего офсетного контракта может быть обоснован через две различные концепции единого договорного обязательства.

С позиции концепции единого сложного договорного обязательства офсетный контракт представляет собой единое обязательственное отношение, включающее несколько функционально взаимосвязанных элементов – инвестиционный и поставочный. В рамках данного подхода предмет договора определяется не изолированно

[1] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44–ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[2] Петраков А. Ю. Привлечение инвестиций с помощью офсетного контракта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 98–104.

[3] Бойчук А.В. Факторный анализ реализации офсетных контрактов в России // Прогрессивная экономика. 2024. № 8. С. 7–18.

через поставку товара, а через достижение единого экономико–правового результата – создание, модернизацию производственной базы и обеспечение государственных нужд за счёт локализованного производства. Инвестиционная и поставочная части в такой модели выступают не как самостоятельные обязательства, а как структурные элементы одного сложного обязательства, объединённого общей целью и единым основанием возникновения.

Соответственно, нарушение инвестиционного блока означает невозможность достижения согласованного сторонами результата в целом, что и позволяет квалифицировать его как существенное нарушение договора. Данный подход корреспондирует разработанной в гражданско–правовой доктрине идее сложного, комплексного обязательства, в рамках которого отдельные действия сторон подчинены достижению единой хозяйственной цели[1].

Альтернативная конструкция исходит из признания в рамках одного офсетного контракта множественности обязательств: обязательства по созданию производства, обязательства по поставке продукции, а также производных обязанностей по отчётности, обеспечению и соблюдению специальных требований. С формальной точки зрения неисполнение инвестиционного обязательства в такой модели не тождественно неисполнению обязательства по поставке, если последняя осуществляется надлежащим образом. Однако даже при признании относительной самостоятельности указанных обязательств они являются взаимозависимыми: поставочный элемент допускается законом исключительно как следствие и продолжение реализации инвестиционного проекта.

Тем самым стороны изначально конструируют договор как экономически неделимую модель, в которой инвестиционная стадия выступает основанием возникновения права на последующие поставки без конкурентных процедур. В подобных случаях нарушение одного обязательства может квалифицироваться как существенное, если оно лишает другую сторону того, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора.

Представляется, что модель единого сложного обязательства наиболее точно отражает правовую природу офсетного контракта. Государственный заказчик вступает в договор не ради самой по себе поставки товара, а ради создания производственной базы и достижения целей промышленной политики. Поставка в данном случае является инструментом возврата инвестиций и реализации публичного интереса. Следовательно, неисполнение или ненадлежащее исполнение инвестиционной части разрушает экономико–правовой фундамент договора и лишает публичного партнёра основного встречного удовлетворения, что обоснованно влечёт квалификацию такого нарушения как существенного и применение предусмотренных законом и контрактом специальных санкций, включая возможность одностороннего отказа от исполнения и расторжения договора в целом.

Е.Ю. Ковалькова, анализируя правовую природу контракта со встречными инвестиционными обязательствами, подчёркивает, что его специфика заключается не просто в поставке товара для государственных нужд, а в обязательстве частного контрагента создать либо модернизировать производство на территории субъекта Российской Федерации в соответствии со специальной процедурой, установленной ст. 111.4 Закона № 44–ФЗ[2]. Тем самым инвестиционный элемент рассматривается не как факультативное условие, а как системообразующий компонент договорной конструкции.

Сходной позиции придерживаются Е.А. Бессонова и Н.Д. Лопатина[3]. В их интерпретации именно встречные инвестиционные вложения отличают офсетный контракт от иных видов государственных контрактов и сближают его с инструментами государственно–частного партнёрства.

Представляется, что подобный подход является методологически обоснованным. Наличие встречного инвестиционного обязательства не только отграничивает офсетный контракт от обычного договора поставки для государственных нужд, но и предопределяет специфику его правового режима. Именно инвестиционная стадия формирует экономико–правовой фундамент всей договорной модели: государственный заказчик вступает в обязательство не ради самой по себе поставки товара, а ради создания производственных мощностей и достижения целей промышленной политики. Следовательно, неисполнение или ненадлежащее исполнение инвестиционной части разрушает основу согласованного сторонами результата и должно рассматриваться как существенное нарушение всего контракта, влекущее применение предусмотренных законом и договором специальных санкций, включая возможность его досрочного прекращения.

Подчёркивается, что именно совмещение в одном договоре «обычного» обязательства по поставке товара для государственных нужд и «особого» инвестиционного обязательства по созданию производства выводит офсет за рамки классического государственного контракта и сближает его с инвестиционным договором с участием публичного субъекта.

Для корректности сопоставления офсетного контракта с инвестиционным договором необходимо определить, что в доктрине понимается под инвестиционным договором и какие признаки позволяют квалифицировать договор как инвестиционный.

К числу признаков, традиционно характеризующих инвестиционный договор, относятся: осуществление капитальных вложений, направленность на создание (реконструкцию) объекта, долгосрочный характер обязательств, принятие инвестором повышенного предпринимательского риска, а также связь с публичным интересом в случаях участия государства или муниципального образования.

Именно совокупность указанных характеристик позволяет говорить о функциональном сходстве офсетного контракта с инвестиционным договором. В офсетной модели частный партнёр осуществляет капитальные вложения в создание или локализацию производства, принимает на себя инвестиционные риски и вступает в длительные обязательственные отношения с публичной стороной, при этом поставочная часть служит механизмом возврата инвестиций и реализации публичного интереса. Вместе с тем офсетный контракт не тождествен инвестиционному договору: он формально остаётся государственным контрактом, заключаемым по правилам Закона № 44–ФЗ, а инвестиционная составляющая встроена в него как квалифицирующий элемент специального правового режима.

Таким образом, сближение офсетного контракта с инвестиционным договором носит не типологический, а функциональный характер и отражает гибридную природу рассматриваемой конструкции.

В офсетном контракте встречное инвестиционное обязательство поставщика–инвестора «завязано» на обязательстве публичного заказчика по долгосрочной закупке продукции, экономический смысл инвестиции состоит именно в обеспечении гарантированного сбыта, а не только в доступе к льготному режиму. Такая конфигурация отличает офсет от иных инвестиционных договоров и подтверждает, что именно встречное инвестиционное обязательство в связке с гарантией бюджетного спроса является его квалифицирующим признаком.

Подход Е.Б. Козловой к систематизации договоров по характеру встречного предоставления позволяет дополнительно обосновать самостоятельность офсетного контракта[4]. Если согласиться с тем, что структура встречного предоставления может служить классификационным критерием для выделения договорных моделей, опосредующих инвестиционные отношения, то офсет, в котором встречным предоставлением публичного субъекта выступает именно гарантированный объём закупок, закономерно формирует отдельную подгруппу инвестиционных договоров. Это позволяет не только зафиксировать принадлежность офсетного контракта к роду инвестиционных договоров, но и убедительно показать его специфику по сравнению с другими инвестиционными конструкциями, где встречное предоставление имеет иной правовой характер.

Действительно, конструкция офсетного контракта демонстрирует функциональную гибридность. Формально такой контракт заключается по результатам конкурентной закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, но по содержанию

[1] Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. –4–е изд., стереотип. –М.: Статут, 2018. –847 с.

[2] Ковалькова, Е. Ю. Контракт со встречными инвестиционными обязательствами / Е. Ю. Ковалькова // Хозяйство и право. –2024. –№ 10. –С. 30–40.

[3] Бессонова, Е. А., Лопатина, Н. Д. Роль офсетных контрактов в развитии механизмов государственно–частного партнёрства / Е. А. Бессонова, Н. Д. Лопатина // Russian Journal of Management. –2023. –Т. 11, № 4. –С. 425–441.

[4] Козлова, Е. Б. Договорное право: общие положения. Ч. 1 : учеб. пособие / Е. Б. Козлова. –М. : Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), 2015. –116 с.

ближе к инвестиционным соглашениям.

По определению В. Н. Лисицы, инвестиционный договор (соглашение) – это собирательная категория, объединяющая договоры, которые возлагают на одну из сторон обязанность осуществить инвестиционную деятельность[1]. Однако в отличие от классических инвестиционных соглашений, здесь инвестиционное обязательство вторично по отношению к публичной цели закупки – обеспечить поставку социально значимых товаров.

Инвестиционный договор чаще всего рассматривается не как жёстко типизированный договорный вид, а как родовая категория, объединяющая различные договорные конструкции, посредством которых осуществляется вложение капитала в создание имущества и извлечение экономического результата. На это указывает, в частности, Е.Б. Козлова, демонстрируя на примере соглашений, направленных на создание объектов недвижимости, что складывается «система договорных моделей», ориентированных на инвестиционную составляющую, но отличающихся по правовому режиму, составу участников, характеру встречного предоставления и моменту перехода прав на создаваемый объект[2].

Инвестиционный договор выступает нетипичной договорной конструкцией. Он не укладывается полностью ни в одну из договорных конструкций, а строится как сложное обязательство, в котором инвестиционный результат и распределение прав на создаваемый объект формируют основу интересов сторон. Соответствующий подход последовательно занимает Е.Б. Козлова[3].

Данный подход поддерживается и в работах А.В. Майфата, П.В. Сокола, К.Ю. Баранова, посвящённых гражданско–правовой конструкции инвестиционной деятельности, предлагается различать, с одной стороны, общегражданские договоры, опосредующие инвестиционные отношения, с другой – специальные инвестиционные договоры, в которых инвестиционный характер прямо зафиксирован в законе[4]. В этом ряду офсетный контракт, будучи прямо ориентированным на привлечение частных инвестиций в создание/модернизацию производства, по сути, вписывается в блок специальных инвестиционных договоров, заключаемых с участием публичного субъекта, но обладает принципиально иной структурой встречного предоставления.

С учётом указанной доктринальной рамки офсетный контракт может быть охарактеризован как инвестиционный договор, в котором встречным предоставлением публичного субъекта выступает долгосрочное обязательство по закупке продукции инвестиционного проекта.

Такой «закупочный» характер встречного предоставления позволяет говорить о том, что офсетный контракт занимает особое место в системе инвестиционных договоров: он сочетает признаки классического инвестиционного соглашения с элементами государственного контракта на поставку товара.

Литература

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44–ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Петраков А. Ю. Привлечение инвестиций с помощью офсетного контракта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 98–104.
3. Бойчук А. В. Факторный анализ реализации офсетных контрактов в России // Прогрессивная экономика. 2024. № 8. С. 7–18.
4. Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. –4–е изд., стереотип. – М.: Статут, 2018. –847 с.
5. Ковалькова, Е.Ю. Контракт со встречными инвестиционными обязательствами / Е. Ю. Ковалькова // Хозяйство и право. – 2024. –№ 10. –С. 30–40.
6. Бессонова, Е.А., Лопатина, Н.Д. Роль офсетных контрактов в развитии механизмов государственно–частного партнёрства / Е. А. Бессонова, Н. Д. Лопатина // Russian Journal of Management. – 2023. –Т. 11, № 4. –С. 425–441.
7. Козлова, Е.Б. Договорное право: общие положения. Ч. 1 : учеб. пособие / Е. Б. Козлова. –М.: Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), 2015. –116 с.
8. Лисица В.Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. Новосибирск: РИФ–Новосибирск, 2011. 467 с.
9. Козлова Е.Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации : дис. … д–ра юрид. наук : 12.00.03. – М., 2013.
10. Козлова Е.Б. Инвестиционный договор как нетипичная договорная конструкция // Законодательство : научно–практический журнал. – 2012. – № 7. – С. 25–35.
11. Майфат А.В. Гражданско–правовые конструкции инвестирования : монография. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 312 с.
12. Сокол П.В. Инвестиционный договор в жилищном строительстве. – М., 2004. – 92 с.
13. Баранов К.Ю. Гражданско–правовая модель регулирования инвестиционных отношений : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013.

The legal nature of contract with countervailing investment obligations (offset contract)

Chimitsyrenov V.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article reveals the hybrid nature of the offset contract – at the intersection of public procurement and private investment activities. The offset contract combines obligations to supply goods for public needs with the supplier's countervailing investment obligations to establish or modernise production facilities. The paper demonstrates the functional similarity of the offset contract to an investment agreement while preserving its specific features. A distinctive feature of the offset is the guaranteed volume of purchases as the state's counter-provision –this sets it apart from other investment mechanisms (SPIC, SZPK).

Keywords*:* state (municipal) contracts, offset contract, investment obligations, public-private cooperation, special investment contracts.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.
2. Petrakov A. Yu. Attracting Investments through Offset Contracts // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2020. No. 7 (71). pp. 98–104.
3. Boychuk A. V. Factor Analysis of the Implementation of Offset Contracts in Russia // Progressive Economics. 2024. No. 8. pp. 7–18.
4. Braginsky M. I. Contract Law. Book 1: General Provisions / M. I. Braginsky, V. V. Vitryansky. – 4th ed., stereotyped. – Moscow: Statut, 2018. – 847 p.
5. Kovalkova E. Yu. Contracts with Counter-Investment Obligations / E. Yu. Kovalkova // Economy and Law. – 2024. – No. 10. – pp. 30–40.
6. Bessonova E. A., Lopatina N. D. The Role of Offset Contracts in the Development of Public-Private Partnership Mechanisms / E. A. Bessonova, N. D. Lopatina // Russian Journal of Management. – 2023. – Vol. 11, No. 4. – pp. 425–441.
7. Kozlova E. B. Contract Law: General Provisions. Part 1: Textbook. ...manual / E. B. Kozlova. – Moscow: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2015. – 116 p.
8. Lisitsa V. N. Legal Regulation of Investment Relations: Theory, Legislation, and Practice of Application. Novosibirsk: RIF–Novosibirsk, 2011. 467 p.
9. Kozlova E. B. Development of a System of Contractual Models Facilitating the Creation of Real Estate Assets in the Russian Federation: Dissertation for the degree of Doctor of Legal Sciences, specialty 12.00.03. – Moscow, 2013.
10. Kozlova E. B. The Investment Contract as an Atypical Contractual Construct // Zakonodatelstvo [Legislation]: A Scientific and Practical Journal. – 2012. – No. 7. – pp. 25–35.
11. Maifat A. V. Civil Law Constructs of Investment: A Monograph. – Moscow: Wolters Kluwer, 2006. – 312 p.
12. Sokol P. V. The Investment Contract in Housing Construction. – Moscow, 2004. – 92 p.
13. Baranov K. Yu. A Civil Law Model for the Regulation of Investment Relations: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow, 2013.

[1] Лисица В.Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. Новосибирск: РИФ–Новосибирск, 2011. 467 с.

[2] Козлова Е. Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации : дис. … д–ра юрид. наук : 12.00.03. – М., 2013.

[3] Козлова Е. Б. Инвестиционный договор как нетипичная договорная конструкция // Законодательство : научно–практический журнал. – 2012. – № 7. – С. 25–35.

[4] Майфат А. В. Гражданско–правовые конструкции инвестирования : монография. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 312 с.; Сокол П. В. Инвестиционный договор в жилищном строительстве. – М., 2004. – 92 с.; Баранов К. Ю. Гражданско–правовая модель регулирования инвестиционных отношений : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013

Государственное регулирование цен (тарифов) естественных монополий на примере газовой отрасли

Машкин Николай Афанасьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры государственно- правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ имени Г. В. Плеханова, Mashkin.N.A@mail.ru

Щербаков Виктор Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, Scherbakov.va@rea.ru

Статья посвящена государственному регулированию цен (тарифов) в газовой отрасли в постсоветский период. Последовательно рассмотрены нормативные правовые акты, регулирующие цены (тарифы); выявлены особенности регулирования тарифообразования на услуги по транспортировке газа; раскрыты принципы и порядок регулирование цен на газ и тарифов на услуги; раскрываются проблемы перекрёстного субсидирования в газовой отрасли. В работе представлен обзор теоретических и прикладных аспектов регулирования цен и тарифов в газовой отрасли, систематизированы применяемые методы регулирования, рассмотрены перспективы развития газовой отрасли в России. В исследовании используются описательный, аналитический, исторический и сравнительный методы.

Ключевые слова: газовая отрасль, цена, тарифы, тарифная политика, государственное регулирование, ценообразование, розничные цены, инфляция, индексация, газоснабжение.

Одним из важнейших аспектов государственного регулирования субъектов естественных монополий является тарифная политика. Перечень товаров (работ, услуг) субъектов естественных монополий, цены (тарифы), на которые регулируются государством и порядок государственного регулирования цен (тарифов) на эти товары (работы, услуги), включающий основы ценообразования и правила государственного регулирования, утверждаются Федеральным законом РФ от 17, 08, 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях».

Газовая отрасль, как субъект естественной монополии является одной из основ российской экономики, обеспечивающий социально значимые услуги населения и повышения эффективности социально – экономического развития страны.

Государственному регулированию в газовой отрасли подлежат:

- оптовые цены на газ;
- тарифы на транспортировку по газораспределительным сетям;
- тарифы на транспортировку газа по магистральным газопроводам;
- размер платы за снабженческо – сбытовые услуги, которые поставщики оказывают конечным потребителям;
- розничные цены на газ для населения;
- специальные надбавки к тарифам на транспортировку;
- плата за технологическое присоединение оборудования к газораспределительным сетям.

На протяжении всей постсоветской истории России подходы к регулированию на газ несколько раз менялись. В 1990 г. заявлялось, что при ценообразовании на газ действует принцип «затраты плюс». Однако на практике решение социально – экономических задач заставляло правительство всё время сдерживать цены на более низком уровне [1 - С. 71].

В 1991 г. цены на газ начали расти. Первоначально по мере введения рыночных принципов цены на все сырьевые товары, особенно на нефть и уголь, поднимались очень резко.

Однако вскоре стало ясно, что быстрый рост до этого уровня может подорвать экономику страны и вызвать социальную напряжённость, в связи с чем в 1993 г. была установлена средняя цена для промышленных потребителей с ежемесячной корректировкой по индексу цен производителей. Таким образом цены были ограничены, что одновременно служило средством сдерживания инфляции [7 – С. 13].

Следующей попыткой контролировать инфляцию было замораживание цен с октября 1995 г. по конец 2000 г. – колебания цен в этот период были связаны только изменениями обменного курса рубля.

Кризис 1998 г. привёл к падению цен на газ более чем в 4 раза для промышленности и в 2 раза для населения. Для газовой области эта была тяжелейшая ситуация – поставщики на внутренний рынок не покрывали затрат, а экспортные цены для Европы находились в этот период на сравнительно низком уровне.

Существенную роль в государственном регулировании цен и тарифов в газовой отрасли сыграл Федеральный закон РФ от 31. 03. 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении» (далее Закон № 69-ФЗ). Так в ст. 20 Закона № 69-ФЗ определены принципы государственного регулирования цен в сфере газоснабжения, которые включают обеспечение самофинансирования организаций в сфере газоснабжения и расширении применения рыночных цен на газ и услуги по газификации.

Статья 21 Закона № 69-ФЗ посвящена особенностям регулирования тарифообразования на услуги по транспортировке газа. Статья 23 Закона предусматривает долгосрочное установление тарифов на услуги по транспортировке газа газораспорядительными организациями на региональном уровне, что означает фактически введения для этих организаций стимулирующего регулирования.

Непосредственно принципы и порядок регулирования цен на газ и тарифов на услуги по его транспортировке были установлены Постановлением Правительства РФ от 29. 12. 2000 г. № 1021 «О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспорядительным сетям на территории Российской Федерации» (далее ПП – 1021).

ПП – 1021 предполагает сосуществование несколько основных направлений регулирования цен и тарифов:

-регулирование оптовых цен на газ для ПАО «Газпром»;

- регулирование тарифов на транспортировку газа по магистральным газопроводам для независимых производителей газа;

- регулирование тарифов на услуги по транспортировке газа по газораспорядительным сетям;

- регулирование розничных цен на газ.

Регулирование оптовых цен на газ и тарифов на транспортировку газа по магистральным газопроводам осуществляется ФАС России.

Регулирование оптовых цен на газ де-факто работает по механизму «издержки плюс» с рядом существенных оговорок, которые позволяют говорить о сочетании в российской нормативной базе сразу многих механизмов регулирования.

ПП – 1021 также предусматривает, что для установления цен на газ может применяться метод индексации [1 – С. 72].

К началу 2000-х гг. ситуация начала меняться, поскольку спрос на российский газ внутри страны и на экспортных рынках увеличивался. Подъём экономики в этот период сопровождался ускоренным ростом цен на газ.

Постановлением Правительства РФ от 03. 05. 2001 г. № 335 «О порядке установления специальных надбавок к тарифам на транспортировку газа газораспорядительными организациями для финансирования программ газификации жилищно – коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций, расположенных на территориях субъектов Российской Федерации» определено, что органы исполнительной власти субъектов РФ по согласованию с газораспорядительными организациями утверждают специальные надбавки к тарифам на транспортировку газа грузораспорядителями.

Подъём экономики в начале 2000-х гг. сопровождался ускоренным ростом цен на газ. Цены для населения уже к 2004 г. смогли вернуться на докризисный уровень, а для цен промышленности потребовалось время до 2007 г. [2 – С. 566].

Постановлением Правительства РФ от 31. 12. 2010 № 1205 «О совершенствовании государственного регулирования цен на газ» был установлен переходный период, предполагающий, что внутренние цены должны повышаться до уровня экспортного нетбэка (цена реализации за вычетом стоимости доставки покупателя) в течение последующих лет (первоначально в 2011 – 2014 гг.). Это постановление также предписывало отказ от государственного регулирования цен, когда внутренние цены достигнут экспортного нетбэка [7 – С. 16].

С 2013 г. цены на газ индексировались на величины, близкие к показателям инфляции, то есть фактически были заморожены. В 2014 г. цены на газ упали в два раза [3 – С. 11].

В 2015 г. в связи с ухудшением макроэкономической ситуацией в стране индексация происходила неравномерно, регулируемые тарифы на газ как для промышленных предприятий, так и для населения проиндексированы в июле всего на 7.5 % [4 – С. 27].

В середине 2015 г. функции формирования тарифной политики перешли от Федеральной службы по тарифам (ФТС) к Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). Новый регулятор обозначил приоритет интересов потребителей над интересами естественных монополий.

В связи с этим, в 2016 г. происходит снижение цен на газ. Одновременно в этот период снизились и европейские цены на газ, что позволило выйти на равнодоходность поставок газа, как на внутренний рынок, так и за рубеж. Но несмотря на это, ФАС предложила отказаться от привидения цен к равнодоходности, и уже с 2018 г. перейти к либерализованному внутреннему рынку газа. Но эти предложения так и не были реализованы.

В результате к 2018 г. российский рынок газа оказался в ситуации, когда от прежнего подхода с выходом на равнодоходность уже отказались, а новая политика так и не была выработана.

В 2017 – 2018 гг. принимается ряд нормативных правовых актов, которые направлены на дерегулирование цен на сжиженный природный газ. Так, Постановлением Правительства РФ от 27. 12. 2017 г. № 1663 «О некоторых вопросах реализации газа в Российской Федерации» разрешено ПАО «Газпром» и его аффилированным лицам с 1 января 2018 г. реализовывать добытый ими природный газ по нерегулируемым оптовым ценам организациям для производства газа природного в сжиженном состоянии из газа природного в газообразном состоянии для последующего экспорта.

Постановлением Правительства РФ от 30. 11. 2018 г. №1442 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ по вопросам государственного регулирования цен на газ» было снято регулирование цен на газ, в цепочке поставок которого использована технология сжижения. Постановление отменяло государственное регулирование цен на сжиженный природный газ, реализуемый «Газпромом», только при поставках газа промышленным и коммерческим потребителям.

Постановлением Правительства РФ от 29. 10 2018 г. № 1282 «О некоторых вопросах реализации газа в Российской Федерации» было разрешено реализовывать по нерегулируемым ценам добытый ими газ компаниям по производству металлолома для его последующего экспорта. [2 – С. 17].

Следует отметить, что исторические цены на газ регулировались в условиях отсутствия внятной модели, что несёт за собой высокий уровень неопределённости для компаний и потребителей. Анализируя экономическую природу розничной цены на природный газ, можно прийти к выводу что в отечественной практике она включает в себя ряд базовых элементом. К ним необходимо отнести перекрёстное субсидирование (далее ПС).

Природа ПС заключается в том, что для отдельных потребителей или групп потребителей устанавливаются цены выше уровня предельных издержек. Обычно это практикуется в условиях монополии потому, что данные потребители, неся бремя дополнительных затрат не могут перейти к альтернативному поставщику с более низкими ценами.

С точки зрения развития экономически обоснованных рыночных отношений данный эффект приобретает негативный характер и чаще всего препятствует развитию конкуренции в монополизированных отраслях. ПС в газовой отрасли между промышленностью и населением можно разделить на две категории: зависящиеся от эффективности финансово – хозяйственной деятельности поставщика и от экономической обоснованности установленной органами власти розничной цены природного газа. Во втором случае действующая розничная цена должна покрывать расходы поставщика в части реализации газа населению, то есть обладать свойством достаточности.

20 февраля 2019 г. участвовавшие эксперты по газовой отрасли в 6-м газовом диалоге в СКОЛКОВО сошлись во мнении, что текущая система государственного регулирования оптовых цен на газ как для промышленности, так и для населения не отвечает интересам российской газовой отрасли. Так, низкие цены на газ приводят к усилению неэффективности в электроэнергетике, ухудшается инвестиционная привлекательность отрасли и отсутствуют стимулы к модернизации мощностей.

Такие обсуждения проводятся регулярно, но действующих мер по эффективному регулированию сложившейся ситуации в газовой отрасли в настоящее время пока не выработано.

С 1 марта 2026 г. у Правительства РФ появились полномочия для установления особого порядка регулирования цен (тарифов) в газоснабжении. Правительству дано право определять регионы, где временно устанавливаются особые правила газоснабжения. Эти правила могут включать: особенности ценообразования; порядок взаимодействия единого и региональных операторов газификации, органов власти и газотранспортных организаций; особенности начисления, уплаты и списания неустоек, применение мер ответственности по договорам поставки, подключения и транспортировки газа; особенности заключения к исполнению договоров технологического присоединения объектов; порядок разработки и реализации схем и программ газификации ЖКХ, промышленных и иных организаций.

Подводя итоги, следует отметить, что на протяжении всего постсоветского периода государство постоянно занималось регулированием цен (тарифов) на газ, исходя из сложившейся экономической ситуации в стране. Вопросы государственного регулирования цен (тарифов) в настоящее время остаются в центре внимания государственных органов власти, общественности, научного сообщества, предпринимателей. Сложившаяся в стране система ценообразования на газ, по нашему мнению, является сдерживающим фактором для развития конкуренции, повышению эффективности отраслей экономики. Этому способствует отсутствие стратегии в области установления и регулирования цен (тарифов) на газ. Необходимо определить и реализовать комплекс мер, которые бы сформировали сбалансированность интересов поставщиков газа и потребителей, а также позволили созданию прозрачности системы ценообразования.

Литература

1.Курдин А. А. Регулирование цен и тарифов в газовой отрасли: механизмы и методы регулирования, последствия для конкуренции //Научные исследования экономического факультета. 2016. Том 8. Выпуск 2. С. 59 – 80.

2.Макаров А. А., Кулагин В. А., Галкина А. А., Митрова Т. А. Трансформация системы ценообразования в газовой отрасли как способ стимулирования экономического развития России //Экономический журнал ВШЭ. 2019. № 23 (4). С. 562 – 584.

3.Митрова Т. А., Капитонов С., Хендерсон Д. Основные элементы и возможные сценарии дерегулирования цен на газ в России и реформирования газового рынка //Центр энергетики Московской школы СКОЛКОВО. февраль 2019. 32 с.

4.Понамарёва Е. А. Последствия переноса индексации тарифов на газ и цены производителей промышленных товаров //Экономическое развитие России. 2017. № 10.

5.Сорокин М. А. Тарифообразование как метод ценового регулирования //Проблемы учёта и финансов. 2012. № 4 (8).

6.Хендерсон Д., Митрова Т. А. Ценообразование на газ в России между регулированием и рынком//Энергетический центр Московской школы управления СКОЛКОВО. июль 2017. 25 с.

State regulation of prices (tariffs) of natural monopolies: the case of the gas industry

Mashkin N.A., Shcherbakov V.A.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines state regulation of prices (tariffs) in the gas industry during the post-Soviet period. It systematically reviews the legal acts governing prices and tariffs, identifies the specific features of tariff-setting for gas transportation services, outlines the principles and procedures for regulating gas prices and service tariffs, and addresses the issue of cross-subsidization within the industry. The paper provides an overview of the theoretical and practical aspects of price and tariff regulation in the gas sector, systematizes the regulatory methods employed, and discusses the prospects for the industry's development in Russia. The study uses descriptive, analytical, historical and comparative methods.

Keywords: Gas industry, price, tariffs, tariff policy, state regulation, pricing, retail prices, inflation, indexation, gas supply.

References

1. Kurdin A. A. Price and Tariff Regulation in the Gas Industry: Mechanisms, Methods, and Consequences for Competition // Scientific Research of the Faculty of Economics. 2016. Vol. 8. Issue 2. Pp. 59–80.
2. Makarov A. A., Kulagin V. A., Galkina A. A., Mitrova T. A. Transformation of the Gas Industry Pricing System as a Means to Stimulate Russia's Economic Development // HSE Economic Journal. 2019. No. 23 (4). Pp. 562–584.
3. Mitrova T. A., Kapitonov S., Henderson D. Main elements and possible scenarios for deregulation of gas prices in Russia and reform of the gas market // Energy Center of the Moscow School SKOLKOVO. February 2019. 32 p.
4. Ponamareva E. A. Consequences of Postponing the Indexation of Gas Tariffs and Industrial Producer Prices // Economic Development of Russia. 2017. No. 10.
5. Sorokin M. A. Tariff formation as a method of price regulation // Problems of accounting and finance. 2012. No. 4 (8).
6. Henderson D., Mitrova T. A. Gas pricing in Russia between regulation and the market//Energy Center of the Moscow School of Management SKOLKOVO. July 2017. 25 p.

Особенности развития сферы применения беспилотных летательных аппаратов в условиях применения технологии направленной связи

Плотников Герман Геннадьевич
профессор кафедры информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, gr175@mail.ru

Елин Владимир Михайлович
доцент кафедры информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, РЭУ имени Г.В.Плеханова, vmtlin@fa.ru

Каримов Андрей Куттузович
ст. преподаватель кафедры информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, andreynik.msk@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности правового регулирования в сфере применения беспилотных летательных аппаратов, осуществляется сравнительный анализ подходов в России и США. Авторы раскрывают легальное определение беспилотного летательного аппарата, перспективы и технические аспекты управления беспилотными летательными аппаратами с применением технологиии интеграции многофункционального закрытого канала передачи данных MADL (Multifunction Advanced Data Link) в бортовые комплексы беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Анализируются преимущества архитектуры направленного Ku-диапазона по сравнению со всенаправленными системами связи (Link 16) в условиях интенсивного радиоэлектронного противодействия и зон ограничения доступа A2/AD. Разработан математический аппарат моделирования энергетического бюджета радиолинии с использованием активных фазированных антенных решеток (АФАР) и алгоритмов динамического фазирования.
Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, MADL, АФАР, помехозащищенность, Ku-диапазон, сетецентрическая война, бюджет радиолинии.

Принятая в нашей стране Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года[1] предусматривает технологическое, научное, кадровое и производственное обеспечение развития беспилотной авиации путем создания линейки продуктов беспилотных авиационных систем, материалов, компонентов, комплектующих изделий, программных решений, технологий и услуг российского производства; создания специализированной системы сертификации беспилотных авиационных систем в рамках совершенствования и оптимизации действующих процедур сертификации с учетом риск-ориентированного подхода в зависимости от типа воздушного судна и ожидаемых условий эксплуатации; формирования системы обеспечения комплексной безопасности применения, учета и контроля беспилотных авиационных систем и их ключевых компонентов, включая системы искусственного интеллекта; а также создания системы непрерывного образования, подготовки кадров и обеспечения квалифицированными кадрами отрасли беспилотной авиации.

Стратегия классифицирует беспилотные воздушные суда на:

беспилотные воздушные суда самолетного типа;

беспилотные воздушные суда самолетного типа вертикального (укороченного) взлета и посадки;

беспилотные воздушные суда вертолетного типа;

беспилотные воздушные суда мультироторного типа;

другие беспилотные воздушные суда.

В качестве основных направлений деятельности беспилотных воздушных судов определены 8 следующих основных направлений применения беспилотных авиационных систем: сбор и передача данных, дистанционный мониторинг; проведение авиационной разведки и обеспечение охраны территории и объектов; внесение веществ; аэрологистика; работы по обеспечению связью; образовательная и спортивная деятельность; визуальные инсталляции; внешние работы. В будущем допускается возникновение направления "перевозка людей".

Действующая в Российской Федерации Национальная Технологическая Инициатива[2] представляет собой комплексную долгосрочную программу по созданию условий для обеспечения лидерства российских компаний на новых высокотехнологических рынках, определяющих структуру мировой экономики в ближайшие 15-20 лет. Национальная Технологическая Инициатива включает в себя комплекс проектов и программ, направленных на активное включение России в формирование стандартов рынков будущего и получение российскими компаниями на этих рынках значимой доли. Одной из этих программ является создание рынка AeroNet, направленного на развитие таких сегментов, как: дистанционное зондирование Земли и мониторинг; сельское хозяйство; перевозка грузов (в перспективе и людей); поиск и спасение; связь и коммуникации; развитие наземной инфраструктуры связи и глобальной системы управления воздушным движением; развитие технологий БАС; развитие законодательного регулирования авиационной отрасли; подготовка кадров.

Воздушный Кодекс РФ дает легальное определение беспилотного летательного аппарата исходя из базового понтия «воздушное судно»: воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)[3]. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) относитк беспилотным воздушным судам любое воздушное судно, предназначенное для полета без пилота на борту[4].

Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации используют понятие «летательный аппарат», а не «воздушное судно»[5]: беспилотный летательный аппарат

[1]Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации

[2]Официальный сайт национально-технической инициативы . URL: http://www.nti2035.ru/nti/

[3]Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. // СЗ РФ, 24.03.1997, № 12, ст. 1383.(п. 5 ст. 32 ВК РФ)

[4]Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации // Правила полетов

[5]3 Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СЗ РФ, 05.04.2010, № 14, ст. 1649.

определен как летательный аппарат, выполняющий полет без пилота (экипажа) на борту и управляемый в полете автоматически оператором с пункта управления или сочетанием указанных способов.

Нормами технического регулирования установлена трактовка БПЛА применительно к различным разновидностям таких летательных аппаратов, под которыми понимаются беспилотные воздушные суда без пилота (экипажа) на борту[1].

Следует иметь в виду, что в нашей стране действуют Правила учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 кг до 30 кг, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации[2]. Также Министерством транспорта РФ и Федерального агентства воздушного транспорта может быть применена юридическая ответственность за непостановку (несвоевременную постановку) на учет БПЛА.

По мнению российских исследователей[3] в данной сфере существует ряд правовых проблем, связанных, прежде всего с вопросами обеспечения безопасности окружающих; охраной частной жизни и интересов граждан; создание реальных условий для развития рынка БПЛА и их более эффективное применение; обеспечение совместных полетов пилотируемых и беспилотных аппаратов и др.

В то же время в зарубежных странах развитие беспилотной авиации напрямую связывают стратегическими планами повышения обороноспособности страны. Так, представленная в Таблице 1 Дорожная карта бюджетного финансирования беспилотных систем Министерства обороны на период 2014—2038[4] предполагает дальнейшее наращивание своих беспилотных возможностей и систем, которые будут охватывать все сферы боевых действий, включая киберпространство (в том числе в рамках создания отдельного боевого подразделения в армии). Согласно таблице программы бюджетного финансирования за 5 лет на различные виды беспилотных систем, на их доработку и интеграцию в вооруженные силы потрачено почти 24 млрд долл США, из которых основной объем в 21,7 млрд уйдет на финансирование беспилотных летательных систем и аппаратов.

Таблица 1
Программы бюджетного финансирования беспилотных систем США

FYDP		2014	2015	2016	2017	2018	Total
Air	RDTE	1189.4	1674.0	1521.4	1189.4	1087.9	6662.2
	Proc	1505.5	2010.2	1843.5	1870.7	2152.8	9382.7
	OM	1080.9	1135.2	1102.7	1156.9	1178.5	5654.1
Domain Total		3775.9	4819.4	4467.6	4217.0	4419.3	21699.1
FYDP		2014	2015	2016	2017	2018	Total
Ground	RDTE	6.5	19.1	13.6	11.1	10.6	60.9
	Proc	6.5	27.9	30.7	42.6	55.4	163.1
	OM	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
Domain Total		13.0	47.0	44.3	53.7	66.0	223.9
FYDP		2014	2015	2016	2017	2018	Total
Maritime	RDTE	62.8	54.8	66.1	81.0	87.2	351.9
	Proc	104.0	184.8	160.1	158.1	101.1	708.2
	OM	163.4	170.3	182.4	190.5	193.6	900.2
Domain Total		330.2	409.8	408.6	429.7	381.8	1960.2
FYDP		2014	2015	2016	2017	2018	Total
All Unmanned Systems	RDTE	1,258.7	1,747.9	1,601.1	1,281.5	1,185.7	7,075.0
	Proc	1,616.0	2,222.9	2,034.3	2,071.4	2,309.3	10,253.9
	OM	1,244.3	1,305.4	1,285.1	1,347.4	1,372.1	6,554.3
Domain Total		4,119.1	5,276.2	4,920.5	4,700.4	4,867.1	23,883.2

Note: Ground operations and maintenance (OM) is funded with overseas contingency operations funding.

США планируют дальнейшее наращивание своих беспилотных возможностей и систем, которые будут интегрированы в структуру вооруженных сил и армии США и будут охватывать все среды театра боевых действий, включая киберпространство. При этом Министерство обороны США понимает под беспилотными системами в первую очередь оружие и боевые системы способные действовать во всех средах театра боевых действий удаленно, автономно, по программе либо в «режиме он-лайн». При этом на воздушные беспилотные системы (UAS – см. рисунок 2) США тратят значительную часть инвестиций. Если говорить о перспективе в 10 лет Министерство обороны США становится основным потребителем беспилотных технологий, инвестируя в инновационные разработки в этой сфере вдвое больше чем весь рынок БПЛА в целом.

Современная доктрина ведения воздушного боя опирается на принципы сетецентрического управления, где боевая эффективность авиационной группы определяется скоростью, скрытностью и надежностью обмена тактической информацией. Долгое время основным стандартом обмена данными в тактических сетях ОВС НАТО являлся протокол Link 16. Однако изотропная (всенаправленная) диаграмма направленности излучения (ДНИ) систем Link 16 демаскирует носитель в радиочастотном спектре и уязвима для средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Развитие малозаметных беспилотных авиационных комплексов (БАК) тяжелого и среднего классов потребовало внедрения принципиально новых интерфейсов связи. Наиболее перспективным решением выступает технология связи Multifunction Advanced Data Link (MADL), разработанная Northrop Grumman. Внедрение MADL на беспилотные платформы открывает возможности для автономного и гибридного взаимодействия в конфликтных средах[5].

В основе функционирования MADL лежит использование активных фазированных антенных решеток (АФАР), работающих в высокочастотном Ku-диапазоне (12–18 ГГц). Вместо изотропного излучения MADL формирует узконаправленные радиолучи, ориентированные строго на приемные антенны взаимодействующих объектов. Применение данной архитектуры на БПЛА обеспечивает достижение трех критически важных параметров[6]:

Скрытность (LPI/LPD): Минимизация боковых лепестков ДНИ делает пеленгацию передатчика БПЛА средствами радиотехнической разведки (РТР) противника маловероятной вне оси луча.

Помехозащищенность (Anti-Jamming): Пространственная фильтрация позволяет эффективно отсекать преднамеренные помехи РЭБ, если источник помехи пространственно разнесен с передающим узлом.

Высокая пропускная способность: Использование Ku-диапазона обеспечивает передачу данных высокой плотности: многоспектрального видеопотока и параметрической телеметрии.

Обеспечение устойчивости связи в Ku-диапазоне (рабочая частота 15 ГГц, длина волны 2 см) требует строгого расчета энергетического бюджета раиолинии (Link Budget) и алгоритмов динамического кодирования.

Мощность сигнала, поступающего на вход приемника БПЛА Prx рассчитывается на основе модифицированного уравнения передачи Фрииса:

$$P_{rx} = P_{tx}G_{tx}G_{rx}\left(\frac{\lambda}{4\pi R}\right)^2 - L_b - L_{atm} - L_d - L_{pol}(1)$$

где Ptx – мощность передатчика; Gtx и Grx – коэффициенты усиления передающей и приемной АФАР; Latm – атмосферное затухание на рабочих частотах; Ld – потери на аппаратную рассогласованность тракта; Lpol – потери из-за рассогласования поляризации антенн.

Базовые потери в свободном пространстве Lb определяются расстоянием между объектами R и частотой несущей f:

$$L_b = 20log_{10}(R) + 20log_{10}(f) + 20log_{10}\left(\frac{4\pi}{c}\right)(2)$$

Коэффициент усиления плоской эквидистантой АФАР из N излучателей при направлении наведения луча (θ, φ) аппроксимируется как:
$G(\theta,\phi)\ 10log_{10}(N\eta g\{\theta,\phi\})(3)$

где η – коэффициент полезного действия антенной решетки; g – диаграмма направленности единичного излучателя.

[1]ГОСТ Р 56122-2014 Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования

[2]Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 «Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации»

[3]Грищенко, Г. А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика / Г. А. Грищенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 12(64). – С. 129-136. – DOI 10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136. – EDN SVQODN.

[4]БЕСПИЛОТНЫЕ СИСТЕМЫ США: ФИНАНСИРОВАНИЕ И ЦЕЛИ// https://defence.mgimo.ru/?q=node/32976&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

[5]*Understanding Voice and Data Link Networking.* Northrop Grumman Guide to Secure Tactical Data Links. — San Diego, CA : Northrop Grumman Corporation, 2014. — 142 p.

[6]*Garza V. R., Wood B., Minnis M.* F-35 MADL Data Integration for the Surface Force. — Monterey, California : Naval Postgraduate School, 2019. — 12 p. — URL: nps.edu (дата обращения: 20.09.2026).

Коэффициент помехозащищенности канала определяется отношением мощности полезного сигнала к суммарной мощности теплового шума и преднамеренной помехи на входе демодулятора (SIR – signal to interference and noise ratio):

$$SIR = \frac{P_{tx}G_{tx}G_{rx}L_b^{-1}}{kT\Delta f + P_j G_j G_{rx} L_b^{-1}} (4)$$

где *k* – постоянная Больцмана; *T* – эквивалентная шумовая температура приемной системы; ∆f – полоса частот. Параметры с индексом *j* относятся к постановщику помех (РЭБ).

Из формулы следует, что за счет пространственной фильтрации АФАР приемное усиление в направлении источника помехи падает до уровня боковых лепестков, что минимизирует значение и срывает подавление.

Для удержания узкого луча в условиях пространственной эволюции БПЛА углы наведения пересчитываются с субмикросекундным шагом. Комплексный вектор весовых коэффициентов фазирования для элементов решетки задается как:

$$W = aexp\left(-j\frac{2\pi}{\lambda}(xsin\theta cos\phi + ysin\theta sin\phi)\right) (5)$$

где *a* – амплитудное распределение для снижения уровня боковых лепестков; (x.y) – пространственные координаты излучателей АФАР.

Вектор (θ,ф) непрерывно корректируется матрицей поворота, получаемой от инерциальной навигационной системы БПЛА.

В рамках концепций взаимодействия пилотируемых и беспилотных платформ (MUM-T) БПЛА выполняют роль передового эшелона сенсоров. Интеграция MADL позволяет БПЛА выдвигаться вглубь зоны ПВО противника и передавать целеуказание на борт ведущего истребителя 5-го поколения в режиме полного радиомолчания последнего. Пилот истребителя осуществляет управление тактической ситуацией, не демаскируя свое местоположение включением бортовой РЛС.

При потере связи с наземным командным пунктом или спутниковой группировкой БПЛА под управлением локальных алгоритмов искусственного интеллекта способны развертывать динамические Mesh-сети. По каналу MADL происходит мгновенный обмен полетными заданиями, распределение обнаруженных целей между ударными единицами роя и координация противозенитных маневров без участия человека-оператора.

Ограничением Ku-диапазона является распространение радиоволн преимущественно в пределах прямой видимости (Line-of-Sight). Высотные БПЛА большой продолжительности полета (HALE), несущие ретрансляционные шлюзы, обеспечивают защищенный мост передачи данных между малозаметными авиационными комплексами и надводными кораблями (например, оснащенными БИУС Aegis), реализуя единое информационное пространство.

Масштабирование MADL на беспилотные платформы ограничено жесткими инженерными рамками SWaP (Size, Weight, and Power). Необходимость размещения до 6 АФАР по периметру планера для обеспечения сферического покрытия и высокая энергоемкость вычислительных блоков обработки сигналов требуют использования носителей исключительно тяжелого класса.

Дополнительной проблемой является высокая динамика пространственного маневрирования БПЛА, требующая микросекундной юстировки фазовращателей АФАР для удержания луча на цели.

Технология направленной тактической связи MADL является важнейшим компонентом трансформации беспилотной авиации из средств изолированной разведки в интегрированные узлы сетецентрических боевых систем. Внедрение MADL позволяет нивелировать уязвимости БПЛА перед современными комплексами радиоэлектронного подавления и скрытно координировать действия автономных группировок. Развитие данного направления в ближайшей перспективе будет связано с миниатюризацией аппаратных компонентов АФАР и оптимизацией математических моделей динамического синтеза луча.

Возвращаясь к ситуации в нашей стране следует иметь в виду, что совокупная доля около 200 (в 2023 году) промышленных изготовителей беспилотных авиационных и комплектующих, организаций, осуществляющих научно-производственную, проектную и научную деятельность, отраслевых образовательных организаций, осуществляющих свою деятельность в отрасли беспилотной авиации в валовом внутреннем продукте Российской Федерации составляет менее 0,1 процента. Каждый третий участник рынка является разработчиком и (или) изготовителем беспилотных авиационных систем. Доля продаж продукции российских изготовителей в гражданском сегменте российского рынка, по оценкам экспертов, составляет 22 процента общего объема российского потребления. Объем экспорта беспилотных авиационных систем в 2018 — 2022 годах составил не более 600 млн. рублей.

В отрасли беспилотной авиации государственные корпорации и организации с государственным участием осуществляют деятельность преимущественно в роли заказчиков, негосударственные организации - в роли разработчиков и изготовителей.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее развитие технологий беспилотных летальных аппаратов требует не только развития производственной базы, осуществляемой разработчиками, изготовителями и эксплуатантами беспилотных авиационных систем построение инфраструктуры, подготовку персонала, но также межотраслевой характер взаимодействия с участием разработчиков и производителей материалов, комплектующих изделий, программного обеспечения, полезной нагрузки и компонентов, обеспечивающих эксплуатацию беспилотных авиационных систем.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2023 г. № 1630-р Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации

2. Официальный сайт национально-технической инициативы . URL: http://www.nti2035.ru/nti/

3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. // СЗ РФ, 24.03.1997, № 12, ст. 1383.(п. 5 ст. 32 ВК РФ)

4. Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации // Правила полетов

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СЗ РФ, 05.04.2010, № 14, ст. 1649.

6. ГОСТ Р 56122-2014 Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования

7. Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 «Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации»

8. Грищенко, Г. А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика / Г. А. Грищенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 12(64). – С. 129-136. – DOI 10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136. – EDN SVQODN.

9. Беспилотные системы США: финансирование и цели// https://defence.mgimo.ru/?q=node/32976&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

10. Understanding Voice and Data Link Networking. Northrop Grumman Guide to Secure Tactical Data Links. — San Diego, CA : Northrop Grumman Corporation, 2014. — 142 p.

11. Garza V. R., Wood B., Minnis M. F-35 MADL Data Integration for the Surface Force. — Monterey, California : Naval Postgraduate School, 2019. — 12 p. — URL: nps.edu (дата обращения: 20.09.2026).

Features of the development of the field of application of unmanned aerial vehicles under conditions involving the use of directed-link communication technology.

Plotnikov G.G., Elin V.M., Karimov A.K.

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the specifics of legal regulation in the field of unmanned aerial vehicles, and provides a comparative analysis of approaches in Russia and the United States. The authors reveal the legal definition of an unmanned aerial vehicle, the prospects and technical aspects of controlling unmanned aerial vehicles using technology and integration of a multifunctional closed data transmission channel MADL (Multifunctional Advanced Data Link) into on-board complexes of unmanned aerial vehicles (UAVs). The advantages of the directional Ku-band architecture are analyzed in comparison with omnidirectional communication systems (Link 16) under conditions of intense electronic countermeasures and A2/AD access restriction zones. A mathematical framework for modeling the energy budget of a radio link using active phased array antennas (APAA) and dynamic phasing algorithms has been developed.

Keywords: unmanned aerial vehicles, MADL, AF.

References

1. Directive of the Government of the Russian Federation dated June 21, 2023, No. 1630-r, "On Approval of the Strategy for the Development of Unmanned Aviation in the

Russian Federation for the Period up to 2030 and the Outlook up to 2035, and the Action Plan for Its Implementation."
2. Official website of the National Technology Initiative (NTI). URL: http://www.nti2035.ru/nti/
3. Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1997 // Collected Legislation of the Russian Federation, March 24, 1997, No. 12, Article 1383 (Clause 5, Article 32 of the Air Code of the Russian Federation).
4. Annex 2 to the Convention on International Civil Aviation // Rules of the Air.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 11, 2010, No. 138, "On Approval of the Federal Rules for the Use of the Airspace of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, April 5, 2010, No. 14, Article 1649.
6. GOST R 56122-2014: Air Transport — Unmanned Aircraft Systems — General Requirements.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 25, 2019, No. 658, "On Approval of the Rules for the Registration of Unmanned Civil Aircraft with a Maximum Take-off Mass Ranging from 0.25 Kilograms to 30 Kilograms, Imported into or Manufactured within the Russian Federation."
8. Grishchenko, G. A. "Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicles: The Russian Approach and Global Practice" // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). – 2019. – No. 12(64). – pp. 129–136. – DOI 10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136. – EDN SVQODN.
9. Unmanned Systems of the USA: Funding and Objectives // https://defence.mgimo.ru/?q=node/32976&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
10. Understanding Voice and Data Link Networking. Northrop Grumman Guide to Secure Tactical Data Links. — San Diego, CA : Northrop Grumman Corporation, 2014. — 142 p.
11. Garza V. R., Wood B., Minnis M. F-35 MADL Data Integration for the Surface Force. — Monterey, California : Naval Postgraduate School, 2019. — 12 p. — URL: nps.edu (accessed: 20.09.2026).

Юридический интерес к новому порядку допуска к занятиям физической культурой и спортом в вузе: что изменилось с 1 сентября 2026 года

Мамонова Оксана Вячеславовна,
ст. преподаватель Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Mamonova.OV@rea.ru

Сравнительный анализ нормативных актов, регулирующих содержательные и процессуальные аспекты физического воспитания, выявил противоречия между обязательными требованиями приказов Минздрава России от 19 мая 2026 года № 484н и 404н (клиническим статусом взрослых обучающихся). Введение нового правового механизма дифференцированной медицинской оценки актуализирует проблему легитимизации физкультурно-спортивной деятельностью для лиц со специальным медицинским статусом. Разработка и нормативное закрепление единого регламента межведомственного взаимодействия обеспечивает правовую строгость процедур допуска к академическим занятиям, испытаниям ВФСК «ГТО» и соревновательной деятельности, снижая правовые риски образовательных организаций и гарантируя соблюдение конституционного права молодежи на охрану здоровья.

Ключевые слова: нормативный регламент, Приказы Минздрава России № 484н и 404н, правовой статус обучающихся, межведомственное взаимодействие, легитимизация спортивного допуска, юридическая ответственность.

Актуальность. Модернизация национальной системы физического воспитания детского и взрослого населения тесно связана с динамикой интегральных показателей соматического здоровья учащейся молодежи. По официальным данным Министерства здравоохранения Российской Федерации (2022), в структуре детского населения отмечается умеренно положительный тренд: за трехлетний период доля лиц, отнесенных к I группе здоровья, увеличилась на 7% и достигла 28,4%.

Вместе с тем селективный анализ популяционных данных свидетельствует, что более 70% несовершеннолетних имеют различные девиации в функциональном состоянии органов и систем, из них:

- более 55% верифицированы по II группе здоровья. Это функциональные отклонения (нарушения осанки, миопия, избыточный вес, частые простудные заболевания);
- 13% составляют когорту III группы. Это хронические заболевания в стадии компенсации (хронический гастрит, бронхиальная астма, атопический дерматит, сколиоз II степени);
- 2,6% детерминированы в пределах IV и V групп здоровья (тяжелые хронические заболевания и инвалидность) [1].

Историко-теоретический анализ показывает, что отечественная система адаптивного физического воспитания в вузах поступательно развивалась с середины XX века. В период 1940 –1950-х годов, на фоне перехода к массовому высшему образованию, возникло понимание, что часть студентов не может выполнять стандартные нормы ГТО из-за ограничений по здоровью. В приказе Министерства высшего образования СССР №1133 от 10 июня 1948 года введен дифференцированный подход к студентам в зависимости от уровня их физической подготовленности и здоровья. В 1950–1960-х годах в СССР приказ Министерства здравоохранения СССР №226 от 11 октября 1951 года «О состоянии и мерах улучшения врачебного контроля за физической культурой и спортом» закрепил институт врачебно-контрольных отделений, разделение студентов по медицинским группам на основе ежегодного врачебного осмотра (основная, подготовительная и специальная) и создание врачебно-контрольных кабинетов в вузах. Позже Минздрав СССР и Госкомспорт СССР закрепили методические рекомендации по врачебному контролю за лицами, занимающимися физической культурой. Занятия в СМГ стали строится с учетом элементов лечебной физической культуры. В 90-е года система СМГ сохранилась в российских вузах и колледжах согласно приказам Министерства образования и науки РФ и Министерства здравоохранения РФ. Программы адаптировались под современные стандарты здоровьесбережения, однако базовый принцип оставался прежним: разделение студентов по состоянию здоровья на медицинские группы здоровья (основная, подготовительная и специальная (подгруппы «А» и «Б» в зависимости от характера и тяжести отклонений).

Однако на современном этапе реализация стратегических задач, закрепленных в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации, а также требований Федерального закона Об образовании в Российской Федерации [4] в части охраны здоровья обучающихся, наталкивается на правовую неопределенность статуса студентов, имеющих стойкие ограничения по состоянию здоровья. Существующие нормативные девиации и отсутствие единообразия в правоприменительной практике регламентации элективных дисциплин по физической культуре и спорту актуализируют необходимость выработки четких императивов легитимизации данной деятельности. Перевод правового статуса обучающихся со специальным медицинским статусом в категорию юридической определенности представляется возможным исключительно через процедурную декомпозицию подзаконных актов с разделением регламентов по принципу совершеннолетия, унификацию верифицируемых медицинских заключений, а также нормативное закрепление институциональной триады межведомственного взаимодействие врача, преподавателя и администрации образовательной организации.

Цель исследования – разработать и обосновать комплекс организационно-правовые и методических решений для модернизации системы физического воспитания обучающихся со специальной медицинской группой (включая лиц с ОВЗ и хроническими заболеваниями). Ключевой момент – устранение правовой неопределен-

ности, порожденной коллизиями между приказами Минздрава России №484н и №404н, путем дифференциации регламентов по принципу совершеннолетия и внедрения механизма межведомственного взаимодействия.

Гипотеза исследования.

Эффективность физического воспитания обучающихся со специальной медицинской группой существенно повысится, если будет устранена правовая неопределенность. Это возможно при одновременном решении трех задач: 1) чётком разграничении в нормативной базе процедур медицинского допуска и организации занятий для несовершеннолетних и совершеннолетних; 2) унификации формы медицинского заключения (с однозначным указанием группы здоровья и медицинской группы для занятий со ссылкой на нормативный акт); 3) нормативном закреплении алгоритма взаимодействия «врач – преподаватель – администрация образовательной организации».

Задачи исследования

Провести компаративный анализ приказов Минздрава России №484н и №404н, выявить конкретные противоречия и зоны правовой неопределенности в регламентации медицинского допуска и организации физического воспитания для разных возрастных групп обучающихся.

Изучить правоприменительную практику в образовательных организациях: зафиксировать типичные ошибки и риски (необоснованный отказ в допуске, латентный допуск к противопоказанным нагрузкам, деликатные риски для вузов), а также оценить эффективность существующих механизмов взаимодействия участников процесса.

Разработать предложения по нормативному уточнению (включая проектные формулировки изменений или подзаконного акта), направленные на устранение выявленных коллизий. В том числе предложить дифференцированные алгоритмы медицинского допуска и организации занятий для несовершеннолетних и совершеннолетних обучающихся.

Спроектировать модель межведомственного взаимодействия (врач – преподаватель – администрация). Определить зоны ответственности каждого участника, прописать регламенты обмена данными, критерии допуска к занятиям, испытаниям ВФСК «ГТО» и соревновательной деятельности, а также механизмы согласования индивидуальных программ.

Сформулировать методические рекомендации по адаптации учебного процесса для обучающихся с разными клиническими группами здоровья (с учётом нозологий, стадии компенсации, функциональных резервов).

Апробировать отдельные элементы предложенной модели на пилотной площадке (вуз/школа): реализовать пилотный модуль, собрать обратную связь от участников (преподавателей, врачей, обучающихся), оценить практическую реализуемость, выявить дополнительные риски и скорректировать предложения перед масштабным внедрением.

Практическая значимость исследования

В разработке комплекса организационно-правовых и методических решений позволяющих устранить правовую неопределенность допуска обучающихся со специальной медицинской группы к занятиям физической культурой и спортом. Предложенные дифференцированные алгоритмы медицинского допуска для несовершеннолетних и совершеннолетних студентов, унифицированная форма медицинского заключения и модель межведомственного взаимодействия «врач – преподаватель – администрация» могут быть внедрены в деятельность образовательных организаций высшего и общего образования, а также использованы профильными ведомствами (Минздрав России, Минспорт России, Минобрнауки России) при актуализации нормативных актов.

Методы и организация исследования: Эмпирической и научно-теоретической базой исследования выступил ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». В ходе научно-исследовательской работы был применен комплекс взаимодополняющих теоретических и прикладных методов: компаративно-правовой анализ; метод системно-структурного и контент-анализа; ретроспективный и сравнительно научно-методический анализ.

Результаты исследования и их обсуждения. Теоретико-правовой анализ специальной литературы и ведомственных нормативных актов позволил верифицировать ретроспективную динамику соматического статуса различных возрастных страт населения и определить текущие юридические алгоритмы санкционирования физкультурно-спортивной деятельности (Таблица 1).

Таблица 1

Допуск к мероприятиям (ВФСК ГТО, Внутривузовский кросс, секции, сборные команды) на основе групп здоровья (Приказы Минздрава России № 484н и №404н) [6, 7]

Клиническая группа здоровья по диспансеризации [3]. Допуск к ФК	**Допуск к соревнованиям по Приказу № 484 [6]**	**Режим нагрузок в вузе**	**Основные**
I группа *(без хронических, неинфекционных заболеваний и отсутствия фактора риска их развития)*	**Автоматический допуск.** Дополнительный осмотр не требуется. **Документ:** Заключение терапевта по новой форме Приказа № 484н. Выдается электронной. Действует 1 год.	**Основная медицинская группа.** Полный объем нагрузок, сдача любых вузовских нормативов без ограничений. Участие во всех соревнованиях.	Противопоказания к физической активности отсутствуют.
II группа *(хронических болезней нет, но есть факторы риска или мелкие нарушения)*	**Автоматический допуск.** Дополнительный осмотр не требуется. **Документ:** Заключение терапевта по новой форме Приказа № 484н. Базой для справки служат результаты диспансеризации. Действует 1 год.	**Подготовительная медицинская группа.** Подготовка к соревнованиям по общей программе, но с обязательным контролем ЧСС и снижением сверхинтенсивных нагрузок.	**Ограничиваются:** максимальные скоростно-силовые нагрузки (спринт, тяжелая атлетика), длительный изнуряющий бег**.**
III группа (IIIа и IIIб) *(есть хронические болезни, требующие наблюдения)*	**Допуск только через спец. осмотр.** *Автоматический допуск к мероприятиям и соревнованиям* ***запрещен***. Обязательно медицинское заключение после целевого осмотра с учетом конкретного диагноза.	**Специальная медицинская группа «А».** Щадящие нагрузки, занятия лечебной физкультурой (ЛФК), дыхательные практики.	**Противопоказаны:** прыжки, натуживания, поднятие тяжести, резкие наклоны вниз (при миопии высокой степени, астме, гипертонии).
IV группа *(тяжелые патологии, значительные нарушения функций)*	**Допуск к соревнованиям закрыт.** *Участие в ГТО и массовом спорте* ***невозможно.*** **Документ:** Индивидуальное заключение врачебной комиссии на минимальную двигательную активность.	**Специальная медицинская группа «Б»** (или полное освобождение). Только теоретический курс в вузе + посещение ЛФК в поликлинике.	**Противопоказаны:** любые стандартные физические нагрузки, бег, игровые виды спорта, сдача нормативов. Полный запрет на неконтролируемую активность.

Представленная таблица демонстрирует, что в Российской Федерации физическая активность может рассматриваться в двух качествах – как деятельность по освоению образовательной программы и как спортивно-массовая деятельность. При этом допуск к физической активности в зависимости от указанных качеств обеспечивается в Российской Федерации разными нормативными правовыми актами:

1) образовательный трек (обычная физическая культура по расписанию учебных занятий в образовательном учреждении) регулируется федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ и приказами Минздрава России по профилактическим осмотрам (№ 211н, № 404н) [6, 8]. Для посещения регулярных учебных занятий студенту не требуется заключение по Приказу № 484н [6]. Достаточно представить стандартную справку о прохождении диспансеризации (форму 086/у или СЭМД-196) с указанием (клинической медицинской группы I, II, III или физкультурной группы здоровья основная, подготовительная или специальная) [5]. Требование спортивных бланков для обычных пар со стороны вуза является неправомерным.

2) спортивно-массовый трек (внеучебные мероприятия, секции, ГТО, соревнования) регулируется федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и непосредственно Приказом Минздрава России № 484 н. Данный приказ применяется к указанным отношениям только тогда, когда студент выходит за рамки учебного плана.

В силу нововведения, подчеркнем, что главное достижение Приказа № 484н – защита здоровых граждан (I и II группы) от избыточной бюрократии. Приказ запретил принцип сквозного медицинского контроля: если государство уже проверило человека в ходе диспансеризации и признало его здоровым, терапевт в поликлинике обязан выдать спортивный допуск (Приложение №2) автоматически в «одно окно», без повторных анализов и визита к спортивному врачу. В то же время для лиц с хроническими патологиями (III-IV группы) Приказ № 484н сохраняет строгий фильтр – допуск к соревнованиям они могут получить только через специализированный осмотр профильного спортивного врача.

Вывод: по результатам правового и научно-методического анализа нового порядка медицинского допуска к занятиям физической культурой в вузах (Приказ Минздрава России № 484н). Вступление в силу с 1 сентября 2026 года, Приказ Минздрава России № 484н ознаменовало масштабную, но незавершённую реформу института медицинских допусков в высшей школе. Главная коллизия документа заключается в диффузии двух принципиально разных систем классификации здоровья: педиатрической (пять групп здоровья, опирающаяся терминами «основная / подготовительная / специальная А и Б») и терапевтическая (три группы, применяемые к совершеннолетним гражданам с иными дескрипторами).

Игнорирование законодателем факта, что студенческий контингент вузов является бинарным по возрасту (включая как 17-летних несовершеннолетних, так и лиц от 18 лет и старше), порождает острую правовую неопределенность. Буквально прочтение п.38 Порядка содержит смешанные, внутренне противоречивые формулировки, что ставит администрацию вузов и практикующих врачей перед дилеммой: по какому алгоритму верифицировать статус студента, находящегося на стыке этих возрастных категорий.

Системные риски правоприменительной практики, подтверждают, что отсутствие согласованного межведомственного регламента (Минздрав – Минспорт – Минобрнауки) трансформирует правильную, по сути, идею дифференцированного подхода в триггер следующих критических рисков:

для обучающихся (нарушение конституционного права на образование и охрану здоровья): возникает риск необоснованного поражения в правах (не допуск к элективным дисциплинам, комплексу ГТО, к соревнованиям по студенческому спорту) либо, что гораздо опаснее, латентный допуск к предельным физическим нагрузкам, противопоказанным по реальному состоянию здоровья, лицам с декомпенсированными состояниями.

для образовательных организаций (деликатные риски): вузы автоматической строкой попадают в зону внедоговорной (деликатной) ответственности за причинение вреда жизни и здоровью (ст. 1064, 1068 ГК РФ) [2] в случае наступления неблагоприятных медицинских исходов на занятиях из-за некорректно интерпретированного статуса студента.

для правоприменительной системы (институциональный паралич): отсутствие официальных разъяснений и судебного толкования (due к новизне нормы) неизбежно приведет к системному разнобою: поликлиники будут выдавать справки по одной логике, вузы – требовать по другой, блокируя учебный процесс.

Легитимизация физкультурно-спортивной деятельности лиц со специальным медицинским статусом – то есть придание этой деятельности правовой определённости и обоснованности – возможна только при условии:

четкого разграничения в тексте приказа (или подзаконном акте) процедур для несовершеннолетних и совершеннолетних студентов;

единого шаблона медицинского заключения, в котором группа здоровья и медицинская группа для занятий физической культурой указывается со ссылкой на конкретный нормативный акт;

закрепленного алгоритма взаимодействия врач (*диагностика и лимитирование нагрузок*), преподаватель физической культуры (*адаптивная педагогика*) и администрации образовательных организаций (*организационно-правовое обеспечение*).

Медико-биологическое и методическое и методическое обоснование статуса лиц III клинической группы (Приказ Минздрава России №404н) трактует, что:

С позиции теории и методики физической культуры, определение у индивида III клинической группы здоровья (подгруппы IIIа и IIIб) в ходе диспансеризации по приказу Министерства России №404н является абсолютным и неоспоримым правовым основанием для немедленного изменения его статуса физической активности и перевода из общей категории занимающихся в рекреативно-восстановительную или адаптивную.

Наличие верифицированных хронических патологий коренным образом меняет характер адаптационных рекреаций организма на физическую нагрузку:

При подгруппе IIIа (наличие социально значимых хронических неинфекционных заболеваний: кардиоваскулярные патологии, сахарный диабет, респираторные и онкологические заболевания) резко снижаются функциональные резервы ключевых жизнеобеспечивающих систем – кардиореспираторной, метаболической и эндокринной. Нерегулируемые мышечные усилия при данных состояниях способны вызывать декомпенсацию и срыв адаптации.

При подгруппе IIIб (иные хронические нозологии, включая дисфункции ЖКТ и инфекционные инвазии, требующие динамического наблюдения) физическая нагрузка также должна строго дозироваться, поскольку моторно-висцеральные рефлексы и общая интоксикация или воспалительный фон лимитируют общую физическую работоспособность.

Таким образом, вследствие этого автоматический допуск с группами IIIа и IIIб к ординарному двигательному режиму, спортивно-массовым мероприятиям и квалификационным испытаниям (комплекса ГТО) категорически исключается и юридически неправомерен. Физическое воспитание данного контингента должно быть императивно переориентировано со спортивно-достиженческих и квалифицированных задач на лечебно-профилактические, оздоровительно-корригирующие и реабилитационные. Учебный процесс для них требуется строго врачебно-педагогического контроля, жесткого лимитирования интенсивности, объема и направленности физических нагрузок.

Литература

1. Глазкова, Г. Б. Проблемные аспекты нормативно-правового обеспечения физического воспитания обучающихся с отклонениями в состоянии здоровья / Г. Б. Глазкова // Проблемы управления и инновации в физической культуре, реабилитации, рекреации и спортивно-оздоровительном туризме : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 27 февраля 2026 года. – Казань: Поволжский государственный университет физической культуры спорта и туризма, 2026. – С. 110-112.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/3536a45680f27fcfdea85fcc8fe3eb9c6c8a83b1/ (дата обращения: 10.09.2026).

3. Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" от 04.12.2007 N 329-ФЗ (последняя редакция) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 11.09.2026).

4. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.09.2026).

5. Мамонова, О. В. Профилактика и коррекция нарушений осанки студенческой молодежи средствами оздоровительной физической культуры / О. В. Мамонова, Г. Б. Глазкова. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2023. – 108 с.

6. Приказ Минздрава России от 27 апреля 2021 года № 404н (ред. от 15.06.2026) «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.06.2021 N 64042) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388771/0463324563 15718823640e5eb8c8a7170566b64a/ (дата обращения: 12.09.2026).

7. Приказ Минздрава России от 19 мая 2026 года № 484н «Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, занимающимся физической культурой и спортом (в том числе при подготовке и проведении физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий), включая порядок медицинского осмотра лиц, желающих пройти спортивную подготовку, заниматься физической культурой и спортом в организациях и (или) выполнить нормативы испытаний (тестов) Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»(ГТО)» и форм медицинских заключений о допуске к участию в физкультурных и спортивных мероприятиях» (Зарегистрирован 01.06.2026 № 86818) – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606020034?index=1 (дата обращения: 11.09.2026).

8. Приказ Минздрава России от 14 апреля 2025 года № 211н «Об утверждении порядка прохождения несовершеннолетними профилактических медицинских осмотров, учетной формы № 030-ПО/у «Карта профилактического медицинского осмотра несовершеннолетнего», порядка ее ведения, а также формы отраслевого статистического наблюдения № 030-ПО/о «Сведения о профилактических медицинских осмотрах несовершеннолетних», порядка ее заполнения» – URL: https://docs.cntd.ru/document/1312874075?marker=6520IM (дата обращения: 11.09.2026).

Legal interest in the new procedure for admission to physical education and sports activities at the university: what has changed since September 1, 2026

Mamonova O.V.

Plekhanov Russian University of Economics

A comparative analysis of regulatory acts governing the substantive and procedural aspects of physical education has revealed contradictions between the mandatory requirements of the orders of the Ministry of Health of Russia dated May 19, 2026, No. 484n and 404n (the clinical status of adult students). The introduction of a new legal mechanism for differentiated medical assessment highlights the problem of legitimizing physical culture and sports activities for individuals with a special medical status. The development and regulatory consolidation of a unified regulation for interdepartmental interaction ensures the legal rigor of procedures for granting access to academic classes, tests of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex “GTO”, and competitive activities, reducing the legal risks for educational organizations and guaranteeing compliance with the constitutional right of young people to health protection.

Keywords: regulatory regulation, Orders of the Ministry of Health of Russia No. 484n and 404n, legal status of students, interdepartmental interaction, legitimization of sports access, legal liability.

References

1. Glazkova, G. B. Problematic aspects of the regulatory and legal framework for the physical education of students with health impairments / G. B. Glazkova // Management and Innovation Issues in Physical Culture, Rehabilitation, Recreation, and Sports-Health Tourism: Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kazan, February 27, 2026. – Kazan: Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism, 2026. – P. 110–112.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025; with further amendments as of June 9, 2026) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/3536a45680f27fcfdea85fcc8fe3eb9c6c8a83b1/ (accessed: September 10, 2026).
3. Federal Law "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" dated December 4, 2007, No. 329-FZ (latest revision) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed: September 11, 2026).
4. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012, No. 273-FZ (latest revision) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: September 14, 2026).
5. Mamonova, O. V. Prevention and correction of posture disorders among university students through health-improving physical culture / O. V. Mamonova, G. B. Glazkova. – Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2023. – 108 p. 3.
6. Order of the Ministry of Health of Russia No. 404n dated April 27, 2021 (as amended on June 15, 2026) “On Approval of the Procedure for Conducting Preventive Medical Examinations and Comprehensive Medical Screenings for Certain Groups of the Adult Population” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on June 30, 2021, No. 64042) (with amendments and additions; effective from September 1, 2026) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388771/0463324563157188236 40e5eb8c8a7170566b64a/ (accessed: September 12, 2026).
7. Order of the Ministry of Health of Russia No. 484n dated May 19, 2026, “On Approval of the Procedure for Organizing the Provision of Medical Care to Persons Engaged in Physical Culture and Sports (Including During the Preparation for and Conduct of Physical Culture and Sports Events), Including the Procedure for the Medical Examination of Persons Wishing to Undergo Sports Training, Engage in Physical Culture and Sports in Organizations, and/or Complete the Standards of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex ‘Ready for Labour and Defence’ (GTO), and Forms of Medical Certificates Regarding Clearance to Participate in Physical Culture and Sports Events” (Registered on June 1, 2026, No. 86818) – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606020034?index=1 (accessed: September 11, 2026).
8. Order of the Ministry of Health of Russia No. 211n dated April 14, 2025, “On Approval of the Procedure for Minors Undergoing Preventive Medical Examinations, Record-Keeping Form No. 030-PO/u ‘Card of Preventive Medical Examination of a Minor’ and the Procedure for Maintaining It, as Well as the Sectoral Statistical Observation Form No. 030-PO/o ‘Information on Preventive Medical Examinations of Minors’ and the Procedure for Completing It” – URL: https://docs.cntd.ru/document/1312874075?marker=6520IM (accessed: September 11, 2026).

Правовая проблематика доступности данных, содержащихся в государственном реестре лекарственных препаратов

Рейдель Леонид Бенценович
кандидат юридических наук, доцент кафедры права, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, reidel47@mail.ru

Гуменюк Елена Валентиновна
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публичное, частное и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения, shen.lav@list.ru

Литвак София Глебовна
специалист, филиал СПАО «Ингосстрах» в ЕАО, l.itvak_s00@mail.ru

Статья посвящена проблемному аспекту в области разработки и производства лекарственных препаратов – открытость данных клинических исследований лекарственных препаратов, содержащихся в государственном реестре лекарственных средств. Раскрывается понятие Реестра и его правовое регулирование, перечень данных, подлежащих опубликованию в нём. Поднят вопрос обоснованности предоставления данных в больших объёмах, включая, ожидаемые результаты от их «открытия». Выявлены несовершенства действующей в настоящее время нормы права, которая регулирует данную область, и предложены возможные пути решения сложившейся проблемы.
Ключевые слова: Клинические исследования, лекарственные препараты, Реестр, данные, анализ, Российская Федерация, средства, законодательство, проблема, инструмент.

Разработка и производство лекарственных препаратов является длительным процессом, включающим в себя множество этапов. Этапов необходимых, но времезатратных. В современных условиях, характеризующихся возникновением новых заболеваний и ростом спроса на получения качественной медицинской помощи, ускорение процессов разработки и регистрации лекарственных средств приобретает стратегическое значение, т.к. темпы создания лекарственных препаратов являются одним из ключевых критериев, определяющим не только эффективность противостояния эпидемическим угрозам, но и возможности системы здравоохранения по обеспечению населения необходимой медикаментозной помощью.

Эффективность процесса создания новых лекарственных средств не ограничивается этапом их государственной регистрации. Одним из ключевых элементов является обеспечение оперативного доступа к актуальной информации о зарегистрированных препаратах для всех участников системы здравоохранения. В данном контексте роль государственного реестра лекарственных препаратов является фундаментальной.

Государственный реестр лекарственных средств (далее – Реестр) является федеральной информационной системой, то есть официальной базой данных, содержащей информацию о лекарственных препаратах для медицинского применения, прошедших государственную регистрацию.

Нормативно-правовое регулирование Реестра осуществляется прежде всего федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», который устанавливает порядок регистрации лекарственных средств и ведения реестра [2]. В частности, обязательность регистрации лекарственных препаратов в Реестре, а также определяет перечень информации, которая должна быть указана о препаратах.

Так, согласно ст. 33 акта, Реестр содержит перечень лекарственных препаратов, прошедших государственную регистрацию, перечень фармацевтических субстанций, входящих в состав лекарственных препаратов, и следующую информацию: наименование препарата; лекарственная форма с указанием дозировки; наименование держателя или владельца регистрационного удостоверения; наименование и адрес производителя; фармакотерапевтическая группа, код лекарственного препарата; показания и противопоказания; побочные действия; срок годности; условия хранения; условия отпуска; номер фармакопейной статьи; качественный состав и количественный состав веществ; наличие лекарственного препарата в перечне жизненно необходимых препаратов; информация о том, является ли данное лекарство референтным препаратом [2].

Помимо указанного, Реестр включат в себя сведения о клинических исследованиях, такие как: номер разрешения на проведение, название исследования, фаза, цель (оценка эффективности, безопасности, биоэквивалентности), название препарата (если новый – код разработки), состав и лекарственная форма, исследовательские центры, сроки проведения, решение о приостановке регистрации (с указанием причины и ссылки на нормативный акт).

Таким образом, Реестр был создан с целью регулирования фармотрасли и предоставления информации его участникам об актуальном состоянии, возможности отслеживания выданных и отозванных разрешениях.

Изучение данных Реестра позволяет выявлять неудовлетворенные потребности в фармсфере, определяя перспективные направления для исследований и инвестиций.

Проведя анализ официального сайта Реестра, можно сделать вывод, что, хоть нормативными актами устанавливается обязанность включать (во всяком случае, предоставлять) исчерпывающие данные о лекарственных средствах, включая их состав, производителей, нормативную документацию и т.д., открыто эти данные не представлены.

Так, на текущий момент, информация доступная по умолчанию (в открытом доступе):

1) краткая инструкция по применению;
2) данные о регистрации;
3) перечень клинических исследований (без детальных протоколов).

Ограниченный доступ (только для регуляторов и правообладателей) включает в себя:

1) полные досье регистрационных документов;
2) детальные отчеты по клиническим исследованиям;
3) данные о производственных процессах.

Таким образом, ключевой инструмент для регуляторов, врачей, фармкомпаний и пациентов, обеспечивающий прозрачность и безопасность оборота лекарств работает в урезанном режиме и не отвечает запросам общества на получение полной информации.

Правовой основой прав интеллектуальной собственности в нашей стране является гражданское законодательство Российской Федерации. Статья 1225 ГК РФ, определяет, что является результатами интеллектуальной деятельности и интеллектуальной собственностью [1].

Согласно статье 1349 ГК РФ, объектами патентных прав являются результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической области, отвечающие требованиям, предъявляемым к изобретениям. В качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, вещество, штамм микроорганизмов) или как способ (процесс воздействия), если оно является новым, изобретательским и промышленно применимым (статья 1350 ГК РФ) [1].

В фармацевтической области патентная защита применяется к новым активным веществам, к их комбинациям, используемых при том или ином лечении, способам получения активных веществ, которые отвечают вышеуказанным требованиям.

Таким образом, отечественным законодательством предусмотрены ограничения для предоставления полной информации о результатах испытаний.

Однако более открытая база данных клинических исследований важна для разных сторон, непосредственно связанных с медицинскими исследованиями. Она должна предоставлять доступ к информации о клинических испытаниях, их статусе и результатах.

По нашему мнению, цель такого ресурса - обеспечить прозрачность информации о клинических исследованиях, сделать её доступной для общественности, способствовать ответственности в исследованиях. В частности, для отслеживания актуальных и завершённых исследований. База данных должна помогать исследователям избегать дублирования работы, получать данные для последующего анализа, а также искать потенциальных партнёров или участников.

Кроме того, она может стать источником для анализа и научных публикаций. Так испытатели могут использовать информацию для определения трендов в клинических испытаниях, мета-анализов, систематических обзоров. Открытая база позволит следить за новыми достижениями в медицине, включая инновационные методы терапии, новые лекарства и технологии, разрабатываемые для улучшения диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

К тому же, пациенты и их врачи могут находить исследования, если они соответствуют критериям отбора. Это особенно полезно для тех, кто ищет инновационные или экспериментальные методы лечения для сложных заболеваний, которые, даже в современных условиях, остаются острыми вопросами терапии. Для этого в базе данных должны быть критерии включения и исключения, фазы исследований и локация, что помогает пациентам и врачам выбрать подходящие случаи [5].

Кроме того, база данных должна включать в себя подробную информацию о регистрации результатов испытаний, включая положительные и отрицательные, что важно для научного сообщества и может влиять на будущие направления исследований.

Предлагаемые меры по расширению открытости данных Государственного реестра лекарственных средств (ГРЛС) требуют всестороннего рассмотрения, в частности, анализа ресурсных и технических аспектов их реализации, а также учета успешного международного опыта.

Проведение сравнительного анализа с международными базами данных клинических исследований демонстрирует, что предлагаемый путь развития соответствует общемировому тренду на повышение прозрачности в фармацевтической отрасли. Такие платформы, как ClinicalTrials.gov (США) и EU Clinical Trials Register (Европейский союз), уже успешно функционируют, предоставляя широкой общественности доступ к структурированной информации о дизайне, ходе и результатах клинических испытаний. Анализ их опыта позволяет выделить ключевые принципы, которые могут быть адаптированы для российской системы, такие как обязательность регистрации, единые стандарты отчетности, обязательная публикация результатов (требование к спонсорам размещать сводные результаты испытаний по их завершении, независимо от исхода (успех или неудача).

Для решения проблемы доступности результатов клинических исследований общественности, нами предлагается расширить перечень сведений, доступных для изучения.

А именно, внести имения в ст. 33 федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» следующего содержания:

«3) Информация о клиническом исследовании, которая должна быть представлена в соответствии с настоящим пунктом для соответствующего клинического исследования, должна включать:

a) описательную информацию, включая:
- краткое название;
- краткое резюме;
- основная цель;

b) фаза исследования;
c) тип исследования;
d) основное заболевание или состояние, которое изучается, или цель исследования;
e) дата начала исследования;
f) ожидаемая дата завершения;
g) результаты, включая первичные и вторичные показатели;
h) информация о испытуемых;
i) наименование, местонахождение и контактная информация организации, проводящей исследования».

Аналогичное изменения необходимо внести в Порядок, утверждённый приказом Министерства здравоохранения РФ от 9 февраля 2016 г. № 80н [3].

По нашему мнению, пользоваться открытым ресурсом смогут любые заинтересованные граждане, находя информацию об исследованиях, а главное в мета-анализах в области, которое их интересует. Например, профессиональные спортсмены и тренера получат больше данных о разращённых биодобавках, влиянии определённых гормонов на их деятельность [4]. Врачи, ведающие практику, смогут отслеживать новые достижения науки, предлагая более квалифицированную помощь, а иногда и находить новые способы экспериментального лечения для своих пациентов для плохо изученных заболеваний.

Важно отметить, что интерес вызывает не только успешные результаты, но и информация о неудачных испытаниях. Так, перед началом исследования, изучив сведения из реестра (к примеру, протоколы) можно будет понять, какие из испытаний уже проводились, но не дали ожидаемого эффекта по тем или иным причинам.

Таким образом, ускорение разработки лекарственных средств и обеспечение прозрачности Реестра представляют собой взаимодополняющие элементы единой системы.

Тем не менее, говоря о принципе открытости, невозможно обойти вопрос обеспечения надежной защиты информации, раскрытие которой предлагается. Результаты клинических исследований, бесспорно, представляют собой ценные результаты интеллектуальной деятельности, требующие правовой охраны для стимулирования инвестиций в фармацевтические инновации.

Ключевым понятием в данном контексте является эксклюзивность данных клинических исследований (от англ. «data exclusivity»). Под ней понимается защита прав производителя оригинального препарата, запрещающая использование данных его клинических исследований в коммерческих целях третьими лицами в течение установленного периода. Эта мера основывается на двух юридических принципах: во-первых, на прямом запрете для третьих лиц использовать данные для регистрации собственных препаратов; во-вторых, на обязанности регулятора обеспечивать конфиденциальность полученной регистрационной досье.

Важно подчеркнуть принципиальную разницу между механизмом эксклюзивности данных и патентной защитой. Если патентообладатель обладает исключительным правом на использование самого изобретения (например, химической формулы, способа синтеза), то эксклюзивность данных охраняет не само вещество, а массив клинической информации, доказывающей его безопасность и эффективность. При этом проведение научных исследований объекта, в том числе с целью создания новых препаратов, патентным законодательством, как правило, не ограничивается [6].

Существенным преимуществом режима «data exclusivity» является его независимость от срока действия и действительности патента. Однако отсутствие сложившейся судебной практики в Российской Федерации порождает правовую неопределенность, в частности, в вопросах разграничения использования данных в коммерческих и сугубо научных целях.

Как уже отмечалось ранее, открытый доступ к информации имеет неоспоримую ценность для научного сообщества. В то же время, еще одним инструментом защиты прав разработчика остается патентование конкретного лекарственного средства. Однако его эффективность ограничена: в случае, если патентообладатель не обладает правами на саму фармацевтическую субстанцию, а защищает, например, композицию или способ применения, доказать нарушение патентных прав становится крайне сложной задачей.

Таким образом, патенты и эксклюзивность данных служат взаимодополняющим, но разнонаправленным целям. Если патенты стимулируют создание принципиально новых решений, то основная цель режима эксклюзивности данных – обеспечить правовые гарантии и «окупаемость» для компаний, инвестирующих в масштабные и дорогостоящие проекты.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в настоящее время защита данных клинических исследований в Российской Федерации надлежащим образом не обеспечена.

По нашему мнению, защита данных надлежащим образом не обеспечена и в норме федерального закона от 12.04.2010 № 61 - ФЗ «Об обращении лекарственных средств». Установленный частью 18 статьи 18 запрет не распространяется на информацию, опубликованную в специальных изданиях, а действует только на информацию о результатах клинических исследований, представленную заявителем на государственную регистрацию лекарственных средств [2]. Такая позиция сформирована Судом по интеллектуальным правам ещё с 2015 года, и фактически приводит к отмене защиты данных, поскольку она не распространяется на данные, полученные в результате клинических испытаний лекарственных средств, опубликованных в специализированных изданиях.

Предложением по решению проблемы является ознакомление с зарубежным опытом использование «эксклюзивности данных» с последующим внедрением его в законодательство Российской Федерации.

Для этого необходимо изложить часть 18 статьи 18 Федерального закона № 61-ФЗ в следующей редакции: «Не допускается получение, разглашение, использование в коммерческих целях и в целях государственной регистрации лекарственных препаратов ин-формации о результатах доклинических исследований лекарственных средств и клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения без его согласия в течение шести лет с даты государственной регистрации референтного лекарственного препарата в Российской Федерации»

Соответственно, части 20 и 21 статьи 18 указанного закона подлежат исключению.

По нашему мнению, такой подход создаст полноценный правовой барьер для недобросовестного коммерческого использования данных и будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности российской фармацевтической отрасли, поскольку гарантирует разработчикам период исключительности для «монетизации» результатов своих капиталоемких исследований.

Так как фарм-сфера включает в себя множество различных процессов, нами предлагается, что совершенствование законодательства, регулирующего ей, должно происходит комплексно: учитывать интересы все участников рынка, брать во внимание взаимосвязь разных сфер. Изменение законодательства только в части не принесёт ожидаемого результата.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) : офиц. текст ФЗ № 230 – ФЗ от 18.12.2006 – СПС КонсультантПлюс.

2. Об обращении лекарственных средств : офиц. текст ФЗ № 61-ФЗ от 12.04.2010 г. – СПС Консультант Плюс.

3. Об утверждении порядка ведения государственного реестра лекарственных средств для медицинского применения : офиц. текст Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 80н от 09.02.2016 – СПС Консультант Плюс.

4. Боклашов Ю.Ю. Цифровые данные реальной клинической практики как источник повышения эффективности клинических исследований лекарственных препаратов / Ю.Ю. Боклашов // Оптимизация и моделирование в автоматизированных системах. Труды Международной молодежной научной школы. – Воронеж. – 2025. – С. 145 – 149.

6. Препьялов А.В. Фармацевтическое право / А.В. Препьялов, В.Н. Шестаков – М.: Litres, 2023. – 271 с.

Legal issues related to the availability of data contained in the state register of medicinal products

Reidel L.B., Gumenyuk E.V., Litvak S.G.

Priamursky state University them Sholom- Aleichem, Far Eastern State Transport University, Branch of JSC “INGOSTOUR”

The article is devoted to a problematic aspect in the field of drug development and production – the openness of clinical research data on medicines contained in the state register of medicines. The concept of the Registry and its legal regulation, the list of data to be published in it is revealed. The imperfections of the current legal norm that regulates this area have been identified, and possible solutions to the problem have been proposed.

Keywords: Clinical trials, medicinal preparations, Registry, data, analysis, Russian Federation, means, legislation, problem, tool.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): official text of Federal Law No. 230-FZ dated 18.12.2006 – SPS ConsultantPlus.
2. On the Circulation of Medicinal Products: official text of Federal Law No. 61-FZ dated 12.04.2010 – SPS Consultant Plus.
3. On the Approval of the Procedure for Maintaining the State Register of Medicinal Products for Medical Use: official Text: Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 80n dated 09.02.2016 – SPS Consultant Plus.
4. Boklashov Yu.Yu. Digital data from real clinical practice as a source for improving the effectiveness of clinical trials of medicinal products / Yu.Yu. Boklashov // Optimization and modeling in automated systems. Proceedings of the International Youth Scientific School. – Voronezh. – 2025. – Pp. 145–149.
6. Prepyalov A.V. Pharmaceutical Law / A.V. Prepyalov, V.N. Shestakov – Moscow: Litres, 2021. – 271 p.

Правовая природа и классификация полномочий адвоката-защитника на стадии предварительного расследования

Арутюнян Давид Асканазович
Независимый исследователь, da.arutyunyan@customs-academy.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы и содержания полномочий адвоката-защитника на стадии предварительного расследования. Актуальность рассматриваемой проблематики определяется ролью защитника в обеспечении конституционного права на квалифицированную юридическую помощь и реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту. Аргументируется комплексная правовая природа полномочий адвоката-защитника, в которой сочетаются процессуальный, профессионально-правозащитный и функциональный компоненты. Предлагается классифицировать полномочия защитника с учетом их функционального назначения, объекта воздействия, способа реализации, степени процессуальной самостоятельности и момента возникновения. Отдельное внимание уделяется доказательственным полномочиям. Делается вывод, что получение защитником предметов, документов и иных сведений представляет собой самостоятельную форму процессуальной активности стороны защиты, обладающую при этом иной юридической природой по сравнению с собиранием доказательств следователем, дознавателем, прокурором и судом. Обосновывается необходимость дальнейшей законодательной конкретизации порядка представления и приобщения к уголовному делу материалов, полученных защитником.

Ключевые слова: адвокат; защитник; полномочия защитника; предварительное расследование; уголовное судопроизводство; право на защиту; адвокатская деятельность; доказывание; собирание доказательств; сторона защиты; состязательность; ходатайство; жалоба.

Введение

Право на защиту относится к фундаментальным гарантиям личности в уголовном судопроизводстве. Его конституционная основа закреплена в статье 48 Конституции Российской Федерации, устанавливающей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а также право задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого пользоваться помощью адвоката (защитника).

Самостоятельное нормативное закрепление право на защиту получило в статье 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Согласно данной норме подозреваемому и обвиняемому предоставляется возможность защищать свои права лично либо посредством защитника и (или) законного представителя. Суд, прокурор, следователь и дознаватель, в свою очередь, обязаны разъяснить соответствующие права и создать условия для их реализации. Такое содержание права на защиту сохраняется и в действующей редакции статьи 16 УПК РФ.

Особое значение институт защиты приобретает в ходе предварительного расследования, поскольку именно на данной стадии формируется основная доказательственная база уголовного дела, осуществляется уголовное преследование, применяются меры процессуального принуждения, проводятся следственные действия, предъявляется обвинение и принимаются решения, непосредственно затрагивающие права и свободы личности.

В указанных условиях адвокат-защитник выступает самостоятельным участником уголовного судопроизводства со стороны защиты. Его процессуальное положение существенно отличается от статуса следователя, дознавателя и других субъектов уголовного преследования. Государственно-властной компетенцией наделены органы предварительного расследования, тогда как защитник реализует предусмотренные законом процессуальные возможности в интересах подозреваемого или обвиняемого.

Проблематика полномочий адвоката-защитника имеет существенное теоретическое и практическое значение. Наиболее дискуссионными остаются вопросы пределов самостоятельности защитника при собирании доказательственной информации, процессуального значения полученных сведений, эффективности механизма заявления ходатайств, порядка участия в следственных действиях и способов реагирования на нарушения прав доверителя.

Соотношение понятий «адвокат» и «защитник»

Раскрытие правовой природы полномочий адвоката-защитника предполагает первоначальное разграничение категорий «адвокат» и «защитник». В соответствии со статьей 49 УПК РФ защитником признается лицо, которое в установленном законом порядке осуществляет защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников участвуют адвокаты. Как отмечает Авдонин: «Адвокат-защитник должен активно участвовать в процессе доказывания с самых ранних стадий уголовного судопроизводства». [3, с. 20–28]

Таким образом, категория «защитник» характеризует прежде всего процессуальную функцию, тогда как понятие «адвокат» отражает специальный профессиональный статус. Данное разграничение имеет принципиальное значение для определения процессуального положения соответствующего субъекта. Статус адвоката приобретается лицом в соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре. Само наличие такого статуса еще не означает участия лица в конкретном уголовном деле в качестве защитника. Для возникновения соответствующего процессуального статуса требуется вступление адвоката в уголовное дело в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Разграничение профессионального статуса и процессуальных полномочий закреплено также Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Согласно статье 6 данного Закона полномочия адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве защитника, определяются соответствующим процессуальным законодательством.

Статус адвоката-защитника, таким образом, включает два взаимосвязанных уровня:

профессиональный — статус адвоката;

процессуальный — статус защитника по конкретному уголовному делу.

Именно взаимодействие этих уровней обусловливает содержание полномочий адвоката-защитника. Пленум Верховного Суда РФ отдельно обращает внимание на имеет более сложное содержание, чем понятие «право», вследствие чего полное отождествление этих категорий представляется необоснованным возможность, однако одновременно характеризуется функциональной направленностью.

Правовая природа полномочий адвоката-защитника

Категория «полномочия» в уголовно-процессуальном праве имеет более сложное содержание, чем понятие «право», вследствие чего полное отождествление этих категорий представляется необоснованным. Право участника уголовного судопроизводства представляет собой закрепленную законом юридическую возможность определенного поведения. Полномочие включает такую возможность, однако одновременно характеризуется функциональной направленностью осуществляемых действий на реализацию конкретной процессуальной функции. По мнению Качновой: «В действующем уголовно-процессуальном законодательстве нет ясности о том, в какой момент следственного действия защитник, участвующий в его производстве, должен иметь возможность задавать вопросы.» [4, с. 129–131]

Полномочия адвоката-защитника характеризуются несколькими взаимосвязанными признаками. Они имеют нормативную основу, поскольку закрепляются в Конституции Российской Федерации, УПК РФ, Федеральном законе № 63-ФЗ и иных нормативных актах. Их содержание обусловлено функцией защиты, а осуществление предполагает наличие у субъекта специального профессионального статуса. Реализация полномочий направлена на обеспечение прав и законных интересов конкретного доверителя. При этом адвокат не обладает государственно-властной компетенцией и не вправе принимать обязательные для органов расследования решения. Осуществление предоставленных ему возможностей обеспечивается процессуальными механизмами, а нарушение соответствующих правомочий в предусмотренных законом случаях способно повлечь процессуальные последствия.

С учетом указанных признаков полномочия адвоката-защитника можно определить, как закрепленную уголовно-процессуальным законодательством систему юридических возможностей адвоката, посредством которых реализуется функция защиты прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого. Такая реализация осуществляется путем участия в процессуальной деятельности, получения и представления информации, заявления процессуальных требований и использования иных предусмотренных законом средств защиты.

Нормативная основа полномочий защитника

Центральное место в нормативном регулировании полномочий защитника занимает статья 53 УПК РФ. Согласно ее действующей редакции с момента вступления в уголовное дело защитнику предоставляется право, в частности:

иметь свидания с подозреваемым и обвиняемым;

собирать и представлять доказательства;

привлекать специалиста;

присутствовать при предъявлении обвинения;

участвовать в допросах и других следственных действиях;

знакомиться с процессуальными документами;

после окончания предварительного расследования изучать все материалы уголовного дела;

заявлять ходатайства и отводы;

приносить жалобы;

использовать иные не запрещенные законом средства и способы защиты.

Кузнецов пишет: «уголовно-процессуальный закон исключает возможность произвольного отказа должностным лицом или органом, осуществляющим предварительное расследование» [5, с. 1–4]. Федеральный закон № 63-ФЗ одновременно устанавливает обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно защищать права и законные интересы доверителя всеми средствами, которые не запрещены законодательством. Тем самым нормативное регулирование включает как закрепление конкретных полномочий, так и установление пределов их осуществления. Перечень, содержащийся в статье 53 УПК РФ, не исчерпывает содержание полномочий защитника. Оно раскрывается посредством совокупности иных положений Кодекса. Статья 16 закрепляет общий принцип обеспечения права на защиту; статьи 46 и 47 определяют права подозреваемого и обвиняемого; статьи 50–52 регулируют вопросы приглашения, назначения, замены и отказа от защитника; статья 86 посвящена собиранию доказательств; статьи 119–122 устанавливают порядок заявления и разрешения ходатайств; статьи 123–127 регулируют обжалование действий и решений участников уголовного судопроизводства. Правовое регулирование полномочий защитника вследствие этого носит системный характер.

Классификация полномочий адвоката-защитника

В научной литературе предлагаются различные основания классификации полномочий защитника. Для комплексного раскрытия их содержания целесообразно учитывать несколько критериев.

По функциональному назначению полномочия защитника можно разделить на следующие группы:

Коммуникативные. Они охватывают свидания с подзащитным, консультации,

разъяснение правовых последствий процессуальных действий и обсуждение позиции по уголовному делу. Посредством коммуникации формируется информационная основа профессиональной защиты.

Доказательственные. К ним относятся получение предметов, документов и иных

сведений, опрос лиц с их согласия, истребование документов и представление соответствующих материалов, а также привлечение специалиста.

Процессуально-участковые. Данная группа включает участие в предъявлении

обвинения, допросах и других следственных действиях.

Инициативные. В нее входят заявление ходатайств и отводов, постановка вопросов

и инициирование определенных процессуальных действий.

Контрольно-обжаловательные. Они связаны с обжалованием действий,

бездействия и решений органов расследования, прокурора и суда.

Информационно-ознакомительные. Их содержание образует доступ к

процессуальным документам и материалам уголовного дела.

Такое разграничение показывает, что функция защиты обеспечивается посредством системы взаимосвязанных полномочий. С учетом объекта воздействия полномочия защитника могут быть представлены следующими группами:

полномочия, непосредственно направленные на защиту личности доверителя;

полномочия, связанные с формированием доказательственной позиции;

полномочия, обеспечивающие контроль деятельности органов расследования;

полномочия, обеспечивающие доступ к необходимой информации;

полномочия, предполагающие использование специальных знаний.

Участие защитника в следственных действиях представляет собой одну из распространенных форм реализации его полномочий на стадии предварительного расследования.

Часть 1 статьи 53 УПК РФ предоставляет защитнику право участвовать в допросе подозреваемого и обвиняемого, а также в других следственных действиях, проводимых с участием соответствующего лица либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника.

Особое значение в данном контексте имеет часть 2 статьи 53 УПК РФ. Защитнику предоставляется возможность давать подзащитному в присутствии следователя или дознавателя краткие консультации, задавать с разрешения следователя или дознавателя вопросы допрашиваемым лицам и делать письменные замечания относительно правильности и полноты протокола. Следователь или дознаватель вправе отвести поставленные защитником вопросы, однако сведения об отведенных вопросах подлежат внесению в протокол.

Таким образом, законодательством сформирован механизм участия защитника, при котором руководство следственным действием осуществляется следователем или дознавателем, тогда как адвокату предоставляются процессуальные средства контроля и реагирования.

Именно здесь наиболее отчетливо проявляется различие процессуального положения защитника и следователя. Следователь определяет порядок производства следственного действия и несет ответственность за его проведение. Адвокат, осуществляя функцию защиты, обеспечивает соблюдение прав доверителя и использует предоставленные ему законом возможности для формирования защитительной позиции.

Участие защитника в следственном действии вследствие этого имеет два взаимосвязанных аспекта. Гарантийный аспект выражается в контроле соблюдения прав подзащитного. Активный компонент проявляется через постановку вопросов, внесение замечаний, заявление ходатайств и использование полученных результатов в дальнейшей деятельности по защите.

Доказательственные полномочия адвоката-защитника

Наиболее дискуссионным элементом процессуального статуса защитника остаются его полномочия в сфере доказывания.

В соответствии со статьей 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Одновременно часть 3 указанной статьи непосредственно закрепляет за защитником право собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик и других документов.

По сравнению со следователем защитник лишен возможности принудительно получать информацию, производить следственные действия и использовать государственно-властные полномочия. Кроме того, он не осуществляет проверку доказательств в том объеме, который предусмотрен для органов расследования, и не принимает окончательного решения о признании полученного материала доказательством. При этом деятельность защитника по получению доказательственной информации нельзя рассматривать исключительно как внепроцессуальную. УПК РФ прямо предусматривает соответствующие действия, вследствие чего они представляют собой процессуально признанную форму активности стороны защиты.

Такой подход соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ. Согласно данной позиции отсутствие специальной процессуальной регламентации формы опроса, осуществляемого защитником, само по себе не является основанием для отказа в приобщении полученных результатов к материалам уголовного дела. Одновременно соответствующие сведения должны быть проверены и оценены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

В связи с этим необходимо разграничивать получение информации защитником и последующее процессуальное формирование доказательства. Защитник вправе получить сведения, потенциально имеющие доказательственное значение. Их проверка, оценка допустимости, достоверности и достаточности осуществляются в рамках установленного уголовно-процессуального механизма.

В данном аспекте проявляется специфика состязательной модели предварительного расследования: стороне защиты предоставляются самостоятельные средства формирования доказательственной позиции при сохранении разграничения функций защиты и государственного уголовного преследования.

Полномочия по заявлению ходатайств и жалоб

Право адвоката заявлять ходатайства относится к универсальным средствам реализации функции защиты. Посредством ходатайства сторона защиты получает возможность инициировать производство процессуального действия либо принятие соответствующего процессуального решения.

Защитник, в частности, вправе ходатайствовать о:

производстве следственных действий;

вызове и допросе лиц;

назначении экспертизы;

приобщении документов и предметов;

привлечении специалиста;

изменении или отмене определенных процессуальных решений;

совершении иных действий, направленных на защиту интересов доверителя.

Наличие у защитника права на заявление ходатайства само по себе не предполагает обязательного удовлетворения каждого обращения следователем. Вместе с тем отказ в удовлетворении ходатайства должен основываться на предусмотренных законом основаниях и не может использоваться для произвольного ограничения процессуальных возможностей стороны защиты. Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на необходимость реагирования на нарушения права на защиту и допускает оценку добросовестности реализации соответствующих процессуальных прав.

Право на жалобу дополняет механизм ходатайства. Ходатайство преимущественно направлено на инициирование процессуальной активности, тогда как жалоба обеспечивает возможность контроля и восстановления нарушенного права. Согласно статье 53 УПК РФ защитник вправе приносить жалобы на действия, бездействие и решения дознавателя, органов дознания, следователя, прокурора и суда. Полномочия по заявлению ходатайств и жалоб вследствие этого образуют взаимосвязанный блок процессуально-контрольных средств защиты.

Заключение

Адвокат и защитник представляют собой взаимосвязанные, однако самостоятельные правовые категории. Адвокат обладает профессиональным статусом, тогда как защитник характеризуется осуществляемой процессуальной функцией. В уголовном судопроизводстве адвокат приобретает статус защитника после вступления в конкретное уголовное дело в установленном законом порядке.

Полномочия адвоката-защитника имеют комплексную правовую природу. По источнику закрепления они являются уголовно-процессуальными, по субъекту осуществления обладают профессиональным характером, а по своему функциональному назначению направлены на правозащиту. Полномочия защитника отличаются от полномочий органов предварительного расследования отсутствием государственно-властного характера. Адвокат не принимает обязательных для других участников процесса властных решений и не располагает возможностью принудительного собирания доказательств. Защитник является самостоятельным субъектом стороны защиты, наделенным предусмотренным законом комплексом процессуальных возможностей. Их реализация обеспечивает практическое осуществление принципа состязательности. Особое место занимают доказательственные полномочия защитника. Статья 86 УПК РФ предоставляет ему возможность получать предметы, документы и иные сведения, опрашивать лиц с их согласия и истребовать документы. По своей юридической природе соответствующая деятельность отличается от процессуальной деятельности следователя и дознавателя. Полномочия по заявлению ходатайств и жалоб имеют универсальное процессуальное значение. Они обеспечивают возможность инициировать необходимые процессуальные действия, реагировать на решения органов расследования и добиваться восстановления нарушенных прав. Ознакомление с материалами уголовного дела обладает системообразующим значением, поскольку формирует информационную основу для реализации значительной части иных полномочий защитника.

Предлагаемая классификация позволяет раскрыть структуру процессуального статуса адвоката-защитника посредством учета функционального назначения, объекта воздействия, степени самостоятельности, способа реализации, момента возникновения и правового результата полномочий. Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства целесообразно направить на конкретизацию порядка представления и приобщения к уголовному делу материалов, полученных защитником. При этом законодательное развитие соответствующего механизма должно сохранять разграничение функций защиты и уголовного преследования и обеспечивать стороне защиты реальную возможность формирования и отстаивания собственной доказательственной позиции.

Эффективность института адвоката-защитника на стадии предварительного расследования определяется совокупностью нормативно закрепленных полномочий и механизмов их практической реализации. Полномочия защитника выступают инструментом осуществления конституционного права на защиту и одним из существенных элементов состязательной организации уголовного судопроизводства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2024) // Российская газета. 31.12.2001. № 245

3. Авдонин В. А. Проблемы собирания и представления доказательств адвокатом защитником на стадии предварительного расследования // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024.

4. Качнова М. М. Процессуальные полномочия защитника в ходе участия в доказывании на стадии предварительного расследования // Вестник магистратуры. 2019. № 11-2 (98).

5. Кудрявцев В. Л. Право адвоката-защитника собирать доказательства по действующему законодательству // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2

Legal nature and classification of the powers of a defense attorney at the preliminary investigation stage

Arutyunyan D.A.

This article examines the legal nature and content of the powers held by a defense attorney during the preliminary investigation stage. The relevance of this topic stems from the defense attorney's role in upholding the constitutional right to qualified legal assistance and ensuring the realization of the suspect's and accused's right to a defense. The author argues that the defense attorney's powers possess a multifaceted legal nature, combining procedural, professional-advocacy, and functional components. A classification of these powers is proposed based on their functional purpose, object of impact, method of exercise, degree of procedural autonomy, and the moment of their inception. Particular attention is paid to powers related to evidence. The article concludes that the acquisition of objects, documents, and other information by the defense attorney constitutes a distinct form of procedural activity by the defense—one that differs in legal nature from the gathering of evidence by investigators, inquiry officers, prosecutors, and the court. Finally, the author substantiates the need for further legislative clarification regarding the procedure for submitting and admitting materials obtained by the defense attorney into the criminal case file.

Keywords: lawyer; defense counsel; powers of defense counsel; preliminary investigation; criminal proceedings; right to a defense; legal practice; proving; gathering of evidence; defense; adversarial principle; motion; complaint.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020).
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001
No. 174-FZ (as amended on 05/01/2024) // Rossiyskaya Gazeta. 31.12.2001. № 245
3. Avdonin V. A. Problems of collecting and presenting evidence by a defense lawyer at the stage of preliminary investigation // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. 2024.
4. Kachnova M. M. The procedural powers of the defender during the participation in proving at the stage of preliminary investigation // Bulletin of the Magistracy. 2019. No. 11-2 (98).
5. Kudryavtsev V. L. The right of a defense lawyer to collect evidence under current legislation // Gaps in Russian legislation. 2012. № 2

Судебное правоприменение как пространство поиска меры между формой и содержанием

Васяев Александр Александрович
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), AAVASYAEV@msal.ru.

В работе рассматривается деятельность суда, как институционально оформленного способа отыскания меры, связывающей нормативную форму с фактической, ценностной и смысловой стороной юридического спора. Исследование нацелено на обоснование философско-правового понимания судебного решения как результата не механического подведения установленного обстоятельства под норму закона, а рационально ограниченного соотнесения нормы закона и обстоятельств по делу. Показано, что форма в судебном правоприменении выступает не внешней оболочкой содержания, а способом его юридической организации; содержание, в свою очередь, не может быть признано правовым вне процедурной формы, обеспечивающей проверяемость, равноправие сторон и мотивированность вывода. Автор доказывает, что мера задает внутреннюю границу для двух крайностей: формализма, при котором правосудие растворяется в процедуре, и материально ориентированного подхода, при котором ради результата ослабевают законность и правовая определенность. Итоговый тезис состоит в том, что судебное правоприменение целесообразно трактовать как поле обоснованного соединения формы и содержания, где мера служит предпосылкой легитимности судебного акта, стабильности практики и справедливости судебной защиты.

Ключевые слова: мера; судебное правоприменение; философия права; соотношение формы и содержания; судейское усмотрение; судебное решение; правовая определенность; правовая герменевтика.

Введение

Проблематика судебного правоприменения не сводится к вопросу о том, каким образом суд соотносит норму с установленными обстоятельствами дела. Если смотреть на нее с философско-правовых позиций, разговор идет об устройстве самого перехода от отвлеченного нормативного предписания к судебному акту. Оценивать такой переход к чисто логической операции не получается: судебное решение формируется внутри процессуальной формы, где взвешиваются сведения, доводы сторон и допустимые варианты толкования норм закона. Именно поэтому судебное правоприменение приходится разбирать через категории, причем форму и содержание следует учитывать не по отдельности, а в их нормативной взаимосвязи.

В судебном правоприменении форма задаёт то, каким образом раскрывается юридически значимое содержание; от неё же зависят подсудность, очерёдность процессуальных действий, юридическая сила доказательств, пределы рассмотрения спора и выстраивание мотивировочной части судебного решения. Вместе с тем содержание дела не следует рассматривать как инертный материал, который попросту укладывается в готовую схему рассмотрения дела. Обстоятельства спора, сила публичного интереса, равно как и неясность нормы, сами воздействуют на то, каким образом применяется форма, и тем самым проясняют её смысл и пределы. Говоря иначе, применение права судом оборачивается тем процессуальным пространством, где отыскивается мера, соединяющая определённость нормы с содержательной уместностью принимаемого решения.

Значимость проблемы возрастает на фоне перемен, происходящих в судебной практике, законодательстве и юридической доктрины. Процедуры становятся все более дифференцированными, судопроизводство переходит в цифровые формы, роль судебной практики растет, а нормативный массив усложняется – все это заставляет искать способ удержать устойчивость формы, не превращая правосудие в формализм. Вместе с тем встает и противоположная задача: стремление к материальной справедливости не вправе подрывать законность, равенство сторон и предсказуемость судебных решений. Поэтому для изучения судебного правоприменения необходима категория, описывающая не уступку одной стороны другой, а внутренне обоснованную правовую пропорцию формы и содержания.

Эту роль выполняет мера. С философской точки зрения она означает не усредненную точку между противоположностями, а условие, при котором явление удерживает свое качество, хотя меняются его количественные, институциональные или смысловые характеристики. В сфере судебного правоприменения мера указывает на границу, в пределах которой процессуальная форма продолжает гарантировать действие права, а содержательная направленность решения сохраняет связь с нормой. Соответственно, если предметом настоящей статьи является судебное правоприменение как пространство указанного поиска меры, то ее цель состоит в выявлении философско-правовых условий, при которых судебный акт приобретает качество законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения.

В рамках данной проблематики методологически значимо обращение к классической логике формы, содержания и меры. Гегелевское понимание меры как единства качественной и количественной определенности позволяет рассматривать судебное правоприменение не как внешнее соединение процедуры и результата, а как процесс, в котором изменение степени формализации способно изменить само качество правосудия [7]. Тем самым философская категория меры выступает не отвлеченным понятием, а инструментом анализа правовой деятельности, где чрезмерное усиление одного элемента разрушает нормативную функцию другого.

Основная часть

Судебное правоприменение является особым видом деятельности, поскольку его результат выражается в акте публичной власти, имеющем индивидуально-определенный характер и претендующем на окончательное разрешение правового конфликта. Современные теоретические исследования подтверждают требования того, чтобы судебное правоприменение было связано с должной

квалификацией участников процесса, надлежащим установлением обстоятельств дела и вынесением обязательного справедливого решения [4]. Однако для философии права принципиально важно, что эти элементы не существуют обособленно. Они образуют единую структуру, в которой форма задает юридический порядок рассуждения, а содержание определяет предметную направленность такого рассуждения.

В общей теории права правоприменение традиционно рассматривается как властная индивидуализация правовой нормы. С. С. Алексеев связывал применение права с переводом общего правового регулирования в индивидуальное предписание, рассчитанное на конкретную жизненную ситуацию [1]. Такая индивидуализация не является произвольным дополнением нормы фактическими обстоятельствами; она предполагает преобразование факта в юридически значимое обстоятельство, а общего правила – в мотивированное решение. Выходит, что форма и содержание в деятельности суда взаимно друг друга опосредуют.

Следует констатировать, что до сегодняшнего дня методологическую значимость сохраняет еще античная постановка вопроса о справедливом применении общего правила. Аристотелевское учение об эпиейкии показывает, что общее предписание не всегда способно без остатка охватить особенности конкретного случая [2]. Однако из этого не следует признание свободного отступления от закона. Напротив, речь идет о таком уточнении правового смысла, при котором конкретизация нормы остается адекватной ее назначению. В судебном правоприменении этот подход позволяет отличать содержательно обоснованное толкование от подмены закона субъективной оценкой суда.

В свою очередь, кантовское понимание права как формы совместимости внешней свободы лиц позволяет уточнить пределы судебного усмотрения. Суд не только разрешает спор, но и восстанавливает правовую форму взаимодействия субъектов, нарушенную конфликтом притязаний. Поэтому судебное решение должно быть построено таким образом, чтобы свобода одной стороны не утверждалась вне соотнесения со свободой другой стороны и с общим правовым порядком [10]. Мера здесь проявляется как требование институционального равенства: содержание решения не может быть признано справедливым, если оно достигнуто путем ослабления формы, обеспечивающей равное процессуальное положение участников по делу.

Герменевтическая сторона вопроса связана с тем, что применение права неизбежно предполагает обязательное понимание смысла нормы. По мысли Гадамера, понимание, толкование и применение составляют единство, а потому смысл нормы не дан заранее как завершенный итог, существующий до конкретного дела [6]. Для судебной практики отсюда вытекает, что содержание закона раскрывается в ходе обоснованного применения к фактическим обстоятельствам. При этом такое раскрытие не равнозначно произвольному правотворчеству суда. Оно ограничено языком закона, системными связями нормы, отраслевыми принципами и процессуальным порядком доказывания.

Важную роль играет разграничение правил и принципов. Как показал Р. Дворкин, рассуждение юриста в делах не исчерпывается механическим следованием правилам, ведь аргументация опирается и на принципы, обеспечивающие нормативную цельность решения [8]. Применительно к деятельности суда это значит, что судебный акт должен содержать не только указание на норму, но и пояснение, по какой причине избранное ее понимание согласуется с правовой системой. Содержание решения становится правовым лишь тогда, когда оно выражено в форме аргумента, допускающего рациональную проверку.

В то же время концепция толкования права, разработанная Г. Л. А. Хартом, позволяет избежать противоположной крайности, при которой неопределенность нормы отождествляется с произволом правоприменителя [18]. Наличие пограничных случаев не отменяет юридической связанности суда с нормой закона, моралью и этикой. Оно лишь выявляет необходимость мотивированного выбора внутри допустимого смыслового поля. Иными словами, судейская деятельность получает характер не свободного усмотрения вне формы, а институционально ограниченного определения содержания нормы в условиях неполной определенности правового текста.

Радбруховское соотношение справедливости, целесообразности и правовой определенности имеет непосредственное значение для анализа меры в судебном правоприменении [13]. Судебный акт должен отвечать требованиям определенности, поскольку неопределенное решение не способно стабилизировать правовые отношения. Вместе с тем определенность не должна подменять справедливость формальным воспроизведением текста. Целесообразность также не может быть признана самостоятельным основанием решения, если она выходит за пределы закона. Мера судебного правоприменения возникает при нормативной координации этих элементов.

П. Рикёр, в свою очередь, связывал справедливое с институциональной процедурой вынесения суждения, в которой конфликт притязаний получает публично обоснованное разрешение [14]. Применительно к суду это особенно важно: он не только устанавливает юридические последствия, но и поясняет участникам спора, почему принял одни доводы и отклонил другие. Потому мотивировка обладает самостоятельной, а не служебной ценностью с точки зрения философии права. В ней и становится заметно, как форма юридического рассуждения сопрягается с содержанием конкретного дела, – а это сопряжение и есть мера судебного решения.

Исследования судейского усмотрения подтверждают: мера не равна простому количественному ограничению судейских полномочий. Обычно усмотрение возникает, если закон оставляет несколько юридически допустимых вариантов, что связано с оценочными понятиями, неполнотой нормы или нетипичностью обстоятельств дела [3]. Но свобода выбора не освобождает суд от законности, от обязанности мотивировать решение и сделать его доступным для процессуальной проверки. Более того, чем больше простор для усмотрения, тем выше требования к аргументации, ведь лишь она отличает правовое решение от субъективного предпочтения.

Анализ границ судейского усмотрения свидетельствует, что они не исчерпываются буквальным текстом закона [5]. В их число входят цель нормы, правовые принципы, стабильность судебной практики, недопустимость произвольно разного подхода к схожим ситуациям и необходимость принимать во внимание фактические особенности спора. По этой причине содержание судебного решения неотделимо от формы, в которой оно обосновано. Когда решение не раскрывает, каким образом суд пришел от нормы к выводу, даже материально убедительный итог не отвечает юридическим требованиям.

Еще один аспект виден при обращении к правовой неопределенности. Неопределенность не всегда свидетельствует о недостатке регулирования: порой именно она дает возможность принять во внимание многообразие жизненных обстоятельств [21]. Вместе с тем использовать ее следует осмотрительно, так как избыточная открытость нормы делает судебную практику менее предсказуемой. Суд должен воспринимать неопределенность не как основание произвольно исправлять закон, а как поле для аргументации. Мера в данном случае заключается в том, чтобы учитывать обстоятельства дела, не теряя при этом нормативной устойчивости формы.

О невозможности свести судебное решение к простой формальной операции говорит и конкуренция правовых принципов. При столкновении нескольких принципов суд обязан установить, как они соотносятся в данной ситуации [22]. Причем объявить один из принципов приоритетным здесь недостаточно. Суд должен раскрыть, какие обстоятельства он счел юридически значимыми, насколько интенсивно затронуты интересы сторон и по какой причине избранный способ разрешения спора соразмерен. Лишь тогда содержательный выбор облекается в правовую форму.

Вместе с тем процессуальная форма сохраняет собственную ценность. В теории юридического процесса процессуальность понимается как особый порядок правовой деятельности, гарантирующий последовательность, компетентность и проверяемость властных решений [17]. Значит, в судебном правоприменении материально верный вывод неотделим от способа, которым он получен. Существенное нарушение процессуальных гарантий изменяет качество судебного акта, так как лишает его содержание требуемой публичной легитимации.

Этим и объясняется неизменный интерес процессуальной науки к гарантийной роли формы. В уголовном судопроизводстве форма сдерживает публичную власть, обеспечивает достоверность доказывания и охраняет участников процесса. В административном и гражданском процессе данная роль выражается по-другому, однако ее смысл остается прежним. Во всех случаях мера между формой и содержанием предполагает отказ как от абсолютизации формы, так и от восприятия процедуры как помехи, которую допустимо отбросить ради нужного итога.

Нарастающая дифференциация процессуальной формы еще больше усложняет проблему меры. Упрощенные порядки, особые производства и цифровые каналы взаимодействия действительно могут сделать правосудие доступнее и быстрее. При этом единство процессуальной формы по-прежнему обеспечивает общий для всех стандарт судебной защиты [12]. Следовательно, дифференциация приемлема лишь до тех пор, пока не задевает сердцевину права на судебную защиту: возможность быть выслушанным, предъявить доказательства, получить мотивированное решение и обжаловать его.

Требования, предъявляемые к решениям суда, свидетельствуют, что и промежуточные решения должны отвечать известной структуре – быть законными, обоснованными, мотивированными и исполнимыми [16]. Это обстоятельство важно для качественного философско-правового анализа, поскольку оно подтверждает, что форма судебного акта не является внешним оформлением уже принятого содержания. Через нее содержание и обретает бытие внутри правовой системы. Неполная мотивировка, отсутствие ответа на существенный довод сторон или неясность вывода нарушают меру между формой и содержанием не меньше, чем прямое отступление от нормы.

Исследования философского смысла гражданского процесса позволяют рассматривать судопроизводство как особую форму рациональной коммуникации, в которой правовой конфликт преобразуется в предмет аргументированного рассмотрения [20]. При таком подходе судебное правоприменение не ограничивается властным завершением спора. Оно включает институциональную процедуру выработки правового суждения. Поэтому мера между формой и содержанием должна оцениваться не только по результату, но и по качеству процессуального общения, по возможности сторон реально участвовать в формировании материала дела и по способности суда отвечать на значимые аргументы.

Цифровизация правосудия вносит в данную проблему новый уровень сложности. Электронные документы, дистанционное участие, автоматизация распределения дел и цифровые сервисы изменяют процессуальную форму. Вместе с тем цифровые технологии должны оцениваться не по самому факту внедрения, а по их влиянию на реальную возможность судебной защиты [15]. Если цифровая форма повышает скорость, но снижает понятность, доступность или состязательные возможности стороны, мера между формой и содержанием оказывается нарушенной.

Влияние цифровизации на гражданский и арбитражный процесс также свидетельствует о том, что новая процессуальная форма не может рассматриваться как простая техническая модификация прежней процедуры [11]. Изменение носителя, способа участия и режима представления и исследования доказательств затрагивает саму структуру судебного правоприменения. Поэтому цифровое правосудие требует сохранения тех признаков формы, которые обеспечивают правовое содержание решения: идентифицируемость участника, полноту доступа к материалам дела, равенство процессуальных возможностей и проверяемость судебного вывода.

Вопросы уголовного правоприменения в условиях цифровых перемен свидетельствуют о том, что технологическое обновление повышает запрос к правовой определённости и действенности судебных решений. При этом действенность не должна становиться самоцелью, отодвигающей процессуальные гарантии на второй план. Её разумнее понимать как часть меры правосудия, где скорость разбирательства, доступность процедуры и уровень судебной аргументации взаимно уравновешиваются и дополняют друг друга; в противном случае цифровые нововведения коснутся лишь внешней стороны процесса, а правовое качество итогового решения останется без надлежащих гарантий. [9]

Процессуалисты сегодня говорят о деритуализации и дематериализации правосудия, и эти явления требуют особо осторожного отношения к исходным началам судопроизводства. Уход от бумажных носителей и личного участия в суде не снимает необходимости в гласности, состязательности, непосредственности и мотивированности. Проявляться названные начала могут по-иному, но без них поменялась бы сама природа судебного правоприменения. Мера позволяет увидеть, где заканчивается допустимое обновление процессуальной формы и где начинается утрата её гарантийного предназначения [23].

Работы о цифровизации гражданского и административного процесса показывают: технологии призваны обслуживать процессуальную защиту, а не подменять её. Правоприменительную деятельность суда нельзя свести к алгоритму последовательных операций. Даже при активном использовании цифровых инструментов суд по-прежнему обязан вникать в существо спора, устанавливать юридически значимые обстоятельства и мотивировать выбор применяемой нормы. Соразмерность здесь выражается в том, что юридическое суждение удерживается внутри процесса, видоизменённого технологиями. [19]

Таким образом, судебное правоприменение – это сфера, где форма и содержание не противоборствуют, а непрерывно согласуются в надлежащих пропорциях. Форма устанавливает границы, вне которых содержание спора нельзя объективировать и проверить. Содержание же не дает форме воплотиться в замкнутую на себе процедуру, утратившую связь с восстановлением нарушенного права или разрешением юридического конфликта. Мера выражает условие, при соблюдении которого судебное решение сохраняет законность, обоснованность, мотивированность и справедливость одновременно.

С этой точки зрения поиск меры не привносится в судебную деятельность извне. Он образует ее внутреннюю логику, ведь суд сопоставляет текст нормы с обстоятельствами дела, требования процессуального закона – с целью судебной защиты, правовую определенность – с потребностью индивидуализации, а устойчивость практики – с необходимостью учитывать новые ситуации. Легитимность судебного решения обусловлена не предпочтением формы либо содержания, а тем, что оно демонстрирует поддающийся проверке способ их правового соединения.

Заключение

Судебное правоприменение не сводится ни к механическому наложению нормы на обстоятельства по делу, ни к сфере, где всё решается соображениями материально-правовой целесообразности. Перед нами институционально выстроенная деятельность, задача которой – отыскать соразмерность между формой и содержанием. За счёт формы достигаются правовая определённость, равенство сторон в процессе, проверяемость доказательств и публичная обоснованность судебного акта. Содержание же задаёт направление применения нормы, вынуждая принимать во внимание фактические обстоятельства дела и значимость правовых начал.

Через категорию меры обнаруживаются границы как формализма, так и антиформализма в судебном правоприменении. Формализм нарушает меру тогда, когда процедура утрачивает связь с задачей судебной защиты, а правовое содержание вытесняется внешним следованием правилам. Антиформализм выходит за её пределы в тех случаях, когда ради материальной справедливости ослабевают требования закона, процессуальной формы и мотивированности. В обоих случаях судебный акт перестаёт быть полноценным правовым суждением: либо содержание не получает действительной оценки, либо форма уже не выполняет роль юридического ограничителя.

Цифровизация, дифференциация производств и возросшая роль судебной практики придают категории меры особое методологическое значение. Она позволяет оценивать реформы правосудия не только по их скорости или организационной отдаче, но и по тому, сохраняется ли правовая природа судебного решения. Поэтому понимание судебного правоприменения как поиска меры между формой и содержанием стоит отнести к центральным проблемам современной философии права. Именно тут общее правило обретает индивидуальное воплощение, а юридическая форма подтверждает свою связь со справедливостью, правовой определённостью и ответственным суждением суда.

Литература

1. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с.

2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

3. Аубакирова-Тер-Григорян Н. М. Судейское усмотрение: понятие и существенные черты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 8. С. 100-107.

4. Баматкириева С. Х. К вопросу о сущности и понятии судебного правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9. С. 20-22.

5. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: монография. М.: Проспект, 2020. 128 с.

6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

7. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. Учение о бытии. М.: Мысль, 1970. 501 с.

8. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 592 с.

9. Еременко В. М., Ляхова А. И., Першина Е. А. Проблемы уголовно-судебного правоприменения в условиях цифровой трансформации // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. Т. 50, № 4. С. 825-832.

10. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 224-543.

11. Кондюрина Ю. А. Влияние цифровизации процессуальной формы на цивилистический процесс // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 2. С. 140-147.

12. Кулакова В. Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 3. С. 109-119.

13. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.

14. Рикёр П. Справедливое / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого; послесл. Э. Шлоссер. М.: Гнозис: Логос, 2005. 304 с.

15. Розе М. А. Доступность правосудия в условиях его цифровизации // Российское правосудие. 2024. № 3. С. 14-26.

16. Терехова Л. А., Рябусова А. В. Требования, предъявляемые к определениям суда, в свете гарантий права на справедливое судебное разбирательство // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 1. С. 73-81.

17. Теория юридического процесса / В. М. Горшенев, В. Г. Крупин, Ю. И. Мельников [и др.]; под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков: Вища школа: Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. 192 с.

18. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.

19. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина [и др.]; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 336 с.

20. Черных И. И. Философский смысл гражданского процесса // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 2. С. 97-103.

21. Шабетя И. В. Правовая неопределенность и перспективы ее использования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7. С. 81-83.

22. Шипунов И. В. Конкуренция принципов права в судебном правоприменении // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 77-80.

23. Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3-6.

Judicial Law Application as a Space for Seeking the Balance Between Form and Substance

Vasyaev A.A.

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

This paper examines the activity of the court as an institutionally established method of finding a «measure» that links the normative form with the factual, axiological, and semantic dimensions of a legal dispute. The study aims to substantiate a philosophical-legal understanding of the judicial decision not as the mechanical subsumption of an established fact under a legal rule, but as a rationally constrained correlation between the legal rule and the circumstances of the case. It is demonstrated that, in judicial law application, form acts not merely as an external shell for content but as the method of its legal organization; conversely, content cannot be deemed «legal» apart from the procedural form that ensures verifiability, equality of the parties, and the reasoned nature of the conclusion. The author argues that this «measure» establishes an internal boundary between two extremes: formalism, wherein justice dissolves into procedure, and a substantively oriented approach, wherein legality and legal certainty are compromised for the sake of the outcome. The concluding thesis is that judicial law application should be interpreted as a sphere where form and content are meaningfully integrated, with the «measure» serving as a prerequisite for the legitimacy of the judicial act, the stability of practice, and the fairness of judicial protection.

Keywords: measure; judicial law application; philosophy of law; relationship between form and content; judicial discretion; judicial decision; legal certainty; legal hermeneutics.

References

1. Alekseev S. S. Theory of Law. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: BEK, 1995. 320 p.
2. Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. 830 p.
3. Aubakirova-Ter-Grigoryan N. M. Judicial Discretion: Concept and Essential Features // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18, № 8. P. 100-107.
4. Bamatkirieva S. Kh. On the Essence and Concept of Judicial Law Application // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 9. P. 20-22.
5. Berg L. N. Judicial Discretion and Its Limits: A General Theoretical Aspect: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020. 128 p.
6. Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics / trans. from German; gen. ed. and introd. art. by B. N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
7. Hegel G. W. F. Science of Logic: in 3 vols. Vol. 1. The Doctrine of Being. Moscow: Mysl, 1970. 501 p.
8. Dworkin R. Law's Empire / trans. from English by S. Moiseev. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. 592 p.
9. Eremenko V. M., Lyakhova A. I., Pershina E. A. Problems of criminal judicial law enforcement in the context of digital transformation // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2025. Vol. 50, № 4. P. 825-832.
10. Kant I. The Metaphysics of Morals // Kant I. Works: in 8 vols. Vol. 6. Moscow: Choro, 1994. P. 224-543.
11. Kondyurina Yu. A. The impact of the digitalization of procedural form on civil procedure // Law Enforcement Review. 2025. Vol. 9, № 2. P. 140-147.
12. Kulakova V. Yu. Unity and differentiation of procedural form // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, № 3. P. 109-119.
13. Radbruch G. Philosophy of Law / trans. from German by Yu. M. Yumashev. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2004. 240 p.
14. Ricœur P. The Just / trans. from French by B. Skuratov, P. Khitsky; afterword by E. Schlosser. Moscow: Gnozis: Logos, 2005. 304 p.
15. Roze M. A. Accessibility of justice in the context of its digitalization // Russian Justice. 2024. № 3. P. 14-26.
16. Terekhova L. A., Ryabusova A. V. Requirements for court rulings in light of the guarantees of the right to a fair trial // Law Enforcement Review. 2024. Vol. 8, № 1. P. 73-81.
17. Theory of Legal Process / V. M. Gorshenev, V. G. Krupin, Yu. I. Melnikov [et al.]; ed. by V. M. Gorshenev. Kharkov: Vyshcha Shkola: Publishing House of Kharkov University, 1985. 192 p.
18. Hart H. L. A. The Concept of Law / trans. from English; ed. by E. V. Afonasin, S. V. Moiseev. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007. 302 p.
19. Digital Technologies in Civil and Administrative Proceedings: Practice, Analysis, Prospects / M. V. Samsonova, E. G. Streltsova, A. V. Chaikina [et al.]; ed. by E. G. Streltsova. Moscow: Infotropic Media, 2022. 336 p.
20. Chernykh I. I. The Philosophical Meaning of Civil Procedure // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, № 2. P. 97-103.
21. Shabetya I. V. Legal Uncertainty and Prospects for Its Use // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 7. P. 81-83.
22. Shipunov I. V. Competition of Legal Principles in Judicial Law Enforcement // Altai Bulletin of State and Municipal Service. 2024. № 22. Pp. 77-80.
23. Yarkov V. V. Principles of Civil Procedural Law Amidst the Deritualization and Dematerialization of Justice // Arbitration and Civil Process. 2020. № 11. Pp. 3-6.

Исполнение постановлений иных органов в системе гражданского процессуального права Российской Федерации: процессуальные особенности и проблемы правового регулирования

Едемский Виталий Валерьевич
Соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, edemskij.law@yandex.ru

В статье исследуются процессуальные особенности исполнения постановлений иных органов (несудебных актов) в порядке, установленном разделом VII Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Анализируется понятие «постановления иных органов», выделяются их виды и классификационные признаки. Рассматриваются две модели принудительного исполнения: модель непосредственной исполнимости (для нотариальных актов, удостоверений комиссий по трудовым спорам, постановлений административных органов и др.) и модель судебного санкционирования (для решений третейских судов, международных коммерческих арбитражей и иностранных судов). Выявляются процессуальные особенности каждой группы актов, включая основания и порядок выдачи исполнительных документов, пределы судебного контроля, а также специфику поворота исполнения. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций формулируются предложения по совершенствованию законодательства, в том числе о легальном определении «постановления иного органа», унификации порядка восстановления сроков предъявления к исполнению и дифференциации процессуальных режимов.

Ключевые слова: постановления иных органов, исполнительный документ, судебный контроль, исполнительная надпись нотариуса, решение третейского суда, удостоверение комиссии по трудовым спорам, экзекватура, поворот исполнения, Гражданский процессуальный кодекс.

Институт принудительного исполнения юрисдикционных актов в Российской Федерации традиционно рассматривается как завершающая стадия защиты нарушенных прав, однако его содержание не ограничивается исполнением только судебных постановлений. Законодатель, используя в наименовании раздела VII ГПК РФ обобщающую категорию «постановления иных органов», включает в сферу исполнительного производства широкий круг актов, выносимых органами и должностными лицами, не входящими в судебную систему. Это предопределяет необходимость специального научного осмысления процессуальных особенностей исполнения таких актов, поскольку их правовая природа, порядок принятия и степень формальной определённости существенно отличаются от судебных постановлений.

Актуальность обособленного исследования процессуальных особенностей исполнения постановлений иных органов обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, действующее исполнительное законодательство исходит из принципа множественности видов исполнительных документов: согласно статье 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее - Закон № 229-ФЗ)[1], перечень исполнительных документов не исчерпывается исполнительными листами и судебными приказами, а включает также нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов, удостоверения комиссий по трудовым спорам, акты органов, осуществляющих контрольные функции, акты по делам об административных правонарушениях, постановления судебного пристава-исполнителя и ряд иных актов, которым федеральный закон придаёт силу исполнительного документа. Во-вторых, гражданское процессуальное законодательство использует по отношению ко всем перечисленным актам единую родовую категорию - «постановления иных органов», что порождает необходимость выявления единых и одновременно дифференцированных процессуальных правил применительно к каждому виду таких актов. В-третьих, судебный контроль, установленный нормами раздела VII ГПК РФ, распространяется на исполнение постановлений иных органов не в полном объёме, а избирательно, что требует специального доктринального осмысления.

В науке гражданского процессуального права утвердилось представление о комплексной, межотраслевой природе исполнительного производства в целом. Применительно к постановлениям иных органов данная дискуссия приобретает дополнительное измерение: если в отношении судебных постановлений тезис о процессуальной природе исполнения обосновывается генетической связью исполнительного производства с судебным разбирательством, то применительно к актам нотариусов, комиссий по трудовым спорам, административных органов подобная генетическая связь с деятельностью суда отсутствует изначально: акт возникает и приобретает силу исполнительного документа вне рамок гражданского судопроизводства, суд же включается в процесс уже на стадии принудительной реализации такого акта, причём далеко не во всех случаях[2]. Это позволяет утверждать, что в отношении постановлений иных органов гражданское процессуальное право выполняет функцию последующего судебного контроля за законностью процедуры принудительного исполнения акта, изданного в рамках иной юрисдикционной процедуры, а не функцию его первичного правоприменительного оформления.

Дискуссия о природе судебного контроля за исполнением постановлений иных органов имеет и практическое измерение, поскольку от её разрешения зависит объём процессуальных прав должника и взыскателя. Если исходить из того, что суд, разрешая вопросы, связанные с исполнением постановления иного органа, осуществляет самостоятельную, не связанную с содержанием первоначального акта юрисдикционную деятельность, то логичным следствием явля-

[1] Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Российская газета № 223, 06.10.2007.

[2] Малешин Д.Я. Заметки о типах исполнительного производства // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 124.

ется ограничение предмета судебной проверки исключительно процедурными аспектами исполнения - без права суда давать оценку существу требования, зафиксированного в акте иного органа[1]. Именно такой подход последовательно проводится в судебной практике применительно к делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, где суд прямо не наделён правом пересматривать решение третейского суда по существу спора, а вправе лишь проверять наличие или отсутствие формальных, исчерпывающим образом перечисленных в законе оснований для отказа в выдаче исполнительного листа[2]. Аналогичным образом при рассмотрении заявлений об отсрочке, рассрочке исполнения либо о приостановлении исполнительного производства применительно к постановлению административного органа или удостоверению комиссии по трудовым спорам суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, привлечённого к административной ответственности, либо об обоснованности требования, рассмотренного комиссией, поскольку это составляло бы недопустимое вмешательство в компетенцию соответствующего юрисдикционного органа.

Для уяснения процессуальной специфики исполнения постановлений иных органов необходимо определить круг субъектов, чьи акты законодатель наделяет силой исполнительного документа. Систематическое толкование статьи 12 Закона № 229-ФЗ во взаимосвязи с отраслевым законодательством позволяет выделить несколько относительно самостоятельных групп таких субъектов.

Первая группа - нотариусы. Их исполнительные надписи (ст. 89-94.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[3]) являются исполнительными документами применительно к бесспорным требованиям, а равно нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов. Особенность процессуального положения нотариального акта состоит в том, что он не подлежит проверке судом на стадии выдачи, тогда как оспаривание совершённого нотариального действия либо отказа в его совершении осуществляется в порядке особого производства (глава 37 ГПК РФ), образуя самостоятельный, предшествующий принудительному исполнению процессуальный механизм[4].

Вторая группа - комиссии по трудовым спорам (КТС). В соответствии со статьёй 389 Трудового кодекса РФ[5] в случае неисполнения работодателем решения комиссии в установленный срок работнику по его обращению выдаётся удостоверение, являющееся исполнительным документом, на основании которого судебный пристав-исполнитель приводит решение комиссии в исполнение в принудительном порядке. Законодатель прямо квалифицирует удостоверение КТС как самостоятельный исполнительный документ, минуя стадию обращения в суд за выдачей исполнительного листа[6]. Возникает и практическая проблема соотношения специального трёхмесячного срока предъявления удостоверения КТС к исполнению с общими правилами восстановления пропущенных сроков предъявления исполнительных документов, установленными статьёй 23 Закона № 229-ФЗ, согласно которым восстановлению подлежат только сроки предъявления исполнительного листа и судебного приказа. Данная коллизия разрешается на основе принципа приоритета специальной нормы, что подтверждается и трудоправовой доктриной[7].

Третья группа - органы (должностные лица), уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях. Постановления по таким делам, предусматривающие имущественные взыскания, являются исполнительными документами в силу прямого указания закона[8]. Судебный контроль за законностью самого постановления осуществляется в порядке, установленном главой 30 КоАП РФ, тогда как контроль за процедурой его принудительного исполнения переходит в сферу действия норм раздела VII ГПК РФ либо норм КАС РФ - в зависимости от характера спора. Разграничение компетенции между ГПК РФ и КАС РФ применительно к исполнению постановлений административных органов разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36[9].

Четвёртая группа - комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, постановления которых о наложении административного штрафа также подлежат принудительному исполнению по общим правилам исполнительного производства[10].

Пятая, особая группа - третейские суды (постоянно действующие арбитражные учреждения и суды ad hoc[11]) и международный коммерческий арбитраж[12]. Принципиальное отличие данной группы состоит в том, что решение третейского суда само по себе не является исполнительным документом; для приобретения им исполнительной силы необходимо получение исполнительного листа, выдаваемого компетентным государственным судом. Действующий ГПК РФ регулирует данные отношения в самостоятельном разделе VI «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов», включающем главу 46 «Производство по делам об оспаривании решений третейских судов» (ст. 418-422.1), главу 47 «Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» (ст. 423-427) и главу 47.1 «Производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов» (ст. 427.1-427.5). Данное обособление института от раздела VII произошло в результате реформы третейского разбирательства 2015-2016 годов[13], проведённой Федеральными законами от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ и № 409-ФЗ[14]. Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда исчерпывающим образом закреплены в статье 426 ГПК РФ и включают, в частности, недействительность третейского соглашения, ненадлежащее уведомление стороны о разбирательстве, неарбитрабельность спора[15] [18] и противоречие исполнения публичному порядку Российской Федерации. Судебная практика Верховного Суда РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на недопустимость расширительного толкования данных оснований и на необходимость установления судом по собственной инициативе только оснований о неарбитрабельности спора и о противоречии публичному порядку, тогда как остальные основания применяются лишь по заявлению заинтересованной стороны. В частности, в одном из дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что рассмотрение спора третей-

---

[1] Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 52-56.

[2] Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 214-218.

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

[4] Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России: направления реформ // Российское правосудие. 2010. № 9 (53). С. 36-42.

[5] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[6] Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. С. 570-595.

[7] Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России: учебник для вузов. М.: Проспект, 2005. С. 402-406.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, № 1 (часть I), 07.01.2002, ст.1.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[10] Авдонина Ю.Н. Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве : дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 210 с.

[11] Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража ad hoc в России. «Институциональные» третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1 (125). С. 8-13.

[12] Розенберг М.Г. Из практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации за 2008 год // Хозяйство и право. 2008. № 8. С. 101-116.

[13] Герасименко Ю.В., Терехова Л.А. О новой процедуре создания арбитражного учреждения (вступительная статья к обзору) // Правоприменение. 2017. №2. С. 207-211.

[14] Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 409-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29.

[15] Туктамышев В.Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы : дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 254 с.

ским судом ad hoc само по себе не препятствует получению исполнительного листа в суде общей юрисдикции[1]. Категория публичного порядка при этом является оценочной и требует от суда взвешенного подхода: правоприменительная практика окружных арбитражных судов последовательно исходит из того, что немотивированное присуждение убытков, направленное на обогащение кредитора сверх компенсаторной функции гражданско-правовой ответственности, свидетельствует о нарушении принципа соразмерности ответственности и, соответственно, публичного порядка Российской Федерации[2]. Конституционный Суд РФ также обращался к вопросу о конституционно-правовом смысле оснований отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, связанных со спорами, вытекающими из отношений с недвижимостью[3]. Разъяснения по вопросам осуществления судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53[4].

Шестая группа - иностранные суды и иностранные третейские суды (арбитражи), решения которых подлежат исполнению на территории Российской Федерации после прохождения процедуры признания и приведения в исполнение, урегулированной главой 45 ГПК РФ, расположенной в разделе V «Производство по делам с участием иностранных лиц», а также соответствующими международными договорами, включая Нью-Йоркскую конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года[5]. После вынесения судом определения о признании и принудительном исполнении на основании такого определения выдаётся исполнительный лист, дальнейшее движение которого подчиняется общим правилам раздела VII ГПК РФ[6].

Седьмая группа - постановления самого судебного пристава-исполнителя, которые также приобретают силу исполнительного документа и в этом смысле являются «постановлениями иного органа» по отношению к суду. Их законность оспаривается в порядке, предусмотренном статьёй 441 ГПК РФ, то есть в рамках того же раздела VII, который одновременно регулирует и последующее принудительное исполнение указанных постановлений.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить две принципиально различные модели приведения постановлений иных органов к принудительному исполнению.

Первая модель «непосредственной исполнимости» характерна для нотариальных исполнительных надписей, удостоверений комиссий по трудовым спорам, постановлений по делам об административных правонарушениях, постановлений судебного пристава-исполнителя[7]. Роль суда в этой модели сводится исключительно к последующему контролю - рассмотрению жалоб на действия судебного пристава-исполнителя, разрешению вопросов об отсрочке, рассрочке, приостановлении или прекращении исполнительного производства, а также защите прав третьих лиц при обращении взыскания на имущество.

Вторая модель «судебного санкционирования» характерна для решений третейских судов, международного коммерческого арбитража, а также иностранных судов и иностранных арбитражей[8]. В рамках данной модели необходимо вынесение судом специального судебного акта (определения о выдаче исполнительного листа или о признании и приведении в исполнение), на основании которого уже выдаётся исполнительный лист, подчиняющийся общему процессуальному режиму, установленному статьями 428-431 ГПК РФ.

Существование двух указанных моделей объясняется различной степенью доверия законодателя к юрисдикционной природе соответствующего органа и различной степенью процессуальных гарантий, обеспечиваемых в рамках процедуры вынесения акта. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж представляют собой частную, договорную форму разрешения споров, в связи с чем государственный контроль за соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий объективно необходим именно на стадии придания решению принудительной исполнимости[9].

Дополнительным аргументом в пользу разграничения двух указанных моделей служит и различие в правовых последствиях отказа суда в соответствующем волеизъявлении. Отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не препятствует сторонам обратиться за разрешением спора в суд по общим правилам искового производства, поскольку решение третейского суда, не прошедшее судебную проверку, не порождает окончательных правовых последствий для взыскателя. В то же время отказ в удовлетворении заявления, связанного с исполнением уже готового, самоисполнимого постановления иного органа, не затрагивает юридической силы самого этого постановления, а лишь означает, что взыскание должно производиться в общем порядке, без предоставления должнику дополнительных льгот. Данное различие ещё раз подчёркивает, что суд в рамках модели непосредственной исполнимости выполняет вспомогательную, обеспечительную функцию, тогда как в рамках модели судебного санкционирования его роль значительно более весома и по существу является правообразующей для приобретения актом иного органа принудительной исполнимости[10].

Центральной процессуальной особенностью, объединяющей все перечисленные разновидности постановлений иных органов в рамках раздела VII ГПК РФ, является характер и пределы судебного контроля, осуществляемого в отношении процедуры их принудительного исполнения. К числу таких полномочий относятся:

Отсрочка или рассрочка исполнения, изменение способа и порядка исполнения (ст. 434 ГПК РФ), прямо распространяющиеся как на судебные постановления, так и на постановления иных органов. При этом суд, рассматривающий соответствующее заявление применительно к постановлению иного органа, определяется исключительно по правилам подсудности по месту исполнения, поскольку «суда, вынесшего постановление», в данном случае не существует.

Приостановление и прекращение исполнительного производства (ст. 436-440 ГПК РФ). Основания приостановления и прекращения сформулированы законодателем таким образом, что они в равной мере применимы к исполнительному производству, возбуждённому на основании любого исполнительного документа независимо от того, кем он выдан. Значимое исключение составляет норма об обязанности суда приостановить исполнительное производство в случае оспаривания в суде исполнительного документа несудебного органа - данная норма имеет специфическое значение именно применительно к постановлениям иных органов, обеспечивая процессуальный баланс между продолжающимся исполнением и оспариванием законности самого акта.

Разрешение заявлений об оспаривании постановлений и действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов (ст. 441 ГПК РФ), применяемое одинаково независимо от природы исполнительного документа, поскольку предметом судебной проверки выступает не сам акт иного органа, а законность процессуальных действий пристава-исполнителя.

---

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.10.2023 г. по делу № 20-КГ23-11-К5 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 16497/12 по делу № А40-57217/12-56-534 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[5] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

[6] Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.И. Марышевой. 4-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 466-474.

[7] Гуреев В.А., Гущин В.В. Исполнительное производство: учебник. М., 2009. 352 с.

[8] Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. 525 с.

[9] Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М.: Дело, 2001. 502 с.

[10] Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 588-891.

Защита прав других лиц при исполнении судебного постановления либо постановления государственного или иного органа (ст. 442 ГПК РФ), предусматривающая рассмотрение по правилам искового производства споров об освобождении имущества от ареста, возникающих в связи с обращением взыскания по любому исполнительному документу.

Поворот исполнения (ст. 443-445.1 ГПК РФ). Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 279-ФЗ кодекс дополнен статьёй 445.1, установившей порядок поворота исполнения судебного постановления, отменённого по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а также специальные изъятия для требований, вытекающих из трудовых отношений, авторского вознаграждения, алиментных обязательств и возмещения вреда жизни и здоровью[1]. Применительно к постановлениям иных органов данный институт приобретает существенную специфику, поскольку акт иного органа может быть отменён не судом общей юрисдикции по правилам ГПК РФ, а в рамках самостоятельной процедуры (например, отмена постановления по делу об административном правонарушении вышестоящим административным органом или судом в порядке главы 30 КоАП РФ). В таких случаях поворот исполнения осуществляется по правилам, установленным соответствующим отраслевым законодательством, однако единый процессуальный механизм в ГПК РФ отсутствует, что создаёт пробел в правовом регулировании.

Перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание (ст. 446 ГПК РФ), - норма, имеющая абсолютно универсальный характер вне зависимости от природы исполнительного документа.

Проведённый анализ позволяет выявить ряд системных проблем правового регулирования исполнения постановлений иных органов. Во-первых, отсутствие в ГПК РФ легального определения понятия «постановление иного органа» порождает необходимость доктринального и правоприменительного толкования данной категории. Представляется целесообразным дополнить статью 428 ГПК РФ развёрнутым определением, устанавливающим, что под постановлением иного органа для целей настоящего раздела понимается любой акт органа, должностного лица либо юрисдикционного образования, не относящегося к судам общей юрисдикции, которому федеральным законом придана сила исполнительного документа. Такое определение позволит унифицировать подходы и устранить неопределённость, возникающую при отнесении того или иного акта к числу исполнительных документов. Во-вторых, требует дальнейшей научной проработки вопрос о процессуальном механизме поворота исполнения применительно к отменённым постановлениям иных органов, поскольку действующее регулирование (ст. 443-445.1 ГПК РФ) ориентировано прежде всего на модель отмены судебного постановления вышестоящей судебной инстанцией. Предлагается дополнить раздел VII ГПК РФ специальной нормой, устанавливающей порядок поворота исполнения при отмене акта несудебного органа, с указанием на то, что возврат взысканных сумм осуществляется на основании вступившего в законную силу судебного акта или акта вышестоящего органа, отменившего первоначальное постановление, и по заявлению должника, поданному в суд по месту исполнения. В-третьих, сохраняется коллизия между положениями статьи 23 Закона № 229-ФЗ, ограничивающей восстановление срока предъявления исполнительного документа к исполнению только исполнительным листом и судебным приказом, и статьёй 389 ТК РФ, допускающей восстановление срока для удостоверения КТС самой комиссией. Данная коллизия, как было показано выше, разрешается на основе приоритета специальной нормы, однако для устранения системного противоречия целесообразно внести изменения в статью 23 Закона № 229-ФЗ, дополнив перечень исполнительных документов, срок по которым может быть восстановлен, удостоверениями КТС, а также иными актами, прямо предусмотренными федеральными законами. Это позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и устранить неоправданные различия в объёме процессуальных гарантий для разных категорий должников. В-четвёртых, заслуживает внимания концептуальный вопрос о целесообразности сохранения единого раздела VII ГПК РФ, объединяющего разнородные по субъектному составу порождающих актов правоотношения. На взгляд автора, сохранение единого раздела оправданно постольку, поскольку оно обеспечивает унификацию процессуальных гарантий защиты прав должника и взыскателя независимо от природы исполняемого акта, однако данная унификация должна сопровождаться более чётким законодательным обособлением норм, адресованных исключительно судебным постановлениям, от норм, имеющих универсальное применение. В частности, целесообразно выделить в отдельную главу нормы, регулирующие исполнение решений третейских судов и иностранных судов, с учётом их особой процедуры санкционирования, а для остальных постановлений иных органов сохранить общий режим с возможностью дифференциации по отдельным вопросам (например, по срокам предъявления, основаниям приостановления и т.п.). В-пятых, существенной проблемой является сложность определения надлежащей судебной компетенции применительно к спорам, возникающим в связи с принудительным исполнением постановлений иных органов. Если для судебных постановлений вопрос о компетентном суде решается однозначно, то применительно к постановлениям иных органов законодатель вынужден устанавливать самостоятельные правила определения компетентного суда. Дополнительную сложность создаёт конкуренция между гражданским судопроизводством и административным судопроизводством. Оспаривание постановлений и действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов, связанных с исполнением постановлений административных органов, в определённых случаях подлежит рассмотрению по правилам КАС РФ, если спорное правоотношение носит публично-правовой характер. Для устранения этой неопределённости предлагается закрепить в ГПК РФ и КАС РФ единые правила разграничения подведомственности по критерию субъектного состава и характера правоотношения, а также предусмотреть возможность передачи дела из одного суда в другой в случае ошибочного определения вида судопроизводства без прекращения производства по делу.

Немаловажным для оценки практической значимости рассмотренных проблем является и обращение к статистическим данным о деятельности службы судебных приставов. Значительная доля обращений граждан и организаций в суды по вопросам, связанным с исполнительным производством, касается именно вопросов исполнения постановлений иных органов[2]. Данное обстоятельство подтверждает практическую значимость единообразного и последовательного регулирования вопросов подведомственности и подсудности применительно к спорам, возникающим при исполнении постановлений иных органов, поскольку ошибочное определение вида судопроизводства (гражданского или административного) влечёт возвращение заявления либо прекращение производства по делу и, как следствие, увеличение сроков защиты нарушенных прав участников исполнительного производства.

Процессуальная специфика исполнения постановлений иных органов в системе гражданского судопроизводства Российской Федерации, регламентированная нормами раздела VII ГПК РФ, детерминируется фундаментальным отличием функциональной нагрузки суда в сравнении с классическим механизмом принудительной реализации судебных актов. В данном контексте суд утрачивает свои традиционные дискреционные полномочия по определению материально-правовой судьбы исполнительного требования и выступает не в качестве арбитра, разрешающего спор о праве, а в качестве институционального гаранта легитимности и процессуальной корректности принудительного воздействия. Данная роль обретает преимущественно контрольный и обеспечительный характер, реализуемый через дихотомию процессуальных форм: с одной стороны, это последующий, ретроспективный контроль за нормативной выверенностью процедурных действий при исполнении актов, обладающих свойством самоисполнимости, где судебная проверка ориентирована на выявление процессуальных дефектов уже состоявшейся процедуры; с другой стороны, это предварительное, превентивное судебное санкционирование, выступающее необходимым фильтром допустимости принудительной реализации юрисдикционных актов негосударственной природы или иностранного происхождения, что требует від суда оценки их формальной юридической силы и соответствия публичному порядку.

Вместе с тем, принципиальным обстоятельством, составляющим

[1] Федеральный закон «О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.06.2023 № 279-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4687.

[2] Данные судебной статистики // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 25.05.2026).

ядро рассматриваемой проблематики, является универсальный характер процессуальных институтов, закреплённых в разделе VII ГПК РФ, которые, будучи формально единообразными, применяются судами вне зависимости от видовой принадлежности исполнительного документа - будь то нотариально удостоверенное соглашение, постановление административного органа или решение иностранного суда. Такая унифицированная модель, безусловно, обеспечивает единство процессуальных гарантий для всех участников исполнительного производства, нивелируя ведомственные различия и создавая равный стандарт правовой защищённости.

Литература

1. Авдонина Ю.Н. Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве : дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 210 с.
2. Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России: направления реформ // Российское правосудие. 2010. № 9 (53). С. 36-42.
3. Герасименко Ю.В., Терехова Л.А. О новой процедуре создания арбитражного учреждения (вступительная статья к обзору) // Правоприменение. 2017. №2. С. 207-211.
4. Гуреев В.А., Гущин В.В. Исполнительное производство: учебник. М., 2009. 352 с.
5. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России: учебник для вузов. М.: Проспект, 2005. С. 402-406.
6. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 214-218.
7. Малешин Д.Я. Заметки о типах исполнительного производства // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 124.
8. Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.И. Марышевой. 4-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 466-474.
9. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М.: Дело, 2001. 502 с.
10. Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. 525 с.
11. Розенберг М.Г. Из практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации за 2008 год // Хозяйство и право. 2008. № 8. С. 101-116.
12. Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража ad hoc в России. «Институциональные» третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1 (125). С. 8-13.
13. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 588-891.
14. Туктамышев В.Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы : дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 254 с.
15. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 52-56.

Enforcement of Decisions by Other Bodies within the Civil Procedural Law System of the Russian Federation: Procedural Features and Issues of Legal Regulation

Edemskiy V.V.

Kazan (Volga Region) Federal University

This article examines the procedural aspects of enforcing decisions made by "other bodies" (non-judicial acts) in accordance with the procedure established by Section VII of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. It analyzes the concept of "decisions by other bodies," identifying their various types and classification criteria. Two models of compulsory enforcement are considered: the model of direct enforceability (applicable to notarial acts, certificates issued by labor dispute commissions, decisions by administrative authorities, etc.) and the model of judicial authorization (applicable to decisions of arbitration tribunals, international commercial arbitration courts, and foreign courts). The article highlights the procedural characteristics specific to each group of acts, including the grounds and procedures for issuing enforcement documents, the scope of judicial oversight, and the nuances regarding the reversal of enforcement. Based on an analysis of judicial practice and legal doctrine, the author proposes legislative improvements, such as establishing a formal legal definition for "decisions by other bodies," standardizing the procedure for restoring time limits for the submission of documents for enforcement, and further differentiating the applicable procedural regimes.

Keywords: decisions by other bodies, enforcement document, judicial oversight, notarial enforcement endorsement, arbitration tribunal decision, labor dispute commission certificate, exequatur, reversal of enforcement, Civil Procedure Code.

References

1. Avdonina Yu.N. Procedural Aspects of Protecting the Rights and Legally Protected Interests of Minors in Civil Litigation: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Kazan, 2023. 210 p.
2. Argunov A.V. Special Proceedings in Russian Civil Procedural Law: Directions for Reform // Russian Justice. 2010. No. 9 (53). pp. 36–42.
3. Gerasimenko Yu.V., Terekhova L.A. On the New Procedure for Establishing an Arbitration Institution (Introductory Article to the Review) // Law Enforcement. 2017. No. 2. pp. 207–211.
4. Gureev V.A., Gushchin V.V. Enforcement Proceedings: A Textbook. Moscow, 2009. 352 p.
5. Gusov K.N., Tolkunova V.N. Labor Law of Russia: A Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Prospekt, 2005. pp. 402–406.
6. Kurochkin S.A. Arbitration of Civil Cases in the Russian Federation: Theory and Practice. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. pp. 214–218.
7. Maleshin D.Ya. Notes on Types of Enforcement Proceedings // Compulsory Enforcement of Acts of Courts and Other Bodies. Powers of Officials in Carrying Out Enforcement Actions: Collection of Materials from an International Scientific-Practical Conference. St. Petersburg, 2010. p. 124.
8. Private International Law: A Textbook for Academic Bachelor's Programs / ed. by N.I. ...by Marysheva. 4th ed. Moscow: Yurayt, 2015. pp. 466–474.
9. Neshataeva T.N. International Civil Procedure. Moscow: Delo, 2001. 502 p.
10. Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O.Yu. Contract Law: Agreements on Jurisdiction, International Jurisdiction, Conciliation Procedures, Arbitration (Adjudication) Agreements, and Settlement Agreements. Moscow: Statut, 2008. 525 p.
11. Rozenberg M.G. From the Practice of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation in 2008 // Khozyaistvo i pravo (Economy and Law). 2008. No. 8. pp. 101–116.
12. Sevastyanov G.V. Institutionalization of Ad Hoc Arbitration in Russia. "Institutional" Arbitrators. Problems and Tasks for the Development of Arbitration in Russia // Treteyskiy sud (Arbitration Court). 2021. No. 1 (125). pp. 8–13.
13. Skvortsov O.Yu. Arbitration of Commercial Disputes in Russia: Problems, Trends, and Prospects. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. pp. 588–891.
14. Tuktamyshev V.D. Arbitrability (Jurisdictional Competence) of Disputes: Theoretical Issues : Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg, 2024. 254 p.
15. Yarkov V.V. Legal Facts in the Mechanism for Implementing Norms of Civil Procedural Law. Yekaterinburg, 1992. Pp. 52–56.

Проблемы применения процедуры оспаривания локальных нормативных правовых актов и индивидуальных актов

Жеребкина Елена Владимировна
старший преподаватель Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, ev.zherebkina@mail.ru

В статье исследуются доктринальные и практические аспекты судебного оспаривания локальных нормативных правовых актов с учетом их правовой природы и сферы действия. Особое внимание уделяется порядку оспаривания локального нормативного правового акта и индивидуального акта, который применяется на основе данного акта. Автор приходит к выводу о том, что совместное рассмотрение таких требований в одном производстве возможно. Оптимальной формой рассмотрение является гл. 21 КАС РФ. Автор считает, что это логично и оправдано. Так как данные требования связаны между собой, рассматриваются по правилам общего искового производства, с одинаковым субъектным составом, что будет способствовать реализации принципа процессуальной экономии. Но при этом, целесообразнее осуществлять такую проверку в форме прямого контроля. В заключении предлагается ввести в гл. 21 КАС РФ специальную статью о порядке оспаривания локальных нормативных правовых актов, в которой будет закрепляться юридическая процедура оспаривания локальных нормативных правовых актов и индивидуальных актов.
Ключевые слова: локальные нормативные правовые акты, административное судопроизводство, судебный контроль, нормативные акты, индивидуальные акты.

Локальные нормативные правовые акты занимают особое место в современной правовой системе России. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о механизмах судебного контроля за законностью локальных нормативных правовых актов.

В настоящее время проверка законности локальных нормативных правовых актов может осуществляться в форме прямого контроля путем их оспаривания в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства по общим правилам искового производства (подразд. II разд. II ГПК РФ, разд. II АПК РФ) либо в форме косвенного контроля при рассмотрении судом конкретного гражданского, арбитражного или административного дела (ч. 2 ст. 11 ГПК РФ, ч. 2 ст. 13 АПК РФ, ч. 2 ст. 15 КАС РФ).

Если рассматривать правовую природу локальных нормативных правовых актов, то можно сделать вывод о том, что данные акты имеют общие черты с нормативными правовыми актами, обладая спецификой (нормативность, общеобязательность, неоднократность применения, неопределенный круг адресатов) [2]. Соответственно, для таких актов оптимальным процессуальным порядком судебного оспаривания представляется процедура административного судопроизводства, установленная гл. 21 КАС РФ.

Как отмечает С.А. Иванов, «локальные нормы представляют собой микросистему права, воспроизводящую в миниатюре все основные характеристики правового регулирования» [4].

По мнению О.Е. Кутафина, «локальное нормотворчество представляет собой децентрализованную форму правового регулирования, обладающую всеми атрибутами правотворческой деятельности, но в ограниченной сфере действия» [5].

Вместе с тем, возможность судебного оспаривания таких актов в порядке административного судопроизводства вытекает из их природы как источников права, что подтверждается правовой позицией КС РФ (Постановление от 3.06.2021 № 26-П), где подчеркивается, что «локальные нормы, будучи производными от государственного правотворчества, не могут противоречить законодательству РФ» [1]. Аналогичный подход находит свое отражение и в науке: «локальное правотворчество санкционировано государством. Поэтому издаваемые локальные нормы должны соответствовать действующему законодательству РФ» [8].

Но, к сожалению, процессуальное законодательство не закрепляет порядок судебного контроля за законностью локальных нормативных правовых актов.

ПП ВС РФ № 2 от 17.03.2004 г. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» закрепляет ключевые принципы судебного контроля за локальными нормативными актами, принимаемыми работодателями. В п. 7 Постановления прямо указывается: «Локальные нормативные акты, ухудшающие положение работников по сравнению с трудовым законодательством, являются недействительными и не подлежат применению». Это означает, что публичные ЛНПА (правила внутреннего трудового распорядка, положения об оплате труда, коллективные договоры) могут быть оспорены в суде как нормативные акты, если: противоречат закону (Конституции РФ, противоречат ТК РФ, федеральным законам); ухудшают положение работников (вводят необоснованные ограничения прав); приняты с нарушением процедуры (например, без учета мнения представительного органа работников – ст. 8 ТК РФ).

Особую сложность на практике вызывают ситуации, когда исковые требования об оспаривании локальных нормативных правовых актов могут быть объединены с иными материально-правовыми требованиями и рассмотрены судом в рамках одного дела (к примеру, признание Положения о премировании работника незаконным и признание недействительным Приказа о его депремировании, который принят на основе данного Положения).

В связи с этим возникает вопрос, допустимо ли их одновременное оспаривание?

Из приведенного выше примера следует, что соединение двух требований логично, так как они взаимосвязаны (одно вытекает из другого).

Но, с точки зрения предмета судебного разбирательства усматриваются определенные особенности. Так, при рассмотрении требования о признании недействительным Приказа о депремировании

работника, суд рассматривает материально-правовое требование, восстанавливая нарушенное право работника по правилам общего искового производства. При оспаривании Положения о премировании (в отношении данного работника) суд проверяет законность этого локального нормативного правового акта, осуществляя косвенный нормоконтроль. И в этой связи, такая проверка должна осуществляться по правилам гл. 21 КАС РФ, так как суд будет проверять законность данного Положения.

При рассмотрении же требования о признании недействительным Приказа о депремировании работника, суд рассматривает материально-правовое требование, восстанавливая нарушенное право работника по правилам общего искового производства.

Исходя из правовой природы двух требований, с одной стороны, обоснованно раздельное рассмотрение (применяя различные юридические процедуры), так как процессуальный порядок рассмотрения дел об оспаривании локальных нормативных правовых актов имеет свои особенности, в частности: не допускается предъявление каких-либо встречных исковых требований, соглашение о примирении сторон, признание иска и.т.д. В связи с этим, рассмотрение гражданско – правового требования в административном деле сможет привести к усложнению процесса, так как необходимо будет совершать дополнительные процессуальные действия (к примеру, истребование доказательств, привлечение иных лиц и.т.д.).

С другой стороны, совместное рассмотрение данных требований будет эффективным и логичным. Как отмечает С.В. Никитин, исковые требования об оспаривании локальных актов могут быть объединены с иными материально-правовыми требованиями и рассмотрены судом в рамках одного гражданского дела. Соединение требований в данном случае вполне оправданно, поскольку они рассматриваются по правилам общеискового производства, с участием одних и тех же заинтересованных лиц, при отсутствии коллизии подсудности и т.д [6].

Также, объединение требований будет способствовать правильному и своевременному рассмотрению дела, реализации принципа разумности срока и гарантии законности итогового судебного решения. В противном случае, при раздельном же рассмотрении требований возможна ситуации, когда районный суд откажет в удовлетворении требования работника, а в рамках административного судопроизводства - суд признает Положение –незаконным, что приведет к усложнению и затягиванию судебного разбирательства.

В связи с этим, возникает еще один вопрос, в каком же производстве стоит рассматривать данные требования?

Оптимальной процессуальной формой оспаривания таких требований, на наш взгляд, является гл. 21 КАС РФ. С учетом вышеизложенного, изначально необходимо убедиться, является ли Положение о премировании законным/незаконным в отношении работника (косвенный контроль), но, вместе с тем, в рамках косвенного контроля суд также может перейти либо к прямому контролю, либо осуществлять два контроля одновременно. Следует отметить, что форма прямого судебного нормоконтроля однотипна как для публичных, так и локальных нормативных предписаний, поскольку и в том и в другом случае суд устанавливает несоответствие подлежащего применению того или иного акта закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу. [3]

Так, при осуществлении косвенного контроля, решение судебного разбирательства будет распространяться только на этого работника. В связи с этим, другие работники будут вынуждены обращаться в суд с самостоятельными исками в отношении данного акта, что не совсем оправданно с точки зрения прямого судебного нормоконтроля.

Не умаляя значимости косвенного судебного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов, стоит отметить, что прямой судебный нормоконтроль обладает рядом преимуществ по сравнению с косвенным. Такие преимущества, думается, обусловливают необходимость использовать не только косвенный, но и прямой нормоконтроль в отношении локальных нормативных правовых актов, которые обладают определённой спецификой. [7]

На наш взгляд, целесообразнее осуществлять проверку законности данного локального нормативного правового акта в форме прямого контроля, так как это является определяющим в данных правоотношениях. Соответственно, помимо законности, суд должен проверить наличие и объем нормотворческой компетенции субъекта, издавшего локальный нормативный правовой акт, оценить противоречие законного и незаконного акта.

Итогом рассмотрения дел об оспаривании локальных нормативных правовых актов (в случае удовлетворения судом требований) является признание судом таких актов не действующими (полностью или в части) и невозможность применения с указанной судом даты.

Вместе с тем, целесообразнее осуществлять проверку законности данного локального нормативного правового акта в форме прямого контроля, так как это является определяющим в данных правоотношениях. Соответственно, помимо законности, суд должен проверить наличие и объем нормотворческой компетенции субъекта, издавшего локальный нормативный правовой акт, оценить противоречие законного и незаконного акта.

Не умаляя значимости косвенного судебного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов, стоит отметить, что прямой судебный нормоконтроль обладает рядом преимуществ по сравнению с косвенным. Такие преимущества, думается, обусловливают необходимость использовать не только косвенный, но и прямой нормоконтроль в отношении локальных нормативных правовых актов, которые обладают определённой спецификой [7].

Также, в соответствии с ч. 3 ст. 216 КАС РФ, решение суда о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части не может быть преодолено повторным принятием такого же акта. Соответственно, при прямом нормоконтроле будет невозможно принять локальный нормативный правовой акт аналогичного содержания, преодолев законную силу судебного решения, как при косвенном нормоконтроле.

Необходимость указания на публикацию решения в официальном печатном издании, т. е. доведения до широкого круга лиц, является еще одной особенностью рассмотрения споров об оспаривании локальных нормативных правовых актов при прямом нормоконтроле.

В противном случае, признание локального нормативного правового акта недействующим без доведения до широкого круга лиц является «полумерой» и не позволяет должным образом защитить права, свободы и законные интересы граждан.

Таким образом, отсутствие в судебной практике единых подходов в определении процедуры оспаривания локальных нормативных правовых и индивидуальных актов вызывает определенные сложности у судов и порой приводит к судебным ошибкам.

В связи с этим, оптимальной процессуальной формой оспаривания таких требований является гл. 21 КАС РФ, так как это позволит соблюсти принцип процессуальной экономии, избежать вынесения двух противоречащих по своей сути судебных актов, а прямой нормоконтроль будет действенным и эффективным способом защиты нарушенных прав лиц.

Исходя из вышеизложенного, предлагается включить в гл.21 КАС РФ специальную статью, регулирующую процедуру обжалования локальных нормативных правовых актов, и распространить процедуру, применяемую для оспаривания нормативных правовых актов на локальные нормативные правовые акты, с определенными особенностями. При этом, необходимо иметь в виду, являются ли спорные правоотношения публично-правовыми, а субъект, издавший локальный акт, - их непосредственным участником, или же спор носит гражданско-правовой характер и основан на равенстве сторон.

Следует отметить, что форма прямого судебного нормоконтроля однотипна как для публичных, так и локальных нормативных предписаний, поскольку и в том и в другом случае суд устанавливает несоответствие подлежащего применению того или иного акта закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу [3].

Итогом рассмотрения дел об оспаривании локальных нормативных правовых актов (в случае удовлетворения судом требований) является признание судом таких актов не действующими (полностью или в части) и невозможность применения с указанной судом даты.

Так, в настоящее время вопрос о законности локального нормативного правового акта работник вправе ставить лишь косвенно, в рамках искового производства, соответственно, итог судебного разбирательства будет распространяться только на этого работника. В связи с этим, другие работники будут вынуждены обращаться в суд с самостоятельными исками в отношении данного акта, что не совсем оправданно с точки зрения прямого судебного нормоконтроля.

Также, в соответствии с ч. 3 ст. 216 КАС РФ, решение суда о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части не может быть преодолено повторным принятием

такого же акта. Соответственно, при прямом нормоконтроле будет невозможно принять локальный нормативный правовой акт аналогичного содержания, преодолев законную силу судебного решения, как при косвенном нормоконтроле.

Необходимость указания на публикацию решения в официальном печатном издании, т. е. доведения до широкого круга лиц, является еще одной особенностью рассмотрения споров об оспаривании локальных нормативных правовых актов при прямом нормоконтроле.

В противном случае, признание локального нормативного правового акта недействующим без доведения до широкого круга лиц является «полумерой» и не позволяет должным образом защитить права, свободы и законные интересы граждан.

В связи с этим, оптимальной процессуальной формой оспаривания таких требований является гл. 21 КАС РФ, так как это позволит соблюсти принцип процессуальной экономии, избежать вынесения двух противоречащих по своей сути судебных актов, а прямой нормоконтроль будет действенным и эффективным способом защиты нарушенных прав лиц.

Таким образом, локальные нормативные правовые акты смешанного характера сочетают в себе признаки как нормативных, так и индивидуальных правовых актов. Они содержат одновременно нормативные элементы – общие правила, рассчитанные на неоднократное применение (например, методические рекомендации, разъяснения ведомств), и индивидуальные предписания – конкретные решения, адресованные определенным лицам. При оспаривании локального нормативного правого акта смешанного характера заявитель должен решить: опаривать акт целиком как нормативный или ненормативный, или же спаривать отдельные части акта (нормативные или индивидуальные). Если принимается решение об оспаривании только нормативной части, индивидуальные предписания могут остаться в силе. Если оспаривается акт целиком как ненормативный, суд может отказать в принятии заявления, указав на наличие нормативных положений.

При этом важно понимать, что разница в выбранном порядке защиты прав имеет место и в части последствий принятия соответствующего судебного акта.

Дифференциация механизмов оспаривания локальных нормативных правовых актов отражает их различную правовую природу. Нормоконтрольный характер проверки локальных нормативных правовых актов обеспечивает системную защиту прав участников правоотношений на всех уровнях, в то время как индивидуальное обжалование направлено на защиту конкретных субъективных прав без изменения общего правового режима, что не соответствует принципу процессуальной экономии.

Исходя из вышеизложенного, предлагается включить в гл.21 КАС РФ специальную статью, регулирующую процедуру обжалования локальных нормативных правовых актов, и распространить процедуру, применяемую для оспаривания нормативных правовых актов на локальные нормативные правовые акты, с определенными особенностями. При этом, необходимо иметь в виду, являются ли спорные правоотношения публично-правовыми, а субъект, издавший локальный акт, - их непосредственным участником, или же спор носит гражданско-правовой характер и основан на равенстве сторон.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2021 N 26-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.К. Сергеевой»// СПС Консультант Плюс
2. Жеребкина Е.В. Локальные правовые акты как предмет судебного нормоконтроля // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 26 - 29.
3. Жеребкина Е.В. Процессуальная форма судебного контроля за законностью локальных нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 15 - 18.
4. Иванов С.А. Локальное нормотворчество в системе права. М., 2018.
5. Кутафин О.Е. Источники российского права. М., 2018. С.34
6. Никитин С.В. Судебная защита прав и интересов от незаконных нормативных правовых актов// Вестник гражданского процесса. 2022. № 2
7. Родионов А. О. Необходимость прямого судебного нормоконтроля в трудовом праве // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 19–24.
8. Румянцев М.Б. Локальное правотворчество: особенности формирования и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 89 - 95.

Problems of applying the procedure for challenging local regulatory legal acts and individual acts.

Zherebkina E.V.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the doctrinal and practical aspects of judicial challenge of local normative legal acts taking into account their legal nature and scope. Particular attention is paid to the procedure for challenging a local normative legal act and an individual act applied on the basis of this act. The author comes to the conclusion that joint consideration of such claims in one proceeding is possible. The optimal form of consideration is Chapter 21 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The author believes that this is logical and justified. Since these claims are interconnected, they are considered according to the rules of general claim proceedings, with the same composition of subjects, which will contribute to the implementation of the principle of procedural economy. But at the same time, it is more expedient to carry out such a check in the form of direct control. In conclusion, it is proposed to introduce into Chapter 21 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation a special article on the procedure for challenging local normative legal acts, which will enshrine the legal procedure for challenging local normative legal acts and individual acts.

Keywords**:** local regulatory legal acts, administrative proceedings, judicial review, regulatory acts, individual acts.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/03/2021 N 26-P "In the case of checking the constitutionality of part three of Article 374 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.K. Sergeeva"// SPS Consultant Plus
2. Zherebkina E.V. Local legal acts as a subject of judicial normative review // Arbitration and civil procedure. 2022. No. 11. Pp. 26 - 29.
3. Zherebkina E.V. Procedural form of judicial review over the legality of local regulatory legal acts // Arbitration and civil procedure. 2023. No. 8. Pp. 15 - 18.
4. Ivanov S.A. Local rule-making in the legal system. Moscow, 2018.
5. Kutafin O.E. Sources of Russian law. Moscow, 2018. P. 34
6. Nikitin S.V. Judicial protection of rights and interests from illegal regulatory legal acts // Bulletin of civil procedure. 2022. No. 2
7. Rodionov A.O. The need for direct judicial normative review in labor law // Russian law: education, practice, science. 2024. No. 3. Pp. 19-24.
8. Rumyantsev M.B. Local lawmaking: features of formation and types // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. N 1. P. 89 - 95.

Использование специальных финансово-экономических знаний при рассмотрении антимонопольными органами и арбитражными судами дел о недобросовестной конкуренции

Москвитин Олег Андреевич
магистрант, ассистент базовой кафедры «Экономические и правовые экспертизы» РЭУ им. Г.В. Плеханова, moskvitin.oa@rea.ru

В статье исследуются теоретические и практические вопросы использования специальных финансово-экономических знаний при выявлении и рассмотрении антимонопольными органами и арбитражными судами дел о недобросовестной конкуренции. Обосновывается экономико-правовой характер значительной части составов, предусмотренных Федеральным законом «О защите конкуренции», и объективная необходимость привлечения сведущих лиц. Раскрываются понятие и правовая природа специальных знаний, систематизируются формы их использования в антимонопольном производстве и арбитражном судопроизводстве, включая экспертизу, консультацию специалиста и участие арбитражных заседателей. На основе анализа доктрины и судебной практики рассматриваются проблемы назначения и оценки судебно-экономической экспертизы, определения продуктовых и географических границ товарного рынка, отбора экспертов и качества экономического анализа. Особое внимание уделено оценке заключения эксперта-экономиста и роли судебного контроля в формировании стандартов доказывания. Формулируются предложения по совершенствованию отбора экспертов, требований к экспертному заключению и правового статуса сведущих лиц, а также по развитию единых стандартов экономического анализа. Работа адресована исследователям конкурентного права, судьям, сотрудникам антимонопольных органов и судебным экспертам.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, специальные знания, финансово-экономическая экспертиза, антимонопольные органы, арбитражный суд, релевантный рынок, экспертное заключение, конкурентное право.

Введение

Повышение эффективности правового регулирования конкурентных отношений неразрывно связано с достоверным установлением фактических обстоятельств по делам о нарушении антимонопольного законодательства. Значительная часть составов, предусмотренных Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – **Закон о защите конкуренции**), в том числе нормы о недобросовестной конкуренции (ст.ст. 14.1 – 14.8.), носит экономико-правовой характер: их применение требует установления, в частности, продуктовых и географических границ товарного рынка, оценки взаимозаменяемости товаров, поведения хозяйствующих субъектов, состава издержек и структуры цены.

Ни антимонопольный орган, ни арбитражный суд в ряде случаев не располагают достаточными собственными специальными знаниями в сфере экономики и финансов, что объективно обусловливает необходимость привлечения сведущих лиц (безусловно, у ряда сотрудников антимонопольного органа, в частности, имеются опыт и специальная подготовка (например, повышение квалификации) в области анализа товарных рынков, ценообразования и т.д., поэтому выше обоснованно используются оговорки «в ряде случаев» и «достаточные знания»).

Актуальность темы исследования обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Во-первых, определенная сложность дел о недобросовестной конкуренции (далее также – **НДК**) приводит к тому, что ключевые обстоятельства устанавливаются главным образом на основе финансово-экономических исследований. Как отмечается в литературе, именно определение продуктовых и географических границ рынка представляет наибольшую сложность, а результаты экономических экспертиз нередко становятся решающими при рассмотрении антимонопольных споров [2]. Во-вторых, качество экономического анализа напрямую влияет на законность итоговых правоприменительных решений: судебная практика демонстрирует отмену актов антимонопольных органов, в частности, вследствие методологических ошибок, допущенных при определении релевантного рынка. В-третьих, правовое регулирование института специальных знаний остаётся неоднородным: если в арбитражном процессе экспертиза урегулирована достаточно детально, то в антимонопольном производстве соответствующие нормы были введены лишь так называемым «четвёртым антимонопольным пакетом» и до настоящего времени их применение продолжает упорядочиваться [1].

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что институт использования специальных финансово-экономических знаний является не вспомогательным, а системообразующим элементом механизма рассмотрения дел об НДК. Между тем единый понятийный аппарат категории «специальные знания» в конкурентном праве, на данный момент, по мнению автора статьи, не сформирован, а процессуальные формы её реализации в антимонопольном процессе и арбитражном судопроизводстве различаются, что порождает практические трудности при назначении экспертиз, отборе экспертов и оценке их заключений [3].

Цель настоящей работы – на основе анализа законодательства, доктрины и судебной практики выявить особенности использования специальных финансово-экономических знаний при рассмотрении антимонопольными органами и арбитражными судами дел о недобросовестной конкуренции и определить направления совершенствования соответствующего правового института.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: раскрыть понятие и правовую природу специальных знаний в конкурентном праве и арбитражном процессе; систематизировать формы использования специальных знаний антимонопольными органами и арбитражными судами; проанализировать практику назначения и оценки судебно-экономической экспертизы, а также проблемы определения релевантного рынка и качества финансово-экономического анализа; обосновать предложения по совершенствованию отбора экспертов, требований к экспертному заключению и статусу сведущих лиц, а также по развитию единых стандартов экономического анализа и судебного контроля.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, метод анализа судебной практики и обобщения научной литературы.

Структура статьи обусловлена поставленной целью и задачами и включает три главы. Первая глава посвящена понятию и формам использования специальных знаний; вторая – практике применения специальных финансово-экономических знаний в антимонопольных спорах; третья – направлениям совершенствования рассматриваемого института. В заключении формулируются основные выводы исследования.

При этом необходимо отметить, что едва ли не большинство положений и выводов настоящей статьи, касающихся применения специальных финансово-экономических знаний при рассмотрении дел об НДК, будут актуальны и для рассмотрения дел по иным нарушениям антимонопольного законодательства.

1. Специальные финансово-экономические знания в правовом механизме рассмотрения дел о недобросовестной конкуренции

1.1 Понятие и правовая природа специальных знаний в конкурентном праве и арбитражном процессе

Категория «специальные знания» является базовой для всего механизма привлечения сведущих лиц, однако её легальное определение в действующем законодательстве отсутствует. Ни Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – **АПК РФ**), ни Закон о защите конкуренции не раскрывают содержание данного понятия, ограничиваясь указанием на то, что эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями по касающимся рассматриваемого дела вопросам (ч. 1 ст. 55 АПК РФ, ст. 9.2 Закона о защите конкуренции) [1]. Подобная законодательная техника переносит «центр тяжести» на доктринальное истолкование специальных знаний. Нужно отметить, что иногда в литературе и правоприменительной практике (см., например, определение ВС РФ от 26 августа 2025 г. по делу 18-КГ25-299-К4, постановление КС РФ от 17 июля 2026 г. № 50-П и др.) используется также термин «специальные познания». Автор статьи склонен согласиться с теми специалистами, которые полагают, что «познание» в большей мере представляет собой процесс приобретения знаний, то есть соответствующую деятельность человека, а не полученные знания как ее результат. Тем не менее, далее оба термина используются автором с учетом сложившейся терминологии как тождественные.

В процессуальной науке специальные знания традиционно понимаются как знания, выходящие за пределы общеизвестных и профессиональных (юридических) знаний правоприменителя и доступные лишь кругу специалистов (экспертов). Так, М. К. Треушников не относит к специальным знаниям общеизвестные обобщения, вытекающие из опыта людей, а А. А. Эйсман определял специальные познания как знания, которыми не располагает адресат доказывания [3]. Применительно к цивилистическому процессу Т. В. Сахнова относит к ним научные знания неправового характера, сопровождаемые адекватными прикладными методиками и облечённые в определённую процессуальную форму [3].

В конкурентном праве содержание специальных знаний конкретизируется через предмет доказывания по антимонопольным делам (в частности, о недобросовестной конкуренции). Здесь востребованы знания в области экономики, финансов, бухгалтерского учёта, ценообразования и управления, поскольку установление самого факта недобросовестной конкуренции, как правило, опосредовано экономическими категориями: наличием отношений конкуренции, взаимозаменяемостью товаров. Не случайно в литературе отмечается, что экспертизы, назначаемые по делам о нарушении антимонопольного законодательства, по своей правовой природе близки к судебным экспертизам и могут исследоваться средствами судебной экспертологии [1].

Правовая природа специальных знаний в делах о недобросовестной конкуренции характеризуется двойственностью. С одной стороны, они обслуживают установление фактических обстоятельств и потому не должны подменять правовую квалификацию: эксперт-экономист не вправе разрешать вопросы права, относящиеся к компетенции правоприменителя [5]. С другой стороны, разграничение вопросов факта и вопросов права применительно к недобросовестной конкуренции представляет значительную сложность, поскольку сама природа добросовестности носит оценочный характер. Это порождает риск подмены судебной оценки экспертным мнением.

Таким образом, под специальными финансово-экономическими знаниями в рассматриваемой в настоящей статье сфере следует понимать систему теоретических знаний и практических навыков в области экономики, финансов и учёта, приобретаемых путём специальной подготовки или профессионального опыта и применяемых в установленной процессуальной форме для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам о недобросовестной конкуренции. Их ключевой признак – неправовой характер в сочетании с процессуальной формой реализации.

1.2 Формы использования специальных знаний антимонопольными органами и арбитражными судами

Необходимо отметить, что формы использования специальных знаний в антимонопольном процессе и арбитражном судопроизводстве не совпадают, что отражает различия в правовой природе этих видов юрисдикционной деятельности.

В арбитражном процессе основной формой выступает судебная экспертиза, назначаемая по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле, а в прямо предусмотренных законом случаях – по инициативе самого суда (ч. 1 ст. 82 АПК РФ). Наряду с ней АПК РФ предусматривает такие формы, как консультация специалиста (ст. 55.1, ст. 87.1 АПК РФ), участие специалиста в Суде по интеллектуальным правам (ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ) и участие арбитражных заседателей при особой сложности дела и (или) необходимости использования специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления (ст. 19 АПК РФ).

Институт арбитражных заседателей представляет собой особую форму применения специальных знаний, при которой носителями таких знаний являются сами члены судебной коллегии. Однако, как справедливо отмечается в доктрине, этот институт фактически не реализуется: если в 2017 г. с участием арбитражных заседателей было рассмотрено всего два дела, то в 2018 г. – ни одного [3]. Причинами называются несовершенство правового регулирования, недостаточная укомплектованность корпуса заседателей и сдержанное отношение к институту со стороны судейского сообщества и бизнеса. Это позволяет сделать вывод о том, что де-факто основной востребованной формой применения специальных знаний в арбитражном процессе остаётся экспертиза.

Консультация специалиста, в отличие от экспертизы, не предполагает проведения специального исследования и носит разъяснительный характер, а её доказательственное значение в арбитражном процессе существенно ниже заключения эксперта [4]. Именно поэтому в антимонопольных спорах стороны чаще ходатайствуют о назначении экспертизы, нежели о привлечении специалиста.

В антимонопольном производстве специальные знания применяются прежде всего через институт экспертизы, урегулированный ст. 9.2, а также ст. 42.1 Закона о защите конкуренции. Согласно им комиссия вправе привлекать экспертов как по ходатайству лиц, участвующих в деле, так и по собственной инициативе; кандидатуры экспертов и круг вопросов определяются комиссией, при этом лица, участвующие в деле, вправе предлагать свои кандидатуры и формулировки вопросов [1]. Заключение эксперта прямо названо видом доказательства по делу (ч. 3 ст. 45 Закона о защите конкуренции).

Наряду с «классической» единоличной экспертизой в финансово-экономических спорах применяется комиссионная экспертиза, позволяющая каждой стороне реализовать право на включение в состав комиссии предложенного ею эксперта и тем самым снизить остроту проблемы ангажированности [4]. Комиссионный порядок повышает объективность и «устойчивость» заключения, хотя и требует дополнительных временных и организационных издержек.

Таким образом, формы использования специальных знаний образуют определённую иерархию: от наиболее доказательственно весомой судебной экспертизы до вспомогательных консультаций специалиста. Для дел о недобросовестной конкуренции, по опыту автора статьи, характерна опора именно на финансово-экономическую экспертизу, что предъявляет повышенные требования к порядку её назначения и оценке результатов.

2. Практика применения специальных финансово-экономических знаний при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции

2.1 Судебно-экономическая экспертиза и оценка заключения эксперта-экономиста в антимонопольных спорах

Судебная финансово-экономическая экспертиза занимает особое место в системе судебных экспертиз, поскольку её объекты – бухгалтерская отчётность, налоговые, банковские и иные подобные документы, сведения о ценах и сделках – непосредственно отражают финансовое состояние и экономическое поведение хозяйствующего субъекта [5]. В делах о недобросовестной конкуренции именно экспертиза нередко становится единственно возможным способом получения доказательства, поскольку соответствующие познания лежат за пределами профессиональной компетенции как суда, так и участников процесса [4].

Заключение эксперта-экономиста оценивается по общим правилам ст. 71 АПК РФ – на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности – и не имеет заранее установленной силы. В теории судебной экспертологии выработаны критерии такой оценки: соблюдение общих пределов компетенции экспертизы, проверка подлинности и достаточности объектов, правильность исходных данных, надёжность применённой методики, полнота исследования, логическая обоснованность выводов и согласованность заключения с иными доказательствами [5]. Часть этих критериев (например, оценка научной обоснованности методики и правомерности её применения) может быть проверена лишь лицом, обладающим специальными знаниями в области экономики и финансов, что объективно может требовать привлечения специалиста уже на стадии оценки заключения.

Наиболее уязвимым звеном остаётся на сегодня порядок отбора эксперта. Анализ практики показывает, что при выборе кандидатуры суд нередко ограничивается формальными сведениями об образовании и стаже, а определяющим критерием фактически становится цена услуги, что приводит к привлечению недостаточно квалифицированных экспертов и к последующему назначению дополнительных или повторных экспертиз [4]. Обратной стороной является невозможность для сторон привлечь к проведению исследования наиболее авторитетных (и, как следствие, достаточно дорогостоящих) специалистов.

Судебная практика подтверждает необходимость критического, а не формального отношения к экспертным заключениям. Так, по одному из дел (не связанных с недобросовестной конкуренцией) Верховный Суд Российской Федерации указал, что нижестоящие суды преждевременно положили в основу решения выводы эксперта, который, определяя рыночную стоимость доли, не применил понижающие коэффициенты и не исследовал объект пообъектно, и признал необходимым назначение дополнительной или повторной экспертизы [4]. Это демонстрирует, что заключение эксперта подлежит всесторонней проверке и соотнесению с другими доказательствами.

Таким образом, эффективность использования специальных знаний (в том числе в антимонопольных спорах) зависит от двух взаимосвязанных факторов – качества отбора эксперта (экспертов) и качества оценки его заключения. Оба фактора требуют, чтобы правоприменитель располагал критериями проверки, а при необходимости мог опереться на помощь сведущего лица.

2.2 Проблемы определения релевантного рынка и качества экономического анализа в делах о недобросовестной конкуренции

Первым шагом значительной части антимонопольных исследований является определение релевантного рынка, его продуктовых и географических границ, поскольку от этого зависит и квалификация поведения хозяйствующего субъекта, и обоснованность решения антимонопольного органа. Именно здесь сосредоточена основная часть методологических ошибок, имеющих юридические последствия.

Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утверждённый приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (далее – **Порядок № 220**), предусматривает в качестве основного метода определения продуктовых границ тест гипотетического монополиста (SSNIP-тест). Однако, как показывает практика, его применение вызывает у антимонопольных органов наибольшие затруднения: ошибки допускаются, например, при формировании объёма выборки и оценке её репрезентативности, при интерпретации ответов респондентов и при определении гипотетического повышения цены [2].

Судебная практика последовательно отменяет акты антимонопольных органов, основанные на методологически некорректном анализе рынка. В литературе приводятся примеры, когда суды признавали решения территориальных управлений ФАС России недействительными из-за поверхностного изучения товара (взаимозаменяемости товаров), игнорирования мнения покупателей, а также из-за дефектов анкет, использованных для проведения SSNIP-теста [2]. Подобные дефекты анализа рынка могут служить самостоятельным основанием для признания ненормативного правового акта недействительным.

Количественные данные подтверждают масштаб проблемы. По данным исследователей, при рассмотрении споров о злоупотреблении доминирующим положением 32,6% экономических экспертиз ранее были посвящены определению продуктовых и географических границ рынка; при этом в 52% случаев экспертное заключение было подготовлено в пользу хозяйствующего субъекта, а в 41% случаев решение было принято судом не в пользу антимонопольного органа [2]. Эти показатели свидетельствуют о существенной роли экспертных исследований в исходе антимонопольных споров. Относится это и к антимонопольным спорам об НДК.

Существенно, что судебный контроль играет самостоятельную роль в развитии стандартов доказывания. На основе эмпирического анализа правоприменения в России, например, за 2008–2015 гг. установлено, что результаты судебного пересмотра решений антимонопольного органа (отмена либо оставление в силе) значимо влияют на вероятность проведения полноценного анализа рынка в последующих расследованиях: давление судебного контроля при наличии обязательных требований к доказыванию выступает важным фактором совершенствования стандартов доказывания [6]. Иными словами, суды, не обладая собственными специальными познаниями, тем не менее способны стимулировать антимонопольные органы к более строгому, глубокому и системному применению экономического анализа.

Таким образом, качество экономического анализа релевантного рынка является тем «слабым звеном», через которое может реализовываться основная часть рисков в делах о недобросовестной конкуренции. Соответственно, совершенствование методологии анализа рынка и повышение требований к его обоснованию приобретают не только методологическое, но и правовое значение.

3. Направления совершенствования института специальных знаний в делах о недобросовестной конкуренции

3.1 Совершенствование отбора экспертов, требований к заключению и статусу сведущих лиц

Совершенствование института специальных знаний в делах о недобросовестной конкуренции должно затрагивать, по мнению автора статьи, три взаимосвязанных аспекта: отбор экспертов, требования к экспертному заключению и правовой статус сведущих лиц.

Некоторые из данных вопросов были разрешены законодателем относительно недавно. Так, до 1 сентября 2023 г. наиболее очевидной представлялась необходимость отказа от отбора экспертов в антимонопольном процессе по правилам законодательства о контрактной системе. Действовавшая до указанного времени редакция ч. 4 ст. 42.1 Закона о защите конкуренции предусматривала, что при оплате услуг эксперта из средств федерального бюджета его отбор осуществлялся в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Это порождало внутреннее противоречие с ч. 3 той же статьи, согласно которой кандидатуры экспертов определялись комиссией, а также могло приводить к тому, что приоритетным критерием становилась цена, а не квалификация. В связи с этим важно, что указанная норма была исключена из Закона о защите конкуренции. В то же время вопрос о «весе» ценового критерия при выборе экспертов по-прежнему сохраняет актуальность на практике.

В указанный период закон также прямо закрепил (в ст. 9.2 Закона о защите конкуренции) за экспертом право знакомиться с материалами дела, содержащими сведения, составляющие охраняемую законом (в т.ч. коммерческую) тайну, при наличии обязательства о неразглашении, что сняло неопределённость в толковании ранее действовавшей ч. 5 ст. 42.1 Закона о защите конкуренции [1].

Однако в настоящее время требует уточнения вопрос об ответственности эксперта. Закреплённое в законе положение о том, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт несёт ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации

(ч. 9 ст. 9.2 Закона о защите конкуренции), фактически носит бланкетный характер и не может быть применено, поскольку производство по делу о нарушении антимонопольного законодательства не относится к перечисленным в ст. 17.9 КоАП РФ и ст. 307 УК РФ категориям дел [1]. Для устранения пробела возможно дополнить ст. 17.9 КоАП РФ указанием на производство по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

В части отбора экспертов по финансово-экономическим спорам перспективной представляется линия на расширение практики комиссионной экспертизы, формируемой из кандидатур, предложенных сторонами спора. Такая модель позволяет снизить значимость ценового критерия, обеспечить независимость комиссии и повысить «устойчивость» заключения в суде. Для этого целесообразно нормативно закрепить регламент работы комиссии экспертов, включающий порядок распределения задач, доступа к материалам и оформления протокола возможных разногласий [4]. Дополнительно способствовало бы решению и упростило бы отбор экспертов проблемы формирование открытых сведений о компетенции судебных экспертов-экономистов, в частности реестров экспертов с указанием их специализации и подтверждённой квалификации [5]. При этом, однако, по мнению автора статьи, отсутствие потенциального эксперта в таком реестре не может служить самостоятельным основанием для отказа в поручении ему экспертизы, если квалификация данного лица позволяет ее компетентное проведение.

Наконец, назрела необходимость повышения требований к содержанию экспертного заключения по делам о нарушении антимонопольного законодательства: Закон о защите конкуренции не устанавливает ни определения заключения эксперта, ни требований к его содержанию, что вынуждает обращаться к положениям Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1]. Прямое закрепление таких требований в отраслевом законе обеспечило бы, по мнению автора статьи, единообразие экспертной практики.

3.2 Развитие единых стандартов экономического анализа и судебного контроля

Развитие института специальных знаний невозможно без совершенствования методологической основы финансово-экономического анализа. Как было показано выше, именно методологические ошибки при определении, например, релевантного рынка часто влекут отмену решений антимонопольных органов, поэтому первоочередной мерой могла бы стать разработка, в частности, единых стандартов применения теста гипотетического монополиста.

Подобные стандарты должны охватывать методологию построения репрезентативной выборки, подходы к выявлению товаров-субститутов на основе оценки ответов потребителей, а также правила оценки гипотетического повышения цены и, например, предупреждения «целлофановой ошибки» («парадокса целлофана», корни которого восходят к известному судебному антимонопольному делу U.S. v. E. I. du Pont, 1956 г.) [2]. Целесообразно закрепить их в развитие положений Порядка № 220, поскольку любое отклонение от данного акта может быть оценено судом как незаконное [2].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о повышении требований к обоснованности экономического анализа в решениях антимонопольных органов. Эмпирические данные свидетельствуют, что наличие обязательных требований к проведению анализа рынка в сочетании с судебным контролем служит действенным стимулом к применению экономического инструментария, в том числе по делам об НДК. Следовательно, последовательная судебная практика, ориентирующая антимонопольные органы на полноценный анализ рынка, сама по себе является фактором развития стандартов доказывания недобросовестной конкуренции и иных антимонопольных правонарушений. Это, однако, не отменяет необходимости повышения экономической компетентности судей (и сотрудников аппарата судов), рассматривающих антимонопольные споры, что подтверждается продолжающейся дискуссией о способности судов во всех случаях эффективно рассматривать сложные экономические вопросы [6].

Полезным направлением является распространение института определения релевантного рынка на деятельность субъектов Российской Федерации в рамках реализации Стандарта развития конкуренции: отсутствие у регионов единой методики анализа рынков порождает произвольное усмотрение при выборе приоритетных рынков [2]. Разработка универсальной методики и методических рекомендаций способствовала бы единообразию подходов и, как следствие, снижению числа споров.

Наконец, представляется обоснованным предложение о более широком привлечении специалистов не только для проведения исследований, но и для оценки уже полученных экспертных заключений. Поскольку оценка научной обоснованности методики и полноты исследования, если говорить о спорах о недобросовестной конкуренции, требует специальных знаний в области финансов и экономики, участие специалиста в оценке заключения эксперта-экономиста позволяет суду сформировать обоснованное внутреннее убеждение и снизить риск как необоснованного доверия к заключению, так и необоснованного отклонения экспертизы [5].

Таким образом, совершенствование единых стандартов финансово-экономического анализа по делам о недобросовестной конкуренции (и иным нарушениям антимонопольного законодательства) и усиление судебного контроля образуют взаимодополняющие направления развития рассматриваемого института: стандарты задают требования к содержанию доказывания, а судебный контроль обеспечивает их соблюдение.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Прежде всего, специальные финансово-экономические знания выступают не вспомогательным, а необходимым условием установления фактических обстоятельств по делам о недобросовестной конкуренции: экономическая природа соответствующих составов нередко не позволяет применять их без участия сведущих лиц.

Специальные финансово-экономические знания обладают в этой сфере двойственной природой: они обслуживают установление фактов, но не подменяют правовую квалификацию. Наиболее сложным, по мнению автора, остаётся разграничение вопросов факта и вопросов права применительно к оценке добросовестности.

Формы использования специальных знаний в антимонопольном процессе и арбитражном судопроизводстве различаются: если в арбитражном процессе наряду с экспертизой предусмотрены консультация специалиста и участие арбитражных заседателей, то в антимонопольном производстве де-факто востребованной остаётся именно экспертиза. Институт арбитражных заседателей при этом в арбитражном процессе фактически не реализуется.

Анализ практики свидетельствует, что ключевыми проблемами являются порядок отбора экспертов, нередко ориентированный на цену, а не на наивысшую квалификацию, и недостаточная методологическая корректность проведения самих исследований. Судебный контроль выполняет при этом двойную функцию: исправляет конкретные ошибки и стимулирует развитие стандартов доказывания, повышая вероятность проведения полноценного финансово-экономического анализа по таким делам в будущем.

В качестве направлений совершенствования института обоснованы: установление административной ответственности за заведомо ложное заключение по делам о нарушении антимонопольного законодательства; расширение практики комиссионной экспертизы с нормативным закреплением регламента работы комиссии экспертов; разработка единых стандартов применения теста гипотетического монополиста и проведения иных исследований; формулирование требований к содержанию экспертного заключения и обоснованности финансово-экономического анализа.

Реализация предложенных мер, рассчитанных на применение в рамках действующего законодательства, позволит повысить достоверность установления обстоятельств по делам о недобросовестной конкуренции (и иным нарушениям антимонопольного законодательства) и укрепить гарантии законности решений антимонопольных органов в данной сфере.

Литература

1. Артюшенко, Д. В. Некоторые вопросы экспертного обеспечения производства дел о нарушении антимонопольного законодательства / Д. В. Артюшенко // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 18–26.

2. Гагарина, И. В. Методологические проблемы определения релевантного рынка при осуществлении государственной конкурентной политики / И. В. Гагарина // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2018. – Т. 19, № 2. – С. 88–100.

3. Ганичева, Е. С. Особенности применения специальных знаний в арбитражном процессе / Е. С. Ганичева // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 119–131.

4. Иванов, А. С. Проблемы повышения эффективности проведения финансово-экономической экспертизы в арбитражном процессе (https://scientificmagazine.ru/; дата обращения 10.10.2026).

5. Сарыгина, Э. С. Особенности оценки заключения судебного эксперта-экономиста в арбитражном процессе (https://cyberleninka.ru/; дата обращения 10.10.2026).

6. Avdasheva, S. The role of judicial review in developing evidentiary standards: The example of market analysis in Russian competition law enforcement / S. Avdasheva, S. Golovanova, Y. Katsoulacos // International Review of Law and Economics. – 2019. – Vol. 58. – P. 101–114.

Use of special financial and economic knowledge in consideration by antimonopoly authorities and arbitration courts of cases on unfair competition

Moskvitin O.A.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines theoretical and practical issues of using special financial and economic knowledge in detecting and considering cases on unfair competition by antimonopoly authorities and arbitration courts. The economic and legal nature of a significant part of the offences stipulated by the Federal Law «On Protection of Competition» and the objective need to involve knowledgeable persons are substantiated. The concept and legal nature of special knowledge are revealed, and the forms of its use in antimonopoly proceedings and arbitration procedure, including expert examination, specialist consultation and the participation of arbitration assessors, are systematized. Based on the analysis of doctrine and judicial practice, the problems of commissioning and evaluating forensic economic examination, defining the product and geographic boundaries of the relevant market, selecting experts and the quality of economic analysis are considered. Particular attention is paid to the evaluation of the expert economist's opinion and the role of judicial review in shaping evidentiary standards. Proposals are formulated to improve the selection of experts, the requirements for expert opinions and the legal status of knowledgeable persons, as well as to develop uniform standards of economic analysis. The work is addressed to researchers of competition law, judges, officials of antimonopoly authorities and forensic experts.

Keywords: unfair competition, special knowledge, financial and economic expertise, antimonopoly authorities, arbitration court, relevant market, expert opinion, competition law.

References

1. Artyushenko, D. V. Some Issues Regarding Expert Support in Proceedings Concerning Violations of Antitrust Legislation / D. V. Artyushenko // Theory and Practice of Forensic Expertise. – 2017. – Vol. 12, No. 4. – pp. 18–26.
2. Gagarina, I. V. Methodological Problems in Defining the Relevant Market within the Framework of State Competition Policy / I. V. Gagarina // Journal of the Ural State University of Economics. – 2018. – Vol. 19, No. 2. – pp. 88–100.
3. Ganicheva, E. S. Specifics of Applying Specialized Knowledge in Arbitration Proceedings / E. S. Ganicheva // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 3. – pp. 119–131.
4. Ivanov, A. S. Challenges in Improving the Efficiency of Financial and Economic Expert Analysis in Arbitration Proceedings (https://scientificmagazine.ru/; accessed 10.10.2026).
5. Sarygina, E. S. Specifics of Evaluating the Report of a Forensic Economic Expert in Arbitration Proceedings (https://cyberleninka.ru/; accessed 10.10.2026).
6. Avdasheva, S. The role of judicial review in developing evidentiary standards: The example of market analysis in Russian competition law enforcement / S. Avdasheva, S. Golovanova, Y. Katsoulacos // International Review of Law and Economics. – 2019. – Vol. 58. – pp. 101–114.

Правовая природа мирового соглашения в гражданском процессе Российской Федерации

Насыров Родион Тимурович
Аспирант, Московский университет «Синергия, rodionnt2@gmail.com

Предметом исследования выступает правовая природа такого института как мировое соглашение в российском процессуальном праве, а также роль данного института в практике правоприменения. Конститутивные признаки мирового соглашения рассматриваются через призму доктринальных подходов, материалов судебной практики и положений актуального российского законодательства (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ). Автор приходит к выводу о комплексной (материально-процессуальной) сущности мирового соглашения как гражданско-правовой сделки, подлежащей судебному утверждению. В работе обосновываются предложения de lege ferenda о закреплении порядка изменения и расторжения рассматриваемой гражданско-правовой сделки.

Ключевые слова: мировое соглашение; правовая природа; гражданский процесс; гражданско-правовая сделка; утверждение судом; примирение сторон.

Введение

Статья посвящена исследованию правовой природы института мирового соглашения в процессуальном праве России и оценке его роли в правоприменительной практике. Конститутивные признаки данного института анализируются с опорой на отдельные доктринальные концепции и материалы судебной практики; на этой основе формулируется вывод о природе мирового соглашения и выдвигаются отдельные предложения по совершенствованию законодательства.

Пункт 5 части 1 статьи 150 и часть 1 статьи 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) возлагают на судью как арбитра в рамках подготовки дела к судебному разбирательству обязанность способствовать процессуальному примирению сторон и осуществлять действия, которые способствовали бы оформлению сторонами мирового соглашения. Основываясь на законных интересах участников спора и задачах судопроизводства, суд предпринимает шаги к примирению сторон и оказывает им помощь в стремлении разрешить конфликт.

Как известно, частями 1 и 3 статьи 153.8 ГПК РФ установлена возможность для сторон в процессе заключить мировое соглашение в ходе любой стадии гражданского судопроизводства, а равно на стадии исполнения судебного акта. Соответственно именно суд уполномочен утвердить такое соглашение.

Сопоставимые нормативные установления закреплены в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ, статьи 138, 139) и, с отдельными изъятиями, в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ, статьи 137, 137.1).

В отчете о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции за 2024 г. № 2, подготовленном Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, фиксируется 85 106 гражданских дел, производство по которым прекращено вследствие заключения мирового соглашения, утвержденного судом. Приведенный показатель подтверждает практическую значимость исследуемого вопроса.

Основная часть

Научная полемика относительно правовой природы мирового соглашения прослеживается по меньшей мере с XIX столетия, что уже само по себе указывает на сложность квалификации данного правового явления.

Согласно взглядам значительной группы правоведов, заключение мирового соглашения есть юридический акт частноправового характера, в силу чего к нему подлежат применению общие нормы гражданского законодательства о заключении, изменении и расторжении договора. Наиболее широкое признание эта концепция получила в дореволюционной юридической науке.

Так, И.Е. Энгельман утверждал, что «мировая сделка по существу своему – учреждение гражданского права, поэтому ее допустимость, условия, действительность и обязательность определяются по нормам гражданского права» [1]. Схожих позиций относительно сущности мирового соглашения придерживались Д.И. Мейер, Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев, В.И. Синайский и иные представители дореволюционной цивилистики [2].

Характерно, что законодатель того времени не раскрывал понятие мирового соглашения (в дореволюционной терминологии – «мировой сделки»). Как обоснованно отмечал Г.Ф. Шершеневич, «отсутствие точных определений и отличительных для каждого отношения названий создает на практике массу затруднений» [3, с. 103].

К.И. Малышев характеризовал мировую сделку по ее условиям, значению и правовым последствиям как договор, предполагающий взаимные уступки и достижение мира между спорящими сторонами, указывая, что «за мировою сделкой нет надобности в решении, она заменяет его и как суррогат его может быть обращена к исполнению в том же порядке, как судебные решения». Неисполнение такой сделки открывало возможность предъявления нового иска с требованиями, вытекающими из нарушения мировой сделки как обыкновенного договора. Близкую позицию занимал А.Х. Гольмстен, говоря о принадлежности мировой сделки к судебным актам (то есть делая вывод, противоположный выводу К.И. Малышева), ученый все же

признавал ее гражданско-правовую природу и подчеркивал, что мировое соглашение прекращает спор путем установления нового договорного отношения [4].

В современной российской процессуальной доктрине принято разграничивать судебные мировые соглашения, достигнутые непосредственно в ходе судебного заседания, и внесудебные, заключённые за рамками судебного разбирательства; факт и условия последних при возникновении спора подтверждаются в общем порядке доказывания. Существенное значение имеет замечание В.М. Шерстюка о том, что «по своему процессуальному значению определение суда об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу приравнивается к судебному решению», тогда как само мировое соглашение судебному решению не приравнивается [5].

В советской правовой науке отмечалось, что заключение мирового соглашения влечёт возникновение между истцом и ответчиком не процессуальных, а материальных правоотношений. Права и обязанности, принимаемые сторонами, относятся не к сфере процесса, а к области материального права, породившего спор, неразрешённость которого и обусловила обращение в суд [6].

Изложенное позволяет обоснованно заключить, что стороны самостоятельно, независимо от суда, приходят к взаимовыгодному урегулированию спора – на началах свободы воли и свободы договора, в ходе переговоров – посредством заключения мирового соглашения, в то время как суд лишь оказывает им содействие и совершает необходимые формально-процессуальные действия, утверждая заключённое соглашение судебным актом.

Иначе говоря, налицо сложный (комплексный) юридический состав, включающий одновременно:

– элемент заключения гражданско-правового договора (соглашения);

– элемент вынесения судом определения, которым «верифицируется» и утверждается уже достигнутое сторонами либо иными лицами соглашение и тем самым завершается юридический состав мирового соглашения.

Но стоит отметить, что определение об утверждении мирового соглашения как судебный акт не формулирует суть и содержание данной сделки. В статье 153.9 ГПК РФ прямо закреплено, что условия и содержание мирового соглашения вырабатываются самими сторонами и выступают выражением их воли к примирению.

Ю.В. Малинский приводит легальные дефиниции мирового соглашения, принятые законодательством ряда иностранных государств. Так, Итальянский гражданский кодекс 1942 г. (раздел 25 титула III «Об отдельных видах договоров» книги 4 «Об обязательствах») квалифицирует мировое соглашение (ит. transazione) как договор, которым стороны, делая ряд взаимных уступок, прекращают имеющийся спор либо предупреждают спор, который может возникнуть между ними, то есть как договор, направленный на прекращение уже начавшегося либо на предотвращение возможного спора. В Соединенных Штатах Америки юридический словарь Генри Кэмпбелла Блэка определяет мировое соглашение как урегулирование оспариваемого требования путем взаимных уступок во избежание судебного разбирательства. Изложенное показывает, что не только дореволюционная отечественная доктрина, но и правопорядок в целом тяготеет к пониманию мирового соглашения именно как сделки, договора [7].

Представляется, что применительно к целям судопроизводства и гражданского оборота (в контексте заключения мирового соглашения по правилам ГПК РФ и АПК РФ) более корректно трактовать мировое соглашение именно как гражданско-правовую сделку. Соглашение, оформленное судебным утверждением, не трансформируется в судебный акт: такое судебное утверждение служит условием заключенности и действительности сделки. Аналогичным образом обязательная государственная регистрация как условие заключенности договора о залоге недвижимости не меняет гражданско-правовую природу этого договора на административно-правовую и не превращает сам договор в регистрационный акт.

Схожую оценку дает Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что «общая логика гражданского законодательства свидетельствует о том, что гражданские права и обязанности не могут возникнуть без волеизъявления приобретающего их лица. Изложенное не означает, что наличие в описанных комплексных отношениях публично-правовой составляющей препятствует выделению из них гражданско-правовых отношений» [8].

Отдельные авторы, опираясь на разъяснения пункта 21 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 50, высказывают сомнение в допустимости «предъявления самостоятельно иска об оспаривании гражданско-правовой сделки, положенной в основание мирового соглашения сторон» [9].

Между тем разнообразие экономической и хозяйственной жизни, а также многообразие отношений, складывающихся в гражданском обороте, обусловливают необходимость существования того или иного правового механизма оспаривания мирового соглашения.

Мировое соглашение как сделка способно закреплять не только механизм восполнения нарушенных прав (примирение сторон по конкретному вопросу посредством взаимного удовлетворения требований, влекущее прекращение соглашения исполнением), но и длящиеся правоотношения – например, порядок пользования имуществом, находящимся в общей долевой собственности. При таком понимании остается неясным, почему участники правоотношения должны быть связаны условиями мирового соглашения «навечно» в силу формально-процессуальных соображений, даже если обстоятельства и условия, послужившие толчком к заключению соглашения, впоследствии изменились.

Показательна позиция суда первой инстанции по делу № 88-29016/2024: требование истца об изменении порядка пользования земельным участком о причине изменения обстоятельств, которые были важны для исполнения мирового соглашения, утвержденного определением Шахтинского городского суда (с одновременным прекращением производства по делу), было расценено как то, что истец «фактически оспаривает законность определения суда, вынесенного на основании мирового соглашения, заключенного сторонами добровольно и фактически исполненного». Апелляционная инстанция указала, что подобный способ защиты права нормами ГПК РФ не предусмотрен; кассационная инстанция с этим выводом не согласилась [10].

В научных кругах подчеркивается, что сам факт осуществления судопроизводства не стесняет субъектов гражданских правоотношений в свободе договора и в осуществлении принадлежащих им материальных прав, поэтому «допустимость заключения мирового соглашения зависит от императивного или диспозитивного характера правовых норм, а не от их принадлежности к частному или публичному праву» [11]. Данный тезис, на наш взгляд, логично развивает подход, сформулированный в упомянутом постановлении Конституционного Суда Российской Федерации.

Полагаем, что процессуальный закон принципиально способен и, более того, должен предусматривать порядок пересмотра условий либо расторжения мирового соглашения.

Если судебное утверждение трактовать как элемент формы сделки – мирового соглашения, то в силу пункта 1 статьи 452 ГК РФ, согласно которому соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и сам договор, если иное не следует из закона, иных правовых актов, договора либо обычаев делового оборота, процессуальный закон обязан предусматривать особый порядок изменения и расторжения мирового соглашения при участии суда. Указанный механизм не следует отождествлять с оспариванием определения об утверждении мирового соглашения. Во-первых, в данной ситуации спор как таковой отсутствует: сторона не ставит под сомнение ни факт заключения соглашения, ни его действительность. Во-вторых, сторона не может быть ограничена в праве на судебную защиту. Само определение об утверждении мирового соглашения должно соответствовать всем требованиям, предъявляемым к судебному акту, а именно быть законным, обоснованным и исполнимым.

Заключение

Обобщая изложенное, следует констатировать, что мировое соглашение характеризуется сложной юридической природой, в которой сочетаются гражданско-правовая сделка и процессуальный акт суда, утверждающий эту сделку. В целях обеспечения баланса интересов сторон и эффективности гражданского оборота представляется обоснованным законодательно закрепить специальный порядок изменения и расторжения утверждённого судом мирового соглашения, не связанный с оспариванием соответству-

ющего судебного определения. Подобное регулирование позволит учитывать последующее изменение обстоятельств при сохранении процессуальных гарантий.

Литература

1. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев. – 1912.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2003; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995; Победоносцев К.П. Курс гражданского права. СПб., 1896; Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1914.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М. – 1995.
4. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1876; Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб. – 1907.
5. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М. – 2021.
6. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М. – 1952.
7. Малинский Ю.В. Мировое соглашение в зарубежном законодательстве // Журнал российского права. – 2018. – № 5.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе».
10. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по делу № 88-29016/2024.
11. Ярков В.В. Гражданский процесс. М. – 2020.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

The legal nature of a settlement agreement in the civil procedure of the Russian Federation

Nasyrov R.T.

Moscow University Synergy

The study addresses the legal nature of the settlement agreement as an institution of Russian procedural law and its role in law-enforcement practice. Constitutive features of the settlement agreement are examined in light of scholarly views, court practice and the current statutory framework (CPC RF, APC RF, CAS RF). The author concludes that the settlement agreement has a complex (substantive-procedural) nature, being a civil-law transaction subject to court approval. Legislative proposals are put forward to introduce a special procedure for amending and terminating a settlement agreement.

Keywords: settlement agreement; legal nature; civil procedure; civil law transaction; court approval; reconciliation of the parties.

References

1. Engel'man I.E. [Course of Russian Civil Procedure. Yuryev] . – 1912 (In Russian).
2. Mejer D.I. [Russian Civil Law. Moscow, 2003; Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. Moscow, 1995; Pobedonostsev K.P. Course of Civil Law. St. Petersburg, 1896; Sinaisky V.I. Russian Civil Law. Kiev, 1914] (In Russian).
3. Shershenevich G.F. [Textbook of Russian Civil Law. Moscow] . – 1995 (In Russian).
4. Malyshev K.I. [Course of Civil Procedure. St. Petersburg, 1876; Golmsten A.Kh. Textbook of Russian Civil Procedure. St. Petersburg] . – 1907 (In Russian).
5. Sherstyuk V.M. [Theoretical Problems of the Development of Civil Procedural Law, Arbitration Procedural Law, and Enforcement Proceedings in the Russian Federation. Moscow] . – 2021 (In Russian).
6. Abramov S.N. [Soviet Civil Procedure. Moscow] . – 1952 (In Russian).
7. Malinskij Yu.V. [Settlement Agreement in Foreign Legislation] // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – No. 5 (In Russian).
8. [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2003 No. 14-P] (In Russian).
9. [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 18, 2014 No. 50 “On the Reconciliation of the Parties in the Arbitration Process”] (In Russian).
10. [Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in Case No. 88-29016/2024] (In Russian).
11. Yarkov V.V. [Civil Procedure. Moscow] . – 2020 (In Russian).
12. [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ] (In Russian).
13. [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ] (In Russian).
14. [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 No. 21-FZ] (In Russian).
15. [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ] (In Russian).

Адвокатская тайна в гражданском процессе: императивность иммунитета, пределы допроса адвоката в качестве свидетеля и защита информации в цифровых каналах связи

Насыров Родион Тимурович
Аспирант, Московский университет «Синергия», rodionnt2@gmail.com

В статье рассматривается институт адвокатской тайны в контексте гражданского судопроизводства. В исследовании доказывается, что доктринальное понимание свидетельского иммунитета адвоката нуждается в переосмыслении. Иммунитет адвоката, будучи императивным для суда как органа правосудия и адвоката как независимого правозаступника, между тем принадлежит доверителю и связан такими внутренними пределами как воля доверителя, факты, лежащие вне плоскости фидуциарных отношений «адвокат - доверитель», делинквентное поведение адвоката, самозащита. В статье предложен четырёхэлементный критерий ограничения адвокатской тайны посредством процессуального допроса. Проанализированы риски цифровых каналов связи (мессенджеры, электронная почта, облачные сервисы) и пробелы в цивилистическом процессуальном праве в части, касающейся запрета на использование доказательств, полученных благодаря компрометации института профессиональной конфиденциальности. В контексте рассмотренных концепций в настоящем труде сформированы предложения по реформированию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Ключевые слова: адвокатская тайна, свидетельский иммунитет, допрос адвоката, гражданский процесс, допустимость доказательств, мессенджеры, цифровизация, тайна связи.

Введение

Эффективность состязательного процесса зависит от того, насколько свободно сторона может сообщить своему представителю все значимые обстоятельства дела, включая невыгодные для неё. Такая откровенность возможна только в случае уверенности, что сообщённое не будет повернуто против позиции доверителя. Поэтому институт адвокатской тайны неверно рассматривать исключительно в парадигме корпоративной привилегии. Она обеспечивает реализацию законного права личности в сфере правосудия [1] и принципа состязательности и равноправия сторон [2].

Своевременность обращения к данной теме обусловлена определяют три причины. Главным образом правоприменительная деятельность судов и доктрина исходят из формулы об «абсолютном характере иммунитета», которая в некоторой степени противоречит мнению в изложении Конституционного Суда Российской Федерации. Во-вторых, грань между делимитацией границ фидуциарных отношений по реализации конституционного права на защиту, и допросом защитника в роли очевидца событий нормативно не определена, а ГПК РФ не содержит специального механизма реагирования на нарушение иммунитета. Наконец, осязаемая доля коммуникации поверенного с доверителем перешла в цифровую среду. Эта среда регулируется нормами об информации, связи и персональных данных, которые ориентированы на иные интересы, а специального режима профессиональной конфиденциальности они не предусматривают.

Цель статьи – определить действительное содержание и границы адвокатского иммунитета в рамках гражданского судопроизводства и выработать способы обеспечения сохранности фидуциарной деятельности в цифровых каналах.

Конституционные детерминанты института образуют три группы норм: конфиденциальность коммуникаций, право на защиту и свидетельскую привилегию [1]. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (далее – Закон об адвокатуре) дает интерпретацию адвокатской тайны относительно обширно: ею охватываются массив информации, аккумулированный адвокатом в процессе реализации фидуциарных полномочий[3]. Принципиально важно, что определение построено по функциональному, а не по предметному критерию. Охране подлежат не только сообщения доверителя, но и его документы, позиция адвоката, консультации, а также сам факт установления контакта с целью получения помощи [4; 5].

Закон дополнительно закрепляет принцип конфиденциальности, исключающий допустимость расспросить юриста о сведениях, полученных от подопечного [3]. Схожая норма закреплена в ст. 69 ГПК РФ - лица, оказывающие профессиональное правовое содействие или содействующие примирению, освобождаются от обязанности участвовать в доказывании посредством предоставлении информации об обстоятельствах, доверенных им их клиентами [2].

Между этими нормами имеется различие, которое редко становится предметом специального анализа. Статья 69 ГПК РФ связывает иммунитет с процессуальной ролью (представитель по делу), а ст. 8 Закона об адвокатуре привязывает его к адвокатскому статусу и непосредственно к факту оказания помощи. То есть пределы защиты по Закону об адвокатуре шире: они касаются также досудебного консультирования и обстоятельств, не получивших процессуального оформления. В гражданском судопроизводстве предметом спора чаще становится именно этот пласт информации: переписка до заключения соглашения, предварительные оценки перспектив дела, внутренние заметки [5; 6].

Как известно, Конституционный Суд Российской Федерации экстраполировал профессиональной конфиденциальности на цивилистический процесс, основываясь на тезисе о том, что действие режима адвокатской тайны не может быть предопределено видом судопроизводства. Данный правовой режим симметрично применяется при представительстве в конституционном, гражданском и административном процессах, а также при оказании консультативной помощи [7]. Логика продвигаемого нарратива детерминируется тем, что в идентичных обстоятельствах выведение адвоката из-под требований свидетельствовать приравнивается к правовой защите сферы личного пространства гражданина.

Это коррелирует с тем, что истинное конституционное предназначение иммунитета преимущественно исходит из безусловного приоритета интересов доверителя над интересами адвоката [7; 8].

С теоретической точки зрения это определяет сущность рассматриваемой правовой конструкции. Адвокатская тайна есть правовое благо доверителя, а иммунитет адвоката есть средство его обеспечения [4; 9]. Из этого выводятся все дальнейшие пределы. Если иммунитет защищает частный интерес, то его объём и допустимые изъятия должны определяться этим интересом, а не партикулярным интересом представителя или суда.

Формула об абсолютном характере иммунитета верна в одном аспекте и неточна в другом. Она верна, когда речь идёт об обязанностях суда и процессуального оппонента. Суд не имеет права вызвать адвоката для допроса об охраняемых сведениях, оппонент не вправе ходатайствовать об этом, а полученные таким способом сведения не могут являться основой решения (ч. 2 ст. 55, ст. 60 ГПК РФ) [2]. В этом смысле норма императивна и не зависит от усмотрения суда.

Предложенная формула оказывается неточной, если трактовать её как абсолютно безусловную и не зависящую от воли доверителя. Конституционный Суд РФ выдвинул концепцию, в рамках которой законное право клиента на доверительные отношения с адвокатом не детерминируется как догматичное, так как гарантии конфиденциальности действуют лишь в отношении ограниченных связей, не покидающих пределы взаимодействия, полностью укладывающегося в рамки законной профессиональной юридической деятельности[10]. Анализ позволяет дифференцировать четыре основных предела адвокатской тайны.

Первый предел связан с волей самого доверителя. Данный иммунитет установлен только исходя из принципа лояльности к доверителю, поэтому последний вправе освободить своего адвоката от его обязанности сохранять тайну. Кодекс профессиональной этики адвоката определил, что процедура преодоления адвокатской тайны требует обязательного соблюдения двух условий: эксплицитного письменного согласия принципала и его оформления непосредственно при адвокате, что исключает риск оказания давления [11].

Интерпретативный подход органа конституционного правосудия квалифицирует ограничение профессиональной привилегии адвоката на молчание как правомерную при условии совпадения процессуального интереса защитника и его подзащитного [8]. Такое выражение воли обязано быть свободным, информированным и предметным: оно касается конкретных сведений, а не полного информационного массива по разбирательству. Ставя интересы правосудия и доверителя выше прочего, адвокат не обязан предоставлять информацию следственным органам и наделен легитимной возможностью отказаться, если по его профессиональной оценке раскрытие нанесёт вред иным интересам доверителя. Согласие, данное по одному делу, не снимает защиту со сведений, относящихся к другому поручению.

Второй предел заключается в отсутствии связи с реализацией профессионального долга. Сферой действия адвокатского иммунитета является исключительно профессиональная коммуникация, тогда как сведения, полученные в иной социальной роли, подлежат допросу.

В рекомендациях Адвокатской палаты города Москвы подчёркивается, что процессуальный статус свидетеля охватывает субъекта адвокатской сферы лишь в разрезе сведений, полученных за пределами его функциональной роли. [12]. В гражданском процессе это типичная ситуация: адвокат присутствовал при подписании договора как частное лицо, или был свидетелем дорожно-транспортного происшествия, состоял в семейных либо деловых отношениях со стороной.

Третий предел касается преступной деятельности самого адвоката. Применительно к исследуемому казусу адвокатская тайна не защищает действия, составляющие совершённое адвокатом преступление. Правовая позиция органа конституционного контроля по данному вопросу заключается в следующем: субъективное намерение сторон засекретить информацию не тождественно её правовому режиму как адвокатской тайны; Делимитация сферы действия гарантий исключает из нее отношения, носящие уголовный или противоправный характер [10]. Для гражданского процесса значение этой позиции косвенное, но принципиальное: иммунитет не создаёт зоны, свободной от ответственности. Если адвокат использован в схеме вывода активов или фальсификации доказательств, защита тайны не должна препятствовать установлению этих обстоятельств. При этом ответственность адвоката должна устанавливаться рамках легитимной процедуры, а не путём допроса о материальной стороне исполнения им поручения в цивилистическом процессе.

Четвёртый предел – самозащита адвоката. В спорах о взыскании вознаграждения, о возмещении убытков, причинённых ненадлежащим выполнением фидуциарных функций, или о наступлении дисциплинарной ответственности адвокат вынужден раскрывать деонтологическую сущность поручения. Кодекс профессиональной этики адвоката допускает использование сообщённых доверителем сведений только в объёме, соразмерном предмету доказывания в ходе процессуального противостояния между поверенным и доверителем или в качестве превентивной меры против дисциплинарного или уголовно-правового преследования, при условии недопущения излишнего разглашения [11]. В контексте цивилистического судопроизводства в этих случаях целесообразно ходатайствовать о применении режима закрытого судопроизводства и ограничивать круг исследуемых документов.

Резюмируя вышесказанное, иммунитет адвоката следует определять, как императивный, но не безусловный: он является обязательным для суда и оппонента, не может быть преодолён их усмотрением и допускает изъятия лишь в тех условиях, которые сами вытекают из его назначения. Этот вывод согласуется с позицией органа конституционного контроля. Суд подчёркивает, что норма ни в коей мере не создает правовых барьеров для выступления в процессуальной роли свидетеля при условии трансформации его правового статуса и гарантии соблюдения интересов клиента [8; 10].

Практическая проблема состоит исключительно в том, что запрет допроса сформулирован через оценочные категории («в связи с оказанием помощи»), которые суд применяет без нормативных ориентиров [9; 13].

ГПК РФ не признаёт доказательством сведения, в случае, когда свидетель не может раскрыть источник своей осведомлённости [2]. Применительно к адвокату этот источник и определяет режим: если данные были аккумулированы от клиента в рамках деонтологических отношений, В частности, путем доктринального анализа представленных документов или формирования процессуальной стратегии, они охраняются.

Достаточно, чтобы сведения были связаны с помощью, в том числе с обращением, не завершившимся заключением соглашения. Нормативной базой не закреплено формальное оформление отношений: охраняется весь массив данных, аккумулированных в ходе реализации фидуциарных полномочий [3].

При наличии документально подтвержденного волеизъявления, охватывающего конкретные сведения, допрос допустим [11]. Бремя подтверждения согласия лежит на стороне, которая о нём заявляет.

Если адвокат обеспечивает правовое сопровождение доверителя по делу, его допрос, как свидетеля по тому же делу, порождает конфликт ролей. Показания свидетеля и позиция представителя несовместимы, поэтому суд должен предложить сменить представителя, а адвокат обязан учитывать требования профессиональной этики [11; 12].

Показания, полученные с нарушением иммунитета, должны признаваться недопустимыми на основании ч. 2 ст. 55 и ст. 60 ГПК РФ [2]. Между тем, в сфере гражданской юрисдикции есть отличие, если в рамках уголовно-процессуальной формы, законом полноценно кодифицирована особая защита производства адвоката, то в гражданском судопроизводстве такой специальной нормы в текущих условиях нет.

Закон об адвокатуре предполагает, что вся информация, доказательства, документарные подтверждения, которые удалось собрать при проведении следствия и оперативно-розыскных мероприятий могут считаться информацией, на которой строится тезис обвинения, исключительно в условиях, когда эти сведения не состояли в производстве по делам доверителей адвоката [3]. Эта схема применения такой гарантии ориентирована, в частности, на публичные и правовые процессы. В случае проведения гражданского процесса аналогичный запрет приходится выводить из общих норм, что создаёт неопределённость, например, при использовании конфиденциального обмена информацией между доверителем и его адвокатом, сведения о котором были получены оппонентом от третьих лиц [6; 14].

Существует и тесно коррелирующий вопрос, который также имеет процессуальное значение - допустимо ли истребование у адвоката документов в рамках ст. 57 ГПК РФ? В казусах, когда рассматриваемые документы помещены в тома дела доверителя, они

наделены правовым иммунитетом по аналогии с показаниями. Судам следует придерживаться практики, при которой они отказывают в удовлетворении этих требований. При этом, у стороны, которая нуждающаяся в таких сведениях, остается возможность обратиться к доверителю напрямую [3; 15].

Режим конфиденциальности не подлежит редуцированию и сохраняется по завершении Исполнения поручения в рамках конкретного правоотношения. Для суда это означает, что вызов лица, ранее действовавшего по поручению доверителя, требует проверки, не охватывается ли предмет допроса прежним поручением.

Между адвокатом и доверителем обмен документами происходит через мессенджеры, электронную почту, облачные хранилища. Одновременно документы процессуального характера подаются в электронном виде. Исследователи отмечают, что фотографирование документов и их пересылка через мессенджеры повышают оперативность, но увеличивают угрозу деструкции фидуциарных отношений [14; 16]. Ключевая проблема в том, что конституционные гарантии тайны связи не учитывают особенности института адвокатской тайны [1; 17].

Обратимся к общим нормам, регулирующим режим адвокатской тайны. В соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» Фундаментальная гарантия приватности, вытекающая из конституционных положений, чтобы инвазивное вмешательство в канал связи и доступ к переписке (в том числе электронной) санкционировались судом [18]. Законом об адвокатуре дополнительно устанавливается обязательность вынесенного судебного решения для преодоления фидуциарной привилегии адвоката посредством следственных и оперативно-розыскных мероприятий [3]. Однако эти гарантии касаются публично-правовых процедур.

В судопроизводстве же гражданском появляется проблема иного характера, связанная с тем, что переписка доступна для анализа контрагентом (например, при доступе к устройству доверителя или сотрудника) и имеет доказательственное значение в письменной форме. Судьей как правило принимается взаимодействие посредством электронных каналов связи в случае если стороны вели коммуникацию таким способом, соответственно электронную переписку в мессенджерах признают доказательством, когда такой способ документооборота сложился и не запрещён договором [14; 16]. Следовательно, сама процессуальная возможность представления переписки не блокируется, а проверка её на предмет адвокатской тайны зависит от активности стороны и усмотрения суда.

В трактовке представителей адвокатского цеха на момент исследования адвокат, работающий с персональными данными клиента, пользуется сервисами, рамочные договоры которых не гарантируют сохранность и локализацию данных на территории Российской Федерации и защиту от распространения [19; 20]. Регуляторная среда быстро меняется, о чем свидетельствует, к примеру, принятие Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ, регулирующего среди прочего национальный мессенджер и особенности работы с информацией [21]. В профессиональной среде высказываются опасения относительно перехода на отдельные отечественные платформы, включая споры о наличии сквозного шифрования. Эти оценки нуждаются в независимой технической проверке. Одновременно сообщается об ограничениях голосовых и видеозвонков в ряде мессенджеров, что вынуждает пользователей переходить на иные каналы. Для адвоката это означает, что выбор канала определяется уже не только удобством, но и правовыми и техническими рисками.

Сравнительно-правовой ориентир предоставляет практика Европейского Суда по правам человека. В деле «Černý and Others v. the Czech Republic» (жалоба № 37514/20, постановление от 18 декабря 2025 г.) В мотивировочной части решения судебная инстанция констатировала, что специальная защита коммуникаций «адвокат – клиент» лишилась бы смысла, если бы не экстраполировалась на электронные сообщения, хранящиеся как на устройстве адвоката, так и на устройстве клиента [23]. После выхода Российской Федерации из Конвенции о защите прав человека и основных свобод эти позиции стали носить доктринальный характер, однако они показывают направление развития стандартов охраны профессиональной тайны в цифровой среде.

Рекомендации Федеральной палаты адвокатов по охране информационной сферы адвокатской деятельности предусматривают, помимо прочего, обозначение документов как составляющих адвокатское производство и указание на режим конфиденциальности всех передаваемых адвокату материалов [15]. Для цифровой среды практики предлагают использовать каналы со сквозным шифрованием и автоудалением сообщений, ссылки на файлы с паролем и ограниченным сроком действия, раздельные учётные записи под каждый проект. Следует учитывать, что эти рекомендации носят необязательный характер и ориентированы на средства, доступность которых в России меняется.

Системно проблема выглядит так: нормы о тайне связи защищают любого гражданина, нормы об адвокатской тайне защищают информацию независимо от канала, но нормы, обязывающие защищать данные в цифровой среде, не сформулированы применительно к адвокату. Поэтому профессиональная ответственность за выбор небезопасного канала лежит на адвокате, а механизма реагирования на утечку нет ни у доверителя, ни у суда.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие изменения.

Во-первых, дополнить ст. 69 ГПК РФ указанием, что допрос адвоката по обстоятельствам, включающим адвокатскую тайну, допускается только при условии предварительного письменного одобрения со стороны доверителя, охватывающего сведения, имеющие существенное значение. А также закрепить обязанность суда отказывать в возможности вызова адвоката, если из ходатайства следует, что предмет необходимого допроса относится к функционалу правового сопровождения.

Во-вторых, дополнить ГПК РФ нормой о недопустимости доказательств, полученных с нарушением режима адвокатской тайны, включая конфиденциальность переписки адвоката с доверителем, независимо от способа её получения. Это устранит зависимость от общей конструкции ч. 2 ст. 55 ГПК РФ и унифицирует подход с уголовным процессом.

В-третьих, определить порядок разрешения споров о наличии тайны: при заявлении стороны или адвоката суд решает вопрос о режиме сведений в закрытом заседании до их исследования, а доказательство остаётся изолированным до разрешения вопроса.

В-четвёртых, закрепить в Законе об адвокатуре обязанность принимать разумный Инструментарий защиты информационного контура в электронных каналах. Конкретные требования (классы допустимых каналов, шифрование, хранение) следует делегировать решению Совета Федеральной палаты адвокатов. Это позволит быстро реагировать на технологические изменения.

В-пятых, предусмотреть специальный режим для электронных средств коммуникации адвоката, включая изъятие и исследование устройств, по аналогии с гарантиями ст. 8 Закона об адвокатуре, с обязательным участием представителя адвокатской палаты.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать три вывода.

Во-первых, иммунитет адвоката в гражданском процессе правильнее характеризовать как императивный, но не безусловный. Он обязателен для судебной системы и участников процессуального противоборства, однако его границы определяются фидуциарным интересом: поручение доверителя, отсутствие связи сведений с оказанием помощи, преступная деятельность самого адвоката и необходимость самозащиты образуют допустимые изъятия.

Во-вторых, легитимность допроса адвоката обязана детерминироваться по совокупности четырёх критериев: источник осведомлённости, связь с оказанием помощи, воля доверителя, процессуальный статус адвоката в деле. Отсутствие в ГПК РФ специальных норм о недопустимости доказательственной информации, собранной в нарушение фидуциарного характера отношений, создаёт неопределённость, которую целесообразно устранить законодательно.

В-третьих, цифровая среда создаёт угроза деструкции деонтологического обязательства по сохранению тайны, которое актуальное позитивное право не покрывает. Гарантии сформулированы для публично-правовых процедур и не защищают от получения переписки через частные каналы и платформы, правовой режим которых нестабилен. Требуется сочетание законодательных гарантий, профессиональных стандартов Федеральной палаты адвокатов и технических мер.

Таким образом, адвокатская тайна в гражданском процессе должна пониматься не как абсолютная корпоративная привилегия,

а как императивный институт защиты интереса доверителя, пределы которого определяются его назначением. Закрепление в ГПК РФ специальных правил о допросе адвоката, недопустимости доказательств, полученных с нарушением тайны, и порядка разрешения споров о режиме сведений, а также установление обязанности адвоката принимать разумные меры охраны информации в цифровых каналах позволят согласовать состязательность судопроизводства с конституционным правом на профессиональную юридическую поддержку. Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическое исследование судебной доктрины по делам о защите фидуциарного характера переписки адвоката и клиента с доверителем и на сопоставление режима адвокатской тайны в арбитражном и административном процессах.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Санников Д. В. Гражданско-правовой режим адвокатской тайны // Ex jure. 2022. № 4. С. 90–100. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-90-100.
5. Сангаджиев Б. В. Использование конфиденциальной информации в уголовном и гражданском процессе и институт адвокатской тайны // Образование и право. 2016. № 1. С. 165–171.
6. Сангаджиев Б. В. Адвокатская тайна и проблемы осуществления судопроизводства по уголовным и гражданским делам // Образование и право. 2015. № 1. С. 145–158.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По запросу Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 2.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3429.
9. Ланина В. С. Функционирование института свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 80–88. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.08.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (ч. I). Ст. 7682.
11. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (с последующими изменениями) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2.
12. Рекомендации Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов о действиях адвокатов при их вызовах на допросы в следственные органы, органы дознания и в суды (утв. протоколом от 25.11.2022 № 7) // Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. URL: https://www.advokatymoscow.ru (дата обращения: 15.10.2026).
13. Лобанов Н. С. Свидетельский иммунитет как гарант достоверности показаний в цивилистическом процессе // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66).
14. Ягодина С. В. Использование СМС-сообщений, переписки в мессенджерах и сети Интернет как доказательств в гражданском процессе // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2. С. 77–83.
15. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 30.11.2009, протокол № 3) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2010. № 1.
16. Сагитов С. М., Сагитова Е. В. Особенности использования электронных документов как доказательств в гражданском процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 5. С. 38–42.
17. О связи: федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
18. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
19. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
20. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
21. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2026).
22. Case of Černý and Others v. the Czech Republic, no. 37514/20, Judgment of 18 December 2025 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 15.10.2026).

Attorney-client privilege in civil procedure: the mandatory nature of immunity, limits of examining a lawyer as a witness and protection of information in digital communication channels

Nasyrov R.T.

Moscow University «Synergy»

The article examines attorney-client privilege in Russian civil procedure. The author argues that the thesis of the "absolute" nature of a lawyer's testimonial immunity needs refinement: the immunity is mandatory for the court and the lawyer, but belongs to the client and has internal limits (the client's will, facts unrelated to legal assistance, the lawyer's own criminal activity, and self-defence). A four-element test for the admissibility of examining a lawyer as a witness is proposed. The article analyses the risks of digital communication channels (messengers, e-mail, cloud services) and gaps in civil procedure legislation concerning the inadmissibility of evidence obtained in breach of privilege. Proposals for amending the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Law on the Bar are formulated.

Keywords: attorney-client privilege, witness immunity, examination of a lawyer, civil procedure, admissibility of evidence, messengers, digitalization, secrecy of communications.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
3. On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2002, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. Art. 2102.
4. Sannikov D. V. The Civil Law Regime of Attorney-Client Privilege // Ex Jure. 2022. No. 4. pp. 90–100. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-90-100.
5. Sangadzhiev B. V. The Use of Confidential Information in Criminal and Civil Proceedings and the Institution of Attorney-Client Privilege // Education and Law. 2016. No. 1. pp. 165–171.
6. Sangadzhiev B. V. Attorney-Client Privilege and Issues in the Conduct of Criminal and Civil Proceedings // Education and Law. 2015. No. 1. pp. 145–158. 7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 8, 2005, No. 439-O "On the request of the Sovetsky District Court of the city of Lipetsk regarding the constitutionality of Part 4 of Article 165 and Part 1 of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2006. No. 2.
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 6, 2000, No. 128-O "On the complaint of citizen Viktor Vasilyevich Parshutkin regarding the violation of his constitutional rights by Clause 1 of Part 2 of Article 72 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and Articles 15 and 16 of the Regulation on the Bar of the RSFSR" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 33. Item 3429.
9. Lanina V. S. The Functioning of the Institution of Witness Immunity in Civil Procedure // Bulletin of the Moscow City University (MGPU). Series: Legal Sciences. 2024. No. 1 (53). pp. 80–88. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.08.
10. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2015, No. 33-P "In the case concerning the constitutionality of Clause 7 of Part 2 of Article 29, Part 4 of Article 165, and Part 1 of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 52 (Part I). Item... 7682.

Контроль под видом профилактики: правовая природа обязательного профилактического визита и проблема размывания процессуальных гарантий

Пирогов Павел Павлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, ppp17@maul.ru

Емельянова Любовь Андреевна
магистрант, кафедра теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, matveeva_lyubov_060@mail.ru

Цель. Статья посвящена анализу положений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) на предмет наличия подменного понятия профилактического мероприятия в фактической контрольно-надзорной деятельности, осуществляемой государственными и муниципальными органами в формате обязательного профилактического визита [1]. Целью проведения анализа вышеуказанного федерального закона является исследование его на наличие правовых коллизий в части определения статуса обязательного профилактического мероприятия, формата его организации и проведения, а также рассмотрении вопроса размытия границ между профилактикой и надзором. Главной целью вышеизложенного является разработка предложений по исключению возможных злоупотреблений со стороны контрольных органов, реализующих обязательные профилактические мероприятия, которые имеют все элементы надзора под видом профилактики, но без соблюдения процессуальных гарантий.
Метод. Исследование проводилось путём рассмотрения и сравнительного анализа систем проведения профилактических мероприятий и контрольно-надзорных, а также сравнительно-правовом анализе подходов Германии и Франции к разграничению профилактических и надзорных мер.
Результаты. По результатам проведения всестороннего рассмотрения статуса обязательного профилактического визита, установлено, что действия, осуществляемые в процессе его проведения, срок, невозможность отказа, которая закреплена законом, а также результат проведения неотличим от инспекционного визита, а в частности даже превосходит его.
Выводы. Обязательный профилактический визит является контрольно-надзорным мероприятием под видом профилактики, чем создаёт реальный системный риск обхода обязательных процессуальных гарантий.
Ключевые слова: профилактический визит, обязательный профилактический визит, инспекционный визит, профилактические мероприятия, контрольные мероприятия, процессуальные гарантии, правовая определённость, предписание.

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 124050700059-3

Введение

В последние годы в Российской Федерации реализуется системная реформа государственного и муниципального контроля, направленная на переход от репрессивной модели к профилактической [4, с. 64]. Базисом этих изменений стал Федеральный закон № 248-ФЗ, который закрепил приоритет профилактических мероприятий над контрольными.

Изначально профилактический визит задумывался как мягкий инструмент воздействия, его целью было не выявление нарушений для наказания, а содействие приведению деятельности юридических лиц в соответствие обязательным требованиям. Однако, несмотря на первичные формальные установки, на практике данная функция переросла в метод административного давления [9, с. 293].

С появлением Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (далее – Постановления Правительства РФ № 336) в правовое поле был введён мораторий на проведение плановых проверок, которой продлится вплоть до 2030 года [3]. На основании чего профилактические мероприятия стали единственным и основным способом взаимодействия с контролируемыми лицами на их территории [8, с. 145].

Но было бы странно, если бы все спланированное и зафиксированное сроками было бы соблюдено до конца, в 2024 году издаётся Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 540-ФЗ), который не просто вносит изменения в процедуру взаимодействия между властью и организациями, а создаёт новую систему проведения профилактических мероприятий [2]. Профилактический визит, как мягкая форма воздействия в виде консультирования и общей оценки остался неизменным, но стал восприниматься как общие правила для проведения новых форм взаимодействия. Был создан обязательным профилактический визит и визит по инициативе контролируемого лица, что создало массу вопросов и непонимания со стороны контролируемых лиц. Профилактика перешла грань контроля? Профилактический визит, став обязательным, перерос в контрольное мероприятие по типу инспекционного визита? Границы между надзором и консультированием стёрты?

Из чего следует, что целью настоящего исследования является анализ структуры профилактических визитов с учётом внесённых изменений в правовое законодательное поле. Сравнительный анализ процессуальных характеристик обязательного и добровольного профилактического визита с инспекционным визитом, с целью выявления реальных противоречий, схожести и их последствий для контролируемых лиц. А также рассмотрение обязательного профилактического визита под призмой надзорного мероприятия, лишённого обязательных процессуальных гарантий с последующей разработкой предложений для решения выявленных проблем.

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования был применён комплексный методологический подход, включающий несколько взаимосвязанных методов анализа. Основным методом выступил нормативно-правовой анализ, в ходе которого были детально изучены ключевые нормативные документы в данной области исследования, такие как Федеральный закон № 248-ФЗ и Федеральный закон № 540-ФЗ, а также Постановление Правительства РФ № 336.

Был использован сравнительный подход к исследуемой теме, который позволил не только глубоко изучить законодательство Российской Федерации, но и рассмотреть вопрос со стороны иных государств, сравнив нашу модель проведения подобных мероприятий с моделью Германии и Франции. Данный метод позволяет сравнить и выявить пробелы в существующих подходах, а также определить необходимые направления для совершенствования законодательства.

Также был проведён анализ научных трудов деятелей в сфере изучения правовой неопределённости в области реализации надзорных мероприятий под видом профилактических.

Вышеизложенный подход к изучению профилактически-надзорных мероприятий позволит сформировать полноценную картину фактической реализации противоречивого вида взаимодействия с контролируемыми лицами.

Литературный обзор

Проблемы правовой определённости в контексте отсутствия чётких границ между профилактикой и контролем в профилактической деятельности получили отражение в трудах отечественных юристов, а также зарубежных исследователи и реальной картине мира других стран.

Как отмечается Д. Г. Нарановой и М. Ш. Кадимовой в статье «Профилактические мероприятия в свете нового законодательства о государственном контроле (надзоре)», в которой авторами рассматривается изначальная модель профилактического визита, которая присутствовала до внесения масштабных изменений в закон. Отмечается первоначальный рекомендательный и консультационный характер, запрет и соответствующее отсутствие предписание по результатам его проведения, в случае наличия даже самых минимальных нарушений, что и отличало его от надзорной деятельности, границы между которыми были чёткими. В статье подчёркивается, что «профилактические мероприятия имеют консультационный, разъяснительный характер и предполагают отсутствие мер административного давления» [6, с. 93]. Подобная характеристика отмечает факт изначального направления профилактической деятельности, которая не имела в себе структурных методов реализации контроля и надзора, чего сейчас лишена обязательность данной профилактики.

Е. А. Дмитриковой в статье «Развитие инструментов профилактики нарушений обязательных требований: новые качества профилактического визита» был сформулирован полноценный самостоятельный тезис, описывающий фактическое наличие проблем в области реализации смешенного вида профилактически-надзорных мероприятий. В исследовании автор рассматривает путь, и результаты трансформации подхода к реализации мер взаимодействия между государственными и муниципальными органами с контролируемыми лицами. Е. А. Дмитриковой отмечается, что в современном мире развилась тенденция замены контрольных мероприятий на профилактические, а также было отмечено, что «сближение качественных характеристик профилактического визита с контрольными (надзорными) мероприятиями требует пересмотра системы гарантий защиты прав и законных интересов контролируемых лиц, с тем чтобы в рамках профилактических мероприятий, которые проводятся взамен контрольных (надзорных) мероприятий, не снижался стандарт защиты прав контролируемых лиц» [5, с. 604]. Из чего следует, что сейчас востребованность профилактического визита в связи с введением моратория исказило изначальную цель меры профилактического воздействия, путём консультирования, сделав из него возможный путь обхода обязательных процессуальных гарантий необходимых для проведения надзорных мероприятий, добавив ему невозможность отказа, но оставив при нем мнимую видимость профилактики.

Помимо анализа отечественных научных трудов, также вопрос профилактически-надзорных мероприятий был рассмотрен со стороны законодательной практики Германии и Франции.

В Германии нет такого понятия как профилактический визит, там под этим подразумевается консультационный визит, который имеет добровольный консультационный характер, а не надзорный. Но в случае, если присутствуют основания для принудительного обследования, то оно проводится в соответствии с соблюдением процессуальных гарантий. В немецком праве нельзя называть консультацией надзорные действия, принцип соразмерности, устоявшийся в стране сохраняет логику того, что обязательность с принуждением и предписанием по результатам визита является контролем, а не профилактикой [11, с. 102].

Во Франции также отсутствуют профилактические визиты в полном его понимании. Французская система взаимодействия с контролируемыми лицами в различных родах её проявления разделяет профилактику в виде консультационных визитов без предписаний с контролем в виде инспекционных визитов, оценки соответствия с дальнейшими санкциями. В случае выявления нарушений при проведении консультаций результаты сообщаются в инспекцию для инициации отдельной контрольной процедуры с соответствующими процессуальными гарантиями.

Как показывает зарубежная практика профилактическая мера воздействия не может нести принудительный характер, так как если от мероприятия нельзя отказаться, оно обязательно, то это уже не консультирование, а прямой надзор.

Таким образом, исходя из анализа научных трудов и правоприменительной деятельности Германии и Франции можно сделать вывод, что обозначенная в настоящей статье проблема отсутствия разграничения профилактики и надзора актуальна и исследуемое правовое противоречие требует пересмотра и внесения корректив.

Результат:

Федеральный закон № 248-ФЗ включает в себя три статьи, регламентирующие реализацию профилактических мероприятий в разном виде его проявления. Статья 52 устанавливает общие правила проведения профилактического визита, по формату беседы, консультирования и ознакомления с обязательными требованиями по предмету визита контролируемого лица, а также применяется, в общем, к специальным видам визитов.

Статья 52.1, которая относится к специальным видам, а также используется чаще других, регламентирует проведение обязательного профилактического визита, определяет объекты по категориям риска, а также частоту проведения визитов, в соответствии с ними. В соответствии с данной статьёй визиты также проводятся в течение полугода в отношении лиц начавших предпринимательскую деятельность и по поручениям. Отличительным свойством статьи 52.1 является невозможность отказа от проведения визита, а уведомление, о нем контролируемое лицо может получить не позднее, чем за сутки до начала. При проведении обязательного профилактического мероприятия проводится ряд действий, в числе которых осмотр, истребование документов, испытания и экспертиза, срок проведения не более десяти рабочий дней, но может быть продлён. По результатам проведения мероприятия составляется акт, а в случае выявления нарушений обязательных требований выдаётся предписание об устроении нарушений с фиксированным сроком. Уклонение от проведения мероприятия или же неисполнение предписания являются основанием для проведения внепланового надзорного мероприятия.

В соответствии с положениями статьи 52.2 регламентируются профилактические мероприятия по инициативе контролируемого лица, по его заявлению, с целью получения разъяснений и рекомендация от контрольного органа в области его компетенции. Подать данное заявление не может только средний и крупный бизнес. В рамках визита при волеизъявлении и согласии контролируемого лица может быть отбор проб, инструментальное обследование и испытания. По результатам проведения визита при выявлении несоответствия обязательным требованиям не угрожающим причинения вреда предписание не выдаётся, в случае установления угрозы информация направляется для дальнейшего принятия решения о проведении контрольного мероприятия.

Для примера можно обратиться к статье 70, регламентирующей контрольное (надзорное) мероприятие под названием инспекционный визит, при проведении которого производятся практически те же действия, что и при обязательном профилактическом визите, также выдаётся предписание по результатам. Разница между профилактическим и инспекционным визитом в сроках, профилактика длится не более десяти рабочих дней, а контроль не может превышать один рабочий день. Согласование с прокуратурой при проведении инспекционного визита необходимо только в случае проведения внепланового мероприятия. Уведомление при профилактике подаётся не менее чем за сутки, а при контроле без предварительного уведомления.

Также в случае со статьей 71, при проведении рейдового осмотра проводятся те же действия, что и при обязательном профилактическом визите, но только после согласования с прокуратурой, срок проведения такой же, предписание по результатам проведения тоже выдаётся, но это надзорное действие, а не профилактическое, а различия минимальные.

Из чего следует, что только статья 52.2 имеет реальные профилактические свойства, так несёт в себе рекомендательный и добровольный характер, в то время как статья 52.1 имеет лишь формально профилактические свойства, при этом с обязательными и принудительными элементами. Фактически с внесением изменений

в Федеральный закон № 248-ФЗ был создан не один механизм проведения профилактического мероприятия, с разной инициативой, а два разных правовых режима, но под одним видом профилактики [10, с. 49]. И проблема не в том, что теперь органы власти принуждают контролируемых лиц к подобным мероприятиям, а в том, что под видом профилактической беседы происходит, которая была ранее, теперь происходит реальный контроль, имеющий все свойства контрольного мероприятия, но спрятанный под видом профилактики.

Обсуждение

Из всего вышеперечисленного следует, что обязательный профилактический визит является надзорным мероприятием, квалифицированным как профилактическое. Изменениями, произошедшими в законодательном поле, был создан гибрид, обладающий всеми свойствами контроля, но имеющей статус профилактического мероприятия, при этом тем самым освобождённый от процессуальных гарантий, которые установлены законом в виде предварительного согласования с прокуратурой проверочных листов и сокращённых сроков самого визита [5, с. 613].

В этом отношении профилактический визит отличен и от проверок, осуществляемых общественными организациями, например, общественными наблюдательными комиссиями в соответствующих сферах [7, с. 238].

И именно статья 52.2 показывает, что изначальные профилактические свойства, которые были заложены в статью 52, не забыты. Оба мероприятия несут в себе профилактический визит, но свойства и суть у них разные, что создаёт терминологическую неопределённость, и лишний раз заставляет контролируемых лиц задаваться вопросами о происходящем, к чему готовиться, если профилактика с контролем теперь одно целое. При условии того, что контрольный орган получит одинаковый результат через обязательный профилактический визит без согласования с прокуратурой, то зачем проводить рейдовый осмотр или инспекционный визит? Несоразмерное вмешательство получается, если при надзоре взаимодействие сутки, а при профилактике десять дней. Мера воздействия, которая заявлена как профилактическая, консультационная, предупредительная, по сути вмешательства превосходит надзорные.

Заключение

Наличие гибрида надзора и профилактики создаёт реальный риск для проведения большого количества мероприятий с одинаковыми действиями и результатами, получается, что за один год контролируемое лицо проверяют неоднократно, но под разными названиями мероприятий.

Ранее проведённый сравнительный анализ зарубежной практики Германии и Франции показывает, что разделять профилактические и надзорные функции необходимо по критерию принудительности. Данный подход позволит уменьшить нагрузку на контрольные органы и повысит ответственность у контролируемых лиц.

В связи с тем, что право на инициацию профилактического визита есть у всех, кроме крупного и среднего бизнесов, добровольность проведения «обязательного» профилактического визита позволит им минимизировать, а может даже исключить нарушения обязательных требований и улучшить качество реализуемой деятельности.

Обязательность профилактического визита несёт в себе принудительную меру, чем создаёт противоречие. Она лишена процессуальных гарантий, в связи, с чем рациональнее всего убрать обязательность и дать право на отказ. Контрольные органы проведут ряд контрольных мероприятий и без профилактики, которая фактически является тоже контролем.

Возможность отказа от профилактического визита не уменьшит их численность, а восстановит доверительные отношения между властью и предприятиями.

Предложения

Для решения исследуемой проблемы необходимо вернуть профилактическому визиту добровольный характер. Тем самым дать право контролируемым лицам возможность самим решать о необходимости проведения консультативного мероприятия. Преимуществом данного пути является то, что профилактика будет снова означать добровольную консультацию с последующим получением рекомендаций без предписания, в случае не выявления нарушений создающих угрозу.

Контролируемое лицо знает, что орган власти посетит его с плановой проверкой или рейдовым осмотром, а может с внеплановой проверкой, а добровольный профилактический визит, который позволит ему заранее устранить нарушения и получить консультацию по интересующим его вопросам будет рассмотрен только с положительной стороны. Тем самым цель по введению профилактики в массовость будет достигнута, доверие и интерес к взаимодействию с контрольными органами возрастут, а противоречие и дублирующийся мероприятия исчезнут.

Литература

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ – Текст : электронный // КонсультантПлюс : правовая справочная система [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращение 29.10.2026).
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 540-ФЗ – Текст : электронный // КонсультантПлюс : правовая справочная система [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494826/ (дата обращение 29.10.2026).
3. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 – Текст : электронный // КонсультантПлюс : правовая справочная система [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411233/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращение 29.10.2026).
4. Ахмадова, М. А. Реформа контрольной (надзорной) деятельности: ориентация на баланс интересов сторон / М. А. Ахмадова // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 60–68.
5. Дмитрикова, Е. А. Развитие инструментов профилактики нарушений обязательных требований: новые качества профилактического визита / Е. А. Дмитрикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. № 3. С. 604–616.
6. Наранова, Д. Г. Профилактические мероприятия в свете нового законодательства о государственном контроле (надзоре) / Д. Г. Наранова, М. Ш. Кадимова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2022. Т. 37, выпуск 4. С. 92–97.
7. Пирогов П. П. Общественный контроль как функция гражданского общества: роль общественной наблюдательной комиссии / П.П. Пирогов, С.С. Козлов // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 3(72). С. 234-240.
8. Ревина, Е. Е. Развитие профилактических визитов в рамках концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года / Е. Е. Ревина, В. В. Гриценко // Аспирантские тетради : Сборник научных статей Научно-методического семинара молодых ученых, Воронеж, 06 декабря 2024 года. – Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2025. С. 144-148.
9. Ромашов, Р. Ю. Профилактический визит как альтернатива плановым контрольным (надзорным) мероприятиям в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности / Р. Ю. Ромашов // Молодой ученый, 2024. № 26 (525). С. 292-294.
10. Хаитов, Г. А. Трансформация профилактического визита в системе государственного контроля (надзора): вопросы законодательного регулирования и правоприменения / Г. А. Хаитов, Е. М. Якимова // Сибирский юридический вестник. 2026. № 2(113). С. 45-50.
11. Хетагуров, Т. М. Зарубежный опыт регулирования государственной контрольно-надзорной деятельности: сравнительно-правовой анализ/ Т. М. Хетагуров // Образование и право. 2025. № 2. С. 100–106.

Control under the guise of prevention: the legal nature of the mandatory preventive visit and the problem of erosion of procedural guarantees

Pirogov P.P., Emelyanova L.A.

Murmansk Arctic University

Objective. This article analyzes the provisions of Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020, "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (hereinafter – Federal Law No. 248-FZ), specifically examining whether the concept of a "preventive measure" is being used as a surrogate for actual control and supervisory activities—specifically in the form of the "mandatory preventive

visit" [1]. The analysis aims to identify potential legal conflicts regarding the status of the mandatory preventive visit, the procedures for its organization and execution, and the blurring of the lines between prevention and supervision. The primary goal is to develop proposals to prevent potential abuses by regulatory authorities, who may conduct mandatory preventive visits that—while ostensibly preventive—incorporate all the elements of supervision without providing the corresponding procedural safeguards.

Method. The study involved a review and comparative analysis of the frameworks for preventive measures versus control and supervisory activities, as well as a comparative legal analysis of how Germany and France distinguish between preventive and supervisory measures.

Results. A comprehensive examination of the status of the mandatory preventive visit reveals that the actions taken during such a visit, its duration, the statutory inability to decline it, and the final outcomes are indistinguishable from—and in some respects even more extensive than—those of an official inspection visit.

Conclusions. The mandatory preventive visit functions as a control and supervisory activity disguised as a preventive measure, thereby creating a significant systemic risk that mandatory procedural safeguards may be circumvented.

Keywords: preventive visit, mandatory preventive visit, inspection visit, preventive measures, control measures, procedural safeguards, legal certainty, compliance order.

References

1. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (accessed: October 29, 2026).
2. On Amendments to the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation": Federal Law No. 540-FZ of December 28, 2024 – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494826/ (accessed: October 29, 2026).
3. On Specifics of the Organization and Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control: Decree of the Government of the Russian Federation No. 336 of March 10, 2022 – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411233/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed: October 29, 2026).
4. Akhmadova, M. A. Reform of Control (Supervisory) Activities: Focusing on a Balance of Interests Among the Parties / M. A. Akhmadova // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2024. No. 8. pp. 60–68.
5. Dmitrikova, E. A. Development of Instruments for Preventing Violations of Mandatory Requirements: New Qualities of the Preventive Visit / E. A. Dmitrikova // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2024. No. 3. pp. 604–616.
6. Naranova, D. G. Preventive Measures in Light of New Legislation on State Control (Supervision) / D. G. Naranova, M. Sh. Kadimova // Vestnik of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2022. Vol. 37, Issue 4. pp. 92–97.
7. Pirogov, P. P. Public Oversight as a Function of Civil Society: The Role of the Public Monitoring Commission / P. P. Pirogov, S. S. Kozlov // Business. Education. Law. 2025. No. 3(72). pp. 234–240.
8. Revina, E. E. Development of Preventive Visits within the Framework of the Concept for Improving Control (Supervisory) Activities up to 2026 / E. E. Revina, V. V. Gritsenko // Postgraduate Notebooks: Collection of Scientific Articles from the Research and Methodological Seminar for Young Scholars, Voronezh, December 6, 2024. – Voronezh: Editorial and Publishing Department of the Voronezh Branch of RANEPA, 2025. pp. 144–148. 9. Romashov, R. Yu. The Preventive Visit as an Alternative to Scheduled Control (Supervisory) Activities in the Context of the Reform of Control (Supervisory) Operations / R. Yu. Romashov // Molodoy Ucheny [Young Scientist], 2024. No. 26 (525). pp. 292–294.
10. Khaitov, G. A. Transformation of the Preventive Visit within the State Control (Supervisory) System: Issues of Legislative Regulation and Law Enforcement / G. A. Khaitov, E. M. Yakimova // Siberian Legal Bulletin. 2026. No. 2 (113). pp. 45–50.
11. Khetagurov, T. M. Foreign Experience in Regulating State Control and Supervisory Activities: A Comparative Legal Analysis / T. M. Khetagurov // Education and Law. 2025. No. 2. pp. 100–106.

Особенности психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления

Соболев Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России, sobolev-nikolay@mail.ru

Общий рост числа тяжких и особо тяжких преступлений среди лиц мужского пола, является одной из наиболее негативных тенденций в современном обществе. В качестве важнейшей предпосылки формирования антисоциального поведения лиц мужского пола признан полученный в детстве опыт неблагополучного воспитания в родительской семье. В связи с этим прогнозируется высокий риск воспроизводства в последующих поколениях дисфункциональных паттернов внутрисемейного взаимодействия. Необходимо проведение своевременной диагностики отклонений в поведении несовершеннолетнего на основе осознания подростком психотравмирующих ситуаций, обусловленных особенностями внутрисемейных отношений. Кроме этого, по результатам исследования автор отмечает значимость дальнейшей разработка и внедрения в практику программ психологического сопровождения данной категории спецконтингента, рекомендаций по коррекций представлений о семье у несовершеннолетнего, обеспечивая его исправление и ресоциализцию в гражданское общество.

Ключевые слова: психотравмирующие состояния, несовершеннолетний осужденный, корыстные преступления, внутрисемейные отношения, семейная тревожность, воспитательная колония.

В настоящее время наблюдаются существенные негативные тенденции в сфере семейно-бытовых отношений. Напряженный, зачастую конфликтный характер межличностных отношений в современной российской семье оказывает деструктивное влияние на формирование личности подростка. При этом, если в сфере семейных отношений допускается систематическая психическая травматизация личности подростка, то возникает опасность развития устойчивых асоциальных свойств и состояний.

Представляется, что одной из важнейших задач, стоящих перед семьей, выступает формирование и дальнейшее развитие способности несовершеннолетнего к социально ориентированной управляемости поведением в юридически значимых ситуациях. В этой связи актуализируется роль семейно- обусловленных психических и психофизиологических стрессовых переживаний (высокий уровень неосознаваемой тревоги, чувство вины и обиды, дефекты волевой саморегуляции и направленность личности, ценностные ориентации, мотивация и мотивы) на личность подростка.

Кроме этого, важным остается проблема сформировавшихся и применяемых внутрисемейных механизмов коррекции и минимизации негативных переживаний и состояний, используемые членами семьи в рамках сформировавшихся отношений. Так, в современной психологии реализуются комплексные исследования, направленные на поиск научно обоснованных путей выявления, коррекции и профилактики семейно-обусловленных психотравмирующих состояний, определяющих реакцию несовершеннолетнего на характер и качество внутри-семейных отношений (А.Я. Варга, Т.М. Мишина, В.К. Мягер Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.).

Безусловно, родители являются наиболее значимым с социальном отношении источником информации и безусловным авторитетом, на который подросток ориентирован и на основе которого он овладевает формами и содержанием человеческих отношений, они формируют огромное количество поведенческих алгоритмов, схем и эвристик в последующем воспроизводимых детьми при решении сходных задач

При этом, безусловно, социальное неблагополучие в семьях оказывает деструктивное влияние на функционирование самого современного российского общества, нарушая процесс трансляции базовых социальных ценностей, снижая эффективность ресоциализации бывших преступников.

Патология семейных отношений продуцирует многие формы серьезных социальных отклонений в поведении личности вплоть до выраженных форм криминогенного поведения [2]. По поводу роли семьи в становлении нормальной или аномальной личности, формирования различных отклонений написано достаточно много научной литературы (Ю.М. Антонян, В.Ф. Пирожков, С.Д. Хачатурян). Особенности семейных отношений оказывают существенное влияние на формирование личности преступника, определяя направленность личности в том числе и осужденного к лишению свободы.

Семья - это малая социальная группа, основанная на браке супругов (отца, матери) и их холостых детей (собственных и усыновленных), связанных духовно, общностью быта и взаимной моральной ответственностью. Семья создается на основе брака, кровного родства, усыновления, а также на других основаниях, не запрещенных законом и таких, которые не противоречат моральным основам общества [3, с. 58-62].

Профессор А.С. Михлин, прямо указывает, что во время отбывания наказания от семьи исходит моральная поддержка, обеспечивающая успешную ресоциализацию осужденного к гражданской жизни [4].

Анализ практики психологического сопровождения несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, поддерживающих отношения с семьей, в большей степени склонны к соблюдению требования режима в условиях социальной изоляции и лучше адаптируются к условиям жизни на в гражданском обществе.

Причины и мотивы корыстных и насильственных преступлений кроются чаще всего в эмоциональных впечатлениях детского и под-

росткового возраста, в его нерешенных или плохо решенных проблемах. Семейные конфликты, недостаток любви, родительская жестокость или просто непоследовательность в системе наказаний - вот далеко не полный перечень обстоятельств, травмирующих психику [1, с. 156].

Можно указать, что наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на адаптационный потенциал семьи, как важного социального института при организации процесса ресоциализации несовершеннолетнего осужденного, являются:

- материально-информационные ресурсы (доход семьи, информация о правах, социальных программах),

- социально-психологические ресурсы (социальный статус, образование, социальные связи, адаптивность, сплоченность, взаимоотношения между поколениями).

В случае, если в семье осужденного доминирует стратегия стабильной связи между членами семьи, то в ней преобладает доверительный характер межличностных отношений, а, следовательно и значительный ресоциализационный потенциал. Семья, в которой преобладает эмоциональная поддержка и защита между членами семьи, актуализирует у несовершеннолетнего значимость навыков социально одобряемого поведения, стратегий совладания, обеспечивающих узловой критерий адекватности выбора поведения несовершеннолетним в юридически значимой ситуации – социально ориентированной управляемости поведением.

Стратегия эпизодической связи характеризуется менее плотным взаимодействием с несовершеннолетним осужденным, снижением частоты контактов и может привести к распаду семейной структуры и системы поддержки внутрисемейных отношений.

Стратегия дистанцирования фиксирует прерывание всяких связей между несовершеннолетним правонарушителем и членами его семьи (сразу или в течение некоторого времени). Выбор данной стратегии в значительной степени обусловлен такими факторами как: степень тяжести преступления и отношение к нему членов семьи (умышленно или по неосторожности); наличие конфликтов в семье из-за неприемлемого поведения; количество судимостей с отбыванием наказания в исправительном учреждении.

Осознание несовершеннолетним психотравмирующих ситуаций, обусловленных качеством межличностных коммуникаций членов семьи – это представление функционирования родительской семьи с такими параметрами как: доверие, уважение, эмоциональные отношения, принятие решений, уровень конфликтности, взаимопомощь, коммуникативные процессы, ответственность и забота. В ситуации наличия у несовершеннолетнего устойчивых представлений о деструктивном статусе собственной семьи и содержания ролевых внутрисемейных отношений, необходима коррекция контрнормативной системы семейных ценностей, а также развития способности подростка критично подходить к оценке общепринятой системы семейных ценностей и контрсистемой.

Психология несовершеннолетнего, воспитывающегося в семьях с неустойчивой или деструктивной формой внутрисемейных отношений, характеризуется высокой тревожностью, низкой толерантностью к неопределенности из-за неадекватных установок в отношении собственной семьи и ее роли в дальнейшей жизни подростка.

Обобщенная характеристика достигнутого уровня социализации подростка напрямую связана, с одной стороны, с уровнем развития его интеллектуальных, волевых и личностных качеств (например, жизненная позиция, т.е. обобщенное отношение, связывающее подростка с действительностью через ценности и проявляющееся в ее самоуправлении), а с другой – устойчивостью позитивных или дезадаптивных представлений о роли внутрисемейных отношений и устоявшихся паттернов поведения (в том числе криминальных).

Представляется, что достижение цели наказания, а именно, исправления и ресоциализации несовершеннолетнего, невозможна без учета особенностей переживаемых подростком психотравмирующих ситуаций, обусловленных внутрисемейными отношениями при проведении психологической помощи, направленной на коррекцию дезадаптивных состояний и развития навыков критичного восприятия и оценки общепринятой системы семейных ценностей и ролевого внутрисемейного поведения.

По мнению Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, психотравмирующие состояния у несовершеннолетних, проживающих в одной семье, могут быть описаны через анализ следующих устойчивых образований:

1. Общая неудовлетворенность - осознаваемая или плохо осознаваемая неудовлетворённость семейной жизнью, переживание несоответствия ожиданий реальности.

2. Семейная тревожность - плохо осознаваемая, «неопределённая» тревога, связанная с положением в семье: ощущение неблагополучия, беспомощности, тревожные предчувствия и страхи за семью.

3. Нервно-психическое напряжение - одно из основных психотравмирующих переживаний: ощущение постоянного давления, перегрузки, усталости, раздражительность и сниженное настроение из-за семейной ситуации [5, с. 569].

С учетом изложенного, было проведено исследование переживания особенностей психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления и отбывающие наказание в воспитательной колонии, на базе УФСИН России по Вологодской области. Выборку составили 40 человек (20 несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, первая группа и 20 несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления, вторая группа).

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних, нами был использована методика «Семейно-обусловленное состояние» Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис (см. Таблицу 1).

Далее переходим к анализу психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних, осужденных за корыстные и насильственные преступления, входящих в первую и вторую группы с помощью методики «Семейно-обусловленное состояние» Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис.

Таблица 1. Сводная таблица эмпирических данных по критическим значениям между первой и второй экспериментальной группами по методике «Семейно-обусловленное состояние» Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис

Шкала	Первая группа		Вторая группа		U- критерий
	Ср. зн.	Станд. откл.	Ср. зн.	Станд. откл.	
Общая неудовлетворенность	21,5	8,0	27,9	8,5	p≤0,01
Семейная тревожность	22,1	7,8	25,9	7,4	p≤0,01
Нервно-психическое напряжение	24,7	7,1	25,4	6,7	-

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что семьи лиц, несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, характеризуются меньшей степенью эмоциональной близостью (p≤0,01) и относятся, скорее всего, к «разобщенной» семейной системе, которая характеризуется низким уровнем сплоченности и лояльности семье, где члены семьи крайне эмоционально разделены, мало привязаны друг к другу и ведут себя несогласованно. Данное положение так же подтверждает наше предположение о нарушенной эмоциональной близости в семьях, осужденных за корыстные преступления. В таких семьях трудно оказывать поддержку друг другу и совместно решать жизненные проблемы.

В целом, семейная система несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, характеризуется большим нарушением структуры и эмоциональных связей, а именно относительно менее уравновешенные и стабильные внутрисемейные отношения, неспособностью семьи к установлению необходимых доверительных, эмоционально близких отношений между поколениями в семейной системе, отсутствие или слабая выраженность эмоциональной близости (любви, гордости и уважения) к различным членам семьи.

Представляется, что в семьях несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, доминировали отношения, которые в силу объективных (наличие у преступников аддитивных зависимостей, сниженных интеллектуальных способностей и т.д.) не могут самостоятельно решать возникающие в семейной жизни противоречия и конфликты.

В результате длительно существующего конфликта у членов семьи снижается социально-психологическая адаптация, отсутствует

способность к совместной деятельности, в частности возникают разногласия в вопросах организации помощи между членами семьи. Уровень психологического напряжения в семье имеет тенденцию к нарастанию, что приводит к эмоциональным нарушениям, возникновению чувства беспокойства у взрослых, и, думается, обусловливает совершение ими более тяжких преступлений.

Представляется, что при формировании образа семьи у осужденных за корыстные преступления необходимо учитывать глубинные мало осознаваемые или вовсе вытесненные из сферы сознания триады:

Гипертрофированная потребность в теплых, близких, доверительных отношениях внутри семьи;

Отсутствие социальной поддержки, холодность и отчужденность в отношениях между членами семьи;

Неосознаваемую тревожность, обусловленную существующей в семье деструктивной обстановкой. Панический страх, который, впрочем, не означает проявления совестливости, а является скорее проявлением защитного механизма, также является проекцией глубинной неудовлетворенности от существования, осужденного в семье.

Кроме этого, Т.М. Мишина определяет семейные конфликты как такое обострение интерперсональных отношений в семейной группе, когда позиции, отношения, цели сторон становятся несовместимыми, взаимоисключающими, либо воспринимаются как таковые.

В последнем случае конфликт имеет субъективный характер, объективной несовместимости нет - и, следовательно, сохраняется возможность восстановления семейного равновесия на новой основе. В основе семейных конфликтов, т.е. дисгармоничного взаимодействия, по мнению А.Я. Варги, лежат неадекватность восприятия, незрелое отношение взаимозависимости - отношения, служащие удовлетворению и поддержанию невротических потребностей в соперничестве, доминантности, защите и опеке.

Результаты исследования психотравмирующих состояний у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления с помощью методики «Семейно-обусловленное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), позволяет сделать следующее заключение. Так, в семьях, несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, фактически преобладает ориентация на отрицание ценности и значимости существования семьи как социальной структуры, а в ней члены семьи испытывают недостаток интимности, чувство стыда используется для мотивации индивидуального поведения (например, детей), семейные роли являются ригидными, индивидуальная идентичность приносится в жертву семейной идентичности, а индивидуальные потребности - потребностям семьи в целом.

Кроме этого, у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, семья характеризуется негибкостью и отчуждением межличностных отношений, отсутствием или слабой выраженностью семейных правил, нечеткой, размытой родительской коалицией, поврежденными межпоколенными границами. При этом, четкая дистанция между членами семьи, представляется, выступает одним из компонентов, оптимизирующим существование семьи и ее устойчивости.

Дальнейшую разработку проблем изучения особенностей психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, целесообразно продолжить в следующих направлениях:

- сравнительный анализ доминирующих особенностей психотравмирующих состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями у несовершеннолетних из полных, благополучных и неполных неблагополучных семей;

- влияния неполных, неблагополучных семей на формирования представлений будущих семей несовершеннолетних осужденных мужского пола;

- разработка и внедрение психотехнологий групповой работы с несовершеннолетними осужденными мужского пола, направленной на профилактику дезадаптивных состояний, обусловленных внутрисемейными отношениями.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: Инфра-М. 2010. 368 с.

2. Гребенников И.В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991. 156 с.

3. Гуляихин В. Н. Семья как субъект ранней правовой социализации // Вопросы права и политики. 2013. Выпуск 7. С. 56-66.

4. Михлин А.С. Осужденные - кто они? – М.: Институт научной информации по общественным наукам. 1992. 58 с.

5. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. М.: Питер. 2015. 672 с.

Features of psychotraumatic states caused by intrafamilial relationships in minors convicted of mercenary crimes

Sobolev N.G.

Center for the Study of Problems of the execution of criminal penalties and psychological support for the professional activities of employees of the penal enforcement system

The overall increase in the number of serious and particularly serious crimes committed by men is one of the most negative trends in modern society. The most important prerequisite for the development of antisocial behavior in men is considered to be the experience of dysfunctional upbringing in the parental family during childhood. In this regard, a high risk of reproducing dysfunctional patterns of intra-family interaction in subsequent generations is predicted. It is necessary to carry out timely diagnosis of deviations in a minor's behavior based on the teenager's awareness of psychotraumatic situations caused by the specifics of intra-family relationships. Furthermore, based on the research findings, the author highlights the importance of further developing and implementing psychological support programs for this category of special population, as well as providing recommendations for correcting minors' perceptions of family life, thereby ensuring their rehabilitation and reintegration into civil society.

Keywords: psychotraumatic states, juvenile offender, property-related crimes, family relationships, family anxiety, juvenile correctional facility.

References

1. Antonyan, Yu. M., & Eminov, V. E. (2010). *The Personality of the Offender: A Criminological and Psychological Study*. Moscow: Infra-M. 368 p.
2. Grebennikov, I. V. (1991). *Fundamentals of Family Life*. Moscow: Prosveshcheniye. 156 p.
3. Gulyaikhin, V. N. (2013). The Family as a Subject of Early Legal Socialization. *Issues of Law and Politics*, (7), 56–66.
4. Mikhlin, A. S. (1992). *Convicts: Who Are They?* Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences. 58 p.
5. Eidemiller, E. G., & Yustitskis, V. V. (2015). *Psychology and Psychotherapy of the Family*. Moscow: Piter. 672 p.

Цивилистическое судебное признание: вопросы без ответов

Тряпочкин Никита Андреевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, tryapochkin_na@usue.ru

Механизм освобождения от доказывания через признание тяжущимися фактов, в арбитражном, административном и гражданском судопроизводствах, безусловно, «вещь» в современном цивилистическом судопроизводстве необходимая. Хотя бы потому, что помогает сократить процессуальные издержки, будь то временные или денежные. Однако, с какой стороны на него не посмотри, то тут, то там, в ходе его применения возникают вопросы, ответы на которые найти не выходит.
Могут ли представители лиц, участвующих в деле, заявлять о признании фактов? Доступен ли данный механизм прокурору? Можно ли выйти из состава лиц, заключивших соглашение по фактическим обстоятельствам дела и какие у этого будут последствия? Ни на один из этих вопросов, как и многих других, прямого ответа (а, порой, и косвенного) нет. Правильно ли это? Думается, что нет. Отсюда, полагаем верным попытаться, если и не найти ответы на поставленные вопросы, то лишний раз напомнить ученому сообществу об их существовании. В остальном, остается только надеяться, что законодатель когда-нибудь решит вернуться к ним и исправить ситуацию.
Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, освобождение от доказывания, факты, процессуальные оппоненты.

Введение

Судебное признание фактов в арбитражном, административном и гражданском судопроизводствах явление исключительно феноменальное. Думается, именно такую характеристику ему следует присвоить, поскольку нам не известно ни одного другого цивилистического института, необходимость в совершенствовании которого игнорировалась бы научным сообществом и законодателем настолько «*успешно*».

Такой неутешительный вывод мы делаем исходя из того, что наше многолетнее исследование механизма освобождения от доказывания через признание фактов лицами, участвующими в деле, раз за разом не дает ни прямых, ни косвенных ответов на отдельно взятые вопросы [8, С. 92-116].

Можно было бы подумать, что проблема, например, кроется в избранных ранее методах проведения исследования или самом исследователе, однако, некоторые пробелы в части реализации анализируемого механизма существуют уже на протяжении почти двух веков [8, С. 9-31], что, представляется, свидетельствует о не совсем верном подходе к его пониманию у обозначенных выше субъектов.

Материалы и методы. Для подготовки данного материала нами были использованы как методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, так и, например, классификации, поскольку ряд вопросов относится к делению судебного признания на отдельные подвиды.

Обсуждение. 1. *Правовая природа цивилистических судебных признаний*. Основная проблема, которая породила все остальные состоит в том, что в науке и практике до сих пор нет единого мнения о сущности судебных признаний.

Традиционно, принято полагать, что в царской России доминировала распорядительная теория понимания его правовой природы (*признание = акт распоряжения волей*) [11, С. 462-482], в советский период – доказательственная (*признание = доказательство по делу*) [7, с. 31], а сегодня вообще непонятно какая из двух, если не обе сразу (*признание = распоряжение волей + доказательство*) [1, С. 579-583]. Однако, думается, рассуждать так тоже не совсем верно. Здесь необходимо уточнить то, что именно в дореволюционный период и зародилась дискуссия о сущности заимствованного процессуального института.

Профессор М. И. Малинин, в своей монографии, посвященной вопросам признания фактов в гражданском процессе, одним из первых отстаивал ту точку зрения, согласно которой подтверждение информации, содержащейся в утверждениях процессуального оппонента, суду следует оценивать не иначе как акт распоряжения стороной своей волей, фактически направленный на освобождение первого от обязанности доказывать исследуемый в настоящий момент факт [5, С. 11-16] . Безусловно, жест бескорыстный и альтруистический.

Профессор М. М. Михайлов, напротив, полагал, что к признанию фактов следует относиться лишь как к одному из средств доказывания по делу, объяснениям лица, участвующего в деле. Такое объяснение не только должно быть услышано и проанализировано судом в момент исследования материалов дела, но и получить, впоследствии, должную оценку вкупе с другими имеющимися в деле доказательствами [6, 127-130].

Фактически, эти два мнения являются той самой базой для распорядительной и доказательственной теорий понимания правовой природы признаний. Все другие работы, написанные в дальнейшем, лишь продолжают дискуссию, которую породили М. И. Малинин и М. М. Михайлов.

Именно с этого момента все и пошло по «наклонной». Кто-то утверждал, что именно распорядительная теория проливает свет на сущность судебных признаний [10, С. 293-294]. Другие настаивали на возвращении к доказательственным началам [4, с. 63]. Третьи и вовсе полагали, что необходимо комбинировать оба варианта, поскольку лишь так можно избежать возможных дискуссий о реализации обсуждаемого механизма [3, С. 432-433]. И самое страшное то, что эта дискуссия ведется до сих пор. Хотя, говоря откровенно, «ведется» слишком громко сказано, поскольку вопрос о правовой природе признаний на страницах современной научной литературы фактически канул в лету [12, с. 190]. Сейчас никто, почему-то, не задумывается о том, что действующие процессуальные нормы – ст. 68

Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ) и ст. 70 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) недоработаны лишь потому, что один единственный вопрос не получил своего ответа.

Как суду следует все-таки оценивать признание - как одно из средств доказывания по делу? Как акт распоряжения волей? Как волевой акт, переходящий в средство доказывания? Ответа на этот вопрос нет.

2. *Механизм освобождения от доказывания*. Проблема здесь не только в том, что отсутствует единство мнения. Суть в том, что каждая из трех известных концепций о признании предполагает совершенно разный механизм их оценки судом. Распорядительная, например, обязывает суд устанавливать наличие или отсутствие пороков воли или волеизъявления в момент заявления признаний. Доказательственная – исследовать информацию, содержащуюся в признании, совместно с той, которая получена из других имеющихся в деле доказательств. Третья теория, смешанная, предлагает более изощренный подход – проверить акт распоряжения волей на порочность, а затем относиться к нему, как к объяснениям лица, участвующего в деле, расценивая последнее в качестве средства доказывания. Без этой проверки оно таковым являться не будет.

Абсурд происходящего в том, что ни один научный труд не содержит объяснений того, как суд должен производить эту самую оценку. Ни один – за почти два века применения анализируемого механизма… Естественно, что законодатель не может определить с его содержанием, если ученые не могут поставить точку в вопросе того, как он в действительности должен применяться.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим сказанное более подробно на примере действующего законодательства – ст. 70 АПК РФ.

Часть 1 статьи 70 АПК РФ гласит - «Арбитражные суды первой и апелляционной инстанций на всех стадиях арбитражного процесса должны содействовать достижению сторонами соглашения в оценке обстоятельств в целом или в их отдельных частях…». Думается, верным будет утверждать, что данная норма предполагает считать конкретное обстоятельство установленным, когда в отношении него у тяжущихся нет спора.

Часть 3 ст. 70 АПК РФ – «Признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств». То есть, признание фактически направлено на освобождение процессуального оппонента от доказывания, а не на пополнение доказательственной базы.

Часть 4 ст. 70 АПК РФ – «Арбитражный суд не принимает признание стороной обстоятельств, если располагает доказательствами, дающими основание полагать, что признание такой стороной указанных обстоятельств совершено в целях сокрытия определенных фактов или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, на что арбитражным судом указывается в протоколе судебного заседания». А вот и тот самый механизм «одобрения» судом поступивших к нем признаний, который, как видится, требует сопоставить признание с другими, имеющимися в деле доказательствами. Интересно здесь то, что ст. 68 ГПК РФ, декларирующая то же самое, содержит другую формулировку – «В случае, если у суда имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем судом выносится определение. В этом случае данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях». То есть, здесь признание не сопоставляется с другими доказательствами, но у суда должны иметься основания, которые позволили бы его отклонить.

Для справки, ч. 5 ст. 65 кодекса Административного судопроизводства (далее – КАС РФ) представляет из себя комбинацию того и другого положений, поскольку там законодатель соединяет некие «основания у суда полагать…» с соглашением по обстоятельствам дела, которое известно только арбитражному процессу, и которое следует проверять через доказательства.

Тем самым на практике мы имеем ситуацию, где три процессуальных кодекса содержат совершенно разные механизмы оценки судом заявленных признаний. АПК РФ предлагает сопоставлять признание с другими средствами доказывания, что как бы свидетельствует о выборе законодателем доказательственной теории. Однако, глава 7 АПК РФ не содержит упоминания о таком средстве доказывания, как признание факта. Если только не отождествлять его с объяснениями лиц, участвующих в деле, закрепленных в ч. 2 ст. 64 АПК РФ. ГПК РФ говорит о каких-то «основаниях полагать», в чем бы они не выражались. КАС РФ вообще избрал позицию «оба стула», не говоря уже о том, что его ст. 65 в целом рудимент и не может применяться ни в одной из его глав.

Как быть в данной ситуации? Ответа на этот вопрос тоже нет.

3. *Представители лиц, участвующих в деле*. Ситуации бывают разные – порой лица, участвующие в деле, по определенным жизненным обстоятельствам, не могут принять участие в заседаниях суда. В таком случае, для отстаивания своих интересов они нанимают представителей. Могут ли они заявлять признание?

Сразу же сделаем ремарку о том, что далее мы не рассматриваем ситуацию с представителями по закону. Они являются «полноценной» заменой доверителей и для них такой проблемы не существует.

Итак, обращаясь к положениям ст. 54 и 68 ГПК РФ вывод однозначный – признание фактов представители лиц, участвующих в деле, делать не могут. Оно не представлено ни среди общих, ни среди специальных полномочий. Можно было бы подумать, что раз среди специальных оно не названо, то, естественно, оно среди общих. Однако, заглянув в ст. 62 и 70 АПК РФ можно заметить, что среди специальных полномочий присутствует соглашение по обстоятельствам дела.

Отечественной науке известно два мнения по вопросу отождествления указанных соглашений и признания фактов [9, С. 95-101] Мы придерживаемся той позиции, согласно которой соглашения представляют из себя двустороннее признание фактов [8, 64-66]. У них совпадают предмет – факты, подлежащие доказыванию, последствия – освобождение от доказывания, адресат – суд, возможность дезавуирования – отмены до удаления суда в совещательную комнату, возможность оспаривания – инстанционный пересмотр и т.д.

Итак, мы имеем ситуацию, когда в одном из кодексов признание как будто бы относиться к общим полномочиям, а в другом к специальным. Причем, в специальных соглашениях присутствует только соглашение по обстоятельствам, а «базовый» вариант признания отсутствует. В КАС РФ ситуация та же – есть специальное полномочие на заключение соглашений по обстоятельствам дела. Сказанное позволяет задать нам два вопроса:

1. Почему в двух кодексах есть соглашение по фактическим обстоятельствам дела, а в ГПК РФ его нет?

2. Почему двустороннее признание требует уточнять полномочия представителя, а обычное вообще не было упомянуто?

Кроме того, если все же предполагать, что полномочие на заявление признания, в классическом варианте, является общим, то как быть с тем, что ученые в своих трудах регулярно писали о негативных последствиях от его заявления? Получается, что у представителей есть полномочие, которым они могут создать для доверителя негативные последствия? Не следует ли считать такой подход абсурдным? Просто, как будто бы, принято считать, что представитель доверителя не может своими действиями породить для него негативных последствий.

Почему дела обстоят именно так – не ясно.

4. *Выход из соглашения по фактическим обстоятельствам*. Еще один интересный момент с признаниями фактов связан с указанными выше соглашениями по обстоятельствам. Обращаясь к положениям ст. 70 АПК РФ и ст. 65 КАС РФ можно заметить, что там нет ни слова про их отменимость. В то же самое время, ВАС РФ ранее издал Информационное письмо от 22 декабря 2005 г. № 99, где прямо указал, что из состава участников соглашения можно выйти, посчитав его ошибочным.

Во-первых, что значит «ошибочным»? Как вообще в процессуальном законе может существовать нечто эфемерное и «ошибочное»? То есть, никак не опровергая в дальнейшем сказанное, наша Высшая судебная инстанция (теперь – ВС РФ) полагает, что, изначально выразив согласие в отношении ряда фактов, формирующих состав соглашения, одна из сторон, впоследствии, может от него отказаться? Хорошо. Но как быть со второй стороной, которая продолжает настаивать на их подлинном характере?

Во-вторых, какие вообще последствия от этого выхода? Возвращение к процедуре доказывания на общих основаниях? Замечательно. Но почему та сторона, которая не желает считать соглашение ошибочным должна быть «наказана» увеличением процессуальных издержек из-за поведения оппонента? В письме ведь не говорится о том, что бремя доказывания ложится на того, кто решил

выйти из состава участников соглашения. Хотя, на самом-то деле, это было бы справедливо.

В-третьих, есть и другая проблема – АПК РФ и КАС РФ вновь разнятся между собой, но уже в части проверки судом соглашений на предмет, упомянутых нами ранее пороков воли, волеизъявления или скрытых мотивов. Статья 65 КАС РФ в части 5 декларирует, что «…если в у суда имеются основания полагать, что сторонами достигнуто соглашение или сделано признание в целях сокрытия действительных обстоятельств либо под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает соглашение сторон или признание, о чем выносится соответствующее определение». Часть 5 ст. 70 устанавливает, что «…Арбитражный суд не принимает признание стороной обстоятельств, если располагает доказательствами, дающими основание полагать, что признание такой стороной указанных обстоятельств совершено в целях сокрытия определенных фактов или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, на что арбитражным судом указывается в протоколе судебного заседания…». То есть, в случае с КАС РФ суд рассматривает соглашение, как признание, а в АПК РФ нет? Кроме того, получается, что в АПК РФ суд вообще не проверяет соглашение на предмет негативных факторов, способствующих его заключению? Там вообще про это ни слова нет.

По какой причине существуют такие отличия – неизвестно.

5. *Квалифицированное судебное признание* (далее – признание с оговоркой). Возвращаясь к классическому варианту судебных признаний, необходимо также отметить, что ученое сообщество вместе с законодателем так и не определились с тем, кто должен доказывать ту самую оговорку у соответствующих признаний – лицо, заявляющее признание, или же процессуальный оппонент, поскольку оговорка оправдывает автора признания перед судом [2, С. 40-41].

Вести какие-то рассуждения по данному вопрос вообще кажется нам крайне странным [8, С.71-73]. Получается, можно предположить, что указанные субъекты, определяющие в нашей стране развитие права, действительно считают, что оправдательная часть оговорки, в части доказывания, может быть возложена на лицо, не являющееся заявителем признания? Даже сама эта схема выглядит абсурдно. Получается, что один из тяжущихся искусственно возлагает бремя доказывания на своего оппонента, минуя суд, на минуточку являющийся руководителем судебной процедуры? Не кажется ли Вам это странным? Очевидно, такого рода ситуация подрывает доверие к судебной системе, пусть в настоящий момент и не массово. Однако, можно ли гарантировать, что в дальнейшем ничего не изменится? Думается, что вряд ли.

6. *Статья 65 КАС РФ и бремя доказывания фактов*. Раз уж мы упомянули о статье 65 КАС РФ, то про нее необходимо знать еще кое-что – она вообще не может быть применима в рамках КАС РФ. Она просто в нем существует ради самой себя. Ни одна из действующих глав кодекса Административного судопроизводства не предполагает ни возможности заявления признаний, ни заключения соглашения по фактическим обстоятельствам дела. Все дело в том, что КАС РФ, в отличии от ГПК РФ и АПК РФ, во всех своих главах содержит четко распределенное бремя доказывания. Субъект, обращающийся за защитой своих прав, должен лишь доказать факт события нарушения и не более. Бремя доказывания своей правоты, законности своих действий и соответствия актов вышестоящим всегда определено для органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц. Именно они обязаны доказать, что были правы. В КАС РФ нет ни одной главы, где было бы сказано обратное. Отсюда возникают три вопроса: 1) Что имеет больший удельный вес – признание факта или бремя доказывания? 2) Какой смысл признавать факты в отношении самого себя, если они не подтверждают утверждения оппонента? 3) О каких вообще соглашениях по фактическим обстоятельствам дела может идти речь, если бремя доказывание заранее распределяет бремя доказывания фактов? Что вообще за ситуация, когда мы выражаем согласие с фактами, которые подтверждает сам процессуальный оппонент. Получается, утрируя, что, заключая соглашение по обстоятельствам пострадавший подписывается под подлинным фактом о том, что пристав выносил заведомо незаконное постановление о возбуждении исполнительного производства? На лицо какая-то нелепица. Если посмотреть другие главы КАС РФ, а не только 21 и 22, то можно заметить, что и в остальных из них толку от признания фактов ровным счетом ноль – производство по делам, рассматриваемым дисциплинарной коллегией судей, помещение граждан в противотуберкулезный и психиатрический стационары, дела о защите избирательных прав и так далее. Нигде признание фактов и уж тем более соглашение по обстоятельствам дела не требуется. Что в КАС РФ делает 65 статья – ответа нет.

7. *Соотношение признания фактов и процессуального правопреемства*. Названная проблема порождена лишь тем, что нет единого мнения о том, какая у признания правовая природа. В рамках доказательственной теории предельно ясно, что ранее попавшее в дело доказательство не может быть в дальнейшем из него изъято ввиду того, что применяются нормы о процессуальном правопреемстве. Однако, нам непонятно почему то же самое как будто бы работает с распорядительной теорией. Напомним, что в случае с последней концепцией признание выступает актом распоряжения волей. Последнее, в рамках той же научной позиции, имеет возможность быть дезавуировано – то есть отозвано до удаления суда в совещательную комнату. Возникает закономерный вопрос, почему в рамках анализируемой теории акт распоряжения волей одного субъекта обременяет другого, которое, возможно, и не желала становиться частью судебной процедуры. И не просто обременяет, но и создает те самые негативные последствия, о содержании которых ученые на протяжении двух веков ничего не пишут, кроме как о том, что они якобы есть. Видится разумным в рамках данной концепции предоставить право правопреемнику просить суд вернуться к процедуре доказывания фактов на общих основаниях и попытаться опровергнуть ранее сказанное его предшественником, хотя бы потому, что правопреемнику, например, могут быть известны обстоятельства, содержащие указание на наличие тех самых негативных пороков, обязывающих суд отклонить принятие заявленного ему признания.

8. *Пороки воли, волеизъявления и скрытые мотивы*. Еще один интересный момент в части отсутствующих ответов на вопросы о применении на практике механизма признания фактов и последующего освобождения их заявителей от доказывания связан с тем самым механизмом установления указанных негативных факторов.

Интересно то, что ни один из трех кодексов не позволяет суду воспользоваться помощью процессуального оппонента, которому может быть о них известно. Говоря проще, заведомо зная о заявлении процессуальным оппонентом признания фактов со скрытыми мотивами, например, увести суд в сторону от исследования конкретных жизненных обстоятельств, тяжущиеся лишены какой-либо возможности сообщить об этом последнему. Ни один из названных выше механизмов оценки заявленных признаний не предполагает участие в их исследовании никого иного кроме суда.

Напомним, АПК РФ предполагает, что признание следует исследовать вкупе с другими, имеющимися в деле доказательствами. ГПК РФ и КАС РФ обязывают суд, в случае наличия у последнего каких-либо сомнений, неизвестно чем подтвержденных, отклонить адресованное признание. Возникает закономерный вопрос – почему бы не воспользоваться информацией известной процессуальному оппоненту заявителя признаний, чтобы решить указанные вопросы более цивилизованно, чем рассуждать о каких-то эфемерных сомнениях.

Кроме того, такого рода информацию можно было бы расценивать как полноценное объяснение стороны, если следовать логике АПК РФ.

Заключение

Обозначенные выше проблемы никак нельзя считать «проходными». Часть их них существуют на протяжении эпох. Другая – на протяжении последних 30 лет. Тот факт, что в действующее процессуальное законодательство вносятся корректировки, например, введение в АПК РФ ст. 138.6, где среди результатов примирительных процедур вдруг появляются признание фактов и соглашение по обстоятельствам дела таковыми считать, как видится, вообще нельзя. Хотя бы по той причине, что признание фактов и соглашение по фактическим обстоятельствам дела вообще не являются результатами примирительных процедур. По такой логике согласие отправиться на перерыв тоже результат примирительной процедуры.

Так или иначе, абстрагируясь от прочего, институт цивилистического судебного признания, к сожалению, по-прежнему остается одним из самых непроработанных с точки зрения своего изложения и функционирования. Все три процессуальных кодекса, упомянутые здесь – ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ содержат разные нормы в отношении одного и того же процессуального явления.

Поэтому, мы лишний раз напоминаем, что все им требуется не столько качественная доработка, сколько масштабна переработка.

Только в таком случае, думается, механизм освобождения от доказывания через признание тяжущимися фактов будет работать полноценно.

Те вопросы, что были названы в работе лишь некоторая часть из тех, которые на сегодня не получили никаких ответов.

Литература

1. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / отв. ред., сост., пер. Ю.В. Тай; пер. А.А. Богустов. – М.: Статут, 2016. – 652 с.
2. Гордон А.И. Юридические заметки: признание и удовлетворение // Журнал Министерства юс- тиции. 1867. № 1. С. 33–42.
3. Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестн. сов. юстиции. – 1926. – № 11. С. 428-433.
4. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 72 с.
5. Малинин М.И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. – 135 с.
6. Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права. – СПб: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1856. – 204 с.
7. Пучинский В.К. Признание стороны в советском гражданском процессе. – М., 1955. – 100 с.
8. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. – Москва: Статут, 2024. – 122 с.
9. Шеменева, О. Н. Признание сторонами обстоятельств и соглашение по обстоятельствам гражданского дела: проблема разграничения / О. Н. Шеменева // Хозяйство и право. – 2010. – № 6(401). – С. 95-101.
10. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – М., 1912. – 632 с.
11. Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юриди- ческим Лицеем. – Ярославль, 1914. – Вып. III (XXI). С. 462–482
12. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе: моногр. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.

Judicial admission: unanswered questions

Tryapochkin N.A.

Ural State University of Economics

The mechanism that exempts parties from the burden of proof through the admission of facts, in arbitration, administrative and civil proceedings, is undoubtedly an essential element of modern civil litigation—if only because it helps reduce procedural costs, whether in terms of time or money. Yet, from whatever angle one views it, questions inevitably arise during its application for which no answers can be found.

Can the representatives of parties to the case declare an admission of facts? Is this mechanism available to the prosecutor? Is it possible to withdraw from an agreement regarding the factual circumstances of the case, and what consequences would ensue? There is no direct answer—and often not even an indirect one—to any of these questions, or to many others like them. Is this right? We believe not. Therefore, we consider it worthwhile to attempt—if not to find answers to these questions—at least to remind the academic community of their existence. For the rest, one can only hope that the legislature will eventually decide to revisit the matter and rectify the situation.

Keywords: arbitration proceedings, administrative proceedings, civil proceedings, exemption from the burden of proof, facts, procedural opponents.

References

1. Vaskovsky E.V. Selected Works from the Polish Period / Ed.-in-Chief, comp., trans. Yu.V. Tay; trans. A.A. Bogustov. – Moscow: Statut, 2016. – 652 p.
10. Engelman I. E. Course on Russian Civil Procedure. – Moscow, 1912. – 632 p.
11. Yablochkov T. M. Formal Characteristics of the Concept of Judicial Admission in Civil Procedure // Legal Notes Published by the Demidov Law Lyceum. – Yaroslavl, 1914. – Issue III (XXI). – P. 462–482.
12. Yarkov V. V. Legal Facts in Civil Procedure: Monograph. – Moscow: Infotropic Media, 2012. – 608 p.
2. Gordon A.I. Legal Notes: Admission and Satisfaction // Journal of the Ministry of Justice. 1867. No. 1. P. 33–42.
3. Zeyder N.B. The Legal Nature of Admission in Civil Procedure // Herald of Soviet Justice. – 1926. – No. 11. P. 428–433.
4. Kleinman A.F. Fundamental Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. – 72 p.
5. Malinin M.I. Judicial Admission in Civil Cases. 2nd ed., expanded. – Odessa: L. Nitche Printing House, 1878. – 135 p.
6. Mikhailov M.M. Russian Civil Procedure in Its Historical Development from the Code of Laws of 1649 to the Publication of the Digest of Laws: A Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences (Master of Civil Law). – St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1856. – 204 p.
7. Puchinsky V.K. Admission by a Party in Soviet Civil Procedure. – Moscow, 1955. – 100 p. 8. Tryapochkin N. A. Judicial Admission in Civil Procedure: Theoretical Issues: [monograph] / N. A. Tryapochkin; V. F. Yakovlev Ural State Law University, Department of Civil Procedure. – Moscow: Statut, 2024. – 122 p.
9. Shemeneva O. N. Admission of Facts by Parties and Agreements on Facts in Civil Cases: The Problem of Distinction / O. N. Shemeneva // Khozyaistvo i pravo [Economy and Law]. – 2010. – No. 6(401). – P. 95–101.

Сравнительно-правовой и исторический анализ различных моделей адвокатуры в контексте обеспечения независимости адвокатуры, адвоката и адвокатской деятельности

Шевцова Майя Зейнуллаевна
аспирант кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), advokat-shevtsova@mail.ru

Исследуется эволюция организационно-правовых моделей адвокатуры с точки зрения институциональной самостоятельности профессионального сообщества и независимости адвоката в конкретном поручении. Предмет исследования составляют исторические формы организации российской адвокатуры и ее современное регулирование в России, Германии, Франции, Англии и Уэльсе. Цель работы — выявить юридические механизмы, позволяющие совместить корпоративное самоуправление, профессиональную ответственность и защиту адвоката от неправомерного вмешательства. Использованы историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и функциональный методы. Показано, что одинаковый термин «независимость» получает различное организационное выражение: в самоуправляемой палате, профессиональном ордене либо системе раздельных органов представительства и регулирования. Обосновывается вывод о недопустимости механического переноса иностранных институтов без учёта распределения компетенции, способов обжалования решений и гарантий профессиональной тайны. Предлагается применять функциональную матрицу оценки независимости, включающую доступ к профессии, нормотворчество, дисциплинарное производство, представительство профессиональных интересов и судебную проверяемость решений.

Ключевые слова: адвокатура; независимость адвоката; историко-правовой метод; сравнительное правоведение; адвокатское самоуправление; адвокатские палаты; дисциплинарная ответственность; правовая профессия.

Введение

Независимость адвокатуры не сводится к юридическому провозглашению её автономии. Существенное значение имеет то, кто принимает решение о допуске к профессии, устанавливает обязательные стандарты поведения, осуществляет дисциплинарную юрисдикцию и разрешает споры между адвокатом и профессиональной организацией. Возможность свободно осуществлять законную защиту доверителя определяется сочетанием этих полномочий и предусмотренных правом пределов их реализации.

Сравнение различных правопорядков осложняется отсутствием единой модели адвокатуры. Российский адвокат, германский Rechtsanwalt, французский avocat, английские solicitor и barrister обладают не вполне тождественными статусами. Соответственно, методологически неверно сопоставлять лишь наименования профессиональных органов и делать вывод об уровне независимости по степени их внешней схожести.

Цель настоящего исследования — установить связь между исторически сложившейся организацией профессии и юридическими механизмами обеспечения независимости. Для этого используются пять сопоставимых критериев: порядок приобретения профессионального статуса; распределение регулирующих и представительских полномочий; дисциплинарные процедуры; гарантии профессиональной тайны и независимого усмотрения; судебный контроль. Предлагаемая автором сравнительная матрица представляет аналитический инструмент, а не нормативную классификацию законодательных систем.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. положили начало институционализации присяжной адвокатуры в Российской империи. Учреждение судебных установлений предусматривало статус присяжных поверенных, требования к вступлению в профессию и элементы сословного профессионального устройства. Существенным новшеством стало возникновение советов присяжных поверенных там, где закон допускал их образование: адвокатура приобрела формы профессионального объединения, способного участвовать в рассмотрении вопросов допуска и дисциплины.[1]

Историческое значение реформы нельзя оценивать через современную категорию полного корпоративного самоуправления. Становление советов происходило в рамках имперской судебной системы, сохранявшей публично-властные механизмы контроля. Однако принципиальным оказался сам переход от разрозненного судебного представительства к профессии с особыми квалификационными и этическими условиями. Это показывает, что независимость развивается не одномоментно, а через институциональное обособление профессии и ограничение произвольного внешнего воздействия.

После 1917 г. дореволюционная система присяжной адвокатуры была ликвидирована; последующее советское регулирование выстраивало различные формы коллегий защитников. Организационная принадлежность к коллегии не означала отсутствия государственных полномочий в отношении её устройства, состава и деятельности. На уровне исторической модели приоритет придавался задачам социалистического правосудия и организационному включению юридической помощи в публично управляемую систему.[2]

Вместе с тем сведение советской адвокатуры исключительно к государственному органу было бы юридически неточным. Коллегии адвокатов обладали организационными формами профессионального объединения, но степень их автономии была ограничена особенностями государственно-правового строя. Поэтому для исторической оценки существен не бинарный вопрос о наличии или отсутствии коллегии, а объём самостоятельности в принятии профессиональных решений.

Современная модель основана на признании адвокатуры институтом гражданского общества, не входящим в систему государственных органов. Статья 3 Федерального закона № 63-ФЗ одновре-

[1]Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года.

[2]Положение об адвокатуре РСФСР: утв. Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596. Историческая редакция.

менно закрепляет независимость, самоуправление, корпоративность и равноправие адвокатов. Региональные адвокатские палаты и ФПА РФ имеют установленную законом компетенцию, а запрет неправомерного вмешательства в адвокатскую деятельность закреплён статьёй 18. Следовательно, в современной конструкции коллективная автономия впервые последовательно описана законодателем как принцип деятельности института, осуществляющего публично значимую функцию.[1]

Однако самоуправление не устраняет риска внутрикорпоративного вмешательства в индивидуальную деятельность адвоката. Обязательность законных решений органов адвокатского сообщества требует ясных границ компетенции, справедливых дисциплинарных процедур и возможности судебной проверки актов, затрагивающих профессиональный статус. Исторический опыт тем самым позволяет сформулировать первый сравнительный вывод: наличие профессиональной корпорации является условием институциональной устойчивости, но не исчерпывающей гарантией индивидуальной независимости.

Германская модель представляет особый интерес вследствие сочетания статуса адвоката как независимого участника отправления правосудия и юридически структурированной системы профессиональных палат. В соответствии с §§ 1–3 Bundesrechtsanwaltsordnung адвокат признаётся независимым органом правосудия, осуществляет свободную профессию и является независимым советником и представителем по правовым вопросам. Нормативная характеристика профессии тем самым прямо связывает адвокатскую независимость с её функцией в правопорядке.[2]

Организационная сторона германского регулирования раскрывается через Rechtsanwaltskammern — профессиональные палаты, порядок образования и деятельности которых установлен в частности §§ 60–73 BRAO. Палата представляет собой не произвольный частный союз, а юридически оформленный институт профессионального управления. Её полномочия в вопросах статуса адвоката и соблюдения обязанностей сочетаются с предусмотренными законодательством механизмами контроля и судебного разрешения споров.[3]

В германской модели публично-правовая институционализация палаты не тождественна административной подчинённости отдельного адвоката. Напротив, правопорядок признаёт его независимую процессуальную роль, одновременно возлагая на профессиональное объединение задачи, затрагивающие качество помощи и дисциплину. Вместе с тем формальное наличие полномочий палаты не позволяет автоматически заключить, что любое её решение способствует независимости: решающими являются нормативные пределы вмешательства и средства защиты адресата решения.

Французская модель характеризуется развитой организацией адвокатов в рамках barreaux и органов ordre. Закон от 31 декабря 1971 г. № 71-1130 закрепляет компетенцию conseil de l'ordre, в том числе по вопросам внутреннего регламента, ведения профессионального списка, соблюдения обязанностей адвокатов и защиты их прав. В отличие от германской формулы об адвокате как независимом органе правосудия, французский законодатель подробно определяет именно организационные полномочия профессионального ордена.[4]

При сопоставлении двух систем обнаруживается общий признак — законодательно признанное участие профессиональных органов в поддержании стандартов и защите адвокатов, — но различаются нормативная терминология, организационные формы и конкретное распределение полномочий. Поэтому характеристика обеих систем как «самоуправляемых» допустима лишь на уровне широкого обобщения и не отменяет необходимости анализа национальных процедур допуска, дисциплины и обжалования.

Сравнение позволяет уточнить правовую природу профессиональной независимости: она не является следствием одной организационной формы. Палата может обладать публично-правовым статусом, а профессиональный орден — широкой внутрикорпоративной компетенцией, однако степень защищённости отдельного адвоката зависит от того, насколько конкретные механизмы исключают произвольное воздействие на содержание юридической помощи.

Иная конструкция сложилась в Англии и Уэльсе, где исторически сохраняется различение solicitors и barristers. В отношении этих категорий нельзя механически употреблять единое понятие «адвокатская палата» по российскому образцу. Различаются профессиональные траектории, осуществляемые функции и органы регулирования, что требует функционального, а не терминологического сравнения.

Legal Services Act 2007 предусмотрел систему регулирования юридических услуг с участием Legal Services Board. Одной из её особенностей является разграничение представительских функций профессиональных организаций и регуляторных полномочий. В частности, по сведениям Legal Services Board для solicitors соответствуют Law Society как представительский институт и Solicitors Regulation Authority как самостоятельный регулятор; для barristers — Bar Council и Bar Standards Board.[5]

Разграничение представительства и регулирования направлено, в том числе, на предупреждение конфликта между защитой коллективных интересов профессии и необходимостью беспристрастно оценивать её участников. Legal Services Board подчёркивает значение организационной самостоятельности регулирующих решений от решений, продиктованных представительскими задачами. Данная модель показывает иной способ обеспечения профессиональной независимости: не концентрацию профессионального управления в едином корпоративном органе, а распределение потенциально конфликтующих функций.[6]

Вместе с тем разделение органов не устраняет вопросы об ответственности самих регуляторов, процедурной справедливости их решений и влиянии внешней надзорной инфраструктуры на профессию. При оценке рассматриваемого подхода важно избегать упрощённой антитезы «корпоративное самоуправление — независимое регулирование»: обе системы предполагают внешние правовые ограничения и механизмы профессиональной ответственности, но по-разному распределяют компетенцию.

В исследовании Р. Л. Абеля, посвящённом юридической профессии Англии и Уэльса, предметом самостоятельного анализа выступает социальная организация профессии.[7]

Для российского правопорядка прямое перенесение английской схемы означало бы изменение основных элементов законодательной модели адвокатуры. Однако сам принцип предотвращения конфликта представительской и дисциплинарной функций представляет сравнительно-правовой интерес при оценке беспристрастности принимаемых корпоративных решений.

Полученные результаты позволяют предложить функциональную матрицу из пяти взаимосвязанных критериев. Первый критерий — кто принимает решения о вступлении в профессию и прекращении статуса; второй — как разграничены обязательное нормотворчество и представительство интересов адвокатов; третий — насколько независим и беспристрастен орган дисциплинарного контроля; четвёртый — какие гарантии защищают тайну общения с доверителем и свободу законной профессиональной позиции; пятый — доступны ли действенные средства пересмотра решений, затрагивающих профессиональную самостоятельность.

В России центральное значение имеет корпоративное самоуправление палат в установленной законом системе полномочий. В Германии значимы нормативно оформленные профессиональные палаты и статус адвоката как независимого участника правосудия.

---

[1]Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102. Ст. 3, 18, 29–35 (в действующей редакции).

[2]Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO), §§ 1–3. Официальная актуальная редакция: https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (дата обращения: 14.10.2026).

[3]Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO), §§ 60–74a. Официальный текст: https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (дата обращения: 14.10.2026).

[4]Loi n° 71-1130 du 31 décembre 1971 portant réforme de certaines professions judiciaires et juridiques, art. 17. Légifrance: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033679024 (дата обращения: 14.10.2026).

[5]Legal Services Act 2007, c. 29, ss. 1–3, 27–30. Официальный текст: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/29/contents (дата обращения: 14.10.2026); Legal Services Board. Approved regulators: https://legalservicesboard.org.uk/about-us/approved-regulators (дата обращения: 14.10.2026).

[6]Legal Services Board. Independent regulation. URL: https://legalservicesboard.org.uk/our-work/ongoing-work/independent-regulation (дата обращения: 14.10.2026).

[7]Abel R. L. The Legal Profession in England and Wales. Oxford: Blackwell, 1988. 548 p. ISBN 0-631-14111-1.

Во Франции важную роль выполняют органы профессионального ордена, совмещающие регулирование внутренней организации и защиту профессиональных прав. В Англии и Уэльсе особое внимание уделяется организационному разделению представительства и регулирования. Эти различия не образуют объективного рейтинга независимости стран: для такой оценки требовались бы сопоставимые данные о правоприменении и результатах защиты адвокатов.

В международных Основных принципах, касающихся роли юристов, закреплены ориентиры независимости профессиональных объединений и их участия в защите профессиональных интересов, в частности в пунктах 24–25. Эти положения не устанавливают единой обязательной модели устройства адвокатуры. Следовательно, соответствие международным ориентирам должно оцениваться через возможность профессиональной организации действовать без неправомерного вмешательства, а также через фактическую защищённость оказываемой юридической помощи.[1]

Историко-сравнительный подход выявляет два типичных риска. Первый состоит в чрезмерном внешнем влиянии на статус и профессиональные решения адвоката под предлогом публичного характера правосудия. Второй возникает при сосредоточении корпоративной власти без достаточно определённых процедур её оспаривания. Разрешение этих рисков не требует отказа от профессионального самоуправления; напротив, предполагает юридическую определённость компетенции и эффективную проверяемость индивидуальных решений.

Для совершенствования российской модели представляется продуктивным не механическое заимствование иностранного органа, а применение функциональных гарантий: прозрачного разрешения конфликта интересов при дисциплинарном производстве; различения контроля за соблюдением профессиональных обязанностей и недопустимого навязывания правовой позиции; процедур своевременной защиты от вмешательства; доступности судебного контроля.

Существенным достоинством предлагаемой матрицы является её применимость к различным историческим этапам: она позволяет не противопоставлять «государственные» и «самоуправляемые» системы в абстрактном виде, а исследовать действительные юридические механизмы защиты. Одновременно матрица показывает границу самого сравнительно-правового метода: анализ нормативных конструкций не доказывает их фактической эффективности без самостоятельного эмпирического исследования.

Исторический опыт России демонстрирует последовательное изменение организационных форм адвокатуры: от присяжного представительства с элементами профессионального самоуправления через советскую систему коллегий защитников к современной законодательно оформленной модели адвокатского сообщества как института гражданского общества. На каждом этапе независимость определялась не только названием профессионального объединения, но и пределами вмешательства в его компетенцию и деятельность отдельного адвоката.

Сопоставление законодательства Германии, Франции, Англии и Уэльса позволяет установить отсутствие единой универсальной организационной модели. Юридически значимым является не формальный статус органа — публично-правовая палата, профессиональный орден либо самостоятельный регулятор, — а распределение полномочий по допуску, нормотворчеству, дисциплине, профессиональному представительству и защите от вмешательства.

Авторский вывод состоит в необходимости функционального понимания гарантий независимости адвокатуры, адвоката и адвокатской деятельности. Институциональная автономия является необходимым, но недостаточным условием: она должна дополняться защищённостью профессионального усмотрения, процедурной беспристрастностью и проверяемостью решений, затрагивающих статус адвоката. Предложенная сравнительная матрица может использоваться для оценки российской модели без необоснованного копирования зарубежных институтов.

Литература

1. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года.
2. Положение об адвокатуре РСФСР: утв. Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (дата обращения: 14.10.2026).
5. Loi n° 71-1130 du 31 décembre 1971 portant réforme de certaines professions judiciaires et juridiques. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033679024 (дата обращения: 14.10.2026).
6. Legal Services Act 2007 (UK), c. 29. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/29/contents (дата обращения: 14.10.2026).
7. Legal Services Board. Approved regulators. URL: https://legalservicesboard.org.uk/about-us/approved-regulators (дата обращения: 14.10.2026).
8. Legal Services Board. Independent regulation. URL: https://legalservicesboard.org.uk/our-work/ongoing-work/independent-regulation (дата обращения: 14.10.2026).
9. Abel R. L. The Legal Profession in England and Wales. Oxford: Blackwell, 1988. 548 p. ISBN 0-631-14111-1.
10. Основные принципы, касающиеся роли юристов (Гавана, 1990). URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers (дата обращения: 14.10.2026).

Comparative legal and historical analysis of different models of the legal profession in the context of safeguarding the independence of the bar, lawyers and legal practice

Shevtsova M.Z.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the historical evolution and contemporary institutional models of the legal profession from the perspective of collective autonomy and the independence of individual lawyers. It compares pre-revolutionary, Soviet and contemporary Russian arrangements with the regulatory frameworks of Germany, France, England and Wales. The study employs historical, comparative, doctrinal and functional methods. It demonstrates that professional independence cannot be measured solely by the formal absence of governmental participation: regulatory competence, representative functions, disciplinary safeguards and judicial review must be assessed together. The article distinguishes professional self-government, statutory professional chambers, and systems separating regulatory and representative bodies. It argues against uncritical transplantation of foreign institutions and proposes a functional matrix assessing admission, rule-making, discipline, representation, confidentiality and remedies against improper interference. This approach makes it possible to distinguish institutional independence from the effective freedom of a lawyer to provide lawful legal assistance in the interests of a client.

Keywords: legal profession; independence of lawyers; comparative law; legal history; professional self-government; bar associations; disciplinary proceedings; regulation of legal services.

References

1. Establishment of Judicial Institutions (20 November 1864). Judicial Statutes of 20 November 1864 (in Russian).
2. Regulation on the Legal Profession in the RSFSR (20 November 1980). Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, no. 48, art. 1596 (in Russian).
3. Federal Law No. 63-FZ of 31 May 2002 On Advocacy and the Bar in the Russian Federation. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, no. 23, art. 2102 (in Russian).
4. Federal Lawyers' Act (Bundesrechtsanwaltsordnung, BRAO). https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (accessed 14 October 2026) (in German).
5. Law No. 71-1130 of 31 December 1971 reforming certain legal and judicial professions. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033679024 (accessed 14 October 2026) (in French).
6. Legal Services Act 2007, c. 29. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/29/contents (accessed 14 October 2026).
7. Legal Services Board. Approved regulators. https://legalservicesboard.org.uk/about-us/approved-regulators (accessed 14 October 2026).
8. Legal Services Board. Independent regulation. https://legalservicesboard.org.uk/our-work/ongoing-work/independent-regulation (accessed 14 October 2026).
9. Abel R. L. The Legal Profession in England and Wales. Oxford: Blackwell, 1988. 548 p. ISBN 0-631-14111-1.
10. Basic Principles on the Role of Lawyers (Havana, 1990). https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers (accessed 14 October 2026).

[1]Основные принципы, касающиеся роли юристов: приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990). Пп. 16, 22, 24–29. OHCHR: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers (дата обращения: 14.10.2026).

Сложные единичные преступления в практике стран англосаксонской правовой семьи

Ашарин Александр Андреевич
аспирант, Сургутский государственный университет, 89227722223@mail.ru

В статье исследуются особенности уголовно-правового понимания сложного единичного преступления в странах англосаксонской правовой семьи на примере Соединённых Штатов Америки, Англии, Канады и Австралии. Рассматриваются характерные для указанных правопорядков подходы к разграничению единичного преступления и множественности преступлений, обусловленные спецификой исторического развития общего права, значительной ролью судебного прецедента и отсутствием единой доктринальной конструкции сложного единичного преступления. Особое внимание уделяется анализу нормативных положений уголовного законодательства и судебной практики, регулирующих вопросы объединения нескольких преступных деяний в рамках одного уголовного преследования. На основе сравнительно-правового анализа выявляются общие черты и различия американского, английского, канадского и австралийского подходов к разрешению рассматриваемой проблемы. Обосновывается вывод о том, что отсутствие самостоятельного института сложного единичного преступления в странах англосаксонской правовой семьи не исключает существования правовых механизмов, направленных на разрешение вопросов квалификации сложных форм преступного поведения. Устанавливается, что соответствующие вопросы решаются преимущественно посредством судебного толкования, оценки фактической взаимосвязи деяний и применения процессуальных механизмов, что отражает принципиальные методологические различия между англосаксонской и континентальной уголовно-правовыми традициями.

Ключевые слова: сложное единичное преступление, множественность преступлений, англосаксонская правовая семья, уголовное право зарубежных стран, квалификация преступлений, судебный прецедент, единство преступного поведения.

Проблема квалификации сложных форм преступного поведения занимает одно их центральных мест в современной уголовно-правовой науке, поскольку непосредственно связана с разграничением единичного преступления и множественности преступлений, а также с обеспечением реализации принципа справедливости при назначении наказания за подобные виды правонарушающей деятельности. В континентальной правовой традиции названная проблема получила системное теоретическое осмысление в рамках категории сложного единичного преступления. Однако в странах англосаксонской правовой семьи соответствующая категория в ее классическом, доктринально оформленном виде отсутствует, вместе с тем, это не означает, что сложные единичные преступления странам этой правовой семьи неизвестны.

Актуальность обращения к опыту стран общего права обусловлена тем, что в указанных правопорядках проблема единства преступного поведения решается принципиально иными средствами без формирования уголовно-правовых категорий, характерных для континентальной системы. В отличие от романо-германской семьи, ориентированной на теоретическую систематизацию различных проявлений форм преступной деятельности, уголовное право стран англосаксонской правовой семьи, включая Соединенные Штаты Америки, Англию, Канаду и Австралию, формировалось под влиянием судебного прецедента и казуистического подхода, что предопределило отсутствие единой концепции сложного единичного преступления.

Особенно показателен в данном отношении опыт Соединенных Штатов Америки, где, несмотря на отсутствие системного подхода к пониманию сложного единичного преступления, разработаны механизмы объединения нескольких посягательств в рамках единого уголовного преследования.

В частности, в п.4 ст. 1.06 Примерного Уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки (Model Penal Code) [10] предусмотрены правила определения момента совершения преступления для целей исчисления срока давности. Согласно указанного пункта преступление считается совершенным при наличии каждого элемента преступления, либо, если явно прослеживается законодательная цель запретить длящееся поведение, в момент прекращения этого поведения или соучастия в нем виновного. При этом срок давности начинает исчисляться на следующий день после совершения преступления.

В ст. 1.07 Примерного Уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки закреплены положения, позволяющие рассматривать непрерывный курс поведения как одно преступление, если законодатель не выделил отдельные периоды такого поведения в самостоятельные правонарушения. Следовательно, юридическое единство здесь связано не только с фактической продолжительностью деяния, но и с нормативным определением пределов уголовной ответственности.

Вместе с тем, в п.2 ст. 1.07 Примерного Уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки закреплено правило, согласно которому дело подсудимого не подлежит раздельному судебному рассмотрению по каждому из посягательств, если они выражаются в одном и том же поведении или возникают из одного и того же события, при условии, что они находятся в пределах юрисдикции одного суда и были известны органу обвинения на момент возбуждения дела.Данное положение свидетельствует о признании функционального единства преступного поведения, однако реализуется оно не через материально-правовую категорию единичного преступления, а через процессуальные механизмы объединения обвинений.

Принципиально важным является то обстоятельство, что в праве США решающим критерием выступает не внутреннее единство умысла или результата, как это характерно для стран континентальной правовой семьи, а фактическая связь деяний, их принадлежность к одному событию [7].

Существенное значение имеет и конституционный принцип запрета двойного привлечения к ответственности, закрепленный в Пятой поправке к Конституции США. В судебной практике данный принцип получил развитие в виде тезиса, сформулированного в деле Блокбургер против Соединенных штатов (Blockburger v. United

States), согласно которому для признания деяний самостоятельными преступлениями необходимо установить различие в их юридических элементах [1]. При этом если одно и то же действие или сделка представляет собой нарушение двух различных положений закона, то для определения наличия двух правонарушений или только одного необходимо проверить, требует ли каждое положение доказательства факта, которого не требует другое.

Другими словами, человек, совершивший одно действие, но нарушивший при этом два разных закона, может быть судим отдельно по каждому обвинению. Данный подход показывает, что в американском праве вопрос о единстве преступления решается не через анализ внутренней структуры поведения, а через сопоставление составов и оценку фактической связи между действиями.

Дополнительную специфику американской модели придает децентрализованный характер уголовного законодательства. Поскольку Уголовно-правовая система Соединенных Штатов Америки характеризуется отсутствием единого общенационального уголовного кодекса и многоуровневой организацией правового регулирования, обусловленной федеративным устройством государства, Уголовное законодательство действует как на федеральном уровне, так и на уровне пятидесяти штатов, округа Колумбия и Пуэрто-Рико, каждый из которых обладает собственной системой уголовно-правовых норм.

Стоит отметить, что несмотря на отсутствие общеобязательной юридической силы Примерный уголовный кодекс США оказал существенное влияние на развитие уголовного законодательства отдельных штатов и формирование единообразных подходов к уголовно-правовой оценке преступного поведения. Так каждый штат имеет собственные уголовные законы, что приводит к разнообразию подходов к квалификации сложных форм поведения. В одних штатах допускается более широкое объединение эпизодов в рамках одного обвинения, в других предусмотрена более строгая дифференциация. Так, в одних штатах серию мелких хищений могут рассматривать как отдельные самостоятельные преступления, тогда как в других серия мелких хищений будет рассматриваться как единое преступление. Однако, в целом прослеживается общая тенденция в форме отказа от теоретического института сложного единичного преступления [5].

Английское уголовное право, также входящее в систему англосаксонской правовой семьи, демонстрирует еще более выраженный отказ от теоретизации и нормативного закрепления категории сложных единичных преступлений по сравнению с правом США. Если американская система, несмотря на отсутствие соответствующей категории, все же формирует определенные процессуальные механизмы объединения посягательств, то английское право в еще большей степени опирается на казуистику и судебную практику, что придает рассматриваемой проблеме принципиально иной характер.

Английское уголовное законодательство не содержит не только определения сложного единичного преступления, но и самого понятия преступления в системном виде, а также его деления на виды, включая длящиеся, продолжаемые или составные преступления. В отличие от континентальной правовой традиции, где стремление к понятийной систематизации является одной из ключевых характеристик, английское право ориентировано на практическое разрешение конкретных дел и не вырабатывает универсальных категорий для описания сложных форм преступного поведения [6].

Английское право не предлагает четких нормативных критериев для разграничения сложных единичных преступлений и множественности преступлений, фактически предлагает руководствоваться «житейскими представлениями» о характере деяния. Иначе говоря, вопрос решается исходя из того, воспринимается ли поведение как единый акт или как совокупность отдельных действий, а окончательное решение формируется судебной практикой [4].

Такой подход означает, что в английском праве отсутствует даже тот минимальный уровень формализации, который характерен для американской системы. Если в США объединение посягательств возможно через критерий «одного события», то в Англии подобные критерии не закреплены даже на уровне общих положений.

Вместе с тем, стоит отметить, что отдельные законодательные нормы содержат указание на длительный характер преступлений [8]. Так, законодательство предусматривает уголовную ответственность за контролирующее или принуждающее поведение в отношении лица, состоящего с виновным в близких либо семейных отношениях, если такое поведение носит повторяющийся или непрерывный характер [2]. Кроме того, при определении временных границ изнасилования учитывается весь период осуществления полового акта [3]. Указанные положения свидетельствуют о том, что, несмотря на отсутствие общего законодательного определения длящегося преступления, английское уголовное право использует специальные нормативные конструкции, позволяющие учитывать временную протяженность отдельных преступных посягательств.

Промежуточное положение между американской и английской моделями занимает право Канады и Австралии. С одной стороны, они сохраняют прецедентный характер регулирования, с другой стороны обладают более развитой системой кодифицированного уголовного законодательства. Однако и в этих странах также отсутствует категория сложного единичного преступления в ее традиционном понимании.

В уголовном праве Канады проблема квалификации сложных форм преступного поведения решается в рамках сочетания кодифицированного регулирования и развитой судебной практики, что формирует более структурированную модель по сравнению с английским правом, но при этом не приводит к формированию самостоятельной категории сложного единичного преступления. В Уголовном кодексе Канады (Criminal Code of Canada, далее – УК Канады) отсутствуют нормы, прямо закрепляющие понятия длящегося или продолжаемого преступления, однако закон предусматривает механизм соединения обвинений, позволяющий рассматривать несколько эпизодов в рамках одного уголовного производства. Ключевую роль в формировании подхода играет судебная практика, в которой используется критерий «единства дела» (single transaction) или «неразрывности поведения» (ст. 581.1 УК Канады) [13]. Правоприменительная практика Канады, в отличие от континентальной традиции, не стремится выявить стандартные признаки единства преступления, а исходит из оценки фактической связанности действий, их временной связи, общности способа совершения преступления, направленности и взаимозависимости. При этом важным является и процессуальный аспект, заключающийся в том, что объединение эпизодов допускается, если оно обеспечивает эффективность судебного разбирательства и не нарушает права обвиняемого. Иначе говоря, правоприменительная практика Канады исходит из того, что множественность действий не всегда должна приводить к множественности обвинений, если поведение представляет собой единую линию преступной деятельности. Таким образом, в канадском праве формируется модель, при которой сложное преступное поведение фактически признается единым, но без разработки соответствующей материально-правовой категории. Это делает канадский подход близким к американскому, однако с большей ролью судебного усмотрения [11].

В Австралии подход к сложным формам преступного поведения демонстрирует сочетание кодифицированных норм и прецедентной практики, однако также не приводит к формированию института сложного единичного преступления. Несмотря на наличие закона об Уголовном кодексе (Criminal Code Act 1995), который в определенной степени систематизирует уголовное право, в нем отсутствуют категории, аналогичные продолжаемому или длящемуся преступлению [9]. Вместо этого ключевую роль играют процессуальные механизмы объединения обвинений и судебные критерии оценки поведения. В результате австралийская модель демонстрирует характерную для англосаксонской правовой семьи тенденцию в виде отказа от абстрактных уголовно-правовых категорий, компенсирующегося гибкими судебными механизмами, позволяющими учитывать сложность преступного поведения в каждом конкретном случае. При этом отсутствие четких нормативных критериев приводит к тому, что границы между единичным преступлением и множественностью определяются преимущественно судебной практикой, а не законом.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в странах англосаксонской правовой семьи институт сложного единичного преступления в том виде, в каком он разработан в российской уголовно-правовой доктрине, не сформировался. Ни право США, ни английское, канадское или австралийское уголовное право не используют обобщающую категорию, аналогичную российским представлениям о длящихся, продолжаемых, составных и иных видах сложных единичных преступлений. Вместе с тем, в каждом из указанных правопорядков возникает необходимость определить, когда ряд действий должен рассматриваться как единое уголовно-правовое поведение, а когда как множественность преступлений. В странах англосаксонской правовой

семьи проблема сложного преступного поведения решается преимущественно на уровне практики и процессуальных механизмов, а не через разработку материально-правовых категорий. В отличие от континентальной системы права, где ключевое значение имеют такие признаки, как единство умысла, объекта, результата и законодательной конструкции, в англосаксонской модели приоритет отдается фактической связанности действий и их процессуальной взаимосвязи [12].

На основании изложенного, можно констатировать, что в праве США, Англии, Канады и Австралии отсутствует институт сложного единичного преступления как самостоятельная категория, однако сходные явления существуют и регулируются через альтернативные механизмы, основанные на оценке фактического поведения и процессуальной целесообразности квалификации. Это свидетельствует о принципиально ином методологическом подходе к решению одной и той же уголовно-правовой проблемы.

Литература

1. Blockburger v. United States, 284 U.S. 299 (1932) [Электронный ресурс] // Legal Information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/284/299?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.04.2026).
2. Serious Crime Act 2015. Section 76. Controlling or coercive behaviour in an intimate or family relationship : UK Public General Acts, 2015, c. 9 // Legislation.gov.uk : официальный сайт законодательства Великобритании. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/76 (дата обращения: 20.10.2026). — Текст : электронный.
3. Sexual Offences Act 2003. Section 79. Part 1: General interpretation : UK Public General Acts, 2003, c. 42 // Legislation.gov.uk : официальный сайт законодательства Великобритании. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/section/79 (дата обращения: 20.10.2026). — Текст : электронный.
4. Грюнхут М. Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. М.: Иностр.лит., 1961. Т.3. С.650.
5. Закон об уголовном кодексе Австралии [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text(дата обращения: 26.04.2026).
6. Кенни К. Основы уголовного права Англии. М., 1949.
7. Малешина А. В. Особенности уголовно-правовых систем стран общего права // Актуальные проблемы российского права. 2008. №3. С. 595-603.
8. Петренко, В. В. Длящиеся преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. В. Петренко. — Москва, 2025. — 222 с.
9. Петрова Е.А. Структурные элементы системы американского права: теоретико-сравнительные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С 215-219.
10. Примерный уголовный кодекс США [Электронный ресурс]. Россия: Библиотека Пашкова / URL: https://constitutions.ru/?p=5849 (дата обращения: 23.04.2026).
11. Рассказов Л.П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Научный журнал КубГАУ. 2015. №105.
12. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, 2003. С. 9.
13. Уголовный кодекс Республики Канады [Электронный ресурс]. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-581.html?txthl=transaction (дата обращения: 20.04.2026).

Complex single offenses in the legal practice of common law countries

Asharin A.A.
Surgut State University

The article examines the specific features of the criminal law understanding of complex single offenses in common law countries, with particular reference to the United States of America, England, Canada, and Australia. It explores the approaches adopted in these jurisdictions to distinguishing a single offense from a plurality of offenses, which are shaped by the historical development of common law, the significant role of judicial precedent, and the absence of a unified doctrinal concept of a complex single offense. Particular attention is paid to the analysis of statutory provisions of criminal law and judicial practice governing the consolidation of multiple criminal acts within a single criminal prosecution. Based on a comparative legal analysis, the study identifies similarities and differences between the American, English, Canadian, and Australian approaches to addressing this issue. The article argues that the absence of an independent legal institution of complex single offenses in common law countries does not preclude the existence of legal mechanisms designed to resolve issues concerning the legal classification of complex forms of criminal conduct. It is established that these issues are primarily addressed through judicial interpretation, assessment of the factual interrelationship between criminal acts, and the application of procedural mechanisms, reflecting fundamental methodological differences between common law and continental criminal law traditions.

Keywords: complex single offense, plurality of offenses, common law legal family, foreign criminal law, legal classification of criminal offenses, judicial precedent, unity of criminal conduct.

References

1. Blockburger v. United States, 284 U.S. 299 (1932) [Electronic resource] // Legal Information Institute. Cornell Law School. Available at: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/284/299 (accessed: 23.04.2026).
2. Serious Crime Act 2015. Section 76. Controlling or Coercive Behaviour in an Intimate or Family Relationship : UK Public General Acts, 2015, c. 9 // Legislation.gov.uk : Official UK Legislation Website. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/76 (accessed: 20 October 2026). — Electronic text.
3. Sexual Offences Act 2003. Section 79. Part 1: General Interpretation : UK Public General Acts, 2003, c. 42 // Legislation.gov.uk : Official UK Legislation Website. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/section/79 (accessed: 20 October 2026). — Electronic text.
4. Grünhut M. English Criminal Law // Modern Foreign Criminal Law. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1961. Vol. 3. P. 650.
5. Criminal Code Act 1995 (Australia) [Electronic resource]. Available at: https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text (accessed: 26.04.2026).
6. Kenny C. Fundamentals of English Criminal Law. Moscow, 1949.
7. Maleshina A. V. Features of the Criminal Law Systems of Common Law Countries // Actual Problems of Russian Law. 2008. No. 3. Pp. 595–603.
8. Petrenko, V. V. Continuing Crimes: Criminal Law Characteristics and Problems of Legal Qualification : Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / V. V. Petrenko. — Moscow, 2025. — 222 p.
9. Petrova E. A. Structural Elements of the American Legal System: Theoretical and Comparative Aspects // Theory and Practice of Social Development. 2011. No. 6. Pp. 215–219.
10. Model Penal Code of the United States [Electronic resource]. Russia: Pashkov Library. Available at: https://constitutions.ru/?p=5849 (accessed: 23.04.2026).
11. Rasskazov L. P. The Anglo-Saxon Legal Family: Genesis, Main Features and Principal Sources // Scientific Journal of Kuban State Agrarian University. 2015. No. 105.
12. Criminal Law of Foreign Countries. General Part / Ed. by I. D. Kozochkin. Moscow: Omega-L, 2003. P. 9.
13. Criminal Code of Canada [Electronic resource]. Available at: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-581.html?txthl=transaction (accessed: 20.04.2026).

Международно-правовые стандарты интеграции ЦВЦБ (CBDC) в трансграничные расчеты: проблемы совместимости и комплаенса

Барков Сергей Борисович
Аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, sb@kyc-aml.ru

Статья посвящена изучению международно-правовых механизмов надзора и комплаенса в формирующихся многосторонних платформах цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ). Обосновывается концепция «опубличивания» трансграничных расчетных отношений, заключающаяся в проникновении публично-правовых предписаний в частноправовое регулирование под влиянием рисков для монетарного суверенитета и финансовой стабильности. На примере проектов mBridge и Project Agorá показан переход от последовательного контроля ex post к архитектурно встроенному комплаенсу ex ante, при котором AML/CFT-требования кодируются в смарт-контракты. Рассматриваются инструменты «мягкого права», определяющие границы наднационального надзора. Обосновывается концепция правовой совместимости как условия преодоления юрисдикционных коллизий в рамках окончательности расчетов, защиты персональных данных и разграничения надзорных полномочий. Делается вывод о становлении института наднационального цифрового финансового права, как подотрасли международного финансового права.

Ключевые слова: центральные валюты центральных банков, трансграничные расчеты, комплаенс, AML/CFT-режимы, цифровая долларизация, мягкое право.

Архитектура глобальных финансов подвергается существенным изменениям, о чем свидетельствует снижение операционной эффективности и сужение функционала традиционных корреспондентских межбанковских отношений (число активных корреспондентов сократилось на треть в период с 2011 по 2022 гг.), и, как следствие, в том числе, в силу геополитической фрагментации, ускорение поиска альтернативных расчетных моделей [1]. В российской международно-правовой доктрине обращается внимание на становление международного цифрового права как формирующейся отрасли международного права, охватывающей в том числе регулирование цифровых финансовых инструментов (криптовалют) на основе сочетания международно-правового инструментария и актов «мягкого права» [2]. Одним из наиболее актуальных направлений указанных изменений становится переход ведущих центральных банков к проектированию и интеграции платформ **цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ)**, таких как mBridge и Project Agorá. Согласно Дорожной карте «Группы двадцати» (G20) по совершенствованию глобальных трансграничных платежей (координаторами являются Совет по финансовой стабильности и Комитете по платежным рыночным инфраструктурам, FSB & CPMI), политическая воля государств направлена на радикальную оптимизацию трансграничных расчетов к 2027 г. [3]. Однако, согласно мнению FSB (к концу 2025 г.), согласованные политические инициативы на данный момент не привели к какому-либо ощутимому улучшению для конечных пользователей [4].

Практика развертывания новых наднациональных платежных инфраструктур актуализирует **противоречие** между технологической автономией распределенных реестров и сохраняющимся дуализмом правового регулирования. Возникает конфликт частноправовой природы операционной деятельности участников и публично-правового императива защиты экономического суверенитета государств – эмитентов [5]. В основе данного противоречия лежит **тенденция «опубличивания»** – проникновения публично-правовых предписаний в частноправовое регулирование путем дополнения, вытеснения или замены диспозитивных норм императивными [6]. Так, ФАТФ (2020) официально подтвердила, что ее стандарты противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма применяются к ЦВЦБ также, как и к любому другому фиатному средству платежа [7]. БМР (2021) в своем проектном руководстве прямо указала на необходимость встройки комплаенс-требований в архитектуру платформы ЦВЦБ [8].

Таким образом, публично-правовые предписания кодируются в их техническую инфраструктуру. Трансграничное платежное пространство, сформировавшееся в ретроспективе на базе институтов международного частного права и корпоративного саморегулирования, не может оставаться за пределами государственного контроля, поскольку, среди прочего, глобальный оборот ЦВЦБ затрагивает монополию центральных банков на эмиссию, создает угрозы стабильности национальных монетарных режимов и открывает новые каналы для обхода регуляторных ограничений (несанкционированный отток капитала, легализация преступных доходов, валютная субституция и проч.) [9]. В результате государства превентивно включаются в данную сферу, перегружая комплаенс публично-правовыми функциями защиты международного правопорядка. Комплаенс в многосторонних платформах перестает быть внутренним механизмом финансовых институтов, превращаясь в делегированный государствами инструмент наднационального надзора.

Целью настоящей статьи является международно-правовой анализ механизмов реализации публичных функций надзора и комплаенса в формирующихся наднациональных платформах ЦВЦБ, а также теоретическое обоснование концепции правовой совместимости как способа преодоления юрисдикционных коллизий в условиях алгоритмизации международного финансового права.

1. Публичные риски трансграничного оборота ЦВЦБ как триггер международно-правового регулирования. Экспансия публично-правовых институтов в сферу трансграничных расчетов обуславливается недостаточной эффективностью и дисфункциональностью международных частноправовых механизмов в области управления угрозами, возникающими при обращении суверенных

цифровых валют [10]. Опыт показывает, что внедрение многосторонних ЦВЦБ-платформ создает реальные риски для монетарного суверенитета и финансовой стабильности государств – эмитентов, главным из которых признается **риск (угроза) «цифровой долларизации»**, при котором резиденты одной страны получают возможность мгновенной конвертации средств в цифровую валюту более стабильного суверена, подрывая, таким образом, доверие к национальной монетарной политике [11]. Проблема «опубличивания» проявляется в том, что утрата контроля над национальной ликвидностью и трансграничными потоками капитала вынуждает суверенов преобразовывать технологический комплаенс в инструмент защиты макроэкономической безопасности. Международно-правовое регулирование в данном случае направлено на превентивное ограничение автономии частных расчетных институтов, так как масштабы потенциальных сбоев и угроза регуляторного арбитража непосредственным образом затрагивают публичный интерес и требуют централизованного наднационального надзора [12].

В условиях распределенных реестров (инфраструктур) основным проявлением публичных рисков является **юрисдикционный разлом национальных AML/CFT-режимов**. Различия в нормативно установленных пороговых значениях для проверки операций, правилах идентификации конечных бенефициаров, а также несовпадение стандартов имплементации Travel Rule ФАТФ (Рекомендация 16) создают условия для регуляторного разрыва. Так, пороговый минимум ФАТФ составляет 1 000 (долл./евро); в США применяется порог в 3 000 долл.; в Сингапуре – 1 500 сингапурских долл.; в ЕС с декабря 2024 г. действует нулевой порог, распространяющий требование на все без исключения переводы [13]. На многосторонних платформах фактор мгновенности транзакций делает неэффективным традиционное межгосударственное взаимодействие *ex post*. Сама ФАТФ в своем отчете (2020) подтвердила, что ее стандарты применяются к ЦВЦБ аналогично любым другим фиатным средствам платежа, то есть публично-правовые требования распространяются на технологию, которая изначально обслуживала частные транзакции [7]. В целях предотвращения легализации преступных доходов и финансирования терроризма государства вынуждены гармонизировать регуляторные требования на международно-правовом уровне, что, на наш взгляд, превращает операционную деятельность частных акторов в инструмент коллективной финансовой безопасности, а технологические регламенты ЦВЦБ-платформ – в форму реализации сверенного контроля. Например, проект Mandala БМР, реализованный совместно с центробанками Австралии, Республики Корея, Малайзии и Сингапура (2024-2025), презентовал архитектуру *compliance-by-design*, где AML/CFT-требования и валютные ограничения каждой юрисдикции закодированы непосредственно в протокол транзакций (система автоматически генерирует криптографическое доказательство соблюдения всех регуляторных проверок до инициации платежа) [14]. Таким образом, публично-правовое требование становится техническим условием самой возможности перевода.

2. Роль международных институтов в формировании «мягкого права» для надзора за ЦВЦБ. Формирование международно-правовых режимов надзора за ЦВЦБ-платформами в настоящее время осуществляется преимущественно через **механизмы «мягкого права»**, посредством которых ведущие центральные банки согласовывают регуляторные подходы. В качестве основного инструмента в данном случае можно назвать Принципы для финансовых рыночных инфраструктур (PFMI), разработанные CPMI совместно с IOSCO и применяемые к системно значимым платежным системам, включая платформы ЦВЦБ. Несмотря на то, что данные Принципы не имеют обязывающей силы, центральные банки имплементируют их через национальное законодательство, а их несоблюдение влечет регуляторное давление и ограничение доступа к международным расчетным сетям [15]. Как уже было отмечено выше, в конце 2025 г. FSB подтвердил завершение практической работы согласно плану по Дорожной карте, однако опроверг возможность достижения поставленных целей на 2027 г., поскольку внедрение согласованных стандартов остается неполным и несогласованным между юрисдикциями [4]. Руководящие принципы и стандарты надзора, вырабатываемые ФАТФ, БМР и CPMI, отражают глобальный тренд «опубличивания» расчетных отношений. Международные институты признают, что традиционные частноправовые межбанковские соглашения не справляются с рисками цифровых транзакций [16]. Интеграция данных стандартов в национальные правовые системы превращает рекомендации в императивные требования, которые и определяют параметры функционирования платежных систем и возлагают на частных операторов публично-правовые контрольные функции.

Особенности развития международно-правовых подходов к надзору показательны при сравнении **платформ mBridge и Project Agorá**. Проект первой, запущенный БМР в 2021 г. совместно с центробанками КНР, Гонконга, Таиланда и ОАЭ, достиг стадии минимально жизнеспособного продукта в 2024 г. БМР вышел из проекта в октябре 2024 г., передав управление центральным банкам – партнерам. К 2025 г. платформа обрабатывала около 55,5 млрд. долл. в цифровом юане (примерно 95% оборота), однако ее комплаенс – модель опиралась на последовательные проверки участниками в своих юрисдикциях. Проект Project Agorá, запущенный БМР и Институтом международных финансов в апреле 2024 г., объединил семь центробанков (ФРС Нью-Йорка, Банк Англии, Банк Франции, Банк Японии, Банк Кореи, Банк Мексики, Швейцарский национальный банк) и более сорока финансовых институтов (HSBC, Citi, JPMorgan, SWIFT, Visa и проч.). Проект перешел к стадии прототипирования в сентябре 2025 г. (отчет о результатах ожидается во второй половине 2026 г.), а тестовые расчеты с реальной стоимостью (около 800 000 швейцарских франков по 17 сценариям) проходили в среднем за 3,8 секунды, что делает технологически достижимой одновременную проверку комплаенс-требований всех задействованных юрисдикций.

mBridge сохранял последовательную модель комплаенса, при которой каждый банк – участник проверяет операции в своей юрисдикции, тогда как Project Agorá продемонстрировал переход к архитектурно встроенному комплаенсу (*compliance-by-design*): проверки (KYC, AML, санкционный скрининг) выполнялись параллельно, а не последовательно – в **едином программируемом регистре**, объединившем токенизированные коммерческие депозиты и оптовые ЦВЦБ [17]. Кроме того, международно-правовые императивы и AML/CFT-требования в нем интегрировались в операционную среду через смарт-контракты. Таким образом, публично-правовой интерес государства в предотвращении противоправных транзакций закрепляется на этапе проектирования самой платформы, а частноправовой – становится технически невозможным, если он не отвечает критериям правомерности, заложенным в наднациональную архитектуру. На наш взгляд, это предельная форма «опубличивания», при которой публично-правовое предписание кодируется в техническую инфраструктуру и становится ее неотделимой компонентой.

3. Алгоритмический комплаенс в многосторонних ЦВЦБ-платформах: международно-правовой аспект. Распространение практики ввода в эксплуатацию многосторонних цифровых платформ актуализирует **проблему международно-правовой квалификации ЦВЦБ**, обращающихся за пределами юрисдикции эмитента. Цифровая форма суверенной валюты, которая обращается в наднациональном распределенном реестре (инфраструктуре), порождает коллизию *lex monetae* (правом государства – эмитента) и *lex loci solutionis* (правом места исполнения обязательства) [18]. Следует говориться, что в данном случае классическая коллизионная привязка *lex loci solutionis* не функциональна, поскольку в распределенном реестре отсутствует физическая локализация «места исполнения» (узлы могут находиться в разных юрисдикциях одновременно). Как показывает опыт mBridge, данное противоречие разрешается через договорной подход, то есть двусторонние соглашения между оператором платформы и каждым центральным банком, дополненные юрисдикционно-специфическими условиями между каждым центробанком и его коммерческими банками. Коллизионная норма, таким образом, заменяется договорным режимом.

Для снижения рисков регуляторного арбитража приоритетное значение имеет **правовая совместимость**. Согласно мнению CPMI, достаточный уровень совместимости может достигаться через три основные модели: совместимые системы, взаимосвязанные системы и единая платформа; каждая из них, соответственно, требует правового оформления. В свою очередь, технологическая интеграция не представляется возможной без гармонизации трех правовых начал: режимов окончательности расчетов, стандартов AML/CFT и согласования режимов защиты персональных данных (например, GDPR и национальные законы о банковской тайне). Конфликт между требованиями данных стандартов (сбор и передача

данных об отправителе и получателе) и указанными режимами (ограничение сбора и передачи персональных данных) является одной из наиболее сложных проблем правовой совместимости, не имеющей на данный момент универсального решения [19]. На наш взгляд, достижение правовой совместимости требует многосторонних соглашений между центробанками, которые разграничивают надзорные полномочия и определяют пределы юрисдикционного иммунитета участников платформы ЦВЦБ.

Реакцией институтов на обозначенные противоречия становится переход от классического юрисдикционного надзора к **концепции встроенного надзора**. Согласно БМР, в ее рамках происходит встраивание надзорных требований непосредственно в техническую инфраструктуру платформы. В качестве наиболее актуального примера можно привести уже упомянутый выше проект Mandala (вторая фаза – с ноября 2025 г.), в котором AML/CFT-требования и валютные ограничения каждой юрисдикции закодированы в общий протокол. Система автоматически генерирует криптографическое доказательство соблюдения с использованием доказательств с нулевым разглашением и многосторонних вычислений. Смарт-контракт проверяет это доказательство и блокирует транзакцию, если даже одна регуляторная проверка не пройдена [20].

Таким образом, в рамках распределенных реестров международно-правовые императивы и регуляторные требования государств **кодируются в алгоритмы и встраиваются в архитектуру смарт-контрактов**. Подобная автоматизация является крайней формой «опубличивания» платежного пространства, поскольку правовая форма приобретает качество технологической неотвратимости. Частный субъект в данном случае ограничивается в правоприменительной дискреции, так как цифровая среда блокирует операции, не соответствующие заложенным в наднациональный код критериям легитимности. Смарт-контракт в данной модели становится носителем публично-правовых предписаний, в котором регуляторные требования государства закодированы и неотделимы от технической инфраструктуры международного платежного оборота.

Подводя итоги исследования, **заключим** о том, что эволюция международно-правового регулирования трансграничных платежных систем демонстрирует тренд «опубличивания» расчетных отношений. В качестве основного драйвера выступает необходимость защиты монетарного суверенитета государства и обеспечения коллективной финансовой безопасности в условиях системных цифровых рисков. Сравнение моделей mBridge и Project Agorá показало, каким образом изменилась парадигма надзора – от подтвержденного контроля *ex post* к архитектурно встроенному *ex ante* комплаенсу. Как представляется, перспективы дальнейшего развития лежат в сфере гармонизации фрагментированных стандартов «мягкого права», вырабатываемых ключевыми институтами. В качестве основного условия стабильности многосторонних (трансграничных) ЦВЦБ-платформ является достижение правовой совместимости, охватывающей три главных аспекта, а именно режимы окончательных расчетов, согласование требований AML/CFT с режимами защиты персональных данных, а также разграничение надзорных полномочий и пределов юрисдикционного иммунитета. С точки зрения теории международного финансового права, складывающаяся практика формирует предпосылки для становления его подотрасли – наднационального цифрового финансового права, в котором публично-правовые предписания интегрируются в техническую архитектуру платежных систем. Это приобретает особую актуальность для международно-правовых наук в целом, поскольку затрагивает вопросы правового регулирования финансовых рынков, баланса публичного и частного интересов, а также новых форм государственного контроля в цифровой среде в международном контексте.

Литература

1. BIS. New correspondent banking data - the decline continues at a slower pace. – 30.08.2020 // // BIS Quarterly Review. – Basel: BIS, 2023. – ULR: https://www.bis.org/publications/new-correspondent-banking-data-decline-continues-slower-pace (date of access: 10.09.2026).

2. Шумилов В. М. Международное цифровое право как отрасль международного права // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 2. – Казань: Издательство «Познание», 2022. – С. 340-346.

3. FSB. Enhancing Cross-border Payments: Stage 3 Roadmap. – 30.10.2020 // FSB. – ULR: https://www.fsb.org/2020/10/enhancing-cross-border-payments-stage-3-roadmap/ (date of access: 10.09.2026).

4. FSB. Progress Reports G20 Roadmap for Cross-border Payments: Consolidated progress report for 2025. – 09.10.2025 // FSB. – ULR: https://www.fsb.org/2025/10/g20-roadmap-for-cross-border-payments-consolidated-progress-report-for-2025/ (date of access: 10.09.2026).

5. BIS. Project mBridge: Connecting Economies through CBDC. – Basel: BIS, Oct. 2022. – ULR: https://www.bis.org/publications/project-mbridge-connecting-economies-through-cbdc (date of access: 10.09.2026).

6. Васильева А. Ф. Взаимодействие административного и гражданского права: опыт российской и немецкой конвергенции публичного и частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 5. С. 5–14.

7. FATF. Report to the G20 on So-Called Stablecoins. – Paris: FATF, 2020. – Annex B: Central Bank Digital Currencies. – ULR: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Virtualassets/Report-g20-so-called-stablecoins-june-2020.html (date of access: 10.09.2026).

8. BIS. Central Bank Digital Currencies: System Design and Interoperability – Basel: BIS, 2021. – ULR: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/116240/1/MPRA_paper_116240.pdf (date of access: 10.09.2026).

9. Financial integrity implications of retail central bank digital currencies (rCBDCs): Fintech Note 2025/010 / K. Kao, K. Chen, B. Aldersey, S. Forte Walker, G. Soana; International Monetary Fund. – Washington, DC: IMF, 2025. – 51 p.

10. Central bank digital currencies for cross-border payments: report to the G20 / Bank for International Settlements (BIS), Committee on Payments and Market Infrastructures, Innovation Hub, World Bank Group, 2021 – 37 p.

11. Bank of Canada. Revisiting the Monetary Sovereignty Rationale for CBDCs. Staff Discussion Paper 2021-17. – Ottawa: Bank of Canada, Dec. 2021. – ULR: https://www.bankofcanada.ca/2021/12/staff-discussion-paper-2021-17/ (date of access: 10.09.2026).

12. FCB. High-level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Global Stablecoin Arrangements. Final Report. – Basel: FSB, 2023. – ULR: https://www.fsb.org/2023/07/high-level-recommendations-for-the-regulation-supervision-and-oversight-of-global-stablecoin-arrangements-final-report/ (date of access: 10.09.2026).

13. FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: The FATF Recommendations / Financial Action Task Force. – Paris: FATF, 2012 (updated in October 2025). – 152 p.

14. BIS Innovation Hub. Project Mandala: Programmable Compliance. – Basel: BIS, 2025. – ULR: https://www.bis.org/project/mandala (date of access: 10.09.2026).

15. BIS. Principles for Financial Market Infrastructures. – Basel: BIS, 2012. – ULR: https://www.bis.org/publications/principles-financial-market-infrastructures (date of access: 10.09.2026).

16. BIS. Committee on Payments and Market Infrastructures. Enhancing Cross-border Payments: Building Blocks of a Global Roadmap. – Basel: BIS, 2020. – ULR: https://www.bis.org/publications/enhancing-cross-border-payments-building-blocks-global-roadmap (date of access: 10.09.2026).

17. BIS. Project Agorá: central banks and banking sector embark on major project to explore tokenisation of cross-border payments. Press release, 2024. – ULR: https://www.bis.org/media-releases/20240403-project-agora-central-banks-and-banking-sector-embark-major-project-explore-tokenisation-cross (date of access: 10.09.2026).

18. Project mBridge update: experimenting with a multi-CBDC platform for cross-border payments (October 2023) / BIS Innovation Hub. – Bank for International Settlements, 2023. – 12 p.

19. BIS. Committee on Payments and Market Infrastructures. Options for Access to and Interoperability of CBDCs for Cross-border Payments. – Basel: BIS, Dec. 2022. – ULR: https://www.bis.org/publications/options-access-and-interoperability-cbdcs-cross-border-payments (date of access: 10.09.2026).

20. BIS. Annual Economic Report 2023. Chapter III: Blueprint for the Future Monetary System: Improving the Old, Enabling the New. – Basel: BIS, 2023. – ULR: https://www.bis.org/publications/aer-2023/blueprint-

future-monetary-system-improving-old-enabling-new (date of access: 10.09.2026).

International legal standards for integrating CBDCS into cross-border settlements: interoperability and compliance challenge

Barkov S.B.
Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

The article is devoted to the study of international legal mechanisms of oversight and compliance in emerging multilateral platforms for central bank digital currencies (CBDCs). The author substantiates the concept of "publicization" of cross-border settlement relations, which manifests in the penetration of public law mandates into private law regulation driven by risks to monetary sovereignty and financial stability of sovereigns. On the example of the mBridge and Project Agorá initiatives, the paper demonstrates the transition from subsequent ex post control to architecturally embedded ex ante compliance, where AML/CFT requirements are encoded into smart contracts. The instruments of soft law developed by international institutions (BIS, CPMI, FSB, FATF) that define the vectors of supranational oversight are examined. The concept of legal interoperability is substantiated as a prerequisite for overcoming jurisdictional conflicts in the areas of settlement finality, personal data protection, and the delimitation of oversight powers of central banks. The author concludes that supranational digital financial law is emerging as an independent legal institution and a sub-branch of international financial law.

Keywords: central bank currencies, cross-border settlements, compliance, AML/CFT regimes, digital dollarization, soft law.

References

1. BIS. New correspondent banking data – the decline continues at a slower pace. – 30.08.2020 // BIS Quarterly Review. – Basel: BIS, 2023. – URL: https://www.bis.org/publications/new-correspondent-banking-data-decline-continues-slower-pace (accessed: 10.09.2026).
2. Shumilov V. M. International Digital Law as a Branch of International Law // Digital Technologies and Law: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 23, 2022 / Edited by I. R. Begishev [et al.]. Vol. 2. – Kazan: "Poznanie" Publishing House, 2022. – pp. 340–346.
3. FSB. Enhancing Cross-border Payments: Stage 3 Roadmap. – 30.10.2020 // FSB. – URL: https://www.fsb.org/2020/10/enhancing-cross-border-payments-stage-3-roadmap/ (accessed: 10.09.2026).
4. FSB. Progress Reports G20 Roadmap for Cross-border Payments: Consolidated progress report for 2025. – 09.10.2025 // FSB. – URL: https://www.fsb.org/2025/10/g20-roadmap-for-cross-border-payments-consolidated-progress-report-for-2025/ (accessed: 10.09.2026).
5. BIS. Project mBridge: Connecting Economies through CBDC. – Basel: BIS, Oct. 2022. – URL: https://www.bis.org/publications/project-mbridge-connecting-economies-through-cbdc (accessed: 10.09.2026).
6. Vasilyeva A. F. The Interaction Between Administrative Law and Civil Law: The Experience of Russian and German Convergence of Public and Private Law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19, No. 5. pp. 5–14.
7. FATF. Report to the G20 on So-Called Stablecoins. – Paris: FATF, 2020. – Annex B: Central Bank Digital Currencies. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Virtualassets/Report-g20-so-called-stablecoins-june-2020.html (accessed: 10.09.2026).
8. BIS. Central Bank Digital Currencies: System Design and Interoperability – Basel: BIS, 2021. – URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/116240/1/MPRA_paper_116240.pdf (accessed: 10.09.2026).
9. Financial integrity implications of retail central bank digital currencies (rCBDCs): Fintech Note 2025/010 / K. Kao, K. Chen, B. Aldersey, S. Forte Walker, G. Soana; International Monetary Fund. – Washington, DC: IMF, 2025. – 51 p. 10. Central bank digital currencies for cross-border payments: report to the G20 / Bank for International Settlements (BIS), Committee on Payments and Market Infrastructures, Innovation Hub, World Bank Group, 2021 – 37 p.
11. Bank of Canada. Revisiting the Monetary Sovereignty Rationale for CBDCs. Staff Discussion Paper 2021-17. – Ottawa: Bank of Canada, Dec. 2021. – ULR: https://www.bankofcanada.ca/2021/12/staff-discussion-paper-2021-17/ (date of access: 09/10/2026).
12. FCB. High-level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Global Stablecoin Arrangements. Final Report. – Basel: FSB, 2023. – ULR: https://www.fsb.org/2023/07/high-level-recommendations-for-the-regulation-supervision-and-oversight-of-global-stablecoin-arrangements-final-report/ (date of ac-cess: 09/10/2026).
13. FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: The FATF Recommendations / Financial Action Task Force. – Paris: FATF, 2012 (updated in October 2025). – 152 p.
14. BIS Innovation Hub. Project Mandala: Programmable Compliance. – Basel: BIS, 2025. – ULR: https://www.bis.org/project/mandala (date of access: 09/10/2026).
15. BIS. Principles for Financial Market Infrastructures. – Basel: BIS, 2012. – ULR: https://www.bis.org/publications/principles-financial-market-infrastructures (date of access: 09/10/2026).
16. BIS. Committee on Payments and Market Infrastructures. Enhancing Cross-border Payments: Building Blocks of a Global Roadmap. – Basel: BIS, 2020. – ULR: https://www.bis.org/publications/enhancing-cross-border-payments-building-blocks-global-roadmap (date of access: 09/10/2026).
17. BIS. Project Agorá: central banks and banking sector embark on a major project to explore tokenization of cross-border payments. Press release, 2024. – ULR: https://www.bis.org/media-releases/20240403-project-agora-central-banks-and-banking-sector-embark-major-project-explore-tokenisation-cross (date of access: 09/10/2026).
18. Project mBridge update: experimenting with a multi-CBDC platform for cross-border payments (October 2023) / BIS Innovation Hub. – Bank for International Settlements, 2023. – 12 p.
19. BIS. Committee on Payments and Market Infrastructures. Options for Access to and Interoperability of CBDCs for Cross-border Payments. – Basel: BIS, Dec. 2022. – ULR: https://www.bis.org/publications/options-access-and-interoperability-cbdcs-cross-border-payments (date of access: 09/10/2026).
20. BIS. Annual Economic Report 2023. Chapter III: Blueprint for the Future Monetary System: Improving the Old, Enabling the New. – Basel: BIS, 2023. – ULR: https://www.bis.org/publications/aer-2023/blueprint-future-monetary-system-improving-old-enabling-new (date of access: 09/10/2026).

Публично-правовой механизм защиты информации в Словацкой Республике

Коробов Илья Андреевич
Магистр, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ya.korobov6@yandex.ru

Исследуется публично-правовой механизм защиты информации в Словацкой Республике. Проблема состоит в разрыве между конституционными пределами обработки, распределением компетенции и фактическим исполнением защитных обязанностей. Объект исследования – отношения по защите информации в публичном управлении и регулируемой предпринимательской деятельности. Использованы формально-юридический и системный методы. Научная новизна заключается в обосновании критериев проверки связей между правовым основанием, решением компетентного субъекта и подтверждённым результатом. На материалах конституционного правосудия и надзорной практики показано, что техническая защищённость не устраняет незаконность обработки, а передача задач подрядчику не прекращает собственных обязанностей организации. Разграничены защита персональных данных, достоверность государственных ресурсов и устойчивость инфраструктуры. Рассмотрены положения Конституции Словацкой Республики, законов о кибербезопасности, об информационных технологиях публичной администрации и о критической инфраструктуре, а также Общего регламента по защите данных. Обоснована необходимость раздельной квалификации обязанностей при происшествии: уведомление надзорного органа о нарушении защиты персональных данных и сообщение о серьёзном киберинциденте не подменяют друг друга. Показано, что полнота механизма определяется не числом выданных предписаний, а подтверждённым исправлением выявленных нарушений. Предложенный подход применим при мотивировании властных решений, организации контроля и определении обязанностей компаний.

Ключевые слова: информационная безопасность, Словацкая Республика, конституционные гарантии, государственное управление, персональные данные, кибербезопасность, надзор, критическая инфраструктура.

Введение

Публично-правовая защита информации требует согласовать допустимость вмешательства в права, компетенцию государственных органов и обязанности владельцев информационных процессов. Раздельное рассмотрение этих вопросов создаёт практический разрыв: технически защищённая система может осуществлять незаконную обработку, а обработка, имеющая законное основание, – оставаться незащищённой. Объект исследования составляют отношения по защите информации в публичном управлении и регулируемой предпринимательской деятельности Словакии. Цель – определить, какие связи обеспечивают исполнение защитных требований. Формально-юридический и системный методы используются для сопоставления норм, полномочий и результатов их применения.

Материалы и методы исследования

М. Рампашек разграничивает защиту информации, безопасность сетей и систем и киберустойчивость, связанную с сохранением функций и восстановлением деятельности [1, с. 32–36]. Для правового анализа это позволяет различать три результата: защиту человека, достоверность государственного ресурса и непрерывность услуги. Предлагаемый подход состоит в проверке переходов между правовым основанием, решением компетентного субъекта и подтверждённым результатом. Это авторская организация анализа, а не новая законодательная классификация.

Результаты и обсуждение

Конституция Словацкой Республики от 1 сентября 1992 г. № 460/1992 Zb. (Собрание законов Словацкой Республики. 1992. № 460; редакция с 01.11.2025; URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/1992/460/ZZ_1992_460_20251101.pdf; дата обращения: 29.09.2026) устанавливает взаимосвязанные гарантии: ст. 19 защищает частную жизнь и данные о личности, ст. 22 – тайну сообщений, ст. 26 – выражение мнения, получение и распространение информации. Статья 13 определяет условия ограничения прав, ст. 46 – судебную защиту. Поэтому ссылка на безопасность требует проверки законного основания, допустимой цели и соразмерности конкретного вмешательства.

Т. Лялик обоснованно связывает действенность теста пропорциональности с определённостью цели ограничения: чрезмерно абстрактная цель облегчает оправдание вмешательства [2, с. 100–102]. Практическое значение этого положения видно в постановлении Конституционного суда Словакии от 5 ноября 2025 г. по делу PL. ÚS 6/2025. Суд признал неконституционными оспоренные нормы о плате за особо объёмный поиск информации: разгрузка административного аппарата в сформулированном законодателем виде не соответствовала целям ограничения по п. 4 ст. 26 Конституции (пп. 48, 52–54; с. 12–13 PDF; URL: https://www.ustavnysud.sk/docDownload/f27a3229-367f-4fef-9848-b567ba454e3c; дата обращения: 29.09.2026). Удобство органа, следовательно, не создаёт самостоятельного основания ограничить доступ.

Европейские гарантии применяются с учётом собственной сферы действия. Пункт 1 ст. 51 Хартии основных прав Европейского союза (2016/C 202/02; Официальный журнал Европейского союза. 2016. C 202. С. 389–405; URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12016P/TXT; дата обращения: 29.09.2026) связывает её обязательность для государств-членов с осуществлением права ЕС. Поэтому сначала устанавливается связь спорной обработки с правом Союза и лишь затем применяются ст. 7 о частной жизни и ст. 8 о персональных данных. Само нахождение системы в Словакии такой проверки не заменяет.

Закон Словацкой Республики от 30 января 2018 г. № 69/2018 Z. z. «О кибербезопасности и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики. 2018. № 69; редакция с 30.04.2026; URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/2018/69/ZZ_2018_69_20260430.pdf; дата обращения: 29.09.2026) распределяет управление кибербезопасностью. По § 5 Национальное управление безопасности (NBÚ) осуществляет координацию и надзор. Параграф 6 закрепляет функции национальной команды реагирования; его п. 4 сохраняет собственную ответственность оператора основной услуги и соответствующего центрального органа.

Получение технической помощи не прекращает обязанность организации устранить нарушение.

Иное направление регулирует Закон Словацкой Республики от 27 марта 2019 г. № 95/2019 Z. z. «Об информационных технологиях публичной администрации и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики. 2019. № 95; редакция с 30.04.2026; URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/2019/95/ZZ_2019_95_20260430.pdf; дата обращения: 29.09.2026). Его § 5 различает общее руководство Министерства инвестиций, регионального развития и информатизации и управление технологиями конкретных органов. По п. 6 § 2 назначение лица, эксплуатирующего технологию, не снимает ответственности с её администратора.

Независимый надзор за персональными данными осуществляет Управление по защите персональных данных Словацкой Республики (ÚOOÚ). Его независимость и полномочия предусмотрены ст. 51–52, 57–58 Регламента Европейского парламента и Совета (ЕС) 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном движении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных)» (Официальный журнал Европейского союза. 2016. L 119. С. 1–88; URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679; дата обращения: 29.09.2026; далее – GDPR). Таким образом, восстановление сервера и надзорная оценка законности обработки представляют разные действия. Техническое заключение не заменяет решения компетентного органа.

Контроль должен охватывать последующее исправление. Параграф 29m Закона № 69/2018 допускает соглашение об исправлении, предусматривающее конкретное нарушение, меры, график устранения и предупреждение повторения. Возможность его заключения ограничена законными условиями; при неисполнении обязательств надзор может возобновляться. Значение этой конструкции – в юридически определённой связи обнаруженного недостатка с восстановлением законности, а не в свободном отказе от обязательных требований.

Персональные данные, государственные ресурсы и критические системы не образуют взаимоисключающих категорий. База заявлений граждан требует защиты людей; государственный реестр – также достоверности записей; система водоснабжения – непрерывности услуги. Статьи 5–6 GDPR требуют законной цели и основания обработки, ст. 32 – мер безопасности с учётом риска. Шифрование не оправдывает избыточный сбор, а наличие законного основания не освобождает от проверки восстановления данных.

Различие имеет непосредственное практическое выражение. В отчёте ÚOOÚ за 2025 г. описаны нарушения при опубликовании договоров в Центральном реестре: персональные данные не удалялись либо скрывались так, что копирование текста PDF в редактор вновь делало их доступными. В зависимости от обстоятельств устанавливались нарушения принципа законности или ст. 32 GDPR [3, с. 39]. Следовательно, правомерное опубликование требует проверки фактически распространяемого файла. Визуальное закрытие текста не доказывает удаления защищаемых сведений.

Для инфраструктуры существенны специальные условия охвата. Параграф 17 Закона № 69/2018 связывает обязанности с видом субъекта, деятельностью и предусмотренными критериями. Отдельный статус устанавливает Закон Словацкой Республики от 27 ноября 2024 г. № 367/2024 Z. z. «О критической инфраструктуре и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики. 2024. № 367; редакция с 01.01.2025; URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/2024/367/ZZ_2024_367_20250101.pdf; дата обращения: 29.09.2026). Его § 9 регулирует идентификацию критического субъекта, §§ 10–11 – защитные меры и оценку рисков; применяются секторные исключения п. 3 § 19. Поэтому требования к критической инфраструктуре нельзя автоматически адресовать любой компании с клиентской базой.

При происшествии обязанности квалифицируются раздельно. По ст. 33 GDPR контролёр сообщает о нарушении защиты данных надзорному органу без неоправданной задержки и, по возможности, в пределах 72 часов после осведомлённости, кроме случая маловероятного риска для прав и свобод. Статья 34 предусматривает отдельное информирование человека при высоком риске и с установленными исключениями. Параграф 24 Закона № 69/2018 для серьёзного киберинцидента предусматривает раннее предупреждение до 24 часов, уведомление, как правило, до 72 часов и итоговый отчёт; специальные правила зависят от субъекта и развития события. Отправка одного сообщения не подтверждает исполнения всех обязанностей.

Для предпринимателя отправной точкой служит описание реальных операций и роли в обработке. Компания может определять цели собственной кадровой базы и одновременно обрабатывать клиентские сведения по поручению заказчика. Во втором случае применяются требования ст. 28 GDPR, но договор не заменяет фактического ограничения доступа и возврата либо удаления данных. Проверку следует завершать определением конкретного действия, ответственного лица и доказательства исполнения. Сбор документов без проверки действующих процессов не подтверждает исполнения обязанности по существу.

Предупредительное действие рассматриваемого механизма начинается до ввода информационной системы в эксплуатацию. Статья 25 GDPR требует учитывать защиту данных при определении средств обработки и при самой обработке, а по умолчанию ограничивать её необходимыми для конкретной цели сведениями. Для публичной администрации это означает, что правовая оценка должна влиять на устройство электронного сервиса: состав обязательных полей, круг пользователей, сроки хранения и порядок выгрузки. Если соответствующие ограничения не включены в проект, последующая инструкция сотрудникам может оказаться неисполнимой без изменения программного обеспечения.

Более углублённая предварительная проверка предусмотрена ст. 35 GDPR для обработки, которая, вероятно, создаёт высокий риск для прав и свобод физических лиц. Оценка воздействия включает описание операций, проверку их необходимости и соразмерности, анализ рисков и мер их снижения. Поэтому её нельзя отождествлять с проверкой устойчивости оборудования. Например, объединение сведений из нескольких реестров может повысить точность административного решения, одновременно позволяя сформировать избыточно подробное представление о частной жизни. При сохранении высокого риска, который контролёр не может снизить надлежащими мерами, применяется предварительная консультация с надзорным органом по ст. 36 GDPR. Сам статус государственной системы не означает, что такая консультация обязательна в каждом случае.

В предлагаемой модели предметом проверки становится весь путь сведений от получения до прекращения обработки. Для каждой операции следует установить цель, правовое основание, получателя и условие завершения. Особенно важно различать доступ сотрудника для исполнения должностной задачи и последующее использование тех же данных для иной цели. Техническая возможность просмотреть запись сама по себе не подтверждает правомерность обращения к ней. Поэтому распределение доступа целесообразно связывать с конкретными функциями, а при переводе или увольнении работника проверять прекращение соответствующих полномочий в системе.

Подтверждение исполнения опирается на принцип подотчётности, закреплённый в п. 2 ст. 5 и конкретизированный ст. 24 GDPR. Контролёр должен быть способен показать, как принятые меры обеспечивают соблюдение требований в реальных условиях. Для этого в зависимости от характера обработки могут использоваться результаты контрольных проверок доступа, сведения о пересмотре сроков хранения и протоколы восстановления данных. Это предлагаемые способы доказывания, а не установленный регламентом универсальный комплект документов. Их ценность определяется возможностью связать конкретный риск с применённой мерой и проверенным результатом.

Практическую связь законности и достоверности можно раскрыть на условном примере муниципального реестра. Если при переносе сведений ошибочная запись начинает использоваться для рассмотрения заявления гражданина, одного восстановления доступности сервиса недостаточно. Необходимо установить источник ошибки, проверить затронутые записи и исключить дальнейшее использование недостоверных сведений. Право на исправление по ст. 16 GDPR и право на ограничение обработки при оспаривании точности на период её проверки по подп. «а» п. 1 ст. 18 связывают состояние ресурса с возможностью человека защитить свои интересы.

При этом исправление записи и пересмотр принятого на её основе административного решения относятся к разным процедурам.

Реализация прав зависит и от доступности обращения к контролёру. Пункты 3–4 ст. 12 GDPR предусматривают предоставление информации о действиях по запросу без неоправданной задержки, в пределах одного месяца; при необходимости, с учётом сложности и числа запросов, срок может продлеваться ещё на два месяца с уведомлением о причинах в течение первого месяца. Если меры не принимаются, человеку сообщаются причины и возможности обращения за защитой. Для оценки механизма поэтому важно исследовать не только наличие формы запроса на сайте, но и прохождение обращения между подразделениями, полноту ответа и фактическое исполнение удовлетворённого требования.

Пределы отдельных прав также должны объясняться применительно к конкретной обработке. Право на удаление не устраняет необходимость хранения сведений для исполнения законной обязанности либо публичной задачи в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 17 GDPR. Однако общая ссылка на государственный характер деятельности не обосновывает бессрочное сохранение любой информации. Контролёру необходимо определить, какие данные и для какой задачи продолжают требоваться. Если спор касается точности сведений, правовой результат может состоять в их исправлении или ограничении использования, а не в полном уничтожении записи.

Надзорная и судебная защита дополняют внутреннее рассмотрение обращений. Статья 77 GDPR закрепляет право жалобы надзорному органу, ст. 78 – право на судебную защиту в отношении его обязательного решения, а также предусмотренного регламентом бездействия; ст. 79 относится к защите против контролёра или обработчика. Эти процедуры различаются по адресату и предмету проверки. Обращение гражданина становится самостоятельным источником выявления недостатков, которые могли остаться вне технического аудита.

Национальный порядок конкретизирует Закон Словацкой Республики от 29 ноября 2017 г. № 18/2018 Z. z. «О защите персональных данных и об изменении и дополнении некоторых законов» (Собрание законов Словацкой Республики. 2018. № 18; редакция с 18.08.2026; URL: https://static.slov-lex.sk/pdf/SK/ZZ/2018/18/ZZ_2018_18_20260818.pdf; дата обращения: 30.10.2026). По п. 3 § 100 заявление в ÚOOÚ должно содержать указание на предположительно нарушенные права и доказательства в поддержку изложенных доводов. Подпункт «e» того же пункта предусматривает подтверждение осуществления соответствующего права либо объяснение особых причин его неосуществления. Пункт 5 § 102 обязывает контролёра или обработчика письменно сообщить об исполнении назначенных мер в установленный органом срок. Тем самым связь между решением и последующим исправлением получает прямое процедурное выражение.

Выбор надзорной меры следует связывать с характером установленного нарушения. Пункт 2 ст. 58 GDPR предусматривает, в частности, предписание привести обработку в соответствие с регламентом, исправить или удалить данные, ограничить обработку; денежное взыскание не исчерпывает полномочий органа. В аналитическом отношении полезно различать прекращение противоправной операции и устранение условий её повторения. Так, в предлагаемой модели прекращение избыточного доступа следует сопровождать проверкой порядка выдачи полномочий, иначе исправление единичной учётной записи не обеспечивает устойчивого результата. Конкретный объём предписания при этом должен оставаться в пределах компетенции органа и учитывать обстоятельства дела.

Для оценки последующего исполнения предлагается учитывать долю проверенных мер, время устранения опасного состояния и повторяемость нарушений. Это авторские показатели, а не установленная словацким законом система отчётности. Они позволяют проверить фактические изменения после властного решения. Если после обновления регламента сохраняется возможность неправомерной выгрузки данных, документальное исполнение не подтверждает достижения защитной цели. Проверяемое изменение процесса завершает связь между обязанностью и результатом.

Заключение

Публично-правовой механизм защиты информации в Словакии объединяет конституционные ограничения, распределённую компетенцию и обязанности по обеспечению безопасности. Предлагается оценивать его полноту по трём связям: законное основание – допустимая операция; компетентный субъект – исполнимая обязанность; обнаруженное нарушение – подтверждённое исправление. Самостоятельность каждого элемента исключает подмену законности технической защищённостью, ответственности – привлечением подрядчика, а результата надзора – числом выданных предписаний. Такой подход применим при мотивировании решений органов и организации защиты в компаниях. Для сравнительного исследования перспективно оценивать именно способы подтверждения исполнения, не предполагая заранее необходимости заимствования всей словацкой модели.

Литература

1. Andraško J., Dražová P., Kordík M., Mesarčík M., Rampášek M. a kol. Regulácia kybernetickej bezpečnosti, ochrany súkromia a kybernetickej kriminality [Регулирование кибербезопасности, защиты частной жизни и киберпреступности]. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Právnická fakulta, 2026. Гл. 1 (автор – М. Рампашек). С. 32–36. URL: https://cusec.flaw.uniba.sk/wp-content/uploads/2026/06/Regulacia-kybernetickej-bezpecnosti-ochrany-sukromia-a-kybernetickej-kriminality_CUSEC_2026.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

2. Ľalík T. Test legitímneho účelu v judikatúre Ústavného súdu SR [Проверка легитимной цели в практике Конституционного суда Словацкой Республики] // 30 rokov Ústavy Slovenskej republiky: skúsenosti a perspektívy v dobrom aj v zlom počasí [30 лет Конституции Словацкой Республики: опыт и перспективы в благоприятных и неблагоприятных условиях]. Bratislava: Univerzita Komenského, 2022. С. 100–102. URL: https://www.flaw.uniba.sk/fileadmin/praf/Veda/Konferencie_a_podujatia/BPF/2022/Zbornik_BPF_2021_Sekcia_5_Ustavne_pravo.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

3. ÚOOÚ SR. Správa o stave ochrany osobných údajov za rok 2025 [Отчёт о состоянии защиты персональных данных за 2025 год]. Разд. 9.2.3. С. 39 (с. 41 PDF). URL: https://dataprotection.gov.sk/files/annual-reports/uoou_sprava-stave-ochrany-osobnych-udajov_2025.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

Public-law mechanism for information protection in the Slovak Republic

Korobov I.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the public-law mechanism for information protection in the Slovak Republic. It addresses the gap between constitutional limits on processing, the allocation of institutional powers and actual compliance with protective duties. The study focuses on information protection in public administration and regulated business activities, using formal legal and systemic methods. Its contribution is a set of criteria connecting a legal basis, a decision by a competent actor and a demonstrable outcome. Constitutional case law and supervisory practice show that technical security cannot legitimise unlawful processing and that outsourcing does not extinguish an organisation's own duties. Personal data protection, the reliability of public information resources and infrastructure resilience are distinguished. The provisions of the Constitution of the Slovak Republic, the laws on cybersecurity, on information technologies in public administration and on critical infrastructure, as well as the General Data Protection Regulation are examined. The need for separate qualification of duties in an incident is substantiated: notifying the supervisory authority of a personal data breach and reporting a serious cyber incident do not replace each other. It is shown that the completeness of the mechanism is determined not by the number of orders issued but by the confirmed remedying of the violations detected. The proposed approach can support reasoned administrative decisions, supervision and the identification of corporate obligations.

Keywords: information security, Slovak Republic, constitutional guarantees, public administration, personal data, cybersecurity, supervision, critical infrastructure.

References

1. Andraško J., Dražová P., Kordík M., Mesarčík M., Rampášek M. et al. Regulation of cybersecurity, privacy protection and cybercrime. Bratislava: Comenius University in Bratislava, Faculty of Law, 2026. Chapter 1 (author: M. Rampášek). Pp. 32–36. (In Slovak). URL: https://cusec.flaw.uniba.sk/wp-content/uploads/2026/06/Regulacia-kybernetickej-bezpecnosti-ochrany-sukromia-a-kybernetickej-kriminality_CUSEC_2026.pdf (accessed: 29.09.2026).

2. Ľalík T. Legitimate aim test in the case-law of the Constitutional Court of the Slovak Republic // 30 years of the Constitution of the Slovak Republic: experience and prospects in good and bad times. Bratislava: Comenius University, 2022. Pp. 100–102. (In Slovak). URL: https://www.flaw.uniba.sk/fileadmin/praf/Veda/Konferencie_a_podujatia/BPF/2022/Zbornik_BPF_2021_Sekcia_5_Ustavne_pravo.pdf (accessed: 29.09.2026).

3. Office for Personal Data Protection of the Slovak Republic. Report on the state of personal data protection for 2025. Section 9.2.3. P. 39 (PDF p. 41). (In Slovak). URL: https://dataprotection.gov.sk/files/annual-reports/uoou_sprava-stave-ochrany-osobnych-udajov_2025.pdf (accessed: 29.09.2026).

Защита банковской тайны и иной охраняемой законом финансовой информации в ЕАЭС: проблемы и перспективы гармонизации в условиях цифровизации

Лабоськин Михаил Алексеевич
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», laboskin-ma@ranepa.ru

Статья посвящена анализу состояния и перспектив гармонизации правового регулирования защиты банковской и иной охраняемой законом финансовой информации в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в условиях цифровизации финансового сектора. На основе сравнительно-правового анализа договорно-правовой базы ЕАЭС и национального законодательства государств-членов выявлены основные пробелы в регулировании. Показано, что цифровизация – распространение цифровых валют центральных банков, цифровых финансовых активов, регуляторных песочниц – формирует принципиально новые риски для защиты информации, требующие наднациональной координации. Предложены направления гармонизации. Обосновывается, что опыт ЕС может служить ориентиром при условии поэтапной реализации с переходными периодами.

Ключевые слова: финансовая информация, банковская тайна, персональные данные, кибербезопасность, гармонизация законодательства, цифровизация.

Введение

Формирование общего финансового рынка ЕАЭС закреплено как приоритетное направление интеграции в Договоре о Евразийском экономическом союзе [1]. При этом правовая защита финансовой информации развивается медленнее, чем цифровизация финансовых операций: национальные режимы охраны данных не успевают за новыми технологиями, из-за чего у участников трансграничных сделок растут риски, а интеграционный процесс теряет динамику.

Актуальность темы связана с несколькими практическими проблемами. Во-первых, регулирование защиты банковской и иной охраняемой финансовой информации остается в основном в основном в сфере национального регулирования, поэтому при трансграничных операциях регулярно возникают правовые коллизии. Во-вторых, распространение цифровых финансовых технологий – от цифровых валют центральных банков (CBDC) до цифровых финансовых активов (ЦФА) и удаленных сервисов – расширяет рамки для кибератак и предъявляет новые требования к защите данных. В-третьих, сроки гармонизации финансового законодательства по Соглашению о гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере финансовых рынков от 06.11.2018 не соблюдены [3], а наднациональный орган по регулированию финансового рынка, предусмотренный Концепцией формирования общего финансового рынка ЕАЭС [2], до настоящего времени не создан.

Цель исследования – выявить правовые пробелы и коллизии в регулировании защиты финансовой информации в ЕАЭС, оценить влияние цифровизации на риски и требования к защите, а также предложить направления гармонизации с учетом опыта Европейского Союза и различий в уровне развития национальных систем.

Материалы и методы

В основе исследования – анализ нормативно-правовой базы ЕАЭС и национальных актов государств-членов. Использованы: Договор о ЕАЭС; Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере финансовых рынков от 06.11.2018; Концепция общего финансового рынка ЕАЭС (Решение Высшего экономического совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20); Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере от 23.12.2014; национальные акты (ГК РФ, Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Банковский кодекс Республики Беларусь от 25.10.2000 № 441-З, Закон Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» от 16.01.2026 № 258-VIII ЗРК, Закон Республики Армения «О банковской тайне» от 14.10.1996 № ЗР-80, Закон Кыргызской Республики «О банках и банковской деятельности» от 11.08.2022 № 93, Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики»), а также материалы ФинЦЕРТ Банка России [10] и экспериментальные правовые режимы по трансграничным расчетам в стейблкоинах и ЦФА [8].

Методология сочетает сравнительно-правовой анализ национальных режимов защиты финансовой информации (банковская тайна, персональные данные, криптографическая защита), системный анализ договорно-правовой базы ЕАЭС, формально-юридический разбор актов и сравнительный подход с опорой на опыт ЕС: GDPR, Директиву NIS2 и практику ENISA [20].

Литературный обзор

Правовая основа защиты финансовой информации в ЕАЭС

Вопрос защиты финансовой информации в ЕАЭС регулируют Договор о ЕАЭС, Концепция общего финансового рынка ЕАЭС, Соглашение о гармонизации законодательства в сфере финансового рынка, , Соглашение об обмене конфиденциальной информацией

Договор о ЕАЭС устанавливает общие рамки согласованной политики на финансовых рынках, но не содержит специальных норм о защите банковской и иной охраняемой финансовой информации [1]. В результате регулирование остается в национальной компетенции,

что на практике приводит к коллизиям при трансграничных операциях.

Концепция общего финансового рынка ЕАЭС включает раздел по кибербезопасности: в нем говорится о конфиденциальности, целостности и доступности финансовой информации, а также о координации в сфере финансовых технологий. Однако документ носит рамочный характер и нуждается в дальнейшей реализации [2].

Соглашение о гармонизации законодательства в сфере финансового рынка фиксирует направления сближения – от пруденциального надзора до защиты прав потребителей, – но не выделяет защиту информации как самостоятельный объект регулирования [3].

Соглашение об обмене конфиденциальной информацией признает подходы сторон «эквивалентными и адекватными», но не устанавливает единых стандартов защиты, оставляя пространство для разночтений [4].

Различия в национальных режимах защиты финансовой информации

Подходы к охране банковской тайны в государствах-членах ЕАЭС различаются по перечню защищаемых сведений, кругу лиц с доступом к данным и основаниям для раскрытия тайны.

В Российской Федерации режим банковской тайны закреплен одновременно в статье 857 ГК РФ и статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Такое распределение норм создает коллизию: ГК РФ ограничивает перечень охраняемой информации тремя группами (счет и вклад, операции по счету, сведения о клиенте), а Федеральный закон оставляет его открытым [6]. В Беларуси, положения о банковской тайне интегрированы в Банковский кодекс, в Казахстане и Кыргызстане – в законы, в Армении действует специальный Закон «О банковской тайне», что выделяет ее подход среди других государств-членов.

Защита персональных данных в финансовом секторе также неоднородна. Армения и Россия ратифицировали Конвенцию Совета Европы № 108 о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [19], Беларусь и Казахстан устанавливают жесткие ограничения на трансграничную передачу данных, в Кыргызстане и Армении установлены более мягкие режимы.

Отсутствие соглашения о персональных данных на уровне ЕАЭС создает препятствия для трансграничного оказания финансовых услуг [18].

В отношении криптографической защиты в ЕАЭС в соответствии с Распоряжением Высшего Евразийского Экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 7 [25] реализуется проект совместной разработки специализированных средств криптозащиты, ответственными за который назначены органы безопасности государств-членов, но единые технические стандарты пока не разработаны.

Цифровизация и эволюция требований к защите информации

Цифровизация меняет структуру рисков и требования к защите информации. ФинЦЕРТ Банка России ежегодно фиксирует многочисленные целевые атаки на финансовый сектор: фишинг, DDoS-атаки, вредоносное программное обеспечение, социальная инженерия [9][10].

Развитие цифровых платежей и удаленных сервисов расширяет поле для атак. Появление цифровых валют центральных банков (CBDC) создает дополнительные вызовы: в России, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане разработаны концепции суверенных цифровых валют (цифровой рубль, цифровой белорусский рубль, цифровой тенге, цифровой сом) [12][14][15][16]. С 1 сентября 2026 года в России стартовал первый этап внедрения цифрового рубля [13]. Трансграничные расчеты через CBDC требует согласования стандартов идентификации, хранения данных и криптографической защиты на наднациональном уровне.

Цифровые финансовые активы (ЦФА) также формируют новые риски. В России действует экспериментальный правовой режим по трансграничным расчетам в стейблкоинах и ЦФА; в Беларуси – Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» [8][7]. Различия в правовых режимах ЦФА между государствами-членами создают риск регуляторного арбитража и утечки информации.

Регуляторные песочницы внедрены во всех государствах-членах ЕАЭС, но финансовый сектор исключен из общих специальных режимов на уровне ЕАЭС [21][22]. Между тем отсутствие трансграничных финтех-песочниц замедляет развития безопасных трансграничных сервисов.

Результаты

К основным проблемам гармонизации законодательства о защите финансовой информации в ЕАЭС можно отнести следующие:

– отсутствие единообразного понятийного аппарата. Термины «финансовая информация», «банковская тайна», «конфиденциальная информация», «киберугроза», «кибербезопасность» в соответствии с национальным законодательством государств-членов определяются по-разному, что осложняет согласование нормативных актов;

– асимметрия в уровне развития систем кибербезопасности. Российся Федерация создала ФинЦЕРТ и заключила двусторонние соглашения со всеми государствами-членами ЕАЭС о защите информации и информационной безопасности [11]. В Казахстане действует Kz-FinCERT. Беларусь и Армения интегрировали финансовую кибербезопасность в общие национальные системы (CERT.BY и AM-SERT), без выделения отраслевого центра. В Кыргызстане система только формируется, что создает дисбаланс в уровне защиты [17];

– несоблюдение сроков гармонизации. Соглашением о гармонизации законодательства от 06.11.2018 предусматрено завершение работ к 01.01.2025, однако процесс не завершен: предложения по банковскому сектору остаются на стадии согласования [3][23];

– отсутствие наднационального органа по регулированию финансового рынка. Концепция общего финансового рынка предполагает его создание, но орган до сих пор не сформирован, что тормозит выработку единых стандартов [2][5];

– ограничения на трансграничную передачу персональных данных**.** Национальные законы (особенно в Беларуси и Казахстане) устанавливают разнонаправленные правила, блокируя свободное движение данных, необходимое для интегрированного финансового рынка [18].

Обсуждение

Для гармонизации регулирования защиты финансовой информации представляются актуальными и перспективными следующие направления:

– разработка Соглашения о защите персональных данных в рамках ЕАЭС, в котором закрепить минимальные стандарты обработки и защиты, обязательные для всех государств-членов – по аналогии с GDPR в ЕС. Это снизит правовую неопределенность при трансграничной обработке финансовых данных [20];

– принятие единого концептуального документа по кибербезопасности ЕАЭС, в который включить общий понятийный аппарат, стандартизированные подходы к киберустойчивости, надзору за рисками и координации защиты прав потребителей при несанкционированных транзакциях. Целесообразно рассмотреть создание Евразийского агентства по информационной безопасности по образцу ENISA [20];

– принять трансграничные регуляторные песочницы для финтеха. Необходимо пересмотреть исключение финансового сектора из общих специальных режимов ЕАЭС, чтобы тестировать единые стандарты защиты информации до их законодательного закрепления [21][22];

– осуществить гармонизацию регулирования цифровых активов и CBDC. Принять единый понятийный аппарат, согласованные правила выпуска и обращения цифровых валют, а также стандарты защиты данных при трансграничных расчетах через CBDC-платформы [12][14][15];

– осуществить институциональное укрепление, в процессе которого завершить формирование наднационального органа по регулированию финансового рынка и наделить его полномочиями по координации защиты финансовой информации и кибербезопасности [2][5];

– продолжить процесс перехода от рекомендательных к обязательным стандартам обмена информации, закрепив обязательные стандарты информационного обмена и реагирования.

Заключение

Гармонизация защиты банковской и иной охраняемой финансовой информации в ЕАЭС отстает от темпов цифровизации финансового сектора. Фрагментарность национальных режимов (банковской тайны, персональных данных, кибербезопасности) создает правовые риски для участников общего финансового рынка и сдерживает интеграцию.

Создание общего финансового рынка невозможно без единых минимальных стандартов защиты информации, закрепленных в международных договорах ЕАЭС. Опыт ЕС (GDPR, Директива NIS2, ENISA) может служить ориентиром, но модель ЕАЭС должна учитывать асимметрию в уровне развития национальных систем и предусматривать поэтапную реализацию с переходными периодами [20].

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (с изм. на 21 ноября 2023 г.). [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 05.10.2026).
2. Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза: утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334585/ (дата обращения: 05.10.2026).
3. Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансовых рынков от 6 ноября 2018г. [Электронный ресурс] // КОДЕКС. – URL: https://docs.cntd.ru/document/564332914 (дата обращения: 05.10.2026).
4. Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала от 23.12.2014 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174011/ (дата обращения: 05.10.2026).
5. О развитии Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: mid.ru (дата обращения: 05.10.2026).
6. О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 05.10.2026).
7. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь от 21.12.2017 № 8 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd1700008 (дата обращения: 05.10.2026).
8. Криптовалюта для ВЭД-2026: как платить за импорт без блокировок и штрафов [Электронный ресурс] // РБК компании – URL: https://companies.rbc.ru/news/ZsahJ5j5kW/kriptovalyuta-dlya-ved-2026-kak-platit-za-import-bez-blokirovok-i-shtrafov/?ysclid=muvmjtmgx1457614602&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 05.10.2026).
9. Кибербезопасность банков в России: ФинЦЕРТ [Электронный ресурс] // Anti-Malware.ru. – URL: anti-malware.ru (дата обращения: 05.10.2026).
10. Отчет о деятельности Финансового центра кибербезопасности и цифровых технологий (ФинЦЕРТ) Банка России [Электронный ресурс]. – URL: d-russia.ru (дата обращения: 05.10.2026).
11. Банк России завершил создание системы обмена данными о хакерах в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Российская газета. - 2018. - 15 нояб. – URL: rg.ru (дата обращения: 05.10.2026).
12. Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] / Банк России. – М., 2021. – URL: storage.consultant.ru (дата обращения: 05.10.2026).
13. Цифровой рубль с 1 сентября 2026 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: rg.ru (дата обращения: 05.10.2026).
14. Опубликована Концепция цифрового белорусского рубля [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: nbrb.by (дата обращения: 05.10.2026).
15. Цифровой тенге: что изменится в денежной системе Казахстана [Электронный ресурс] // Inform.kz. – URL: inform.kz (дата обращения: 05.10.2026).
16. Концепция цифрового сома [Электронный ресурс] / Национальный банк Кыргызской Республики. – URL: nbkr.kg (дата обращения: 05.10.2026).
17. Национальные центры реагирования на киберинциденты государств- членов ЕАЭС: CERT.BY [Электронный ресурс]. – URL: cert.by (дата обращения: 05.10.2026); AM-CERT [Электронный ресурс]. – URL: isaa.am (дата обращения: 05.10.2026); Kz-FinCERT [Электронный ресурс]. – URL: prg.kz (дата обращения: 05.10.2026).
18. Высокоуровневый сравнительный анализ правовых режимов обработки персональных данных в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: sps-ib.ru (дата обращения: 05.10.2026).
19. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных № 108 от 28 января 1981 г. (ETS No. 108) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 05.10.2026).
20. Цифровой суверенитет как залог глобальной безопасности [Электронный ресурс] // Росконгресс. – URL: roscongress.ru (дата обращения: 05.10.2026); ENISA – Cybersecurity policies [Electronic resource] // European Union Agency for Cybersecurity. – URL: enisa.europa.eu (дата обращения: 05.10.2026);
21. Директива (ЕС) 2022/2555 о мерах в сфере кибербезопасности (NIS2) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: base.garant.ru (дата обращения: 05.10.2026).
22. Правовые основы функционирования регуляторных песочниц в сфере финансовых технологий [Электронный ресурс]. – URL: education.law-books.ru (дата обращения: 05.10.2026).
23. Решение Высшего экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный ресурс] / КОДЕКС – URL: https://docs.cntd.ru/document/555625953?section=text (дата обращения: 05.10.2026).
24. Минэкономразвития России: страны ЕАЭС утвердили общие рекомендации по гармонизации законодательства в банковской сфере [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_strany_eaes_utverdili_obshchie_rekomendacii_po_garmonizacii_zakonodatelstva_v_bankovskoy_sfere.html (дата обращения: 05.10.2026)
25. Распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 7 «О реализации проекта по совместной разработке специализированных средств криптографической защиты информации Евразийского экономического союза (с изм. на 25 мая 2023 года) [Электронный ресурс] // КОДЕКС. – URL: https://docs.cntd.ru/document/456056133?ysclid=mv3htlbb1114920800&section= status (дата обращения: 05.10.2026)

Protection of banking secrets and other legally protected financial information in the EAEU: problems and prospects for harmonization in the context of digitalization

Laboskin M.A.
RANEPA

The article is devoted to an analysis of the current state and prospects for harmonizing the legal regulation of the protection of banking and other legally protected financial information in the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of the digitalization of the financial sector. Based on a comparative legal analysis of the EAEU's contractual and legal framework and the national legislation of the member states, the main gaps in regulation have been identified. It is shown that digitalization — the spread of central bank digital currencies, digital financial assets, and regulatory sandboxes — creates fundamentally new risks for information protection, which require supranational coordination. Directions for harmonization are proposed. It is argued that the EU's experience can serve as a reference point, provided that implementation is carried out in stages with transitional periods.

Keywords: financial information, banking secrecy, personal data, cybersecurity, harmonization of legislation, digitalization.

References

1. Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 (as amended on November 21, 2023). [Electronic resource] // Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed: 05.10.2026).
2. The Concept for the Formation of a Common Financial Market of the Eurasian Economic Union: approved by the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 01.10.2019 No. 20 [Electronic resource] // Consultant Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334585/ (accessed: 05.10.2026).
3. Agreement on the Harmonization of the Legislation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the Field of Financial Markets, dated November 6, 2018. [Electronic resource] // KODEKS. – URL: https://docs.cntd.ru/document/564332914 (accessed: 05.10.2026).
4. Agreement on the exchange of information, including confidential information, in the financial sector in order to create conditions in financial markets to ensure the free movement of capital, dated 23.12.2014 [Electronic resource] // Consultant Plus. –RL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174011/ (accessed: 05.10.2026).
5. On the Development of the Eurasian Economic Union [Electronic resource] // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: mid.ru (access date: 05.10.2026).

Трансформация доктринальных идей в международном праве: эволюция механизмов и перспективы инклюзивной кодификации

Шипилова Евгения Павловна
старший преподаватель кафедры международно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский филиал имени В.Б. Бобкова, Российская таможенная академия, Shipilovaep@yandex.ru

Фрагментация международного права и медлительность официальных кодификационных процедур вынуждают научное сообщество брать на себя функцию первичной разработки правовых моделей. Исторический опыт такой «неофициальной кодификации» остаётся недостаточно систематизированным, что затрудняет её применение в новых сферах международно-правового регулирования.

Исследование систематизирует механизмы трансформации доктринальных разработок в международное право и обосновывает использование неофициальной кодификации. Для этого выделены и типологизированы механизмы, прослежена их эволюция с XIX по XXI век, определены ограничения неофициальной кодификации и предложена модель инклюзивной кодификации для новых отраслей.

Выделены три механизма: текстуальное заимствование, персональное экспертное влияние и институциональный консенсус (*opinio doctorum*). Показано, что наиболее устойчивым оказался институциональный механизм, реализованный через Институт международного права и Ассоциацию международного права. Выявлены три системных ограничения: политическая зависимость, евроцентризм и риск утопизма. Предложена модель инклюзивной кодификации.

Результаты применимы при разработке доктринальных документов научными ассоциациями, в правотворческой деятельности международных организаций, а также в учебных курсах по международному праву и правотворчеству.

Ключевые слова: трансформация доктрины, неофициальная кодификация, механизмы влияния, текстуальное заимствование, *opinio doctorum*, оговорка Мартенса, *Tallinn Manual 2.0*, Йорк-Антверпенские правила, эффективность кодификации, евроцентризм.

Введение

Традиционно считается, что единственным легитимным источником международно-правовых норм является согласованная воля государств. Исторический опыт показывает, что многие современные международно-правовые институты сначала появились в доктринальных трудах, а затем были имплементированы в позитивное право. Юристы играют ключевую роль в формировании международного права [1], но доктринальный авторитет сам по себе не превращает идею в обязательную норму — требуются эффективные механизмы. Системные проблемы, такие как неопределённость обычаев и правовые пробелы, препятствовали развитию права, что привело к появлению неофициальной кодификации.

Три этапа эволюции кодификационного мышления включают проект И. Бентама, систему Ф.Ф. Мартенса и деятельность Института международного права, которые подготовили почву для Гаагских конференций конца XIX века. Анализ этих этапов помогает понять методологию процесса.

Предлагается типология механизмов трансформации доктринальных идей в нормы, различающихся по субъекту, способу действия и степени институционализации. Современные проекты, такие как *Tallinn Manual 2.0* и Йорк-Антверпенские правила 2016 года, продолжают исторические модели.

В условиях фрагментации международного права неофициальная кодификация становится важным инструментом. Научное сообщество, как концептуальная лаборатория, предлагает правовые модели, способные стать обязательными нормами при благоприятных политических условиях. Этот механизм актуален и сегодня, когда официальные процедуры не всегда эффективны для решения новых международных вызовов.

Механизмы трансформации правовой доктрины в позитивное право

Исторический опыт доказывает значимость трех механизмов трансформации доктрины в нормы: прямое текстуальное заимствование, персональное влияние экспертов и институциональный консенсус. Эти механизмы могут действовать параллельно, усиливая друг друга. Они отражают переход от индивидуальных усилий к коллективному взаимодействию, как при подготовке Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов.

В случаях прямого текстуального заимствования, государства воспринимают авторитетный документ как законченный правовой акт и включают его в договор без изменений. Эффективность этого подхода зависит от двух факторов: авторитетности документа и соответствия его положений сложившимся или формирующимся обычным нормам.

Наиболее убедительный пример — подготовка Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов, чему предшествовала длительная нормативная преемственность неофициальных и официальных кодификационных актов.

Именно неспособность официальной дипломатии прийти к консенсусу на Брюссельской конференции 1874 года создала институциональный вакуум, который было призвано заполнить научное сообщество юристов-международников, а сам Брюссельский проект стал прямым предшественником доктринальных разработок. Эта конференция, созванная по инициативе России, одобрила Положение из 60 статей, но оно не было ратифицировано [2]. Провал показал, что политические разногласия препятствуют принятию обязывающего документа, однако сам факт разработки проекта подготовил почву для последующих усилий.

Интеллектуальной площадкой стал Институт международного права (IDI), учреждённый в 1873 году как выразитель правосознания цивилизованного мира. Важнейшим его достижением стало утверждение 9 сентября 1880 года Оксфордского руководства о законах и обычаях сухопутной войны. Как отмечают исследователи, научная работа Института сочеталась с практическими шагами по реализации принимаемых решений [3].

В отличие от Брюссельского проекта, задуманного как обязывающий договор, IDI сознательно придерживался тактики «мягкого права» (*soft law*). Предисловие к Руководству прямо указывает, что Институт не планировал заключение международного договора. В

тот момент такой договор считали «преждевременным или, по крайней мере, крайне затруднительным» [4, p. 156]. Документ предлагали в форме Руководства (*Manual*), чтобы он служил основой для национальных законодательных актов и использовался в военно-учебных заведениях. IDI выстроил дальнейшую работу в два этапа. Сначала Институт формировал авторитетный доктринальный стандарт, рассчитанный на постепенное формирование *opinio juris*. На втором этапе, при политической готовности, Институт планировал закрепить этот стандарт международным договором.

К рубежу XIX-XX веков, когда политические условия созрели для возобновления кодификационных усилий, научное сообщество уже располагало готовым, технически совершенным текстом, проверенным экспертами. Эта стратегия подтвердила свою действенность, и при подготовке Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов дипломаты в значительной степени опирались на Оксфордское руководство. Сопоставление текстов показывает практически дословное совпадение формулировок в ряде ключевых статей. Статья 4 Руководства ограничивает свободу воюющих, как и статья 22 Гаагской конвенции, а статья 6 запрещает вероломство (статья 23(b) Гаагского положения). Защита частной собственности на оккупированных территориях (статья 52 Руководства) стала основой статьи 46 Гаагского положения.

Такое заимствование показывает, насколько высоким был авторитет IDI. Высокий профессиональный уровень разработчиков укрепляли этот авторитет, поэтому государства воспринимали рекомендации Института как легитимное и авторитетное выражение содержания международного права. А.А. Дорская отмечает, что «в 1904 году Институт международного права был удостоен Нобелевской премии мира, что стало официальным признанием его вклада в развитие мирных инициатив и правового регулирования международных отношений» [5, с. 98].

С теоретической точки зрения этот процесс дает классический пример перехода «мягкого права» (soft law) в «твердое право» (hard law). К.У. Эбботт и Д. Снайдел отмечают, что «мягкое право» начинается там, где правовые нормы ослабляются по одному или нескольким параметрам, связанным с обязательностью, точностью и делегированием полномочий [6]. Оксфордское руководство, формально необязательное, отличалось высокой точностью формулировок и опиралось на авторитет IDI как институционального механизма. Гаагская конвенция закрепила эти нормы, придала им юридически обязательный статус и сохранила их точность.

Легитимность этого процесса опиралась на авторитет IDI, который поддерживали коллегиальное обсуждение, высокий профессиональный уровень его членов и открытость к различным правовым традициям. Процедурная легитимность компенсировала отсутствие формальной юридической силы, благодаря чему доктринальный текст лег в основу универсального договора. А.А. Дорская отмечает, что «резолюции IDI не имели формально-юридической обязательной силы, однако их авторитет был столь высок, что они фактически выполняли функцию доктринального источника международного права» [5, с. 100].

Современным продолжением этой традиции стал *Tallinn Manual 2.0*, подготовленный группой экспертов по приглашению Центра передового опыта НАТО по кибероборону. Подобно Оксфордскому руководству, этот документ способствует формированию *opinio juris* и поддерживает межгосударственный диалог о применении международного права в киберпространстве. М.Н. Шмитт отмечает, что *Tallinn Manual* отражает позицию экспертов, выступавших в личном качестве, хотя его подготовке содействовало неофициальное участие многих государств и более пятидесяти рецензентов [7]. Подготовка документа сопровождалась так называемым «Гаагским процессом», в ходе которого представители более 50 государств участвовали в неофициальных консультациях, что повысило легитимность итогового документа.

Второй механизм — персональное экспертное участие. Наиболее ярко его раскрывает деятельность Ф.Ф. Мартенса (1845-1909), соединявшая теоретическое осмысление права, практическую кодификацию и дипломатические усилия. Феномен «учёного-дипломата» стал действенным способом влияния неофициальной кодификации на официальное нормотворчество.

Методологическую платформу Ф. Мартенс заложил в труде «Современное международное право цивилизованных народов» (1882-1883), где историко-догматический метод сочетал фиксацию обычаев (*lex lata*) с выявлением тенденций развития права (*lex ferenda*). Мартенс исходил из того, что в основе развития человечества и международного права лежит не религия, а объективный исторический процесс непрерывного прогрессивного развития общества. Уже в своей работе «О праве частной собственности во время войны» (1869) Ф.Ф. Мартенс сформулировал гуманистические принципы, определившие его последующую деятельность. Как отмечает В.С. Иваненко, «Мартенс выступил против господства силы над правом, считая такие взгляды недостойными человека и пагубными для международной жизни» [8].

Апробацией этого метода стала деятельность Ф.Ф. Мартенса на Брюссельской конференции 1874 года, где он представил авторский проект Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Хотя конвенция не была принята из-за разногласий между великими державами, её проект позволил протестировать правовые формулы и выявить ключевые точки политического сопротивления, что подготовило почву для будущих Гаагских конвенций. Как отмечал сам Мартенс, «единственным действительным средством» ограничения бедствий войны «при современных международных отношениях может быть точное определение взаимных прав и обязанностей воюющих государств и их вооруженных сил» [9, с. 14].

Кульминацией персонального влияния Ф.Ф. Мартенса стала Первая Гаагская конференция мира 1899 года. Как подчеркивает В.В. Пустогаров, «Ф.Ф. Мартенс являлся фактически автором программы первой Гаагской конференции мира 1899 года, созванной по инициативе России и положившей историческое начало разоруженческому процессу, установлению правил ведения войны и мирного разрешения межгосударственных споров» [10]. Именно в ходе этой конференции появилось предложение, навсегда связанное с его именем. После того как бельгийский делегат от имени малых государств Европы заявил о необходимости внести уточнения в текст Конвенции, предоставляющие населению оккупированных государств право на вооруженное сопротивление, возникла реальная угроза срыва конференции. У Ф. Мартенса оставалась ночь на поиск выхода из этой ситуации. «И "гений фон Мартенса" (выражение патриарха гуманитарного права Жана Пикте) нашёл такой спасительный выход и нашёл блестяще» [8].

Ф.Ф. Мартенс выдвинул инициативу о включении в преамбулу Конвенции нормы, согласно которой в любых военных ситуациях, не охваченных конкретными договорными положениями, воюющие стороны обязаны действовать гуманно, руководствуясь принципами человечности. Это предложение вызвало единодушное одобрение делегатов, и Конвенция была принята консенсусом. Формулировка оговорки закрепляла: «в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющиеся остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [11, с. 534]. Эта доктринальная конструкция, предложенная одним учёным в критический момент переговоров, стала правовым фундаментом, предотвращающим возникновение вакуума в гуманитарном регулировании.

В формально-юридической плоскости оговорка Мартенса сочетает признаки нескольких источников права. При включении в преамбулу IV Гаагской конвенции 1907 года она имела договорный статус *lex scripta*, однако ссылка на законы человечности и требования общественного сознания связывала ее с общими принципами права. Позднее Международный Суд, в частности в Консультативном заключении по вопросу о ядерном оружии 1996 года, признал оговорку частью обычного международного права, отражающего *opinio juris*, что свидетельствует о ее переходе от договорной нормы к норме *erga omnes* [12].

Р. Тайсхерст выделяет три уровня толкования оговорки: узкое (напоминание о действии обычного права), широкое (отсутствие запрета не означает разрешения) и максимально широкое (оговорка как самостоятельный источник права) [13].

А. Кассезе пишет, что оговорка возникла как дипломатический трюк, который позволил великим державам и малым государствам выйти из переговорного тупика [14, p.158-160]. Ее значение оказалось шире этого частного вопроса. Оговорка создала механизм, при котором право сохраняется даже в тех случаях, когда государства не достигли соглашения. Его содержание при этом может быть выявлено и подтверждено доктринальным консенсусом *opinio doctorum*, а также правосознанием цивилизованных народов. С методологической точки зрения оговорка Мартенса дает уникальный

пример превращения доктринальной идеи в обязательную договорную норму благодаря личному авторитету эксперта. Ее особый статус связан с тем, что оговорку признали действующей правовой нормой, а не ограничили значением дипломатической декларации. Международный военный трибунал в Нюрнберге в приговоре по делу Круппа (1948) признал оговорку Мартенса «не просто благим пожеланием, а нормой, отражающей общепризнанные принципы международного права» [15].

Третий механизм — институционализация *opinio doctorum*, коллективного мнения научного сообщества, впоследствии кристаллизующегося в *opinio juris* государств. Реализованный в деятельности IDI и ILA, он означал переход от индивидуального авторитета учёного к институциональному консенсусу профессионалов. Основание IDI и ILA в 1873 году стало ответом на системный кризис: традиционные источники (обычай и двусторонние договоры) не обеспечивали определённость в условиях усложняющихся отношений. Как отмечает М. Коскенниеми, научное сообщество взяло на себя функцию цивилизатора, формулируя стандарты, которые государства не могли выработать самостоятельно [16, p. 52-68].

Устав IDI (1873) закрепил цель Института: «поощрение прогресса в международном праве... формулировать общие принципы науки... соответствующие правосознанию цивилизованного мира» [17]. IDI позиционировал себя как институциональный выразитель правосознания, призванный заполнить пробел, оставленный отсутствием эффективных механизмов официального нормотворчества.

П.Е. Казанский в исследовании «Институт международного права (1873-1893 гг.)» отмечает, что основная цель Института — через свободную работу выдающихся публицистов сформировать и выразить юридическое мнение просвещенного мира по международным вопросам, чтобы государства могли руководствоваться им в своей внешней политике [18]. Это отражает ключевую идею институционально-коллегиальной модели: превращение доктрины в практические рекомендации для государств.

Ассоциация международного права (ILA), основанная в 1873 году, действовала параллельно с IDI, но по другой методологии. В отличие от элитарного подхода IDI, ILA использовала механизмы снизу вверх: сбор эмпирических данных, учёт мнений практиков и широкое публичное обсуждение. Л. Оппенгейм отмечает, что «в 1873 году была образована Ассоциация для реформы и кодификации международного права, также периодически собирающаяся и ныне именующая себя Ассоциацией международного права» [2, с. 72]. Это было особенно эффективно в морском праве и международной торговле. Показательным успехом ILA стали Йорк-Антверпенские правила, хотя эти правила и не имеют статуса международного договора, регулируют отношения в сфере общей аварии в морском судоходстве уже более полутора веков. Их включают в коносаменты и чартер-партии, а суды и арбитражи признают наравне с договорными нормами. Многие ученые-правоведы отмечают, что это существенно ограничило необходимость применения национального законодательства в таких случаях [19].

Правила 2016 года приняли на 42-й конференции Международного морского комитета в Нью-Йорке. Они внесли ряд существенных изменений, среди которых новый порядок работы с денежными депозитами и уточнение полномочий диспашеров.

Opinio doctorum превращалось в *opinio juris* поэтапно, а каждый этап связывал сбор государственной практики с ее научным осмыслением и распространением согласованной позиции. IDI и ILA собирали разрозненную государственную практику, изучая обычаи, договоры и действия государств. В научных дискуссиях и комиссиях собранные материалы сопоставляли между собой, логически обобщали и очищали от противоречий. На этой основе вырабатывалась согласованная позиция, которую фиксировали в резолюциях или руководствах. Позицию распространяли через публикации, учебники и лекции. Особое место занимало участие членов Института в дипломатических конференциях в качестве экспертов. Ф.Ф. Мартенс отмечал, что доктрина часто предшествует практике и подготавливает ее, придавая случайным действиям характер правовой обязанности.

Статья 38 Статута Международного Суда ООН официально признала значение *opinio doctorum* и закрепила «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» среди вспомогательных средств для определения правовых норм [20]. Эта норма прямо признала институциональный авторитет *opinio doctorum*, источником которого в XIX веке служили такие «фабрики консенсуса», как IDI и ILA [5, с. 100].

М. Коскенниеми отмечает, что IDI и ILA вырабатывали консенсус и создавали авторитетное знание, которое легитимировало европоцентричный взгляд на мировой порядок [16, p. 52-68], хотя влияние этого механизма ограничивали политические интересы великих держав. Поэтому доктринальные проекты, радикально противоречившие интересам великих держав, не находили отклика. Столкновение правового идеализма с политическим реализмом очерчивало границы, в которых неофициальная кодификация сохраняла влияние.

В.В. Пустогаров заключает, что «Мартенс заслуженно занимает место среди создателей международного гуманитарного права в его двух направлениях — "права Женевы" и "права Гааги"» [10, с. 235]. Эта оценка относится и к IDI, и к ILA, поскольку их работа заложила институциональную основу для появления новых международно-правовых норм и их легитимации.

Третий механизм трансформации неофициальной кодификации в позитивное право, связанный с созданием *opinio doctorum* через институциональные структуры, оказался наиболее устойчивым и влиятельным в долгосрочной перспективе. Прямое заимствование положений IDI в Гаагские конвенции принесло единичный, хотя и блестящий результат. Персональное влияние, которое приобрела оговорка Мартенса, также осталось уникальным случаем. Институционализация экспертного консенсуса сформировала прообраз современной модели кодификации, унаследованной Комиссией международного права ООН. В рамках этой модели коллективная экспертиза предшествует межгосударственному согласованию и сопровождает его на последующих этапах. Такой подход доказал свою жизнеспособность и продолжает оставаться основным инструментом развития международного права в XXI веке.

Критерии оценки эффективности механизмов трансформации

Для системной оценки эффективности рассмотренных механизмов выделены три основных критерия, которые позволяют сопоставить потенциал каждого из них. Эти критерии выявлены на основе исторического опыта и теоретических подходов, изложенных в работах К. Эбботта и Д. Снайдела, посвященных концепции «мягкого права», М. Коскенниеми, рассматривающего институциональную легитимацию, и А. Бойла, исследующего международное правотворчество [21, p. 41-70].

Нормативно-прогностический критерий показывает, насколько доктринальный проект точно отражает существующие обычные нормы (*lex lata*) и обоснованно предлагает их дальнейшее прогрессивное развитие (*lex ferenda*). Критерий связан с точностью кодификации и научной добросовестностью, это важные ориентиры для правоприменителей в условиях нормативной неопределенности.

Особенно нормативно-прогностическая эффективность проявилась в деятельности и трудах Ф.Ф. Мартенса. Его систематизация обычаев и договоров, создала логичную систему норм, разделив на законы войны и мира. Что стало основой для развития права и надежным ориентиром для дипломатов и юристов до появления официальных сводов права.

Документ, подготовленный IDI после провала Брюссельской декларации, детально регламентирующий ведение войны, опережая формирующиеся обычаи, как Оксфордское руководство 1880 года и созданные на основе торговой практики ILA Йорк-Антверпенские правила, являются классическим примером кодификации, отражающее потребности оборота, показывающие высокую нормативно-прогностическую эффективность.

Коммуникативно-легитимирующий критерий оценивает способность неофициальных актов формировать мнение ученых-юристов *opinio doctorum*, влиять на практику международных отношений и мнение государств *opinio juris*. М. Коскенниеми отмечал, международное право — это «нежный цивилизатор народа», связывая его с взаимодействием политической воли и научной аргументацией [16, p. 1-8].

Доктрина действует мягко, убеждая, в отличие от принудительных методов. IDI лидирует по этому критерию, позиционируя себя как представительный орган международно-правовой доктрины, созданный учеными. Деятельность ILA также эффективна, особенно при разработке Йорк-Антверпенских правил, в отличии от Института работая снизу-вверх, собирая эмпирические данные, учитывая интересы практиков, результаты выносились на публичные обсуждения. Другой пример связан с самим термином «международное

право» (*international law*), который ввел И. Бентам. С точки зрения коммуникации и легитимации это принесло колоссальный успех. Термин быстро вытеснил прежнее понятие *law of nations* (право народов) и закрепился как универсальное обозначение всей дисциплины.

Институционально-трансформационный критерий показывает, насколько доктринальные разработки входят в официальное правотворчество на разных его стадиях, начиная с подготовки текстов и заканчивая формированием повестки кодификационных органов. Он фиксирует переход от необязательного права к обязательному. Классическим примером служит прямое текстуальное заимствование положений Оксфордского руководства при подготовке Гаагских конвенций. Сходное воздействие оказали проекты IDI и ILA в сфере морского и воздушного права, а также арбитража, повлияв на содержание соответствующих договоров.

На действие этого критерия указывает и участие экспертов в дипломатических конференциях. Члены IDI систематически работали на Гаагских конференциях 1899 и 1907 годов, Женевских конференциях, Парижской конференции 1919 года. Выступая одновременно в качестве ученых и дипломатов, они переводили доктринальные разработки на язык дипломатических соглашений, благодаря чему научные положения входили в процесс подготовки договорных норм. Как отмечает Р.А. Каламкарян, кодификация международного права всегда была продуктом взаимодействия доктрины и дипломатии, и XX век лишь институционализировал то, что стихийно сложилось в XIX веке [22, с. 12-15].

Применение этих критериев к рассмотренным примерам позволяет сделать вывод, что наиболее эффективным в долгосрочной перспективе оказался институциональный механизм, реализованный через IDI и ILA. Прямое заимствование из IDI в Гаагские конвенции было единичным, хотя и блестящим успехом; персональное влияние оговорка Мартенса — уникальным случаем; но институционализация экспертного консенсуса стала прообразом современной модели кодификации, унаследованной Комиссией международного права ООН.

Системные ограничения неофициальной кодификации

Анализ исторического опыта неофициальной кодификации позволяет также выявить и три системных ограничения, которые сохраняют свою актуальность и для современных проектов. Понимание этих ограничений необходимо для выработки практических рекомендаций по повышению эффективности неофициальной кодификации.

Политическая зависимость ограничивает успех кодификации: государства ратифицируют нормы, соответствующие их интересам. Пример Брюссельской декларации 1874 года показателен. А. Кассезе определяет, что препятствием стал статус участников: когда крупные державы не признали комбатантов на оккупированных территориях, малые — признали как законные, но, несмотря на уровень проработки, документ не был ратифицирован [14, p. 156-158]. Аналогично с Лондонской декларацией о морском праве 1909 года, детально регламентировавшей контрабанды и призового права, правила блокады, систематизировавшей обычное морское право, однако не ратифицированной Британией из-за давления доминионов, правительство усмотрело в ней ограничения своих военно-морских полномочий. Декларация так и не вступила в силу, хотя ее положения продолжают цитироваться в доктрине как выражение *opinio doctorum* начала XX века.

XII Гаагская конвенция о международной призовой палате 1907 года, подготовленная при участии IDI, должна была учредить первый постоянный международный суд для апелляций на решения национальных призовых судов. Однако Великобритания, опасаясь ограничений для своего морского могущества, отказалась её ратифицировать.

Неофициальная кодификация давала результат, когда оставляла за государствами политический выбор и предлагала готовые технические решения для сфер с минимальными политическими разногласиями либо для тех областей, где коммерческие интересы частных субъектов перевешивали сопротивление государства. Так действовали Йорк-Антверпенские правила, которым не требовалась ратификация. При попытке затронуть военно-стратегические или престижные интересы великих держав подобные инициативы почти неизбежно терпели провал.

Восприятие IDI как органа правосознания цивилизованного мира проводило границу между государствами: из одиннадцати основателей лишь один представлял неевропейское государство (Аргентину), а правовые системы Азии, Африки и Ближнего Востока не были представлены. М. Коскенниеми показывает, что язык цивилизации конструировал идентичность международного права и определял, кто вправе создавать универсальные нормы [16, p. 56-62].

Стандарт цивилизации служил инструментом легитимации колониального порядка. Под этим выражением понимали совокупность критериев, которым неевропейские государства должны были соответствовать, чтобы их признали полноправными субъектами международного права. А. Анги отмечает, что классическое международное право возникло в Европе и сохраняло имперскую структуру. Оно регулировало отношения между колониальными державами и тем самым оправдывало подчинение колонизируемых территорий [23]. Определенной попыткой смягчить евроцентризм стала оговорка Мартенса, включенная в преамбулу IV Гаагской конвенции 1907 года. А. Кассезе справедливо указывает, что ее первоначальная формулировка сохраняла ссылку на «установившимся между образованными народами обычаям». Такая редакция продлевала действие исключающего механизма в отношении неевропейских правовых традиций. Только в тексте 1907 года словосочетание «между образованными народами» исключили, что отражало постепенный, хотя и неполный, отказ от откровенно евроцентристской риторики [14, p. 159].

Евроцентризм не был единым: альтернативные проекты, такие как доктрина Кальво, учитывали опыт периферийных стран, борющихся с великими державами [24, p. 98-113]. Широкого признания оговорка не получила, но повлияла на Гаагскую конвенцию 1907 года, ограничившую применение силы для взыскания долгов, и показала возможность альтернативной правовой системы.

Еще одно ограничение связано с риском утопизма при попытке сбалансировать идеал и реальность. Явно он отражен в проекте И. Бентама. Он предлагал радикальные изменения международного права: международный суд с обязательной юрисдикцией, сокращение вооружений и отказ от колоний, универсальный кодекс. Однако проект изначально был утопичным, так как не учитывал политические реалии конца XVIII века и опережал свое время [27, p. 546-560].

Однако по критерию долговременности воздействия вклад И. Бентама был значительным. Его идеи международного суда, кодификации и ограничения суверенитета в пользу универсальных принципов оказали влияние на проекты Лиги Наций и ООН. В этом смысле проект обладал не сиюминутной, а отложенной эффективностью — его влияние проявилось спустя десятилетия. Сравнение с прагматичным подходом Ф.Ф. Мартенса здесь показательно. В долгосрочной перспективе оба проекта оказали значительное влияние: И. Бентам — на уровне метаюридических идей, Ф.Ф. Мартенс — на уровне конкретных институтов и доктринальных конструкций. IDI в целом удавалось удерживать баланс между идеалом и реальностью, придерживаясь научно-прагматического подхода.

Модель инклюзивной неофициальной кодификации

На основе анализа системных ограничений и сохраняющихся проблем современного международного правотворчества модель, состоящая из пяти, интегрирующая сильные стороны институционально-коллегиальной модели (коллегиальность, авторитетность, практическая применимость) с требованием инклюзивности, что позволяет преодолеть системное ограничение, выявленное при анализе.

1. Идентификация правового вакуума или фрагментированной практики. Научное сообщество через профильные ассоциации (Российская ассоциация международного права, Международная ассоциация международного права и др.) выявляет сферы, требующие кодификационного оформления. Н.В. Остроухов и Ю.С. Ромашев отмечают: что появляются новые международно-правовые институты и отрасли, нормы которых будут испытывать потребность в кодификации. Одновременно будут формироваться новые и видоизменяться старые обычные нормы международного права, что неизбежно потребует их кодификации [25].

2. Создание инклюзивной экспертной группы. Формат закрытых групп (*Tallinn Manual*) предлагается заменить открытыми с участием представителей разных правовых систем и региональных школ, включая специалистов из развивающихся стран, что поможет преодолеть евроцентризм. Как подчеркивал А.П. Мовчан, кодификация

содействует установлению «на экономически и политически созревшей основе – более точного содержания универсальных международных договоров» [26]. Особое внимание — экспертам из стран БРИКС, Азии, Африки и Латинской Америки.

3. Разработка проекта (доктринальный этап). На доктринальном этапе готовят проект документа, широко обсуждают его на международных научных форумах, публикуют предварительные версии и собирают комментарии государств и научного сообщества. Современные цифровые платформы делают этот процесс максимально открытым. Доктрина справедливо отмечает, что проекты, которые не воплотились в конвенциях, объективно влияют на практику правоприменения.

4. Проверка практикой государств. На этом этапе документ целенаправленно используют при заключении договоров, вынесении судебных решений и разработке национального законодательства. Такой подход позволяет проверить, сохраняют ли доктринальные разработки жизнеспособность в реальных условиях. Йорк-Антверпенские правила служат удачным примером. Международным договором они не стали, однако в торговом мореплавании стороны применяют их на основании соглашения. За использованием документа систематически наблюдают и собирают отзывы практикующих юристов и государственных органов.

5. Институционализация. Наиболее удачные положения включают в механизмы КМП или закрепляют в универсальных договорах. Кодификационный процесс допускает разные формы завершения (проекты конвенций, выводы, руководящие принципы). «Мягкое право» не свидетельствует о слабости регулирования: его гибкость позволяет быстрее реагировать на изменения. И.И. Лукашук рассматривал кодификацию как средство обновления международного права [1, с. 128].

Применимость модели подтверждается современными процессами цифрового регулирования. Например в таможенной сфере стандарты ВТО и алгоритмические системы выполняют функции неофициальной кодификации: выявление правовых пробелов (цифровые правонарушения), формирование инклюзивных групп, разработка гибридных моделей регулирования, практическая проверка и дальнейшее закрепление в международных договорах и законодательствах. Этот пример показывает, что модель работает, когда официальные процессы отстают от динамики общественных отношений. Современные проекты неофициальной кодификации требуют инклюзивного участия разных правовых систем.

Заключение.

Неофициальная кодификация эволюционировала от философских идей к коллективным консенсусам. Институционально-коллегиальная модель эффективна, но и имеет ограничения.

Современные проекты, такие как *Tallinn Manual 2.0* и Йорк-Антверпенские правила, сохраняют методологическую преемственность, но сталкиваются с проблемами признания. Предложенная модель инклюзивной кодификации предлагает практический механизм, адаптирующий исторический опыт для решения современных проблем, например таких как киберпространство, биотехнологии и другие. Неофициальная кодификация сохраняет значимость благодаря гибкости и оперативности, восполняя правовые пробелы, когда официальные механизмы недостаточно оперативны в условиях быстро меняющегося многополярного мира.

Литература

1. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.

2. Оппенгейм Л. Международное право: пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом / под ред. и пред. С.Б. Крылова. — М.: Госуд. изд-во иностранной литературы, 1948. — Т. I. Полутом 1. — 410 с.

3. Третьякова Е.С. Роль и значение международной неправительственной организации Институт международного права в XIX веке // Genesis: исторические исследования. — 2017. — № 2. — С. 30-38.

4. Oxford Manual of the Laws of War on Land (1880) // Annuaire de l'Institut de Droit International. — 1881-1882. — Vol. 5. — P. 156-174.

5. Abbott K.W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. — 2000. — Vol. 54. — No. 3. — P. 421-456.

6. Schmitt M.N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 598 p.

7. Иваненко В.С. Непреходящее значение оговорки Мартенса, её истоки, причины и последствия: взгляд из России // Международный журнал Красного Креста. — 2022. — 24 августа. — URL: https://www.icrc.org/ru/document/

8. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — СПб., 1882. — Т. I. — 432 с.

9. Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс: юрист, дипломат. — 2-е изд., доп. — М.: Международные отношения, 1999. — 286 с.

10. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (1907) // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. — Т. 2. — С. 534-555.

11. Консультативное заключение Международного Суда ООН о законности угрозы ядерным оружием или его применения (1996) // ICJ Reports. — 1996. — P. 226-267.

12. Тайсхёрст Р. Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. — 1997. — № 317. — С. 55-78.

13. Cassese A. International Law. — 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 584 p.

14. Приговор Международного военного трибунала по делу Круппа (1948) // Law Reports of Trials of War Criminals. — London: HMSO, 1949. — Vol. X. — P. 123-145.

15. Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870-1960. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 584 p.

16. Устав Института международного права (1873) // Annuaire de l'Institut de Droit International. — Gand: Imprimerie C. Annoot-Braeckman, 1877. — Vol. 1. — P. 5-7, 17-31.

17. Казанский П.Е. Институт международного права (1873-1893 гг.). — Казань: тип. т-ва Печенкина и К°, 1893. — 51 с.

18. Фатуллаев Э.С., Медведев М.Р. Анализ Йорк-Антверпенских правил об общей аварии в редакции 2016 года // Инновации. Наука. Образование. — 2020. — № 14. — С. 192-197.

19. Статут Международного Суда ООН // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. — Т. 1. — С. 797-811.

20. Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — P. 41-70.

21. Каламкарян Р.А. Кодификация международного права и современный миропорядок. — М.: Наука, 2008. — 240 с.

22. Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 356 p.

23. Calvo C. Derecho internacional teórico y práctico de Europa y América. — Paris: D'Amyot, 1868. — T. 1. — P. 98-113.

24. Остроухов Н.В., Ромашев Ю.С. О кодификации международного права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 3. — С. 217-224.

25. Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. — М.: Юрид. лит., 1972. — 216 с.

26. Bentham J. Plan of an Universal and Perpetual Peace. 1786-1789 // The Works of Jeremy Bentham / ed. by J. Bowring. — Edinburgh: William Tait, 1843. — Vol. 2. — P. 546-560.

27. Cassese A. The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? // European Journal of International Law. — 2000. — Vol. 11, No. 1. — P. 187-216.

Transformation of doctrinal ideas in international law: evolution of mechanisms and prospects of inclusive codification

Shipilova E.P.

St. Petersburg Branch named after V.B. Bobkov Russian Customs Academy

The fragmentation of international law and the slowness of official codification procedures force the academic community to take on the function of initially developing legal models. The historical experience of such “unofficial codification” remains insufficiently systematized, which hinders its application in new areas of international legal regulation.

The goal and objectives of the work are to systematize the mechanisms for transforming doctrinal developments into binding norms of international law and to substantiate the practical possibilities of using unofficial codification in modern conditions. To achieve the goal, it was necessary to identify and typologize these mechanisms, trace their evolution based on material from the 19th–21st centuries, determine the systemic limitations of informal codification, and propose a model of inclusive codification for new industries.

Methods: historical and legal analysis, comparative legal method, systemic approach, analysis of specific examples (Oxford Manual 1880, York-Antwerp Rules, Tallinn Manual 2.0).
Results. Three mechanisms have been identified: textual borrowing, personal expert influence, and institutional consensus (opinio doctorum). It has been shown that the most stable mechanism is the institutional one, implemented through the Institute of International Law and the International Law Association. Three systemic limitations have been identified: political dependence, Eurocentrism, and the risk of utopianism. A model of inclusive codification has been proposed.
Scope of application. The results are applicable in the development of doctrinal documents by scientific associations, in the law-making activities of international organizations, as well as in training courses on international law and law-making.
Keywords: doctrine transformation, unofficial codification, mechanisms of influence, textual borrowing, opinio doctorum, Martens clause, Tallinn Manual 2.0, York-Antwerp Rules, effectiveness of codification, Eurocentrism.

References

1. Lukashuk I.I. International Law. General Part: a textbook for students of law faculties and universities. — 3rd ed., revised and expanded. — Moscow: Wolters Kluwer, 2005. — 432 p.
2. Oppenheim, L. International Law: translated from the 6th English edition, revised by G. Lauterpacht / edited and prefaced by S.B. Krylov. — Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannoy literatury, 1948. — Vol. I. Half-volume 1. — 410 p.
3. Tretyakova, E.S. The Role and Significance of the International Non-Governmental Organization the Institute of International Law in the 19th Century // Genesis: Historical Research. — 2017. — No. 2. — Pp. 30-38.
4. Oxford Manual of the Laws of War on Land (1880) // Annuaire de l'Institut de Droit International. — 1881-1882. — Vol. 5. — Pp. 156-174.
5. Abbott K.W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. — 2000. — Vol. 54. — No. 3. — Pp. 421-456.
6. Schmitt M.N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 598 p.
7. Ivanenko V.S. The Enduring Significance of the Martens Clause, Its Origins, Causes, and Consequences: A View from Russia // International Review of the Red Cross. — 2022. — August 24. — URL: https://www.icrc.org/ru/document/
8. Martens F.F. Modern International Law of Civilized Nations. — St. Petersburg, 1882. — Vol. I. — 432 p.
9. Pustogarov V.V. Fyodor Fyodorovich Martens: Lawyer, Diplomat. — 2nd ed., revised. — Moscow: International Relations, 1999. — 286 p.
10. IV Hague Convention respecting the Laws and Customs of War on Land (1907) // Current international law: in 3 vols. / compiled by Yu. M. Kolosov, E.S. Krivchikova. — Moscow: MNEPU Publishing House, 1997. — Vol. 2. — Pp. 534-555.
11. Advisory opinion of the International Court of Justice on the legality of the threat or use of nuclear weapons (1996) // ICJ Reports. — 1996. — Pp. 226-267.
12. Tyschurst R. Martens Clause and the Law of Armed Conflicts // International Review of the Red Cross. — 1997. — No. 317. — Pp. 55-78.
13. Cassese A. International Law. — 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 584 p.
14. Verdict of the International Military Tribunal in the Krupp Case (1948) // Law Reports of Trials of War Criminals. — London: HMSO, 1949. — Vol. X. — Pp. 123-145.
15. Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870-1960. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 584 p.
16. Statute of the Institute of International Law (1873) // Annuaire de l'Institut de Droit International. — Gand: Imprimerie C. Annoot-Braeckman, 1877. — Vol. 1. — Pp. 5-7, 17-31.
17. Kazansky P.E. Institute of International Law (1873–1893). — Kazan: Printing House of Pechenkin and Co., 1893. — 51 p.
18. Fatullaev E.S., Medvedev M.R. Analysis of the York-Antwerp Rules on General Average in the 2016 Revision // Innovations. Science. Education. — 2020. — No. 14. — Pp. 192-197.
19. Statute of the International Court of Justice // Current International Law: in 3 vols. / compiled by Yu. M. Kolosov, E. S. Krivchikova. — Moscow: MNEPU Publishing House, 1997. — Vol. 1. — Pp. 797-811.
20. Boyle A., Chinkin C. The Making of International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — P. 41-70.
21. Kalamkaryan R.A. Codification of International Law and the Modern World Order. — Moscow: Nauka, 2008. — 240 p.
22. Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 356 p.
23. Calvo C. Derecho internacional teórico y práctico de Europa y América. — Paris: D'Amyot, 1868. — T. 1. — P. 98-113.
24. Ostroukhov N.V., Romashev Yu.S. On the codification of international law // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences. — 2014. — No. 3. — Pp. 217-224.
25. Movchan A.P. Codification and Progressive Development of International Law. — Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1972. — 216 p.
26. Bentham J. Plan of an Universal and Perpetual Peace. 1786-1789 // The Works of Jeremy Bentham / ed. by J. Bowring. — Edinburgh: William Tait, 1843. — Vol. 2. — Pp. 546-560.
27. Cassese A. The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? // European Journal of International Law. — 2000. — Vol. 11, No. 1. — Pp. 187-216.

Проблемы учения о вменяемости и невменяемости в уголовном праве Российской Федерации

Борисевич Михаил Михайлович
канд. юрид. наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и права Московского международного университета, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры Государственного управления и права Московского международного университета, i.pyatckevich@yandex.ru

В статье исследуется связь психического состояния лица с его способностью осознавать собственное поведение, руководить им в момент деяния. На материале российских публикаций 2022–2025 гг. сопоставлены доктринальные определения вменяемости с положениями ст. 19–22 УК РФ. Цель исследования состоит в установлении оснований разграничения рассматриваемых состояний, определении проблем их уголовно-правовой оценки. Анализ источников проведен с использованием сравнительного метода, классификации, юридического толкования. Установлено, что расхождения затрагивают содержание вменяемости, оценку степени нарушения психических функций, учет расстройства при назначении наказания. Предложена последовательность оценки, связывающая клинические сведения с влиянием расстройства на конкретное поведение, последующим определением правового статуса лица. Рассмотрено самостоятельное основание применения ч. 3 ст. 20 УК РФ к несовершеннолетним с непатологическим отставанием в психическом развитии. Результаты могут использоваться при анализе мотивировки судебных решений, согласовании экспертных выводов с критериями уголовного закона.

Ключевые слова: вменяемость, невменяемость, субъект преступления, психическое расстройство, ограниченная вменяемость, судебно-психиатрическая экспертиза, уголовная ответственность, возрастная невменяемость.

Введение

Статья 19 УК РФ относит вменяемость к общим условиям уголовной ответственности, ее содержание раскрывается в нормах о психическом состоянии лица во время совершения деяния. При разрешении вопроса об ответственности устанавливается способность осознавать фактический характер и общественную опасность собственного поведения, руководить им. Связь этой способности с психическим расстройством получает правовую оценку по ст. 21, 22 УК РФ. Для несовершеннолетних отдельное значение имеет уровень психического развития, предусмотренный ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Законодательное описание невменяемости послужило основой для нескольких доктринальных трактовок вменяемости. В работах А. А. Житкова [4], Н. А. Ковтун, Д. С. Торопова [6] ее определение рассматривается через признаки субъекта преступления, содержание смежных норм. Изучение этих трактовок связано с вопросом о том, какие сведения о психике приобретают юридическое значение. Диагноз характеризует состояние здоровья, вывод о вменяемости относится к способности лица отвечать за конкретное поведение. Переход между этими оценками составляет предмет разногласий, исследованных Д. Ю. Кузнецовым [7].

Цель статьи – установить основания разграничения вменяемости, невменяемости, ограниченной способности к осознанному поведению, определить проблемы их уголовно-правовой оценки. Для этого сопоставляются определения рассматриваемых категорий, систематизируются критерии оценки психического состояния, исследуется связь экспертных выводов с правовыми последствиями. Предлагаемый подход сосредоточен на обосновании перехода от сведений о психике к оценке способности лица в момент деяния.

Материалы и методы

Источниковую основу составили российские научные публикации 2022–2025 гг., посвященные признакам субъекта преступления, уголовно-правовому значению психических состояний. Доктринальные определения изучались по работам о вменяемости, критериях невменяемости [2–8]. Учет психического расстройства при назначении наказания рассмотрен по публикации Р. В. Беличенко [1], более широкий круг психоэмоциональных состояний – по исследованию В. В. Порайко [9]. Анализ положения несовершеннолетних опирался на работу М. И. Синяевой, И. О. Макеевой [10]. Нормативную основу образовали ст. 19–22 УК РФ. Количественные сведения о применении принудительных мер медицинского характера использованы по публикации М. Й. Муркштис [8].

При сопоставлении источников учитывалось, какое значение авторы придают состоянию психики, его влиянию на поведение. Определения соотносились с условиями применения соответствующей нормы УК РФ. Классификация строилась по основанию нарушения способности к осознанному поведению, степени ее сохранности. Отдельно анализировались положения о компетенции эксперта, правовой оценке заключения. Это разграничение использовано при формулировании последовательности оценки психического состояния лица.

Результаты

Содержание вменяемости в исследованных работах выводится из способности лица к осознанному волевому поведению. Отсутствие самостоятельной законодательной дефиниции рассматривается в публикации Н. А. Ковтун, Д. С. Торопова [6] как вопрос о критериях признака субъекта преступления. У А. А. Житкова [4] акцент перенесен на понятийную связь вменяемости с невменяемостью. Доктринальные расхождения, систематизированные Д. Ю. Кузнецовым [7], затрагивают юридическое содержание категории. Эти позиции сближает обращение к сохранности психических функций в период совершения деяния.

Конструкция ст. 21 УК РФ связывает невменяемость с болезненным состоянием психики, вследствие которого лицо утратило способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Медицинский критерий включает хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики. Перечень устанавливает круг состояний, имеющих значение

для применения нормы, их влияние на поведение раскрывается через юридический критерий. В исследовании В. В. Денисович [2] медицинская характеристика служит основанием оценки нарушения психической деятельности. Связь болезненного состояния с утратой осознания либо управления поведением рассматривается также О. А. Елисеевой [3].

Интеллектуальный элемент юридического критерия относится к пониманию содержания совершаемого деяния, его общественной опасности. Волевой элемент характеризует возможность руководить действиями с учетом осознаваемых обстоятельств. Союз «либо» в ст. 21 УК РФ придает самостоятельное значение утрате каждой из этих способностей. Отсюда следует раздельная оценка осознания ситуации, контроля над поведением. Вывод о сохранности интеллектуальной функции описывает лишь соответствующую часть юридического критерия [2, 3].

Указание на момент общественно опасного деяния в ст. 21 УК РФ задает временные границы оценки. Клинические сведения соотносятся с проявлениями расстройства именно в этот период. Здесь диагноз используется для объяснения болезненной основы нарушения, правовой вывод опирается на установленное воздействие болезни на способность осознавать деяние либо руководить им [2, 3, 5].

Для применения ст. 22 УК РФ также устанавливается влияние психического расстройства на поведение, степень нарушения выражена ограничением соответствующей способности. Лицо остается вменяемым, подлежит уголовной ответственности. В работах Н. А. Ковтун, Д. С. Торопова [6] рассматриваются основания ответственности в подобных случаях. Исследование Р. В. Беличенко [1] посвящено учету установленного состояния при выборе наказания. Терминологическая сторона вопроса раскрыта А. А. Житковым [4] через употребление понятий ограниченной, уменьшенной вменяемости.

Степень нарушения психической функции служит основанием разграничения ст. 21, 22 УК РФ. В ст. 22 законодатель описывает ограниченную способность осознавать деяние либо руководить поведением, оставляя ее конкретную выраженность предметом исследования состояния лица. Применение качественного критерия связано с описанием того, как проявлялось расстройство в юридически значимый период. Клинические сведения получают правовое значение после установления их связи с сохранностью осознания либо волевого контроля [1, 5, 8].

Часть 2 ст. 22 УК РФ связывает установленное расстройство с назначением наказания, допускает применение принудительных мер медицинского характера. Обязанность учитывать состояние психики закреплена непосредственно в законе. Конкретное значение ограничения способности определяется при индивидуализации наказания. В исследовании Р. В. Беличенко [1] этот вопрос рассматривается через соотношение кары, гуманизма уголовной ответственности. Предмет оценки здесь включает связь расстройства с совершенным преступлением, степень сохранности способности лица управлять поведением.

При невменяемости уголовная ответственность за деяние, совершенное в соответствующем состоянии, исключается. В теоретическом объяснении О. А. Елисеевой [3] последствие связано с отсутствием признака субъекта преступления. Возможность назначения принудительных мер медицинского характера предусмотрена ч. 2 ст. 21 УК РФ. Решение об их применении принимается на закрепленных законом основаниях, которые устанавливаются при оценке состояния лица.

Положение несовершеннолетнего по ч. 3 ст. 20 УК РФ обусловлено непатологическим отставанием в психическом развитии. Норма применяется к лицу, достигшему предусмотренного законом возраста, чье отставание повлияло на способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность действий либо руководить ими во время деяния. Уголовная ответственность в этом случае исключается. В работе М. И. Синяевой, И. О. Макеевой [10] основания применения нормы исследуются через категорию возрастной невменяемости. Непатологическая природа отставания составляет самостоятельное условие, сохраняющее значение при оценке функционального ограничения.

Возрастной критерий в классификации М. Й. Муркштис [8] включен в оценку наряду с медицинским, юридическим. Его использование связано с разграничением достигнутого возраста, фактического психического развития несовершеннолетнего. Содержание ч. 3 ст. 20 УК РФ предполагает исследование развития применительно к конкретному поведению подростка. Для квалификации состояния устанавливается происхождение отставания, затем его влияние на осознание деяния либо управление действиями [8, 10].

Судебно-психиатрическое исследование дает специальные сведения о состоянии лица. В публикации О. В. Журкиной [5] его значение раскрывается при разграничении вменяемости, невменяемости, состояния по ст. 22 УК РФ. Эксперт оценивает клинические проявления расстройства, их воздействие на психические функции. Суд соотносит заключение с другими доказательствами, определяет правовое значение установленных обстоятельств. Распределение этих задач связано с различным предметом оценки на каждом этапе.

При ретроспективном исследовании медицинские документы сопоставляются с данными о поведении лица, обстоятельствах деяния. Результаты позднейшего клинического обследования соотносятся с восстановленной картиной события. Обоснование вывода зависит от согласованности сведений, по которым можно судить о проявлении расстройства в исследуемый период. Установив болезненную основу нарушения, эксперт раскрывает ее функциональное выражение, полученное описание соотносится с уголовно-правовым критерием [2, 3, 5].

Вопрос о психоэмоциональных состояниях расширяет круг сведений, учитываемых при оценке поведения. Работа В. В. Порайко [9] связывает их уголовно-правовое значение с назначением наказания. При рассмотрении вменяемости значение получает воздействие состояния на осознание деяния, волевой контроль. Правовая оценка эмоционального напряжения определяется условиями соответствующего института. Отнесение состояния к болезненному нарушению психики обосновывается специальными сведениями о его природе [2, 9].

В статистике, приведенной М. Й. Муркштис, за 2019 г. зарегистрировано 8326 случаев применения принудительных мер медицинского характера, за 2020 г. – 7657, за 2021 г. – 8234. Для дел о кражах указаны соответственно 2169, 1998, 2200 случаев [8, с. 297]. Интерпретация этих величин ограничивается содержанием учетной категории применения медицинских мер. Частота отдельных психических расстройств устанавливается по их распределению среди обследованных лиц, что составляет отдельный предмет статистического наблюдения.

При сохранности осознанной волевой регуляции устанавливается вменяемость. Ограничение соответствующей способности вследствие психического расстройства оценивается по ст. 22 УК РФ, ее утрата по основаниям ст. 21 – как невменяемость. Еще один вариант закреплен ч. 3 ст. 20 для несовершеннолетнего с непатологическим отставанием в развитии. Полученная классификация охватывает четыре правовых состояния, каждое из которых определяется сочетанием происхождения нарушения, его влияния на поведение. Сходное описание ограниченной способности в отдельных нормах сопровождается собственными условиями применения, правовыми последствиями.

Обсуждение

Зависимость доктринального определения вменяемости от нескольких положений УК РФ объясняет обращение исследователей к законодательной дефиниции [4, 6, 7]. Содержание предполагаемого определения связывается с сохранностью способности к осознанному поведению. При подобной формулировке наличие психического расстройства оценивается через фактическое влияние на эту способность. Обсуждение дефиниции приобретает предметный характер, когда уточняется ее место в системе уже действующих норм, связь с юридическим критерием. Само закрепление термина оставляет открытым вопрос о доказательственном обосновании состояния конкретного лица.

В разграничении ст. 21, 22 УК РФ центральное место занимает мотивировка вывода о степени нарушения. Указание на выраженность симптомов получает юридическое значение через описание их проявления в обстоятельствах деяния. Для оценки осознания существенна связь клинических сведений с тем, как лицо воспринимало собственные действия, их общественную опасность. Вопрос о волевом контроле относится к возможности руководить поведением в исследуемой ситуации. Подробность клинического описания, точность этой связи характеризуют разные стороны обоснования. Предлагаемый порядок анализа сосредоточивает внимание на переходе между ними.

Термин «ограниченная вменяемость» обозначает состояние по ст. 22 УК РФ, степень сохранности психических функций остается предметом самостоятельного описания [1, 4, 8]. Через интеллектуальное нарушение раскрывается понимание деяния, исследование волевой сферы относится к возможности управлять действием. При сочетании нарушений устанавливается их совместное проявление в поведении. В научном тексте обобщающий термин обозначает институт, при анализе конкретного состояния его содержание раскрывается через ограниченную способность.

При анализе экспертного заключения прослеживается связь специальных сведений с правовым выводом. Описание воздействия симптомов на поведение дает суду основания оценить соответствие состояния нормативному критерию. В этой части содержание заключения становится доступным для юридической аргументации. Отдельного рассмотрения заслуживает временная привязка сведений, особенно при исследовании состояния после события. Чем полнее восстановлены его проявления в период деяния, тем определеннее основания для оценки интеллектуально-волевой способности. Предмет дальнейшей разработки здесь – способы обоснования ретроспективного вывода с учетом доступных данных.

Индивидуализация наказания по ст. 22 УК РФ связана с оценкой значения уже установленного ограничения. Сопоставление работ Р. В. Беличенко [1], В. В. Порайко [9] ставит вопрос о том, как сведения о психическом состоянии отражаются в судебной мотивировке. Анализ решений может показать, какую роль суд придает воздействию расстройства на совершенное преступление, как объясняет выбор наказания. Для исследования этой связи пригодны выборки, в которых экспертная характеристика состояния соотнесена с мотивами решения. Совокупные сведения о применении медицинских мер характеризуют другой уровень практики – объем соответствующей категории дел.

В отношении несовершеннолетних функциональная оценка дополняется исследованием происхождения отставания в развитии. Обозначение «возрастная невменяемость», используемое М. И. Синяевой, И. О. Макеевой [10], отражает принятый в литературе способ описания института. Применение ч. 3 ст. 20 УК РФ обусловлено непатологической природой отставания, его влиянием на способность подростка в период деяния. Совместное использование психологических, психиатрических сведений относится к обоснованию этих условий. Исследовательский интерес представляет описание конкретных проявлений развития, которые могут быть соотнесены с поведением несовершеннолетнего.

Предложенная последовательность оценки организует аргументацию по конкретному состоянию в пределах доступных сведений о юридически значимом периоде. Проверить ее применение можно по судебным решениям, где экспертная характеристика соотнесена с оценкой способности лица, назначенным наказанием либо медицинской мерой. Анализ мотивировки даст основания установить, какие звенья обоснования раскрываются подробно, где сохраняются пробелы.

Заключение

Разграничение рассматриваемых состояний определяется происхождением нарушения, степенью сохранности способности к осознанному волевому поведению в момент деяния. Болезненное состояние психики получает уголовно-правовое значение через его установленное воздействие на эту способность. Для несовершеннолетних самостоятельное основание оценки образует непатологическое отставание в психическом развитии. Учет происхождения нарушения сохраняет границы соответствующих норм при близком содержании используемого функционального критерия.

Основной результат исследования – последовательность обоснования правового вывода, в которой клинические сведения соотносятся с проявлением нарушения в конкретном поведении. По этой связи определяется состояние лица, оцениваются предусмотренные законом последствия.

Литература

1. Беличенко Р. В. Кара и гуманизм уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 65–69. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69.

2. Денисович В. В. К вопросу о медицинских критериях невменяемости в уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 2 (18). С. 46–52. DOI 10.47475/2409-4102-2022-10207.

3. Елисеева О. А. Теоретические основы невменяемости // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 229–231. DOI 10.47643/1815-1337_2022_2_229.

4. Житков А. А. К вопросу о понятии вменяемости в уголовном праве // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 3 (23). С. 142–147. DOI 10.46741/2713-2811.2023.23.3.017.

5. Журкина О. В. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 9А. С. 288–293.

6. Ковтун Н. А., Торопов Д. С. Вменяемость и ее критерии в теории и практике применения уголовного законодательства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 2 (14). С. 39–44.

7. Кузнецов Д. Ю. Доктринальные проблемы осмысления уголовно-правовой категории невменяемости // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4. С. 345–351. EDN WXZAHV.

8. Муркштис М. Й. Теоретические аспекты вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости субъекта преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 295–302. DOI 10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302.

9. Порайко В. В. Уголовно-релевантные психоэмоциональные состояния личности: проблемы учета при назначении наказания // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 10. С. 131–142. DOI 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142.

10. Синяева М. И., Макеева И. О. Возрастная невменяемость и ее уголовно-правовые последствия // Юридическая психология. 2024. № 3. С. 32–36. DOI 10.18572/2071-1204-2024-3-32-36.

Problems of the doctrine of sanity and insanity in the criminal law of the Russian Federation

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.
Moscow International University

The article examines how a person's mental condition affects the capacity to understand and control conduct at the time of an act. Russian publications from 2022–2025 are used to compare doctrinal definitions of sanity with Articles 19–22 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study aims to identify the grounds for distinguishing the conditions under review and the problems involved in their legal assessment. The sources are examined through comparative analysis, classification and legal interpretation. The analysis identifies disagreements concerning the meaning of sanity, the degree of impairment of mental functions and the consideration of mental disorders in sentencing. A sequence of assessment is proposed that connects clinical findings with their effects on specific conduct and the subsequent determination of legal status. The separate grounds for applying Article 20(3) to minors with non-pathological developmental delay are also examined. The findings may inform the analysis of judicial reasoning and the assessment of expert conclusions against criminal-law criteria.

Keywords: sanity, insanity, offender, mental disorder, diminished responsibility, forensic psychiatric examination, criminal liability, age-related incapacity.

References

1. Belichenko R. V. Retribution and humanism of criminal responsibility of persons with diminished responsibility. Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (95). Pp. 65–69. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69.
2. Denisovich V. V. On the issue of medical criteria of insanity in criminal law. Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2022. No. 2 (18). Pp. 46–52. DOI 10.47475/2409-4102-2022-10207.
3. Eliseeva O. A. Theoretical foundations of insanity. Law and State: The Theory and Practice. 2022. No. 2 (206). Pp. 229–231. DOI 10.47643/1815-1337_2022_2_229.
4. Zhitkov A. A. On the sanity concept in criminal law. Ius Publicum et Privatum. 2023. No. 3 (23). Pp. 142–147. DOI 10.46741/2713-2811.2023.23.3.017.
5. Zhurkina O. V. Sanity and insanity in criminal law. Matters of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 9A. Pp. 288–293.
6. Kovtun N. A., Toropov D. S. Sanity and its criteria in the theory and practice of application of criminal law. Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 7. No. 2 (14). Pp. 39–44.
7. Kuznetsov D. Yu. Doctrinal problems of understanding the criminal-law category of insanity. Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. No. 4. Pp. 345–351. EDN WXZAHV.
8. Murkshtis M. Y. Theoretical aspects of sanity, insanity and limited sanity of crime subject. Current Issues of the State and Law. 2023. Vol. 7. No. 2. Pp. 295–302. DOI 10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302.
9. Porayko V. V. Criminally relevant psycho-emotional states of a person: problems of consideration in sentencing. Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 10. Pp. 131–142. DOI 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142.

Проблемы учения о неоконченном преступлении в уголовном праве Российской Федерации

Борисевич Михаил Михайлович
канд. юрид. наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и права Московского международного университета, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры Государственного управления и права Московского международного университета, i.pyatckevich@yandex.ru

Предмет статьи образуют положения российского уголовного права о приготовлении к преступлению, покушении на преступление, границах уголовной ответственности за деяние, прерванное до юридического окончания. Актуальность исследования определяется сохранением доктринальных расхождений относительно понятия неоконченного преступления, разграничения приготовления и покушения, содержания умысла, основания криминализации подготовительной деятельности, правил дифференциации наказания. Цель состоит в систематизации проблем учения о неоконченном преступлении и определении взаимосвязей между конструкцией состава, стадией реализации умысла, пределами ответственности. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный, классификационный, логико-аналитический методы, синтез. Материал составили российские исследования 2022–2025 гг., посвященные понятию неоконченного преступления, его видам, квалификации, субъективной стороне, наказуемости. Установлены три узловые группы проблем, связанные с нормативными границами института, разграничением стадий, соотношением степени реализации умысла с уголовно-правовыми последствиями. Практическая полезность результатов состоит в формировании последовательной модели квалификации, основанной на характере совершенного деяния, его связи с объективной стороной состава, причине прекращения преступной деятельности.
Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, стадии преступления, уголовная ответственность, квалификация преступления, умысел, добровольный отказ, назначение наказания, уголовный закон.

Введение

Институт неоконченного преступления устанавливает уголовно-правовые последствия поведения, при котором преступный умысел получил внешнее выражение в действиях по созданию условий либо в непосредственном исполнении состава, а юридически значимый процесс совершения преступления прекратился до его окончания. Статьи 29–31 УК РФ связывают эту конструкцию с приготовлением, покушением, прекращением преступной деятельности по воле лица. Законодательное разграничение приобретает непосредственное значение для квалификации, поскольку ч. 3 ст. 29 УК РФ предусматривает ответственность по статье Особенной части со ссылкой на ст. 30 УК РФ, а ч. 2 ст. 30 ограничивает наказуемость приготовления тяжкими, особо тяжкими преступлениями.

Проблематика выходит за пределы терминологического определения двух форм неоконченного преступления. Установление стадии предполагает определение момента, в который действия начинают реализовывать объективную сторону конкретного состава, оценку связи подготовительного поведения с будущим преступлением, установление содержания умысла, причины прекращения действий, степени фактического продвижения к преступному результату. Ошибка в одном из элементов меняет уголовно-правовую оценку всего поведения, поскольку приготовление, покушение, оконченное преступление образуют разные основания для исчисления пределов наказания.

Цель исследования состоит в систематизации проблем учения о неоконченном преступлении и установлении критериев, обеспечивающих согласованную оценку стадии преступной деятельности, основания ответственности, степени наказуемости.

Первая задача связана с определением содержания категории неоконченного преступления и ее места в системе понятий уголовного права. Вторая задача состоит в выявлении критериев разграничения приготовления, покушения, оконченного преступления с учетом объективных, субъективных признаков деяния. Третья задача направлена на сопоставление стадии реализации умысла с действующими правилами уголовной ответственности, назначения наказания, добровольного прекращения преступной деятельности.

Научная новизна заключается в объединении трех обычно раздельно исследуемых блоков института через единый критерий степени реализации состава преступления. Нормативное описание стадии рассматривается совместно с фактическим продвижением лица к исполнению состава, субъективным охватом совершаемых действий, причиной прекращения преступной деятельности, специальными пределами наказания. Эта система дает возможность отделить вопросы квалификации от вопросов наказуемости и одновременно показать их последовательную уголовно-правовую связь.

Материалы и методы

Материал исследования составили десять научных работ, отражающих основные направления современной дискуссии о неоконченном преступлении. Проблемы квалификации и справедливости ответственности за незавершенные посягательства исследованы И.И. Бикеевым, А.В. Клеминым, С.Н. Жаровым [1], комплексная концепция видов неоконченного преступления, стадий реализации умысла, уголовной ответственности разработана Е.В. Благовым [2]. Возможность связывать приготовление и покушение с различными видами умысла рассмотрена С.В. Векленко, И.П. Семченковым, И.С. Сорокиным [3]. Компаративные модели законодательного закрепления оконченного и неоконченного преступления проанализированы М.Г. Жилкиным [4]. Вопросы криминализации поведения, прекращенного на стадии приготовления, раскрыты Р.В. Килимбаевым, С.М. Воробьевым [5], уголовно-правовое значение категории и связь стадии с дифференциацией наказуемости исследованы Е.Е. Мелюхановой [6]. Системное описание видов, проблем квалификации, законодательной регламентации представлено С.Ф. Милюковым, Т.Н. Дроновой [7]. Расчетное взаимодействие правил о приготовлении и рецидиве изучено А.П. Севастьяновым, Е.П. Севастьяновой [8]. Связь неоконченного преступления со сложной формой вины исследована В.В. Хилютой [9]. Конструкционистская модель квалификации и границы между приготовлением, покушением получили разработку в исследовании В.Н. Шиханова [10].

Методы анализа научных публикаций и логико-аналитической интерпретации применялись для выделения спорных элементов конструкции неоконченного преступления. Сравнительный анализ использован при сопоставлении критериев приготовления, покушения, окончания состава. Классификация обеспечила распределение выявленных проблем по нормативному, квалификационному, субъективному, пенологическому блокам. Синтез применен для формирования последовательности уголовно-правовой оценки поведения от установления целевого состава до определения стадии и соответствующих последствий.

Результаты

Категория неоконченного преступления в российском уголовном праве охватывает приготовление к преступлению, покушение на преступление, а ее юридическое содержание формируется через соотношение фактически выполненных действий с признаками конкретного состава Особенной части УК РФ. Исследования Е.В. Благова, Е.Е. Мелюхановой, С.Ф. Милюкова, Т.Н. Дроновой показывают, что понятие неоконченного преступления соединяет несколько самостоятельных характеристик: степень реализации состава, стадию преступной деятельности, основания уголовной ответственности, объем наказуемости [2, 6, 7]. В.Н. Шиханов дополнительно связывает установление стадии с юридическим конструированием квалификации конкретного поведения [10]. Из этого следует последовательность оценки, при которой первоначально устанавливается целевой состав преступления, затем определяется объем его фактической реализации.

Приготовление к преступлению охватывает поведение, функционально направленное на создание условий для последующего совершения тяжкого либо особо тяжкого преступления. Открытая законодательная формула создания условий распространяется на различные подготовительные действия, поэтому их уголовно-правовое значение определяется связью с конкретным преступным планом. Р.В. Килимбаев, С.М. Воробьев рассматривают этот вопрос через границы криминализации подготовительной деятельности [5], С.Ф. Милюков, Т.Н. Дронова связывают установление приготовления с содержанием последующих действий, для совершения которых создавались соответствующие условия [7]. Квалификационный критерий образует доказанная функция подготовительного действия в механизме конкретного преступления.

Самостоятельная проблема возникает при установлении нижней границы уголовно наказуемого приготовления. Получение информации, приобретение предметов, выбор места, поиск соучастников приобретают значение стадии преступления через их включенность в сформированный механизм будущего посягательства. Для квалификации значение имеют назначение используемого предмета, содержание договоренностей, последовательность действий, избранный способ совершения преступления [5, 7, 10]. Такая совокупная оценка связывает внешнее поведение с определенным составом и позволяет разграничить уголовно значимую подготовительную деятельность и предшествующее ей формирование намерения.

Переход к покушению определяется началом непосредственной реализации объективной стороны состава. Исследование В.Н. Шиханова показывает сложность применения критерия непосредственной направленности к преступлениям, включающим несколько взаимосвязанных действий [10]. Р.В. Килимбаев, С.М. Воробьев рассматривают тот же квалификационный рубеж со стороны завершения подготовительного этапа [5], С.Ф. Милюков, Т.Н. Дронова связывают его с конструкцией конкретного состава [7]. Сопоставление этих подходов позволяет выделить два элемента разграничения: функциональную роль действия в механизме преступления, включенность действия в юридически описанное исполнение объективной стороны.

Момент юридического окончания определяет границы применения конструкции покушения. В материальных составах завершенность связывается с предусмотренным уголовным законом последствием, поэтому исполнение деяния при отсутствии требуемого результата сохраняет возможность квалификации через стадию покушения. Формальные, усеченные составы переносят юридическое окончание на более ранний этап преступной деятельности, например, компаративный анализ М.Г. Жилкина подтверждает зависимость системы стадий от способа законодательного определения момента окончания преступления [4], следовательно, разграничение приготовления, покушения требует предварительного анализа диспозиции соответствующей статьи Особенной части.

Доктринальное разделение покушения по степени завершенности исполнительных действий относится к иному уровню оценки, Е.В. Благов связывает полноту реализации преступной деятельности с представлением субъекта о достаточности выполненных действий для достижения предусмотренного результата [2], этот критерий характеризует фактическую глубину реализации умысла внутри стадии покушения, сохраняя самостоятельность юридического разграничения между приготовлением, покушением, оконченным преступлением. Степень завершенности действий приобретает значение при последующей оценке общественной опасности конкретного посягательства.

Субъективная сторона составляет отдельный блок проблем учения о неоконченном преступлении. С.В. Векленко, И.П. Семченков, И.С. Сорокин исследуют возможность приготовления, покушения при косвенном умысле [3], Е.Е. Мелюханова отражает распространенную доктринальную связь стадий непосредственного осуществления преступного намерения с прямым умыслом [6]. Расхождение затрагивает содержание категории направленности действий, использованной законодателем при описании покушения. Для квалификации требуется установление психического отношения лица к конкретному деянию, предполагаемому результату, фактически осуществленной части преступного поведения.

Дополнительную сложность создает сочетание неоконченной преступной деятельности со сложной формой вины. В.В. Хилюта связывает решение этой проблемы со структурой состава, включающего различное психическое отношение к действию и дальнейшим последствиям [9]. Оценка стадии в подобных случаях предполагает выделение элемента состава, охваченного целенаправленной преступной деятельностью, установление фактически наступившего результата, определение психического отношения субъекта к каждому юридически значимому компоненту. Такая последовательность препятствует распространению категории стадии на элементы состава, находящиеся за пределами целенаправленно реализуемого умысла.

Причина прекращения преступной деятельности образует самостоятельный квалификационный параметр. Для приготовления, покушения уголовный закон связывает незавершенность с обстоятельствами, находившимися за пределами волевого решения субъекта. Добровольное прекращение дальнейшей реализации преступления при сохранении возможности продолжения переводит оценку в плоскость ст. 31 УК РФ. Концепция Е.В. Благова позволяет рассматривать объективную степень завершенности действий и субъективное основание прекращения как отдельные характеристики одного процесса [2]. Юридическая оценка в этой части зависит от ответа на два вопроса: какая часть состава была реализована, почему дальнейшая реализация прекратилась.

Наказуемость закрепляет количественное различие между стадиями. Статья 66 УК РФ ограничивает максимальный срок или размер наиболее строгого вида наказания за приготовление одной второй соответствующего максимума, за покушение – тремя четвертями, Е.Е. Мелюханова рассматривает такое снижение в контексте уголовно-правового значения стадии [6], а И.И. Бикеев, А.В. Клемин, С.Н. Жаров исследуют соотношение формализованного уменьшения наказания со справедливостью уголовной ответственности за конкретное незавершенное посягательство [1].

Начальное действие, непосредственно направленное на исполнение состава, и практически завершенное исполнение при отсутствии предусмотренного результата формально относятся к покушению, хотя объем реализованного поведения различается, Часть 1 ст. 66 УК РФ учитывает особенность через требование оценивать обстоятельства, вследствие которых преступление осталось незавершенным [2, 7].

А.П. Севастьянов, Е.П. Севастьянова исследуют нормы о рецидиве и показывают последовательное применение предусмотренных законом коэффициентов [8]. При базовом сочетании предела в одну вторую максимума за приготовление и одной трети полученного значения по правилу о рецидиве расчетная величина составляет одну шестую исходного максимального срока наиболее строгого вида наказания. Стадия преступления в такой конструкции первоначально изменяет предел санкции, после чего к полученному значению применяются иные специальные правила.

Взаимодействие норм Общей, Особенной частей создает еще одну квалификационную проблему. М.Г. Жилкин показывает, что различные законодательные модели позволяют переносить момент уголовно-правового запрета на ранние этапы опасной деятельности [4]. В подобных случаях поведение, которое по фактической характеристике соответствует подготовке к дальнейшему преступлению, может образовывать самостоятельный оконченный состав, например, Е.В. Благов рассматривает этот вопрос через системное соотношение общего учения о стадиях и специальных конструкций Особенной части [2], то есть определяющим остается юридический момент окончания состава, закрепленный конкретной уголовно-правовой нормой.

После выполнения всех предусмотренных законом признаков состава более отдаленная цель лица находится за пределами квалификации стадии, вывод согласуется с подходами М.Г. Жилкина, В.Н. Шиханова, связывающими определение оконченного преступления с нормативной конструкцией соответствующего состава [4, 10]. Аналогичный принцип применяется при фактической ошибке, где направленность умысла оценивается совместно с объективно совершенными действиями и юридическими свойствами избранного объекта, средства, обстановки [4].

Итак, мы можем выделить пять операций квалификации неоконченного преступления, первая из которых состоит в установлении состава Особенной части, на реализацию которого был направлен умысел, вторая определяет фактически выполненный объем объективной стороны, а третья раскрывает субъективное отношение лица к совершаемому деянию и предполагаемым последствиям. Далее, четвертая устанавливает причину прекращения преступной деятельности, и, наконец, пятая соотносит полученные характеристики с конструкциями приготовления, покушения, оконченного преступления, добровольного отказа [1, 2, 5, 10]. Применение этих операций разделяет квалификацию деяния, установление основания прекращения, последующее определение пределов наказуемости.

Обсуждение

Сопоставление рассмотренных научных позиций показывает, что основной доктринальный спор сосредоточен вокруг способа определения границ уголовно наказуемой незавершенности. Законодательная система приготовления и покушения остается устойчивой, сложность возникает при переводе абстрактных признаков ст. 30 УК РФ в критерии оценки конкретной преступной деятельности. Исследовательское значение поэтому приобретает степень операциональности предлагаемых концепций: квалификационная модель должна позволять установить стадию через проверяемые признаки совершенного деяния.

Наиболее чувствительной зоной выступает приготовление, поскольку его объективные формы способны совпадать с социально нейтральным поведением. Уголовно-правовая определенность повышается при использовании функционального критерия, связывающего подготовительный акт с конкретным способом будущего преступления. Предмет оценки в этом случае составляет объективно установленная роль действия в сформированном преступном механизме.

Пространственная близость к объекту посягательства, краткий временной интервал до предполагаемого результата, высокая степень готовности субъекта характеризуют фактическое продвижение преступной деятельности, юридическая стадия определяется началом реализации признака объективной стороны.

Различия между материальными, формальными, усеченными составами показывают предел универсальности единого критерия стадии. Одинаковый по фактической последовательности комплекс действий может иметь разное уголовно-правовое значение вследствие различного момента юридического окончания. Разработка типологии составов по способу законодательного описания окончания способна повысить предсказуемость квалификации. Практическая модель в таком случае строится от конструкции конкретного состава к оценке выполненного поведения.

Спор о субъективной стороне имеет более глубокое значение, чем выбор между разновидностями умысла. Его содержание связано с вопросом о том, какое психическое отношение способно образовать целенаправленное продвижение к преступному результату. Решение через единое правило для всей совокупности умышленных преступлений сокращает возможность учитывать особенности конкретных составов. Продуктивным представляется дифференцированный анализ групп преступлений по характеру описанного результата, способу его охвата умыслом, структуре объективной стороны.

Стадия относится к тому элементу преступной деятельности, который реализуется целенаправленно и охватывается соответствующей формой умысла. Для составов с несколькими последствиями или различным психическим отношением к элементам объективной стороны требуется раздельная оценка каждого компонента.

Стадия прекращения преступления отражает объем реализованного состава, причина прекращения определяет правовой режим уже совершенных действий. Их последовательное разграничение упрощает оценку пограничных случаев добровольного отказа, поскольку первоначально устанавливается достигнутый уровень исполнения, затем анализируется волевой механизм прекращения деятельности.

Формализованные пределы наказания создают понятную межстадийную градацию, вопрос индивидуализации переносится внутрь каждой стадии. Здесь доктринальные категории полноты исполнения получают прикладное значение. Степень завершенности действий способна использоваться как критерий оценки фактической общественной опасности в пределах уже установленной квалификации.

Расчетное взаимодействие ст. 66 УК РФ с другими правилами Общей части показывает системный характер стадии как первичного модификатора санкции. Перспективным направлением остается проверка согласованности этой последовательности с иными специальными основаниями изменения наказания. Внимания требуют комбинации нескольких норм, использующих долевые пределы, поскольку их совокупное применение влияет на итоговую меру уголовной репрессии и должно сохранять связь каждого коэффициента с самостоятельным юридическим основанием.

Самостоятельная проблема связана с законодательным переносом отдельных подготовительных действий в специальные оконченные составы, ведь техника меняет традиционную последовательность стадий и расширяет уголовно-правовую охрану на более ранний момент поведения. Ее оценка учитывает системную согласованность Общей, Особенной частей, поскольку одинаковые по фактическому содержанию действия могут иметь различный статус в зависимости от конструкции конкретного состава.

В современной доктрине сохраняется потребность в унифицированном алгоритме квалификации, пригодном для разных конструкций преступлений. Перспективная модель соединяет нормативную структуру состава, функциональную роль действия, содержание умысла, основание прекращения деятельности.

Следующее направление связано с эмпирической проверкой доктринальных критериев на массиве судебных решений. Анализ практики позволил бы установить, какие признаки фактически используются судами для определения начала исполнения объективной стороны, какие обстоятельства подтверждают направленность подготовительных действий, какие основания принимаются для разграничения вынужденного прекращения и добровольного отказа. Результаты подобной проверки могут показать расхождение между теоретическими классификациями и реально применяемыми квалификационными моделями.

Развитие учения о неоконченном преступлении поэтому связано прежде всего с повышением точности критериев, используемых между нормативным описанием стадии и фактическими обстоятельствами дела. Концептуальное разграничение степени реализации состава, субъективной направленности поведения, причины прекращения, последствий для наказания формирует основу для дальнейшей систематизации института и уменьшения вариативности квалификационных решений.

Заключение

Содержание категории неоконченного преступления определяется сочетанием нормативного и фактического критериев. Статья 29 УК РФ закрепляет приготовление, покушение как виды неоконченного преступления, их квалификация формируется через связь фактически совершенного поведения с конкретным составом Особенной части. Понятие стадии характеризует процесс реализации преступного умысла, категория неоконченного преступления фиксирует уголовно-правовую оценку достигнутой степени исполнения состава.

Разграничение приготовления, покушения, оконченного преступления основано на характере совершенного действия относительно объективной стороны целевого состава. Приготовление охватывает создание условий до начала непосредственного исполнения, покушение начинается с реализации признаков объективной стороны, юридическое окончание наступает после выполнения всех признаков состава, установленных соответствующей нормой. Содержание умысла, степень завершенности действий, фактическая ошибка уточняют квалификацию, причина прекращения деятельности отделяет вынужденную незавершенность от добровольного отказа.

Уголовно-правовые последствия стадии выражены через ограничение наказуемости приготовления тяжкими, особо тяжкими преступлениями, специальные пределы наказания в размере 1/2 максимума за приготовление, 3/4 за покушение, исключение пожизненного лишения свободы и смертной казни для обоих видов. Формализованные пределы обеспечивают межстадийную дифференциацию, а фактическая степень реализации умысла, обстоятельства прекращения преступления, причиненный вред обеспечивают индивидуализацию внутри установленной стадии. Последовательность «целевой состав – фактическое действие – содержание умысла – причина прекращения – стадия – предел ответственности» объединяет основные элементы учения о неоконченном преступлении в единую квалификационную модель.

Литература

1. Бикеев И. И., Клемин А. В., Жаров С. Н. Некоторые проблемы ответственности за неоконченные преступления по российскому уголовному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 7. С. 135–140.
2. Благов Е. В. Неоконченное преступление и уголовная ответственность. Монография. М. Проспект, 2022. 216 с. ISBN 978-5-392-35576-1.
3. Векленко С. В., Семченков И. П., Сорокин И. С. Приготовление к преступлению и покушение на преступление с косвенным умыслом возможны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 9–15.
4. Жилкин М. Г. Оконченное и неоконченное преступления. Компаративистский аспект // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 68–76. DOI 10.12737/jflcl.2022.076.
5. Килимбаев Р. В., Воробьев С. М. Проблемы криминализации неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 105–109. DOI 10.21779/2224-0241-2023-45-1-105-109.
6. Мелюханова Е. Е. Уголовно-правовое значение неоконченного преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1 (45). С. 107–114. EDN EUUNBV.
7. Милюков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление и его виды. Проблемные вопросы // Право. История и современность. 2022. Т. 6. № 3. С. 342–364. DOI 10.17277/pravo.2022.03.pp.342-364.
8. Севастьянов А. П., Севастьянова Е. П. Назначение наказания за приготовление к преступлению при наличии рецидива // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4. С. 145–150. DOI 10.24158/tipor.2023.4.20.
9. Хилюта В. В. Неоконченное преступление и сложная вина // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 7–12.
10. Шиханов В. Н. Неоконченное преступление в уголовном праве. Перспективы конструкционистского подхода // Lex russica. 2024. Т. 77. № 1 (206). С. 54–66.

Problems of the doctrine of inchoate crime in the criminal law of the Russian Federation

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.
Moscow International University

The article examines the provisions of Russian criminal law governing preparation for a crime, attempted crime, and the limits of criminal liability for conduct interrupted before legal completion. The relevance of the study is determined by continuing doctrinal disagreements concerning the concept of an inchoate crime, differentiation between preparation and attempt, the content of intent, the grounds for criminalising preparatory conduct, and the rules governing punishment. The purpose is to systematise the problems of the doctrine of inchoate crime and to identify the relationships between the legal construction of an offence, the degree of implementation of criminal intent, and the limits of liability. The study employs analysis of scholarly publications, comparative analysis, classification, logical analysis, and synthesis. The source base comprises Russian studies published in 2022–2025. Three groups of problems are identified, concerning the normative boundaries of the institution, differentiation between stages, and the relationship between implementation of intent and criminal-law consequences. The results provide a consistent qualification model based on the nature of conduct, its connection with the objective elements of an offence, and the reason for interruption.

Keywords: inchoate crime, preparation for a crime, attempted crime, stages of crime, criminal liability, criminal qualification, intent, voluntary abandonment, sentencing, criminal law.

References

1. Bikeev I. I., Klemin A. V., Zharov S. N. Some Problems of Responsibility for Unfinished Crimes in Russian Criminal Law. Gaps in Russian Legislation. 2022. Vol. 15. No. 7. Pp. 135–140.
2. Blagov E. V. Inchoate Crime and Criminal Liability. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 216 p. ISBN 978-5-392-35576-1.
3. Veklenko S. V., Semchenkov I. P., Sorokin I. S. Preparation for a Crime and Attempted Crime with Indirect Intent Are Possible. Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. Pp. 9–15.
4. Zhilkin M. G. Completed and Inchoate Crimes. A Comparative Aspect. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2022. Vol. 18. No. 6. Pp. 68–76. DOI 10.12737/jflcl.2022.076.
5. Kilimbaev R. V., Vorobyov S. M. Problems of Criminalization of an Unfinished Crime Interrupted at the Stage of Preparation. Law Herald of Dagestan State University. 2023. Vol. 45. No. 1. Pp. 105–109. DOI 10.21779/2224-0241-2023-45-1-105-109.
6. Melyukhanova E. E. Criminal-Law Significance of an Inchoate Crime. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (45). Pp. 107–114.
7. Milyukov S. F., Dronova T. N. Inchoate Crime and Its Types. Problematic Issues. Law. History and Modernity. 2022. Vol. 6. No. 3. Pp. 342–364. DOI 10.17277/pravo.2022.03.pp.342-364.
8. Sevastyanov A. P., Sevastyanova E. P. Assignment of Punishment for Preparation of a Crime in Case of Criminal Recidivism. Theory and Practice of Social Development. 2023. No. 4. Pp. 145–150. DOI 10.24158/tipor.2023.4.20.
9. Khilyuta V. V. Inchoate Crime and Complex Guilt. Jurist-Pravoved. 2022. No. 3 (102). Pp. 7–12.
10. Shikhanov V. N. Inchoate Crime in Criminal Law. Prospects of the Constructionist Approach. Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 1 (206). Pp. 54–66.

Проблема разграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и убийства (ст. 105 УК РФ): критерии установления направленности умысла

Быков Данила Антонович
магистрант, Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, aa.danil2015@yandex.ru

Касторская Елена Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, kastorskaya-ev@ranepa.ru

Рассмотрена проблема разграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и убийства (ст. 105 УК РФ) в случаях, когда внешняя картина содеянного совпадает, а спор ведется о содержании вины. Цель исследования состоит в определении критериев установления направленности умысла применительно к каждому из последствий. Использованы формально-юридический и системный методы, сравнительный анализ доктринальных позиций 2022–2026 гг. и качественный анализ трех актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Выявлено, что затруднения связаны с подменой доказывания отношения лица к смерти медицинской характеристикой повреждений, со смешением косвенного умысла и легкомыслия, с выбором ч. 4 ст. 111 УК РФ по остаточному принципу. Обоснована необходимость раздельного установления отношения виновного к тяжкому вреду здоровью и к смерти, предложен порядок мотивировки квалификационного вывода с проверкой заявленной фактической ошибки. Сделан вывод о том, что опасность повреждения для жизни служит доказательством умысла на убийство, но не освобождает суд от установления того, что лицо эту опасность осознавало и сознательно допускало смерть.

Ключевые слова: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, направленность умысла, косвенный умысел, легкомыслие, небрежность, фактическая ошибка, разграничение составов преступлений.

Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разграничивает убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего, по отношению виновного к смерти: при убийстве умысел направлен на лишение жизни, а при преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение к наступлению смерти «выражается в неосторожности» [1]. Какими доказательствами устанавливается такая направленность, разъяснение не указывает, хотя объективная сторона обоих составов нередко совпадает почти полностью. Цена ошибки велика: санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ при том же верхнем пределе в пятнадцать лет лишения свободы содержит нижний предел в шесть лет, отсутствующий в ч. 4 ст. 111 УК РФ [2], а мониторинг дел о семейно-бытовом насилии (69 актов первой инстанции за 2020–2023 гг. и 245 актов за 2020–2024 гг.) фиксирует неодинаковую оценку умысла в сходных ситуациях [3; 4].

Цель статьи состоит в определении критериев установления направленности умысла при разграничении названных составов. Исходная гипотеза заключается в том, что затруднения вызваны не пробелом в законе, а подменой доказывания отношения к смерти медицинской характеристикой повреждения либо общей оценкой жестокости содеянного. Материалом послужили нормы УК РФ и УПК РФ, разъяснения Пленума, три акта Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ 2022–2024 гг. и восемь научных публикаций 2022–2026 гг. Использованы формально-юридический и системный методы, сравнительный анализ доктринальных позиций и качественный анализ судебных актов, который на репрезентативность не претендует.

Согласно ст. 27 УК РФ не охватывавшиеся умыслом тяжкие последствия вменяются лицу, только если оно предвидело их возможность, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело, но должно было и могло предвидеть [2]. Для ч. 4 ст. 111 УК РФ отсюда следует необходимость самостоятельно доказывать умысел именно на тяжкий вред здоровью, причинную связь этого вреда со смертью и неосторожность по отношению к смерти. Самая тонкая граница пролегает между косвенным умыслом и легкомыслием (ч. 3 ст. 25, ч. 2 ст. 26 УК РФ). В обоих случаях лицо предвидит возможность смерти, и различие лежит в волевом моменте: сознательному допущению или безразличию противостоит расчет на конкретные обстоятельства, способные предотвратить смертельный исход. Небрежность предполагает отсутствие предвидения при обязанности и возможности предвидеть смерть (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Из этой конструкции вытекает правило, значение которого в практике недооценивается: недоказанность умысла на убийство признаков ч. 4 ст. 111 УК РФ не доказывает. Без установленного умысла на тяжкий вред норма не применяется и при наступившей смерти, а оценка переходит к ст. 109 УК РФ. Поскольку форма вины входит в предмет доказывания (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), выбор ч. 4 ст. 111 УК РФ по остаточному принципу, без собственной мотивировки ее признаков, представляется методически уязвимым.

С. В. Скляров обращает внимание на обстоятельства, на которые рассчитывал виновный, стремясь предотвратить смерть, и на случаи неопределенного умысла в отношении вреда здоровью [5]. Требование предметно раскрывать расчет заслуживает поддержки, но расчет характеризует лишь легкомыслие, тогда как ст. 27 УК РФ допускает и небрежность. П. С. Яни относит смешение косвенного умысла и неосторожности к типичным ошибкам квалификации и подчеркивает, что при косвенном умысле на лишение жизни содеянное образует убийство [6]. В приводимом им примере апелляционная инстанция учла, что выстрел был произведен не в голову или тело, а в ногу. Думается, сила такого довода зависит не от анатомической зоны как таковой, а от того, избрал ли ее виновный и осознавал ли опасность ранения.

Д. А. Гарбатович связывает с конкретизированным умыслом при убийстве квалификацию по направленности, а с неопределенным по фактически наступившим последствиям [7]. Для разграничения с ч.

4 ст. 111 УК РФ неопределенность должна быть локализована. Если она касается только степени вреда здоровью, а смерть не предвиделась либо лицо рассчитывало ее предотвратить, возможна ч. 4 ст. 111 УК РФ; если смерть предвиделась как один из вероятных результатов и сознательно допускалась, содеянное образует убийство.

Е. В. Хромов приводит судебную позицию о недостаточности одного лишь факта причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, для вывода об умысле на убийство и вместе с тем полагает, что множественные удары в область головы образуют убийство с косвенным умыслом [8]. Такие удары действительно служат весомым доказательством допущения смерти, но вывод о косвенном умысле обоснован при установленном осознании виновным силы и повторяемости воздействия. Иначе объективная опасность деяния превращается в неопровержимую презумпцию.

Д. А. Корецкий и Е. С. Стешич, констатируя практическое слияние составов, связывают с ним необходимость определять убийство через причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть, и критикуют одностороннюю оценку доказательств [9]. Критика односторонности обоснованна, однако отказ от самостоятельного установления отношения к смерти противоречил бы запрету объективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ). По нашему мнению, сближение составов по объективной стороне требует более строгой мотивировки субъективной стороны, а не их слияния.

В. Ф. Щепельков и Е. В. Иванова предлагают уточнить оценку последующего оказания помощи потерпевшему [3], разводя умысел во время нападения и последующее изменение отношения к содеянному. Переносить их выводы с покушения на оконченное деяние следует с учетом того, что покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом (п. 2 постановления Пленума № 1) [1]. А. Г. Иванов ставит вопрос о месте субъективной ошибки в структуре вины [10], и для нашей темы из этого следует требование конкретного предмета заявляемой ошибки.

Пленум предписывает исходить из совокупности обстоятельств содеянного, учитывая способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию повреждений, предшествующее и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [1]. Перечень сам по себе вывода не объясняет. Анализ целесообразно вести от объективного механизма (чем, куда, с какой силой нанесены удары, какова причина смерти) к тому, какие его свойства осознавал виновный, и лишь затем к волевому отношению к смерти. Прямой переход от описания повреждений к выводу о допущении смерти создает риск объективного вменения.

Наличие ножа не отвечает на вопрос о намерении убить: значимы направление удара, выбор области тела, дистанция и положение участников, а отсутствие оружия не исключает умысла на убийство, если опасность создается способом применения силы. Серия прицельных ударов в жизненно важную область и продолжение насилия после утраты потерпевшим способности к сопротивлению дают иную картину, чем случайное попадание в хаотичной борьбе, однако ни единичность, ни множественность повреждений юридического порога не образуют. Мотив ревности или неприязни одинаково объясняет и убийство, и вред здоровью, поэтому доказывания вины не заменяет.

Оказание помощи после насилия может отражать первоначальный расчет на спасение, но и раскаяние или стремление смягчить ответственность; прекращение насилия бывает вызвано отказом от продолжения, достижением результата или внешним препятствием. Сложившегося умысла такие обстоятельства не устраняют, но позволяют проверить его содержание. Легкомыслие подтверждается установлением предмета расчета, времени его возникновения и соответствия ему поведения лица; неопределенная надежда на то, что потерпевший выживет, расчетом не является.

С 1 сентября 2025 г. тяжесть вреда здоровью определяется по Порядку, утвержденному приказом Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172н [11]. Опасность повреждения для жизни в медицинском смысле характеризует объективную тяжесть вреда, но не отвечает на вопрос, осознавал ли обвиняемый смертельную опасность и принимал ли ее; эта оценка остается за судом.

Фактическая ошибка должна иметь конкретный предмет: свойства орудия, тяжесть ожидаемого вреда, состояние потерпевшего, развитие причинной связи. Подтвержденное представление о неспособности воздействия причинить тяжкий вред исключает ч. 4 ст. 111 УК РФ и при наступившей смерти. Если лицо осознавало тяжесть повреждения, но ошибочно считало смерть невозможной, проверяются основания неосторожности; ошибочная же оценка вероятности смерти, которая предвиделась и сознательно допускалась, умысла не устраняет. Неизвестное виновному заболевание потерпевшего не исключает вины, если воздействие и без него создавало осознаваемую угрозу жизни, а при невозможности предвидеть смерть применяется ст. 28 УК РФ. Отклонение причинного процесса, например смерть от удара о твердую поверхность при падении, также не делает результат неосторожным автоматически [8].

Определением от 26 сентября 2024 г. № 2116-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы потерпевшего, полагавшего, что содеянное подлежало квалификации по ст. 105 УК РФ, и указал на системную связь ч. 4 ст. 111 УК РФ со ст. 24–27 УК РФ и разъяснениями Пленума [12]. Правильность установления умысла по делу при этом не проверялась, поскольку оценка фактов в предмет конституционного судопроизводства не входит.

В кассационном определении от 27 ноября 2024 г. № 7-УД24-9-А1 Верховный Суд РФ отклонил довод защиты о переквалификации с п. «д» ч. 2 ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ ввиду отсутствия прямого умысла [13]. Насилие продолжалось с ночи до прибытия полиции днем следующих суток, потерпевшей причинены многочисленные колото-резаные и колотые ранения, после травмы шейного отдела спинного мозга она утратила способность передвигаться, осужденный говорил, что она не уйдет из комнаты живой, и отказал в просьбе вызвать скорую помощь. С позиций изложенного подхода отсутствие прямого умысла значения не имело: ст. 105 УК РФ охватывает и косвенный умысел, а длительное воздействие на обездвиженную потерпевшую исключало расчет на ее выживание.

Определение от 18 августа 2022 г. № 80-УД22-7-К6 иллюстрирует проверку исходной предпосылки ч. 4 ст. 111 УК РФ. Потерпевший, стащенный осужденным из кабины трактора, упал и получил перелом шейного позвонка; Верховный Суд РФ переквалифицировал содеянное с ч. 1 ст. 111 на ч. 1 ст. 118 УК РФ, признав, что последствий падения осужденный не предвидел, хотя должен был и мог предвидеть [14]. Вывода о том, что травма при падении всегда причиняется по неосторожности, из этого акта не следует.

Направленность умысла при разграничении убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, устанавливается через доказанную связь внешних обстоятельств содеянного с представлением лица о причиняемом вреде. Критериями служат осознание характера и силы воздействия, свойств орудия и зоны поражения, предвидение смертельного исхода и волевое отношение к нему, выраженное в поведении до, во время и после насилия. Эти критерии имеют доказательственное, а не презумптивное значение: опасность повреждения для жизни, множественность ударов или их локализация подтверждают умысел на убийство лишь при установлении того, что лицо эти свойства содеянного осознавало. Тяжкий результат не заменяет доказывания вины, а ссылка на нежелание смерти не опровергает косвенного умысла.

В приговоре целесообразно последовательно отражать механизм наступления смерти, объем вреда, охватывавшегося умыслом, отношение к смерти, результаты проверки довода о фактической ошибке и альтернативного объяснения поведения. При выборе ч. 4 ст. 111 УК РФ следует называть вид неосторожности и раскрывать его содержание, при выборе ст. 105 УК РФ объяснять, что свидетельствует именно о желании или сознательном допущении смерти. Предложенный порядок мотивировки нуждается в эмпирической проверке на массиве приговоров с близкими обстоятельствами и различной итоговой квалификацией.

Литература

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Щепельков В. Ф., Иванова Е. В. Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о

домашнем насилии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 245–255. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-4-245-255.

4. Иванова Е. В. Проблема определения направленности умысла в субъективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 105, ч. 1 ст. 108, ч. 4 ст. 111 и ст. 119 УК РФ (на основе мониторинга рассмотрения уголовных дел о семейно-бытовом насилии) // Российский следователь. 2026. № 5. С. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-5-49-53.

5. Скляров С. В. Разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Уголовное право. 2022. № 9. DOI: 10.52390/20715870_2022_9_33. EDN: AJNOEQ.

6. Яни П. С. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Законность. 2023. № 2, 3, 4. // СПС «КонсультантПлюс».

7. Гарбатович Д. А. Убийство: конкретизированный, неопределенный, альтернативный виды умысла // Уголовное право. 2024. № 9. URL: https://criminalmag.ru/magazines/9_2024 (дата обращения: 23.09.2026).

8. Хромов Е. В. Влияние характера причинной связи на квалификацию смерти потерпевшего в результате применения насилия // Уголовное право. 2024. № 12. URL: https://criminalmag.ru/magazines/12_2024 (дата обращения: 23.09.2026).

9. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Убийства: баланс правовой защищенности обвиняемого и потерпевшего // Законность. 2024. № 10. С. 29–41.

10. Иванов А. Г. Субъективная ошибка в уголовно-правовой структуре вины: сравнительный анализ законодательства стран Европы и России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 113–118. URL: https://vestnik.unn.ru/ru/nomera?jnum=284 (дата обращения: 23.09.2026).

11. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040 (дата обращения: 23.09.2026).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2116-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Торопова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.11.2024 № 7-УД24-9-А1 // СПС «ГАРАНТ».

14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.08.2022 № 80-УД22-7-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

The problem of distinguishing intentional infliction of grievous bodily harm resulting in death by negligence (part 4 of article 111 of the Russian criminal code) from murder (article 105 of the Russian criminal code): criteria for establishing the direction of intent

Bykov D.A., Kastorskaya E.V.

North-West Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article examines the distinction between intentional infliction of grievous bodily harm resulting in death by negligence (Part 4 of Article 111 of the Russian Criminal Code) and murder (Article 105) when the external circumstances of the act coincide and the dispute concerns the content of guilt. Formal legal and systemic methods, a comparative analysis of doctrinal positions of 2022–2026 and a qualitative analysis of three decisions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation were used. Difficulties arise when medical characteristics of injuries replace proof of the offender's attitude to death, when indirect intent is confused with recklessness, and when Part 4 of Article 111 is applied residually. The necessity of separately establishing the attitude to grievous harm and to death is substantiated, and a sequence of reasoning for the qualification decision is proposed. The danger of an injury to life is evidence of murderous intent but does not relieve the court of establishing that the person was aware of it and consciously allowed death.

Keywords: murder, intentional infliction of grievous bodily harm, direction of intent, indirect intent, recklessness, negligence, mistake of fact, distinction between offences.

References

1. On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.1999 No. 1 (as amended on 03.03.2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. No. 3.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Shchepelkov V. F., Ivanova E. V. Distinguishing attempted murder from crimes with related elements in domestic violence cases // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (104). P. 245–255. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-4-245-255.
4. Ivanova E. V. The problem of determining the direction of intent in the subjective element of crimes under Article 105, Part 1 of Article 108, Part 4 of Article 111 and Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation (based on monitoring of domestic violence criminal cases) // Russian Investigator. 2026. No. 5. P. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-5-49-53.
5. Sklyarov S. V. Distinguishing murder from intentional infliction of grievous bodily harm resulting in the victim's death by negligence // Criminal Law. 2022. No. 9. DOI: 10.52390/20715870_2022_9_33. EDN: AJNOEQ.
6. Yani P. S. Problems of qualifying intentional infliction of grievous bodily harm // Legality. 2023. No. 2, 3, 4.
7. Garbatovich D. A. Murder: specified, indefinite and alternative types of intent // Criminal Law. 2024. No. 9. URL: https://criminalmag.ru/magazines/9_2024 (accessed: 23.09.2026).
8. Khromov E. V. The influence of the nature of causation on the qualification of the victim's death as a result of violence // Criminal Law. 2024. No. 12. URL: https://criminalmag.ru/magazines/12_2024 (accessed: 23.09.2026).
9. Koretsky D. A., Steshich E. S. Murders: balancing the legal protection of the accused and the victim // Legality. 2024. No. 10. P. 29–41.
10. Ivanov A. G. Subjective mistake in the criminal law structure of guilt: comparative analysis of the legislation of European countries and Russia // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2022. No. 3. P. 113–118. URL: https://vestnik.unn.ru/ru/nomera?jnum=284 (accessed: 23.09.2026).
11. On approval of the Procedure for determining the severity of harm caused to human health: Order of the Ministry of Health of Russia of 08.04.2025 No. 172n. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040 (accessed: 23.09.2026).
12. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Toropov Vladimir Aleksandrovich on violation of his constitutional rights by Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.09.2024 No. 2116-O // Legal reference system «KonsultantPlyus».
13. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.11.2024 No. 7-UD24-9-A1 // Legal reference system «GARANT».
14. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.08.2022 No. 80-UD22-7-K6 // Legal reference system «KonsultantPlyus».

Структура свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Гапонов Кирилл Владимирович
Адъюнкт, Восточно-Сибирский институт МВД России, gaponov_kvirk@mail.ru

Статья посвящена анализу принципа свободы оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает данный принцип прежде всего как познавательную деятельность, структурными элементами которой выступают субъектный состав, гносеологическая природа внутреннего убеждения и нормативные критерии оценки. Особое внимание уделено разграничению формального круга лиц, уполномоченных принимать процессуальные решения, и всех участников процесса, объективно вовлечённых в оценку доказательств как в мыслительную деятельность. Показана роль эмоциональной составляющей в формировании чувства уверенности или сомнения, а также обоснована необходимость замены критериев «закон» и «совесть» интегрирующим понятием профессионального правосознания.

Ключевые слова: уголовный процесс, свобода оценки доказательств, принципы уголовного судопроизводства, внутреннее убеждение, субъекты оценки доказательств, профессиональное правосознание, совесть, присяжные заседатели.

Свобода оценки доказательств традиционно понимается как принцип, согласно которому судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Данный принцип позволяет соотносить критерии оценки с обстоятельствами отдельно взятого уголовного дела, обеспечивая тем самым возможность производства по нему, и служит основой для принятия процессуальных решений. При более детальном рассмотрении обнаруживается, что его содержание не сводится к декларации независимости правоприменителя при реализации своих функций.

Цель настоящей статьи заключается в анализе структурных элементов данного принципа и в постановке вопроса о существе оценки как мыслительной деятельности, а также о круге участников, способных к оценке как таковой.

Нормативная основа принципа выражена в ст. 17 УПК РФ, помещённой в гл. 2 Кодекса, что придаёт ему императивную силу и обеспечивает непосредственное регулятивное воздействие на всех этапах производства по уголовному делу. Уже на этом уровне проявляется двойственная природа свободы оценки. Для лиц, перечисленных в ч. 1 указанной статьи, она является не столько правом, сколько обязанностью, требующей от них самостоятельно определить относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств. Присяжные заседатели, включённые в этот перечень, также реализуют принцип свободы оценки, и их внутреннее убеждение формируется преимущественно на основе обыденного правосознания и жизненного опыта, что подчёркивает универсальность психологического механизма, лежащего в основе любой оценочной деятельности. Эта универсальность заставляет задуматься о том, насколько полно законодатель очертил круг субъектов, способных к оценке.

Принадлежность свободы оценки доказательств к числу принципов уголовного судопроизводства в литературе признаётся не всеми. О.А. Тарнавский называет в числе признаков принципа нормативное закрепление, действие на всех этапах производства и способность служить организационной основой уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 77]. В.С. Балакшин, напротив, пришёл к выводу, что свобода оценки доказательств «не является принципом уголовного судопроизводства в методологическом смысле» [2, с. 78], и предложил сосредоточить несколько принципов оценки в одной статье гл. 11 УПК РФ [2, с. 79]. С таким выводом трудно согласиться. Оценка доказательств предшествует каждому процессуальному решению, от возбуждения уголовного дела до постановления приговора, и положения ст. 17 УПК РФ отвечают признакам, выделенным О.А. Тарнавским.

Соотношение ст. 17 УПК РФ с положениями гл. 10 и 11 УПК РФ, регламентирующими доказательства и доказывание, традиционно воспринимается как взаимодействие принципа и частных норм. Подобное разграничение сложилось под влиянием исторического контекста становления исследуемого принципа и представлений о назначении судопроизводства. Думается, свободу оценки правильнее рассматривать как метод перехода от фактических данных к процессуальным решениям, структура которого неотделима от процессуальной формы. Для понимания этой структуры необходим анализ трёх её элементов, а именно субъектного состава оценки, природы внутреннего убеждения и содержания критериев, которыми это убеждение ограничивается.

Первый структурный элемент связан с вопросом о том, кто именно вовлечён в оценочную деятельность. Буквальное прочтение ч. 1 ст. 17 УПК РФ даёт закрытый перечень из пяти субъектов. На первый взгляд такое ограничение выглядит логичным, поскольку именно эти лица уполномочены принимать процессуальные решения, определяющие движение дела. На этом основании А.Р. Белкин полагал, что «правом оценки доказательств наделяются лишь субъекты первой группы», то есть органы и должностные лица, для которых доказывание составляет обязанность [3, с. 26], а С.Н. Хорьяков и А.Ю. Гордеев пишут, что «существует определенный круг уполномоченных субъектов, которые осуществляют оценку доказательств»

[4, с. 142]. Обращение к реальной структуре уголовно-процессуальных отношений обнаруживает иную картину. Потерпевший, подвергшийся преступному посягательству, неизбежно формирует своё внутреннее убеждение относительно обстоятельств произошедшего, виновности или невиновности подозреваемого, полноты и достоверности собранных доказательств. Это убеждение находит выражение в показаниях, ходатайствах и жалобах, и от степени его уверенности нередко зависит активность потерпевшего в процессе доказывания. Аналогичным образом подозреваемый и обвиняемый оценивают собранные против них доказательства, определяют позицию защиты, принимают решение о даче показаний или отказе от них. Защитник, опираясь на профессиональное правосознание, осуществляет предварительную оценку сведений, собирает и представляет доказательства, заявляет ходатайства. Без сформированного убеждения он не смог бы оказывать квалифицированную юридическую помощь. Гражданский истец и гражданский ответчик, отстаивая свои интересы, связанные с возмещением имущественного вреда и компенсацией морального вреда, также постоянно соотносят имеющиеся материалы с обстоятельствами причинения вреда.

На неполноту законодательного перечня указывалось и ранее. И.В. Макеева отмечает, что законодатель распространил действие принципа на ряд субъектов, «не указав при этом защитника» [5, с. 101]. А.А. Черакшева и Е.И. Шигурова предлагают упомянуть в ст. 17 УПК РФ иных участников со стороны обвинения и защиты, оценивающих доказательства, по внутреннему убеждению, и связывают это с правом собирать доказательства, которое им предоставляет ст. 86 УПК РФ [6].

Круг субъектов, реально осуществляющих оценку, оказывается, следовательно, значительно шире законодательного перечня. В основе этого расхождения лежит смешение способности к мыслительной деятельности и права на принятие властного решения. Внутреннее убеждение как познавательный процесс от процессуального статуса не зависит. Для принятия решения, влекущего правовые последствия, закон предоставляет особый статус ограниченному кругу участников, и иные участники при этом также сопоставляют, сомневаются и приходят к собственным выводам. Их убеждение имеет иную процессуальную природу и выступает предпосылкой реализации принадлежащих им прав, основанием решения оно не становится. С.В. Корнакова, признавая, что «право итоговой (окончательной) оценки доказательств принадлежит суду», обосновывает необходимость проверки достоверности доказательств уже в ходе расследования [7, с. 72], что указывает на многоуровневый характер оценки. Признание за сторонами способности к оценочной деятельности придало бы их ходатайствам значение оценочных суждений, подлежащих учёту при принятии решения, и позволило бы сторонам участвовать в самой оценке, противопоставляя своё убеждение убеждению властного субъекта.

Проблема усечённого субъектного состава проявляется и в сложностях, возникающих при попытке стороны защиты ввести собранные ею сведения в систему доказательств. Если защитник опросил лицо с его согласия (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ), следователь вправе отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении протокола опроса, сославшись на то, что эти сведения не имеют значения для уголовного дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Если же следователь самостоятельно допрашивает указанное лицо, он вправе избрать собственную тактику допроса. Фактически сведения, собранные защитником, не обретают статуса доказательств в смысле ст. 74 УПК РФ, поскольку не получены предусмотренным законом способом и не проверены надлежащим субъектом доказывания. Монополия на проведение оценки блокирует в данном случае оценку, производимую иным участником.

Своеобразно положение присяжных заседателей, названных в ч. 1 ст. 17 УПК РФ наряду с профессиональными субъектами. А.О. Машовец и Д.С. Иванов подчёркивают, что, являясь «судьями факта», присяжные заседатели «не участвуют в оценке доказательств с точки зрения допустимости» [8, с. 33]. Их оценка охватывает относимость, достоверность и достаточность тех доказательств, которые исследованы в их присутствии после разрешения председательствующим вопросов допустимости.

Второй ключевой элемент структуры образует само внутреннее убеждение. Как отмечает Н.Н. Пилюгина, «понятие внутреннего убеждения необходимо рассматривать исключительно как результат оценки доказательств, то есть как познавательно-психологический результат деятельности субъекта оценки доказательств в уголовном процессе». Такое убеждение, по её мнению, должно иметь в основе совокупность доказательств, исследованных полно, всесторонне и объективно, вследствие чего применительно к важнейшим процессуальным решениям закон требует приводить доказательства и мотивы, по которым они оценены как достоверные или недостоверные [9, с. 109]. А.О. Машовец также видит во внутреннем убеждении результат мыслительной деятельности, на формирование которого влияние «оказывает правосознание судьи, эмоции, чувства, возможная предубежденность» [10, с. 106], В.С. Балакшин выделяет в убежденности субъекта доказывания познавательный и психологический аспекты [2, с. 80]. Внутреннее убеждение всегда индивидуально, и произвольным оно быть не должно. В его составе можно выделить знание об исследуемом событии, отношение к истине, чувство уверенности или сомнения, субъективное отношение к явлениям внешнего мира и субъективную готовность действовать.

Анализировать эти элементы в отрыве от эмоциональной составляющей невозможно. И.В. Макеева называет внутреннее убеждение единственным эмоциональным элементом в процессе оценки доказательств [11, с. 27]. Представляется, что эмоциональная окраска присуща всем стадиям оценки, и ещё А.Р. Белкин указывал, что «чувственное познание пронизывает все фазы собирания, исследования и оценки доказательств» [3, с. 5]. Чувство уверенности или сомнения складывается из эмоциональной вовлечённости субъекта в процесс оценки, которая включает собственно эмоциональное переживание и эмоциональную уверенность в своих действиях, знаниях и умениях. Существенное влияние на когнитивные процессы способны оказывать ярость и страх. Ярость, возникающая в условиях информационного дефицита, искусственно компенсирует недостаток данных и порождает иллюзию полноты знания, укрепляя чувство уверенности там, где объективных оснований для неё ещё недостаточно. Страх сигнализирует о дефиците сведений, необходимых для контроля над ситуацией, и порождает сомнение, которое может как парализовать готовность действовать, так и побудить к более тщательному поиску. Применительно к оценке доказательств это означает, что чувство уверенности или сомнения всегда эмоционально окрашено и чисто логическим выводом не бывает.

Знание, отношение к истине, чувство уверенности или сомнения и готовность действовать не могут быть верно интерпретированы без учёта эмоциональной составляющей, поскольку убеждение есть знание, ставшее верой, то есть знание, в истинности которого человек не сомневается. Эмоциональное действует совместно с логическим, и оптимальное убеждение формируется при их сбалансированном взаимодействии. В уголовном судопроизводстве этот баланс обеспечивает профессиональное правосознание, через которое проходят и собственная эмоциональная оценка субъекта, и объективные данные, содержащиеся в доказательствах. А.В. Победкин отмечал, что «мыслительная деятельность, которой и является оценка доказательств, не может быть формализована», а формальные требования закона «предъявляются только для формирования предмета оценки (совокупности доказательств, которая оценивается)» [12, с. 106]. Закон очерчивает объективные пределы оценки, правосознание служит для субъекта нравственно-психологической основой внутренней независимости и одновременно удерживает его от субъективизма.

Изложенное позволяет рассматривать внутреннее убеждение одновременно как метод и как итог оценки доказательств. Как метод оно есть свободная, хотя и не произвольная мыслительная деятельность, в рамках которой эмоциональная оценка фактов неизбежна и всегда опосредована логикой и требованиями закона. Как итог внутреннее убеждение представляет собой сформированную на основе всей совокупности доказательств уверенность, которая становится единственным допустимым основанием процессуального решения. В нём объединяются знание, логика, эмоции и воля.

Свобода внутреннего убеждения ограничена процессуальной формой. Т.Ю. Вилкова указывает, что принцип предоставляет субъекту «также и внутреннюю свободу оценки доказательств», и требование основываться на совокупности доказательств и законе «должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений» [13, с. 1009–1010]. Д.В. Зотов в качестве гарантии внутренней убеждённости называет личное восприятие доказательств из первоисточника и устное обсуждение материалов дела [14, с. 658]. А.Н. Халиков предлагает закрепить в законе независимость как самосто-

ятельный критерий оценки [15, с. 173], поскольку «оценка доказательств не должна зависеть от любых внешних политических или иных влияний» [15, с. 180]. Перечисленные гарантии носят внешний характер, внутренние ориентиры оценки определяются критериями, названными в ст. 17 УПК РФ.

Третий элемент образуют критерии «закон» и «совесть», призванные определять границы свободы внутреннего убеждения. Их рассмотрение показывает, что содержание этих критериев не обладает той степенью определённости, которая необходима для их единообразного применения.

Категория совести раскрывается различными авторами неодинаково. В.Л. Будников полагает, что совесть характеризует нравственную природу всей процедуры доказывания, выступая свойством личности, позволяющим соотносить свои действия с общественной моралью [16, с. 43–44]. Я.П. Ряполова и Д.Е. Снегирева, соглашаясь с этой позицией, рассматривают совесть как общепризнанную нравственную константу, отражающую моральные устои общества [17, с. 155]. А.В. Победкин понимал требование руководствоваться совестью как обязанность принимать при оценке доказательств такие решения, которые следователь, дознаватель или судья считают единственно правильными и в правильности которых не сомневаются даже перед собой [12, с. 106]. И.В. Макеева напоминает, что ст. 71 УПК РСФСР предписывала при оценке доказательств «руководствоваться законом и социалистическим правосознанием», и с принятием УПК РФ акцент сместился на нравственную категорию совести [5, с. 101].

Критерий «закон» также не обладает должной определённостью. Статья 17 УПК РФ не конкретизирует его содержание и не содержит отсылок к конкретным нормативным правовым актам. А.К. Аверченко и И.А. Лужная предлагают заменить «закон» более узким понятием «нормы уголовно-процессуального законодательства» [18, с. 326]. Такое сужение главной проблемы не решает. При оценке доказательств субъект неизбежно обращается к нормам, выходящим за пределы уголовно-процессуального законодательства, в частности к нормам уголовного, гражданского и административного права для установления предмета доказывания, а также к положениям Конституции РФ. Понятие «закон» в контексте оценки доказательств приобретает, следовательно, межотраслевой характер, оставаясь при этом внутренне неструктурированным.

Выход из методологического затруднения видится не в уточнении существующих понятий, а в их замене иной категорией, способной объединить и объективные требования, и нравственную составляющую. Такой категорией способно стать профессиональное правосознание. А.А. Черакшева и Е.И. Шигурова также считают, что «целесообразнее и логичнее в таком случае было бы употреблять термин «правосознание»» [6]. Профессиональное правосознание соединяет знание права, понимание целей и принципов уголовного судопроизводства, профессиональный опыт и следование этическим нормам в единую способность к оценке и придаёт нравственному критерию объективированную форму. Совесть становится элементом профессиональной компетенции, проявляющимся в осознании долга перед обществом и государством, в понимании социальной значимости принимаемого решения и в следовании этическим требованиям. Такое понимание созвучно позиции А.Ф. Кони, определявшего «судейскую совесть» как силу, поддерживающую судью и вносящую особый, возвышенный смысл в творимое им дело [19, с. 80]. Применительно к присяжным заседателям, не обладающим профессиональным правосознанием, совесть сохраняет значение самостоятельного критерия, что подтверждается текстом присяги, закреплённым в ст. 332 УПК РФ.

Как подчёркивает И.П. Попова, «наличие нравственных основ как раз позволяет иметь те ориентиры, которые необходимы правоприменителю в условиях излишней алгоритмизации деятельности» [20, с. 36]. Профессиональное правосознание объединяет объективные и субъективные компоненты принципа свободы оценки. Внутреннее убеждение, как было показано, не является ни исключительно логическим выводом, ни продуктом одной лишь совести. Профессиональное правосознание интегрирует эти разнородные элементы и направляет их на достижение целей уголовного судопроизводства, определённых в ст. 6 УПК РФ.

Проведённое исследование показывает, что субъектный состав принципа свободы оценки доказательств не исчерпывается перечнем должностных лиц, приведённым в ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Оценку доказательств как мыслительную деятельность осуществляют потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник, гражданский истец и гражданский ответчик, и признание этого обстоятельства способствовало бы защите прав личности и развитию состязательности. Внутреннее убеждение формируется при постоянном взаимодействии логики и эмоций и выступает одновременно методом и результатом оценки. Доступным для проверки это взаимодействие делает профессиональное правосознание субъекта. Критерии «закон» и «совесть» при внешней простоте с самого начала отличаются неопределённостью, заложенной в них законодателем. Их замена для профессиональных участников уголовного судопроизводства категорией профессионального правосознания сохраняет гуманистические начала правосудия и придаёт структуре принципа стройность и практическую применимость. Для присяжных заседателей совесть остаётся самостоятельным критерием оценки доказательств.

Литература

1. Тарнавский, О. А. Определение понятия принципа уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2012. — № 20, вып. 30. — С. 75–77.

2. Балакшин, В. С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2015. — Т. 25, вып. 4. — С. 75–83.

3. Белкин, А. Р. Теория доказывания : научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. — Москва : НОРМА, 1999. — 429 с.

4. Хорьяков, С. Н., Гордеев, А. Ю. Особенности практической реализации принципа свободы оценки доказательств на различных стадиях уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 12 (204). — С. 142–145. — DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_142.

5. Макеева, И. В. Правила и принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Экономика. Право. Общество. — 2022. — Т. 7, № 4 (32). — С. 100–105. — DOI: 10.21686/2411-118X-2022-4-100-105.

6. Черакшева, А. А., Шигурова, Е. И. Реализация принципа свободы оценки доказательств при вынесении приговора // Огарёв-online. — 2020. — Т. 8, № 14. — URL: https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/275203 (дата обращения: 11.10.2026).

7. Корнакова, С. В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Lex russica. — 2021. — Т. 74, № 9 (178). — С. 67–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.067-076.

8. Машовец, А. О., Иванов, Д. С. Особенности оценки доказательств при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 30–36. — DOI: 10.14529/law210105.

9. Пилюгина, Н. Н. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пилюгина Наталья Николаевна. — Саратов, 2007. — 194 с.

10. Машовец, А. О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1 (79). — С. 104–109. — DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.11.

11. Макеева, И. В. Оценка доказательств в уголовном процессе // Экономика. Право. Общество. — 2023. — Т. 8, № 3 (35). — С. 23–28. — DOI: 10.21686/2411-118X-2023-3-23-28.

12. Победкин, А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 1 (41). — С. 104–108.

13. Вилкова, Т. Ю. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Право и политика. — 2015. — № 7 (187). — С. 1008–1020. — DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15745.

14. Зотов, Д. В. Необходимые пределы доказывания в условиях концепции свободы внутреннего судейского убеждения // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 4 (41). — С. 658–664. — DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11256.

15. Халиков, А. Н. Содержание и критерии оценки доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран // Правовое государство: теория и практика. — 2026. — № 1 (83). — С. 173–181. — DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.17.

16. Будников, В. Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2010. — № 1. — С. 43–44.

17. Ряполова, Я. П., Снегирева, Д. Е. Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2018. — Т. 8, № 4 (29). — С. 151–161.

18. Аверченко, А. К., Лужная, И. А. Закон и совесть, как основные критерии формирования внутреннего убеждения судьи в процессе оценки доказательств по уголовному делу // Аллея науки. — 2020. — № 9 (48). — С. 323–327.

19. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Юриспруденция. — 2011. — № 1. — С. 69–94.

20. Попова, И. П. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: новые вызовы // Судебная власть и уголовный процесс. — 2023. — № 2. — С. 33–38.

Structure of the free evaluation of evidence in criminal proceedings of the Russian Federation

Gaponov K.V.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article treats the free evaluation of evidence both as a principle of criminal proceedings and as a method by which information from the case file becomes the basis of a procedural decision. The author identifies three structural elements of the principle, namely the subjects of evaluation, inner conviction and the criteria of evaluation. The article distinguishes the capacity to evaluate evidence, which all participants in the proceedings possess, from the power to base a decision on one's own evaluation, which belongs to officials and the court. Inner conviction is presented as a unity of knowledge, logic, emotions and will that serves both as the method and as the result of evaluation, and the influence of anger and fear on certainty and doubt is shown. For officials, the author proposes to replace the criteria of law and conscience with professional legal consciousness, while for jurors conscience retains its independent significance.

Keywords: criminal procedure, free evaluation of evidence, principles of criminal proceedings, inner conviction, subjects of evaluation of evidence, professional legal consciousness, conscience, jurors.

References

1. Tarnavsky, O. A. Definition of the concept of the principle of criminal proceedings // Bulletin of the South Ural State University. The Pravo series. - 2012. — No. 20, issue 30. — pp. 75-77.
2. Balakshin, V. S. The principle of freedom of evaluation of evidence in the system of principles of Russian criminal justice // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2015. Vol. 25, issue 4. pp. 75-83.
3. Belkin, A. R. Theory of proof : a scientific and methodological guide / A. R. Belkin. Moscow : NORMA Publ., 1999. 429 p.
4. Khoryakov, S. N., Gordeev, A. Yu. Features of the practical implementation of the principle of freedom to evaluate evidence at various stages of criminal proceedings // Law and the State: theory and practice. — 2021. — № 12 (204). — Pp. 142-145. — DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_142.
5. Makeeva, I. V. Rules and principles of evidence assessment in criminal proceedings // Economy. Right. Society. — 2022. — Vol. 7, No. 4 (32). — pp. 100-105. — DOI: 10.21686/2411-118X-2022-4-100-105 .
6. Cheraksheva, A. A., Shigurova, E. I. Implementation of the principle of freedom of evaluation of evidence in sentencing // Ogarev-online. — 2020. — Vol. 8, No. 14. — URL: https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/275203 (date of request: 10/11/2026).
7. Kornakova, S. V. On the discussion of the properties of relevance, admissibility and reliability of criminal procedural evidence // Lex russica. — 2021. — Vol. 74, No. 9 (178). — pp. 67-76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.067-076.
8. Mashovets, A. O., Ivanov, D. S. Features of the evaluation of evidence in court proceedings with the participation of jurors // Bulletin of the South Ural State University. The Pravo series. — 2021. — Vol. 21, No. 1. — pp. 30-36. — DOI: 10.14529/law210105.
9. Pilyugina, N. N. Freedom of evaluation of evidence in criminal proceedings : dis. ... kand. jurid. Sciences : 12.00.09 / Pilyugina Natalia Nikolaevna. — Saratov, 2007. — 194 p.
10. Mashovets, A. O. Inner conviction or standard of proof? // The rule of law: theory and practice. — 2025. — № 1 (79). — Pp. 104-109. — DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.11.
11. Makeeva, I. V. Evaluation of evidence in criminal proceedings // Economics. Right. Society. — 2023. — Vol. 8, No. 3 (35). — pp. 23-28. — DOI: 10.21686/2411-118X-2023-3-23-28.
12. Pobedkin, A.V. The principle of freedom of evaluation of evidence and its impact on the legality of pre-trial proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — № 1 (41). — Pp. 104-108.
13. Vilkova, T. Y. Freedom of evaluation of evidence in criminal proceedings: legal foundations, content, guarantees // Law and Policy. — 2015. — № 7 (187). — Pp. 1008-1020. — DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15745.
14. Zotov, D. V. Necessary limits of proof in the context of the concept of freedom of internal judicial conviction // Actual problems of Russian law. — 2014. — № 4 (41). — Pp. 658-664. — DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11256.
15. Khalikov, A. N. The content and criteria for evaluating evidence in the criminal process of Russia and foreign countries // The rule of law: theory and practice. — 2026. — № 1 (83). — Pp. 173-181. — DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.17.
16. Budnikov, V. L. Conscience as a moral criterion of proof in criminal proceedings // Russian Justice. - 2010. — No. 1. — pp. 43-44.
17. Ryapolova, Ya. P., Snegireva, D. E. Conscience as a moral criterion for evaluating evidence in criminal proceedings // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. - 2018. — Vol. 8, No. 4 (29). — pp. 151-161.
18. Averchenko, A. K., Luzhnaya, I. A. Law and conscience as the main criteria for the formation of a judge's inner conviction in the process of evaluating evidence in a criminal case // Alley of Science. — 2020. — № 9 (48). — Pp. 323-327.
19. Koni, A. F. Moral principles in the criminal process (General features of judicial ethics) // Jurisprudence. — 2011. — No. 1. — pp. 69-94.
20. Popova, I. P. Moral principles in criminal proceedings: new challenges // Judicial power and criminal procedure. — 2023. — No. 2. — pp. 33-38.

Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации: терминологическая неопределённость и предложения по правовой регламентации ст. 274.1 УК РФ

Колмыков Илья Александрович
адъюнкт; Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, Ilyakolmykov01@mail.ru

Предметом исследования настоящей статьи выступают отдельные элементы нормативного содержания ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». В рамках исследования автором уделяется особое внимание анализу значения таких терминов, как «заведомо», «иная компьютерная информация», «модификация». С целью устранения терминологической неопределенности категорий "модификация" и "иная компьютерная информация" автором был проведен сравнительный анализ существующих теоретических позиций к их содержание, на основе которых был сформирован авторский подход к их сущности. Автором, рассуждается вопрос о возможном изменении редакции ч. 1 ст. 274.1 УК РФ – путем включения в ее альтернативные действия термина «модификация». Автор отмечает, что добавление термина "модификация" в диспозицию ч.1 ст. 274.1 УК РФ необходимо осуществлять с учетом комплексного определения условий, при которых действия по созданию, распространению, использованию или модификации программ признаются заведомо предназначенными для неправомерного воздействия на КИИ. По мнению автора такими условиями могут являться следующие факты: создание программ, специально предназначенных для атак на КИИ; модификация программ общего назначения для нейтрализации систем защиты объектов КИИ; использование программ, предназначенных для воздействия на инфраструктуры, использующие однотипные системы защиты.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, иная компьютерная информация, заведомость, терминологическая неопределённость, правила эксплуатации, модификация программного обеспечения, категорирование, объекты, тяжкие последствия, программное обеспечение

Введение

Современные технологии и постоянное совершенствование информационного обеспечения общества обуславливают необходимость повышения качественной защиты информации, хранящейся в различных информационных базах (системах), в том числе в системе критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее — КИИ). Методология исследования и исследовательская процедура, критерии отбора научных позиций.

В качестве общенаучных применялись анализ и синтез — для раскрытия содержания признаков состава преступления ст. 274.1 УК РФ и объединения отдельных выводов в целостную систему предложений по совершенствованию нормы. Исследовательская процедура формировалась за счет авторской выборке научных позиций и научных статей по теме исследования при помощи электронных научных библиотек (eLIBRARY, КиберЛенинка и т.п). Для отбора научных позиций и научных статей приоритет отдавался работам, содержащим эмпирическую базу (анализ судебной практики, приговоров, статистики), содержащим контрверсии к другим исследователям в данной области.

Исследовательская часть.

В рамках анализа уголовного законодательства, нормативных правовых актов и специальной научной литературы нами были выявлены возможные проблемы для следственно-судебной деятельности, в числе которых:

неоднозначная практика оценки предмета преступления;

отсутствие упоминания в дефиниции статьи термина «модификация» компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;

отсутствие законодательного определения «иной компьютерной информации» применительно к ст. 274.1 УК РФ;

Стоит начать рассмотрение указанных проблем с предмета преступления. Так, предмет преступления по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ составляют компьютерные программы или иная компьютерная информация, заведомо предназначенные для совершения компьютерных атак на объекты КИИ (далее — ОКИИ). Анализ законодательной конструкции предмета данного деяния приводит к выводу о её неоднозначности в части трактовки терминов «заведомо» и «иная компьютерная информация».

Как справедливо отмечают Р. И. Дремлюга, С. С. Зотов и В. Ю. Павлинская, «ч. 1 ст. 274.1 УК РФ может быть неправильно квалифицирована, так как большинство вредоносных средств имеют широкий спектр применения и, скорее всего, могут применяться в том числе и против объектов критической инфраструктуры» [1]. Похожее мнение мы также можем найти в работах Е. А. Русскевича [2], М. А. Ефремовой [3], Л.И. Федосеева [4] и др.

Представители данного подхода правильно отмечают нарушение законодателем сущности признака «заведомости» программы. С данным мнением следует согласиться по следующей причине: термин «заведомо созданный» может противоречить факту создания программного обеспечения, предназначенного для широкого круга объектов, но применяемого также для неправомерного воздействия на КИИ. Мы считаем, что лица, осуществляющие противоправные деяния, крайне редко создают специализированное программное обеспечение, направленное исключительно на объекты КИИ. Современные вредоносные программы воздействуют на различные инфраструктуры и в основном функционируют на основе выявления уязвимостей, не закрытых средствами антивирусной защиты. Технологические возможности современной вредоносной программы представляют широкий инструмент для осуществления кибератаки на группу информационных объектов, ОКИИ.

Второй подход представлен группой авторов Л. Л. Кругликова, С. Д. Бражника и И. А. Пилясова, которые в своей работе кардинальным образом предлагают решить данную проблему, а именно:

«представляется целесообразным исключить из диспозиций ст. 273 и ч. 1-2 ст. 274.1 УК указание на «заведомость», чтобы избежать проблем при квалификации указанных деяний, которые с неизбежностью будут возникать у правоприменителя» [5]. Данный подход действительно может представлять интерес в рамках теоретического осмысления сущности и содержания термина «заведомо», однако применительно к практическому осмыслению разграничения информационного преступления между смежными составами преступлений, по нашему мнению, это не представляется возможным. Данное авторское предположение основано на специфике конструкции уголовно-правовых норм, закреплённых действующим уголовным законодательством (глава 28 Уголовного кодекса РФ).

Третий подход мы можем найти в работе И. И. Малыгина, который утверждает следующее: «программа и информация должны с точки зрения своего содержания и функционала обладать уникальностью действия именно в отношении объектов критической информационной инфраструктуры, и с другой стороны, эту предназначенность можно также понимать как фактическую эффективность (применимость) программы против того или иного критически важного объекта, хотя в целом «вредонос» может иметь широкий спектр действия и не обладать какой-либо внутренней спецификой» [6].

В данном подходе идёт смещение фокуса с предназначенности на применимость программы, что, по нашему мнению, является правильным подходом. С точки зрения существующей следственно-судебной практики доказать признаки «заведомо предназначенной» как самостоятельную категорию не всегда представляется возможным. Описанный И. И. Малыгиным подход не исключает уникальность программы, используемой преступниками, а напротив интерпретирует ее как фактическую эффективность (применимость). Уточнив первую обозначенную нами проблему, считаем целесообразным перейти к следующей.

Вторым спорным моментом является вопрос об использовании легального специализированного программного обеспечения, приобретённого и модифицированного для атаки на информационные ресурсы и системы. Такое программное обеспечение может изначально создаваться для проверки защищённости объектов, не относящихся к КИИ, но при последующей модификации его кода или логики работы предназначаться для неправомерного воздействия на объекты КИИ. В данном случае возникает вопрос: является ли факт модификации ПО основанием для признания программы «заведомо созданной» для атаки на КИИ?

Лица, модифицирующие специализированное ПО, по существу, не создают новую программу, а модернизируют логику уже существующей. Как отмечают А. Б. Абазов и Т. А. Файрушин, «законодатель не указывает на принципиальную разницу таких программ, но анализ накопленной судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что преступники применяют вредоносное программное обеспечение, созданное не только с прямой целью нанести ущерб структуре КИИ, но и различные инструменты, разработанные для иных задач» [7].

Для разрешения данной проблемы рассматривается возможность дополнения действующей редакции ч. 1 ст. 274.1 УК РФ термином «модификация», изложив её в следующей редакции: «Создание, распространение и (или) использование, модификация компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Мы отмечаем, что данное изменение требует комплексного рассмотрения в рамках отдельных исследований, однако отметим некоторые основания для внесения предложенного изменения в анализируемую статью. В настоящее время, анализируя законодательство нашей страны, мы приходим к выводу, что легальное определение модификации компьютерной программы содержится лишь в одном нормативном правовом акте, а именно в Гражданском кодексе Российской Федерации (закреплено в подпункте 9 пункта 2 статьи 1270 Гражданского кодекса РФ). Использование данной дефиниции в настоящем исследовании носит аналогический характер: в уголовном законе легальное определение модификации отсутствует, что само по себе может подтверждать наличие законодательного пробела. Согласно вышеуказанному нормативному правовому акту, под модификацией компьютерной программы принято понимать любые её изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой язык, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя.

Как справедливо отмечают Ю. В. Смирнова и А. Г. Серго: «Модификация, в свою очередь, отличается от переработки тем, что не предполагает создание новой программы, однако приводит к существенным доработкам в исходной программе для ЭВМ» [8].

При рассмотрении гражданского законодательства мы можем сделать чёткое разделение между созданием и модификацией компьютерной программы, однако в рамках уголовного законодательства это не всегда берётся во внимание. Судебное толкование применительно к статье 273 УК РФ исходит из того, что создание программы может осуществляться в том числе путём внесения изменений в уже существующие программы, однако ключевая проблема применительно к ст. 274.1 УК РФ, с нашей точки зрения, заключается в разграничении целей действия программы и объекта воздействия.

В п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» (далее — ПП ВС РФ № 37) упоминается следующее: «создание вредоносных компьютерных программ или иной вредоносной компьютерной информации представляет собой деятельность, направленную на разработку, подготовку программ (в том числе путем внесения изменений в существующие программы) или иной компьютерной информации, предназначенных для несанкционированного доступа, то есть совершаемого без согласия обладателя информации, лицом, не наделенным необходимыми для такого доступа полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка уничтожения, блокирования, модифицирования, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты». Мы отмечаем, что законодатель указывает предназначенность программы для несанкционированного доступа (ст. 273 УК РФ), а в анализируемой нами норме (ст. 274.1 УК РФ) программа либо иная компьютерная информация предназначена для неправомерного воздействия на КИИ. В рамках детального анализа дефиниций указанных статей и содержания ПП ВС РФ № 37 мы акцентируем внимание в главной степени на различие в направленности действий программ — «доступ» и «воздействие».

Сложившаяся судебная практика фактически приравнивает модификацию компьютерной программы к созданию новой программы в рамках ст. 273 УК РФ, что позволяет охватить составом данной статьи сам факт использования программы, «заведомо предназначенной для несанкционированного» уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (как правило, неопределённого типа). Ключевой признак такого рода программы — «заведомо предназначенной для несанкционированного…». Подобное расширительное толкование не влияет качественным образом на совершение действий, описанных в рамках ст. 273 УК РФ, однако применительно к ст. 274.1 УК РФ это может являться ключевым признаком при определении факта совершения уголовно-правового деяния и возможной конкуренции между анализируемыми уголовно-правовыми нормами, поскольку в ст. 274.1 УК РФ законодателем акцент делается на: «создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру» (программа модифицируется под конкретный объект КИИ, особенности его функционирования и средства защиты информации). При детальном сравнении дефиниций ст. 274.1 УК РФ и ст. 273 УК РФ становится очевидным факт разнородности объекта информационного посягательства и способа достижения данной цели (модификация, приравненная к факту создания новой программы в рамках ст. 273 УК РФ, и модификация для использования законодательного пробела — отсутствия данного термина в ст. 274.1 УК РФ — для ухода от уголовной ответственности). Вывод сделан на основе последовательного описания терминологической неопределенности «заведомо предназначенной» и отсутствием альтернативного воздействия на программу «модификации» для осуществления неправомерного воздействия на КИИ.

Следующей проблемой является отсутствие законодательного определения «иной компьютерной информации». Обращаясь к ПП ВС РФ № 37, отметим, что разъяснение данного термина дано лишь применительно к ст. 273 УК РФ: «к иной компьютерной информации отнесены ключи доступа, элементы кодов компьютерных программ, способных скрытно уничтожать и копировать информацию». Однако законодатель не даёт определения данного термина, а лишь перечисляет элементы, которые могут быть к ней отнесены. Это порождает вопросы: какие именно ключи доступа таковыми являются; на какой стадии программирования элементы кода приобретают данный статус?

Как указывает Н. В. Ермолаев, «ключи доступа представляют собой логин или код-пароль, которые, хоть и не являются компьютерной программой, но предоставляют доступ к информационной системе объектов КИИ РФ» [9].

Ф.Б. Гребенкин под иной компьютерной информацией подразумевает любую информацию со встроенными в нее вредоносными программными кодами (например, логическая бомба) [10].

Как указывает П. В. Галушин, «комбинация компьютерной информации разных типов, не являющихся программой или взаимодействующих с невредоносными программами, которые способны осуществить блокирование, модификацию, копирование компьютерной информации без согласия обладателя такой информации» [11].

Полагаем, что законодатель должен дать чёткое определение «иной компьютерной информации» и дополнительно указать, что, кроме элементов кода и ключей доступа, к ней могут относиться логины и пароли, предназначенные для активации специализированного программного обеспечения. Авторское понимание данного термина следующее: «Иная компьютерная информация» — это совокупность системных данных, определяющих параметры, логику, состояние безопасности и технологическую возможность исполнения информационного объекта, а также служащие для идентификации и подтверждения доступа (защитным элементом). К ним относятся: учётные данные, списки пользователей, конфигурационные файлы, скрипты автоматизации, ключи шифрования.

Часть 5 ст. 274.1 УК РФ устанавливает ответственность за деяния, повлёкшие тяжкие последствия. Данный признак является оценочным и не определён законодательно, что порождает неоднозначность в правоприменении. Для целей квалификации тяжкие последствия целесообразно определять через совокупность критериев:

материальный (денежный) ущерб — затраты на восстановление функционирования объекта КИИ, восстановление утраченной информации, замену оборудования, а также упущенная выгода;

нарушение доступности и непрерывности — длительность прекращения или существенного снижения качества предоставления государственных услуг, социально значимых сервисов, производственных или технологических процессов;

масштаб последствий — количество затронутых пользователей, территориальный охват, количество нарушенных информационных процессов или систем;

угроза жизни и здоровью — создание реальной опасности для людей в результате нарушения работы автоматизированных систем управления (например, на объектах энергетики, транспорта, химической промышленности).

Отмечаем необходимость проведения дополнительного исследования по определению размера материального ущерба для следующих категорий: значительный размер ущерба, крупный размер ущерба или особо крупный ущерб. Данные категории должны быть выражены в денежном эквиваленте. Однако материальный критерий не должен быть единственным: при отсутствии значительного ущерба, но при наличии существенного нарушения функционирования социально значимых сервисов или угрозы жизни и здоровью последствия также могут быть признаны тяжкими. Отмечаем, что предложенная система критериев носит рекомендательный характер и требует дальнейшей эмпирической верификации

Заключение

Таким образом, проведённый нами анализ позволяет сделать следующие выводы. Термин «заведомо» в ч. 1 ст. 274.1 УК РФ нуждается в уточнении. Предлагаем рассмотреть возможность дополнить диспозицию термином «модификация» и определить условия, при которых действия по созданию, распространению, использованию или модификации программ признаются заведомо предназначенными для неправомерного воздействия на КИИ: создание программ, специально предназначенных для атак на КИИ; модификация программ общего назначения для нейтрализации систем защиты объектов КИИ; использование программ, предназначенных для воздействия на инфраструктуры, использующие однотипные системы защиты. Необходимо законодательное определение «иной компьютерной информации» для ст. 274.1 УК РФ с указанием, что к ней относятся ключи доступа, элементы кода, логины и пароли, предназначенные для активации или нейтрализации средств защиты объектов КИИ. Для единообразной квалификации по ч. 5 ст. 274.1 УК РФ необходимо закрепить совокупность критериев тяжких последствий: материальный ущерб, нарушение доступности и непрерывности, масштаб воздействия, угроза жизни и здоровью. Перспективой дальнейшего исследования видится разработка критериев дифференциации тяжких последствий по размеру материального ущерба, а также детальное обоснование включения термина «модификация» в диспозицию ч. 1 ст. 274.1 УК РФ.

Литература

1. Дремлюга, Р. И. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства / Р. И. Дремлюга, С. С. Зотов, В. Ю. Павлинская // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – Т. 21, № 2. – С. 130-139. – DOI 10.24866/1813-3274/2019-2/130-139. – EDN MMQOOR.

2. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография / Е. А. Русскевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 351 с. — (Научная мысль). — DOI: 10.12737/1840963

3. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография / М. А. Ефремова. — Москва: Юрлитинформ, 2018. — 306 с. — (Уголовное право). — ISBN 978-5-4396-1540-7.

4. Федосеев, Л. И. Анализ отдельных положений статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. И. Федосеев // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : Материалы IV межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2019 года / Под общей редакцией С.В. Ширяевой. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – С. 190-194. – EDN TSEZUV.

5. Кругликов Л. Л., Бражник С. Д., Пилясов И. А. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ): некоторые проблемы определения признаков состава преступления // Журнал юридических исследований. 2019. № 3. С. 53-62. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c146832807fdbab85e18d/nepravomernoe-vozdeystvie-na-kriticheskuyu-informacionnuyu-infrastrukturu-rossiyskoy-federacii-st-274-1-uk-rf-nekotorye-problemy-opredeleniya-priznakov-sostava-prestupleniya/view. (дата обращения: 26.10.2026).

6. Малыгин, И. И. Актуальные проблемы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации / И. И. Малыгин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 165-176. – DOI 10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176. – EDN XUTRYN.

7. Абазов, А. Б. К вопросу об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 ук РФ) / А. Б. Абазов, Т. А. Файрушин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 4(102). – С. 86-92. – EDN DOZCTD.

8. Смирнова Ю.В., Серго А.Г. Свободное ПО в реестре российских программ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 1. С. 5-20. EDN: WVOHDB.

9. Ермолаев, Н. В. К вопросу о содержании термина «иная компьютерная информация» для целей статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. В. Ермолаев // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 1(41). – С. 146-150. – EDN DUJLYY.

10. Гребенкин, Ф.Б. Некоторые проблемные вопросы объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ / Ф.Б. Гребенкин, Л.А. Коврижных // Вестник гуманитарного образования. – 2017 – № 2 – С. 71-77.

11. Галушин, П. В. Иная вредоносная компьютерная информациякак предмет преступления, предусмотренного статьей 273

УК РФ / П. В. Галушин, Е. А. Лапина // Научный компонент. – 2020. – № 1(5). – С. 61-67. – DOI 10.51980/2686-939X_2020_1_61. – EDN VWXZIN.

Unlawful Interference with the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation: Terminological Ambiguity and Proposals for the Legal Regulation of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Kolmikov I.A.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov

The subject of this article is certain elements of the normative content of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, “Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation.” Within the framework of the study, the author pays special attention to analyzing the meaning of such terms as “knowingly,” “other computer information,” and “modification.” In order to eliminate the terminological ambiguity surrounding the categories of “modification” and “other computer information,” the author conducted a comparative analysis of the existing theoretical positions regarding their content, on the basis of which the author developed their own approach to their essence. The author discusses the issue of a possible amendment to Part 1 of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation – by including the term “modification” in its alternative actions. The author notes that the addition of the term “modification” to the disposition of Part 1 of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation should be carried out taking into account a comprehensive definition of the conditions under which actions involving the creation, distribution, use, or modification of programs are deemed to be knowingly intended for unlawful impact on critical information infrastructure. According to the author, such conditions may include the following facts: the creation of programs specifically designed to attack CII; modification of general-purpose programs to neutralize CII protection systems; the use of programs designed to affect infrastructures using the same type of protection systems.

Keywords: critical information infrastructure, other computer information, knowledge, terminological uncertainty, operating rules, software modification, categorization, objects, grave consequences, software.

References

1. Dremlyuga, R. I., Zotov, S. S., & Pavlinskaya, V. Yu. (2019). Critical Information Infrastructure as an Object of Criminal Encroachment. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 21(2), 130–139. DOI: 10.24866/1813-3274/2019-2/130-139. EDN: MMQOOR.
2. Russkevich, E. A. (2023). *Criminal Law and "Digital Crime": Problems and Solutions* (2nd ed., rev. and exp.). Moscow: INFRA-M. 351 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/1840963
3. Efremova, M. A. (2018). *Criminal Law Protection of Information Security*. Moscow: Yurlitinform. 306 p. (Criminal Law). ISBN 978-5-4396-1540-7.
4. Fedoseev, L. I. (2019). Analysis of Certain Provisions of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In S. V. Shiryaeva (Ed.), *Legality and Law and Order: History, Modernity, and Current Issues: Proceedings of the IV Interuniversity Student Scientific Conference* (Moscow, December 3, 2019). – Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2020. – pp. 190–194. – EDN TSEZUV.
5. Kruglikov L. L., Brazhnik S. D., Pilyasov I. A. Unlawful Interference with the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Some Issues in Defining the Elements of the Offense // Journal of Legal Research. 2019. No. 3. pp. 53–62. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c146832807fdbab85e18d/nepravomernoe-vozdeystvie-na-kriticheskuyu-informacionnuyu-infrastrukturu-rossiyskoy-federacii-st-274-1-uk-rf-nekotorye-problemy-opredeleniya-priznakov-sostava-prestupleniya/view. (accessed: 26.10.2026).
6. Malygin, I. I. Current Issues in the Legal Classification of Unlawful Interference with the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation / I. I. Malygin // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. – 2023. – Vol. 13, No. 2. – pp. 165–176. – DOI 10.21869/2223-1501-2023-13-2-165-176. – EDN XUTRYN. 7. Abazov, A. B., & Fairushin, T. A. (2023). On the Issue of Criminal Liability for Unlawful Interference with the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (4(102)), 86–92. EDN: DOZCTD.
8. Smirnova, Yu. V., & Sergo, A. G. (2020). Free Software in the Registry of Russian Programs. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, (1), 5–20. EDN: WVOHDB.
9. Ermolaev, N. V. (2024). On the Content of the Term "Other Computer Information" for the Purposes of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (1(41)), 146–150. EDN: DUJLYY.
10. Grebenkin, F. B., & Kovrizhnykh, L. A. (2017). Some Problematic Issues Regarding the Objective Elements of the Offense Provided for by Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of Humanitarian Education*, (2), 71–77.
11. Galushin, P. V., & Lapina, E. A. (2020). "Other Malicious Computer Information" as the Subject of the Offense Provided for by Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Scientific Component*, (1(5)). – pp. 61-67. – DOI 10.51980/2686-939X_2020_1_61. – EDN VWXZIN.

Доказывание вины и размера вреда в спорах о нотариальной ответственности

Майнбург Регина Сергеевна
Нотариус Куйтунского нотариального округа Иркутской области, not.rs@yandex.ru

Студинская Марина Викторовна
помощник нотариуса Усть-Кутского нотариального округа Иркутской области С.В. Марковой, m.studinskaya@mail.ru

Многие из юридических сделок в наше время совершаются с помощью нотариусов. Они играют большую роль, которая за последние годы в нашей стране только усиливается. Нотариус выступает главным барьером для действий и сделок, противоречащих закону. Однако попытки оспорить совершенные нотариальные действия по разным причинам все же случаются. Данная статья рассматривает законы и нормы, которые важны для понимания определения соотношения возможностей нотариуса и его вины. Проведенный в статье анализ коллизий между основными законами позволяет вывести несколько главных проблем по вопросу ответственности нотариуса, в том числе и для самого нотариуса. Также разбирается роль экспертизы, как одного из главных способов объективизировать границы ответственности и вины.
Ключевые слова: нотариус, ответственность, судебная экспертиза, возмещение вреда, деликтные притязания.

Нотариус – не отделимая часть мира юриспруденции. Как и многие аспекты современного права, эта профессия появилась ещё в Древнем Риме – судебные писцы, разделившиеся позже на государственных и частных, и под стать своей древности нотариат имеет большее значение и вес. Нотариус – есть юрист, работающий на государство, но ведущий частную практику. Он выступает гарантом законности сделок, проверяет соблюдение закона, добровольность воли сторон, защищает и предупреждает о скрытых рисках. Однако, большой юридический вес несёт за собой и большую ответственность.

Исследования, проходившие в России, показывают, что за период с 2020 по 2025 года были оспорены более 29,8 тысячи типовых имущественных сделок [1]. Можно также выделить и то, что основной частью роста стали вопросы об дарении недвижимости (46%!) и договоры купли-продажи (32%). Однако всего 8% таких сделок проходили с участием нотариуса, остальные же в простой письменной форме. Отсюда видно, что сделки, удостоверенные нотариусами, были явно более продуманными и осмысленными. Это подчеркивает роль нотариуса, высказанную выше. По данным Министерства Юстиции за 2023 -2026 год по 213 искам об оспаривании действий нотариуса суды рассмотрели и вынесли положительное решение в 26% процентов случаев, что всё равно составляет всего лишь 0,0001 долю от всех дел с участием нотариуса по стране. Такой маленький процент можно объяснить высокой квалифицированностью самих нотариусов, которые действуют в рамках законодательства и с высокой сложностью доказывания полного состава обвинения (деликтные притязания, противоправность, причинная связь).

За последний десяток лет сложность и рост роли нотариуса во многих юридических делах резко поднялся. К таким изменениям можно отнести: Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ, который расширил перечень сделок, надлежащих к нотариальному удостоверению (сделки по продаже недвижимости несовершеннолетнего или ограниченно дееспособного лица; продажа земельной доли; сделки в рамках доверительного управления или опеки; соглашения о разделе общего имущества супругов; продажа доли в общей собственности постороннему лицу), соответственно если совершать такие сделки в простой письменной форме без нотариального удостоверения, то они признаются ничтожными; нотариальное удостоверение сделок дарения недвижимости, Федеральный закон от 13.12.2024 № 459-ФЗ, теперь любые сделки по дарению недвижимости должны быть удостоверены у нотариуса; Федеральный закон от 23 ноября 2024 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу от 24 ноября 2025 года, сильно увеличил значимость нотариуса в делах о наследстве [2].

И на фоне того, что деятельность нотариуса стала еще более значима, мы можем увидеть хоть и небольшой в процентном соотношении от общего количества оспоренных сделок, но ряд случаев об оспаривании совершенных нотариусами сделок. Но как же определяется наличие и степень вины нотариуса: нотариус по ст. 17 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утверждены ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) несёт полную имущественную ответственность за вред, причиненный «по его вине». Судебная практика имеет обыкновение балансировать между объективным вменением (ответственность за результат) и субъективным вменением (ответственности за поведение). Сложная дифференциация таких судебных решений обусловлена различными фактами, и одно из самых значимых – сложность этого процесса со стороны прокуратуры и судебных экспертиз. И отсюда уже вытекает проблема другого характера: как в законодательной системе сосуществует этот вопрос доказывания вины и принцип формально высоких гарантий возмещения вреда? И как бремя доказывания вины должно распределять между истцом, нотариусом и страховщиком и должно ли (!) вообще? От решения этого вопроса зависит не только исход отдельных дел, но и стабильность всей трехуровневой системы страховой защиты (индивидуальное страхование — коллективное страхование — компенсационный фонд ФНП), ведь именно оно поможет определить доступность механизмов защиты и для нотариуса, и для истца.

Ключевым для определения вины и её размера является ст. 17 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате». Этот

закон есть краеугольный камень всей этой темы в юриспруденции [3]. Его формулировка имеет смысл как то, что нотариус, занимающийся частной практикой, несёт полную ответственность за вред, причинённый по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона; за реальный ущерб, причинённый неправомерным отказом в совершении нотариального действия, а также разглашением сведений о совершённых нотариальных действиях; за вред, виновно причинённый его работниками или лицом, временно замещающим нотариуса, при исполнении ими обязанностей, связанных с нотариальной деятельностью. При этом вред возмещается, сначала из страховых возмещений, потом уже из личного имущества, а если и его имущества не хватит — за счёт средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты. Также признается тот факт, что если нотариус работает в государственной нотариальной конторе, то государство несёт ответственность за вред. При участии двух или более нотариусов, то размер их вины – солидарен. И в конец стоимость возмещения вреда сделки после оценки не может превышать стоимость предмета сделки (что защищает нотариуса от неоправданных финансовых рисков). Это большая часть пунктов из этой статьи, которые имеет к данной теме непосредственное отношение.

Как общее дополнение к ст. 17, можно добавить совершенно фундаментальный закон Ст. 1064 ГК РФ, который закрепляет общие положения основания для возмещения за причинение вреда. К ним добавляется также и п. 2 ст. 1064, п. 2 ст. 401 ГК РФ. Вместе они образуют своеобразную презумпцию вины. Получается так, что нотариусу необходимо доказать, что его действия (или бездействие) не причинили вреда истцу или причинили в другом объёме (это является небольшой проблемой, так как нотариусу по закону необходимо вести полную документацию дела). То есть нотариус обязан, как ответчик, доказать, что действовал в рамках закона и со всей возможной в той ситуации осмотрительностью и заботливостью, принял все возможные, для предотвращения ситуации, действия.

Теперь стоит поговорить об условиях деликтной ответственности нотариуса. Собой он представляет своеобразную четырёхэлементную конструкцию, части которой тесно взаимосвязаны.

Первая из них – вопрос о противоправности поведения, противоправности действий и противоправности результата, на который Верховный Суд структурированно сформировал судебные акты, помогающие разобраться в сложных судебных исках. О противоправности действий мы уже говорили выше: нотариус виновен при совершении действий, противоречащих закону, или не совершает действий, обязательных по закону. Следовательно, для доказывания вины нотариуса истец должен предоставить непосредственно факты, указывающие на то, что нотариус совершил противоправные действия. Но при законодательной действий нотариуса и негативном результате, которые получились не от его действий мы получаем совершенно другую картину. И так мы плавно перетекаем в противоправность результата. Как было сказано, негативный результат не всегда может быть вызван виной нотариуса, так позиция Верховного суда довольно четко прослеживается в делах о банкротстве банков. Представим себе такую ситуацию: нотариус принимает деньги, например для депозита, и размещает их на счёте банка, имеющего лицензию. Однако в какой-то момент у банка отзывают лицензию и кредитор (гражданин, который передал деньги нотариусу) не может получить их. Формально – человек потерял деньги после действий нотариуса, но вот по факту – действия нотариуса не были противоправными, а значит вины он не несёт. Вина ложится на третье лицо – саму кредитную организацию. В силу такой логики, ВС РФ отменял решения нижестоящих инстанций, принимающих положительное дело по таким делам [4]. Тем не менее, если же нотариус не проверил в должной мере все документы перед перевод или не досмотрел, вина ложится на него, как противоправность поведения. К этому же относится: обязанность нотариуса лично установить личность обратившегося, проверить дееспособность и правоспособность, проверить полномочия представителя; разъяснение смысла и значения проекта сделки, проверка соответствия содержания действительным намерениям сторон; Обязанность по правовому анализу документов (как элемент услуг правового характера). Но в большинстве случаев сделки, совершенные нотариусом, не имеют таких нарушений, так как право на возможность работать нотариусом подкреплено хорошим юридическим образованием и серьёзным конкурсным отбором.

Второй частью является проблематичностью доказывания вины при «пороке факта»: поддельный паспорт, умерший продавец, недееспособный контрагент и др. Например, суд скорее всего встанет на сторону нотариуса, который провёл проверку по паспорту, соответствующую всем нормам, то есть через базы МВД, и в том числе по фото с базы данных [5]. Однако не всегда нотариусы могут физически проверить документ полноценно, если, например подделка высокого качества и всевозможные проверки не выявили её. В таком случае суд после экспертизы может признать, что нотариус действовал со всей необходимой осмотрительностью. Немного другая картина с умершими продавцами. С точки зрения судебного разбирательства, это одно из самых сложных видов дел. Тем не менее, существует позиция судов, четко указывающих на то, что волеизъявления не было, сделка признаётся ничтожной, даже если нотариус не знал о смерти, а мёртвый человек не имеет никакого права отчуждать имущество. В таком случае понятие «противоправности действий» заменяется на «противоправность результата». К этой же категории сложностей в нотариальных дела является недееспособность контрагента: проблема, опять же в скрытом характере порока. Если у контрагента нет на руках, в реестре или где-либо ещё в открытом доступе подтверждения факта невменяемости, то кроме как личным разговором нотариус не может этого проверить [6]. Да, он может отправить человека для проверки, но не всегда это столь очевидно, например при расстройство аутистического спектра, как мы знаем, человек может быть признан недееспособным, но внешне выглядеть вполне вменяемым. Но не смотря на осторожность, нотариусу сложно доказать невиновность в таких случаях, так как общий внешний вид и разговор не являются должной осмотрительность, а суды часто признают это недостаточным доказательством, что вероятно является не самым хорошим примером. Человеческая психика разнообразно и многие из профессиональных психиатров, не всегда могут определить вменяемость по общим признакам. Тогда получается, что на нотариуса ложиться более непосильная и сложная задача - выявить вовремя невменяемость клиента (до совершения сделки),

Третье – разрыв причинно-следственной связи и злоупотребление правом со стороны потерпевшего. Первое из этих двух довольно просто - если в дело вмешиваются третьи лица, это может повлиять на ход дела, так как если их вмешательство было существенно, то и вина нотариуса может быть не столь существенна (не во всех, а в некоторых, где нотариус виноват косвенно). Если суд признает, что действия мошенников были очевидны, но были проигнорированы – это однозначно вина, но если не очевидно, то суд может встать на сторону нотариуса. С другой стороны вопрос злоупотребление правом со стороны потерпевшего. Здесь стоит понять, что это довольно субъективное понятие, например: при намеренном растягивании процесса и тем самым увеличивании вреда, или намеренно совершать действия, направленные на обход законов и причинение вреда. В доказательстве таких случаев суд может или частично или даже полностью (!) отметить поданный иск.

И наконец четвёртое – вред и его возмещение. Как было сказано в разделе о основах таких дел, нотариус несет полную(!) ответственность, то есть и реальный ущерб и упущенную выгоду, если она была. Но есть одна загвоздка – страховая компенсация возмещает лишь реальный ущерб, а вот упущенную выгоду должен оплатить сам нотариус, да и к тому же не всегда страховая может полностью покрыть даже реальный ущерб. Получается парадокс, нотариус платит полностью, страховая нет, в итоге мы видим необоснованные финансовые риски для нотариуса. Однако это лишь в том случае если упущенная выгода «сорвалась» только из-за действий нотариуса, а такое случается крайне редко, так как факторов такого риска в жизни предостаточно. С другой стороны, упомянутые сделки, совершенные в простой письменной форме - крайне ненадежны и именно они часто ведут к делам, связанным с ущербом, ведь в них напрочь ответствует факт проверки специалистов юриспруденции.

Каким же образом проверяется вина нотариуса? Не последнюю, а может и ведущую роль здесь имеют судебные экспертизы. Ведь по своей сути они решают главную проблему – субъективность оценки. По большей часть используются экспертизы: почерковедческая, техническая экспертиза документов, судебно-медицинская (посмертная) экспертиза; их задача уже ретроспективно показать каковы были возможности нотариуса, что он мог проверить, а что для него было совершенно невозможно. Такая объективизация помо-

гает в первую очередь суду разобраться в деле, так например: почерковедческая - помогает определить в каком состоянии человек подписывал документ или могли нотариус отличить подпись; техническая - наверное самая незаменимая ведь она четче всего показывает на, что нотариус мог быть недобросовестен и не использовал специальные приборы для определения подделки; а судебно-медицинская (посмертная) экспертиза прямо относится к вопросу о недееспособности контрагента [7].

Говоря о доказывания вины нотариуса, нужно учитывать все вышеперечисленные моменты, начиная от «Основ» и заканчивая частными случаями не стоит забывать, что работа нотариуса, при всей сложности, четко регламентирована. Приведенная в самом начале статистика показывает минимальный процент от общего количества дел, по сравнению с сделками совершенными в простой письменной форме, что говорит очень явно о надежности нотариусов в таких вопросах и показывает высокую квалифицированность нотариусов в нашей стране. Поэтому к таким делам стоит подходить также, как нотариус должен подходить к своим обязанностям - «с должной осмотрительностью». Такое отношение может выразить, как законодательно-справедливое начало, так и своеобразную нравственную составляющую этих дел. Не поступай так, как поступили с тобой. И это четко ложится на данные дела. Для рассмотрения таких дел, необходимо учитывать, что в такой работе, которая напрямую связанна с договорами, как фактором риска по своей сути, грань, за которой находит вина нотариуса и его невиновность, очень тонка и хрупка. Нужно, просто необходимо проверять самого истца на законность его притязаний, ведь не всегда даже если нотариус виновен и его действия были единственным, которые привели к такой ситуации. Здесь “туманность” решения такого вопроса играет не отрицательную роль, а роль предупреждающего фактора и показательность степени сложности дел для судов, которые в свою очередь должны предпринять все возможности для полноценного и тщательного анализа процесса по таким делам.

Литература

1. Аналитики: печать нотариуса — средство против мошенников и судебных споров: [электронный ресурс]. — URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/analitiki-pechat-notariusa-na-dogovore-sredstvo-protiv-moshennikov-i-sudebnyh-sporov-2604 (дата обращения: 11.10.2026).
2. Майнбург Р. С. Включение в состав наследственной массы долговых обязательств и возможная ответственность наследников // Закон и Власть. — 2026. — № 9. — С. 210–213.
3. Статья 17. Ответственность нотариуса // КонсультантПлюс : [электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/a2c4fed48f10c6823bbedab2c5fe61e766546519/ (дата обращения: 11.10.2026).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 № 5-КГ18-311.
5. Цифровые сервисы нотариата против поддельных документов : [электронный ресурс]. — URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/cifrovye-servisy-notariata-protiv-poddelnyh-dokumentov-2609 (дата обращения: 11.10.2026).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2020 № 305-ЭС20-5407.
7. Гусенкова А. А., Захарова Л. Ю. Криминалистическое исследование почерковых объектов, выполненных в стрессовом состоянии.

Proving Fault and the Extent of Harm in Disputes over Notarial Liability.

Mainburg R.S., Studinskaya M.V.

Notary of the Kuitun Notarial District, Assistant to the notary Markova S.V., Ust-Kut Notarial District

Many legal transactions nowadays are carried out with the help of notaries. They play a significant role, which has only grown stronger in our country in recent years. The notary acts as the main barrier to actions and transactions that contradict the law. However, attempts to challenge completed notarial acts for various reasons still occur. This article examines the laws and regulations that are important for understanding the relationship between a notary’s capabilities and their liability. The analysis of conflicts between the main laws conducted in the article makes it possible to identify several key problems related to a notary’s liability, including for the notary themselves. The role of expertise is also examined as one of the main ways to objectify the boundaries of responsibility and guilt.

Keywords: notary, liability, forensic examination, compensation for harm, tort claims.

References

1. Analysts: a notary's seal — a means against fraudsters and court disputes : [electronic resource]. — URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/analitiki-pechat-notariusa-na-dogovore-sredstvo-protiv-moshennikov-i-sudebnyh-sporov-2604 (accessed: 11.10.2026).
2. Mainburg R. S. Inclusion of Debt Obligations in the Hereditary Mass and Possible Liability of Heirs // Zakon i Vlast'. — 2026. — No. 9. — P. 210–213.
3. Article 17. Liability of a Notary // ConsultantPlus : [electronic resource]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/a2c4fed48f10c6823bbedab2c5fe61e766546519/ (accessed: 11.10.2026).
4. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.03.2019 No. 5-KG18-311.
5. Digital Services of the Notariate against Forged Documents : [electronic resource]. — URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/cifrovye-servisy-notariata-protiv-poddelnyh-dokumentov-2609 (accessed: 11.10.2026).
6. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.09.2020 No. 305-ES20-5407.
7. Gusenkova A. A., Zakharova L. Yu. Forensic Examination of Handwriting Objects Executed in a Stressful State.

Проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа

Ембулаева Наталья Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, embulaeva.n@kubsau.ru
Окороков Виктор Иванович
Студент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, vitya.okorokov.06@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Анализ охватывает динамику изменений уголовного закона; одновременно исследуются проблемы разграничения смежных составов преступлений, предусмотренных статьями 159, 159.3 и 158 УК РФ. Особое внимание сосредоточено на толковании понятия «электронное средство платежа» и на определении момента окончания преступления - именно эти элементы вызывают наиболее заметные затруднения в правоприменении.
Ключевые слова: электронные средства платежа, мошенничество, информационные технологии, киберпреступность, кража, банковские карты, уголовное законодательство.

На фоне всеобщей цифровизации экономических отношений и широкого распространения удаленных финансовых сервисов традиционная преступность меняет привычные формы. Мошенничество, ответственность за которое установлена статьёй 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, все заметнее смещается от непосредственного контакта с потерпевшим к более сложным, многоступенчатым моделям, где используются информационно-телекоммуникационные сети и электронные средства платежа.

Согласно статистическим данным правоохранительные органы фиксируют устойчивое увеличение количества зарегистрированных хищений денежных средств граждан, совершаемых посредством обмана или злоупотребления доверием в цифровой среде. Одновременно для этой категории деяний по-прежнему характерна высокая латентность, то есть часть потерпевших не обращается в правоохранительные органы, поскольку размер причиненного ущерба представляется им незначительным либо отсутствует доверие к результативности расследования. На этом фоне все острее обозначается необходимость в углубленном научном анализе вопросов квалификации деяний, связанных с использованием электронных средств платежа.

Несмотря на внесение законодателем ряда изменений в диспозиции статей главы 21 УК РФ, включая введение специальных составов (в частности, ст. 159.3 УК РФ, практика применения которой впоследствии была скорректирована Верховным Судом РФ), правоприменительная практика сталкивается с комплексом доктринальных и процессуальных противоречий. Остаются дискуссионными вопросы разграничения мошенничества с использованием платежных карт от кражи с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), определения момента окончания преступления при бесконтактных транзакциях, а также установления субъективной стороны виновного при использовании методов социальной инженерии [7].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и систематизации проблем применения уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа, а также в разработке предложений по их устранению.

Достижение указанной цели предполагает решение ряда задач:

– необходимо исследовать изменения статьи 159.3 УК РФ и установить, в какой степени её действующая редакция соответствует криминологической реальности цифровых посягательств на собственность;

– требуется проанализировать критерии разграничения мошенничества с использованием электронных средств платежа и смежных составов преступлений, прежде всего кражи с банковского счёта и мошенничества в сфере компьютерной информации, выявив причины устойчивой конкуренции норм, именно в этой зоне наиболее заметны квалификационные затруднения;

– следует исследовать правоприменительную практику, включая как количественные параметры судимости и назначаемых наказаний, так и качественные характеристики конкретных судебных решений, с тем чтобы установить реальные, а не декларируемые законом критерии квалификации;

– необходимо определить институциональные и организационные факторы, препятствующие единообразному применению статьи 159.3 УК РФ;

– на основе полученных результатов надлежит сформулировать комплекс предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, в их взаимосвязи и с учетом выявленных проблем.

Научная новизна исследования определяется тем, что проблема применения статьи 159.3 УК РФ рассматривается не изолированно, а в контексте более широкого процесса трансформации уголовно-правовой охраны собственности под влиянием цифровизации. Авторский подход не сводится к фиксации противоречий судебной практики. Напротив, предпринимается попытка объяснить устойчивость этих противоречий через призму институциональных факторов и структурных особенностей самой уголовно-правовой нормы, такой ракурс позволяет выйти за пределы традиционной догматической критики и предложить решения, с учетом не только содержания закона, но и условий его применения.

Стремительное внедрение цифровых технологий в сферу имущественных отношений, наблюдаемое в последнее десятилетие, обусловило фундаментальную трансформацию не только способов распоряжения материальными благами, но и самого криминологического облика посягательств на собственность. Безналичные расчеты, дистанционное банковское обслуживание, системы мгновенных переводов и платёжные приложения стали повседневной практикой миллионы граждан; их использование перестало восприниматься как технологическая экзотика. Но обратной стороной этой технологической революции стало формирование качественно новых форм преступного поведения, в них традиционные криминальные схемы получают цифровую оболочку, а электронные средства платежа выступают инструментом завладения чужим имуществом [4].

От «классического» мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, данный состав отличается адресатом обмана. В первой ситуации обман или злоупотребление доверием обращены непосредственно к человеку, тогда как здесь используется технический посредник - банковская карта, система дистанционного банковского обслуживания, мобильное приложение, электронный кошелёк, платёжный терминал либо иное устройство, обеспечивающее инициирование перевода денежных средств в системе безналичных расчётов. Именно электронное средство платежа, как представляется, выступает тем орудием, посредством которого виновный преодолевает защитный механизм имущественных благ и получает доступ к счетам потерпевшего.

Содержание данного преступления состоит в ином механизме воздействия: виновный вводит в заблуждение либо злоупотребляет доверием субъекта, уполномоченного санкционировать платёжную операцию. Таким субъектом может выступать работник кредитной организации, сотрудник торговой точки или сам владелец счёта - круг лиц здесь определяется характером конкретной транзакции. При этом внешне операция нередко воспринимается как правомерная, поскольку списание денежных средств производится по установленным правилам платёжной системы, а согласие на транзакцию формально наличествует; однако такое согласие получено обманным путём либо основано на ложной уверенности в законности происходящего.

Ключевая юридическая особенность состава связана с его разграничением с кражей (ст. 158 УК РФ). Если лицо скрытно использует чужую банковскую карту, не вступая во взаимодействие с уполномоченными лицами и не прибегая к обману, содеянное подлежит квалификации как кража; мошенничество же имеет место в тех случаях, когда электронное средство платежа применяется именно как инструмент обмана или злоупотребления доверием, а не как техническое средство тайного изъятия имущества. По этой причине мошенничество с использованием электронных средств платежа образует самостоятельный вид хищения. В его конструкции цифровые платежные технологии выступают не просто каналом перевода денежных средств, а обязательным элементом преступного способа - именно он придаёт деянию повышенную общественную опасность и требует специальной уголовно-правовой оценки. Российский законодатель отреагировал на эти вызовы в 2012 году, дополнив Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 159.3. Эта норма установила ответственность за мошенничество с использованием платежных карт, а позднее – за мошенничество с использованием электронных средств платежа; однако её дальнейшая эволюция оказалась существенно более сложной. Неоднократное реформирование статьи, введение в 2018 году самостоятельной ответственности за кражу с банковского счета (пункт «г» части третьей статьи 158 УК РФ), признавшее необоснованным применение разъяснений Пленума, данных применительно к ранее действовавшей редакции статьи 159.3 УК РФ, фактически дезавуировало сложившуюся практику квалификации, но не предложило определенной альтернативы, в результате нижестоящие суды оказались перед необходимостью самостоятельно разрешать вопрос между мошенничеством и кражей, руководствуясь не столько буквой закона, сколько интуитивными представлениями о справедливости [5].

В условиях цифровой трансформации имущественных отношений российский законодатель обособил в самостоятельный состав деяния, посягающие на собственность с применением электронных платёжных инструментов. В ст. 159.3 УК РФ закреплена ответственность за хищение чужого имущества или приобретение права на него путём обмана или злоупотребления доверием, совершённое с использованием электронных средств платежа. Вместе с тем юридическая природа данного состава продолжает вызывать дискуссии: он соединяет признаки традиционного мошенничества и специфику, обусловленную технологическим способом совершения преступления - именно это сочетание затрудняет его однозначное теоретическое объяснение. Эта двойственность и определяет научную полемику вокруг нормы.

Содержание рассматриваемого деяния раскрывается через особую функцию платежного инструмента. Виновный использует электронное средство платежа не просто как канал перевода денег, а как средство воздействия на волю лица, санкционирующего платёж. Обман или злоупотребление доверием может адресоваться работнику кредитной организации, сотруднику торговой точки или самому владельцу счёта; в результате потерпевший либо уполномоченное лицо добровольно, но под влиянием заблуждения, инициирует перевод средств в пользу виновного. Именно этот волевой акт, хотя и дефектный по своему содержанию, отличает мошенничество от кражи, при которой изъятие имущества совершается помимо воли собственника.

Специфика объективной стороны проявляется в опосредованном характере взаимодействия участников. Виновный и потерпевший могут находиться на значительном расстоянии, а транзакция осуществляется автоматически, без непосредственного контакта сторон. Подобная конструкция порождает сложности при установлении момента окончания преступления, а также при его разграничении со смежными составами, прежде всего с кражей с банковского счёта (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничеством в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Ключевой критерий здесь, характер обмана, если он направлен на человека, санкционирующего операцию, налицо мошенничество, если же доступ к счету обеспечивается путём преодоления технической защиты, содеянное квалифицируется как кража.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа представляет собой сложный по своей юридической конструкции состав. В нём технологический способ совершения преступления неразрывно связан с традиционными признаками обмана или злоупотребления доверием, что исключает упрощённое понимание данной формы хищения. По нашему мнению, уяснение его сущности требует одновременного учёта классических положений о хищении и специфики цифровых платёжных отношений, по этой причине сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования как законодательной регламентации, так и практики применения соответствующей нормы. Такая связь определяет и дальнейшее развитие правоприменения.

При применении ст. 159.3 УК РФ ключевое значение имеет понятие «электронное средство платежа». Уголовный кодекс РФ не содержит его легального определения, перенаправляя правоприменителя к Федеральному закону «О национальной платежной системе». Под данное понятие подпадают не только банковские карты, но также системы интернет-банкинга, мобильные приложения, электронные кошельки и даже NFC-модули. На практике, как представляется, это влечет неодинаковую квалификацию внешне сходных деяний, то есть одинаковые по фактическому рисунку действия получают различную уголовно-правовую оценку в зависимости от того, какое техническое решение было использовано [7].

Проблема заключается в отсутствии четких критериев отнесения конкретного технического устройства или программного обеспечения к электронным средствам платежа. При таком положении возникает риск расширительного толкования, по этой причине затрагивается и принцип правовой определенности. Отсюда, при квалификации по ст. 159.3 УК РФ сохраняется неопределенность, способная повлечь нарушение принципа правовой определенности при оценке того, охватывается ли соответствующее средство понятием электронного средства платежа.

В 2025 году общее число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составило 675,4 тыс., что на 11,8 % меньше, чем годом ранее. Их доля в структуре всей преступности достигла 38 %, причем указанное сокращение количества не устраняет масштаб самой проблемы. С другой стороны, ущерб от телефонного и интернет-мошенничества в 2024 – 2025 гг. достиг рекордных значений, по оценкам экспертов, от 275 млрд до 295 млрд рублей, тем самым количественное снижение зарегистрированных деяний сочетается с сохранением исключительно значительных имущественных потерь.

По тяжким и особо тяжким составам в сфере IT-мошенничества показатель раскрываемости не превышает 23,2 %, а в отдельные периоды – снижался до 10,1 %. В 2025 году нераскрытыми остались 494,3 тыс. таких преступлений, что составило 73,2 % от числа зарегистрированных, что указывает на сохраняющийся разрыв между масштабом выявления соответствующих деяний и результативностью их последующего расследования. В судебной практике наиболее остро стоит вопрос разграничения ст. 159.3 и ст. 158 УК РФ, предусматривающей кражу. Именно способ совершения преступления выступает здесь определяющим критерием. Отсюда, центральное значение приобретает установление того, каким именно образом виновный получает возможность непосредственно распорядиться чужими денежными средствами, а именно через обман либо посредством их фактического тайного изъятия [6].

Кража по ст. 158 УК РФ, напротив, предполагает тайное хищение. Иная квалификация требуется, когда доступ к счету потерпевшего получают без его ведома и вопреки его воле. Если затем виновный переводит денежные средства, используя вредоносное программное обеспечение, скимминг или подглядывание PIN-кода, содеянное квалифицируется как кража, а не мошенничество, поскольку изъятие происходит тайно, без участия владельца [7].

Показательной коллизией выступает хищение денежных средств с банковского счета с использованием найденной банковской карты. Когда лицо оплачивает покупки в магазине через бесконтактную технологию, не требующую ввода ПИН-кода, суды на протяжении длительного времени квалифицировали такие действия как кражу (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Основание было следующим, доступ к счету осуществлялся без обмана уполномоченного лица, то есть кассира, и потому рассматривался как тайный способ изъятия денежных средств, при отсутствии непосредственного введения кого-либо в заблуждение.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30.11.2017 № 48 дал по этому вопросу специальное разъяснение. Если виновный использовал чужую банковскую карту для хищения денежных средств, но не вводил в заблуждение уполномоченных лиц (например, при оплате через терминал или в интернете), содеянное надлежит квалифицировать как кражу. Иная оценка возникает при наличии обмана, мошенничество имеет место тогда, когда виновный вводит в заблуждение уполномоченного работника (кассира, продавца), либо самого потерпевшего [10].

Но даже после этих разъяснений судебная практика сохраняет противоречивый характер. Использование технологий бесконтактной оплаты размывает границу между «тайным» и «обманным» способом, поскольку физический контакт с потерпевшим или его представителем отсутствует. По этой причине в ситуациях, когда лицо выдает себя за законного держателя карты, возникает конкуренция с мошенничеством, при этом отсутствие прямого взаимодействия осложняет установление того, имел ли место именно обман как способ завладения чужим имуществом.

Ниже, на основе анализа судебных актов, научных публикаций и материалов правоприменительной практики, приведены конкретные примеры, иллюстрирующие ключевые проблемы применения ст. 159.3 УК РФ. Первый из них - переквалификация с кражи на мошенничество и обратно в уголовном деле в отношении Кактан Ю. Ю., судебным актом по нему выступает Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 12-УДП20-5-К6 [2].

В этом эпизоде предметом оценки стали действия по оплате товаров, при том, что доступ к денежным средствам был пресечен вследствие блокировки карты.

Хронология квалификации в данном деле последовательно менялась, причем каждое процессуальное решение по-разному определяло уголовно-правовую природу содеянного. Суд первой инстанции осудил Кактан Ю. Ю. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (покушение на кражу с банковского счёта). Шестой кассационный суд общей юрисдикции 13 мая 2020 года переквалифицировал действия на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ (покушение на мошенничество с использованием электронных средств платежа). Затем Верховный Суд РФ отменил кассационное определение и направил дело на новое рассмотрение.

Позиция Верховного Суда строилась на разграничении признаков хищения и мошенничества применительно к действующей редакции уголовного закона. Судебная коллегия указала, что ссылка кассационной инстанции на п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 является необоснованной, поскольку разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159.3 УК РФ.

Именно эта правовая позиция, по нашему мнению, имеющая принципиальное значение для квалификации, создала основу для переквалификации многих аналогичных деяний.

Другой показательный пример связан с использованием чужой карты в супермаркете и с вопросом об обмане сотрудника. Источником выступает научная статья Тюнина В.И., Чабукиани О.А. (Санкт-Петербургский университет МВД России), в которой анализируется ситуация, выявляющая спорность признаков мошенничества при оплате товаров чужой банковской картой [1].

Ситуация состояла в следующем, гражданин Г. передал работнику торгового центра чужую банковскую карту в целях оплаты товаров. Суд первой инстанции, оценивая содеянное, указал:, что хотя Г. и не раскрыл свою личность, само по себе это обстоятельство не образует обмана либо введения в заблуждение сотрудника торговой организации, поскольку при нем отсутствовал документ, способный удостоверить его личность. Ключевое значение в данном деле приобрёл характер поведения лица, требовалось установить, достаточно ли одного лишь предъявления карты, не сопровождаемого какими-либо иными действиями, для признания наличия обмана.

В толковании норм уголовного права представлен и альтернативный подход к оценке указанных обстоятельств. По мнению ряда авторов, судебный орган не учел, что для применения ст. 159.3 УК РФ, то есть для констатации факта мошенничества, достаточно самого несообщения о незаконном владении банковской картой; данное умолчание рассматривается как юридически значимое обстоятельство. Уже одно это, как полагают сторонники такой позиции, образует введение в заблуждение работников супермаркета, даже при отсутствии иных действий со стороны лица. Иначе говоря, Тюнин В.И. и Чабукиани О.А. связывают наличие обмана с пассивным сокрытием существенного обстоятельства, а не только с активным сообщением ложных сведений.

Следующий пример касается мошенничества с использованием платежной карты, сопряженного с причинением значительного ущерба. Источником выступает приговор Саровского городского суда Нижегородской области по делу № 1-74/14 в отношении Рыжовой А.Н., он позволяет проследить, как в судебной практике применяется ч. 2 ст. 159.3 УК РФ при наличии квалифицирующего признака [8]. По фабуле дела Рыжова А.Н. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. Тем самым в квалификации были одновременно отражены способ совершения деяния и последствие в виде значительного ущерба. Суд учел ряд смягчающих обстоятельств, а именно наличие на иждивении малолетнего ребенка (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ), добровольное возмещение имущественного ущерба (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), состояние здоровья (наличие хронических заболеваний), а также признание вины и раскаяние в содеянном. Но наряду с этим было установлено и отягчающее обстоятельство, рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 18 УК РФ). Подсудимая ранее была судима за мошенничество (ч. 1 ст. 159 УК РФ) и кражу (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Значение данного примера состоит в том, что он демонстрирует применение квалифицированного состава ст. 159.3 УК РФ при наличии признака «значительный ущерб гражданину». Одновременно этот материал показывает, каким образом суд учитывает смягчающие обстоятельства при назначении наказания, даже в ситуации, когда в деле присутствует рецидив.

Приговор по делу № 1-40/34/2020 Джанкойского судебного района Республики Крым в отношении гражданина Сулько С.А. Фабула дела сводилась к следующим обстоятельствам, С.А. Сулько обнаружил мужской кошелек с двумя банковскими картами ПАО «РНКБ Банк». Реализуя внезапно возникший умысел на завладение чужим имуществом мошенническим путем, он умышленно ввел в заблуждение уполномоченных сотрудников нескольких магазинов, умолчав об отсутствии права на использование указанных выше найденных им средств электронного платежа, и расплатился за товар безналичным расчетом. В результате потерпевшему был причинен материальный ущерб - 4 800 рублей 90 копеек [9]. Содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа. Именно такая уголовно-правовая оценка легла в основу итогового судебного решения. При назначении наказания суд учел ряд смягчающих обстоятельств, а именно явка с повинной, активное способствование раскрытию и

расследованию преступления, частичное добровольное возмещение имущественного вреда, раскаяние в содеянном, признание вины. Их совокупность характеризовала поведение виновного после совершения преступления и, как представляется, имела значение для индивидуализации ответственности. Одновременно суд установил отягчающее обстоятельство, а именно рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), ранее лицо было судимо по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Наличие этого обстоятельства прямо повлияло на итоговую меру ответственности. Наказание было назначено в виде лишения свободы с учетом рецидива. Этот элемент приговора отражает повышенное значение данных о личности виновного при определении санкции.

Значение данного приговора состоит в том, что он иллюстрирует традиционный подход к квалификации оплаты чужой банковской картой в магазине. Согласно этому подходу, умолчание о незаконном владении картой перед сотрудником торговой организации расценивается как введение в заблуждение, то есть обман. Но после определения Верховного Суда РФ № 12-УДП20-5-К6 подобная квалификация, при сохранении прежней логики оценки фактов, вступила в противоречие с формирующейся единообразной практикой.

Дело, рассмотренное в отношении гражданина Курбанова А.С. Батайским городским судом Ростовской области является важным примером как судебно-практический эпизод с четко обозначенными квалификацией деяния и итогом рассмотрения. Согласно обстоятельствам уголовного дела, гражданину, проживающему в Батайске, инкриминировалось деяние, квалифицированное по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. Речь шла о мошенничестве, совершенном с применением электронных платежных инструментов и повлекшем значительный ущерб для потерпевшего, именно такая квалификация, и это принципиально, была положена в основу предъявленного обвинения. Иных составов преступлений в вину данному лицу не вменялось.

По нашему мнению, именно такой подход и воспроизводится в данном случае. Для соответствующей категории дел этот материал показателен, как пример наказания сравнительно небольшой тяжести при установленной виновности судом.

В российском правовом поле отсутствует единство мнений относительно момента окончания мошенничества с использованием электронных средств платежа. Дискуссия сосредоточена вокруг нескольких возможных юридически значимых моментов, а именно введения виновным данных карты в устройство, то есть составления распоряжения; списания денежных средств с банковского счета потерпевшего; их зачисления на счет виновного; получения виновным реальной возможности распорядиться похищенным, например путем снятия наличных. Отсюда, ключевое значение приобретает ответ на вопрос о том, какой именно этап следует признавать моментом завершения преступного посягательства.

Нечеткость в определении момента окончания прямо влияет на квалификацию неоконченных преступлений. Речь идет о разграничении приготовления и покушения, причем ошибка на этом этапе меняет пределы уголовной ответственности. Если лицо ввело данные карты, но транзакция была заблокирована службой безопасности банка, содеянное должно квалифицироваться как покушение, поскольку исполнение объективной стороны уже началось, однако преступный результат не наступил по независящим от виновного обстоятельствам.

На практике, однако, такие действия иногда ошибочно оцениваются как оконченное преступление. В иных случаях им, напротив, придается значение лишь приготовления; подобное расхождение, как представляется, влечет необоснованное смягчение или ужесточение ответственности. По этой причине отсутствие четкого подхода к моменту окончания мошенничества с использованием электронных средств платежа сохраняет не только теоретическую, но и прикладную значимость.

Сохраняются, однако, и вопросы квалификации, имеющие принципиальное значение. Первый из них связан со случаями, когда хищение с использованием электронных систем платежа сопряжено с неправомерным доступом к компьютерной информации, предусмотренным ст. 272 УК РФ. Возникает вопрос, следует ли рассматривать содеянное по совокупности преступлений или имеет место поглощение одного состава другим, в зависимости от уголовно-правового значения неправомерного доступа для механизма хищения.

Не менее сложным остается разграничение ст. 159.3 и ст. 159.6 УК РФ, предусматривающей мошенничество в сфере компьютерной информации. Граница между этими составами проводится по способу совершения деяния, а именно в ст. 159.6 таким способом выступает модификация компьютерной информации, тогда как в ст. 159.3 электронное средство платежа используется как инструмент завладения чужими денежными средствами. По этой причине отсутствие четких критериев разграничения создает ситуацию, при которой одно и то же, по существу, деяние, может получить квалификацию по статье с более мягкой или более строгой санкцией, а это затрагивает принцип справедливости.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых проблем применения уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Первая из них – терминологическая неопределенность, отсутствие легального определения электронных средств платежа в УК РФ при широкой трактовке в смежном законодательстве создает предпосылки для противоречивого толкования. Далее обнаруживается сложность разграничения со смежными составами, поскольку критерии отграничения от кражи (ст. 158 УК РФ) и мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) нуждаются в дальнейшем уточнении, особенно с учетом развития бесконтактных технологий. К числу существенных относится и неопределенность момента окончания преступления, виртуальный характер изъятия имущества порождает споры о моменте окончания, а это непосредственно влияет на квалификацию неоконченной преступной деятельности. Наконец, сохраняется конкуренция норм, то есть необходимым остается четкое разграничение совокупности преступлений при неправомерном доступе к компьютерной информации и использовании электронных средств платежа.

В целях совершенствования правоприменительной практики, как представляется, целесообразно предпринять следующие меры.

Во-первых, следует дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017 разъяснениями относительно квалификации действий с использованием бесконтактных технологий оплаты.

Обоснование данного подхода связано с разграничением функциональной роли электронного средства платежа в механизме хищения. Это позволит исключить квалификацию по ст. 159.3 УК РФ случаев, когда электронное средство платежа используется лишь как технический канал передачи денег, а обман направлен на потерпевшего, а не на платёжную систему. Отсюда следует вывод, предлагаемое уточнение через легальное определение и прямое указание способа совершения деяния, ориентировано на устранение коллизий в правоприменении.

Вопрос об ужесточении санкций и устранении несоразмерности наказаний обусловлен различием в законодательной оценке близких по содержанию деяний. Проблема состоит в том, что часть первая ст. 159.3 УК РФ относится к категории преступлений небольшой тяжести, в то время как аналогичное по общественной опасности деяние, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с банковского счёта), является тяжким преступлением. Здесь обнаруживается нормативный дисбаланс, при сопоставимой общественной опасности законодатель закрепляет различный уровень уголовно-правовых последствий.

В качестве предложения выдвигается ужесточение санкций каждой части ст. 159.3 УК РФ с приведением их в соответствие с санкциями п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В частности, предлагается предусмотреть в части первой наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет, в части второй – до шести лет, в части третьей – до восьми лет. Подобная корректировка, как представляется, направлена не на формальное повышение репрессивности, а на устранение расхождения между сходными составами преступлений.

Обоснование данной позиции исследователи связывают с содержательным сходством рассматриваемых посягательств, отмечается, что схожее деяние, закрепленное в ч. 3 ст. 158 УК РФ, является тяжким преступлением, хотя обладает практически одинаковой общественной опасностью. По этой причине несоразмерность санкций нарушает принцип справедливости и создает стимулы для защиты, выбирающих менее наказуемую форму посягательства. Предлагаемое изменение, при сохранении структуры статьи, должно устранить указанное противоречие.

Дифференциация ответственности в зависимости от типа преступного поведения обусловлена неоднородностью деяний, охватываемых ст. 159.3 УК РФ. Проблема заключается в том, что статья 159.3 УК РФ не различает «массовое» телефонное мошенничество и «целевое» высокотехнологичное мошенничество, различающиеся по степени организованности и общественной опасности. При таком

подходе единая норма, несмотря на различие способов совершения, охватывает качественно неодинаковые формы преступной активности.

В качестве предложения рассматривается дополнение ст. 159.3 УК РФ квалифицирующим признаком, совершение деяния «с использованием специальных технических средств, предназначенных для неправомерного доступа к электронным средствам платежа, либо с использованием вредоносных компьютерных программ». Одновременно предлагается установить за данное деяние наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет со штрафом. Подобная конструкция, при прямом указании на специальные средства и вредоносные программы, позволяет выделить более опасный способ посягательства в самостоятельный квалифицированный случай.

Введение квалифицирующего признака для защиты социально уязвимых категорий граждан обусловлено составом потерпевших по делам о данном посягательстве. Проблема состоит в том, что лица предпенсионного и пенсионного возраста образуют одну из наиболее уязвимых категорий потерпевших.

В качестве предложения может быть рассмотрено дополнение ст. 159.3 УК РФ квалифицирующим признаком – совершение деяния «в отношении лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно в отношении лица предпенсионного или пенсионного возраста». Такая формула, объединяя несколько вариантов повышенной виктимности, прямо указывает на особые свойства потерпевшего как на обстоятельство, влияющее на уголовно-правовую оценку. И тем самым диспозиция получает более точный ориентир для дифференциации ответственности. Такой подход, при сохранении общей логики уголовно-правовой охраны, позволяет адресно усилить защиту наиболее уязвимых категорий граждан.

Анализ статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации показывает, что с момента введения в 2012 году законодательная конструкция данной нормы существенно изменилась. При этом необходимой степени определенности она до настоящего времени не приобрела, именно в этом состоит одна из базовых проблем её применения. Первоначальная редакция статьи, ориентированная на хищение денежных средств с использованием платежных карт, после введения в 2018 году ответственности за кражу с банковского счета (пункт «г» части третьей статьи 158 УК РФ) утратила значительную часть собственного предмета регулирования, а возникшее вследствие этого «пересечение» смежных составов породило устойчивую конкуренцию норм, её разрешение в правоприменительной практике осуществляется непоследовательно.

Центральный вывод исследования состоит в констатации следующего положения. Ключевой критерий разграничения мошенничества и кражи, то есть наличие обмана, направленного на уполномоченное лицо, в условиях цифровизации платежных отношений утрачивает эвристическую ценность. Показательно, что определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 12-УДП20-5-К6 обозначило принципиальный поворот в судебной практике, в нем высшая судебная инстанция указала на необоснованность применения разъяснений Пленума, данных применительно к ранее действовавшей редакции статьи. Однако этот поворот не сопровождался своевременной актуализацией разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, вследствие чего возникло состояние нормативной неопределенности - в нем нижестоящие суды вынуждены самостоятельно выбирать между конкурирующими подходами.

Выявленная гетерогенность имеет принципиальное уголовно-политическое значение. За единой нормой статьи 159.3 УК РФ скрываются как минимум два качественно различных криминологических типа: массовое дистанционное мошенничество, характеризующееся случайным выбором жертвы и относительно невысоким средним ущербом, и целевое высокотехнологичное мошенничество, отличающееся предварительной подготовкой, организационной структурой и планируемым крупным ущербом. Действующая редакция нормы не позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от этих различий, что противоречит принципу справедливости и снижает эффективность уголовно-правового воздействия. Отсюда следует практический вывод, существующая модель нуждается в более тонкой нормативной настройке.

Исследование позволяет констатировать и наличие институциональных деформаций, выходящих за рамки собственно уголовно-правового регулирования. Высокий уровень нераскрытых преступлений рассматриваемой категории, достигающий, по отдельным оценкам, трех четвертей от числа зарегистрированных, свидетельствует о том, что проблемы применения статьи 159.3 УК РФ не могут быть решены исключительно средствами законодательной техники. Существенное значение имеют технологическая компетентность правоприменителей, качество работы с цифровыми доказательствами, а также система оценки деятельности правоохранительных органов, которая в ряде случаев создаёт стимулы к искусственному сокращению регистрации заявлений, именно поэтому институциональный контекст в данном случае не менее значим, чем формальная конструкция уголовно-правовой нормы.

Литература

1. Тюнин В. И., Чабукиани О. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (вопросы правоприменения) // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 92-98.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 // Электронный ресурс / Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZN8J7fkPouZC/ (дата обращения 08.10.2026)
3. Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.09.2026).
4. Сафина Э. Л. Особенности и проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа / Э. Л. Сафина // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 5(74). – С. 611-614.
5. Ржевский Н. П. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: зарубежный опыт правового регулирования / Н. П. Ржевский // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2025. – № 2(71). – С. 48-52.
6. Кипкеев И. М. Актуальные проблемы применения уголовного закона об ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа / И. М. Кипкеев // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11(198). – С. 324-326.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 09.07.2014 № 1-74/14 // Электронный ресурс / Режим доступа: https://sarovsky.nnov.sudrf.ru/ (дата обращения 08.10.2026)
9. Приговор Джанкойского судебного района Республики Крым от 03.11.2020 № 1-40/34/2020 // Электронный ресурс / Режим доступа: https://dzhankoi.krm.sudrf.ru/ (дата обращения 08.10.2026)
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 2.

Problems in applying criminal legislation on liability for fraud using electronic payment methods

Embulaeva N.Yu., Okorokov V.I.

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trublin

The article examines current issues related to the qualification of fraud committed using electronic payment means (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). The analysis covers the dynamics of changes in criminal law; at the same time, it examines the problems of distinguishing between related crime elements provided for in Articles 159, 159.3, and 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is focused on the interpretation of the concept of "electronic payment means" and on determining the moment when the crime ends — it is these elements that cause the most noticeable difficulties in law enforcement. The author concludes that it is necessary to further differentiate criminal liability and clarify the conceptual framework in order to avoid errors in law enforcement practice.

Keywords: Electronic payment methods, fraud, information technology, cybercrime, theft, bank cards, criminal law.

References

1. Tyunin V. I., Chabukiani O. A. Fraud Using Electronic Means of Payment (Issues of Law Enforcement) // Kriminalist. 2023. No. 4 (45). Pp. 92–98.
2. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2020 No. 12-UDП20-5-K6 // Electronic resource / Access mode: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZN8J7fkPouZC/ (date of access 08.10.2026)
3. Judicial Statistics // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (date of access: 15.09.2026).
4. Safina E. L. Features and Problems of Applying Criminal Legislation on Liability for Fraud Using Electronic Means of Payment / E. L. Safina // Vestnik Nauki. – 2024. – Vol. 4, No. 5(74). – Pp. 611–614.

5. Rzhevsky N. P. Fraud Using Electronic Means of Payment: Foreign Experience of Legal Regulation / N. P. Rzhevsky // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 2(71). – Pp. 48–52.
6. Kipkeev I. M. Current Problems of Applying the Criminal Law on Liability for Fraud Using Electronic Means of Payment / I. M. Kipkeev // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 11(198). – Pp. 324–326.
7. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
8. Verdict of the Sarov City Court of the Nizhny Novgorod Region of 09.07.2014 No. 1-74/14 // Electronic resource / Access mode: https://sarovsky.nnov.sudrf.ru/ (date of access 08.10.2026)
9. Verdict of the Dzhankoy Judicial District of the Republic of Crimea of 03.11.2020 No. 1-40/34/2020 // Electronic resource / Access mode: https://dzhankoi.krm.sudrf.ru/ (date of access 08.10.2026)
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Embezzlement and Misappropriation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – No. 2.

Понятие мотивации преступного поведения и ее цели

Пархутов Никита Дмитриевич
аспирант, Воронежский экономико-правовой институт, parhutovn@yandex.ru

Эйхерт Дмитрий Александрович
аспирант, Воронежский экономико-правовой институт, advokat-48_469@mail.ru

Зовская Татьяна Николаевна
аспирант, Воронежский экономико-правовой институт, tatiana_4884@mail.ru

Илюшечкина Ирина Николаевна
аспирант, Воронежский экономико-правовой институт, ilushechckina@yandex.ru

Ключанский Никита Владимирович
аспирант, Воронежский экономико-правовой институт, nikkeykluchansky@gmail.com

Статья посвящена исследованию мотивации преступного поведения. Отмечается, что цель и мотив взаимосвязаны, но являются самостоятельными элементами субъективной стороны преступления и выполняют различные функции в механизме преступного поведения. Установление мотива и цели имеет принципиальное значение для правильной квалификации преступления, индивидуализации уголовной ответственности и исследования личности виновного.
Ключевые слова: мотив, цель, мотивация, преступление, личность

Понятие «мотив» происходит от латинского слова «moveo», что означает «двигать», «побуждать» [1, с. 83]. В уголовно-правовой доктрине мотив преступления традиционно рассматривается как внутреннее побуждение лица, обусловившее выбор конкретного варианта поведения и ставшее решающим фактором при совершении преступления. Иными словами, мотив представляет собой внутреннюю причину, под воздействием которой человек приходит к решению совершить общественно опасное деяние. В большинстве случаев в основе формирования мотива лежат потребности личности. Однако мотивообразующими факторами могут выступать также интересы, эмоциональные переживания, жизненные установки, стремления и иные психологические элементы. Именно особенности мотива оказывают существенное влияние на характер поведения человека, степень его решимости и направленность действий. Установление мотива и цели позволяет наиболее полно исследовать обстоятельства уголовного дела и правильно определить содержание субъективной стороны преступления. Кроме того, мотив отражает социально-психологические особенности личности виновного, что имеет значение при назначении наказания и индивидуализации уголовной ответственности.

Следует учитывать, что среди психологов отсутствует единое понимание природы мотива. Одни исследователи считают основой мотива исключительно человеческие потребности, другие включают в его содержание интересы, эмоции, переживания и иные внутренние побуждения. Для уголовного права принципиальное значение имеет способность мотива определять противоправное поведение субъекта. Так, ревность в психологии рассматривается как эмоциональное состояние, однако при совершении преступления она приобретает значение уголовно-правового мотива.

Следующим элементом мотивационной сферы личности является цель преступления. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание судов на необходимость установления мотивов и целей преступления. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 подчеркивается необходимость наряду с другими обстоятельствами совершенного деяния обязательно устанавливать цель и мотивов преступления [2]. Цели, как и мотивы, подлежат установлению не только при умышленных, но и при неосторожных преступлениях. При легкомыслии лицо рассчитывает предотвратить наступление вредных последствий, а при небрежности преступное последствие вовсе не осознается субъектом. Однако даже при отсутствии умысла действия человека сохраняют определенную внутреннюю направленность.

Цель отличается от мотива тем, что именно она определяет направленность действий субъекта и отражает представление лица о желаемом результате. Мотив же раскрывает причины, которыми руководствовался субъект, совершая преступление.

К числу факторов, побуждающих к совершению преступлений, относятся потребности личности, интересы, ценностные ориентации, конфликтные жизненные ситуации и особенности социальной среды. Рассматривая элементы субъективной стороны преступления, законодатель нередко использует близкие по содержанию категории «мотив» и «побуждения» [3, с. 135]. Так, в качестве квалифицирующих признаков убийства законодатель выделяет совершение преступления из корыстных либо хулиганских побуждений. Следует учитывать, что мотив относится к внутренней психической сфере лица и не может оцениваться исключительно через внешнее проявление действий субъекта. Именно поэтому установление мотива и цели преступления имеет принципиальное значение для раскрытия содержания субъективной стороны преступного деяния.

Особое внимание установлению мотивов уделяется при расследовании преступлений экстремистской направленности. Неправильное установление ведущего мотива преступления способно привести к ошибкам при квалификации противоправного деяния. В ряде случаев именно мотив позволяет разграничить смежные составы преступлений, определить степень общественной опасности деяния и установить действительную направленность поведения виновного лица. Особого внимания заслуживает проблема цели преступления в теории уголовного права. В философской литературе цель традиционно рассматривается как элемент сознательной деятельности человека, характеризующий мысленное предвосхищение результата действий и способов его достижения. Цель присутствует практически в каждом сознательном волевом деянии. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет значение цели

преступного поведения для определения предмета и объекта преступления. В уголовно-правовой науке существуют различные подходы к пониманию предмета преступления. Наиболее распространенным является подход, согласно которому предметом преступления будут овеществленные объекты реального мира, на которые напрямую воздействует преступник.

Вместе с тем современное уголовное законодательство охраняет не только материальные, но и нематериальные блага, включая честь, достоинство, свободу личности и информацию. Именно поэтому многие исследователи предлагают расширительное понимание предмета преступления. Предмет преступления тесно связан с объектом преступного посягательства. Объект преступления указывает на общую направленность преступного поведения, тогда как предмет позволяет конкретизировать непосредственное посягательство.

Определяя значение цели преступного поведения для выявления предмета преступления, необходимо учитывать, что именно цель позволяет установить действительную направленность действий субъекта. Например, если лицо завладевает автомобилем, то без установления цели невозможно определить характер преступления. Автомобиль может быть похищен с целью обращения имущества в пользу виновного либо использован без цели хищения. Следовательно, именно цель позволяет правильно определить объект преступления и квалифицировать действия виновного лица. Следует уточнить, что мотив преступления имеет значение не только для квалификации деяния, но и для общей характеристики личности преступника. Исследование мотивационной сферы позволяет установить причины формирования противоправного поведения, выявить особенности личности виновного и определить уровень его общественной опасности.

В криминологической науке мотив рассматривается как один из ключевых элементов механизма преступного поведения. Через мотив проявляется отношение личности к окружающей действительности, правовым нормам и общественным ценностям. Существенное значение имеет разграничение социально приемлемых мотивов и мотивов, приобретающих преступный характер. Сами по себе потребности человека не являются противоправными, однако способы их удовлетворения могут противоречить требованиям права и морали. Например, стремление к материальному благополучию является естественной потребностью человека. Однако желание незаконного обогащения путем кражи, мошенничества либо разбоя свидетельствует о трансформации допустимой потребности в преступный мотив. Важно учитывать, что мотив преступления формируется не мгновенно. Процесс его формирования включает восприятие жизненной ситуации, ее оценку субъектом, возникновение определенной потребности и принятие решения о совершении противоправного деяния. Особый интерес представляет проблема соотношения мотива и эмоций. Эмоциональные переживания способны оказывать существенное влияние на принятие решения о совершении преступления, однако сами по себе эмоции не всегда образуют мотив преступного поведения. Вместе с тем в отдельных случаях эмоциональное состояние лица приобретает самостоятельное уголовно-правовое значение. Так, состояние сильного душевного волнения учитывается законодателем при конструировании отдельных составов преступлений. Мотивы преступления могут иметь как осознаваемый, так и частично неосознаваемый характер. Лицо далеко не всегда способно объективно оценить истинные причины собственного поведения. Именно поэтому при исследовании мотива преступления нельзя ограничиваться формальными объяснениями виновного лица. Для правильного установления мотива необходимо анализировать совокупность обстоятельств дела.

В современной уголовно-правовой литературе особое внимание уделяется проблеме полимотивированности преступного поведения. Одно преступление может совершаться под воздействием сразу нескольких мотивов, взаимно дополняющих друг друга. Например, при совершении корыстно-насильственных преступлений мотив незаконного обогащения может сочетаться с мотивами самоутверждения, агрессии либо стремлением продемонстрировать превосходство над потерпевшим. Существенное значение имеет также разграничение мотива и повода преступления. Повод представляет собой внешнее обстоятельство, послужившее толчком к совершению противоправного деяния, тогда как мотив раскрывает внутренние причины поведения субъекта. Следует обратить внимание и на значение мотива при индивидуализации уголовного наказания. В ряде случаев мотив выступает обстоятельством, смягчающим либо отягчающим наказание.

Кроме того, мотив преступления тесно связан с уровнем правосознания личности. Низкий уровень правовой культуры и деформация нравственных установок могут способствовать формированию преступной мотивации. Формирование преступной мотивации во многом обусловлено воздействием социальной среды. Неблагоприятные условия воспитания, семейные конфликты, влияние криминального окружения и отсутствие устойчивых нравственных ориентиров способны создавать предпосылки для формирования противоправных установок. Особенно ярко влияние социальной среды проявляется в подростковой и молодежной преступности. Несформированность личности, эмоциональная неустойчивость и стремление к признанию делают несовершеннолетних более восприимчивыми к негативному влиянию окружающей среды. Более того мотив связан с объектом, как объект связан с предметом. В толковом словаре В.И. Даля [4] и Словаре русского языка С.И. Ожегова объект также отождествляется с предметом [5]. В данной ситуации прежде всего следовало бы определиться, что понимать под объектом и предметом. Поскольку в науке общепризнанным методологическим основанием ее развития признается философия, то для целенаправленного познания уголовно-правовой сферы можно ориентироваться на данное ею понятие предмета. Под последним в ней понимается категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. При этом предмет может быть материальным, нематериальным, например, электромагнитное поле, концептуальным образом и т.д. Исходя из вышесказанного, можно констатировать соотношения объекта и предмета как целого и частного.

Таким образом, мотив преступления представляет собой сложное социально-психологическое явление, формирующееся под воздействием внутренних особенностей личности и внешних социальных факторов. Мотив преступления тесно связан с особенностями внутреннего мира личности. Через мотив проявляются интересы человека, его отношение к обществу, правовым нормам и окружающим людям. Именно поэтому исследование мотива преступления позволяет глубже раскрыть содержание субъективной стороны противоправного деяния и установить внутренние причины поведения виновного лица. В уголовно-правовой литературе неоднократно подчеркивалось, что преступное поведение не возникает внезапно и не формируется исключительно под влиянием случайных обстоятельств. В большинстве случаев ему предшествует определенный процесс изменения ценностных ориентаций личности, постепенное ослабление нравственных ограничений и формирование терпимого отношения к противоправным способам поведения. Большое значение имеет социальная среда, в которой формируется личность. Неблагоприятные условия воспитания, отсутствие должного контроля со стороны семьи, влияние криминального окружения и постоянное столкновение с антисоциальными моделями поведения способны существенно деформировать представления человека о допустимых способах достижения собственных целей. В подобных условиях преступное поведение начинает восприниматься субъектом как возможный либо оправданный способ удовлетворения потребностей. Именно поэтому криминологическая наука рассматривает мотив преступления не только как элемент субъективной стороны преступления, но и как отражение особенностей социальной среды и жизненного опыта личности.

Важно понимать, что различные мотивы по-разному характеризуют степень общественной опасности личности виновного. Так, преступления, совершенные по мотивам корысти, ненависти, мести либо хулиганских побуждений, традиционно рассматриваются как более опасные, поскольку свидетельствуют о выраженной антисоциальной направленности поведения субъекта. Вместе с тем отдельные мотивы могут формироваться под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств, эмоциональных переживаний либо конфликтных ситуаций. Однако даже в подобных случаях мотив не устраняет противоправности деяния, а лишь позволяет более полно раскрыть причины поведения виновного лица. Мотив преступления нередко выполняет оправдательную функцию в сознании субъекта. Лицо стремится внутренне обосновать собственные действия, представить их как вынужденные либо справедливые. Подобные психологические механизмы позволяют снизить внутренний конфликт между противоправным поведением и нрав-

ственными нормами. В ряде случаев человек перекладывает ответственность за совершенное деяние на потерпевшего, внешние обстоятельства либо иных лиц. Подобные механизмы психологической защиты способствуют ослаблению внутреннего контроля и облегчают принятие решения о совершении преступления. Особенно ярко подобные процессы проявляются при групповой преступности. Под влиянием группы человек нередко начинает воспринимать противоправное поведение как социально допустимое либо одобряемое. В подобных условиях ослабляется чувство личной ответственности и возрастает влияние коллективных установок.

Существенное значение имеет и проблема изменения мотива преступления в процессе совершения противоправного деяния. В отдельных случаях первоначальный мотив может трансформироваться под воздействием развития конфликтной ситуации, эмоционального напряжения либо иных обстоятельств. Например, бытовой конфликт способен перерасти в действия, обусловленные агрессией, местью либо стремлением причинить потерпевшему максимальный вред. В современной уголовно-правовой науке все чаще подчеркивается необходимость комплексного подхода к исследованию мотивации преступного поведения. Анализ исключительно юридических признаков преступления без учета психологических и социальных факторов не позволяет в полной мере раскрыть механизм противоправного поведения. Именно поэтому исследование мотива предполагает использование данных психологии, криминологии, социологии и иных наук. Только комплексный анализ личности виновного, особенностей его поведения и условий формирования мотивации позволяет правильно определить содержание субъективной стороны преступления.

Кроме того, мотив преступления имеет большое значение при индивидуализации уголовного наказания. Установление внутренних побуждений лица позволяет суду более полно оценить степень общественной опасности виновного, особенности его личности. Следует отметить, что проблема мотивации преступного поведения остается одной из наиболее сложных в уголовно-правовой науке, поскольку мотив относится к внутренней психической сфере личности и не может быть непосредственно воспринят. Его установление осуществляется посредством анализа поведения субъекта, обстоятельств совершения преступления и иных объективных данных. В правоприменительной деятельности нередко возникают сложности, связанные с определением действительных внутренних побуждений виновного лица. Формальное объяснение причин преступления самим субъектом далеко не всегда позволяет установить истинную мотивацию поведения. В отдельных случаях лицо сознательно скрывает причины своих действий, пытаясь представить преступление как менее общественно опасное. Мотив преступления способен существенно влиять на характер поведения субъекта еще на стадии подготовки к совершению противоправного деяния. Чем устойчивее внутреннее побуждение, тем более последовательными становятся действия виновного лица. Особенно ярко данная закономерность проявляется при заранее подготовленных корыстных и организованных преступлениях.

Вместе с тем преступное поведение может носить и ситуативный характер, формируясь под воздействием внезапно сложившейся конфликтной ситуации либо сильного эмоционального переживания. Однако даже в подобных случаях существенное значение сохраняют индивидуальные особенности личности. Следовательно, преступление представляет собой результат взаимодействия внешних обстоятельств и внутренних особенностей личности. Именно поэтому исследование мотива преступления невозможно без анализа как социальной среды, так и психологических характеристик субъекта. Существенное значение при формировании мотивации преступного поведения имеет уровень правосознания личности. Низкий уровень правовой культуры, пренебрежительное отношение к требованиям закона и терпимое отношение к противоправному поведению способны создавать предпосылки для формирования устойчивой преступной мотивации [6, с. 180].

Особую роль играют воспитание, уровень образования и способность личности к самоконтролю. Нравственно сформированная личность способна даже в условиях эмоционального напряжения руководствоваться требованиями права и морали. Мотив преступления нередко связан со стремлением личности к самоутверждению. Особенно ярко данная особенность проявляется в подростковой и молодежной преступности, где значительную роль играют мотивы признания, демонстрации силы и стремления повысить собственный авторитет в глазах окружающих. Кроме того, существенное значение имеет влияние криминальной субкультуры. В отдельных социальных группах противоправное поведение может восприниматься как допустимое либо одобряемое, что способствует постепенному разрушению нравственных ограничений.

Подводя итог рассмотрению понятия мотивации преступного поведения и ее целей, следует отметить, что мотив преступления представляет собой внутреннее побуждение лица к совершению общественно опасного деяния, отражающее отдельные эмоции, потребности, интересы и установки в социальной сфере. Цель преступления отражает тот результат, к достижению которого направлена деятельность субъекта противоправного поведения. Цель и мотив взаимосвязаны, но являются самостоятельными элементами субъективной стороны преступления и выполняют различные функции в механизме преступного поведения. Установление мотива и цели имеет принципиальное значение для правильной квалификации преступления, индивидуализации уголовной ответственности и исследования личности виновного.

Литература

1. Агошко А.А. Выявление мотива преступления в уголовном судопроизводстве / А.А. Агошко // Юридическая наука. 2023. №2 С.83-86.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС КонсультантПлюс
3. Кунашев А.А. Мотивообразующие факторы в механизме преступного поведения / А.А. Кунашев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 С. 128-135.
4. Толковый словарь В.И. Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.culture.ru/lectures/dictionaries/dal. (дата обращения: 05.08.2026)
5. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 05.01.2026)
6. Сычева А.В. Социальная мотивация преступного поведения / А.В. Сычева // Юридические науки. 2015. № 1. С. 179-184

The concept of motivation for criminal behavior and its goals

Parkhutov N.D., Eichert D.A., Zovskaya T.N., Ilyushechkina I.N., Klyuchansky N.V.
Voronezh Institute of Economics and Law

This article examines the motivation behind criminal behavior. It notes that the goal and motive of an interaction constitute distinct elements of the offender's "secondary aspect" and perform various functions within the mechanism of criminal behavior. Establishing these motives and goals is of fundamental importance for the legal classification of offenses, the individualization of criminal liability, and the study of the criminal personality.

Keywords: motive, goal, motivation, crime, personality

References

1. Agoshko A.A. Identifying the Motive of a Crime in Criminal Proceedings / A.A. Agoshko // Legal Science. 2023. No. 2. pp. 83–86.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999, No. 1 "On Judicial Practice in Homicide Cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // ConsultantPlus Legal Reference System.
3. Kunashev A.A. Motive-Forming Factors in the Mechanism of Criminal Behavior / A.A. Kunashev // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. No. 1. pp. 128–135.
4. V.I. Dal's Explanatory Dictionary [Electronic resource]. Access mode: https://www.culture.ru/lectures/dictionaries/dal (accessed: 05.08.2026).
5. S.I. Ozhegov's Explanatory Dictionary [Electronic resource]. Access mode: https://slovarozhegova.ru/ (accessed: 05.01.2026).
6. Sycheva A.V. Social Motivation of Criminal Behavior / A.V. Sycheva // Legal Sciences. 2015. No. 1. pp. 179–184.

Совершенствование методики сохранения вещной обстановки на месте пожара в условиях цифровизации процесса расследования

Плешаков Виталий Владимирович
кандидат технических наук, доцент, начальник учебно-научного комплекса Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, **v.pleshakov@mail.ru**

Поминов Максим Владимирович
студент Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, **pon.maks@inbox.ru**

Тужикова Анастасия Алексеевна
студент Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, **a.a.tuzhikova@mail.ru**

В статье рассматриваются ключевые проблемы сохранения материальных следов на месте пожара, обусловленные разрушительным воздействием термических факторов и средств пожаротушения. Проанализированы традиционные подходы к работе с вещной обстановкой и выявлены их недостатки с учетом действующих нормативных документов. Предложена комплексная методика, направленная на минимизацию утраты доказательственной информации за счет внедрения «нулевого» этапа координации с пожарными подразделениями, применения современных технологий цифровой фиксации и разработки цифрового инструмента для ведения журнала учета изымаемых объектов. Разработанная блок-схема и прототип программного кода на языке Python призваны систематизировать и повысить эффективность работы следственно-оперативной группы на месте происшествия.
Ключевые слова: место пожара, вещная обстановка, криминалистическая тактика, сохранение следов, цифровизация, осмотр места происшествия, фиксация доказательств, 3D-сканирование, журнал учета вещдоков, испытательная пожарная лаборатория, взаимодействие служб.

Расследование преступлений, связанных с пожарами, представляет собой одну из наиболее сложных задач в правоприменительной практике. Специфика данного вида происшествий заключается в том, что основной массив криминалистически значимой информации подвергается интенсивному разрушительному воздействию как самого пламени, так и последующих действий по его ликвидации. Вещная обстановка на месте пожара — это хрупкий и динамично изменяющийся комплекс объектов, который несет в себе ключевые сведения о причине возгорания, очаге, путях распространения огня и, что наиболее важно, о возможном криминальном характере события.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в повышении качества и объективности расследований по делам о пожарах. Традиционные методики осмотра, несмотря на их большую значимость, не всегда способны адаптироваться к современным условиям: сложность конструкций зданий, использование новых горючих материалов, а также человеческий фактор, приводящий к неумышленному уничтожению следов в процессе тушения огня и разбора завалов. Как отмечает Е.П. Ищенко, «каждый неосторожный шаг на месте пожара может навсегда уничтожить след, ведущий к разгадке» [1, с. 112]. В связи с этим, разработка усовершенствованной методики, объединяющей тактические приемы и современные цифровые технологии, является своевременной и практически значимой задачей.

Цель настоящей статьи — разработать и теоретически обосновать комплексную методику сохранения вещной обстановки на месте пожара, направленную на повышение эффективности сбора доказательственной базы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

Проанализировать существующие тактические подходы к осмотру места пожара и выявить их основные недостатки в контексте сохранения следов.

Предложить усовершенствованную поэтапную модель действий следственно-оперативной группы.

Разработать наглядную схему, иллюстрирующую предложенную методику.

Обосновать применение цифровых инструментов для систематизации процесса фиксации и учета изымаемых объектов и предложить прототип такого инструмента.

1. Анализ недостатков традиционных методик

Осмотр места пожара — это неотложное следственное действие, тактические основы которого подробно изложены в работах многих ведущих криминалистов [2, 3]. Традиционно его разделяют на три стадии: ориентирующую, рабочую (детальную) и заключительную. Однако именно на стыке этих этапов и в ходе их реализации возникают ключевые проблемы, приводящие к утрате доказательств:

Рассогласование действий с пожарными подразделениями. Часто следственно-оперативная группа (СОГ) прибывает на место, когда процесс тушения еще не завершен или только что окончен. Действия пожарных, направленные на спасение жизней и ликвидацию горения (проливка конструкций, вскрытие кровли, разбор завалов), объективно ведут к уничтожению или изменению первоначальной картины происшествия. Несмотря на то, что существуют «Методические рекомендации участникам тушения пожара по сохранению вещной обстановки...» [4], на практике их реализация затруднена из-за скоротечности событий и отсутствия оперативного канала связи между руководителем тушения пожара (РТП) и экспертом-дознавателем до его прибытия. Это приводит к утрате следов горючих жидкостей, нарушению целостности термических повреждений и смещению объектов.

Недостаточная первичная фиксация. В условиях ограниченной видимости, задымления и сложных погодных условий традиционная фото- и видеосъемка не всегда позволяет создать полную и объективную картину обстановки до начала ее детального исследования. Это затрудняет последующую реконструкцию событий и оценку первоначального расположения предметов [4, с. 87].

Неорганизованность при работе с объектами. В процессе разбора завалов и детального осмотра изымаемые предметы часто складируются без должной систематизации, что может привести к

их дополнительному повреждению, утере или нарушению «цепочки владения» (chain of custody). Это противоречит принципам, заложенным в документах, регламентирующих работу судебно-экспертных учреждений ФПС, таких как Испытательные пожарные лаборатории (ИПЛ), для которых сохранность и корректное изъятие объектов являются основой для дальнейшего исследования [5].

Утрата микрообъектов и летучих соединений. Проливка водой вымывает остатки легковоспламеняющихся и горючих жидкостей (ЛВЖ и ГЖ),а воздушные потоки и испарение приводят к быстрой утрате их паров, что делает невозможным их последующее обнаружение с помощью газоанализаторов или служебных собак.

Таким образом, существующая практика требует переосмысления и внедрения превентивных мер, направленных не столько на фиксацию уже измененной обстановки, сколько на ее максимальное сохранение в первозданном виде.

2. Разработка комплексной поэтапной методики и ее схематическое представление

Для решения выявленных проблем предлагается внедрение комплексной четырехэтапной методики, которая смещает внимание с пассивной фиксации на активное управление процессом сохранения доказательств.

Этап 1: «Нулевой» (Координационный). Этот этап начинается с момента получения сообщения о пожаре и продолжается до прибытия СОГ. Он предполагает немедленное установление связи следователя (эксперта) с РТП.

Задача: информирование РТП о необходимости, по возможности, сохранить определенные зоны (предполагаемый очаг пожара, пути эвакуации, места с признаками взлома) от интенсивной проливки и разбора конструкций.

Действия: данный этап призван обеспечить практическое выполнение требований, изложенных в «Методических рекомендациях...» [4], на новом технологическом уровне. Инспектор по телефону запрашивает у РТП предварительную информацию о масштабах горения и просит по возможности минимизировать вмешательство в ключевых зонах до прибытия СОГ. Это не должно идти вразрез с основной задачей по спасению людей и ликвидации угрозы.

Этап 2: Первичная цифровая фиксация. Сразу по прибытии на место, до начала любых активных действий по осмотру, необходимо провести комплексную фиксацию обстановки.

Задача: создать точную, масштабируемую и объективную цифровую копию места происшествия.

Инструменты:

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА): для панорамной съемки и фиксации состояния кровли, наружных стен и прилегающей территории.

Лазерное 3D-сканирование или фотограмметрия: для создания трехмерной модели помещений с точной привязкой всех объектов. Это позволяет зафиксировать их положение до того, как они будут сдвинуты.

Тепловизионная съемка: для обнаружения скрытых очагов горения и зон с аномально высокой температурой, которые могут указывать на местонахождение источников горения [8, с. 54].

Этап 3: Зонально-концентрический детальный осмотр. После первичной фиксации осмотр проводится по классическому принципу, но с важным дополнением.

Задача: систематизировать работу с вещной обстановкой, минимизируя перекрестное загрязнение.

Метод: место происшествия разбивается на четкие квадраты или зоны. Работа начинается с периферии (пути подхода и отхода) и концентрически движется к предполагаемому очагу пожара. Каждый изъятый объект немедленно упаковывается и маркируется с присвоением уникального идентификатора.

Этап 4: Цифровая каталогизация и упаковка. Все изымаемые объекты не просто описываются в протоколе, а заносятся в цифровую базу данных непосредственно на месте.

Задача: обеспечить строгий учет вещественных доказательств, исключить их утерю и создать основу для последующего анализа в экспертных учреждениях, таких как ИПЛ [5].

Действия: используется планшет или ноутбук со специализированным ПО, куда заносится информация о каждом объекте: уникальный ID, фото, точные GPS/3D-координаты (из модели, полученной на 2-м этапе), описание, время и место изъятия, ФИО сотрудника.

Ниже на рисунке 1 представлена блок-схема предлагаемой методики.

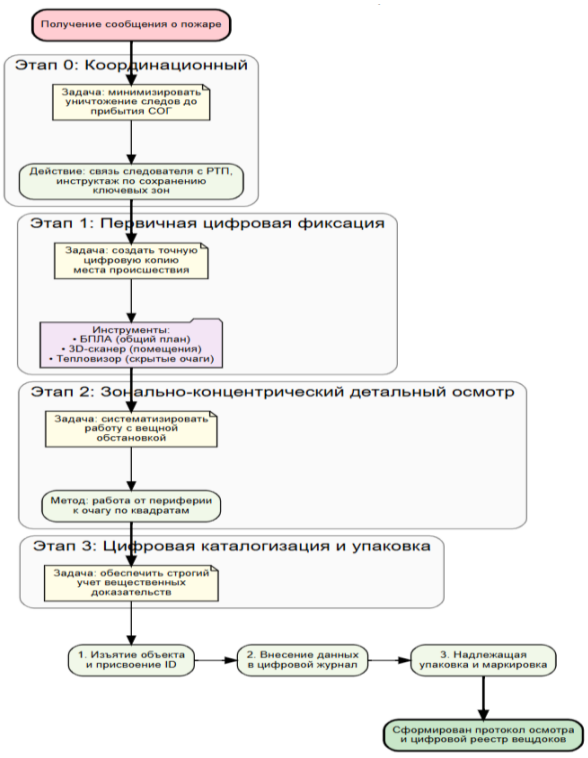


Рис.1 Блок-схема комплексной методики сохранения вещной обстановки на месте пожара

Данная схема наглядно демонстрирует логическую последовательность и взаимосвязь предложенных этапов, направленных на создание непрерывной и контролируемой цепи работы с доказательствами.

3. Разработка программного кода для цифровой каталогизации

Для реализации четвертого этапа методики не требуется сложного и дорогостоящего программного обеспечения. Базовый функционал можно реализовать с помощью простого скрипта на языке Python, который будет работать в среде Google Colab или Jupyter Notebook на любом ноутбуке. Это позволит создать простой, но эффективный цифровой журнал учета вещественных доказательств.

Цель кода: создать и вести лог-файл в формате CSV, куда будут заноситься данные о каждом изъятом объекте.

Функционал:

Создание лог-файла, если он не существует.

Добавление новой записи об объекте.

Просмотр всего списка изъятых объектов.

Сохранение данных.

Данный код является простым, но функциональным прототипом, который можно легко модифицировать и использовать на практике, обеспечивая аккуратность, полноту и сохранность информации о вещной обстановке.

Проведенное исследование позволило выявить недостатки в традиционных подходах к сохранению вещной обстановки на месте пожара. Предложенная комплексная методика, основанная на четырех взаимосвязанных этапах, направлена на систематизацию и усовершенствование действий следственно-оперативной группы.

Внедрение «нулевого» этапа координации с пожарными подразделениями, активное использование современных цифровых технологий фиксации (БПЛА, 3D-сканеры) и применение цифровых инструментов для каталогизации вещественных доказательств позволяют:

Минимизировать случайное уничтожение криминалистически значимых следов.

Повысить объективность и полноту первичной фиксации обстановки.

Обеспечить строгий учет и контроль за движением вещественных доказательств, укрепляя их процессуальный статус.

Представленная блок-схема и прототип программного кода являются практическими инструментами для внедрения данной методики. Дальнейшее развитие этого направления может быть связано с интеграцией систем искусственного интеллекта для автоматического анализа 3D-моделей и фотоматериалов с целью выявления аномалий и потенциальных очагов возгорания.

Литература

1. Ищенко Е.П. Криминалистика: Учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2020. – 746 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3-х томах. Том 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – 480 с.
3. Волчецкая Т.С., Осипова Е.В. Тактика осмотра места происшествия: современное состояние и пути совершенствования: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 200 с.
4. Методические рекомендации участникам тушения пожара по сохранению вещной обстановки и вещественных доказательств в ходе ведения боевых действий, направленных на спасение людей, имущества и ликвидацию пожара" (утв. ГУГПС МЧС РФ 03.12.2003).
5. Организация работы судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы "Испытательная пожарная лаборатория" по исследованию пожаров и экспертному сопровождению деятельности органов государственного пожарного надзора: Методические рекомендации. М.: ВНИИПО, 2008.
6. Плешаков В. В. Расследование и экспертиза пожаров: учебник для вузов / под редакцией В. В. Плешакова. М.: Юрайт, 2025. 299 с.

Improving the methodology for preserving the physical environment at the fire site in the context of digitalization of the investigation process

Pleshakov V.V., Pominov M.V., Tuzhikova A.A.

State Fire Service of the EMERCOM of Russia

The article discusses key problems of preservation of material traces at the site of fire, due to the destructive effect of thermal factors and firefighting means. Traditional approaches to work with the physical environment have been analyzed and their shortcomings have been identified, taking into account existing normative documents. An integrated methodology is proposed, aimed at minimizing the loss of evidential information through the introduction of a "zero" coordination phase with fire departments, Application of modern technologies of digital fixation and development of a digital tool for keeping a record of the objects seized. The developed block diagram and prototype code in Python are intended to systemize and improve the efficiency of the investigation team at the scene of an accident.

Keywords: fire scene , physical environment, forensic tactics, preservation of traces, digitization,scene examination, fixation of evidence, 3D scanning, register of physical evidence, fire testing laboratory, interaction of services.

References

1. Ishchenko E.P. Criminalistics: Textbook / E.P. Ishchenko, A.A. Toporkov. - M.: Law firm "CONTRACT", INFRA-M, 2020. - 746 pp.
2. Belkin R. S. Course of criminalistics: in 3 volumes. Volume 3. Forensic tools, techniques and recommendations. - M.: Yurist, 1997. - 480 pp.
3. Voltchetskaya T.S., Osipov E.V. Tactics of the accident site inspection: modern state and ways of improvement: monograph. - .: Jurliinform, 2019. - 200 p.
4. Methodological recommendations for participants in firefighting to preserve the physical environment and material evidence during combat operations aimed at saving people, property, and eliminating the fire (GUGPS Russian Emergency Medical Service 03.12.2003).
5. Organization of the work of forensic institutions of the federal fire service "Test Fire Laboratory" for the investigation of fires and expert support of the activities of state firefighting authorities: Methodological recommendations. . M.: VNIIPO, 2008.
6. Plešakov V.V. Investigation and expertise of fires: textbook for universities / edited by V.V. Plešakov. M.: Urayat, 2025. 299 pp.

Унификация уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием компьютерных технологий

Федотова Анастасия Вячеславовна,
кандидат культурологии, доцент кафедры юриспруденции, Мурманский арктический университет, fedotovaav@mauniver.ru

Статья посвящена обоснованию исключения ст.159.6 УК РФ, как избыточной, не соответствующей юридической природе мошенничества, а также порождающей излишнюю конкуренцию со статьей 158 УК РФ и «компьютерной» главой УК РФ. В работе предлагаются ряд изменений в статью 158 УК РФ, которые направленны на разграничение имущественных и компьютерных преступлений и внедрение реальной совокупности, а также на преодоление дисгармонии юридической ответственности за хищения с использованием цифровых технологий, совершенных при квалифицирующих обстоятельствах и при отсутствии квалифицирующих признаков. Для повышения эффективности применения данных изменений предлагается разработать разъяснения судам в форме пленума Верховного суда Российской Федерации.
Ключевые слова: мошенничество, кража, «компьютерная» глава, кибератаки, цифровые технологии.

Стремительное развитие цифровых технологий, динамика внедрения технологических решений на базе искусственного интеллекта и AI-агентов требует от системы права активизации процессов обновления и корректировки норм. Ускоренное технологическое развитие существенным образом преобразует содержание всех отраслей права, в том числе уголовного. Традиционные уголовно-правовые конструкции, сформированные для материальной реальности, теряют свою эффективность в отношении деяний, совершенных средствами цифровизации. В условиях автоматизации процессов большая часть юридически значимых деяний сопровождается техническими средствами и, в ряде случаев, исключает ментальное и физическое их сопровождение со стороны субъекта. В настоящей статье рассматривается устоявшийся институт преступлений против собственности, анализ которого выявляет совокупность концептуальных проблем.

Сегодня фокус внимания закономерно помимо привычной защиты имущества от непосредственно физических посягательств, включает обеспечение сохранности цифровых активов в виртуальном пространстве. Однако, разработанные в период, когда преступления только начали переходить в цифровой формат, они не отвечают динамике технологического развития. Мошеннические схемы и способы хищения денежных средств значительно усложнились, внедряются AI-агенты и иные инструменты на базе искусственного интеллекта и действующие конструкции норм и составов преступлений не отвечают требованиям реальности. Как отмечается в статье о трендах мирового рынка информационной безопасности «развитие комплексных мультиагентных систем повышает сложность инфраструктуры и создает потенциальные бреши» [9]. Увеличивается сложность и масштаб атак, которые в настоящее время могут затрагивать целую экосистему от операторов связи до облачных сервисов, увеличивается число нечеловеческих идентичностей, принадлежащих ботам и службам, а не людям, растет автономность ИИ-систем. Обеспечение безопасности в цифровой среде становится критически важной и требует не только проработку комплекса защиты агентных систем, внедрение генеративных ИИ для осуществления непрерывного управления рисками и иных мер обеспечения кибербезопасности, но и выработку соответствующих правовых механизмов, поскольку такие системы становятся все более доступными злоумышленникам.

Отечественная правоохранительная система сегодня активно противостоит преступлениям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных систем, о чем свидетельствует статистика. Так, по данным Министерства внутренних дел за 2025 год общее количество киберпреступлений снизилось на 12% [1], число краж на 23,8%, случаев мошенничества – на 9%, а количество фактов неправомерного доступа к компьютерной информации сократилось на 44%. Причиной снижения, как отмечают в ведомстве, стало обновление законодательства в сфере кибермошенничества. Однако, развитие технологий позволяет злоумышленникам быстро адаптироваться к изменениям и находить новые возможности осуществления преступных деяний, о чем свидетельствует небольшой рост указанных преступлений через непродолжительное время. Следовательно, совершенствование законодательства должно быть более гибким, в допустимых границах проактивно, и, что представляется крайне актуальным, должно оперативно корректироваться исходя из правоприменительной практики.

Одной из приоритетных в рассматриваемой сфере представляется задача исключения устаревшей, «искусственной» статьи 159.6 УК РФ, как избыточной. Эта проблема длительное время обсуждается в научных источниках, однако, усложнение технологических решений совершения противоправных деяний актуализирует внимание к изменению уголовного законодательства в этой части [6].

Во-первых, само понятие мошенничества, данное в ст. 159 УК РФ, определяет его как посягательство на чужое имущество «путем обмана или злоупотребления доверием». Следовательно, по своей юридической природе ст. 159.6 УК РФ в принципе не может квалифицироваться как мошенничество, поскольку классическое мошенничество всегда предполагает воздействие на сознание и волю потерпевшего, то есть непосредственный контакт преступника с потер-

певшим. Согласно смыслу статьи 159.6 УК РФ воздействие оказывается на программный код, базу данных, алгоритмы, у которых нет психики, а, значит, их можно взломать, найти уязвимость и спровоцировать системный сбой, нарушить логику работы, но их невозможно обмануть или злоупотребить их доверием. Хабыев Х. также отмечает, что в качестве способа в статье указывается «техническое вмешательство в работу компьютерных систем, не предполагающее обмана человека как такового» [7]. Иными словами, использование вредоносной программы для списания денежных средств со счета потерпевшего без его ведома, является «насилием» над системой, а не обманом человека.

Более того, правоприменительная практика по ст. 159.6 УК РФ постоянно сталкивается с конкуренцией норм. Главным образом, по смыслу она максимально близка к понятию «кража» п.«г» ч.3 ст.158 УК РФ. На это особое внимание обращает Скоморохова М.С., актуализируя сложность в разграничении этих статей, даже несмотря на рекомендации по квалификации, представленные в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 №48 [4]. На тесную конкуренцию составов мошенничества и кражи указывает и Халиков А.Н. [8] В целом, если рассматривать обе эти статьи Уголовного кодекса, то судебная практика, главным образом, базирующаяся на разъяснениях Пленума Верховного суда РФ № 29 [3] и 48 позволяет выделить ключевые системные проблемы, влияющие на продуктивность их применения. Во-первых, сложность разграничения статей влечет разную меру ответственности за практически аналогичные деяния. Так, если правонарушитель списал средства через онлайн-банк, используя подобранный пароль, данное деяние будет квалифицировано как кража в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако, если он совершит аналогичное деяние, но используя вредоносную программу, которая перехватила пароль и обошла защитную систему финансовой организации, это будет квалифицировано как мошенничество по ст. 159.6 УК РФ, тогда как для потерпевшего вред, объект посягательств и умысел будет одинаковыми. Отсюда проистекает вторая проблема – криминологический дисбаланс. Согласно разъяснениям Генеральной прокуратуры п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ относится к категории тяжких преступлений «независимо от суммы похищенного» [5], тогда как ч. 1 ст. 159.6 УК РФ относится к категории преступлений небольшой тяжести. Таким образом получается, что списание даже маленькой суммы с банковского счета или найденной карты будет считаться тяжким преступлением, автоматически исключающим возможность прекращения дела путём применения сторон и повлечет наказание до 6 лет лишения свободы, тогда как списание кратно большей суммы, но с применением, например, вирусной программы, будет относиться к преступлениям средней тяжести с ответственностью до 2 лет лишения свободы. Иными словами, целенаправленная кибератака, совершенная при квалифицирующих обстоятельствах, влечет за собой более мягкое наказание, чем кража, совершённая при отсутствии квалифицирующих признаков.

Таким образом, для преодоления терминологической путаницы, избыточной конкуренции норм, парадокса тяжести наказания, а также в целях упрощения квалификации представляется целесообразным признать утратившей силу искусственную статью 159.6 УК РФ, а все цифровые и безналичные хищения аккумулировать в ст. 158 УК РФ, сделав более сложную градацию по степени тяжести. Для этого, например, изложить норму в следующей редакции:

- дополнить ч.2 ст.158 УК РФ пунктом «д»:

«д) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств или цифровой валюты (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного пунктом «д» части третьей настоящей статьи), -»;

- признать утратившим силу пункт «г» ч.3 ст. 158 УК РФ;

- дополнить ч.3 ст.158 УК РФ новым пунктом «д»:

«д) путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного несанкционированного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, -».

Такие корректировки сбалансируют тяжесть наказания за содеянное, когда кража, совершённая при отсутствии квалифицирующих признаков (подобрал карту, расплатился ею в магазине и пр.) переходит из ч.3 в ч.2 ст. 158 УК РФ (средняя тяжесть), что позволит судам при примирении сторон и полном возмещении ущерба применять ст. 76 УК РФ. А целенаправленные кибератаки, сверхтехнологичные кражи, реализуемые посредством взлома, обхода системы безопасности, фишинга, то есть совершенные при квалифицирующих обстоятельствах, требующих дорогостоящих экспертиз, переходят в ч.3 ст. 158 УК РФ (тяжкие преступления). Что представляется целесообразным, поскольку даже если оно совершается с помощью AI-агентов и не всегда требует от преступника профессиональных навыков, оно напрямую угрожает дигитальной безопасности государства и бизнеса, и может повлечь за собой значительный ущерб. Таким образом, ст.158 УК РФ распределяет тяжесть наказания в зависимости от методов использования цифровых инструментов хищения.

Данные предложения преодолевают и терминологический тупик ст. 159.6 УК РФ и любое скрытое корыстное хищение безналичных или цифровых средств без обмана человека будет признаваться судами как кража, что представляется технически верным.

Более того, эти изменения смогут упорядочить и взаимодействие нормы с главой 28 УК РФ. Текущая практика показывает конкуренцию ст. 159.6 УК РФ с так называемой «компьютерной» главой по принципу «специальная и общая норма», а перенос хищений с использованием цифровых средств в ст.158 УК РФ позволит перевести этот спор в сферу «цели и средства». И если сейчас в случае, например, взлома пароля и несанкционированного доступа в личный кабинет потерпевшего ради хищения денежных средств, суды вменяют наказание только по 159.6 УК РФ, как специальной нормы, то после внедрения изменений потребуется квалификация по совокупности преступлений по п.«д» ч.3 ст. 158 УК РФ и ст. 272 УК РФ. Это представляется более целесообразным, поскольку любой взлом системы – это самостоятельное посягательство на дигитальную безопасность. По предложенному п.«д» ч.3 ст. 158 УК РФ наказание предполагается именно за хищение с использованием технических средств воздействия на компьютерные системы, но не включает сам факт взлома компьютерной защиты. Совокупность статей позволит привлекать к ответственности и за кражу средств, и за вред цифровой системе. Аналогичный подход (совокупность преступлений) станет возможным и по ст. 272.1 УК РФ, где ответственность будет предусмотрена и за факт несанкционированного использования персональных данных или баз данных пользователей, и за кражу, если эти данные были использованы для автоматизированного списания средств.

Таким образом, предложенные поправки в УК РФ позволят четко разграничить имущественные и компьютерные преступления и внедрить реальную совокупность, что сделает наказание за сложные кибератаки более справедливыми и дифференцированными. Иными словами, глава 21 (ст. 158) УК РФ будет четко направлена на наказание незаконного обогащения с помощью цифровых технологий, а глава 28 (ст. 272-274) УК РФ направлена на пресечение самого технологического взлома системы, разрушающего его целостность и безопасность данных. Безусловно, что Постановление Пленума ВС РФ дает разъяснение о необходимости применения норм ст.159.6 УК РФ в совокупности с гл.28 УК РФ, дополняя специальный состав, но по ряду примеров наблюдается состояние конкуренции, когда суды признают «компьютерную» составляющую только в качестве мошенничества, исключая применение гл.28 УК РФ и снижая эффективность применения норм. На рассогласованность простых составов, предусмотренных ст. 159.6 У К РФ и ст. 272 У К РФ обращает внимание и Попова Е.М. [2], которая отмечает, что квалификация по совокупности в этом случае «противоречит правилам квалификации преступлений и ставит под вопрос обоснованность и законность выносимых судами приговоров».

Однако, чтобы указанные выше поправки действительно эффективно работали, в целях единообразия применения закона также представляется необходимым разработать разъяснения для судов в форме Постановления Пленума Верховного суда РФ. В нем, во-первых, должны быть обозначены принципы разграничения объекта посягательства. Так, должно быть прописано, что хищение денежных средств, цифровой валюты, совершенное путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки и передачи данных (п. «д» ч. 3 ст. 158 УК РФ), посягает на отношения собственности, а преступления, предусмотренные ст. 272-274 УК РФ, посягают на безопасность цифровой информации (глава 28 УК РФ). И поскольку указанные деяния имеют самостоятельные объекты преступного посягательства их соотношения

строится по принципу «цели и средства», а, следовательно, их составы при наличии соответствующих признаков подлежат квалификации по реальной совокупности преступлений.

Далее важно дать пояснение и по другим «компьютерным» статям. Так, для ст. 272 УК РФ важно предусмотреть реальную совокупность преступлений в случае тайного изъятия денежных средств путем неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, а в случаях если списание средств не состоялось по независящим от злоумышленника обстоятельствам, считать неправомерный доступ оконченным в момент получения доступа к охраняемым данным и квалифицировать деяния по ст. 272 УК РФ, ч.3. ст. 30 и п. «д» ч.3.ст. 158 УК РФ.

Относительно оборота персональных данных важно закрепить, что за сам факт незаконного оборота должен квалифицироваться по ст. 272.1 УК РФ, а факт кражи денежных средств с использованием таких данных подлежит квалификации по п. «д» ч.3.ст. 158 УК РФ.

Разъяснение совокупности с положениями ст. 273 УК РФ должно опираться на то, что создание, распространение и/или использование вредоносных компьютерных программ должно рассматриваться в качестве преступного орудия для совершения высокотехнологичного хищения денежных средств. И поскольку оно создает угрозу неограниченному кругу цифровых систем, ее поглощение нормой о краже недопустимо. Такие преступления также должны рассматриваться только в реальной совокупности.

Если хищение совершило лицо, имеющее правомерный доступ к охраняемой законом информации, например, путем её модификации или удаления, в таком случае судам изначально необходимо проверить были ли нарушены правила работы с информацией. Если деяние повлекло крупный ущерб самой информационно-телекоммуникационной инфраструктуре, уничтожение или блокирование критических систем данных, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности ст. 274 и п. «д» ч.3.ст. 158 УК РФ. Но, здесь важно отметить, что если нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации не повлекло последствий, предусмотренных ч.1. ст. 274 УК РФ (крупный ущерб безопасности и работоспособности компьютерной инфраструктуры собственника или оператора компьютерной системы), содеянное не образует совокупности преступлений и должно охватываться составом кражи.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что до текущего момента остается актуальным вопрос о применении статей уголовного кодекса в сфере дистанционных хищений. Многие ученые указывают на системный кризис квалификации таких преступлений. С ускоряющимся усложнением цифровой среды эта ситуация будет нарастать, поэтому представляется целесообразным скорректировать действующее законодательство. Одной из причин такого кризиса является ст. 159.6 УК РФ, порождающая непреодолимые доктринальные противоречия, вынуждающие правоприменителя «лавировать» при попытках квалифицировать противоправные деяния. Имея статус специальной нормы, она необоснованно блокирует применение статей гл.28 УК РФ, оставляя «за скобками» самостоятельные посягательства на цифровую безопасность и декриминализируя высокотехнологичные способы взлома. В целях упрощения следственно-судебной практики, выравнивание дисбаланса и обеспечения справедливости наказания в настоящей статье предложены изменения в действующее уголовное законодательство. Их суть состоит в трех ключевых моментах. Во-первых, представляется необходимым исключение ст. 159.6 УК РФ, как «искусственной» нормы, размывающей родовые признаки мошенничества. Во-вторых, важно объединить все цифровые хищения в рамках ст. 158 УК РФ («Кража»). Для этого перенести ответственность за хищения безналичных денег, электронных средств, цифровых валют в единый материальный состав (п. «д» ч.2. ст. 158 УК РФ), а хищения, совершенные при квалифицирующих обстоятельствах (путем программно-технических манипуляций и несанкционированного вмешательства в работу компьютерных систем, удаления, блокировки, модификации данных), перевести в п. «д» ч.3 ст. 158 УК РФ. В-третьих, признание утратившей силу ст. 159.6 УК РФ разрушит искусственную конкуренцию «общей и специальной нормы», а в совокупности с принятием поправок в ст. 158 УК РФ, позволит перевести отношения имущественных и компьютерных преступлений в логичную систему «цели и средства» и обяжет суды применять реальную совокупность преступлений. Вместе с рекомендациями для Постановления Пленума ВС РФ предлагаемые изменения позволят четко разграничить материальный и технологический ущербы, преодолеют путаницу в квалификации и обеспечат справедливую дифференциацию уголовной ответственности, когда лицо, просто нашедшее кару и профессиональный кибер-преступник понесут принципиально разное, соразмерное содеянному наказание.

Литература

1. МВД сообщило о снижении числа киберпреступлений в РФ в 2025 году на 12% // Интерфакс. – 18.02.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/digital/1073418 (дата обращения: 08.10.2026)
2. Попова, Е.М. Квалификация хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы теории и практики применения ст. 159.6 УК РФ / Е.М. Попова // Полицейская и следственная деятельность. – 2026. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=79149 (дата обращения: 05.10.2026)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405863329/ (дата обращения: 15.10.2026)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 28.09.2026)
5. Прокуратура Московского района города Калининграда разъясняет: «Об ответственности за кражу с банковского счета» // Прокуратура Калининградской области [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_39/activity/legal-education/explain/criminal_law/e372159/ (дата обращения: 04.10.2026)
6. Смоляков, А. Н. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности : диссертация кандидата юридических наук : 5.1.4 / Смоляков Александр Николаевич. – Санкт-Петербург, 2023. – 250 с.
7. Хабыев, Х. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ) / Х.Хабыев // Актуальные исследования. 2026. №25 (311). Ч.III. С. 14-16. [Электронный ресурс]. URL: https://apni.ru/article/15558-problemy-kvalifikacii-moshennichestva-v-sfere-kompyuternoj-informacii-statya-1596-uk-rf (дата обращения: 01.10.2026)
8. Халиков, А. Н. Проблема квалификации дистанционных хищений как отдельного состава преступления / А. Н. Халиков // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 4. – С. 117.
9. 2026 Trends in Information Security [Электронный ресурс]. URL: https://pages.marketintelligence.spglobal.com/15701-MS-2512-GL-TMT-DR-451R-NA-2026-Trends-in-Tech_04A---Information-Security.html (дата обращения: 05.10.2026).

Unification of Criminal Liability for Theft Committed Through the Use of Computer Technologies

Fedotova A.V.

Murmansk Arctic University

The article provides a rationale for the repeal of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation as redundant, inconsistent with the legal nature of fraud, and creating unnecessary statutory conflict with Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation and the «computer crimes» chapter of the Criminal Code of the Russian Federation. The author proposes a series of amendments to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation aimed at differentiating between property and computer-related offenses, ensuring the application of real joinder of offenses (multiple offenses), and overcoming the disparity in criminal liability for theft involving digital technologies committed under aggravating and non-aggravating circumstances. To enhance the effectiveness of these amendments, it is proposed to develop judicial guidance in the form of a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: fraud, theft, «computer crimes» chapter, cyberattacks, digital technologies.

References

1. The Ministry of Internal Affairs reported a decrease in the number of cybercrimes in the Russian Federation in 2025 by 12% // Interfax. – 02/18/2026 [Electronic

resource]. URL: https://www.interfax.ru/digital/1073418 (date of request: 08.10.2026)
2. Popova, E.M. Qualification of theft using information and telecommunication technologies: problems of theory and practice of application of art. 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation / E.M. Popova // Police and investigative activities. – 2026. – No. 2. [Electronic resource]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=79149 (date of request: 05.10.2026)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 No. 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet" [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405863329 / (date of request: 10/15/2026)
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 No. 48 (as amended on 12/15/2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement." [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918 / (date of access: 09/28/2026)
5. The Prosecutor's Office of the Moscow district of Kaliningrad explains: "On responsibility for theft from a bank account" // Prosecutor's Office of the Kaliningrad region [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_39/activity/legal-education/explain/criminal_law/e372159 / (date of request: 04.10.2026)
6. Smolyakov, A. N. Theft of non–cash, electronic money and digital currency: issues of legal technique and differentiation of responsibility : dissertation of Candidate of Law sciences : 5.1.4 / Smolyakov Alexander Nikolaevich. - St. Petersburg, 2023. – 250 p.
7. Khabyev, H. Problems of fraud qualification in the field of computer information (Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) / H.Khabyev // Current research. 2026. No. 25 (311). Part III. pp. 14-16. [electronic resource]. URL: https://apni.ru/article/15558-problemy-kvalifikacii-moshennichestva-v-sfere-kompyuternoj-informacii-statya-1596-uk-rf (date of request: 01.10.2026)
8. Khalikov, A. N. The problem of qualification of remote theft as a separate crime / A. N. Khalikov // Eurasian Advocacy. – 2025. – No. 4. – p. 117.
9. 2026 Trends in Information Security [Electronic resource]. URL: https://pages.marketintelligence.spglobal.com/15701-MS-2512-GL-TMT-DR-451R-NA-2026-Trends-in-Tech_04A---Information-Security.html (date of request: 05.10.2026).

Правовые основания и пределы применения технологий искусственного интеллекта в системе электронного мониторинга подконтрольных лиц ФСИН России

Нестеренко Снежана Васильевна
Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия, snejana_russia@mail.ru

Исследование посвящено правовым основаниям и пределам использования технологий искусственного интеллекта в федеральной государственной информационной системе «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» (СЭМПЛ), эксплуатируемой уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России с 2012 г. Изучены нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Федерального закона «О персональных данных», постановлений Правительства РФ № 198 и № 134, Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, а также законопроекта № 460-9 об обработке биометрических данных подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Установлено, что в действующем законодательстве допускается применение технических средств надзора и контроля, но отсутствуют нормы об автоматизированной аналитической обработке данных мониторинга, о правовом статусе выводов алгоритма и о гарантиях прав подконтрольного лица. С учетом технического состояния оборудования СЭМПЛ и практики судебной оценки ее данных обоснована трехуровневая модель допустимости функций искусственного интеллекта: вспомогательная обработка сигналов, аналитическая поддержка решений инспектора (только в отношении осужденных) и запрещенные функции. Предложены дополнения в ст. 60 УИК РФ и ведомственные акты, закрепляющие решающее участие должностного лица, обязательную проверку тревожных сообщений, журналирование работы алгоритмов, ограничение сроков хранения данных и право осужденного на ознакомление с основаниями решения.

Ключевые слова: система электронного мониторинга подконтрольных лиц; искусственный интеллект; уголовно-исполнительная инспекция; ограничение свободы; алгоритмическая оценка риска; персональные данные; автоматизированное решение; ФСИН России.

Введение

Курс на цифровизацию уголовно-исполнительной системы закреплен в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р), где одним из направлений модернизации названо оснащение уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) современными техническими средствами контроля за лицами, отбывающими наказания без изоляции от общества [1]. Понятие искусственного интеллекта (далее – ИИ) раскрыто в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490): под ним понимается совокупность технологических решений, воспроизводящих когнитивные функции человека, в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, при которой на конкретных задачах достигаются результаты, сравнимые с итогами интеллектуальной работы человека [2].

Дистанционный контроль в УИИ строится на федеральной государственной информационной системе «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» (далее – СЭМПЛ), которая функционирует с 2012 г. и применяется к осужденным к ограничению свободы, а также к подозреваемым и обвиняемым, находящимся под домашним арестом, запретом определенных действий или залогом [3, 4]. На конец 2022 г. из 36 868 состоявших на учете осужденных к ограничению свободы электронными средствами контролировались 5 641 чел. (15 %), из 7 932 лиц под домашним арестом – 7 597 чел. (97 %), из 5 672 лиц с запретом определенных действий – 1 533 чел. (27 %) [3]. Накопленные в системе треки и записи о нарушениях стали поводом для предложений поручить их обработку алгоритмам машинного обучения и нейронным сетям [5, 6], т. е. перейти от простой регистрации событий к их автоматизированному истолкованию. Однако в уголовно-исполнительном законодательстве нет норм, которые определяли бы порядок алгоритмической обработки данных мониторинга, правовую природу выводов алгоритма и гарантии прав подконтрольного лица.

Цель настоящей работы – определить правовые основания и пределы применения технологий ИИ в СЭМПЛ ФСИН России, для чего решаются следующие задачи: установить нормативную основу автоматизированной обработки данных электронного мониторинга; выявить технические и доказательственные ограничения, препятствующие передаче функций контроля алгоритмам; обосновать модель допустимых функций ИИ и предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства.

Основная часть

Правовое регулирование электронного мониторинга выстроено на нескольких уровнях. Частью 1 ст. 60 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) инспекциям предоставлено право применять аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения преступлений и нарушений порядка отбывания наказания и для сбора сведений о поведении осужденных; конкретный перечень устройств утвержден постановлением Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198. Контроль за исполнением мер пресечения опирается на ст. 105.1, 106 и 107 УПК РФ и постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 [3, 7]. Действия инспекторов регламентированы Инструкцией по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258, и совместным приказом Минюста России, МВД России, СК России и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 [4]. Предметом этих актов являются виды устройств и процедура их установки и использования; как обрабатывать собранную информацию аналитически, в них не определено, а понятия «алгоритм», «автоматизированная оценка» и «искусственный интеллект» там не встречаются.

В СЭМПЛ реализованы следующие операции [4]:

установление личности каждого лица, находящегося под контролем;

накопление и хранение сведений о маршрутах перемещения и допущенных нарушениях;

проверка соблюдения одного или нескольких установленных ограничений;

автоматическая выдача уведомлений о выявленных нарушениях;

задание и просмотр параметров контроля (охранных зон, временных интервалов);

отображение текущего статуса лица и истории его перемещений.

Автоматическая выдача уведомлений – элементарный вид алгоритмической обработки, работающий по жестко заданным правилам (пересечение границы охранной зоны, выход за пределы временного режима, вскрытие корпуса браслета и т. п.). С внедрением ИИ правила классификации выводятся из обучающей выборки, а не задаются инспектором, т. е. логика обработки данных не описывается нормативным актом и не может быть заранее проверена должностным лицом. На этом переходе и возникает потребность в специальном правовом основании.

Пригодность данных СЭМПЛ для машинного анализа зависит от исправности оборудования. На 31 декабря 2022 г. УИИ имели на балансе 23 397 электронных браслетов (далее – ЭБ) и 28 383 контрольных устройства – 13 893 мобильных (далее – МКУ) и 14 490 стационарных (далее – СКУ), при этом исправными значились 64 % МКУ, 82 % СКУ и 69 % ЭБ [3]. Паспортный срок эксплуатации браслета составляет 7 лет, тогда как на практике он выходит из строя через 1-2 года; дальность связи ЭБ с контрольным устройством – около 50 м; в браслет устанавливается одна SIM-карта, из-за чего в зонах слабого покрытия связь теряется, а сигнал о нарушении в ряде случаев доходит до оператора спустя более 8 часов [3]. Выделяемых ежегодно 45 млн руб. хватает на техническую поддержку и частичный ремонт, однако закупать новое оборудование за счет этих средств невозможно [3]. Среди эксплуатационных ограничений называют также нижний температурный предел работы браслета (+5 °C), необходимость вскрывать корпус контрольного устройства после второй полной разрядки аккумулятора, дефицит исправных комплектов при избрании домашнего ареста сразу нескольким обвиняемым по одному делу и др. [7].

Неудовлетворительное техническое состояние системы отмечалось и ранее. По итогам аудита Счетной палаты РФ за 2015-2017 гг. установлено, что на 1 января 2018 г. не работали 44,3 % единиц оборудования СЭМПЛ, по назначению применялись лишь 27,7 % общего парка и 49,8 % исправных устройств, а электронный контроль распространялся на 1,5 % из 989 228 лиц, прошедших в 2017 г. через учеты УИИ [8]. Динамика основных показателей приведена в таблице 1.

Таблица 1
Показатели технического состояния и применения оборудования СЭМПЛ

Показатель	2017-2018 гг. [8]	2022 г. [3]
Доля исправных МКУ/СКУ, %	62,7 / 78,4	64 / 82
Доля осужденных к ограничению свободы под контролем СЭМПЛ, %	менее 2	15
Доля лиц, контролируемых электронными средствами, от всех лиц на учете УИИ, %	1,5	нет данных
Доля лиц под домашним арестом под контролем СЭМПЛ, %	нет данных	97

Из данных таблицы следует, что за пять лет доля исправных устройств выросла лишь на 1,3-3,6 процентного пункта, т. е. темпы обновления парка уступали росту числа подконтрольных лиц. Значит, большая часть накопленных записей (треки, тревожные сообщения, отметки о вскрытии корпуса и др.) получена на оборудовании, исправность которого в момент регистрации события документально не подтверждена.

Технические дефекты прямо сказываются на доказательственной ценности данных мониторинга. С. В. Владимиров и В. В. Кубанов объясняют скептическое отношение судов к материалам инспекций рядом обстоятельств: оборудование не имеет сертификатов соответствия системы СовАСК, проверки его исправности документально не оформляются, браслет может давать ложный сигнал уже при удалении на 10 м от СКУ, в направляемых в суд документах не указываются инвентарные/электронные/серийные номера устройств, а единая нормативная терминология отсутствует [4]. Так, в работе УИИ тревожные сообщения разделяются по степени критичности на информационные, несущественные, серьезные и критичные, но в судебно-следственной практике это понятие не является общепринятым [4]. В. Б. Батоев отмечает, что суды учитывают сведения СЭМПЛ о нарушении запретов только тогда, когда к ним приложены документы, подтверждающие исправность оборудования [3].

Для уголовно-исполнительного права эта проблема имеет прямое материально-правовое измерение. Согласно ч. 4 ст. 58 УИК РФ отказ осужденного от использования в отношении него технических средств надзора и контроля относится к основаниям признания его злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы, а при таком признании УИИ вносит в суд представление о замене неотбытой части наказания лишением свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ). Повреждение браслета, его снятие и длительное отсутствие сигнала регистрируются в СЭМПЛ сходным образом – как утрата связи с устройством, тогда как юридическая оценка этих ситуаций различна: умышленный отказ от контроля, неосторожная порча имущества и технический сбой влекут разные последствия, причем умысел осужденного инспекции приходится доказывать [7]. Если разграничение таких ситуаций будет передано классификатору, ошибка модели станет ошибкой в установлении основания для лишения свободы, т. к. суд при рассмотрении представления опирается на материалы, подготовленные инспекцией. Поэтому автоматизированная квалификация события как отказа от контроля не может подменять проверку обстоятельств инспектором, включая выезд по месту жительства, получение объяснений осужденного и техническое заключение о состоянии устройства.

Отсюда двоякий вывод для внедрения ИИ. Автоматическая сортировка тревожных сообщений по критичности и отсев ложных срабатываний представляют наиболее очевидную и правомерную область применения машинного обучения. Однако если модель обучается на массиве, в котором до трети записей получено с неисправных устройств, ошибки оборудования переходят в нее в виде статистических закономерностей, поэтому вывод модели не может иметь большей доказательственной силы, чем исходные сигналы.

В научной литературе предлагаются разные варианты встраивания ИИ в контроль за подконтрольными лицами. Д. О. Ямбаев видит решение в сети облачных центров анализа и обработки данных (ОЦАОД), где информация об объектах уголовно-исполнительной системы и находящихся там лицах непрерывно обрабатывается глубокими нейронными сетями, а решения по предупреждению негативных ситуаций принимаются удаленно [6]. С. В. Шевелева и Д. Н. Химеденова предлагают оснастить УИИ собственной системой распознавания лиц, построенной по принципу комплекса «Безопасный город», и обосновывают это нагрузкой на инспекции: на 1 января 2023 г. 1 429 УИИ вели учет более 482 тыс. чел., а 55 % рецидивистов до нового преступления нарушали наложенные судом ограничения [5]. В первом варианте алгоритму фактически передаются распорядительные полномочия, во втором – полномочия по непрерывному наблюдению за конкретным лицом в публичных пространствах, и ни для одного из них в действующем законе нет нормативной опоры.

Противоположная позиция представлена в трудах Е. Г. Царьковой. По ее мнению, нейросетевые модели типа «черный ящик» непригодны для работы с документированной информацией, имеющей правовой статус: проследить, как преобразуются данные внутри такой модели, нельзя, и правовой статус информации размывается (диссипирует) [9]. Взамен автор предлагает диалоговые экспертные системы с консультативной ролью ИИ и «кусочно-разрывные» алгоритмы, при которых каждый промежуточный результат проверяется уполномоченным сотрудником и заверяется электронной подписью [9]. Для систем прогнозирования поведения осужденных тем же автором выдвинут набор принципов: итоговое решение принимается с приоритетом прав осужденного, модели должны быть прозрачны и объяснимы, дискриминация исключается, объем обрабатываемых данных минимизируется, ИИ-системы проходят независимый аудит, решения с использованием прогностики могут быть обжалованы, а ответственность распределяется между разработчиками, эксплуатантами и должностными лицами; дополнительно предложен ведомственный реестр алгоритмов оценки риска рецидива [10]. В работе о «цифровом следе» осужденного исследователь предупреждает об опасности «презумпции цифровой виновности», когда выводы нейросетевых систем надзора принимаются без процедуры их проверки [11].

Вспомогательная роль ИИ вытекает и из законодательства о персональных данных. По ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27

июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» решение, влекущее для гражданина юридические последствия или иным образом затрагивающее его права и законные интересы, не может быть принято исключительно на основе автоматизированной обработки его персональных данных; изъятия допускаются лишь при письменном согласии субъекта или в случаях, прямо указанных в федеральном законе, где также установлены меры защиты прав субъекта (ч. 2 ст. 16). Согласно ч. 2 ст. 11 того же закона биометрические данные могут обрабатываться без согласия субъекта, если это предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством. Законопроектом № 460-9, внесенным в Государственную Думу, предлагается дополнить Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» и УИК РФ нормой о том, что персональные данные подозреваемых, обвиняемых и осужденных, включая биометрические, обрабатываются органами уголовно-исполнительной системы без согласия этих лиц для идентификации и/или аутентификации; в пояснительной записке к проекту УИИ названы прямо [12].

Представители Федеральной палаты адвокатов РФ указали на пробелы проекта: не названы категории собираемых сведений (при том что в пояснительной записке фигурируют даже «поведенческие черты»), не определены сроки хранения, получатели и основания уничтожения данных, а полномочия органов уголовно-исполнительной системы не ограничены ни территорией учреждения, ни сроком наказания. Предложенные ими поправки включают уничтожение данных при освобождении, прекращении дела, оправдании и не позднее погашения или снятия судимости (ч. 6 ст. 86 УК РФ), запрет передавать биометрические шаблоны в городские системы видеонаблюдения без решения суда, ведение журнала доступа, право на обжалование и т. п. [12]. В Регламенте (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте применен подход прямых запретов: с 2 февраля 2025 г. на основании подп. «d» п. 1 ст. 5 не допускается применение ИИ-систем, оценивающих риск совершения лицом уголовного правонарушения только по результатам профилирования или анализа черт личности; исключение сделано для систем, поддерживающих оценку, которую дает человек на основе объективных и проверяемых фактов, а ИИ в правоохранительной деятельности включен приложением III в число систем высокого риска [13]. Несмотря на различие правовых систем, критерий «объективных и проверяемых фактов» может служить ориентиром при определении границ алгоритмической оценки риска в СЭМПЛ.

При определении этих границ необходимо учитывать состав лиц, находящихся под контролем СЭМПЛ. На конец 2022 г. электронными средствами контролировались 7 597 лиц под домашним арестом, 1 533 лица с запретом определенных действий и 6 лиц под залогом против 5 641 осужденного к ограничению свободы [3], т. е. около 62 % подконтрольных составляли подозреваемые и обвиняемые, которые в силу ст. 49 Конституции РФ считаются невиновными. Прогнозная оценка «риска нарушения» в отношении этой категории по существу является оценкой вероятности противоправного поведения лица, вина которого не установлена приговором. Из этого следует дифференциация: к подозреваемым и обвиняемым допустимо применять лишь техническую обработку сигналов, а аналитическая оценка риска может использоваться только в отношении осужденных, по делам которых вынесен вступивший в законную силу приговор.

По результатам рассмотрения нормативной базы, технического состояния СЭМПЛ и доктринальных позиций можно заключить, что ч. 1 ст. 60 УИК РФ служит основанием для применения технических средств надзора, но не для автоматизированной аналитической обработки поведения подконтрольного лица. Расширительное толкование этой нормы недопустимо, т. к. алгоритмическая оценка поведения затрагивает право на неприкосновенность частной жизни, ограничение которого возможно лишь федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В связи с этим предлагается разграничить функции ИИ в СЭМПЛ по трем уровням допустимости:

вспомогательные технические функции – отсеивание ложных срабатываний, классификация тревожных сообщений по степени критичности, прогнозирование разряда аккумулятора и отказа устройства, восстановление трека при потере сигнала ГЛОНАСС/GPS с обязательной пометкой реконструированных участков; допустимы в отношении всех подконтрольных лиц при условии журналирования каждой операции;

аналитические функции поддержки решения инспектора – оценка вероятности нарушения ограничений для выбора периодичности проверок, вида контрольного устройства (СКУ/МКУ) и мер профилактического воздействия; допустимы только в отношении осужденных, если оценка строится на фактах поведения (зарегистрированные нарушения, пропуски явок и т. д.), а не на социально-демографических характеристиках лица, и оформляется как рекомендация, мотивированно принимаемая или отклоняемая должностным лицом;

недопустимые функции – автоматическое признание осужденного злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы (ч. 4 ст. 58 УИК РФ), автоматическое направление в суд представления о замене наказания или об изменении меры пресечения, использование оценки риска в качестве доказательства нарушения, непрерывная биометрическая идентификация подконтрольного лица вне зон, указанных в приговоре или постановлении суда.

Допустимость функций первого и второго уровня зависит от качества моделей, которое необходимо измерять и раскрывать. Ошибки классификации тревожных сообщений бывают двух видов: ложная тревога, влекущая лишний выезд инспектора и вмешательство в частную жизнь подконтрольного лица, и пропуск реального нарушения, при котором контроль теряет смысл. Соотношение этих ошибок задается порогом срабатывания модели, т. е. является управленческим выбором, а не техническим параметром, и потому должно утверждаться ведомственным актом, а не настройками разработчика. Модели целесообразно испытывать раздельно на данных регионов с разным качеством сотовой связи и спутникового сигнала, поскольку из-за единственной SIM-карты в браслете и «мертвых зон» покрытия [3] доля ложных сигналов в сельских и городских районах неодинакова, а результаты испытаний (доли ложных тревог и пропусков, время задержки сигнала и т. п.) публиковать ежегодно в обезличенном виде.

Для закрепления этой модели целесообразно дополнить ст. 60 УИК РФ частью следующего содержания: «Информация, полученная с использованием технических средств надзора и контроля, может обрабатываться с применением технологий искусственного интеллекта в целях подготовки предложений должностному лицу уголовно-исполнительной инспекции. Решения, влекущие правовые последствия для осужденного, принимаются должностным лицом после проверки сведений, полученных с использованием таких технологий. Порядок применения технологий искусственного интеллекта, перечень обрабатываемых данных и сроки их хранения определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний». В ст. 105.1 и 107 УПК РФ уместно ввести правило, ограничивающее обработку данных мониторинга подозреваемых и обвиняемых технической верификацией сигналов.

На ведомственном уровне целесообразно закрепить:

порядок проверки тревожного сообщения, классифицированного алгоритмом, с выездом/звонком инспектора и составлением акта до принятия мер реагирования;

журнал аудита с записью версии модели, входных данных, выданной рекомендации и решения инспектора с мотивировкой;

форму унифицированного отчета СЭМПЛ для суда с указанием номеров устройств и отметкой о применении алгоритмической обработки [4];

ведомственный реестр допущенных к эксплуатации алгоритмов с результатами испытаний на данных разных регионов [10];

право осужденного/подозреваемого на ознакомление со сведениями, послужившими основанием решения, и на их оспаривание;

порядок исключения лица из алгоритмической обработки после снятия с учета и уничтожения связанных с ним данных.

Обязательным элементом модели является уведомление подконтрольного лица. С. В. Шевелева и Д. Н. Химеденова обосновывают необходимость письменного уведомления осужденных о применении к ним средств распознавания и обработки данных [5]; этот подход целесообразно распространить на любую алгоритмическую обработку данных СЭМПЛ. При постановке на учет лицу под подпись разъясняются состав собираемых о нем сведений, факт и цели применения ИИ, сроки хранения данных, а также порядок ознакомления с рекомендацией алгоритма, на основании которой принято решение, и порядок ее оспаривания. При такой процедуре защитник получает возможность проверить данные мониторинга в суде, а контроль становится предсказуемым для самого подконтрольного лица.

В основу предложенной модели положен принцип решающего участия должностного лица: ответственность за решение, принятое с опорой на рекомендацию алгоритма, несет инспектор/начальник УИИ, а ответственность за дефекты модели распределяется между разработчиком/эксплуатантом в рамках государственного контракта [9, 10]. Внедрение аналитических функций второго уровня целесообразно лишь после сертификации оборудования и пилотной эксплуатации в нескольких субъектах РФ, т. к. при обучении моделей на данных, где неисправными числятся 18-36 % устройств, погрешности техники переходят в выводы алгоритма. Срок хранения данных мониторинга следует ограничить сроком наказания или меры пресечения и сроком обжалования принятых решений с обязательным уничтожением при погашении судимости, что согласуется с подходом к дифференцированному режиму «цифрового следа» осужденного [11, 12].

Заключение

Правовой основой электронного мониторинга подконтрольных лиц служат ч. 1 ст. 60 УИК РФ, ст. 105.1, 106 и 107 УПК РФ, постановления Правительства РФ № 198 и № 134, которыми урегулированы виды технических средств и порядок их применения, но не автоматизированная аналитическая обработка собранных данных. Применение технологий ИИ в СЭМПЛ нуждается в прямом указании федерального закона, поскольку алгоритмическая оценка поведения затрагивает право на неприкосновенность частной жизни, т. е. является ограничением конституционного права (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Пределы применения ИИ в СЭМПЛ определяются четырьмя группами факторов: техническим состоянием оборудования (в 2022 г. исправными числились 64-82 % устройств в зависимости от вида), условиями судебной оценки данных мониторинга, запретом принятия решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных (ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ) и презумпцией невиновности большинства подконтрольных лиц. В предложенной трехуровневой модели разграничены вспомогательные технические, аналитические и недопустимые функции ИИ, а право окончательного решения закреплено за должностным лицом УИИ: результатом работы алгоритма является рекомендация, тогда как правовые последствия наступают лишь после проверки сведений инспектором и мотивированного решения, причем пара «рекомендация/решение» подлежит записи в журнале аудита.

Реализация модели связана с дополнением ст. 60 УИК РФ и соответствующих норм УПК РФ, ведомственным регламентом проверки тревожных сообщений, реестром алгоритмов с публикуемыми показателями точности, ограничением сроков хранения данных, уведомлением подконтрольных лиц и процессуальными гарантиями ознакомления и обжалования. Внедрение аналитических функций целесообразно после технической модернизации оборудования СЭМПЛ, без которой погрешности исходных данных неизбежно перейдут в выводы алгоритмов и ослабят доказательственное значение материалов УИИ в суде.

Литература

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) : указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 (ред. от 15 февр. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Батоев В. Б. О некоторых вопросах построения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц при предупреждении рецидива преступлений средствами контроля и надзора в органах внутренних дел // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 81-89.

4. Владимиров С. В., Кубанов В. В. Проблемы доказывания в судебных заседаниях исправности оборудования СЭМПЛ в период допущенного обвиняемым (подозреваемым), осужденным нарушения охранной зоны и временного режима // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4 (55). С. 24-28. DOI: 10.37523/SUI.2023.55.4.004.

5. Шевелева С. В., Химеденова Д. Н. Использование технологий системы распознавания лиц в вопросах предупреждения преступности отдельных категорий осужденных // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 160-169. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).160-169.

6. Ямбаев Д. О. Облачный центр анализа и обработки данных как структурный компонент цифровой трансформации и развития искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 10. С. 62-70. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-257-10-62-70.

7. Гусев А. С., Казак И. Б., Драницина А. Н. Некоторые вопросы использования технических средств в уголовно-исполнительных инспекциях // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 352-354. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_352.

8. Оноприенко О. ФСИН неэффективно использовала выделенные на информатизацию 8,9 млрд руб. // Адвокатская газета. 2018. 10 сент. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/fsin-neeffektivno-ispolzovala-vydelennye-na-informatizatsiyu-8-9-mlrd-rub/ (дата обращения: 16.10.2026).

9. Царькова Е. Г. Правовые основы алгоритмизации управленческих процессов с применением элементов искусственного интеллекта в учреждениях ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 5. С. 89-93. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-89-93.

10. Царькова Е. Г. Правовые принципы применения искусственного интеллекта для прогнозирования поведения осужденных в учреждениях ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 3. С. 313-318.

11. Царькова Е. Г. Правовые аспекты формирования и использования «цифрового следа» осужденного в учреждениях ФСИН России // Российский научный вестник. 2026. № 2. С. 296-300.

12. Нагорная М. Порядок обработки биометрии подозреваемых, обвиняемых и осужденных предлагается закрепить в законе // Адвокатская газета. 2026. 15 окт. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/poryadok-obrabotki-biometrii-podozrevaemykh-obvinyaemykh-i-osuzhdennykh-predlagaetsya-zakrepit-v-zakone/ (дата обращения: 16.10.2026).

13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L series. 12 July. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 16.10.2026).

Legal grounds and limits of the use of artificial intelligence technologies in the electronic monitoring system of controlled persons of the Federal penitentiary service of Russia

Nesterenko S.V.

Moscow University for Industry and Finance “Synergy”

The study addresses the legal grounds and limits of the use of artificial intelligence technologies in the federal state information system «Electronic Monitoring System of Controlled Persons» (SEMPL) operated by the penal enforcement inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia since 2012. The provisions of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Personal Data», Government Decrees No. 198 and No. 134, the Concept of Development of the Penal System until 2030, the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence and draft law No. 460-9 on the processing of biometric data of suspects, accused and convicted persons are examined. It is established that the current legislation permits the use of technical means of supervision and control but contains no rules on automated analytical processing of monitoring data, on the legal status of algorithmic outputs or on safeguards for the rights of controlled persons. Taking into account the technical condition of SEMPL equipment and the judicial assessment of its data, a three-level model of admissible artificial intelligence functions is substantiated: auxiliary signal processing, analytical support of the inspector’s decisions (for convicted persons only) and prohibited functions. Amendments to Article 60 of the Penal Enforcement Code and departmental acts are proposed, establishing the decisive participation of an official, mandatory verification of alarm messages, logging of algorithm operation, limited data retention periods and the right of the convicted person to access the grounds of a decision.

Keywords: electronic monitoring system of controlled persons; artificial intelligence; penal enforcement inspection; restriction of liberty; algorithmic risk assessment; personal data; automated decision; Federal Penitentiary Service of Russia.

References

1. On approval of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.)
2. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030): Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10,

2019 (as amended on February 15, 2024). Sobranie zakonodatel'stva RF, 2019, no. 41, art. 5700. (In Russ.)
3. Batoev V. B. On some issues of building a system of electronic monitoring of controlled persons in the prevention of recidivism of crimes by means of control and supervision in the internal affairs bodies. Jurist-Pravoved, 2023, no. 3 (106), pp. 81-89. (In Russ.)
4. Vladimirov S. V., Kubanov V. V. Problems of proving in court sessions the serviceability of electronic monitoring system equipment during the period of violation of the security zone and temporary regime committed by the accused (suspect), convicted. Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta, 2023, no. 4 (55), pp. 24-28. DOI: 10.37523/SUI.2023.55.4.004. (In Russ.)
5. Sheveleva S. V., Khimedenova D. N. The use of face recognition technologies for preventing crimes committed by specific categories of convicts. Russian Journal of Criminology, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 160-169. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).160-169. (In Russ.)
6. Yambaev D. O. Cloud center for data analysis and processing as a structural component of digital transformation and development of artificial intelligence in the penal system of the Russian Federation. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, 2023, no. 10, pp. 62-70. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-257-10-62-70. (In Russ.)
7. Gusev A. S., Kazak I. B., Dranitsyna A. N. Some issues of the use of technical means in criminal enforcement inspections. Agrarnoe i zemel'noe pravo, 2024, no. 12 (240), pp. 352-354. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_352. (In Russ.)
8. Onoprienko O. The Federal Penitentiary Service inefficiently used 8.9 billion rubles allocated for informatization. Advokatskaya gazeta, 2018, September 10. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/fsin-neeffektivno-ispolzovala-vydelennye-na-informatizatsiyu-8-9-mlrd-rub/ (accessed 16.10.2026). (In Russ.)
9. Tsarkova E. G. Legal foundations of algorithmization of management processes using elements of artificial intelligence in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Rossiiskii nauchnyi vestnik, 2026, no. 5, pp. 89-93. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-89-93. (In Russ.)
10. Tsarkova E. G. Legal principles of the use of artificial intelligence for predicting the behavior of convicts in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Rossiiskii nauchnyi vestnik, 2026, no. 3, pp. 313-318. (In Russ.)
11. Tsarkova E. G. Legal aspects of the formation and use of the «digital footprint» of a convict in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Rossiiskii nauchnyi vestnik, 2026, no. 2, pp. 296-300. (In Russ.)
12. Nagornaya M. It is proposed to establish in law the procedure for processing biometrics of suspects, accused and convicted persons. Advokatskaya gazeta, 2026, October 15. Available at: https://www.advgazeta.ru/novosti/poryadok-obrabotki-biometrii-podozrevaemykh-obvinyaemykh-i-osuzhdennykh-predlagaetsya-zakrepit-v-zakone/ (accessed 16.10.2026). (In Russ.)
13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union, 2024, L series, July 12. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed 16.10.2026).

Судебная экспертиза секретов производства: методология исследования сведений

Золотов Геннадий Борисович
аспирант, преподаватель кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, zolotov1753@yandex.ru

В статье исследуются правовые и методологические аспекты судебной экспертизы сведений, потенциально являющихся секретом производства, в контексте установления их соответствия признакам в соответствии с положениями статьи 1465 ГК РФ. Раскрываются общенаучные и частнонаучные методы исследования, а также ключевые принципы формирования заключения эксперта. Особое внимание уделено специфике постановки вопросов при назначении судебной экспертизы по делам о ноу-хау: автор показывает, какие именно признаки секрета производства требуют специальных знаний. Детально разбирается методика информационного поиска, подчеркивается необходимость анализа сведений в их системной совокупности, а не по отдельным элементам, что подкрепляется как доктринальными подходами, так и правоприменительной практикой. В работе предложены авторские определения понятий «сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере», «сведения о способах осуществления профессиональной деятельности», а также «действительная» и «потенциальная коммерческая ценность», толкование которых отсутствует в нормативных и словарных источниках. Сформулирован комплекс технико-экономических и коммерческих показателей, которые позволяют эксперту объективно оценить коммерческую ценность сведений. Практическая значимость статьи заключается в том, что предложенные авторские определения признаков секрета производства, методика экспертизы и критерии, по которым исследуется коммерческая ценность сведений, могут быть использованы экспертами, судами и иными заинтересованными лицами при оценке охраноспособности ноу-хау в судебных спорах.
Ключевые слова: информационный поиск, исследование сведений, коммерческая ценность, методика экспертизы, секрет производства, правовой режим, судебная экспертиза, эксперт.

Исследование проведено в рамках НИР «Разработка кодекса промышленной собственности и нетипичных объектов интеллектуальных прав для государств-партнеров, членов Евразийской патентной организации» (10-ГЗ-2025).

Введение.

За прошедший и неполный текущий год в арбитражных судах Российской Федерации были рассмотрены и продолжают рассматриваться более двух тысяч дел, предмет спора которых охватывает вопросы правового режима секрета производства. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации охватывают признаки секрета производства, которые не всегда толкуются однозначно и не позволяют судам рассматривать спор, основываясь только на знаниях права. В связи с этим видится ценным рассмотрение методологии исследования сведений с целью формирования перечня формулировок вопросов, которые могут быть поставлены судебному экспертизу для производства экспертизы, а также формирования единообразного подхода к методике исследования сведений, которые предположительно могут являться секретом производства.

Материалы и методы.

С целью подготовки научной статьи использовались нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научные источники, словарные и справочные источники: толковые словари и справочные издания. При исследовании применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, интерпретация) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Результаты.

При экспертном исследовании, как правило, применяют общенаучные методы (наблюдение, анализ, синтез, абстрагирование, интерпретация, описание, сравнение), также проводится преобразование сведений, информационный поиск, формирование выводов по результатам исследования, подготовка заключения. Дополнительно могут применяться частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Важно отметить, что методика любого заключения судебного эксперта строится на таких принципах, как законность, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Эксперт же должен быть независим, объективен, его исследование должно строиться на всесторонности и полноты исследований, которые проводятся с использованием современных достижений науки и техники, что возможно только при проведении исследований на строго научной и практической основе [1, с. 15]. Немаловажным принципом является и то, что заключение, подготавливаемое по итогам судебной экспертизы, должно обладать свойством проверяемости [2, с. 29], что по своей сути дает возможность воссоздать такой же результат, к которым пришел эксперт, по описанной к заключении методике.

Также отметим, что не любой вопрос может быть поставлен на разрешение эксперта. Проиллюстрируем данную мысль на примере секретов производства, особенности правового режима которых закреплены в статье 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, с. 63-64]. Так, суд может определить производство экспертизы по следующим вопросам:

1) Являются ли сведения, которые считаются секретом производства, конфиденциальными и неизвестными общественности?

2) Являются ли сведения, которые считаются секретом производства, – сведениями о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющими действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам?

Формулировки данных вопросов затрагивают отдельные признаки правового режима, а их оценка действительно требует специальных знаний в науке, которыми суд может не обладать.

Экспертиза сведений с точки зрений их соответствия или несоответствия отдельным признакам, установленным в законе, требует проведения комплекса процедур по изучению и анализу доказательной информации, содержащейся в материалах дела, в том числе и

самого объекта исследования – сведений, потенциально являющихся секретом производства.

В ходе ознакомления и обработки исследуемых сведений эксперты могут формировать (составлять) поисковые запросы. Логично ограничиться языком поисковых запросов, ориентируясь на язык, на котором представлены сведения. Подготовленные поисковые запросы отражают содержание информации, которая считается секретом производства и позволяют провести информационный поиск в различных системах, например, ЯНДЕКС. Информационный поиск позволяет исследовать наличие или отсутствие сведений, которые считаются секретом производства, в открытых источниках информации, в том числе в сети Интернет, в свободном доступе.

Однако важно учесть, что поисковые запросы необходимо составлять с учетом правовой природы режима секрета производства, которая заключается в том, что сведения необходимо рассматривать как единое целое [4, с. 33]. Именно целостность сведений образует коммерческую ценность как для самого правообладателя сведений, так и для пользователей, получивших доступ к этим сведениям. Кроме того, данная позиция нашла свое подкрепление в правоприменительной практике. Так, Арбитражный суд Республики Татарстан по делу № А65-3610/2023 указал, что «Предположительно невысокая ценность или общедоступность отдельных элементов состава секрета производства (ноу-хау), на которые ссылаются истцы, сами по себе не свидетельствуют о неохраноспособности секрета производства (ноу-хау) в целом, поскольку предполагается использование лицензиатом всех элементов непосредственно в совокупности», как и в деле № А65-29411/2024, где суд пришел к выводу, что «Само по себе наличие отдельных сведений в свободном доступе не может являться признаком того, что переданные ответчиком сведения не являлись секретом производства, поскольку ноу-хау может включать в себя, среди прочего, результат систематизации и адаптации сведений, полученных из иных источников, в том числе из сети Интернет с учетом специфики секрета производства». К аналогичной позиции пришел Арбитражный суд Удмуртской Республики по делу А71-18549/2024: «массив информации, переданный истцу, носит комплексный характер, представляет собой компиляцию сведений различного характера, которые позиционируются как ноу-хау именно в системе, а не по отдельности».

Для оценки позиции судов рассмотрим следующий пример. Правообладатель приобрел исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, в котором сведения являются технологическими и конструкторскими секретами изготовления продукции в какой-либо отрасли промышленного производства, представленные в форме технической документации и описания. Отсутствие части документов (описания) или сокрытие фрагмента этих документов приводит пользователя к невозможности извлечения из них коммерческой ценности. Аналогично и со сведениями, которые охраняются в качестве секрета производства: необходимо исследование сведений в их совокупности для подготовки ответов на вопросы, поставленные судом.

По результатам проведения информационного поиска эксперты могут прийти к следующим выводам: в открытых источниках информации, а именно в сети Интернет, присутствуют или отсутствуют сведения, представленные на исследование как в совокупности, так и по отдельности; по каждому поисковому запросу в сети Интернет присутствует большое количество информации и сведений, которые воспроизводят или не воспроизводят исследуемые сведения и являются или не являются аналогичными по содержательной части, а также по форме их выражения.

С целью исследования того, являются ли представленные на исследование сведения – сведениями о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющими действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, требуется разобрать в таких понятиях, как «сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере», «сведения о способах осуществления профессиональной деятельности», а также понятия «действительная коммерческая ценность» и «потенциальная коммерческая ценность».

Обсуждение. Необходимо отметить, что в словарях или иных источниках нет определений указанных выше понятий. Анализ научной литературы [5 с. 657-664, 6 с. 102-108, 7 с. 68-79, 8 с. 62-77] и словарей позволил выработать следующее понимание.

Сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере – это сведения, имеющие научно-технический или методологический характер и полученные в результате научно-исследовательской, опытно-конструкторской или экспериментальной работы. Главное свойство таких сведения – прикладное значение, практическое применение для решения конкретных научно-технических задач. Как правило, данные сведения связаны с результатами интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере – с изобретениями и полезными моделями по смыслу п. 1 ст. 1349 ГК РФ [9, с. 660] или с техническими решениями, которые по каким-либо причинам не соответствуют всем установленным условиям патентоспособности, закрепленным в ст. 1350 и 1351 ГК РФ.

То есть сведения должны представлять собой результат научно-исследовательской, опытно-конструкторской или экспериментальной работы, который возник (появился) в результате целенаправленной деятельности; сведения содержат конкретные технические решения, формулы, алгоритмы, последовательности действий, данные, модели или прототипы; эффективность или результативность научно-технической деятельности повышается именно благодаря наличию этих сведений, то есть между наличием этих сведений и коммерческой ценностью наблюдается прямая взаимосвязь; информация используется для научно-технических задач конкретного лица или организации, основная функция которых, как правило, связана именно с производственной сферой; ценность сведений может быть подтверждена теоретически, однако сами сведения содержат конкретные методы и решения для реализации инновационных проектов, улучшения продуктов или процессов.

В свою очередь, сведения о способах осуществления профессиональной деятельности – такие сведения, которые имеют профессиональный характер и получены в результате решения управленческих, коммерческих, производственных, технических, экономических, организационных, финансовых и иных задач. Наиболее распространенный формат отражения таких сведений – руководства, модели, методы, алгоритмы, последовательности действий, правила или комбинации решений, которые применяются в рамках конкретной профессиональной сферы для достижения определённых результатов. Главное свойство таких сведений – практическая полезность, обеспечивающая эффективное осуществление хозяйственной деятельности.

То есть сведения должны представлять собой конкретную информацию о методах, способах и решениях, применяемых в профессиональной деятельности; сведения являются инструментом для решения профильных задач, обеспечивая их эффективное выполнение посредством осуществления конкретных профессиональных функций; эффективность или результативность хозяйственной деятельности повышается именно благодаря наличию этих сведений, то есть между наличием этих сведений и коммерческой ценностью наблюдается прямая взаимосвязь; сведения используются для профессиональных целей конкретного лица или организации, основная функция которых, как правило, связана именно с хозяйственной или предпринимательской деятельностью; ценность сведений может быть подтверждена теоретически, однако сами сведения содержат конкретные методы и решения по осуществлению деятельности.

Далее дадим определения понятиям «действительная коммерческая ценность» и «потенциальная коммерческая ценность» [10, с. 89]. Учитывая, что ни словарные, ни энциклопедические издания не содержат определения исследуемых понятий, проанализируем каждую входящую в понятия дефиницию по отдельности: действительный – существующий на самом деле, настоящий, подлинный [11, с. 160]; потенциальный – существующий в потенции, возможный; мощный в каком-либо отношении [11, с. 569]; коммерческий – торговый [11, с. 288]; ценность – 1. имеющий большую цену; 2. важность, значение [11, с. 871].

Таким образом, под действительной коммерческой ценностью понимается существующая ценность информации (сведений), которая подтверждена выполнением технико-экономических и коммерческих показателей хозяйственной деятельности (например, способность приносить доход, снижать издержки); под потенциальной коммерческой ценностью понимается возможная ценность информации (сведений), которая теоретически подтверждена выполнением в будущем технико-экономических и коммерческих показателей хозяйственной деятельности.

Комплексный анализ понятий «сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность [вследствие неизвестности их третьим лицам]» позволяет прийти к выводу о необходимости оценки сведений с точки зрения их полезности. Обратим внимание, что данный признак не закреплен в законодательстве о правовом режиме но-хау, однако под полезностью сведений следует понимать способность выполнения технико-экономических и коммерческих показателей, что в конечном счете и образует коммерческую ценность сведений.

Выполнение сведениями технико-экономических и коммерческих показателей осуществляется за счет:

1) готовности сведений к практическому применению: содержание сведений позволяет непосредственно использовать их в производстве или профессиональной деятельности без необходимости дополнительных исследований или доработок;

2) наличия технического решения, отличного от стандартного (отраслевого) подхода, или иного решения (управленческого, коммерческого, организационного, иного): содержание сведений отражает решение, которое выходит за рамки общеизвестных и общеприменяемых в данной отрасли способом и методов;

3) способности обеспечивать качественные характеристики продукта или процесса: содержание сведений позволяет приводит к появлению у решения или процесса свойств, которые отсутствуют при использовании стандартных решений или процессов, в том числе за счет сокращения процессов или операций, составляющих данный процесс;

4) способности сокращать временные ресурсы, связанные с производством технических решений и/или осуществлением профессиональной деятельности: содержание сведений позволяет уменьшать время производства, сокращать количество процессов и/или операций, выполнять процессы и/или операции последовательно;

5) системности и воспроизводимости: содержание сведений образует целостную, внутренне связанную совокупность, в которой отдельные элементы логически увязаны между собой и могут быть воспроизведены другим лицом при их получении; соответственно, разрозненные элементы сведений, не образующие системы, не обладают этим показателем;

6) отделимости от общеизвестной информации: содержание сведений включает элемент или сочетание элементов, которые не обнаруживаются в открытых источниках;

7) обеспечения конкурентного преимущества на рынке: из содержания сведений следует, что их применение создает у правообладателя конкурентное преимущество, которое недоступно конкурентам, не владеющим этой информацией;

8. способности сохранять или укреплять положение на рынке: содержание сведений отражает решения или способы осуществления профессиональной деятельности, которые позволяют удерживать рыночные позиции хозяйствующего субъекта (правообладателя, пользователя), получившего доступ к данным сведениями;

9. передаваемости (коммерческой оборотоспособности): сведения представлены в форме, пригодной для передачи другому лицу по лицензионному договору, договору коммерческой концессии или иному договору;

10. принадлежности как к результатам интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, так и к способам осуществления профессиональной деятельности: содержание сведений относится не только к техническим решениям, но и к методам ведения профессиональной деятельности. Важно учитывать, что действующее законодательство не предъявляет требований об одновременном соответствии сведений к результатам интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и сведениям о способах осуществления профессиональной деятельности.

При этом отсутствие в совокупности сведений как сведений о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, так и сведений о способах осуществления профессиональной деятельности не влияет на окончательный вывод об отнесении сведений к правовому режиму секрета производства.

Анализ содержания сведений по выше обозначенным показателям позволяет объективно и достоверно установить принадлежность сведений к сведениям о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и (или) о способах осуществления профессиональной деятельности, а также наличие или отсутствие у сведений признака действительной или потенциальной коммерческой ценности.

Заключение.

Подводя итог исследования можно сказать, что судебная экспертиза секретов производства требует комплексного подхода и применения различных методов исследования. Кроме того, важное значение имеют принципы экспертизы, определяющие границы исследования и возможности эксперта по исследованию объекта. Анализ научной литературы и судебной практики подтверждает, что режим ноу-хау определяется именно совокупностью сведений, а не отдельными элементами, входящими в них. Авторские определения понятий «сведения о результатах интеллектуальной деятельности», «сведения о способах осуществления профессиональной деятельности», а также «действительная» и «потенциальная коммерческая ценность» позволяют системно оценивать признаки секрета производства. А предложенный перечень технико-экономических и коммерческих показателей коммерческой ценности обеспечивает объективную оценку принадлежности сведений к режиму ноу-хау. Таким образом, предложенная методология судебной экспертизы секретов производства повышает обоснованность выводов эксперта.

Литература

1. Воронин С.А. Теоретические, процессуальные и организационные вопросы судебной экспертизы. – Москва : National Research, 2020. – 120 с.

2. Гиверц П.В., Грибер А., Кокин А.В. О критериях оценки заключения эксперта и экспертных методик участниками судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 27-37.

3. Смирнова В.Р., Золотов Г.Б. Ноу-хау как ресурс для импортозамещения в Российской Федерации // IP: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 61-68.

4. Белозерова Е.О. Ноу-хау как институт защиты коммерческой информации // Право и политика. – 2022. – № 4. – С. 24-42.

5. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А. Близнеца. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 896 С.

6. Нестерова Н.В. Ноу-хау в свете недавних изменений гражданского законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10(71). – С. 102-110.

7. Ливитский С.В. Особенности ноу-хау как объекта интеллектуальной собственности и подходы к его коммерциализации // IP: теория и практика. 2023. № 3. С. 67–81.

8. Волынец-Руссет Э.Я. Особенности лицензионных договоров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 12. – С. 62-77.

9. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А. Близнеца. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 896 С.

10. Золотов Г.Б. Музейный секрет производства: проблемы правовой охраны и распоряжения исключительным правом // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 4. – С. 87-92.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1991. – 917 с.

Forensic examination of trade secrets: methodology for analyzing information

Zolotov G.B.
Russian State Academy of Intellectual Property

The article examines the legal and methodological aspects of the forensic examination of information that may potentially constitute a trade secret, in the context of establishing whether it meets the criteria set out in Article 1465 of the Civil Code of the Russian Federation. It reveals the general scientific and specific scientific research methods, as well as the key principles for formulating an expert's conclusion. Special attention is paid to the specifics of formulating questions when ordering a forensic examination in cases involving know-how: the author shows which specific features of a trade secret require special knowledge. The methodology of information retrieval is examined in detail, and the necessity of analyzing information as a systemic whole, rather than by individual elements, is emphasized; this is supported by both doctrinal approaches and law enforcement practice. The paper proposes author's definitions of the concepts of "information about the results of intellectual activity in the scientific and technical sphere" "information about methods of carrying out professional activities" as well as "actual" and "potential commercial value" the interpretation of which is absent in regulatory and dictionary sources. A set of technical, economic, and commercial indicators is

formulated, which allow an expert to objectively assess the commercial value of information. The practical significance of the article lies in the fact that the definitions of the features of a trade secret proposed by the authors, the examination methodology, and the criteria used to assess the commercial value of the information can be used by experts, courts, and other interested parties when evaluating the protectability of know-how in legal disputes.
Keywords: information search, data analysis, commercial value, examination methodology, trade secret, legal regime, forensic examination, expert.

References

1. Voronin S. N.A. N. Theoretical, procedural and organizational issues of forensic examination, Moscow : National Research, 2020, 120 p.
2. P. Giverts.V. n. a. Griber. A. Kokin.V. n. On the criteria for evaluating expert opinions and expert methods by participants in legal proceedings // Theory and practice of forensic examination. – 2022. - T. N. 17, No. 1. -pp. 27-37.
3. V. Smirnova.R. G. Zolotov.b. n. Know-how as a resource for import substitution in the Russian Federation // ip: theory and practice. - 2024. – No. 3. -pp. 61-68.
4. E. Belozerova.O. Know-how as an institution for the protection of commercial information // Law and Policy. – 2022. – No. 4. -pp. 24-42.
5. Intellectual property law: textbook / ed. by N. Prize winner named after A. N. Gemini. - 2nd ed. M., reprint. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2016, 896 p.
6. Nesterova N.V. N. Know-how in the light of recent changes in the civil legislation of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. – 2016. – № 10(71). - Pp. 102-110.
7. S. Livitsky, V. N. Features of know-how as an object of intellectual property and approaches to its commercialization // ip: theory and practice. 2023. № 3. According to S. N. 67-81.
8. E. Volynets-Russet.Ya. Features of license agreements / / Russian Foreign Economic Bulletin. – 2014. – No. 12. -pp. 62-77.
9. Intellectual property law: textbook / ed. by N. Prize winner named after A. N. Gemini. - 2nd ed. M., reprint. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2016, 896 p.
10. G. Zolotov, B. N. Museum secret of production: problems of legal protection and disposal of exclusive right // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). – 2025. – No. 4. -pp. 87-92.
11. S. Ozhegov.Winner of the award named after Dictionary of the Russian language: 70,000 words/ edited by N. N. Yu. n. Shvedova. - 23rd ed., ispr. - M.: Rus.leto., 1991. - 917 p.

Растение содержащее наркотическое средство – ипомея трехцветная (растение вида Ipomoea Tricolor): материалы для криминалистической идентификации

Мунгалов Евгений Александрович
кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики БЮИ МВД России, mung@mail.ru

Вознюк Екатерина Петровна
преподаватель кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, ekaterina007689230789@gmail.com

Карелина Юлия Владимировна
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, karelina.sib@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с включением ипомеи трехцветной (Ipomoea tricolor) в перечень наркосодержащих растений и возникшими в связи с этим проблемами экспертной идентификации. Авторы приводят краткую ботаническую характеристику вида, сведения о его номенклатурном статусе, описание растения и семян, а также данные о содержании эргина и его связи с симбиотическими грибами рода Periglandula. Для дифференциации исследуемых образцов дается сравнительное описание ипомеи трехцветной и ипомеи пурпурной (Ipomoea purpurea). Отдельное внимание уделено производству судебной ботанической экспертизы: перечислены признаки рода Ipomoea и видовые анатомо-морфологические признаки, позволяющие отнести растения или их части к Ipomoea tricolor. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в русскоязычной научной литературе и потребностями судебно-экспертной практики.
Ключевые слова: Ипомея трехцветная, Ipomoea tricolor, наркотик, растения содержащие наркотическое средства, судебная экспертиза.

Российская Федерация, обеспечивая собственную национальную безопасность, постоянно борется с угрозами наркотизации населения России. Одной из реализуемых форм противодействия является формирование и последующее расширение списка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (далее по тексту – «наркосодержащие растения»), подлежащие контролю со стороны государства. В начале 2024 г. произошло изменение в российском законодательстве, которое привело к включению в список наркосодержащих растений ипомеи трехцветной (растение вида Ipomoea tricolor) [2], растения, которое до этого момента широко использовалось как декоративное многими садоводами. Это привело к тому, что организации, осуществляющие продажу семян садовых растений, были вынуждены в массовом порядке уничтожать семена растений, относящихся к роду Ипомея. Помимо семян запрещенной ипомеи трехцветной, уничтожались семена ипомеи пурпурной, ипомеи квамоклит и других декоративных видов. Складывающаяся ситуация застала врасплох также и судебных экспертов, занимающихся производством судебных ботанических экспертиз, так как в их распоряжении отсутствовала какая-либо внятная методика отнесения исследуемых образцов растений конкретно к ипомее трехцветной. Задачи настоящей статьи – дать краткую характеристику растению ипомея трехцветная: данные о его номенклатурном статусе, ботаническое описание растения и его семян; рассмотреть проблемы их экспертной идентификации. Необходимость настоящего исследования обусловлена малым количеством данных по этому вопросу в русскоязычной научной литературе.

Род растений Ипомея – Ipomoea L. принадлежит к семейству Колокольчиковые (Convolvulaceae A. L. Jussieu). Название рода Ipomoea происходит от греческих слов ips – «червь», и homoios – «похожий», то есть «похожий на червя», таким образом, название отображает жизненную форму этого вьющегося растения. В роде Ипомея насчитывается около 800 видов, которые произрастают во всех тропических и субтропических регионах мира от 0 до 4000 метров выше уровня моря и от тропических лесов до полупустынных прибрежных сред. Представители этого рода также встречаются в более умеренных регионах вплоть до Канады и России на севере. Наиболее известным представителем рода Ипомея является батат (Ipomoea batatas (L.) Lam.). Батат является одной из наиболее широко потребляемых культур в мире и основным продуктом питания во многих странах. Многие виды ипомей являются декоративными культурами, такие как ипомея пурпурная, ипомея нил, ипомея квамоклит. Эти виды активно применяются для озеленения городской среды, садов и парков, в том числе и в России.

Рассматриваемая в статье ипомея трехцветная является наркосодержащим растением и содержит в оболочке своих семян эргин – амид лизергиновой кислоты (LSA), алкалоид семейства эрголинов, структурно схожего с ЛСД. Эргин относится к контролируемым веществам на территории США, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Италии. Эргин также следует относить к контролируемым веществам на территории Российской Федерации, так как эргин является производным лизергиновой кислоты. Позиция «лизергиновая кислота и ее производные» включена в список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список I), утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 [1]. Стоит отметить, что включенные в список наркосодержащих растений такие виды, как роза гавайская и турбина щитковидная, в современной ботанической литературе рядом авторов относятся к роду Ипомея и имеют альтернативное название – ипомея жилистая и ипомея щитковидная соответственно. Для этих видов также характерно присутствие эргина в их семенах.

При изучении источника синтеза эргина, обнаруживаемого в семенах ипомеи, сравнительно недавно учеными установлен ряд фактов. Показано, что часть видов ипомей вступает в симбиоз с грибами рода Periglandula, которые продуцируют эрголиновые алкалоиды, в

том числе и эргин. Споры этого гриба-симбионта передаются семенами от одного растения к другому между последующими поколениями [7]. Грибы рода Periglandula имеют микроскопическое строение, произрастая на адаксиальной поверхности листьев растения симбионта, их гифы оплетают железистые трихомы (волоски) листьев фактически соединяясь с сосудистой системой растения. В процессе роста растения продуцируемый мицелием гриба эргин транспортируется через трихомы в ткани листа растения, затем в формирующиеся семена, где и накапливается. То есть само растение эргин не вырабатывает, а накапливает, получая его от гриба-симбионта. Также экспериментально подтверждено, что обработка растений фунгицидами, специфичными к грибам рода Periglandula, приводит к тому, что алкалоиды спорыньи в этих растениях не обнаруживаются, как и в новых растениях, выращенных из их семян [5].

Ипомея трехцветная Ipomoea tricolor была описана Антонио Хосе Кавanильесом (Antonio José de Cavanilles) в XVIII в. при изучении растений, выращенных в Мадриде из семян, которые были собраны в Мексике во времена колониальных экспедиций. Изначальный ареал распространения этого вида растения был представлен тропической Центральной Америкой, причем часто оно встречалось именно как сорное растение. В настоящее время этот вид широко распространился и натурализовался во всем мире и используется как декоративное садовое растение, которое имеет множество сортов. До недавнего времени это растение было популярно в России и выращивалось садоводами в открытом грунте, в продаже имелось в наличии несколько сортов этого растения. Однако следует отметить что в условиях умеренного климата России ипомея трехцветная не самовосполняется семенами, так как ее семена теряют всхожесть при температуре ниже 5° Цельсия. Из всех видов ипомей, легально культивируемых в России, определенную схожесть с рассматриваемым растением имеет ипомея пурпурная. Анализ актуальной отечественной научной литературы по рассматриваемой тематике показал, что в ней отсутствует полноценное ботаническое описание как ипомеи трехцветной, так и ипомеи пурпурной. В статье предлагается полноценное описание этих двух видов, которое является переводным из иностранных источников, написанных современными авторами, занимающимися проблемами систематики рода Ипомея [4, 6, 8].

Ipomoea tricolor Cav. – ипомея трехцветная. Вьющееся однолетнее травянистое растение, голое во всех частях. Стебли крепкие и часто толстые (4–5 мм шириной), в поперечном сечении округлые, достигающие длины до 5 метров. Листорасположение очередное, листья черешковые с простой листовой пластинкой. Листовая пластинка 3–12 × 2–10 см, в очертании яйцевидная, вершинка заостренная, основание сердцевидное; черешок листа 1,5–11 см. Цветки собраны в пазушных малоцветковых соцветиях по типу простого или двойного дихазия. Первичные цветоносы 3–20 см; вторичные цветоносы 0,5–2,5 см; цветоножки 1,5–3 см, широко распростертые. Чашечка зеленая, не срастающаяся, чашелистики равные, 6–8×3 мм длиной, продолговато-ланцетные, голые, темно-зеленые с пленчатым полупрозрачным краем. Венчик длиной 5–7,5 см, воронковидный, голый, трубка снаружи белая, внутри желтоватая, отгиб с пятью округлыми лопастями, голубой, диаметром 4 см, тычинки и рыльца белые, не выпуклые. Важно отметить, что при высыхании венчик окрашивается в фиолетовый цвет, теряя свою первоначальную окраску. Коробочки 6×10 мм, яйцевидные, голые, светло-коричневые; семена от светло-желтых до черноватых, длиной 4,8–7,2 мм, шириной 3–4,8 мм, на поперечном срезе от округлых с выгнутой спинкой едва килеватых до клиновидных, поверхность семени от мелкоячеистой до гладкой, голая, редко имеет опушение вокруг рубчика.

Ipomoea purpurea (L.) Roth – ипомея пурпурная. Вьющееся однолетнее травянистое растение. Стебли тонкие, опушенные, в поперечном сечении округлые, достигающие длины до 2–3 метров. Листорасположение очередное, листья черешковые с простой листовой пластинкой. Листовая пластинка 3–8(–15)×3,5–8(–14) см, яйцевидная (редко от трехлопастных до полурасчлененных), верхушка коротко заостренная, в основании сердцевидные с округлыми ушками, обе поверхности листовой пластинки тонко или густо волосистые; черешки 3–15 см, волосистые. Цветки одиночные или в простых дихазиях, пазушные; цветоносы длиннее черешков. Чашечка зеленая, из пяти почти равных чашелистиков, 8–16 мм длиной, зеленовато-желтая, продолговато-ланцетная, внешние чашелистики немного шире внутренних, острые на верхушке, снаружи в базальной части волосистые. Венчик воронковидный, трубка белая, отгиб обычно розовый, иногда кремовый или голубоватый, голый, 4 см в диаметре, тычинки и рыльца розовые, не выступающие. Коробочки почти шаровидные, 9–11 мм, голые; семена от темно-коричневых до черноватых, длиной 3,5–4,5 мм, шириной 2,5–3 мм, на поперечном срезе клиновидные, поверхность семени мелкоячеистая, голая.

Криминалистическая идентификация образцов растений с целью отнесения к конкретному виду – Ипомея трехцветная (растение вида Ipomoea tricolor) производится судебным экспертом при производстве судебной ботанической экспертизы. На исследование инициатором предоставляются растения (части растений), перед экспертом ставится вопрос либо общего содержания: «К какому семейству, роду, виду принадлежат представленные на исследование растения (части растений)?», либо конкретного: «Являются ли представленные растения (части растений) растением (частями растения) вида Ипомея трехцветная (растение вида Ipomoea tricolor)?».

При производстве судебной ботанической экспертизы исследование анатомо-морфологического строения растений и их частей проводится в соответствии с методикой исследования объектов растительного происхождения [3], в ходе которого выявляется комплекс перечисленных выше признаков строения. В первую очередь, необходимо отнести представленные образцы к конкретному роду (таксономической единице) растений. Приведем признаки, характерные для растений рода Ипомея, применительно к рассматриваемому растению. Стебли растений вьющиеся, в поперечном сечении округлые, жизненная форма – лиана. Листорасположение очередное, листья черешковые с простой листовой пластинкой. Соцветия пазушные – дихазии (полузонтики), цветки правильные воронковидной формы, цветочная формула K(5) C(5) A(5) G(3). Плод коробочка шаровидная или яйцевидная, 4- или 6-створчатая. Семена 4(–6) или меньше, голые или опушенные. Далее для отнесения изучаемых растений к конкретному виду необходимо установить наличие характерных анатомо-морфологических признаков, приведенных в настоящей статье для вида Ипомея трехцветная. Особое внимание обращается на отсутствие опушения на всех частях растения, цвет венчика цветка – трубка снаружи белая, внутри желтоватая, отгиб с пятью округлыми лопастями, голубой. Еще раз отметим, что при высыхании и увядании цвет венчика может значительно изменяться.

При совпадении всех выявленных признаков анатомо-морфологического строения исследуемых растений с видовыми признаками ипомеи трехцветной эксперт формулирует вывод: «Представленные на исследование растения (части растений) относятся к растению (частям растения) вида Ипомея трехцветная (растение вида Ipomoea tricolor)».

Приведенное в статье описание растения Ипомея трехцветная достаточно для определения вида растений в рамках проведения судебной ботанической экспертизы, при условии, что будут представлены целые растения. В случае предоставления на исследование сильно измельченных частей растения гавайская роза, решение вопроса об их отнесении к конкретному виду становится неразрешимой задачей. Поэтому на настоящий момент актуальной проблемой становиться необходимость разработки экспертной методики для решения этого вопроса

Литература

1. Моргункова Ю.М. Ботаническая экспертиза. Исследование объектов растительного (ботанического) происхождения // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. А.Ю. Семёнова; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. В 2 ч. М.: ЭКЦ МВД России, 2012. Ч. 2. С. 156–176.

2. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 07.02.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота расте-

ний, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 934 (ред. от 07.02.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Acevedo-Rodriguez P. Vines and climbing plants of Puerto Rico and the Virgin Islands // Smithsonian Contributions to Botany. 2005. Vol. 51. 483 p.

5. Kucht S., Groß J., Hussein Y., Grothe T., Keller U., Basar S., König W.A., Steiner U., Leistner E. Elimination of ergoline alkaloids following treatment of Ipomoea asarifolia (Convolvulaceae) with fungicides // Planta 2004. Vol. 219. P. 619–625.

6. Lionakis Meyer D.J.; Price R.A. Important Seed Characters for Certain Species in the Morning-glory Family (Convolvulaceae). 2020. URL: https://analyzeseeds.com/wp-content/uploads/2020/11/Convolvulaceae-2020-complete.pdf (дата обращения: 05.09.2026).

7. Steiner U., Leistner E.W. Ergot Alkaloids and their hallucinogenic potential in Morning Glories // Planta Medica. 2018. Vol. 84(11). P. 751–758.

8. Wood J.R.I., Munoz-Rodriguez P., Williams B.R.M., Scotland R.W. A foundation monograph of Ipomoea (Convolvulaceae) in the New World // PhytoKeys. 2020. Vol. 14. Mar 16. 823 p.

Plant, containing narcotic drugs – mexican morning glory (plant of the species Ipomoea Tricolor): materials for forensic identification

Yurina Yu.I., Vasilyeva O.A., Boyarkina M.I.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the formation of the forensic characteristics of negligent crimes as an element of a private forensic investigation methodology. It examines debatable issues concerning the concept and structure of such characteristics in relation to crimes committed through negligence and substantiates the need to take into account the specifics of the negligent form of guilt — arrogance and negligence — when constructing its typical model. The structural elements of the characteristics are considered separately: the personality of the offender, the environment, the method and the mechanism of trace formation, as well as correlations between them. It is shown that negligent crimes differ from intentional ones in a different mechanism of criminal behaviour, the nature of trace formation and the typical personal traits of the offender; therefore, transferring methods designed for intentional acts does not produce the required result. The forensic characteristics of negligent crimes serve as the basis of a private methodology and make it possible to move from a descriptive model to a predictive one suitable for advancing investigative versions and planning investigative actions.

Keywords: Mexican morning glory, Ipomoea tricolor, narcotic, narcotic plants, forensic examination.

References

1. Morgunkova Yu.M. Botanical Expertise. Examination of Objects of Plant (Botanical) Origin // Standard Expert Methods for the Examination of Physical Evidence / ed. by A.Yu. Semenov; general ed. V.V. Martynov, Candidate of Technical Sciences. In 2 parts. Moscow: EKC MVD Rossii, 2012. Part 2. Pp. 156–176.
2. On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors Subject to Control in the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation No. 681 of June 30, 1998 (as amended on 07.02.2024). Access from the ConsultantPlus legal reference system.
3. On Approval of the List of Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances or Their Precursors and Subject to Control in the Russian Federation, Large and Especially Large Sizes of Cultivation of Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances or Their Precursors, for the Purposes of Article 231 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as on Amending and Repealing Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the Circulation of Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances or Their Precursors [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation No. 934 of November 27, 2010 (as amended on 07.02.2024). Access from the ConsultantPlus legal reference system.
4. Acevedo-Rodriguez P. Vines and climbing plants of Puerto Rico and the Virgin Islands // Smithsonian Contributions to Botany. 2005. Vol. 51. 483 p.
5. Kucht S., Groß J., Hussein Y., Grothe T., Keller U., Basar S., König W.A., Steiner U., Leistner E. Elimination of ergoline alkaloids following treatment of Ipomoea asarifolia (Convolvulaceae) with fungicides // Planta. 2004. Vol. 219. P. 619–625.
6. Lionakis Meyer D.J.; Price R.A. Important Seed Characters for Certain Species in the Morning-glory Family (Convolvulaceae). 2020. URL: https://analyzeseeds.com/wp-content/uploads/2020/11/Convolvulaceae-2020-complete.pdf (accessed: 05.09.2026).
7. Steiner U., Leistner E.W. Ergot Alkaloids and their hallucinogenic potential in Morning Glories // Planta Medica. 2018. Vol. 84(11). P. 751–758.
8. Wood J.R.I., Munoz-Rodriguez P., Williams B.R.M., Scotland R.W. A foundation monograph of Ipomoea (Convolvulaceae) in the New World // PhytoKeys. 2020. Vol. 14. Mar 16. 823 p.

Криминалистическая характеристика неосторожных преступлений как элемент частной криминалистической методики

Юрина Юлия Ивановна
старший преподаватель кафедры криминалистики БЮИ МВД России, iulia.iurina4@yandex.ru

Васильева Ольга Александровна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Ovasileva39@yandex.ru

Бояркина Маргарита Игоревна
преподаватель кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, jlloolli@rambler.ru

Статья посвящена формированию криминалистической характеристики неосторожных преступлений как элемента частной криминалистической методики. Разбираются дискуссионные вопросы о понятии и структуре такой характеристики применительно к преступлениям, совершённым по неосторожности, и обосновывается необходимость учитывать специфику неосторожной формы вины — легкомыслия и небрежности — при построении её типовой модели. Отдельно рассматриваются структурные элементы характеристики: личность преступника, обстановка, способ и механизм следообразования, а также корреляционные связи между ними. Показано, что неосторожные преступления отличаются от умышленных иным механизмом преступного поведения, характером следообразования и типичными личностными чертами преступника, поэтому перенос методик, созданных для умышленных деяний, не даёт нужного результата. Криминалистическая характеристика неосторожных преступлений выступает основой частной методики и позволяет перейти от описательной модели к прогностической, пригодной для выдвижения следственных версий и планирования следственных действий.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений; неосторожные преступления; частная криминалистическая методика; легкомыслие; небрежность; способ совершения преступления; механизм следообразования; следственная версия.

Число неосторожных преступлений в России растёт, и особенно заметно это там, где человек имеет дело с источниками повышенной опасности: на транспорте, в промышленности, в медицине. Чем сложнее становится техносфера, чем больше появляется таких источников и чем шире круг лиц, допущенных к их эксплуатации, тем выше вероятность общественно опасных последствий по легкомыслию или небрежности. Насыщение производственных объектов источниками повышенной опасности неизбежно ведёт к росту неосторожных преступлений — в том числе потому, что среди работников оказываются люди, которые по своим психофизиологическим возможностям не способны безопасно обращаться с такой техникой [30, с. 1].

О масштабах проблемы говорят данные эмпирических исследований. Анализ 160 уголовных дел об аварийных взрывах показал: в 86,25 % случаев преступление совершило одно лицо, в 13,75 % — несколько; в 93,75 % случаев действовали взрослые в возрасте от 22 до 60 лет, а женщин среди преступников в восемь раз меньше, чем мужчин [30, с. 4]. В медицине статистика уголовных дел в отношении медицинских работников также фиксирует рост случаев неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи, повлекшей причинения вреда здоровью пациента [14, с. 197]. Такие статистические данные доказывают социальную значимость проблемы и необходимость её криминалистического изучения.

Понятие криминалистической характеристики преступлений сложилось в советской криминалистике из потребности систематизировать знания о типичных чертах преступной деятельности. Сначала оно развивалось в общей теории криминалистики как абстрактная модель, обобщающая опыт расследования. Основы учения заложили Р. С. Белкин и А. Н. Колесниченко, которые видели в характеристике совокупность сведений о способе совершения, обстановке и личности преступника, — это позволяло перейти от разрозненных фактов к их научному осмыслению [4; 20]. А. Н. Колесниченко определял её как систему сведений о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида, отражающих закономерные связи между ними и служащих построению и проверке следственных версий [23, с. 227]. Системность вообще относится к основополагающим условиям существования и развития криминалистики [34, с. 13].

На следующем этапе развития понятия криминалистическую характеристику стали рассматривать как систему с внутренними связями. Л. В. Бертовский писал, что в таких характеристиках должны отражаться сведения, значимые для организации работы по выявлению и раскрытию преступлений, а акцент следует делать на той части элементов, которая важнее всего для раскрытия конкретной категории дел; характеристика должна помогать определять обстоятельства, подлежащие установлению, и строить типичные версии [23, с. 228]. Практическая польза криминалистической характеристики преступлений появляется только тогда, когда выявлены корреляционные зависимости между её элементами.

В постсоветский период сложившуюся концепцию стали пересматривать и часть исследователей указала на несостоятельность многих типовых моделей, не отражавших специфику конкретных видов преступлений. При всех разногласиях в криминалистическом сообществе есть и общепризнанное: в характеристиках должны быть отражены данные, значимые для выявления и раскрытия преступлений [23, с. 227]. Р. С. Белкин назвал криминалистическую характеристику «криминалистическим фантомом», а Г. К. Захаров — «кривым зеркалом преступной деятельности» [23, с. 227]. Тем не менее из научного оборота она не ушла и прочно заняла место в криминалистической методике: составляет ядро частных методик и определяет структуру методики как раздела науки, а «фантомом» была не сама идея характеристики, а метод, которым её наполняли [16, с. 55]. Такая критика подтолкнула к поиску более дифференцированных и эмпирически обоснованных подходов.

Развитие учения во многом осложняла неоднородность понятийно-терминологического аппарата криминалистики. Сформированность этого аппарата — один из показателей качественного состояния науки, и стремление к системности, единообразию и однозначности терминов повышает эффективность правоприменения

[27, с. 69]. Различия в определениях криминалистической характеристики связаны в том числе с тем, что исследователи не придают значения соотношению таких категорий, как «данные», «информация», «сведения», «признаки», «черты» [7, с. 176]. Понятийно-категориальный аппарат криминалистики должен отвечать требованиям единства терминологии, устойчивости, точности и системности; отсутствие такого единства вредит и формированию знаний, и практике их применения [6].

Понимание сущности характеристики затрудняет и слабая разработанность вопроса о её соотношении с понятием «информационная модель преступления» [22]. Поэтому в литературе обоснованно различают криминалистическую характеристику преступлений как теоретическую концепцию, раскрывающую научные основы, и характеристику определённого вида преступлений как рабочий инструмент разработки частной методики [10]. Продуктивно и привлечение данных других наук: интеграция криминалистических и криминологических знаний наполняет характеристику криминалистически значимой информацией, не подменяя криминалистического содержания [29, с. 79].

В современном виде криминалистическая характеристика преступлений представляет собой информационную модель, отражающую криминалистическую сущность преступлений определённого вида: сведения об их криминалистически значимых признаках и закономерных связях между ними, построенная на анализе и обобщении практики раскрытия, расследования и судебного рассмотрения дел и значимая для формирования частных методик расследования [8, с. 152]. Некоторые исследователи рассматривают характеристику как систематизированное отражение механизма преступной деятельности и подчёркивают, что познание закономерностей противоправной деятельности — необходимый этап выработки рациональных рекомендаций по расследованию [5, с. 155]. Акцент смещается на изучение закономерных связей между способом, обстановкой и личностью, что открывает путь к прогностическим моделям.

Преемственность с идеями советских криминалистов сохраняется: их методологические установки не утратили актуальности. Успешно разработать методику расследования преступлений можно только на основе их криминалистических характеристик [23, с. 227].

Построить криминалистическую модель неосторожного преступления невозможно без анализа психологического содержания вины. В соответствии со ст. 26 УК РФ преступление считается совершённым по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывало их предотвратить [2]. По небрежности — если лицо не предвидело таких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [2; 14, с. 199].

Механизм следообразования в неосторожных преступлениях определяется характером вины, а он же определяет и выбор способа совершения. При легкомыслии преступник часто предпринимает активные, но недостаточные шаги, чтобы предотвратить вред, и это оставляет характерные следы: попытки устранить неисправность, нарушения техники безопасности в надежде на благополучный исход. Небрежность, напротив, проявляется в бездействии, в пассивном игнорировании требований и даёт иную следовую картину, где на первый план выходят следы отсутствия необходимых действий [30, с. 1].

При расследовании неосторожных преступлений криминалистическое значение имеет поведение преступника до, во время и после события. Следователю приходится устанавливать и факт нарушения правил, и психологическую возможность лица предвидеть последствия, а для этого нужны специальные знания и анализ условий деятельности. Поэтому нормативная дифференциация легкомыслия и небрежности, закреплённая в уголовном законе, должна быть переведена в криминалистически значимые признаки: при легкомыслии особенно информативны следы планирования или попытки контроля, при небрежности — их отсутствие. Субъективная сторона неосторожного преступления не сводится к фиксации формы вины — она становится системообразующим фактором, определяющим всю частную криминалистическую методику.

Личность преступника традиционно относят к элементам криминалистической характеристики с наибольшей информационной ценностью. В структуре характеристики преступлений, совершаемых по неосторожности, этот элемент выделяют практически все исследователи. Так, обобщая подходы к структуре такой характеристики, А. А. Бессонов относит к её обязательным элементам, наряду с обстановкой, способом, типичными следами и предметом посягательства, и личность преступника [8, с. 157]. Данные о преступнике позволяют следователю сузить круг поиска преступника и прогнозировать его поведение при следственных действиях.

Перспективное направление криминалистической систематизации — объединение преступников по профессиональной принадлежности. Водители, работники промышленных предприятий, медицинские работники и строители образуют основные группы с повторяющимися поведенческими шаблонами.

Особое криминалистическое значение имеет деление преступников на специальных и общих. Как отмечает Н. П. Яблоков [33], лиц, совершивших неосторожные преступления, можно отнести к специальным (должностное лицо) и общим субъектам; преступное поведение должностных лиц чаще всего вписано как составная часть в их служебную и производственную деятельность и далеко не всегда выражено вовне как преступное [30, с. 1]. Эмпирика это подтверждает: из изученных материалов об аварийных взрывах 22,5 % произошли по вине должностных лиц, а 77,5 % — по вине недолжностных, чьё поведение, напротив, достаточно выражено вовне [30, с. 2].

Психологическое содержание личности неосторожного преступника заметно отличается от мотивационной сферы преступника умышленного. Отсутствие прямого умысла не значит отсутствия личностных деформаций — как раз привычка игнорировать потенциальную опасность и становится криминогенным фактором. Типологические черты преступников этой категории во многом схожи: внутренняя неорганизованность, недостаток осмотрительности и осторожности, излишняя самоуверенность [30, с. 4].

Применительно к лицам, эксплуатирующим источники повышенной опасности, в научный оборот введено понятие «надёжность персонала» — свойство персонала выполнять свои функции в полном объёме, своевременно и безопасно с заданным качеством. На надёжность влияют уровень образования и обучения, соответствие должности, вредные привычки, психологические качества, в том числе рискогенность, и состояние здоровья [30, с. 3]. Данные о распределении преступников по этим свойствам позволяют выдвигать обоснованные версии о причинах нарушения правил безопасности и о том, насколько лицо осознавало возможные последствия. Среди преступников в аварийных взрывах высшее образование имели лишь 19,6 %, что косвенно говорит о недостаточной профессиональной подготовке части персонала [3; 30, с. 4].

Деление неосторожных преступлений на совершённые по небрежности и по легкомыслию значимо и для типологии преступников. В первом случае лицо не предвидит возможности последствий, хотя при необходимой внимательности могло и должно было их предвидеть; во втором — предвидит абстрактную возможность, но самонадеянно рассчитывает их предотвратить. В следовой картине это различие видно по локализации и характеру материальных следов: при небрежности они хаотичны, при легкомыслии более упорядочены, но несут отпечаток неправильной оценки ситуации. Понимание этой корреляции позволяет следователю по типичным следам реконструировать психологическое отношение преступника к совершенному им преступлению и точнее квалифицировать преступление. Для медицинских работников, например, преступником выступает лицо, обязанное оказывать помощь больному по закону или специальному правилу [3], а характер ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей напрямую связан с формой неосторожной вины [14, с. 199].

Обстановка совершения неосторожного преступления — совокупность материальных и социальных условий, которые обуславливают выбор способа действий. К материальным условиям относятся характеристики производственной среды, дорожной инфраструктуры, бытового окружения, к социальным — нормативные предписания, инструкции по безопасности и сложившиеся практики. Они определяют, какие действия преступник считает допустимыми или необходимыми в конкретной ситуации, и тем самым формируют предпосылки нарушения правил предосторожности. В структуре криминалистической характеристики неосторожных преступлений обстановка (место, время и другие элементы) выделяется как один из базовых элементов наряду со способом и типичными следами [8, с. 157].

Материальные условия обстановки — состояние оборудования, освещённость, погодные условия — прямо влияют на механизм следообразования, определяя локализацию и выраженность материальных следов. Особенно наглядно это в дорожно-транспортных преступлениях: к объективным факторам, влияющим на дорожную

обстановку независимо от воли лица, относятся дорожные условия (состояние покрытия, разметка, знаки, светофоры), особенности дороги (уклон, радиус поворота, объекты, ограничивающие обзор), интенсивность движения, погодные условия, видимость, время суток и техническое состояние транспортного средства [12, с. 191]. Социальные условия, например наличие или отсутствие контроля за соблюдением правил, способствуют формированию идеальных следов — показаний свидетелей, записей в документации. Обстановка здесь выступает активным элементом, формирующим следовую картину преступления.

Механизм неосторожного преступления складывается из последовательных стадий: формирование опасной ситуации, принятие решения, реализация действия и наступление последствий. Сложность расследования «профессиональных» неосторожных преступлений в том, что эти механизмы разворачиваются внутри профессиональной деятельности или во взаимосвязи с ней. Так, по ятрогенным преступлениям криминалистически значимыми оказываются процессы развития самой патологии и параллельно идущего ятрогенного процесса [26, с. 65].

На каждой стадии взаимодействуют разные объекты: на стадии формирования опасной ситуации — источники повышенной опасности, на стадии реализации — орудия и средства, что и порождает специфические материальные следы. Закономерности формирования следов — результат взаимодействия преступника с другими лицами, материальными и иными объектами окружающей среды. На стадии принятия решения возникают преимущественно идеальные следы — мысленные образы, закреплённые в памяти преступника или очевидцев, тогда как на стадии реализации действия образуются материальные следы: повреждения, деформации, следы торможения или термического воздействия. Каждая стадия оставляет свою комбинацию следов, и по ней следователь может реконструировать ход событий.

Анализ обстановки и механизма позволяет выделить типичные источники следовой информации. Это орудия труда и производственное оборудование, транспортные средства, а также документы, фиксирующие нарушение правил безопасности: журналы инструктажа, акты проверок. Каждый источник связан с определённой стадией механизма: транспортное средство несёт следы, образованные в момент реализации опасного манёвра, а документы содержат информацию о предшествующих нарушениях, характеризующих стадию формирования опасной ситуации. Систематизация таких источников по их отношению к обстановке и механизму позволяет следователю целенаправленно собирать доказательства. По делам о причинении вреда здоровью механизм образования материальных следов отражается в трёх системах: следы на теле, одежде и вещах пострадавшего; следы на теле и одежде подозреваемого; следы события, отобразившиеся в обстановке места происшествия [21, с. 24]. Сходная логика применима и к неосторожным преступлениям, где к этим системам добавляются специфические техногенные следы. Обстановка и механизм служат основными ориентирами для определения круга объектов, подлежащих криминалистическому исследованию.

Вопрос о способе совершения преступления применительно к неосторожным преступлениям — один из самых дискуссионных в криминалистике. По сложившимся за десятилетия положениям концепции криминалистической характеристики способ в подавляющем большинстве случаев считается центральным, системообразующим структурным элементом этой научной абстракции. Основоположник учения о способе преступления Г. Г. Зуйков определил его как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности [12, с. 188; 13].

В науке сложились две позиции о правомерности понятия «способ совершения преступления» применительно к неосторожным деяниям. Сторонники первой считают, что способ не должен входить в криминалистическую характеристику неосторожных преступлений. Противоположной точки придерживаются В. А. Образцов, А. А. Бессонов и другие: они определяют способ как объективную характеристику действия, не зависящую от формы вины, и полагают, что и умышленным, и неосторожным преступлениям присущ тот или иной способ совершения [12, с. 188].

Более обоснованной представляется вторая позиция. Способ совершения преступления входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по ст. 73 УПК РФ, независимо от формы вины. Определение способа — часть универсального предмета доказывания, а значит, и аналогичного элемента частных криминалистических методик; значимость точного установления способа требует и наличия этого элемента в структуре криминалистической характеристики [12, с. 189; 1]. В концепции А. А. Бессонова способ также включён в структуру характеристики преступлений, совершаемых по неосторожности [8, с. 157]. Вместе с тем с точки зрения системного подхода спорно деление элементов характеристики на более и менее важные: способ, сохраняя системообразующее значение, не утрачивает его и в характеристике неосторожных преступлений [18].

Специфика способа при неосторожности в том, что, в отличие от полноструктурного способа умышленных преступлений, он включает только действия по совершению, но не по подготовке и сокрытию. Применительно к дорожно-транспортным преступлениям способ — это совокупность действий (бездействия) участников дорожного движения, выразившихся в несоблюдении Правил дорожного движения при эксплуатации транспортных средств и находящихся в единой причинно-следственной связи с аварией, повлёкшей общественно опасные последствия. Типичные способы преступлений этой категории — столкновения (лобовое, боковое, касательное, заднее), опрокидывания, наезды на стоящее транспортное средство, на препятствие, на пешехода или велосипедиста, а также иные дорожно-транспортные происшествия [12, с. 191].

Взаимозависимость обстановки совершения преступления и следовой картины при неосторожных преступлениях носит детерминированный характер: условия места и времени выступают системообразующими факторами. Параметры среды — время суток, освещённость, погода, архитектурные особенности помещения или ландшафта — прямо влияют на механизм следообразования. В тёмное время суток или при плохой видимости водитель может не заметить препятствие, и это даст локализованные механические следы на транспортном средстве, тогда как днём та же ошибка может быть компенсирована манёвром, что изменит локализацию и набор следов. Причинно-следственные отношения между системными элементами события преступления и обеспечивают специфическую картину следообразования преступной деятельности и её последствий [26, с. 65].

Любая частная методика расследования должна опираться на систематизированное знание о криминалистически значимых признаках преступлений: без такой основы она теряет целенаправленность и эффективность. Частная методика расследования понимается в криминалистике как совокупность процессуальных, организационно-тактических и материально-технических рекомендаций органу расследования по производству расследования конкретного вида или группы преступлений, а её цель — повысить эффективность и качество расследования [19; 28].

Структура частной методики традиционно включает ряд элементов: криминалистическую характеристику группы или вида преступления; особенности проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела; особенности выдвижения типичных версий и планирования расследования; типичные следственные ситуации начального этапа; особенности организации взаимодействия следователя с органом дознания и судебно-экспертными организациями; тактико-криминалистические особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий [28]. Научной основой частной методики сегодня служит концепция криминалистической характеристики преступлений, поскольку в ней отражены основные системные закономерности способов преступления и следообразования для каждой группы или вида преступлений [28; 32]. Рассмотрение частных криминалистических методик с позиции диалектического подхода позволяет уточнить соотношение и содержание таких категорий, как криминалистическая характеристика преступлений, механизм преступления и следственные ситуации [9, с. 3].

Частную методику расследования можно представить в виде двух взаимосвязанных частей: теоретической (познавательной), опирающейся на криминалистическую характеристику рассматриваемых видов преступлений и характерную модель их механизмов, и деятельностной (прикладной), которая состоит из типичных версий, ситуаций и программ по их разрешению, а также комплекса тактических приёмов производства следственных действий, особенностей использования специальных знаний и взаимодействия с оперативными подразделениями [15, с. 113].

Криминалистическая характеристика неосторожных преступлений занимает в структуре частной методики определённое место.

Она входит в её теоретическую часть и выполняет роль связующего звена между теоретическими положениями криминалистики и практическими рекомендациями, задавая ориентиры для всех последующих этапов — от проверки сообщения о преступлении до составления обвинительного заключения. Успех расследования неочевидного преступления во многом зависит от того, сумеет ли следователь познать и уголовно-правовую, и криминалистическую сущность содеянного [23, с. 227].

В результате исследования сформирована теоретическая модель криминалистической характеристики неосторожных преступлений, опирающаяся на анализ существующих подходов и на специфику неосторожной формы вины. Криминалистическая характеристика — это информационная модель, отражающая криминалистическую сущность преступлений определённого вида и включающая сведения об их криминалистически значимых признаках и закономерных связях между ними. Легкомыслие и небрежность как формы вины существенно определяют механизм преступного поведения, чем неосторожные преступления и отличаются от умышленных; отсюда и необходимость особого подхода к их криминалистическому изучению.

Систематизированы основные элементы криминалистической характеристики неосторожных преступлений: личность преступника, обстановка и способ совершения преступления. В совокупности они образуют систему, пригодную для дифференцированного расследования. Преступники классифицированы по профессиональным и психологическим признакам, при этом особое значение придаётся делению на специальный и общий субъект и обобщённым свойствам, определяющим «надёжность персонала». Обстановка рассмотрена как активный источник значимой следовой информации, а способ совершения преступления дифференцирован в зависимости от вида неосторожности: при небрежности он носит пассивный, бездейственный характер, при легкомыслии — активный, но направленный на достижение иной цели.

Установлены корреляционные связи между элементами характеристики, прежде всего между обстановкой совершения преступления и характером образующейся следовой картины. Выявлено, что неосторожные преступления, совершённые в сходных условиях, порождают типичные материальные и идеальные следы, что позволяет прогнозировать их локализацию и источники.

Обосновано место криминалистической характеристики в структуре частной методики расследования неосторожных преступлений: она входит в её теоретическую часть и выступает концептуальной основой построения методики, определяя её содержание на каждом этапе. Сформулированы практические рекомендации по планированию следственных действий с учётом специфики неосторожных преступлений: предложено использовать данные о типичных преступниках и обстановке для определения очерёдности допросов и осмотров, а также круга подлежащих установлению обстоятельств.

Предложенная модель создаёт основу для отхода от шаблонных методик, механически применяемых к умышленным преступлениям, и для адаптации расследования к специфике неосторожной вины. В современных условиях, когда число неосторожных преступлений в сфере безопасности движения, промышленности и медицины растёт, значение такой модели возрастает. Перспективу дальнейшего исследования составляет разработка на её основе конкретных частных криминалистических методик для отдельных категорий неосторожных преступлений, а также эмпирическая проверка предложенных корреляционных зависимостей на расширенном массиве материалов судебно-следственной практики.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.

4. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская ; под ред. Р. С. Белкина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2003. — 992 с.

5. Айвазова, О. В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики / О. В. Айвазова // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 153—157.

6. Белицкий, В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки / В. Ю. Белицкий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 1.

7. Берестнев, М. А. Криминалистическая характеристика преступления: терминологические подходы, содержание понятия / М. А. Берестнев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 3—2. — С. 176—185.

8. Бессонов, А. А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных по неосторожности / А. А. Бессонов // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 12 (73). — С. 151—158.

9. Варданян, А. В. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик / А. В. Варданян, Г. А. Варданян // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 3—10.

10. Гаврилов, Е. А. Исследование понятия «криминалистическая характеристика преступления» в криминалистической теории на современном этапе / Е. А. Гаврилов. — Текст: непосредственный.

11. Головин, А. Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Серия «Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности». — Тула, 2001. — Вып. 4.

12. Дудниченко, А. Н. Способы совершения дорожно-транспортных преступлений в структуре криминалистической характеристики преступлений: теоретический аспект / А. Н. Дудниченко, О. В. Усенко // Юристъ-Правоведъ. — 2021. — № 2 (97). — С. 188—193.

13. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Г. Г. Зуйков. — Москва, 1970. — 31 с.

14. Ибрагимова, А. Д. Некоторые элементы криминалистической характеристики причинения вреда здоровью или смерти по неосторожности действиями (бездействиями) медицинских работников / А. Д. Ибрагимова // Юридические науки. — 2018. — № 4. — С. 197—200.

15. Иванов, П. И. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) / П. И. Иванов, С. А. Пироженков // Труды Академии управления МВД России. — 2021. — № 4 (60). — С. 109—119.

16. Ищенко, П. П. Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике? / П. П. Ищенко // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 3. — С. 55—69.

17. Князьков, А. С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма / А. С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2011. — № 1.

18. Князьков, А. С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления / А. С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 3. — С. 62—69.

19. Колдин, В. Я. Криминалистическая методика: особенности или стратегия расследования? / В. Я. Колдин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2014. — № 4. — С. 43—49.

20. Колесниченко, А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. Н. Колесниченко. — Харьков, 1967. — 28 с.

21. Коновалов, В. С. Криминалистическая характеристика причинения вреда здоровью / В. С. Коновалов. — Текст: непосредственный.

22. Малыхина, Н. И. Актуальные проблемы криминалистической характеристики преступления / Н. И. Малыхина. — Текст: непосредственный.

23. Мигунов, О. С. К вопросу о криминалистической характеристике халатности как элементе частной криминалистической

методики / О. С. Мигунов // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 12 (192). — С. 227—229.

24. Паршиков, В. И. Этапы расследования преступлений: некоторые проблемы и пути их разрешения / В. И. Паршиков // Российский следователь. — 2022. — № 10. — С. 8—11.

25. Пристанских, В. Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками / В. Д. Пристанских // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2015. — Вып. 3. — С. 87—99.

26. Пристанских, В. Д. Основы формирования криминалистической теории расследования ятрогенных преступлений / В. Д. Пристанских // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2015. — Вып. 3. — С. 57—67.

27. Светличный, А. А. Генезис и некоторые современные тенденции формирования терминологического аппарата криминалистики / А. А. Светличный // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2023. — № 2. — С. 69—74.

28. Структура частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений / автор не указан // Молодой учёный. — 2023. — № 40 (487).

29. Табаков, А. В. Интеграция криминалистических и криминологических знаний при разработке криминалистической характеристики преступлений / А. В. Табаков // Учёные записки Санкт-Петербургского филиала РТА. — 2014. — № 4. — С. 79—83.

30. Толстухина, Т. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего неосторожные преступления, связанные с аварийными взрывами / Т. В. Толстухина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2011. — № 1. — С. 3—10.

31. Шефер, В. А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. А. Шефер. — Калининград, 2016. — 21 с.

32. Эксархопуло, А. А. Структура частной криминалистической методики как историческая база для реформирования досудебного производства / А. А. Эксархопуло // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4. — С. 354—362.

33. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебник / Н. П. Яблоков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2008. — 400 с.

34. Яблоков, Н. П. Место знаний об истории криминалистики в структуре ее системы и предмета изучения / Н. П. Яблоков // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2018. — № 2. — С. 13—17.

Forensic characteristics of negligent crimes as an element of a private forensic investigation methodology

Yurina Yu.I., Vasilyeva O.A., Boyarkina M.I.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the formation of the forensic characteristics of negligent crimes as an element of a private forensic investigation methodology. It examines debatable issues concerning the concept and structure of such characteristics in relation to crimes committed through negligence and substantiates the need to take into account the specifics of the negligent form of guilt — arrogance and negligence — when constructing its typical model. The structural elements of the characteristics are considered separately: the personality of the offender, the environment, the method and the mechanism of trace formation, as well as correlations between them. It is shown that negligent crimes differ from intentional ones in a different mechanism of criminal behaviour, the nature of trace formation and the typical personal traits of the offender; therefore, transferring methods designed for intentional acts does not produce the required result. The forensic characteristics of negligent crimes serve as the basis of a private methodology and make it possible to move from a descriptive model to a predictive one suitable for advancing investigative versions and planning investigative actions.

Keywords: forensic characteristics of crimes; negligent crimes; private forensic investigation methodology; arrogance; negligence; method of committing a crime; mechanism of trace formation; investigative version.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on March 9, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 52 (Part I). — Art. 4921.

2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on March 25, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.

3. On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011, No. 323-FZ (as amended on June 11, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2011. — No. 48. — Art. 6724.

4. Averyanova, T. V. Criminalistics: A Textbook for Higher Education Institutions / T. V. Averyanova, R. S. Belkin, Yu. G. Korukhov, E. R. Rossinskaya; ed. by R. S. Belkin. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Norma, 2003. — 992 p.

5. Ayvazova, O. V. Criminalistic Characteristics of Crimes as a Systematized Reflection of the Mechanism of Criminal Activity: Results of a Scientific Debate / O. V. Ayvazova // Bulletin of Tomsk State University. — 2014. — No. 389. — pp. 153–157. 6. Belitsky, V. Yu. The Conceptual and Categorical Apparatus of Forensic Science / V. Yu. Belitsky // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — No. 1.

7. Berestnev, M. A. Forensic Characterization of a Crime: Terminological Approaches and the Content of the Concept / M. A. Berestnev // Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences. — 2016. — No. 3–2. — pp. 176–185.

8. Bessonov, A. A. Forensic Characterization of Crimes Committed Through Negligence / A. A. Bessonov // Topical Problems of Russian Law. — 2016. — No. 12 (73). — pp. 151–158.

9. Vardanyan, A. V. The Dialectical Structure of the Object of Forensic Science as a Theoretical and Methodological Prerequisite for the Formation of Specific Forensic Methodologies / A. V. Vardanyan, G. A. Vardanyan // Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences. — 2021. — No. 1. — pp. 3–10.

10. Gavrilov, E. A. An Examination of the Concept of "Forensic Characterization of a Crime" within Contemporary Forensic Theory / E. A. Gavrilov. — Text: direct.

11. Golovin, A. Yu. Forensic Characterization of Crimes as a Category of Modern Forensic Science / A. Yu. Golovin // Proceedings of Tula State University. Series: "Contemporary Problems of Russian Legislation, Legal Sciences, and Law Enforcement Activity." — Tula, 2001. — Issue 4.

12. Dudnichenko, A. N. Methods of Committing Road Traffic Offenses within the Structure of the Forensic Characterization of Crimes: A Theoretical Aspect / A. N. Dudnichenko, O. V. Usenko // Yurist-Pravoved. — 2021. — No. 2 (97). — pp. 188–193.

13. Zuykov, G. G. The Forensic Doctrine of the Method of Committing a Crime: Abstract of a Doctoral Dissertation in Law / G. G. Zuykov. — Moscow, 1970. — 31 p.

14. Ibragimova, A. D. Certain Elements of the Forensic Characterization of Causing Harm to Health or Death through Negligence via the Actions (or Omissions) of Medical Professionals / A. D. Ibragimova // Legal Sciences. — 2018. — No. 4. — pp. 197–200.

15. Ivanov, P. I. On the Issue of Specific Forensic Methodologies for Investigating Crimes (Structure and Content) / P. I. Ivanov, S. A. Pirozhenkov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — No. 4 (60). — pp. 109–119.

16. Ishchenko, P. P. Is a Forensic Characterization of a Crime Necessary in Forensic Methodology? / P. P. Ishchenko // Lex Russica. — 2020. — Vol. 73. — No. 3. — pp. 55–69. 17. Knyazkov, A. S. Forensic Characterization of a Crime in the Context of Its Modus Operandi and Mechanism / A. S. Knyazkov // Bulletin of Tomsk State University. Law. — 2011. — No. 1.

18. Knyazkov, A. S. On the Criteria for the Significance of a Forensic Characterization of a Crime / A. S. Knyazkov // Bulletin of Tomsk State University. — 2007. — No. 3. — pp. 62–69.

19. Koldin, V. Ya. Forensic Methodology: Specific Features or Investigation Strategy? / V. Ya. Koldin // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. — 2014. — No. 4. — pp. 43–49.

20. Kolesnichenko, A. N. Scientific and Legal Foundations for the Investigation of Specific Types of Crimes : Abstract of a Doctoral Dissertation in Law / A. N. Kolesnichenko. — Kharkiv, 1967. — 28 p.

21. Konovalov, V. S. Forensic Characterization of Inflicting Harm to Health / V. S. Konovalov. — Text: direct.

22. Malykhina, N. I. Current Issues in the Forensic Characterization of a Crime / N. I. Malykhina. — Text: direct.

23. Migunov, O. S. On the Issue of the Forensic Characterization of Negligence as an Element of a Specific Forensic Methodology / O. S. Migunov // Law and State: Theory and Practice. — 2020. — No. 12 (192). — pp. 227–229. 24. Parshikov, V. I. Stages of Crime Investigation: Certain Problems and Ways to Resolve Them / V. I. Parshikov // Russian Investigator. — 2022. — No. 10. — pp. 8—11.

25. Pristanskov, V. D. Methodological Problems in Establishing a Causal Link During the Investigation of Negligent Crimes Committed by Medical Professionals / V. D. Pristanskov // Bulletin of S St. Petersburg University. Series 14. Law. — 2015. — Issue 3. — pp. 87–99.

26. Pristanskov, V. D. Foundations for Developing a Forensic Theory of Investigating Iatrogenic Crimes / V. D. Pristanskov // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 14. Law. — 2015. — Issue 3. — pp. 57–67.

27. Svetlichny, A. A. Genesis and Certain Modern Trends in the Formation of the Terminological Apparatus of Criminalistics / A. A. Svetlichny // Vestnik of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2023. — No. 2. — pp. 69–74.

28. Structure of Specific Methodologies for Investigating Particular Types and Groups of Crimes / Author not specified // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. — 2023. — No. 40 (487).

29. Tabakov, A. V. Integration of Forensic and Criminological Knowledge in Developing the Forensic Characterization of Crimes / A. V. Tabakov // Uchenye Zapiski [Scholarly Notes] of the St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. — 2014. — No. 4. — pp. 79–83.